

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2

2023

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2023

Том 29

№ 2

Апрель – Июнь

VESTNIK
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2023

Volume 29

№ 2

April – June

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК),
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ГРУППАМ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ:
5.1. ПРАВО; 5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ; 5.9. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.**

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ) С 2003 ГОДА

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

ГОРЛОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА
Костромской государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственный университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естествознания (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский педа-
гогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

EXECUTIVE SECRETARY

TATYANA VLADIMIROVNA GORLOVA
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV

Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

КАТЕРМИНА ВЕРОНИКА ВИКТОРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КРЮКОВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет (г. Волгоград)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

VERONIKA VIKTOROVNA KATERMINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kuban State University (Krasnodar)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

IRINA VASIL'EVNA KRYUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Volgograd State
Socio-Pedagogical University (Volgograd)

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associat,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

ПОПОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ.,
Почетный работник сферы образования РФ,
действительный член Российской Академии
Естествознания (академик), Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник отдела классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

ЩЕРБАК АНТОНИНА СЕМЁНОВНА
доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой
русского языка, Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина (г. Тамбов)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права, Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

TATIANA GEORGIYEVNA POPOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation,
honorary educationalist of education of the Russian Federation,
Russian Natural Sciences Academy full member (academician)
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
Chief Researcher of the Department of Western Classic
Literature and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

SHCHERBAK ANTONINA SEMYONOVNA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Language,
Derzhavin Tambov State University (Tambov)

EDITORIAL BOARD FOREIGN STAFF

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law, University of Economy for the Bulgarian Nation
and World, Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 7 **Акбиев А.С., Абдусаламов М.Б.**
Адатное судопроизводство кумыков в XVIII – начале XIX в.
- 12 **Булюкин Д.А., Белов А.М.**
Отношение к аграрной реформе П.А. Столыпина депутатов Государственной думы от Костромской и Ярославской губерний
- 18 **Майорова Н.С., Майоров А.Д.**
Дальний Восток в российской внешней политике по «Воспоминаниям» С.Ю. Витте
- 24 **Ферапонт (Кашин Д.В.; митрополит)**
Гражданский статус празднований в честь Феодоровской иконы Божией Матери в XIX–XX веках в Костроме
- 29 **Синегубов С.Н., Галаяутдинов Я.Р., Заворохина Н.С.**
«Медально-знаковая сторона» Русско-японской войны 1904–1905 гг.: традиции и новации
- 36 **Ульянова С.Б., Фишева А.А.**
«Маленькая авиация»: детское техническое творчество в СССР в 1920-е гг.
- 43 **Белгородский В.С., Дембицкий С.Г., Околотин В.С.**
Роль Народного комиссариата текстильной промышленности СССР в размещении ленинградских текстильщиков, реэвакуации оборудования и восстановлении предприятий в 1942 году
- 51 **Ильина А.А.**
Алкуин и его место в подготовке бенедиктинской реформы во Франкском королевстве
- 57 **Лебедев А.В.**
Забытое наследие Павла Катенина: колоритивная усадьба Шаёво
- 62 **Кабатов С.А., Кабатова Е.А., Горохова Е.С.**
Предварительная идентификация серии находок с раскопа на территории посада первого Костромского кремля

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 69 **Рягузова Л.Н.**
Модусы «рассказоведения»: индивидуальная общность историко-литературного нарратива Д.П. Святополк-Мирского и В.В. Набокова
- 75 **Федотова А.А.**
Советская идеология в рецепции И.А. Бродского (на материале поэмы «Речь о пролитом молоке»)
- 79 **Чекалов К.А.**
Ранний французский детектив: пути самоидентификации
- 87 **Чевтаев А.А.**
История сквозь призму адамизма: стихотворение М.А. Зенкевича «Поход Александра в Индию»
- 95 **Болнова Е.В.**
Стихотворение В.А. Соснора «Из окна»: структура и содержание
- 102 **Склизкова Т.А.**
Специфика брачных союзов в романе Дж. Остин «Мэнсфилд-парк»
- 109 **Золинова Е.В.**
Роль описаний природы в раскрытии основной идеи рассказа Ш. Андерсона «Невысказанная ложь»
- 115 **Чэнь Вэнь**
Исследование творчества М. Шолохова в Китае: тенденции, проблемы
- 122 **Ермилова К.Е.**
Противоречие как основа нарративной структуры романа «Правдивое комическое жизнеописание Франсиона» (1623–1633) Ш. Сореля

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 7 **A.S. Akbiev, Magomed-Pasha B. Abdusalamov**
Legal proceedings of the Kumyks in the 18th – early 19th century
- 12 **D.A. Bulyukin, A.M. Belov**
Deputies' attitude to P.A. Stolypin's agrarian reform (in terms of the State Duma from Kostroma and Yaroslavl provinces)
- 18 **N.S. Maiorova, A.D. Maiorov**
The Far East in Russian foreign policy according to "Memoirs" by S.Yu. Witte
- 24 **Ferapont (D.V. Kashin; Metropolitan)**
Civil status of celebrations in honour of the icon of Our Lady of Saint Theodore in the 19th–20th centuries in Kostroma
- 29 **S.N. Sinegubov, Ya.R. Galyautdinov, N.S. Zavorokhina**
Medals and decorations of the Russo-Japanese War of 1904–1905: traditions and innovations
- 36 **S.B. Ulyanova, A.A. Fisheva**
"Small-scale aviation": children's technical working in the USSR in the 1920s
- 43 **V.S. Belgorodsky, S.G. Dembitsky, V.S. Okolotin**
The role of the People's Commissariat of the Textile Industry of the USSR in the placement of Leningrad textile workers, re-evacuation of equipment and restoration of enterprises in 1942
- 51 **A.A. Ilina**
Alcuin and his role in the preparation of the Benedictine reform in the Frankish kingdom
- 57 **A.V. Lebedev**
The forgotten legacy of Pavel Katenin: Shayovo noble estate near Kologriv
- 62 **S.A. Kabatov, E.A. Kabatova, E.S. Gorokhova**
Preliminary identification of a series of finds from the excavation site on the territory of the town of the first Kostroma Kremlin

SCIENCE OF LITERATURE

- 69 **L.N. Ryaguzova**
Modes of «rasskazovedeniya»: the individual community of the historical and literary narrative of D.P. Svyatopolk-Mirsky and V.V. Nabokov
- 75 **A.A. Fedotova**
Soviet ideology in the reception of Joseph Brodsky (in terms of the poem «Speech over Spilled Milk»)
- 79 **K.A. Chekalov**
Early French detective fiction: self-identification paths
- 87 **A.A. Chevtaev**
History through the prism of adamism: the poem "The Campaign of Alexander in India" by Mikhail Zenkevich
- 95 **E.V. Bolnova**
Victor Sosnora's poem "From the Window": structure and content
- 102 **T.A. Sklizkova**
The peculiarity of the marriages in "Mansfield Park" by Jane Austen
- 109 **E.V. Zolinova**
The role of descriptions of nature in revealing the message of the short story *The Untold Lie* by Sherwood Anderson
- 115 **Chen Wen**
Research of Mikhail Sholokhov's creative work in China: tendencies, problems
- 122 **K.E. Ermilova**
Contradiction as the basis of the narrative structure of the novel "La vraye histoire comique de Francion" (1623–1633) by Charles Sorel

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 128 Фокина М.А.**
Ключевые метафоры в нарративной структуре повести Владимира Корнилова «Лесной хозяин»
- 135 Большакова Н.В., Муратова М.И.**
Репрезентация мистической реальности в мифологическом нарративе
- 141 Ильина Л.Е.**
Постфольклорный сюжет «делать уроки»: прагматический аспект
- 150 Гареева Л.М.**
Звуковые искажения фразеологических единиц в современной русской речи
- 154 Залялова Р.Р., Гагауллина А.Г.**
Семантика слова *тьютор* в современном русском языке
- 160 Сюй Яо, Селиверстова Е.И.**
Особенности вербализации идеи о важности взвешенности слова в русских поговорках на фоне китайских
- 167 Купцов А.Е.**
Реализация коммуникативно-прагматических функций частиц-дискурсивов в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе
- 175 Каплина М.М., Жезлова С.А.**
Основные приемы трансформации гастрономической терминологии Эльзаса: лингвокультурологический аспект
- 182 Слепцова С.В., Акиншина И.Б., Свищев Г.В.**
Типология эвфемизмов, характеризующих отдельные классы и социальные группы населения (на материале французской публицистики)
- 189 Щербатых Е.Ю.**
Специфика выражения оценки в мотивированных вопросах журналиста (на материале современных британских интервью)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 195 Гончаренко Е.В., Аргун С.Н., Миквабия З.Я., Тайсаева С.Б., Мурзова О.А., Джоуга А.А., Молев Д.А., Новикова Е.А., Семенова Д.С.**
Жесты-адапторы у причастных к преступлению лиц в безынструментальной детекции лжи
- 205 Титов С.Н.**
Уголовно-правовая оценка посягательств на объекты интеллектуальной собственности, созданные с использованием технологии искусственного интеллекта
- 212 Кара И.С.**
Профилактика буллинга среди несовершеннолетних в школе
- 220 Михеева И.Е.**
Правовые особенности банковских экосистем
- 227 Шмелев К.В., Моисеева О.В.**
Проблемы установки системы кондиционирования и вентиляции на фасаде многоквартирного дома

ЮБИЛЕИ

- 233 Секованов В.С.**
Владимир Григорьевич Корнилов (к столетию со дня рождения)

243 ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

SCIENCE OF LANGUAGE

- 128 M.A. Fokina**
Key metaphors in the narrative structure of Vladimir Kornilov's story "The Forest Master"
- 135 N.V. Bolshakova, M.I. Muratova**
Representation of mystical reality in the mythological narrative
- 141 L.E. Ilyina**
Modern folklore plot "doing homework": a pragmatic aspect
- 150 L.M. Gareeva**
Sound distortions of phraseological units in modern Russian speech
- 154 R.R. Zalalova, A.G. Gataullina**
Semantics of the word *tutor* in modern Russian
- 160 Xu Yao, E.I. Seliverstova**
Features of the verbalisation of the idea about the importance of the words' balance in Russian proverbs against the background of Chinese ones
- 167 A.Ye. Kuptsov**
Implementation of communicative-pragmatic functions particle-discursives in English, Spanish and Russian artistic discourse
- 175 M.M. Kaplina, S.A. Zhezlova**
Transformation techniques in gastronomic terminology of Alsace (linguoculturological aspect)
- 182 S.V. Sleptsova, I.B. Akinshina, G.V. Svishchev**
Typology of euphemisms characterise specific classes and social groups (in French journalism)
- 189 Ye.Yu. Shcherbatykh**
Specifics of expressing evaluation in motivated questions of the journalist (on the material of modern British interviews)

JURAL SCIENCE

- 195 E.V. Goncharenko, S.N. Argun, Z.Ya. Mikvabiya, S.B. Taisaeva, O.A. Murzova, A.A. Jokua, D.A. Molev, Elena A. Novikova, D.S. Semenova**
Gestures-adapters for persons involved in the crime in non-instrumental lie detection
- 205 S.N. Titov**
Criminal legal assessment of infringement on intellectual property objects created using artificial intelligence technology
- 212 I.S. Kara**
Prevention of bullying among minors at school
- 220 I.E. Mikheeva**
Legal features of banking ecosystems
- 227 K.V. Shmelev, O.V. Moiseeva**
Problems of installation of an air-conditioning and ventilation system on a facade of the apartment house

ANNIVERSARIES

- 233 V.S. Sekovanov**
Vladimir Grigor'yevich Kornilov (on the centenary of the birth)

243 REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 7–11. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 7–11. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470.67)“18/19”

EDN DGWIKW

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-7-11>

АДАТНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО КУМЫКОВ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.

Акбиев Арсен Солтанмурадович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Республика Дагестан, Россия, vikingpasha@mail.ru

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович, доктор исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Республика Дагестан, Россия, vikingpasha@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа документов Центрального государственного архива Республики Дагестан и специальной исторической литературы рассматривается процедура суда по обычному праву у кумыков в XVIII – начале XIX в. По мнению авторов, в крупных кумыкских селениях существовали организации наподобие купеческих судов, что получает подтверждение в документах Кизлярского комендантского архива. При этом судебные разбирательства, имевшие отношения к торговле и долгам, велись при участии торговых людей, но по установившимся нормам обычного права у кумыков. Констатируется, что в ходе эволюции общественного строя у кумыков сложилась весьма устойчивая система рассмотрения спорных дел на основе норм адатного права. Подчеркивается, что в исследуемый период основным видом доказательства преступления являлась присяга с соприсяжниками. Авторы приходят к выводу, что приговоры адатных судов носили неукоснительный характер для всех, вне зависимости от занимаемого ответчиком общественного положения.

Ключевые слова: Шамхальство Тарковское, кумыки, адат, шариат, мехкеме, тяжба, тёречи, уллу-бий.

Для цитирования: Акбиев А.С., Абдусаламов М.-П.Б. Адатное судопроизводство кумыков в XVIII – начале XIX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 7–11. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-7-11>

Research Article

LEGAL PROCEEDINGS OF THE KUMYKS IN THE 18TH – EARLY 19TH CENTURY

Arsen S. Akbiev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala), vikingpasha@mail.ru

Magomed-Pasha B. Abdusalamov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities at the Dagestan State University of National Economy (Makhachkala), vikingpasha@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of the documents of the Central State Archive of the Republic of Dagestan and special historical literature, the article examines the procedure of the court under customary law among the Kumyks in the 18th – early 19th century. According to the authors, there were organisations like merchant courts in large Kumyk villages, which is confirmed in the documents of Kizlyar commandant's archive. At the same time, court proceedings related to trade and debts were conducted with the participation of merchants, but according to the established norms of customary law among the Kumyks. It is stated that in the course of the social system evolution, the Kumyks had developed surprisingly stable system of consideration of disputed cases based on the norms of adat law. It is emphasised that during the period under study, the main type of evidence of a crime was an oath with accomplices. The authors come to the conclusion that the sentences of the adat courts were of a strict nature for everyone, regardless of the social position occupied by the defendant.

Keywords: Shamkhalate of Tarki, Kumyks, adat, sharia, mehkeme, litigation, tyorechi, ullu-biy.

For citation: Akbiev A.S., Abdusalamov M.-P.B. Legal proceedings of the Kumyks in the 18th – early 19th century. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 2, pp. 7–11 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-7-11>

В рассматриваемый период у кумыков, как и у других народов Северо-Восточного Кавказа, судопроизводство основывалось на двух видах законодательства: шариате и адате. Не касаясь первого из них, мы остановимся на процедуре суда по адату.

Отметим лишь, что по шариату в основном разбирались тяжбы по наследству, разделу движимого имущества, опеке, продаже и покупке вещей и рабов. Однако и эти дела могли рассматриваться по адату в случае, если имелись явные доказательства, основанные на фактах, но при этом постановления шариата не упускались из виду. При этом учитывались мнения истца, ответчика и судей – по какому виду законодательства склонны они разбирать то или иное дело. Так, дела брачные, долговые, исковые передавались на рассмотрение по шариату только тогда, когда судьи при разбирательстве их по нормам обычного права затруднялись вынести приговор [Леонтович: 207–208]. К примеру, в шамхальстве Тарковском, как свидетельствуют источники, долговые дела с использованием векселей или расписок разбирались либо «по купеческому суду», либо «по духовному», то есть шариату¹. По наблюдениям Маная Алибекова, судопроизводство по адату подразделялось на три части: торговое, землевладельческое и собственно адатное [Алибеков: 74]. Предположение о том, что в крупных кумыкских селениях существовали организации наподобие купеческих судов, мы высказывали еще в своих предыдущих работах, в данной же статье имеется возможность подкрепить его конкретными фактами, основанными на материалах «Архива Кизлярского коменданта», а именно на переписке местных владельцев с комендантами Кизляра. 12 марта 1763 г. на имя коменданта А.А. Ступишина было получено письмо от старшего эндириевского бека Алиша Хамзаева, в котором содержится информация по интересующему нас вопросу. В нем речь идет о долговом иске индийского торгового человека на эндириевского «жида» при наличии векселя, подтверждающего претензию. А.А. Ступишин просил Алиша Хамзаева разобрать это дело, при этом отправив к нему потерпевшего и дав ему сопроводительное письмо. Ответ Алиш-бека был следующим: «Посланное от вас письмо, писанное о жиде, я получил и для разбирания в Андреевскую деревню с одним человеком своим посылал ко означенному жиду и со оным ходили в суд к тамошним купцам, токмо в его векселе того жиды ни подписки, ни печати не имеетца, а надлежит оному индейцу представить двух человек свидетелей, что подлинно ли он имеет на оном жиде долг»². Таким образом, главными действующими лицами и судьями в данном документе выступают эндириевские торговые люди.

В ноябре 1769 г. в Кизляр было прислано письмо костековского бека Хамзы Алишева, в котором

содержатся следующие факты: «кизлярскому жителю, армянину, в Андреевской деревне при всех армянских купцах учинили разобранье по силе кумыкских обычаев, но оный армянин тем доволен не стал. Сверх обычаев ему удовольствие делать нам невозможно» [Русско-дагестанские отношения: 133]. Данный документ несколько проясняет суть дела: судебные разбирательства, касающиеся долгов и торговли, происходили при участии торговых людей, но «по силе кумыкских обычаев».

Каков же был состав адатного суда? Согласно сведениям А.М. Буцковского, в Засулакской Кумыкии «судопроизводство чинилось в маловажных спорах и тяжбах третейским судом, на что обыкновенно старики избираются; в важных же случаях – фверховным духовенством, составляющим судебное собрание под названием мехкема, к коему иногда и князья прибегают» [Буцковский: 240]. Однако мехкеме не состояло полностью из людей духовного звания. По свидетельству Д.-М.М. Шихалиева, оно составлялось по предложению уллу-бия (старшего князя) из представителей от каждого рода и каждого сословия, из стариков, хорошо знавших коренные кумыкские обычаи, и кадия. Возглавлял мехкеме старший князь, имевший голос хотя и не решающий, но по старшинству лет и опыта предпочитаемый [Кумык (Шихалиев)]. Сведения Д.-М.М. Шихалиева подтверждаются и некоторыми документами XVIII в., в которых неоднократно упоминаются «старичьи суды», то есть суд стариков. Так, в феврале 1749 г. со стороны кизлярского коменданта А.П. Девица в Аксай поступило требование прислать в Кизляр тезика Хавата, так как один из жителей города имел на нем долговой иск. В ответ аксаевские владельцы потребовали прислать истца к ним в селение по причине болезни ответчика, обещая собрать на суд «российских людей и купцов, а также и стариков, которые разберут это дело». Примечательно в этом плане и письмо эндириевского бека Темира Хамзаева кизлярскому коменданту (сентябрь 1751 г.), в котором говорится о правовых взаимоотношениях засулакских кумыков с кизлярскими оконченцами (чеченцами). «Как мы, так и кизлярские оконченцы однозаконцы и в прежние времена, какие между нами ссоры происходили, то для разбирания оных как мы, так и оконческие старики съезжались на дорогу и те ссоры разбирали, и кто винен, в чем найдется, тем платить приказывали»³.

Во главе суда стоял старший князь. Помимо него сюда входило определенное число судей, выбираемых обществом. Судьи назывались картами или таречи, а в документах они больше упоминаются под термином «старшины» [Абдусаламов: 96]. Число судей в каждом владении могло быть различным, так как в Эндирее их количество доходило до де-

сяти. Аналогичные «старичьи суды» существовали и в шамхальстве Тарковском [Гусейнов].

Примечателен старинный обычай, существовавший у засулакских кумыков, по которому беки (за исключением старших князей) не имели права быть судьями и не могли подавать в мехкеме голос, а были сами судимы стариками [Кумык (Шихалиев)]. Существование этого обычая подтверждают показания узденей сословно-поземельной комиссии⁴. В 1749 г. разгорелась кровная вражда между засулакскими беками и владельцами Малой Кабарды. Русские власти, заинтересованные в ее прекращении, обратились за помощью к старшему владельцу Аксая Каплангирею Ахматханову, уговаривая его пососедействовать в примирении обеих сторон. На это Каплангирей ответил, что один он это сделать не может, так как нужно договориться со всеми засулакскими владельцами, к «тому же у них есть старики и без совету их ничего делать не может»⁵.

В случае необходимости кумыкские судьи-теречи выступали посредниками по примирению соседних владельцев. В мае 1764 г. эндириевским старшинам было поручено разобрать давнюю ссору гребенчуковских и брагунских беков. Гребенчуковский владелец Девлет Гирей настаивал на проведении суда не в Эндирее, а на территории Сарафанникова завода. Но эндириевские кадий и старшины ответили, что «от отцов и дедов наших донныне такого обычая не имеется, ибо некоторые люди ссоры имеют, то они приезжают к старшинам, то станут судить по отцовским обычаям, а нам в иное место ехать и суд судить такого обычая не имеетца»⁶. То есть не судьи шли к судьям, а беки должны были явиться в суд. Эндиреевские старшины пояснили, что это не простое упрямство, а обычай, и новых обычаев они выдумывать не могут. Даже их собственный старший князь Алиш Хамзаев не мог уговорить судей отправиться на территорию Сарафанникова завода⁷.

В случае если одна из сторон была недовольна решением местного суда, разбирательство дела могло быть продолжено в соседнем селении. В декабре 1751 г. Алиш Хамзаев просил кизлярского коменданта прислать в Костек кизлярского татарина Асибури, задержавшего в баранту скот, принадлежавший жителям этого селения. По мнению кумыкского владельца, если Асибури имел иск на его подвластных, то ему следовало бы обратиться в суд к костековским старикам, и если не будет доволен их решением, то обратиться к эндириевским старикам. В случае же вторичного недовольства истец имел право обратиться в аксаевский суд⁸.

Несколько иные сведения по данному вопросу мы находим в работе Маная Алибекова. Так, в частности, он пишет, что если кто-либо был недоволен решением адатного судьи своего селения, то в Эн-

дирей посылались по одному кадию и по несколько умных узденей из Аксая и Костека. Здесь эти люди рассматривали дела в течение трех месяцев в качестве судей. Если же этот суд не мог решить спорного дела, то в местечке, называемом Центральные курганы, собирались общества трех селений, и там выносили окончательное решение, которое впоследствии вводилось в быт как адат [Алибеков: 75].

Доказательства в судах бывали трех видов. Первым из них считалось собственное признание ответчика, сделанное добровольно, без всякого принуждения. Показания и признания безумных и малолетних не принимались.

Под вторым видом подразумевалось привлечение двух свидетелей мужского пола, совершеннолетних, свободного происхождения, имевших здравый рассудок и не состоявших во вражде с человеком, против которого они давали показания [Памятники: 185].

Третьим видом доказательства считалась присяга с соприсяжниками или тусевами. В процессе суда дело доходило до присяги в том случае, если не было в наличии фактов, подтверждающих вину ответчика, которому предоставлялось право дать очистительную присягу совместно со своими родственниками. Несогласие ответчика на принятие такой присяги являлось свидетельством его вины, и он принуждался судом к удовлетворению потерпевшего [Памятники: 185].

Анализ источников показывает, что в рассматриваемый период основным видом доказательства преступления являлась присяга с соприсяжниками. Свидетельские показания в судах по адату играли небольшую роль, да и людей, желавших дать показания против кого-либо, было немного, так как любая тяжба рассматривалась в народе как спор между двумя заинтересованными сторонами и вступать в него человеку постороннему, не имевшему от этого никакой выгоды, считалось предосудительным. По мнению Н. Семенова, подробно изучившего адаты засулакских кумыков, введение свидетелей в кумыкские суды произошло благодаря влиянию русских властей, а также шариата [Семенов: 227, 326].

Отметим, что по своему содержанию присяга была двух видов: на Коране (валлахи, биллахи, таллахи) и «канун таллах», имевшая значение поручительства в верности произносимых слов. В случае лжеприсяги по «кебин таллах» виновный должен был развестись с женой. Если у него имелось несколько жен, он должен был указать, с какой из них разведется в случае, если его присяга окажется ложной. По мнению А.М. Ладыженского, вторая клятва, то есть «кебин таллах», являлась как бы неустойкой, вводимой в первую клятву, и данная неустойка была значительной, так как развод был не только принудительным оставлением жены, но и расстройством всего хозяйства, а для того, чтобы жениться вновь, не-

обходимо было заплатить калым, которому бедному человеку достать трудно [Ладыженский: 154].

Документы XVIII века содержат ряд примеров судебных разбирательств, в основе которых лежала присяга с соприсяжниками⁹. Так, в письме эндириевских владетелей кизлярскому коменданту от 15 сентября 1763 г. описывается судебная тяжба, причиной которой являлось ограбление кизлярского гражданина. По заявлению потерпевшего, он был ограблен дженгутаевцами, но по наущению знатного эндириевского узденя Паш Магомеда. В результате этого подозрения в Кизляре были задержаны в баранту несколько эндириевцев. По просьбе эндириевских беков потерпевший был отправлен к ним в селение «для разобранья этого дела по кумыцким обычаям». Состоялся суд. В документе упоминаются имена судей: «эндириевские старшины Умаш, Булат, Магомед, Курбанали, Мамакай и прочие, кады Ахмед и все аджи и аксаевский кады Кебек и аксаевский владелец Эльдархан». Судьи потребовали от Паш Магомеда, чтобы он присягнул в своей невиновности вместе со «сторонними людьми», однако потерпевший не дал этого сделать и «сторонним людям за него, Паш Магомеда присягнуть не велел». Примечательно решение суда: так как армянин не допустил обвиняемого к присяге, то уздень Паш Магомед признается правым¹⁰.

В данном документе упоминаются не только судьи-старшины, но и хаджи, эндириевский и аксаевский кадии, а также уллу-бий Аксая Эльдархан. Видимо, при рассмотрении важных судебных дел привлекались уважаемые люди и из других селений. Примечательно, что в роли соприсяжников выступают посторонние люди, не состоящие в родстве с ответчиком. Такая присяга, как показывают документы, применялась в тех случаях, когда судебное разбирательство заходило в тупик или же одна из сторон, чаще всего потерпевшая, была недовольна составом соприсяжников. Нужно учитывать и тот факт, что в описываемой ситуации в роли ответчика выступал не простолюдин, а знатный уздень, принадлежавший категории «сала».

Таким образом, можно отметить, что в ходе общественного развития у кумыков сложилась весьма устойчивая система рассмотрения спорных дел на основе норм обычного права. В каждом крупном селеении существовал народный суд – мехкеме, который разбирал тяжбы, руководствуясь кумыцкими адатами, и куда входило определенное количество судей, выбираемых из наиболее уважаемых стариков. В основе адатного судопроизводства лежал институт присяги и соприсяжничества, а основным видом наказания виновных были штрафы и имущественные платежи. Приговоры, выносимые адатными судами, были обязательными для всех, вне зависимости от социального положения ответчиков. Подобное явление

в значительной степени ограничивало произвол феодальных владетелей, которые сами в случае необходимости были судимы стариками и вынуждены были подчиняться их решениям, в противном же случае теряли уважение в народе.

Примечания

¹ Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 379. Оп. 1. Д. 289. Л. 43.

² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 543. Л. 30.

³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 227. Л. 59.

⁴ ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 5. Д. 18. Л. 54.

⁵ ЦГА РД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 25. Л. 10–11.

⁶ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 567. Л. 57.

⁷ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 567. Л. 57.

⁸ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 226. Л. 43.

⁹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 9, 20. Л. 3.

¹⁰ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 356. Л. 21.

Список литературы

Абдусаламов М.-П.Б. Кумыцкие государственные образования в стратегических планах России на Северном Кавказе в XVII – первой четверти XVIII в. Москва: Парнас, 2017. 264 с.

Алибеков М. Адаты кумыков // Дагестанский сборник. Махачкала, 1927. Т. 3. С. 73–101.

Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. Москва: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 239–246.

Гусейнов Ю.М. Некоторые аспекты адата и шариата в земельных и наследственных правоотношениях у кумыков в XIX в. // Вопросы истории. 2020. № 2. С. 263–266.

Кумык (Д.-М. Шихалиев). Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ. 1848. 30 октября.

Ладыженский А.М. Очерки социальной эмбриологии (внутриродовое и междуродовое право кавказских горцев) // Записки Северо-Кавказского Краевого Горского НИИ. Ростов-на-Дону, 1928. Т. 1. С. 151–185.

Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа: в 2 т. Т. 2. Одесса: Тип. П.А. Зеленаго, 1883. 396 с.

Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.: архивные материалы / сост., предисл. и примеч. Х.-М.О. Хашаева. Москва: Наука, 1965. 268 с.

Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: сборник документов / сост.: В.Г. Гаджиев, Д.-М.С. Габиев, Н.А. Магомедов [и др.]. Москва: Наука, 1988. 357 с.

Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Санкт-Петербург: Тип. А. Хомского, 1895. 487 с.

References

Abdusalamov M.-P.B. *Kumykskie gosudarstvennye obrazovaniia v strategicheskikh planakh Rossii na Severnom Kavkaze v XVII – pervoi chetverti XVIII v.* [Kumyk state formations in the strategic plans of Russia in the North Caucasus in the 17th – first quarter of the 18th centuries]. Moscow, Parnas Publ., 2017, 264 p. (In Russ.)

Alibekov M. *Adaty kumykov* [Adaty Kumyks]. *Dagestanskii sbornik* [Dagestan collection]. Makhachkala, 1927, vol. 3, pp. 73-101. (In Russ.)

Butskovskii A.M. *Vyderzhki iz opisaniia Kavkazskoi gubernii i sosednikh gorskikh oblastei. 1812 g.* [Excerpts from the description of the Caucasian province and neighboring mountain regions, 1812]. IGED. Moscow, Publishing House of Eastern Literature Publ., 1958, pp. 239-246. (In Russ.)

Guseinov Iu.M. *Nekotorye aspekty adata i shariata v zemel'nykh i nasledstvennykh pravootnosheniakh u kumykov v XIX v.* [Some Aspects of Adat and Sharia in Land and Inheritance Legal Relations among the Kumyks in the 19th Century]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2020, No. 2, pp. 263-266. (In Russ.)

Kumyk (D.-M. Shikhaliev). *Rasskaz kumyka o kumykakh* [Kumyk's story about Kumyks]. *Kavkaz* [Caucasus], 1848, October 30. (In Russ.)

Ladyzhenskii A.M. *Ocherki sotsial'noi embriologii (vnutritrodovoe i mezhdurodovoe pravo kavkazskikh gortsev)* [Essays on social embryology (intra-tribal and inter-tribal law of the Caucasian highlanders)]. *Zapiski Severo-Kavkazskogo Kraevogo Gorskogo NII, t. 1* [Notes

of the North Caucasian Regional Mountain Research Institute]. Rostov-na-Donu, 1928, vol. 1, pp. 151-185. (In Russ.)

Leontovich F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev: Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza: v 2 t. Vol. 2* [Adats of the Caucasian highlanders: Materials on customary law of the North and East Caucasus: in 2 vols]. Odessa, Tip. P.A. Zelenago Publ., 1883, vol. 2, 396 p. (In Russ.)

Pamiatniki obychnogo prava Dagestana XVII–XIX vv.: arkhivnye materialy [Monuments of customary law of Dagestan in the 17th-19th centuries: archival materials], compiled, foreword and note H.-M.O. Khashaev. Moscow, Nauka Publ., 1965, 268 p. (In Russ.)

Russko-dagestanskii otnosheniia v XVIII – nachale XIX v.: sbornik dokumentov [Russian-Dagestan relations in the 18th – early 19th centuries: a collection of documents], compiled V.G. Gadzhiev, D.-M.S. Gabiev, N.A. Magomedov & all. Moscow, Nauka Publ., 1988, 357 p. (In Russ.)

Semenov N. *Tuzemtsy Severo-Vostochnogo Kavkaza* [Natives of the North-Eastern Caucasus]. St. Petersburg, Tip. A. Khomskogo Publ., 1895, 487 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.04.2023; одобрена после рецензирования 31.05.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 11.04.2023; approved after reviewing 31.05.2023; accepted for publication 05.05.2023.

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470)''19''

EDN EULITA

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-12-17>

ОТНОШЕНИЕ К АГРАРНОЙ РЕФОРМЕ П.А. СТОЛЫПИНА ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ОТ КОСТРОМСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ

Булюкин Дмитрий Александрович, аспирант, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, bulykindima@yandex.ru

Белов Андрей Михайлович, доктор исторических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, belovi_1957@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена отражению аграрной реформы П.А. Столыпина в деятельности депутатов Государственной думы от Костромской и Ярославской губерний, а также восприятию населением указанных губерний столыпинских преобразований. В качестве источников выступают материалы столичных и провинциальных газет, а также архивные документы. Авторы стремятся выявить, в какой мере костромские и ярославские избранники способствовали проведению в жизнь аграрной реформы премьер-министра. На обширном фактическом материале изучается динамика парламентской деятельности I–III Государственных дум по аграрному вопросу, законодательная деятельность избранников, а также их работа в провинции. Немаловажно проследить отношение костромского и ярославского крестьянства к реформе П.А. Столыпина. Авторы приходят к выводу, что наиболее полную поддержку политике Столыпина выражали депутаты III Государственной думы, в которой партией власти были октябристы и близкие к ним депутаты.

Ключевые слова: П.А. Столыпин, аграрная реформа, Костромская губерния, Ярославская губерния, Государственная дума, депутаты, крестьянство.

Для цитирования: Булюкин Д.А., Белов А.М. Отношение к аграрной реформе П.А. Столыпина депутатов Государственной думы от Костромской и Ярославской губерний // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 12–17. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-12-17>

Research Article

DEPUTIES' ATTITUDE TO P.A. STOLYPIN'S AGRARIAN REFORM (IN TERMS OF THE STATE DUMA FROM KOSTROMA AND YAROSLAVL PROVINCES)

Dmitry A. Bulyukin, Postgraduate student, Kostroma State University, Kostroma, Russia, bulykindima@yandex.ru

Andrey M. Belov, Doctor of Historical Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, belovi_1957@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the reflection of P.A. Stolypin's agrarian reform in the activities of State Duma deputies from Kostroma and Yaroslavl provinces, as well as the perception of Stolypin's transformations by the population of those provinces. The sources are materials from metropolitan and provincial newspapers, as well as archival documents. The authors seek to identify to what extent Kostroma and Yaroslavl elected officials contributed to the implementation of the agrarian reform of the Prime Minister. The dynamics of parliamentary activity of the I–III State Dumas on the agrarian issue, legislative activity of elected officials, as well as their work in the province are studied on extensive factual material. It is important to trace the attitude of the Kostroma and Yaroslavl peasantry to the reform of P.A. Stolypin. The authors come to the conclusion that the deputies of the III State Duma, in which the Octobrists and deputies close to them were the party of power, expressed the most complete support for Stolypin's policy.

Keywords: P.A. Stolypin, agrarian reform, Kostroma Province, Yaroslavl Province, State Duma, deputies, peasantry.

For citation: Bulyukin D.A., Belov A.M. Deputies' attitude to P.A. Stolypin's agrarian reform (in terms of the State Duma from Kostroma and Yaroslavl provinces). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 2, pp. 12–17 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-12-17>

Русско-японская война 1904–1905 гг. и Первая русская революция 1905–1907 гг. привели к пониманию властью необходимости изменения вектора развития страны. Масштаб кризиса требовал от правящих верхов адекватного ответа, включавшего комплекс широкомасштабных системных либеральных реформ. Проводить их в жизнь был призван Петр Аркадьевич Столыпин, которого император 26 апреля 1906 г. назначил министром внутренних дел, а 8 июля того же года – Председателем Совета министров. К этому времени Столыпин имел большой опыт административной работы и зарекомендовал себя энергичным и эффективным управленцем. Программа преобразований была изложена им 6 марта 1907 г. в знаменитой речи при открытии II Государственной думы и содержала законопроекты, гарантирующие терпимость и свободу совести, неприкосновенность личности. Столыпин выступал за новую судебную реформу, реформу местного самоуправления с расширением прав земств и ограничением административного контроля за их деятельностью. В рамках рабочего вопроса премьер-министр предлагал утверждение различных видов страхования трудящихся и узаконивание экономических забастовок. Петр Аркадьевич ратовал также за расширение мер, способствующих развитию народного просвещения. Тогда же он разъяснил содержание аграрных преобразований, уже начавшихся к тому времени. Общая же концепция и взаимосвязь реформ предполагала «превращение преобразованного по воле монарха Отечества в государство правовое» [Столыпин: 51]. В целом программа носила западнический характер.

Личность премьер-министра и его деятельность являются остро дискуссионными проблемами историографии. Большой вклад в изучение проблемы внес Фонд изучения наследия П.А. Столыпина, финансирующий опубликование большого объема документальных материалов и издавший энциклопедию. Значительное место в изучении преобразований П.А. Столыпина занимают работы К.И. Могилевского [Могилевский: 125], К.А. Соловьева [Соловьев: 467], В.В. Шелохаева [Шелохаев: 139].

Центральным звеном столыпинских преобразований была аграрная реформа, на протяжении ста лет подвергающаяся в связи с идеологическими установками власти критике в историографии. Провал преобразований премьер-министра отмечали советские историки [Анфимов: 114], констатировавшие неудачу преобразований П.А. Столыпина и делавшие акцент на ряд аспектов реформ: ставка на кулака, разрушение общины и хуторизация всей страны. Советская историография обходила вниманием такой важный аспект реформ, как агрономическая помощь крестьянам со стороны государства. В то же время для критиков деятельности П.А. Столыпина характерна недостаточная разработка статистиче-

ских данных. В новой историографической ситуации началась реабилитация преобразований в деревне начала XX в., в том числе в работах В.Г. Тюкавкина [Тюкавкин: 101], О.Г. Вронского [Вронский: 112], Н.Л. Роголиной [Роголина: 47]. Особо следует отметить монографию М.А. Давыдова, в которой автор на основании широкого круга источников опровергает негативные оценки аграрной реформы и приходит к выводу об успешном проведении модернизации П.А. Столыпина в первой трети XX в. [Давыдов: 314].

Прежде всего П.А. Столыпину требовалось законодательное обеспечение проводимых реформ. Указ от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц бывших податных сословий» был призван уравнивать хлебопашцев в правах с представителями других сословий и явился важным шагом к упразднению сословного строя. Отныне полноправный подданный мог свободно владеть собственной землей. Следующим шагом стало издание указа 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», позволивший укреплять наделную землю в собственность. Наконец, с 1 января 1907 г. отменялись выкупные платежи, что предоставляло законные основания начать аграрную реформу, в центре которой находился вопрос крестьянской собственности на землю.

Обладая опытом управления в западных губерниях, П.А. Столыпин видел там более благоприятное положение земледельцев по сравнению с крестьянами центральной России. Петр Аркадьевич полагал, что это связано с отсутствием на западе общины, сдерживающей активность и предприимчивость трудолюбивых крестьян. Вышеупомянутые указы выражали надежду премьер-министра, что энергичные и зажиточные хлебопашцы будут стремиться выйти из общины и укреплять наделную землю в свою полную собственность. Указ 9 ноября 1906 г. способствовал отводу укрепленной земли к одному месту для образования отрубного, или хуторского, хозяйства. Отруб – это объединение всех наделов в один равноценный им участок. Перенесение на один участок двора с жилыми и хозяйственными постройками превращало его в хутор. Данные действия с наделной землей назывались землеустройством: «Каждый выделяющийся из общины мог требовать и притом во всякое время, а не только при общем переделе, чтобы его земля была выделена к одному месту. Если только этот выдел не являлся для общины неудобным или невозможным (а этот вопрос разрешался не самой общиной, а администрацией), просьба выделяющегося должна была быть удовлетворена» [Бруцкус: 89]. Ключевым вопросом аграрной реформы стали именно землеустройство, а также расширение деятельности Крестьянского банка и программа переселения зем-

ледельцев в азиатскую часть страны. В 1906 г. были сформулированы задачи созданных землеустроительных комиссий: «1) содействие Крестьянскому банку в покупке и продаже земли нуждающимся в ней крестьянам и содействие крестьянам в покупке последними земель непосредственно от владельцев при помощи Крестьянского банка; 2) продажа и сдача в аренду казенных земель; 3) содействие крестьянам в переселении на казенные земли Азиатской России и, наконец, 4) содействие сельским обществам и отдельным крестьянам в улучшении условий землевладения и порядков землепользования»¹.

Провинциальный аспект реализации вышеуказанных мер по проведению аграрных преобразований изучен лишь отчасти [Волков: 35]². Интересен вопрос об отношении населения Костромской и Ярославской губерний к аграрным преобразованиям П.А. Столыпина. В то же время представляется важным выявить, в какой мере депутаты Государственной думы от изучаемых губерний способствовали проведению в жизнь политики премьер-министра.

Уже на выборах в Думу первого созыва весной 1906 г. политические силы, боровшиеся за голоса избирателей, учитывали важность аграрного вопроса, остро стоявшего в обеих изучаемых губерниях. В целях привлечения сельских избирателей на свою сторону партии стремились представить в своих предвыборных программах его решение. Хлебопашцы Костромской и Ярославской губерний сталкивались с проблемой малоземелья и зачастую вынуждены были арендовать землю у помещиков. Так, по Ярославской губернии «из 170 тысяч крестьянских дворов, занимавшихся земледелием, почти 120 тысяч арендовали землю. Площадь всех арендованных земель достигала 480 тысяч десятин»³. Хлебопашцы приняли активное участие в выборах прежде всего в надежде получить землю.

Избранные в I Думу депутаты участвовали в дискуссиях и разработке законопроектов по аграрному вопросу. Парламентские прения продолжались три недели. За это время с трибуны Таврического дворца высказались более 100 избранников. Костромская и Ярославская губернии были представлены депутатами-крестьянами П.Д. Гороховым, И.В. Замысловым и А.М. Костровым. Последний в интервью корреспонденту газеты «Ярославские отголоски» сетовал на бессилие заявить свое мнение в Думе и признавал, что не выполнил требования крестьянских наказов по защите интересов земледельцев. Костров говорил о партийном принуждении и необходимости соглашаться с уже подготовленными решениями в кадетской фракции: «Нам во всей сумятице трудно было что-нибудь понять. Только чувствовали мы, что нас ведут не туда»⁴. В ходе работы I Думы выявились принципиальные расхождения правительственной

и думской точек зрения. Если царские министры категорически отвергали возможность принудительного отчуждения помещичьих земель, то парламентарии одобрили декларацию о намерении Думы добиваться передачи частновладельческих земель в руки нуждающихся крестьян. Несмотря на выработку конкретных предложений решения аграрного вопроса – кадетский «проект 42-х», «записка 104-х» Трудовой группы, «проект 33-х» левых – Дума первого созыва не смогла принципиально изменить ситуацию в деревне.

Выборы во II Государственную думу проходили в условиях начавшихся столыпинских преобразований. В 1907 г. крестьяне неоднозначно относились к избирательной кампании. С одной стороны, хлебопашцы сомневались в способности политических партий защищать их интересы, с другой – сельский электорат выражал явное ожидание перемен. Провинциальная левая пресса играла на подобной позиции крестьянства, настроении крестьян, констатируя тяжелые экономические условия жизни в деревне и обещая в случае победы «уничтожить барина-помещика»⁵. В Думе второго созыва, как и в ее предшественнице, земельный вопрос был одним из главных. Избранники от Костромской губернии в своих выступлениях с трибуны Таврического дворца опирались на крестьянские письма-наказы, содержащие явное неприятие хлебопашцами законов от 5 октября и 9 ноября 1906 г. Сельский электорат призывал депутатов добиваться полного отчуждения без выкупа всех частновладельческих земель с передачей их в собственность всего народа. В письме хлебопашцы настаивали на отмене частной собственности в России. В целом путь решения земельного вопроса им представлялся так: «Землю должен пользоваться только тот, кто своей семьей или в товариществе, но без наемных рабочих будет ее обрабатывать»⁶. Таким образом, налицо были довольно радикальные требования крестьянства, направленные на коренное изменение положения в деревне. В то же время на заседаниях Думы костромские депутаты П.Е. Юницкий, Н.Е. Антонов и А.В. Перелешин отмечали некомпетентность и неподготовленность местных властей к оказанию помощи крестьянам знаниями, семенами, техникой, особенно в ситуации голода.

По Ярославской губернии указ 9 ноября 1906 г. вызывал среди земледельцев неоднозначное отношение. Так, крестьяне Любимского уезда призывали не торопиться с закреплением за ними земли. По их мнению, «укрепление земельного надела в обществе из 5 душ крайне нежелательно и нарушает интересы как укрепителей, так и крестьян, остающихся в обществе»⁷. В то же время часть ярославских крестьян считала, что «сколько на них теперь лежит наделов земли, то и подлежит за ними к укреплению, и что за это не нужно никаких доплат, а только скорее нужно хода-

тайствовать об укреплении, пока не наступил передел мирской земли, при котором с них при равномерном для всех расчете сложат часть наделов»⁸. Ярославским депутатам было известно, что большинство сельских избирателей, по словам самих землеустроителей, относятся к указу отрицательно (таких было 77 %); еще 3 % выражали индифферентное отношение и только 20 % выражали одобрение столыпинским указом⁹.

Негативное отношение крестьян к указу 9 ноября 1906 г. было обусловлено разными причинами. Прежде всего, сами земледельцы отмечали разнородность почв и неравномерное их качество. Хлебопашцы предвидели проблематичность перехода на отрубные участки на надельной земле, а прочие способы уравнивания качества земли, по их мнению, были чреватые бесконечными спорами. Однако там, где земля была одинакового качества, местные общинники были готовы переходить на хуторское хозяйство. Об этом, в частности, сообщал земский начальник 1-го участка Пошехонского уезда¹⁰.

По мнению крестьян, надельная земля должна принадлежать всему сельскому обществу: «По окончании выкупа хозяевами земли являлись мы и могли обложить в пользу общества необременительным налогом тех крестьян, которым давали вновь наделы. Выкупалась земля всем обществом и должна была быть общественной собственностью»¹¹. Данная точка зрения объяснялась ярославскими крестьянами и религиозными мотивами. Опасения желающих стать владельцами надела вызывало возможное сопротивление общинников. Так, по Рыбинскому уезду сообщалось, что «крестьяне добровольно выдела не допустят, и начнется резня да поджоги»¹². Таким образом, несмотря на желание отдельных крестьян выйти из общины, в целом ярославские крестьяне не поддержали указ 9 ноября 1906 г.

В Государственной думе третьего созыва, функционировавшей с ноября 1907 г. по июнь 1912 г., председатель Совета министров П.А. Столыпин опирался на поддержку партии октябристов. Депутаты, являвшиеся членами Союза 17 октября, в парламенте вполне ожидаемо поддерживали положения столыпинской аграрной реформы. Думская фракция октябристов и близкие к ним депутаты поддерживали ликвидацию общины и принятие мер по улучшению экономического положения крестьян. От Костромской губернии депутатами-октябристами были Г.Н. Ботников и В.С. Соколов, от Ярославской – князь И.А. Куракин. Избранники неоднократно выступали по аграрному вопросу с думской трибуны, а также стремились способствовать проведению столыпинской политики в представляемых губерниях.

Прежде всего парламентарии-октябристы стремились поддерживать начинания премьер-министра законодательной работой по вопросам свободного выхода

крестьян из общины и переселения крестьян. Они постановили «положить начало установлению солидарности взглядов на переселенческое дело между исполнительной властью и законодательным учреждением» и призвали коллег-депутатов «взять под свое покровительство великое народное дело переселения и вооружить исполнительную власть необходимыми средствами и законами»¹³. Дума планомерно расширяла финансирование вопросов землеустройства: в 1908 г. – 19 млн, в 1909 г. – 23 млн, в 1910 г. – 25 млн. Была создана парламентская Переселенческая комиссия. Фракция октябристов собирала информацию на местах о ходе переселения, а также выступала за привлечение органов местного управления к организации переезда крестьян на новые земли. Особо следует отметить принятие Государственной думой закона о крестьянском землевладении 14 июня 1910 г. и дополнившего его закона о крестьянском землепользовании 29 мая 1911 г. За принятие первого закона проголосовали депутаты-костромичи (И.Н. Ананьев, А.П. Александровский, В.С. Соколов) и депутаты-ярославцы (И.А. Куракин, А.С. Соколов, Ф.Д. Андреев). Они же поддержали и принятие второго закона¹⁴.

Улучшение экономических условий жизни крестьянства было тесно связано с реформой местного самоуправления. Об этом на заседании Думы 29 мая 1908 г. говорил депутат от Костромской губернии крестьянин И.Е. Ананьев, вошедший в состав думской аграрной комиссии. Избранник подчеркнул преимущества ликвидации общины и выразил поддержку П.А. Столыпину: «Закон 9 ноября для нас, крестьян, вполне подходящий и справедливый»¹⁵. В то же время Ананьев настаивал на реформе местного самоуправления в интересах крестьян. В его выступлении говорилось о содержании волостных правлений, функционирующих в рамках задач государственной важности, исключительно за счет хлебопашцев. Ананьев видел в мирских сборах одну из причин бедности земледельцев. От лица фракции умеренно правых И.Е. Ананьев предложил законопроект, по которому «в местном самоуправлении все повинности должны исполняться учреждениями всесословными»¹⁶. В свою очередь депутат от Ярославской губернии князь И.А. Куракин, представляющий Союз 17 октября, не согласился с доводами костромского коллеги и призвал не допускать сословной розни, указывая на заслуги дворянства в деле развития общественной жизни.

Костромские и ярославские депутаты-октябристы не только поддерживали линию своей фракции в Думе, но и деятельно работали на местах. Способствовать принятию надлежащих мер в аграрном вопросе были призваны заседания городской думы в Костроме и Ярославле, а также работа губернских земских собраний, на которых депутаты В.С. Соколов, Г.Н. Ботников и И.А. Куракин регулярно высту-

пали. Так, в 1910 г. костромские депутаты-октябристы на очередном заседании губернского земского собрания добились утверждения порядка работы ветеринарных пунктов и скотолечебниц в регионе. В.С. Соколов поддержал просьбы сельских избирателей об открытии в сельских поселениях фельдшерских пунктов. В 1911 г. костромские депутаты способствовали принятию земским собранием решения о выделении дополнительных пособий ремесленным мастерским для крестьян. Кустарная комиссия Костромского губернского земства одобрила предложение В.С. Соколова ассигновать 750 рублей на содержание работной мастерской в селе Красном. Депутаты постановили изыскать средства на снабжение сельских жителей кровельным железом. В то же время В.С. Соколов призвал организовать работу агрономических съездов по всей Костромской губернии. Во главу угла депутат ставил популяризацию агрономического дела в регионе, подчеркивая значение подобных съездов для обмена опытом, внедрения новой техники и передовых методов ведения сельского хозяйства¹⁷. Избранником была высказана мысль о совместной закупке земствами для уездов пожарных машин и портландского цемента, с чем земские гласные единодушно согласились.

Оживленные прения земских деятелей и костромских депутатов-октябристов вызвал вопрос об организации центральных сельскохозяйственных курсов для крестьян и мелких хозяев. По мнению земцев, уездные сельскохозяйственные чтения и лекции, проведенные, в частности, в Ветлуге, хотя и пробудили в селянах желание приобретать агрономические знания, все же были не в полной мере организованы. Местные курсы не могли удовлетворить всех запросов хлебопашцев, поскольку были ограничены 7–10 днями и не были обеспечены продуманной учебной программой. Депутаты предложили создать центральные курсы в Костроме продолжительностью в месяц. Организатором должно было выступить губернное земство, располагающее кадрами специалистов по сельскому хозяйству. В свою очередь ряд участников собрания высказался за создание не центральных курсов, а поуездных с привлечением большого количества слушателей. В.С. Соколов в ответ пояснил, что Костромскому уезду устроить центральные курсы легче, поскольку здесь имеется большая материально-техническая база, помещения и даже кинематограф. Большинство «28 против 26 было принято предложение о создании центральных сельскохозяйственных курсов»¹⁸. Следовательно, в работе костромских депутатов-октябристов прослеживается стремление реализовывать положения столыпинских реформ, в данном случае повышать агрономические знания крестьян и внедрять передовые методы ведения сельского хозяйства.

Таким образом, экономическими условиями, в которых началась аграрная реформа П.А. Столыпина в Костромской и Ярославской губерниях, были крестьянское малоземелье, чересполосица и ухудшение благосостояния сельских жителей. Восприятие проектов премьер-министра в провинции варьировалось от полного его неприятия крестьянами до желания получить надельную землю в свою полную собственность. В то же время желающие выйти из общины местные хлебопашцы предвидели трудности, связанные с неодинаковым качеством выделяемой земли и сопротивлением общины выходу. Своё отношение к аграрному вопросу, в том числе и к реформе П.А. Столыпина, выражали депутаты от Костромской и Ярославской губерний в I, II и III Думах. В условиях начавшихся столыпинских преобразований депутаты II Думы выражали радикальные, левые настроения сельских избирателей. Работа избранников III Думы, в которой октябристы фактически были партией власти, была направлена на поддержку аграрных преобразований премьер-министра. Поддержка выражалась в законодательных мерах по развитию переселенческого движения, увеличению финансирования мер П.А. Столыпина в деревне. В провинции народные избранники предпринимали конкретные шаги по развитию агрономических знаний в крестьянской среде, внедрению передовой техники, а также улучшению условий жизни в деревне. Вместе с тем в итоговом голосовании по земельной реформе П.А. Столыпина приняли участие депутаты III Государственной думы. Из 11 депутатов, представляющих Костромскую и Ярославскую губернии, за принятие законов 1910 и 1911 г. проголосовали 6 депутатов (54,5 %): 3 от Костромской губернии (два октябриста и умеренно правый) и 3 от Ярославской губернии (1 октябрист, 2 умеренно правых). Это свидетельствовало о поддержке столыпинских реформ представителями Костромского и Ярославского края.

Примечания

¹ Землеустройство в Европейской России за 1906–1912 гг. Задачи, результаты, организация и средства. Санкт-Петербург: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. 250 с.

² Землеустройство в Европейской России за 1906–1912 гг. Задачи, результаты, организация и средства. Санкт-Петербург: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. 250 с.

³ Историко-статистические таблицы по Ярославской губернии за 1862–1898 гг. Ярославль: Типолит. Губернской земской управы, 1901. 87 с.

⁴ Ярославские отголоски. № 1. 1906. 6 августа.

⁵ Северная речь. № 13. 1906. 5 июля.

⁶ Думский листок № 15. 1907. 8 апреля.

⁷ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Т. 3. Д. 7358. Л. 2.

⁸ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Т. 3. Д. 7358. Л. 2.

⁹ ГАЯО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

¹⁰ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Т. 3. Д. 7446. Л. 1.

¹¹ ГАЯО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3.

¹² ГАЯО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3.

¹³ Ярославские отголоски. № 120. 1908. 31 мая.

¹⁴ Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. 1910–1911 гг. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1911. 632 с.

¹⁵ Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. 1911–1912 гг. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1911. 632 с.

¹⁶ Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. 1911–1912 гг. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1911. 632 с.

¹⁷ Поволжский вестник. № 1633. 1911. 18 декабря.

¹⁸ Северный вестник. № 41. 1911. 12 декабря.

Список литературы

Анфимов А.М. Тень Столыпина над Россией // История СССР. 1991. № 4. С. 112–121.

Бруцкус Б.Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Петроград: Право, 1922. 234 с.

Волков Н.В. Крестьянское движение в Верхнем Поволжье (1905–1917 гг.). Кострома: Костромской государственный педагогический институт, 1990. 84 с.

Вронский О.Г. Государственная власть Российской империи и проблемы формирования основ перспективного аграрного курса на рубеже XIX–XX вв. Москва: МПГУ, 1999. 108 с.

Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте–Столыпина. Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. 1080 с.

Могилевский К.И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства. Москва: РОССПЭН, 2008. 328 с.

Рогалина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. 230 с.

Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). Москва: РОССПЭН, 2011. 511 с.

Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911. Москва: Политиздат, 1991. 434 с.

Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. Москва: Памятники исторической мысли, 2001. 302 с.

Шелохаев В.В. История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества. Москва: Наука, 2013. 240 с.

References

Anfimov A.M. *Ten' Stolypina nad Rossiej* [Stolypin's Shadow over Russia]. *Istorija SSSR* [History of USSR], 1991, No. 4, 114 p. (In Russ.)

Bruckus B.D. *Agrarnyj vopros i agrarnaja politika* [Agrarian question and agrarian policy]. Petrograd, Pravo Publ., 1922, 234 p. (In Russ.)

Davydov M.A. *Dvadcat' let do Velikoj vojny: rossijskaja modernizacija Vitte-Stolypina* [Twenty years before the Great War: the Russian Modernization of Witte-Stolypin]. Saint Petersburg, Aletejja Publ., 2016, 1080 p. (In Russ.)

Mogilevskij K.I. *Stolypinskie reformy i mestnaja jelita: Sovet po delam mestnogo hozjajstva* [Stolypin reforms and the local elite: Council for Local Economy]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2008, 328 p. (In Russ.)

Rogalina N.L. *Vlast' i agrarnye reformy v Rossii HH veka* [Power and Agrarian Reforms in twentieth-century Russia]. Moscow, MGU im. M.V. Lomonosova Publ., 2010, 230 p. (In Russ.)

Shelohaev V.V. *Istorija dejatel'nosti pervyh Gosudarstvennyh dum dorevoljucionnoj Rossii: sravnitel'nyj analiz tradicij pravotvorchestva* [The history of the activity of the first State Dumas of pre-revolutionary Russia: comparative analysis of the traditions of law-making]. Moscow, Science Publ., 2013, 240 p. (In Russ.)

Solov'ev K.A. *Zakonodatel'naja i ispolnitel'naja vlast' v Rossii: mehanizmy vzaimodejstvija (1906–1914)* [Legislative and executive power in Russia: mechanisms of interaction (1906–1914)]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2011, 511 p. (In Russ.)

Stolypin P.A. *Nam nuzhna velikaja Rossija. Polnoe sobranie rechej v Gosudarstvennoj Dume i Gosudarstvennom Sovete. 1906–1911* [We need a great Russia. The complete collection of speeches in the State Duma and the State Council. 1906–1911]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 434 p. (In Russ.)

Tjukavkin V.G. *Velikorusskoe krest'janstvo i Stolypinskaja agrarnaja reforma* [The Great Russian Peasantry and Stolypin Agrarian Reform]. Moscow, Pamjatniki istoricheskoy mysli Publ., 2001, 302 p. (In Russ.)

Volkov N.V. *Krest'janskoe dvizhenie v Verhnem Povolz'he (1905–1917 gg.)* [Peasant Movement in the Upper Volga Region (1905–1917)]. Kostroma, Kostromskoj gosudarstvennyj pedagogicheskij institut Publ., 1990, 84 p. (In Russ.)

Vronskij O.G. *Gosudarstvennaja vlast' Rossijskoj imperii i problemy formirovanija osnov perspektivnogo agrarnogo kursa na rubezhe XIX–XX vv.* [The state power of the Russian Empire and the problems of forming the foundations of a promising agrarian course at the turn of the XIX–XX centuries]. Moscow, MPGU Publ., 1999, 108 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.04.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 24.04.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 05.05.2023.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ПО «ВОСПОМИНАНИЯМ» С.Ю. ВИТТЕ

Майорова Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, Natalyamaiorowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7293-7797>

Майоров Артем Дмитриевич, студент, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия, mayorov.artem.1999@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-8520-780X>

Аннотация. Статья посвящена анализу «Воспоминаний» С.Ю. Витте в контексте исследования дальневосточной политики Российской империи и нарастания противоречий России и Японии, приведших к войне 1904–1905 гг. С.Ю. Витте входил в политическую элиту России конца XIX – начала XX вв. и в качестве министра финансов и председателя Комитета министров был вовлечен в процесс принятия важнейших решений по вопросам внутренней и внешней политики. В мемуарах Витте нашли отражение его встречи с российским и германским императорами, японскими и китайскими государственными деятелями, членами императорской семьи, министрами по проблемам Дальнего Востока. Эти сведения обладают огромной ценностью, содержат многочисленные детали, пространные описания и личные наблюдения, связанные с проникновением России в Китай и обретением новых баз для тихоокеанского флота. Обратной стороной мемуаров является их субъективность и стремление автора особым образом подчеркнуть собственную историческую правоту при ошибочности мнений и недальновидности императора Николая II и его министров. С.Ю. Витте многократно укорял политическую верхушку в непоследовательности действий, нежелании соблюдать принятые на себя обязательства и недооценке противника. Все эти просчеты имели катастрофические последствия в форме поражения России в русско-японской войне и революции 1905–1907 гг.

Ключевые слова: С.Ю. Витте, Николай II, Вильгельм II, Дальний Восток, внешняя политика, Порт-Артур, Русско-японская война.

Для цитирования: Майорова Н.С., Майоров А.Д. Дальний Восток в российской внешней политике по «Воспоминаниям» С.Ю. Витте // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 18–23. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-18-23>

Research Article

THE FAR EAST IN RUSSIAN FOREIGN POLICY ACCORDING TO “MEMOIRS” BY S.YU. WITTE

Natalya S. Maiorova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, Natalyamaiorowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7293-7797>

Artem D. Maiorov, student, St. Petersburg Mining University, St. Petersburg, Russia, mayorov.artem.1999@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-8520-780X>

Abstract. The article is devoted to the analysis of “Memoirs” by S.Yu. Witte in the context of the study of the Far Eastern policy of the Russian Empire and contradictions between Russia and Japan, which had been growing only to cause the war of 1904–1905. S.Yu. Witte was a member of the political elite of Russia in the late 19th and the early 20th centuries and, as Minister of Finance and Chairman of the Committee of Ministers, he was involved in critical decisions on domestic and foreign policy matters. Witte’s memoirs reflected his meetings with the Russian and German emperors, Japanese and Chinese statesmen, members of the imperial family, and ministers for the Russian Far East. This information is of great value, containing numerous details, lengthy descriptions and personal observations related to the penetration of Russia into China and the acquisition of new bases for the Pacific Navy. The reverse side of the memoirs is their subjectivity and the author’s desire in a special way to emphasise his own historical correctness, despite the erroneous opinions and short-sightedness of Emperor Nicholas II and his ministers. S.Yu. Witte repeatedly reproached the political elite for inconsistency in actions, unwillingness to comply with the obligations assumed, and underestimation of the enemy. All these miscalculations had catastrophic consequences in the form of Russia’s defeat by the Japanese and the attempted Revolution of 1905–1907.

Keywords: S.Yu. Witte, Nicholas II, Wilhelm II, Russian Far East, foreign policy, Port Arthur, Russo-Japanese War.

For citation: Maiorova N.S., Maiorov A.D. The Far East in Russian foreign policy according to "Memoirs" by S.Yu. Witte. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 18–23 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-18-23>

Актуальность в современных реалиях вопросов внешней политики и изменений системы международных отношений не вызывает никаких сомнений. Укрепление влияния России в мире, образование союзов и коалиций государств, внимание к дальневосточному партнерству позволяет проводить параллели между рубежом XIX–XX вв. и днем сегодняшним. Дальневосточная политика России была и остается объектом пристального внимания ученых (особо отметим труды О.Р. Айрапетова, Я.А. Шулатова, М.М. Сидоровой, посвященные данному вопросу [Айрапетов; Айрапетов 2014; Сидорова; Шулатов]), все же обращение к историческому опыту, анализ политических действий и допущенных в начале XX в. просчетов кажутся совершенно необходимыми.

«Воспоминания» С.Ю. Витте пользовались повышенным и даже ажиотажным вниманием современников. Для историков «Воспоминания» – ценнейший источник сведений по самым разным аспектам экономической, политической и общественной жизни России рубежа веков. Министр финансов, а затем и председатель кабинета министров Российской империи С.Ю. Витте не просто был непосредственным участником, а сыграл главную роль во многих событиях конца XIX – начала XX вв. Интерес исследователей более всего вызывали денежная и иные экономические реформы, мнение Витте об императорах Александре III и Николае II, европейских правителях и государственных деятелях, оценка событий первой русской революции. Вопрос же дальневосточной политики и участие С.Ю. Витте в определении ее направлений и содержания остался вне сферы исторического анализа. В его пространных «Воспоминаниях» нашли отражение и события, разворачивавшиеся на дальневосточном театре, и ход «японской войны», и судьбы русского тихоокеанского флота. Но главное, Витте был в центре обсуждения и выработки значимых внешне- и внутривнутриполитических решений, что, несомненно, придает его мемуарам высокую ценность. Хотя сам автор утверждал, что «рассказы эти не могут претендовать ни на какую бы то ни было систематичность, ни на полную точность; на что они имеют полное право претендовать – это на то, что в общих чертах все сказанное составляет несомненную правду и излагает обстоятельства дела вполне беспристрастно и добросовестно» [Витте: 120].

Вопрос о приобретении дополнительного порта на Дальнем Востоке был поставлен и стал активно обсуждаться в высших сферах в связи с появлением немецких кораблей в бухте Киао-Чао. В начале

ноября 1897 г. по распоряжению императора Николая II для документального оформления российской позиции в отношении действий немцев было созвано совещание с участием министра иностранных дел графа М.Н. Муравьева, военного министра генерал-адъютанта П.С. Ванновского, министра финансов С.Ю. Витте и управляющего морским министерством П.П. Тыртова. Общее мнение министров было таково, что действия германской эскадры служат удачным поводом для занятия (а фактически захвата) Россией одного из дальневосточных портов – Порт-Артура или Да-лянь-вана. На совещании у императора серьезные возражения против такого шага высказал С.Ю. Витте. Он сослался на ранее достигнутые русско-китайские соглашения и признание Россией неприкосновенности Китая. Оказанное давление на Японию, вынужденную вывести свои войска с территории Ляодунского полуострова, а также принятие российской стороной на себя обязательств «защищать Китай от всяких посягательств Японии занять какую-либо часть китайской территории» придавало бы российским действиям характер «меры возмутительной и в высокой степени коварной». Коварство было явным не только по отношению к Китаю, но и к Японии и могло вызвать опасные политические и финансовые последствия: «Все это вовлечет нас в такие осложнения, которые могут кончиться самыми плачевными результатами». По словам С. Ю. Витте, морской министр Тыртов утверждал, что для флота было бы «гораздо удобнее иметь русский порт где-нибудь на берегу Кореи, ближе к открытому Тихому океану», а порты эти Да-лянь-ван и Порт-Артур этому требованию не соответствуют и «не могли бы вполне удовлетворить морское министерство» [Витте: 108–109]. В процессе обсуждения император, вопреки возникшему у него неудовольствию, поддержал позицию министра финансов. Витте полагал, что более убедительными для «молодого, жаждавшего славы, успехов и побед» императора было мнение военного министра и министра иностранных дел, для блага страны советовавших захватить китайские порты, и не был поражен изменением политических предпочтений государя. Спустя несколько дней Николай II довел до его сведения, что принял решение взять порты Да-лянь-ван и Порт-Артур и даже отправил туда флотилию, опасаясь их захвата англичанами. С.Ю. Витте предпринял попытку обратиться с просьбой об отводе немецких кораблей лично к германскому императору Вильгельму II, но и в этом направлении не добился результата.

Отставка военного министра П.П. Ванновского и замена его генералом Куропаткиным ситуации не изменила. Витте не смог найти в новом главе военного ведомства поддержки своей позиции. Под влиянием П.А. Куропаткина были сформулированы дополнительные условия, которые и предъявили Китаю как основу русско-китайского соглашения. Русские корабли уже стояли в бухте Порт-Артура, но находящиеся на них войска на берег не сходили. Отношение китайских властей в подобной ситуации с благосклонного менялось на прямо противоположное. Командующий эскадрой адмирал Ф.В. Дубасов имел прямой приказ занять Квантунскую область. Сил для противодействия китайцы не имели. Благодаря оказанному давлению и, по словам С.Ю. Витте, выплаченным китайским чиновникам взяткам, 15 марта 1898 г. соглашение все-таки было подписано. Витте не сомневался, что этот «роковой шаг будет иметь ужасные для России последствия» [Витте: 110], но ответственность за него возлагал не на Николая II, а на германского императора, сознательно стремившегося вовлечь Российскую империю в дальневосточную политику. Ответное негодование Великобритании и Японии было предсказуемо. Спустя месяц, 13 апреля, между Россией и Японией было заключено соглашение, по которому российская сторона отказывалась от финансово-экономического и военного присутствия в Корее и признавала ее сферой японского влияния.

Действия Германии и России фактически развязали руки другим европейским державам для раздела Китая. Вызванное этим боксерское восстание обусловило военное вмешательство европейских стран в китайские дела. В высших эшелонах власти мнения вновь разделились. Генерал Куропаткин и под его влиянием император выступали за активные действия русских войск, С.Ю. Витте и министр иностранных дел В.Н. Ламсдорф – против. Витте писал: «Я угрозовал Куропаткина, просил Его Величество оставить Пекин в покое, не двигаться с нашими войсками для подавления беспорядков в Пекине, предоставив эту задачу иностранным державам... Я убеждал Его Величество, что нам не следует вмешиваться в это дело, потому что мы, собственно в Пекине, да и вообще в Китае, – за исключением Манджурии – не имеем никаких серьезных интересов, что нам нужно защищать наше положение в Манджурии, не раздражая китайцев и Китай. Пусть это делают те державы, которые заинтересованы в положении дел в Пекине и южном Китае» [Витте: 145]. Восстание в Пекине было подавлено, и русские войска выведены. Новые инциденты и действия боксеров в Манджурии стали «законным» поводом для введения в северную часть Китая российских войск из Приамурской области, подавления новых очагов восстания и после-

дующей оккупации Манджурии. Все это, по мнению Витте, создало «почву, на которой неизбежно должна была разразиться катастрофа» [Витте: 147]. Надежды на нормализацию отношений с Китаем Витте и Ламсдорф связывали с оставлением Манджурии, отказом от вмешательства в его внутренние дела и насильственных действий.

Действия А.М. Безобразова и организация в Корее концессий с целью завуалированного проникновения в эту сферу японского влияния в оценке С.Ю. Витте также имели крайне негативные последствия для отношений двух стран. «Все это, конечно, было вполне известно японцам, и японцы поняли, что, с одной стороны, мы им официально уступили Корею, а с другой – неофициально хотим все-таки властвовать в Корее. Такое положение дела, естественно, крайне настроило японцев против нас, и уже не столько китайцы – как японцы, поддерживаемые, между прочим, Англией и Америкой, настаивали на удалении нас из Манджурии» [Витте: 150]. Требование было вполне обоснованным, поскольку российская сторона заявляла о желании оказать помощь китайскому правительству в подавлении боксерского восстания и выводе своих войск после восстановления законной власти в Китае. Действия России, прямо расходившиеся с достигнутыми договоренностями, подорвали доверие к ней и со стороны Китая, и со стороны Японии.

Интерес к дальневосточным делам проявляла и вдовствующая императрица Мария Федоровна, с которой Витте встречался в Копенгагене. Министр финансов дал пояснения о причинах возникновения боксерского восстания и возможных последствиях. Так он заверил императрицу, «что если только мы будем благоразумны, то никаких особенных последствий, чрезвычайных для России, ожидать нельзя» [Витте: 153]. Но как раз благоразумия политикам и военным не хватило.

15 ноября 1901 г. в Петербург прибыл японский государственный деятель, в недавнем прошлом премьер-министр Ито Хиробуми. Цель его визита состояла в заключении двустороннего соглашения, которое урегулировало бы русско-японские отношения и разрешило конфликт. Основой соглашения было признание Кореи сферой японского влияния при аналогичном признании за Россией Квантунской области и выводе российских войск из Манджурии с последующей реализацией на этой территории политики открытых дверей. С.Ю. Витте высоко ценил Ито Хиробуми, отзываясь о нем как о замечательном и великом государственном деятеле. Витте и японский посланник в ходе личных встреч обнаружили единомыслие во взглядах, но в целом в Петербурге маркиза Ито встретили прохладно и предложенный им проект соглашения не был принят. Предложения, выдвину-

тые российской стороной, не удостоились ответа маркиза Ито, а неудача петербургских переговоров только ускорила сближение Японии и Англии. В решении вопроса о неизбежности Русско-японской войны мнение С.Ю. Витте совершенно однозначно – войны можно было избежать, последовательно соблюдая статьи договоров с Китаем, достигнув соглашения с Японией о Корее и выведя войска из Манчжурии.

Подготовка Японией к войне в России подвергалась замалчиванию, если не игнорированию, поскольку «не хотели верить в эту войну и, ведя самую задорную политику, к войне не готовились, все помыслы военного ведомства были направлены к возможной войне с Германией» [Витте: 186].

Поездка Витте на Дальний Восток и сделанные им выводы не вызвали, по словам министра финансов, серьезного интереса и внимания государя, который настоятельно просил все изложить в докладе. Отсутствие интереса к объективному изложению фактов С.Ю. Витте связывал с влиянием А.М. Безобразова и все большей склонностью императора к рискованным шагам и военному столкновению.

30 июля 1903 г. указом императора учреждалось Дальневосточное наместничество, и наместником был назначен генерал-адъютант адмирал Е.И. Алексеев. Факт учреждения наместничества для С.Ю. Витте стал определяющим: «Со дня утверждения наместничества я уже считал дело Дальнего Востока проигранным и был уверен, что все это поведет к войне, а потому поставил на этом деле крест» [Витте: 196].

Текст «Воспоминаний» свидетельствует о субъективизме автора мемуаров, пристрастного в оценке как исторических личностей, так и событий, участие в которых он принимал. Витте высоко оценивал собственный вклад в устройство разных сфер жизни русского общества, но признавал свою неудачу в деле предотвращения военного столкновения с Японией. По словам Витте, при личной встрече германский император Вильгельм II «сообщил, что, по его сведениям, Япония сильно готовится к войне, на что Его Величество с полным спокойствием ответил: “Войны не будет, так как Я ее не хочу”. (Германское министерство иностранных дел получало с Дальнего Востока сведения <...>, что Япония чрезвычайно усиленно готовится к войне, что при том способе действий, какой усвоила Россия, в Японии войну считают неизбежной. К заключению о неизбежности войны Япония пришла после того, как узнала, что я удалился от дел, – так как ей было известно, что я являюсь главным элементом, сдерживающим воинствующее направление)» [Витте: 227]. Следствием уверенности германского императора в том, что угрозы японской войны нет, стало отсутствие сколько-нибудь значительных подготовительных мероприятий русской

армии на Дальнем Востоке. Претензии в попустительстве развязыванию русско-японского конфликта Витте выдвигал и союзной с Россией Франции. На его взгляд, переброска значительных военных сил из европейской части страны на Дальний Восток обесценивала франко-русский союз и ослабляла влияние России в Европе. В то же время твердая позиция – «энергичное слово» французской стороны могло придать переговорам России и Японии совершенно иной характер, «отнестись к ним более зрело и с большею опаскою», в итоге «очень может быть, что войны совсем не было бы» [Витте: 334].

После отставки С.Ю. Витте с поста министра финансов и назначения председателем комитета министров многочисленные, но мягкие попытки министра иностранных дел В.Н. Ламсдорфа противодействовать нагнетанию конфликта с Японией успеха не имели: «Думать, что не будет войны, мог только тот, кто не знал характера (или бесхарактерности, как хотите) Государя и всю обстановку, неизбежно влекущую к войне» [Витте: 236]. Министр иностранных дел был фактически отстранен от ведения переговоров с японцами. Переговоры затягивались, роль в них наместника Е.И. Алексеева казалась японцам весьма дувусмысленной и, более того, унижительной. По словам японского посла в России Курино, сказанным им в частной беседе с С.Ю. Витте, «переговоры ведутся так, что Россия, видимо, хочет войны» [Витте: 237]. Если японская сторона дает ответы немедленно, то российская спустя недели и месяцы, что подталкивало японцев к неизбежному выводу о намеренном затягивании переговоров. Правящие круги и общественное мнение Японии были настроены в пользу войны, которая и началась в январе 1904 г.

В июле 1904 г. во время визита находившегося в «первой опале» С.Ю. Витте в Берлин в рамках подготовки нового российско-германского торгового договора было получено сообщение «от агента министерства финансов в Лондоне д. с. с. Рутковского, к которому было приложено донесение его нашему послу по поводу делаемого японским послом в Лондоне Гаяши через бывшего немецкого дипломата, проживающего в Лондоне, предложения его встретиться <...> и войти в соглашение о мире до падения Порт-Артура, причем Гаяши заявил, что в таком случае условия мира будут более легкие для России, нежели после того, как Порт-Артур будет взят японцами» [Витте: 261]. Истинность намерений Гаяши была подтверждена, но намерений вступать в переговоры император не поддержал.

Поражение при Цусиме имело решающее значение в вопросе о прекращении войны и начале мирных переговоров. Мнение Витте о бесперспективности войны и усилия убедить царя начать переговоры

были общеизвестны: «Благодаря этим попыткам Его Величество знал, как я был против того, чтобы начинать эту войну, принесшую нам такие несчастья, так и в течение войны стремился, – и не скрывал моих мыслей перед Его Величеством, – не доводить войну до крайности и покончить скорее дело миром; так как я был уверен, что чем раньше мы пойдем на мирные переговоры, тем лучшие результаты нами будут достигнуты» [Витте: 318].

В рамках подготовки участия российской делегации в переговорах в Портсмуте С.Ю. Витте встречался с главнокомандующим войсками Петербургского округа и председателем комитета обороны великим князем Николаем Николаевичем. В разговоре с ним были обозначены перспективы дальнейшего хода войны в случае неудачи переговоров: 1) армия не может перенести поражения, равного Ляоянскому и Мукденскому; 2) «при благоприятных обстоятельствах с возможным усилением нашей армии имеется полная вероятность, что мы оттесним японцев до Квантунского полуострова и в пределы Кореи, то есть за Ялу, что для этого, вероятно, потребуется около года времени, миллиарда рублей расхода и тысяч 200–250 раненых и убитых»; 3) успехи армии невозможны без Тихоокеанского флота; 4) Япония имеет все шансы к захвату о. Сахалин и части Приморской области» [Витте: 326]. Схожую мысль высказал и морской министр А.А. Бирилев, подчеркнувший, что флота на Тихом океане у России нет и Япония является хозяйкой положения.

Русско-японская война вызвала серьезные перемены в системе международных отношений: натянутость в отношениях Англии и Франции сменилась сближением, ослабление России усилением Германии. Намеки на желательность заключения мира с Японией высказывала и союзная России Франция, сознававшая свою незащищенность в Европе в случае возникновения там очага напряженности.

Несколько предполагаемых кандидатов на роль руководителя российской делегации отпали ввиду «неожиданного» ухудшения состояния здоровья, а точнее, огромной сложности задачи. Сам Витте рассматривал ситуацию под несколько иным углом зрения: «Все европейские державы почему-то имели обо мне высокое мнение, и все правительства единогласно выражали мнение, что если кто-либо сумеет заключить мир, то это только один Витте» [Витте: 336]. России был нужен мирный договор, но не ценой территориальных потерь, уступок и контрибуций, и это при понимании того, что тихоокеанский флот разгромлен при Цусиме, а армия не имеет сил и единства командования для продолжения войны. Избранная главой российской делегации модель поведения включала в себя несколько пунктов: «(1) ничем не показывать, что мы желаем мира, вести себя так, что-

бы внести впечатление, что если Государь согласился на переговоры, то только ввиду общего желания почти всех стран, чтобы война была прекращена; 2) держать себя так, как подобает представителю России, то есть представителю величайшей империи, у которой приключилась маленькая неприятность», расположить к себе американскую прессу и общественное мнение [Витте: 340–341]. Программа себя оправдала и была одной из составляющих успеха «благоприятного мира» с Японией, в подписание которого мало верили даже в его канун. Глава японской делегации Комура в один из дней упрекнул Витте: «Вы говорите постоянно так, как победитель» и получил ответ: «Здесь нет победителей, а потому нет и побежденных» [Витте: 343].

Сознание важности подписания мира С.Ю. Витте базировалось на понимании того, что продолжение войны несет угрозу свержения династии и гибели страны. Роль С.Ю. Витте на переговорах в Портсмуте была очень непроста, но результаты не могли не вызывать восхищения. Портсмутский мир был безоговорочно признан победой России после года многочисленных поражений. Однако война выявила слабость государственной машины, способствовала эскалации революции, уронила престиж страны и значительно ослабила позиции в дальневосточном регионе.

Список литературы

Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914. В 4 т. Москва: Кучково поле, 2017–2018.

Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. Москва: Торговый Дом Алгоритм, 2014. 496 с.

Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. 1. Ленинград: Государственное изд-во, 1924. 472 с.

Сидорова М.М. Геополитическая дилемма России в конце XIX – начале XX в. Москва: МАКС Пресс, 2003. 173 с.

Шулатов Я.А. На пути к сотрудничеству: русско-японские отношения в 1905–1914 гг. Хабаровск; Москва: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2008. 300 с.

References

Airapetov O.R. *Istoriia vneshnei politiki Rossiiskoi imperii. 1801–1914. V 4 t.* [History of the foreign policy of the Russian Empire. In 4 vol.]. Moscow, Kuchkovo pole Publ, 2017–2018. (In Russ).

Airapetov O.R. *Na puti k krakhu. Russko-iaponskaia voina 1904–1905 gg. Voенno-politicheskaiа istoriа* [On the way to collapse. Russo-Japanese War 1904–1905 Military-political history]. Moscow, Torgovyi Dom Algoritm Publ, 2014. 496 p. (In Russ).

Vitte S.Iu. *Vospominaniia. Tsarstvovanie Nikolaia II. T. I* [Memories. Reign of Nicholas. Vol. 1]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1924, 472 p. (In Russ.)

Sidorova M.M. *Geopoliticheskaia dilemma Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [The geopolitical dilemma of Russia in the late XIX – early XX century]. Moscow, MAKS Press Publ, 2003. 173 p. (In Russ).

Shulatov Ia.A. *Na puti k sotrudnichestvu: rossiiskoiaponskie otnosheniia v 1905–1914 gg.* [On the way to

cooperation: Russian-Japanese relations in 1905–1914]. Khabarovsk; Moscow: In-t vostokovedeniia RAN Publ, 2008. 300 p. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 07.03.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 07.03.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 05.05.2023.

ГРАЖДАНСКИЙ СТАТУС ПРАЗДНОВАНИЙ В ЧЕСТЬ ФЕОДОРОВСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ В XIX–XX ВЕКАХ В КОСТРОМЕ

Ферапонт, митрополит Костромской и Нерехтский (Кашин Дмитрий Витольдович), кандидат богословия, глава Костромской митрополии Русской православной церкви, Кострома, Россия, ferapontk@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2895-9523>

Аннотация. В статье рассматривается ранее не привлекавший внимания исследователей аспект почитания Феодоровской иконы Божией Матери: установление в середине XIX века и в начале XX столетия неprisутственных (выходных) дней в городе Костроме в дни празднований в честь Феодоровской иконы 14 марта и 16 августа (по старому стилю). Такой гражданский статус церковного торжества не был уникальным для Российской империи того времени, однако подобное случалось лишь в немногих местностях, перечень которых до 1863 года публиковался отдельной статьей в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений, входившем в Свод законов Российской империи (с 1863 года этот перечень был заменен на общее указание о таких празднованиях). Публикуются фрагменты впервые вводимых в научный оборот документов, связанных с учреждением в Костроме неprisутственных дней 14 марта (1852–1853 годы) и 16 августа (1899–1901 годы). Отмечается, что соответствующие решения принимались на высшем уровне государственной власти империи, однако в обоих случаях по ходатайству костромичей: предложение об установлении неprisутственного дня 14 марта было изложено исправляющим должность костромского губернатора в отношении на имя министра внутренних дел, а учредить в Костроме неprisутственный день 16 августа предложила Костромская городская дума.

Ключевые слова: Кострома, Феодоровская икона Божией Матери, неprisутственный день, церковное празднование, Устав о предупреждении и пресечении преступлений, Костромская городская дума.

Для цитирования: Ферапонт (Кашин Д.В., митрополит). Гражданский статус празднований в честь Феодоровской иконы Божией Матери в XIX–XX веках в Костроме // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 24–28. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-24-28>

Research Article

CIVIL STATUS OF CELEBRATIONS IN HONOUR OF THE ICON OF OUR LADY OF SAINT THEODORE IN THE 19TH–20TH CENTURIES IN KOSTROMA

Ferapont, Metropolitan of Kostroma and Nerekhta (Dmitry V. Kashin), Candidate of Theology, Head of Kostroma Metropolis of the Russian Orthodox Church, Kostroma, Russia, ferapontk@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2895-9523>

Abstract. The article deals with the aspect of veneration of the icon of Our Lady of Saint Theodore that did not attract the attention of researchers before – the establishment in the mid-19th century and at the early 20th century of non-attendant days (days off) in the city of Kostroma during the celebrations in honour of the Feodorovskaya Icon on March 14 and August 16 (according to the old style). Such a civil status of a church celebration was not unique to the Russian Empire of that time, but this happened only in a few regions, the list of which was published as a separate article until 1863 in the Charter on the Prevention and Suppression of Crimes, which was part of the Code of Laws of the Russian Empire (after 1863, the said list was replaced by a general indication of such celebrations). Fragments of firstly introduced into scientific discourse documents, related to the establishment of non-attendant days in Kostroma on March 14 (1852–1853) and August 16 (1899–1901) were published. It was noted that the relevant decisions were made at the highest level of state power of the Empire; however, in both cases, at the request of Kostroma residents – the proposal to establish a day off on March 14 was set forth by the performing position of Kostroma governor in the letter to the Minister of Internal Affairs, and Kostroma City Duma proposed to establish a day off in Kostroma on August 16.

Keywords: Kostroma, icon of Our Lady of Saint Theodore, non-attendant day, day off, church celebration, Charter on Prevention & Suppression of Crimes, government offices, Kostroma City Duma.

For citation: Kashin D.V. (Metropolitan Ferapont). Civil status of celebrations in honour of the icon of Our Lady of Saint Theodore in the 19th–20th centuries in Kostroma. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 2, pp. 24–28. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-24-28>

Почитание Феодоровской иконы Божией Матери началось в Костроме сразу после появления святыни в городе, то есть с конца пятидесятых – начала шестидесятых годов XIII века. Основными днями таких торжеств первоначально были праздник Успения Пресвятой Богородицы (15 августа по старому стилю) и следующий день, 16 августа, когда и состоялось – согласно Сказанию о явлении и чудесах Феодоровской иконы [Ферапонт: 286–287; Сказание: 210] – ее обретение костромским князем Василием Ярославичем в лесу близ речки Запрудни. Успение Божией Матери чествовалось и как престольный праздник построенного предположительно в XV веке в дереве, а в XVI столетии в камне Успенского собора Костромского кремля, и как (согласно тому же Сказанию) день принесения чудотворной иконы в Кострому великомучеником Феодором Стратилатом; 16 августа по древней традиции крестный ход с Феодоровской иконой отправлялся из Костромского кремля, где хранилась святыня, в Спасо-Запрудненскую церковь (до XVIII века – мужской монастырь).

В память о событиях 1613 года, когда 14 марта (по старому стилю) в Ипатьевском монастыре Михаил Феодорович Романов принял избрание его земским собором на престол государства Российского, было установлено еще одно празднование Феодоровской иконе Божией Матери – 14 марта, ставшее со временем основным днем чествования святыни в церковном году; в этот же день с семидесятых годов XVIII века праздновали и явление иконы¹, что, однако, по существу не соответствовало исторической традиции. Протоиерей Павел Островский, ключарь Успенского собора Костромского кремля, церковный историк и краевед (а также дядя знаменитого драматурга А.Н. Островского), отмечал по этому поводу: «Праздник явления чудотворного Феодоровского образа Богородицы 16 августа, в сравнении с праздником 14 марта, во всех отношениях можно назвать второстепенным» [Островский: 5]. Сейчас эти празднования – 27 марта и 29 августа по новому стилю – почитаются равнозначными, а в день воспоминания явления иконы 29 августа совершается традиционный крестный ход из костромского кафедрального собора на Запрудню.

Однако в истории празднований в честь чудотворной иконы имеется аспект, который ранее практически не рассматривался исследователями. Дни 14 марта и 16 августа в Костроме в начале XX столетия были не просто церковными праздниками: они имели гражданский статус неприсутственных (выходных) дней, причем решения об этом принимались на высшем уровне государственной власти.

Следует отметить, что ежегодные костромские торжества в честь чудотворной иконы были с давних времен известны далеко за пределами города.

В грамоте царя Михаила Феодоровича от 20 марта 1616 года «на Кострому стольнику нашему и воеводам» говорится о традиции привозить из костромского Успенского собора в Москву к царю «праздничные святыи воды» (то есть святую воду, освященную в день праздника) «успенские и зимою Пречистые Богородицы чудотворного образа Федоровские» [Островский: 205–206]. В протоколе заседания Святейшего синода 18 июня 1723 года, где шла речь о прекращении ношения икон в крестных ходах, перечисляются примеры таких ходов: «...принапомятая оных ношения, а имянно: Ярославского уезда ис Толгского монастыря в Ярославль в соборную церковь образа Богородичина, именуемого Толгские; из Ростова из Рождественного девичья монастыря Богородична ж образа, имянуемые Тихфинские, в ярославскую в соборную церковь; и на Костроме Феодоровские, ис Печерского да из Святогорского во Псков, в Нове городе Знаменской, и в протчих тому подобных местех»². Но время для придания костромским празднованиям наряду с церковным и специально-гражданского статуса пришло лишь в XIX столетии, с введением в действие Устава о предупреждении и пресечении преступлений.

Данный Устав, опубликованный в 1832 году и входивший в Свод законов Российской империи, сейчас может показаться архаичным и даже диковинным; однако его следует оценивать в историческом контексте, с учетом реалий церковно-государственных отношений того времени. Уже в первой редакции Устава говорилось о необходимости почитания праздничных дней: в разделе первом «О предупреждении и пресечении преступлений противу веры» имелась глава вторая «О предупреждении и пресечении уклонения от исполнения правил Церкви Православной», второе отделение которой носило название «О предупреждении и пресечении нарушения святости дней воскресных и торжественных дней, как церковных (Господских праздников), так и гражданских (статских)». В этом отделении первоначально приводился список праздничных дней, «в кои присутственные места свободны от собраний (...), а училища от учения» лишь на общегосударственном уровне³. Но уже вскоре в этот перечень стали добавляться местные празднования: в 1848 году – в Пскове, в 1850 году – в Харькове, и далее. В 1853 году к списку неприсутственных дней «местного значения» добавились и костромские торжества 14 марта.

Инициатором такого установления стали костромские власти. Восемнадцатого марта 1852 года исправляющий должность костромского губернатора (имя его в документах не указано, а подпись неразборчива – но, видимо, это был вице-губернатор князь С.П. Гагарин, руководивший губернией после ухода с должности прежнего губернатора И.В. Камен-

ского) направил министру внутренних дел отношение по поводу празднования дня 14 марта в Костроме. Вице-губернатор предлагал: «Принимая во внимание, что праздник этот имеет особенную местную важность для жителей города Костромы, тем более что воспоминание о чудотворной иконе Феодоровской Божией Матери тесно связывается с историей великого события в нашем Отечестве – именно восшествия на престол царя Михаила Феодоровича, я имею честь представить на благоусмотрение Вашего сиятельства, не изволить ли признать возможным исходатайствование, дабы в день 14 марта костромские присутственные места были освобождены от занятий»⁴.

Министерство внутренних дел запросило по этому поводу мнение Святейшего синода, и 23 сентября 1852 года обер-прокурор Синода граф Н.А. Протасов сообщил: «По изъясненным в представлении исправляющего должность костромского гражданского губернатора уважениям, освобождение тамошних присутственных мест от занятий в 14-й день марта каждого года (...) Святейший Синод признает и с своей стороны приличным»⁵. После этого министр внутренних дел Д.Г. Бибииков 31 октября того же года направил в Правительствующий сенат рапорт⁶, поддерживавший поступившее из Костромы предложение. Затем вопрос рассматривался в департаментах Сената, и в итоге Государственный совет вынес решение: «Сверх общих праздничных дней, в кои все присутственные места освобождаются от собраний, присутственные места г. Костромы пользуются сей свободой 14 марта, в день местного празднования явления чудотворной иконы Божией Матери, соединенного с воспоминанием восшествия на престол родоначальника царствующего императорского Дома царя Михаила Феодоровича»⁷.

Высочайше утвержденное 19 октября 1853 года, это решение вступило в законную силу и было отражено в тексте Устава о предупреждении и пресечении преступлений. В издании Устава 1857 года уже присутствовала статья 31, перечислявшая неприсутственные дни на местном уровне: «Освобождаются от заседаний присутственные места: в Пскове двадцать второго апреля, двадцать седьмого ноября, (...) в Костроме четырнадцатого марта (...)»⁸. Но в 1863 году – видимо, поскольку список таких дней и мест постоянно увеличивался – конкретный перечень был заменен общей формулировкой: «Для некоторых городов устанавливаются особые праздничные дни, в кои присутственные места тех местностей освобождаются от служебных занятий, а училища от учения. Дни сии определяются по предварительному соглашению министра внутренних дел с министрами юстиции, народного просвещения и с Святейшим Синодом, с высочайшего разрешения, испрашиваемого

через Комитет министров, и означаются в инструкциях или циркулярах Министерства внутренних дел»⁹.

Спустя несколько десятилетий – вновь по инициативе костромичей – неприсутственным днем стал и другой ежегодный праздник в честь Феодоровской иконы Богоматери, 16 августа (по старому стилю). Это тем более примечательно, что в отличие от 14 марта день исторического явления святыни даже в церковном смысле был празднованием исключительно местным, не отраженным в официальном общецерковном календаре.

Предложение об установлении неприсутственного дня 16 августа впервые прозвучало на заседании Костромской городской думы 11 ноября 1899 года. В пункте 8 протокола этого заседания отмечалось: «Выслушано заявление члена городской управы Н.Ф. Ламехова и лиц, служащих приказчиками в костромских торговых заведениях, о ходатайстве пред правительством об установлении неприсутственного дня в праздник явления чудотворной иконы Феодоровской Божией Матери 16-го августа. Городская управа в докладе своем высказала свое согласие на означенное ходатайство. Дума, признавая знаменательным для жителей Костромы день 16 августа, явления местной чудотворной иконы Феодоровской Божией Матери, чтимой с особым боголепием не только жителями Костромы, но и всей губернией, но, принимая во внимание, что многие лица по своим служебным положениям лишены возможности прекращать свои дела и быть за богослужением и почитать этот торжественный день за неосвобождением от занятий, постановила: поручить управе ходатайствовать пред правительством об установлении неприсутственного дня 16-го августа в день явления местной чудотворной Феодоровской Божией Матери»¹⁰.

Первого февраля 1900 года исправляющий должность костромского губернатора вице-губернатор Е.Е. Извеков препроводил ходатайство думцев в Министерство внутренних дел, изложив позицию начальства Костромской епархии по данному вопросу («не имеет с своей стороны к возбуждению этого ходатайства никаких препятствий и вполне сочувствует доброму начинанию городской думы, желая полного успеха в этом ходатайстве»¹¹) и высказавшись лично: «С своей стороны я признавал бы это ходатайство городской думы заслуживающим уважения»¹². Однако городской думе пришлось еще раз собраться по данному вопросу. Хозяйственный департамент МВД счел необходимым уточнить суть просьбы: идет ли речь об освобождении присутственных мест от занятий, а училищ от учения (то есть в формулировке Устава о предупреждении и пресечении преступлений), либо только «в смысле воспрещения в этот день производства торговли в гор. Костроме»¹³. На заседании 23 марта 1900 года Костромская

городская дума отметила, что речь идет именно об установлении неприсутственного дня, а не только о прекращении торговли¹⁴, и после высылки копии думского журнала в столицу начался предусмотренный законом процесс рассмотрения ходатайства.

Одобрительные отзывы на предложение костромичей дали Министерство юстиции¹⁵, Министерство народного просвещения¹⁶, Святейший синод¹⁷; Синодом было вынесено по этому поводу определение от 26 января – 7 февраля 1901 года № 338¹⁸. По исполнению необходимых формальностей министр внутренних дел Д.С. Сипягин 5 сентября 1901 года представил этот вопрос на рассмотрение Комитета министров со своим заключением: «В виду изложенного я и с своей стороны полагаю бы установить для города Костромы праздничный день 16 августа, в день явления чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери»¹⁹.

На своем заседании 16 октября 1901 года Комитет министров, выслушав записку министра внутренних дел, положил обратиться к императору: «Испросить высочайшее Вашего императорского величества соизволение на установление в г. Костроме ежегодно, в день явления чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери – 16 августа, наряду с церковным и гражданским праздником, в который присутственные места освобождались бы от служебных занятий, а училища от учения»²⁰. Через две недели, 30 октября, император Николай II «высочайше повелеть соизволил установить в г. Костроме ежегодно в день явления чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, 16 августа, наряду с церковным и гражданским праздником»²¹. Извещения об учреждении в Костроме такого гражданского празднования были опубликованы в печати, в том числе и в «Костромских епархиальных ведомостях»²².

Таким образом, в начале XX века оба торжества в честь чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери – 14 марта и 16 августа (по старому стилю) – получили статус не только церковного, но и местного (для города Костромы) гражданского праздника, что само по себе было незаурядным явлением для Российской империи того времени. Особенно следует отметить, что в обоих случаях инициаторами установления такого праздника были костромичи, заботившиеся о почитании главной святыни Костромской земли. Полагаем, что этот опыт может оказаться востребованным и сейчас, когда проведение торжеств в честь чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери вновь является важной составляющей государственно-церковного сотрудничества в нашем регионе.

Примечания

¹ К истории Костромской епархии. Указ 1779 года о вновь напечатанной службе Пресвятой Богородице

Феодоровской и о праздновании явления Феодоровской иконы 14 марта. (Из рукописей Макарьево-Уженского монастыря) // Костромские епархиальные ведомости. 1890. № 20 (15 октября). Отдел II, часть неофициальная. С. 536–538.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 2. Д. 244. Л. 8.

³ Свод законов Российской империи. Т. XIV. Свод уставов благочиния. Ч. 3, 4 и 5. Санкт-Петербург: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1832. С. 8 (разд. пагин.).

⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 13. Д. 405. Л. 1 – 1 об.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 5 – 6 об.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXVIII. Отделение первое. 1853. От № 26905 – 27827. Санкт-Петербург: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1854. С. 488. № 27624.

⁸ Свод законов Российской империи. Т. XIV. Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражей, и о ссыльных. Санкт-Петербург: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. С. 9 (разд. пагин.).

⁹ Устав о предупреждении и пресечении преступлений: [Москва: Тип. Т. Рис], 1872. С. 10.

¹⁰ РГИА. Ф. 1287. Оп. 44. Д. 192. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 1.

¹² Там же. Л. 1 об.

¹³ Там же. Л. 4 – 4 об.

¹⁴ Там же. Л. 6 – 6 об.

¹⁵ Там же. Л. 14.

¹⁶ Там же. Л. 15 – 15 об.

¹⁷ Там же. Л. 9.

¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 182. Д. 2414. Л. 3.

¹⁹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 44. Д. 192. Л. 16 об.

²⁰ РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5512. Л. 106 об. – 107.

²¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 44. Д. 192. Л. 21.

²² О праздновании дня 16 августа в городе Костроме: (Указ Святейшего Синода преосвященному Виссариону, епископу Костромскому и Галичскому, № 63) // Костромские епархиальные ведомости. 1902. № 3 (1 февраля). Отдел I, часть официальная. С. 23.

Список литературы

Островский П.Ф., прот. Историческое описание костромского Успенского кафедрального собора, составленное того собора священником П. Островским. Москва: Тип. В. Готье, 1855. XV, 255 с.

Сказание о явлении и чудесах Феодоровской иконы Богоматери // Вестник археологии и истории, издаваемый Императорским Археологическим институтом. 1909. Вып. 19. С. 187–260.

Ферапонт (Кашин), митрополит Костромской и Нерехтский. Минеяная (милиутинская) редакция «Сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери» (XVII век) // Богословский вестник. 2020. № 3 (38). С. 280–293.

References

Ferapont (Kashin), Metropolitan of Kostroma and Nerekhta. Mineinaia (milyutinskaia) redaktsiia «Skazaniia o iavlenii i chudesakh Feodorovskoi ikony Bozhiei Materi» (XVII vek) [The Menaion (Milyutin) edition of The Tale of the Appearance and Miracles of the Feodorovskaya Icon of the Mother of God (XVII century)]. *Bogoslovskii vestnik* [Theological Bulletin], 2020, No. 3 (38), pp. 280-293. (In Russ.)

Ostrovsky P.F., archpriest. *Istoricheskoe opisanie kostromskogo Uspenskogo kafedral'nogo sobora, sostavlen-*

noe togo sobora sviashchennikom P. Ostrovskim [Historical description of the Assumption Cathedral in Kostroma, compiled by the priest P. Ostrovsky]. Moscow, Printing House V. Got'e Publ., 1855, XV, 255 p. (In Russ.)

Skazanie o iavlenii i chudesakh Feodorovskoi ikony Bogomateri [The Legend of the Appearance and Miracles of the Feodorovskaya Icon of the Mother of God]. *Vestnik arkheologii i istorii, izdavaemyi Imperatorskim Arkheologicheskim institutom* [Bulletin of Archeology and History, published by the Imperial Archaeological Institute], 1909, vol. 19, pp. 187-260. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.03.2023; одобрена после рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 27.03.2023; approved after reviewing 27.04.2023; accepted for publication 05.05.2023.

«МЕДАЛЬНО-ЗНАКОВАЯ СТОРОНА» РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Синегубов Станислав Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, социально-экономических и общественных дисциплин, Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, Ишим, Россия, globus_75@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7458-5062>

Галяутдинов Ярослав Рашитович, студент социально-гуманитарного факультета, Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, Ишим, Россия, galyautdinov.slava@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-2948-4545>

Заворохина Наталья Сергеевна, ассистент кафедры истории, социально-экономических и общественных дисциплин, Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, Ишим, Россия, co-ishim@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0402-1904>

Аннотация. Наградная система российского государства, в частности ее медально-знаковая составляющая, имеет глубокую и интересную историю. Отдельную страницу в ней занимают события Русской-японской войны 1904–1905 гг. Несмотря на имеющуюся достаточно серьезную историографию вопроса, авторы в силу разных причин не акцентировали внимание на «традиционности и новациях» в наградной практике, посвященной военным действиям. В ходе краткого рассмотрения основных медалей и знаков, выпущенных государственными и общественными структурами России, зарубежья и причин, их обусловивших, были определены «классические» и «необычные» моменты в поощрительной области. К первым можно отнести внимание властей к событиям двояким образом: непосредственно, сразу по факту, буквально через несколько месяцев после произошедшего и по «юбилейному случаю». И в том и другом случае отмечалось стремление запечатлеть героизм в наградном металле, даже несмотря на внешне проигрышные ситуации. Привычными были ранжированность знаков по степеням, отраженная в ценности применяемого материала, относительно большой охват награждаемых. Нововведениями же считаются медали, изготовленные российскими, зарубежными, в частности французскими, общественными организациями в массовом порядке. Ранее подобное не отмечалось. Это свидетельствовало о резонантности и значимости отражаемого исторического факта не только для России, но и для других стран.

Ключевые слова: фалеристика, медаль, знак, награда, Российская империя, Русско-японская война.

Для цитирования: Синегубов С.Н., Галяутдинов Я.Р., Заворохина Н.С. «Медально-знаковая сторона» русско-японской войны 1904–1905 гг.: традиции и новации // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 29–35. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-29-35>

Research Article

MEDALS AND DECORATIONS OF THE RUSSO-JAPANESE WAR OF 1904–1905: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Stanislav N. Sinigubov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History, Socio-Economic and Social Subjects, Yershov Ishim Pedagogic Institute (branch of Tyumen University), Ishim, Russia, globus_75@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7458-5062>

Yaroslav R. Galyautdinov, 5th year student of the Faculty of Social and Humanitarian Sciences, Yershov Ishim Pedagogic Institute (branch of Tyumen University), Ishim, Russia, galyautdinov.slava@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-2948-4545>

Natalya S. Zavorokhina, Assistant of the Department of History, Socio-Economic and Social Sciences, Yershov Ishim Pedagogic Institute (branch of Tyumen University), Ishim, Russia, co-ishim@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0402-1904>

Abstract. The military awards system of the Russian state, in particular, its medal and decorations component, has a profound and curious history. A special role in it is played by the events of the Russo-Japanese War of 1904-1905. Despite the existing rather serious historiography of the issue, the authors, for various reasons, did not focus on “traditions and innovations” in the award practice connected with military operations. Briefly reviewing the main medals and decorations issued by the state

and public structures of Russia in the country and abroad and the reasons for introducing them, the authors identified the “classic” and “unusual” moments in the promotional field. It can be attributed as quite a usual practice that the attention of the authorities to the heroic events was demonstrated in two ways – directly, immediately after the fact, literally a few months after the incident, and on some “anniversary occasions”. In any case, there was a desire “to capture” heroism in premium metal, even despite the outwardly losing situation on the battlefield. The ranking of decorations by degrees was reflected in the value of the material used, and the relatively large coverage of the awarded was customary as well. As for innovations, there were a lot of medals made by Russian public organisations abroad, particularly in France. This has never been done before. It testified to the resonance and significance of the reflected historical fact not only for Russia, but also for other countries.

Keywords: phaleristics, medal, decoration, award, Russian Empire, Russo-Japanese War.

For citation: Sinegubov S.N., Galyautdinov Ya.R., Zavorokhina N.S. Medals and decorations of the Russo-Japanese War of 1904–1905: traditions and innovations. *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, No. 2, pp. 29–35. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-29-35>

Наградная система Российской империи, отражившая как различные эпизоды, так и проигранную войну с Японией в 1904–1905 гг. в целом, нашла обстоятельное освещение в отечественной литературе. По этой теме написаны обобщающие и специальные исследования. Среди авторов особо выделяются Е.В. Лозовский, А.А. Кузнецов, Н.И. Чепурнов, В.В. Иванов, О.Ю. Кокурина и ряд других историков. Однако они не выделяли специально аспект, характеризующий соотношение классической традиционности и новаторства в «медально-знаковом» деле, посвященном боевым действиям. Поэтому представляется возможным заполнить эту лакуну.

В конце XIX в. в Китае Россия вошла в непримиримые противоречия с императорской Японией [Быков: 14]. Результатом столкновения интересов двух государств стала Русско-японская война 1904–1905 гг. Начало ей положили события 26 января (9 февраля) 1904 г., когда российские корабли в порту Чемульпо подверглись атаке значительно превосходящей по силе японской эскадры С. Уриу. Действия русских моряков, проявивших мужество, отвагу и стойкость, не оставили равнодушными не только соотечественников, но и иностранцев. Подданный Австро-Венгерской империи – государства, явно не очень дружественного по отношению к России, – Р. Грейнци по горячим следам написал знаменитые стихи под названием «Варяг» [Варяг]. Чуть позже, в марте – апреле 1904 г., в переводе Е.М. Студенской они были положены на музыку четырех композиторов: А.С. Турищева, А.Б. Виленского, И.Н. Яковлева, И.М. Корносевича. Песня, созданная «интернациональными» усилиями, золотыми буквами вписалась в страницы истории культуры и Отечества. О сражении же в бухте Чемульпо, эмоционально сильно воздействовавшем на россиян, стало известно от высшего командования на Дальнем Востоке [Доценко: 115].

Торжества по случаю встречи спасшихся моряков весной 1904 г. во многих городах России стимулировали власти дать достойную оценку произошедшему. В начале июня 1904 г. Николай II распорядился учре-

дить медаль, запечатлевшую подвиг «Варяга» и «Корейца». Ее эскиз разработал известный художник, медальер монетного двора А.Ф. Васютинский [Васютинский]. Всего было отчеканено 697 наград. Кроме того, все нижние чины 1–3-го разрядов получили еще специальный символ – знак отличия Военного ордена 4-й степени, а двое, особо отличившиеся, – 3-й степени. Эта награда, конституированная в 1807 г., считалась для них самой высшей. До 1913 г., когда ее переименовали в Георгиевский крест, она называлась солдатским Георгием [История ордена].

Одним из важнейших эпизодов Русско-японской войны 1904–1905 гг. была оборона Порт-Артура, продолжавшаяся почти 8 месяцев. Уступая японцам в численности, русские войска сумели нанести им ощутимый урон. По подсчетам специалистов, общие потери «самураев» составляли от 90 000 до 100 000 человек [Осада Порт-Артура]. 20 декабря 1904 г. (2 января 1905 г.) генерал-лейтенант А.М. Стессель, командовавший обороной крепости, подписал капитуляцию, за что впоследствии был осужден [Высочайший приказ: 149–150]. Однако тень предательства не легла тяжелой печатью на всех остальных портартурцев. Напротив, их героизм нашел отклик в России и за ее пределами. Особо отличились французы. По инициативе издателя французской газеты «Эхо Парижа» А. Симона прошел сбор народных денег на чеканку медалей для участников обороны крепости. Было

Рис. 1. Медаль «За бой Варяга и Корейца»

выпущено порядка 38 000 медалей для всех военных чинов – от солдатских до офицерских. Причем для первых в количественном отношении многократно больше. Ее можно было носить на ленте, окрашенной в цвета флага Французской Республики. Правда, судьба присланных в Россию медалей оказалась драматической: поскольку генерал А.М. Стессель, чье имя было на них отчеканено, считался военным преступником, то все награды осели мертвым грузом в Военном министерстве. Их вообще планировали передать на хранение в музей. Лишь 1 (14) декабря 1910 г. было получено разрешение от ведомства на передачу медалей защитникам Порт-Артура. Но даже и после этого ношение запрещалось ввиду пожалованности знака частным учреждением и наличия на нем имени генерала А.М. Стесселя.

По этой причине большая часть дошедших до сегодняшнего дня медалей не имеют ушек, хотя в официальных указах об этом ничего не говорилось. Однако защитники Порт-Артура высоко ценили награду. Ведь она вручалась от имени французского народа, что было намного ценнее правительственных почестей [Лозовский. Награды за Порт-Артур].

«Практика вето» на иностранные награды в тот период была обычной. Под нее подпал, например, и командир «Варяга» В.Ф. Руднев. Ему, в частности, запретили носить один из высших японских орденов – Восходящего солнца II степени, врученный ему в 1907 г. [За что капитан «Варяга»].

Несмотря на то, что для защитников Порт-Артура уже существовали особые знаки отличия, общественность заявляла о необходимости еще одной специальной награды. 7 (20) августа 1907 г. Главный морской штаб (ГМШ) получил запрос на это, и через две не-

Рис. 2. Медаль Защитникам Порт-Артура. Сверху – вариант в серебре, снизу – вариант в бронзе

Рис. 3. Знак «Порт-Артур». Слева – офицерский вариант, справа – вариант для нижних чинов

дели он дал отрицательный ответ. Наконец, 1 (14) октября 1907 г. вопрос об учреждении наградного знака для защитников Порт-Артура был доложен лично Николаю II. Император поддержал негативную позицию «штабистов» и Морского министерства. Однако спустя семь лет, 14 (27) января 1914 г., такой знак все же одобрили [Лозовский. Награды за Порт-Артур].

Формальным поводом к его учреждению стало десятилетие с начала обороны Порт-Артура, а вот об истинной причине, так резко изменившей отношение властей к данному вопросу, можно только догадываться. Известно две разновидности наградного знака, отличающихся как металлом изготовления, так и внешним видом. «Портартуровский крест», предназначенный для офицерского состава, изготовлялся из серебра либо посеребренной бронзы и имел по центру накладной эмалевый медальон, в то время как знак, предназначенный для нижних чинов, изготовлялся из медного сплава и был цельноштампованным.

Вместе с тем фотографии военнослужащих с этой наградой встречаются довольно редко. Отчасти это объясняется ее поздним учреждением, состоявшимся в январе 1914 г., и, как следствие, гибелью многих портартурцев в боях Первой мировой и Гражданской войн. Одним из наиболее известных кавалеров данного знака стал П.П. Киткин, участвовавший в обороне Порт-Артура в должности минного офицера крейсера «Аскольд». За свою многотрудную жизнь он успел принять участие еще в трех войнах: Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной, выйдя в отставку в 1946 г. в звании контр-адмирала. Он же оказался одним из немногих, кто носил крест «Порт-Артур» на советском военном мундире.

Другой трагической и одновременно героической страницей в боевой истории 1904–1905 гг., нашедшей отражение в фалеристике, стало Цусимское сражение. В его ходе была практически разбита 2-я Тихоокеанская эскадра, пришедшая после многомесячного и тяжелейшего перехода из Балтики на Дальний Восток с целью оказать помощь Порт-Артуру и вообще изме-

Рис. 4. Участник обороны Порт-Артурского контр-адмирал П.П. Киткин, 1946 г. С правой стороны груди виден знак Порт-Артурского

хода боевых действий в пользу России. Японский флот понес значительно меньшие потери [Куроедов, Овечкин: 6]. Поначалу участники Цусимского сражения не были отмечены никакими особыми наградами, и лишь 19 февраля (4 марта) 1907 г. «высочайшим» повелением царя для них была учреждена медаль «В память похода эскадры адмирала Рожественского». Летом 1907 г. Санкт-Петербургский монетный двор отчеканил 5 500 медалей, из которых 4 556 единиц получили нижние чины и еще 196 – офицеры, чиновники, священники и медсестры. Оставшаяся часть тиража осталась невостребованной. Причина была банальной – не могли найти уволенных в запас награжденных, а потому их медали и удостоверения возвращались в Главный морской штаб [Лозовский. Об истории установления].

Говоря об отражении фалеристикой событий 1904–1905 гг., нельзя не отметить и медали Рос-

сийской организации Красного Креста (РОКК). Эта структура организационно оформилась в 1879 г. [История Российского Красного Креста]. К 1904 г. она уже имела довольно разветвленную сеть по всей стране, но в основном, конечно, в европейской ее части. На Сибирь и Дальний Восток приходилась незначительная часть управлений и комитетов. В годы войны главными центрами РОКК там стали Харбин и Иркутск. В этих и других местах, еще более близких к местам сражений, устраивались госпитали, налаживалось лечебное дело. С учетом проблем снабжения всем необходимым для полноценной работы, большим числом раненых, требовавших ухода, терапии, ее сотрудники в указанных и других российских городах и весях поистине совершали настоящий гражданский, человеческий подвиг. Через походные и стационарные лазеры прошло без малого почти 600 000 человек [Рудой: 60].

Выражением признательности и благодарности за этот тяжелый, но столь необходимый обществу труд в феврале 1906 г. Николай II распорядился изготовить медаль Российского общества Красного Креста. Вначале ею награждали всех, кто непосредственно трудился на разных должностях организации – от санитарок, медсестер до служащих, а также жертвователей. Впоследствии, с конца марта 1907 г., право награждения такой медалью получили офицеры и гражданские чины, числившиеся в военном ведомстве. Чеканилась медаль частным образом и вручалась от имени Красного Креста. При этом, правда, был еще один нюанс – медалисту требовалось возместить стоимость знака [Иванов: 30].

Однако это не являлось чем-то необычным. Практика платы за «невоенные медали» шла еще со времен Николая I [Кокурина].

Завершение войны между двумя странами произошло в сентябре 1905 г., когда в американском Портсмуте был подписан мирный договор. Для России как проигравшей стороны он оказался не столь тяжелым, каким мог быть в принципе [Кутаков: 175].

Рис. 5. Медаль «В память плавания на Дальний Восток эскадры вице-адмирала З.П. Рожественского», вариант частного чекана

Рис. 6. Медаль Российского общества Красного Креста в память окончания Русско-японской войны

Рис. 7. Медали в память окончания Русско-японской войны.

Слева направо: в серебре, в светлой бронзе, в темной бронзе

Но как бы то ни было, произошедшее оставило свой след в отечественной истории, и в нем отразилась не только горечь поражения, но и преклонение перед всеми, кто вынес на себе тяготы военного испытания. Такой диссонанс возник в российском обществе после того, как в марте 1906 г. увидела свет медаль «В память Русско-японской войны». Кто-то говорил о недопустимости увековечивания «позорной войны», а кто-то, наоборот, поддерживал главную идею этого знака – признания заслуг перед Отечеством, верности ему даже в обстоятельствах поражения [Иванов: 29]. За образец изготовления нового знака отличия была взята медаль «В память Русско-турецкой войны 1877–1878» в трех ее вариантах: серебре, светлой бронзе и темной бронзе. Каждая версия награды «В память Русско-японской войны» предназначалась для разных категорий ветеранов. Так, например, серебряный вариант медали вручался защитникам Квантунского полуострова и участникам обороны Порт-Артура. А вот «бронзовая степень» имела два оттенка – светлую и темную. Светлой удостоивались непосредственные участники боевых действий, а темной отмечались те, кто не воевал, но служил на Дальнем Востоке или территории, находящейся на военном положении. При награждении медалью не обходилось и без казусов. Ведь она не являлась именной. Так, отмечались случаи «двойного награждения» участника Русско-японской войны. Подобное происходило по причине «головотяпства» чиновников, которые путались в документах, поскольку некоторые ветераны одновременно подходили под несколько категорий награждаемых [Лозовский. Всем известная медаль].

Таким образом, на основе сказанного можно констатировать, что события, связанные с Русско-японской войной 1904–1905 гг., нашли самое прямое

и непосредственное отражение в медалях и знаках. Их создание отображало как уже сложившиеся традиции в фалеристике, так и свидетельствовало о новых в ней веяниях. «Классическим» являлось стремление властей по факту или по случаю «круглой даты» запечатлеть подвиг солдат, матросов, офицеров по отдельным эпизодам и по войне в целом, несмотря на поражение от противника. Эта линия воздавать славу своим воинам в «проигрышной ситуации» пошла с Крымской войны 1853–1856 гг. Она получила продолжение и в войне с японцами. Прежней оставалась иерархизация знаков по степеням в зависимости от «благородства» металла, из которого они изготовлялись. Новацией, пусть и не абсолютной, стало активное участие российской и французской общественности в учреждении медалей в массовом количестве для участников боевых действий и тружеников тыла, работавших в госпиталях, лазаретах, медицинских пунктах. Это заложило и укрепило несколько иную норму в российской фалеристике, получившую развитие в последующей истории страны.

Список литературы

Быков П.Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море. Москва: Военно-морское изд-во НКВМФ Союза ССР, 1942. 104 с.

Варяг. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Варяг_не_сдаётся_наш_гордый_«Варяг» (дата обращения: 24.02.2023).

Васютинский, Антон Фёдорович. URL: <https://руни.рф/index.php> (дата обращения: 24.02.2023).

Высочайший приказ о чинах военных 5 марта 1908 года // Высочайшие приказы о чинах военных за январь – март 1908 года. Санкт-Петербург, 1908. 221 с.

Доценко В.Д. Мифы и легенды русской морской истории. Санкт-Петербург: Иван Федоров, 2000. 247 с.

За что капитан «Варяга» получил орден от японского императора. URL: <https://cyrillitsa.ru/history/175199-za-chto-kapitan-variaga-poluchil-orden.html> (дата обращения: 24.02.2023).

Иванов В.В. Боевые награды российских героев войны 1904–1905 гг. // Россия и АТР. 2005. № 2. С. 26–31.

История ордена Святого Георгия. URL: <https://web.archive.org/web/20160404151857/http://sevhistory.ru/page/istoriya-ordena-svjatogo-georgija> (дата обращения: 24.02.2023).

История Российского Красного Креста. URL: <https://красныйкресторел.рф/official/history> (дата обращения: 24.02.2023).

Кокурина О.Д. История наградной политики Российского государства. Дореволюционный период. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-nagradnoy-politiki-rossiyskogo-gosudarstva-dorevoljutsionnyy-period/viewer> (дата обращения: 25.02.2023).

Куроедов В.И., Овечкин А.Н. Военно-морская элита России: проблемы и решения // Военно-исторический журнал. 2002. № 7. С. 2–6.

Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор. Из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905–1945 гг. Москва: Соцэкгиз, 1961. 291 с.

Лозовский Е.В. Всем известная медаль: история учреждения. URL: <https://sammlung.ru/?p=7242> (дата обращения: 21.11.2022).

Лозовский Е.В. Награды за Порт-Артур. URL: <https://sammlung.ru/?p=7770> (дата обращения: 15.11.2022).

Лозовский Е.В. Об истории установления, изготовления и раздачи медали в память похода эскадры Рожественского. URL: <http://medalirus.ru/stati/lozovskiy-medal-eskadry-rozhestvenskogo.php> (дата обращения: 17.11.2022).

Осада Порт-Артура как черная страница в японской военной истории. URL: <https://topwar.ru/18993-osada-port-artura-kak-chernaya-stranica-v-yaponskoj-voennoy-istorii.html> (дата обращения: 24.02.2023).

Рудой Н.А. Деятельность Красного Креста во время русско-японской войны 1904–1905 гг. // Былые годы. 2022. № 17. С. 59–61.

References

Вукон Р.Д. *Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. Deystviya na more* [The Russian-Japanese War of 1904–1905. Actions at sea]. Moscow, Naval Publishing House NKVMF of the USSR Publ., 1942, 104 p. (In Russ.)

Dotsenko V.D. *Mify i legendy russkoy morskoy istorii* [Myths and legends of Russian maritime history]. Saint Petersburg, Ivan Fedorov Publ., 2000, 247 p. (In Russ.)

Ivanov V.V. *Boevyye nagrody rossiyskikh voyn-geroyev 1904–1905 gg.* [Military awards of Russian war heroes of 1904–1905]. *Rossia i ATR* [Russia and the Asia-Pacific region], 2005, № 2, pp. 26–31. (In Russ.)

Istoriya ordena Svyatogo Georgiya [The history of the St. George Award]. URL: <https://web.archive.org/web/20160404151857/http://sevhistory.ru/page/istoriya-ordena-svjatogo-georgija> (access date: 24.02.2023). (In Russ.)

Istoriya Rossiyskogo Krasnogo Kresta [The History of the Russian Red Cross]. URL: <https://красныйкресторел.рф/official/history> (access date: 24.02.2023). (In Russ.)

Kokurina O.D. *Istoriya nagradnoy politiki Rossiyskogo gosudarstva. Dorevoljutsionnyy period* [History of the award policy of the Russian state. The pre-revolutionary period]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-nagradnoy-politiki-rossiyskogo-gosudarstva-dorevoljutsionnyy-period/viewer> (access date: 25.02.2023). (In Russ.)

Kuroedov V.I., Ovechkin A.N. *Voyenno-morskaya elita Rossii: problemy i resheniya* [The naval elite of Russia: problems and solutions]. *Voенно-istoricheskii zhurnal* [Military History magazine], 2002, No. 7, pp. 2–6. (In Russ.)

Kutakov L.N. *Portsmutskiy mirnyy dogovor. Iz istorii otnosheniy s Rossiyei i SSSR* [Portsmouth Peace Treaty. From the history of Japan's relations with Russia and the USSR. 1905–1945 years]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1961, 291 p. (In Russ.)

Lozovsky E.V. *Vsem izvestnaya medaley: istoriya uchrezhdeniy* [The well-known medal: the history of the institution]. URL: <https://sammlung.ru/?p=7242> (access date: 21.11.2022). (In Russ.)

Lozovsky E.V. *Nagrody za Port-Artur* [Awards for Port Arthur]. URL: <https://sammlung.ru/?p=7770> (access date: 15.11.2022). (In Russ.)

Lozovsky E.V. *Ob istorii vozniknoveniya, izgotovleniya i razdachi medali v pamyat' pokhoda eskadry Rozhestvenskogo* [About the history of the establishment, manufacture and distribution of the medal in memory of the voyage of the Rozhestvensky squadron]. URL: <http://medalirus.ru/stati/lozovskiy-medal-eskadry-rozhestvenskogo.php> (access date: 17.11.2022). (In Russ.)

Osada Port-Artura kak chernaya stranitsa v yaponskoy voyennoy istorii [The Siege of Port Arthur as a black page in Japanese military history]. URL: <https://topwar.ru/18993-osada-port-artura-kak-chernaya-stranica-v-yaponskoj-voennoy-istorii.html> (access date: 24.02.2023). (In Russ.)

Rudoy N.A. *Deyatel'nost' Krasnogo Kresta vo vremya russko-yaponskoy vojny 1904–1905 gg.* [The activity of the Red Cross during the Russian-Japanese war of 1904–1905]. *Byli gody* [Bygone years], 2022, № 17, pp. 59–61. (In Russ.)

Varyag. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Варяг_не_сдаётся_наш_гордый_«Варяг» (access date: 24.02.2023). (In Russ.)

Vasyutinsky, Anton Fedorovich. URL: <https://руни.рф/index.php> (access date: 24.02.2023). (In Russ.)

Vysochayshiy prikaz o chinakh voyennykh 5 marta 1908 goda [The Highest Order of military ranks on March 5, 1908]. *Vysochaishie prikazy o chinakh voennykh za ianvar' – mart 1908 goda* [The highest orders on the ranks of the military for January – March 1908]. Saint Petersburg, 1908, 221 p. (In Russ.)

Za chto kapitan «Varyaga» poluchil orden ot yaponskogo imperatora [For which the captain of the “Varyag” received an award from the Japanese emperor]. URL: <https://cyrillitsa.ru/history/175199-za-chto-kapitan-varyaga-poluchil-orden.html> (access date: 24.02.2023). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.03.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 06.03.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 05.05.2023.

«МАЛЕНЬКАЯ АВИАЦИЯ»: ДЕТСКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО В СССР В 1920-Е ГГ.

Ульянова Светлана Борисовна, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, oulianova@mail.spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2059-6430>

Фишева Анастасия Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Северо-Западный институт управления – филиал ФГБОУ ВО образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Санкт-Петербург, Россия, ana-f@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1432-0828>

Аннотация. В 1920-е гг. развитие технической творческой деятельности подрастающего поколения стало одной из важных задач советского правительства. Этот период характеризуется многочисленными экспериментами, которые проводила советская власть, старательно создавая новый мир. Новшества затронули, в частности, сферу образования и досуга. В статье рассматриваются факторы, обусловившие организацию сети детских технических станций. Их деятельность анализируется с точки зрения приобщения юных техников к героическим формам социалистического строительства, одной из которых была авиация. Массовый интерес к воздушному флоту вызвал приток детей и подростков в кружки авиамоделирования. Авторы рассматривают цели, задачи, организационную структуру детских технических станций и кружков, оценивают их роль в становлении отечественной авиации. На основе проведенного исследования авторы пришли к выводу, что детские технические станции и кружки авиамоделирования закладывали основы технической грамотности и выступали в качестве «социального лифта» благодаря взаимосвязи авиамодельного и планерного спорта с системой профессиональной подготовки пилотов для Военно-воздушных сил и гражданского воздушного флота СССР.

Ключевые слова: советское общество, авиационная культура, детские технические станции, авиамоделирование, авиамодельный спорт, изобретательство, техническое творчество.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ФДНЧ в рамках научного проекта № 21-59-22004

Для цитирования: «Маленькая авиация»: детское техническое творчество в СССР в 1920-е гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 36–42. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-36-42>

Research Article

“SMALL-SCALE AVIATION”: CHILDREN’S TECHNICAL WORKING IN THE USSR IN THE 1920S

Svetlana B. Ulyanova, DSc (History). Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia, oulianova@mail.spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2059-6430>

Anastasiya A. Fischeva, PhD (History), The North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia, ana-f@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1432-0828>

Abstract. In the 1920s, the development of youth’s technical creativity became one of the important tasks undertaken by the Soviet authorities. This period is featured by numerous experiments diligently conducted by the Soviet government having its aim to set up a new world. Innovations affected, among the other things, the sphere of education and leisure. The reasons resulted in establishing of the children’s technical stations network are discussed in this paper. Their activity is analysed having in mind the necessity to introduce young technicians to the heroic forms of socialist creating, one of which included the aviation. Enormous interest in the air force caused an influx of children and adolescents into aircraft modelling clubs. The authors consider the goals, objectives, organisational structure of children’s technical stations and circles, evaluate their role in the development of Soviet aviation. The study led authors to the conclusion that children’s technical stations and aircraft modelling clubs laid foundations to the technical literacy in general and acted as a “social lift” due to the interrelation of aircraft modelling and gliding sports with the professional pilots’ training system for the Air Force, and the USSR Civil Air Fleet.

Keywords: Soviet society, aviation culture, children's technical stations, aircraft modelling, aircraft modelling sport, invention, technical creative work

Acknowledgments. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and FMSH (project number 21-59-22004 "National aeronautic projects in Russia/USSR and France in the first half of the 20th century: prerequisites, actors, contexts")

For citation: "Small-scale aviation": children's technical working in the USSR in the 1920s. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 36–42 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-36-42>

История детства сегодня является одним из наиболее энергично развивающихся направлений в отечественной и зарубежной историографии. Исследователей привлекает изучение предметного мира детства, юридических статусов ребенка в обществе прошлого, различных воспитательных систем и т. п. [Виноградов; Какорея; Калверт; Ромашова; Сальникова; Kelly]. В этом плане особый интерес вызывает раннесоветский период с его многочисленными экспериментами, новой семейной политикой, борьбой между традицией и новацией в социальном пространстве школы и пр. В основном историки сосредоточиваются на изучении государственной политики в отношении детства, трансформации школьного образования и т. п. [Маскевич; Рожков; Семенова; Ханипова]. Не менее значимым сюжетом истории детства в 1920-е гг., на наш взгляд, является процесс трансформации детского досуга и, в частности, его «технизация».

Послереволюционное время – это время борьбы со «старым миром, время поиска новых идей и строительства нового общества. Большевики в 1920-е гг. радикально изменяли государственное устройство, социальные институты, экономические механизмы и самого человека. В этой связи большое внимание уделялось вопросам воспитания и образования подрастающего поколения. Значение категорий «детство», «юношество», «молодежь» в раннесоветском официальном дискурсе становится очевидным, учитывая общий пафос строительства социалистического общества. «Счастливое детство» советских детей рассматривалось как результат социалистических преобразований, а сами «дети Октября» – как создатели нового мира [Сальникова: 52].

Детей и подростков как минимум необходимо было оградить от «враждебного влияния», как максимум – вырастить из них высокоморальных строителей коммунизма, всесторонне развитых гармоничных людей, способных достичь успеха в производственной, общественной, спортивной деятельности, и при необходимости готовых встать на защиту Родины. Стоит отметить, что именно в 1920-е гг. в системе советской пропаганды был сконструирован образ «ребенка-активиста», который был не просто объектом государственной заботы, но и сам пытался по мере сил включиться в социалистическое строительство.

Важнейшим инструментом формирования «новых людей», наряду с литературой, кино, массовыми праздниками, выступала школа [Рожков 2007]. На нее

возлагалась задача подготовить поколение грамотных людей, способных превратить Россию в социалистическое государство с новой идеологией, новой промышленностью, новыми индустриальными городами и т. п.

В 1922 г. на страницах журнала Московского комитета РКСМ «Наша работа» была сформулирована задача продвижения технических знаний в среду подрастающего поколения. Автор статьи «Технические знания молодежи» Н. Булатов утверждал, что неудовлетворенный инстинкт исследования и любознательность стали принимать у детей уродливые формы, проявлявшиеся, в частности, в порче государственного имущества. В этих обстоятельствах широкая популяризация технических знаний была необходима для воспитания бережного отношения к народному достоянию. Однако имеющиеся курсы и специальные учебные заведения не могли помочь всем желающим, поэтому систему внешкольного технического образования следовало дополнить детскими техническими станциями (ДТС). Там планировалось создавать специально оборудованные мастерские (слесарные, электротехнические, химические и т. п.), проводить лекции, устраивать демонстрации приборов и моделей, технические выставки, распространять техническую литературу [Булатов 1922: 6–7].

Интерес к ДТС существенно вырос в начале первой пятилетки, когда эта форма работы была органично вписана в контекст индустриализации страны. На рубеже 1920–30-х гг. всем было понятно: СССР мог либо построить индустриальную экономику, либо пополнить ряды слаборазвитых государств. Однако промышленный рывок требовал и соответствующего кадрового обеспечения. Это объясняет и стремление советского правительства к повышению уровня образованности в стране, и акцент на «технизацию» школы [Аллен: 135]. С другой стороны, внедрение технических новинок, доместикация новых технологий, связанных с индустриализацией (электричество, автотранспорт, авиация, радио и т. п.), требовали адаптации со стороны потенциальных потребителей этих изобретений. Именно эту задачу и призваны были решить детские технические станции.

Юные изобретатели не только изготавливали своими руками модели, но и работали на станках, изучали настоящие машины, узнавали новости из мира техники, посещали заводы и технические музеи. Станции, таким образом, содействовали процессу доместика-

ции технологий, приобщению детей к миру современной индустрии. Одновременно решалась и проблема досуга школьников.

На ДТС также возлагались задачи по проведению профориентационной работы. Трудясь на станции, каждый ребенок мог определить свои наклонности и найти себя.

К концу 1920-х гг. детские технические станции были созданы в большинстве крупных городов СССР [Наумов: 31]. Воплощая свои планы, советские руководители не рассчитывали на то, что все юные техники станут в будущем изобретателями, но надеялись, что те, кто со школьных лет упражнял свои технические способности, потом, во «взрослой жизни», будут принимать участие в производственных совещаниях, станут рационализаторами и т. п. Детские технические станции рассматривались как своеобразный путь подготовки работников социалистического строительства – путь интереса к технике и удовлетворения этого интереса в бытовой обстановке [Розанов: 27].

В 1926 году журнал «Знание – сила» объявил конкурс на лучшую модель, главным призом которого была поездка в Москву. По результатам конкурса 30 лучших моделестов съехались в столицу со всех концов СССР. В Москве они пробыли 10 дней, посетили заводы, музеи, кинотеатры и т. п. Увидели, как в действительности работают машины, модели которых они создали, познакомились с работой столичных технических кружков и мастерских. На слете моделестов 12 октября 1926 г. было объявлено о создании Центральной детской технической станции (ЦДТС). Планировалось, что, получив новые знания, победители конкурса станут агентами технического творчества у себя дома [Булатов 1926: 1].

В 1930 г. печатным органом ЦДТС стал журнал «Знание – сила». В каждом его номере были описания различных приборов и практические материалы для конструирования. Ребята сначала создавали модели по готовым схемам, а впоследствии самостоятельно вводили некоторые усовершенствования. Многочисленные популярные издания формировали образ «маленького изобретателя», чья деятельность заслуживала уважения со стороны взрослых, так как приносила практическую пользу [Бобров: 46].

Детские технические станции не только удовлетворяли детский «зуд в руках к технике», но и способствовали приобщению юных граждан страны Советов к героическим практикам «нового мира», прежде всего к авиации.

Самолет в советском дискурсе стал одним из наглядных образов и технического, и социального прогресса. Не случайно в художественном фильме «Золотой ключик» (1939 г.) герои в финале отправляются в сказочную страну (подразумевался СССР) на при-

летевшем за ними самолете. Авиация пропагандировалась, в том числе в детской и юношеской среде, как быстрое и удобное средство сообщения, доставки писем и газет, борьбы с вредителями сельского хозяйства, с лесными пожарами и т. п. [Юный авиомоделист: 4] Огромное значение придавалось авиации как оружию в будущей войне [Штейнер: 152].

С середины 1920-х гг. на фоне огромного массового интереса к воздушному флоту умножилось число кружков авиамоделистов. Обосновывая необходимость уделить внимание этим вопросам, энтузиасты апеллировали к опыту европейских стран [Бабаев: 5, 7].

Изучение настоящего аэроплана было доступно далеко не всем, и поэтому большинство любителей авиации могло познакомиться с конструкцией летательных аппаратов, только работая с моделями. Авиамодельный спорт, с одной стороны, приближал авиацию к массе трудящихся, а с другой – нес в массы авиазнание.

К авиомоделированию привлекались даже маленькие дети. Так, на страницах журнала «Мурзилка» мы видим многочисленные статьи, посвященные теме авиации. Например, в одном из выпусков за 1924 г. рассказывается о том, как маленький мальчик Вася, прочитав в газете о необходимости делать модели аэропланов, сразу же принялся за работу и смастерил аэроплан. В качестве пассажира он использовал котенка, привязал его и спустил со шкафа [Е. И.: 17].

Авторами книг для «маленькой авиации» выступали воздухоплаватели, авиационные инженеры, делившиеся своим многолетним опытом постройки моделей летательных аппаратов [Анощенко; Вейгелин; Шекунов].

Биографии летчиков и конструкторов публиковались на страницах журнала «Пионер». В качестве примера приводился профессиональный путь советского авиаконструктора А.С. Яковлева, который в школьном возрасте, увлекшись авиомоделированием, вступил в планерный кружок, впоследствии создал авиетку и установил на ней мировой рекорд по дальности и продолжительности беспосадочного полета. В качестве награды он был зачислен в Академию воздушного флота, а в дальнейшем стал известным авиаконструктором, академиком Академии наук СССР, генерал-полковником авиации [Яковлев: 10–12].

Годичный курс обучения в кружке юных авиаторов был рассчитан на детей в возрасте от 8 до 14 лет. Здесь учеников в занимательной форме знакомили с жизнью воздушного флота (применение авиации в мирной и военной обстановке, воздушный спорт). Всю теорию в кружках обязательно объясняли с привязкой к практике. Например, при строительстве крыла необходимо было дать сведения о значении крыла, его форме и т. д. В курс обучения входили также

и метеонаблюдения, так как авиаграмотность предполагала знакомство с влиянием атмосферных явлений на поведение самолета или дирижабля. Юные авиаторы учились обращаться с простейшими приборами – барометром, флюгером, плювиометром и др.

Наглядность была одним из главных правил работы авиакружка. Считалось, что лучшим способом познакомить ребят с мотором была возможность увидеть его изготовление на заводе, поэтому экскурсии на аэродромы, авиазаводы входили в обязательную программу. Там же, где не было авиазаводов, руководители старались с помощью Общества друзей воздушного флота достать какой-нибудь старый мотор для разборки и сборки¹.

За исключением постройки летающих моделей, самой интересной частью работы авиакружка считались авиаигры, а также авиапраздники, проводившиеся в агитационных целях и приуроченные к знаменательным событиям. Вся практическая часть обучения в кружках завершалась созданием летающей модели самолета. Кроме того, юные авиаторы делали доклады, которые, с одной стороны, служили для проверки их знаний, а с другой – для оценки работы руководителя.

Членов кружков привлекала идея сопричастности к грандиозной программе советского авиационного строительства, практической возможностью приобщения к нему было участие в деятельности ОДВФ, Авиахима и Осоавиахима. Хотя стать членом организации можно было только с 14 лет, детям предоставлялась возможность участвовать в агитационных кампаниях. Так, в журнале «Мурзилка» в 1925 г. была опубликована фотография Вали Белова, который в 5 лет пожелал стать членом ОДВФ и добился своего [Валя Белов 1925: 24]. Иногда в авиационной пропаганде дети фигурировали в качестве «героических» примеров. Так, в той же «Мурзилке» под громким названием «Четырехлетний летчик» была опубликована фотография первого маленького пассажира на советской воздушной линии «Дерулюфт», который вместе с матерью совершил девятичасовой перелет из Кенигсберга в Москву, для того чтобы увидеться с отцом [Четырехлетний летчик 1924: 5].

На юных авиаторов возлагалась задача по проведению агитационной работы в деревне. Предполагалось, что им посильны два вида агитационной работы среди крестьянской молодежи. Во-первых, шефство кружка над какой-нибудь волостью, в которую ребята приезжали, делали доклады, агитировали, демонстрировали свои модели, организовывали кружок юных авиаторов из крестьянских детей. Во-вторых, путешествия по своему уезду в летнее время, с переходом от одной деревни к другой (останавливаясь в каждой деревне на 2–3 дня, юные авиаторы вовлекали местных ребят в процесс постройки моде-

лей, демонстрировали соответствующую литературу и т. п.) [Как «юные авиаторы»: 13].

Работа в кружках проходила под лозунгом: «от модели – к планеру, от планера – к самолету». Окончив кружок юных авиаторов, подростки могли стать планеристами – второе звено воздушного спорта, а в дальнейшем получить профессиональную летную подготовку, пополнить ряды пилотов, авиаинженеров и авиатехников.

Одно из первых состязаний игрушечных моделей самолетов состоялось в августе 1924 г. в Москве, в саду имени К. Либкнехта, по инициативе спортивной секции Московского общества друзей воздушного флота [Состязание моделей: 20].

В августе 1926 г. Авиахим устроил первое Всесоюзное состязание летающих моделей самолетов на Центральном аэродроме им. Троицкого. В соревновании приняли участие около 70 моделистов, большинство из которых составляли подростки 13–18 лет². Они представили 126 моделей разных типов и систем, среди которых был целый ряд интересных и оригинальных изобретений, например трехмоторная «утка», которая в начале полета работала только на двух моторах, а после выработки их энергоресурса переходила на третий. Рекорд этих соревнований по дальности полета составил 410 метров (в среднем модели пролетали от 150 до 300 метров), по длительности – 1 мин. 55 сек. В рамках этих состязаний было проведено соревнование не только между моделистами, но и авиационными кружками, а также был выделен приз им. М.И. Калинина, полагавшийся трем участникам из крестьян, показавшим лучшие достижения [Б. Ш.: 12].

Кстати, еще в 1925 г. президиум Авиахима установил систему призов за достижения по авиамоделизму «в целях получения наибольших технических достижений и летных качеств летающих моделей». Так, для моделей самолетов с резиновым мотором приз за превышение дальности полета в 250 м составлял 100 рублей, в 300 м – 150 рублей, в 400 м – 250 руб. В планерном спорте достижение дальности полета, десятикратной высоте планирования, премировалось в размере 150 рублей³.

В 1927 г. редакция журнала «Знание – сила» и Осоавиахим объявили конкурс, в котором могли принять участие все дети СССР. Для этого нужно было сделать любую техническую или сельскохозяйственную модель и прислать ее в редакцию журнала. Особая комиссия осматривала все модели, и за лучшие из них выдавались премии – бесплатные полеты на аэроплане, комплекты столярных и слесарных инструментов, годовая подписка на журналы «Знание – сила», «Пионер», «Авиация и химия».

Сдерживающими факторами вовлечения детей в «маленькую авиацию» служили немногочислен-

ность кружков соответствующего профиля, нехватка соответствующей литературы и подготовленных кадров. Моделисты испытывали сложности с получением материалов и инструментов и нередко сталкивались с негативным отношением к своей деятельности со стороны окружающих. Так, в одной из статей в журнале «Пионер» была приведена история деревенского юного авиатора Г. Конюхова, родители которого называли сына дармоедом и принуждали работать по хозяйству [Солнцев: 17]. Во время сенокоса, трудясь в поле от восхода до заката, мальчику приходилось создавать свою модель по ночам⁴. Этот пример можно считать типичным, так как крестьянская трудовая культура предполагала раннее приобщение детей к совместной работе со взрослыми. В этих условиях отвлечение на «бесполезную» деятельность по созданию моделей самолетов, естественно, выглядело странным в глазах крестьянского сообщества.

Таким образом, в 1920-е гг. техническое творчество становится одной из поощряемых государством форм детского досуга, закономерно вписывающейся в индустриальную политику Советского государства. Занятия на детских технических станциях, в авиамodelьных кружках и т. п. формировали в подрастающем поколении чувство причастности к большим свершениям Родины, закладывали основы технической грамотности, в перспективе – готовили кадры для индустриальной модернизации страны. Авиационная направленность детского технического творчества стала отражением общественного интереса к освоению воздушного пространства, составным элементом советского авиационного строительства, частью легитимации национального авиационного проекта.

Примечания

¹ ОДВФ создано в 1923 г., в 1925 г. было объединено с Обществом содействия строительству предприятий химической промышленности в Общество друзей авиационной и химической обороны и промышленности – Авиахим, которое, в свою очередь, в 1927 г. было преобразовано в Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству – Осоавиахим.

² Анкета участника Первых Всесоюзных соревнований летающих моделей // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9404. Оп. 1. Д. 27. Л. 72–99.

³ Протокол заседания бюро президиума Союза Авиахим СССР. 23 июня 1925 г. // ГАРФ. Ф. Р-9404. Оп. 1. Д. 2. Л. 14–15.

⁴ Отметим, что подобная линия поведения взрослых, особенно в деревне, была совершенно естественной, так как крестьянское сообщество основывалось

на раннем вовлечении детей в производственный труд, а все, что не входило в круг обычной крестьянской жизни, отметалось как пустое «баловство».

Список литературы

Аллен Р. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. Москва: РОССПЭН, 2013. 390 с.

Анощенко Н. Как построить модель аэроплана: руководство к постройке летательных моделей. Москва: [б. и.], 1922. 72 с.

Б. Ш. Изучайте авиацию // Пионер. 1926. № 19. С. 12.

Бабаев Н. Работа кружков «Юных авиаторов»: пособие руководителю. Москва; Ленинград: Молодая гвардия, 1925. 46 с.

Бобров Н.С. Маленькие изобретатели. Москва: Молодая гвардия, 1930. 45 с.

Булатов Н. Моделисты в Москве // Пионер. 1926. № 24. С. 1.

Булатов Н. Технические знания молодежи // Наша работа. 1922. № 1. С. 6–7.

Вейгелин К.Е. Авиация из бумаги. Москва: Молодая гвардия, 1930. 80 с.

Виноградов Г.С. Страна детей: Избранные труды по этнографии детства. Санкт-Петербург: Восточная литература, 2000. 894 с.

Какорея. Из истории детства в России и других странах: сб. статей и материалов. Москва; Тверь: Научная книга, 2008. 381 с.

Е. И. Воздушный флот // Мурзилка. № 1924. № 8. С. 17.

Калверт К. Дети в доме: материальная культура раннего детства, 1600–1900. Москва: Новое литературное обозрение, 2009. 267 с.

Маскевич Е.Д. История создания Российской организации юных разведчиков (РОЮР) в Петрограде в 1920–1922 гг. // Клио. 2018. № 6. С. 101–105.

Наумов А.В. Создание системы детских технических станций в 1920–30-х гг. на территории современной Нижегородской области // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 6. С. 30–36.

Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.

Рожков А.Ю. Школьный букварь как канал учебно-пропагандистского дискурса: техники индоктринации «советскости» в 1927–1932 годы // Культура и власть в СССР. 1920–1950-е годы: материалы IX Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г. Москва: Политическая энциклопедия, 2017. С. 355–367.

Розанов И. Дети-изобретатели // О наших детях. 1929. № 11–12. С. 25–28.

Ромашова М.В. Занимательное источниковедение: история детства // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2012. Вып. 3. С. 172–179.

Сальникова А.А. Российское детство в XX в.: история, теория и практика исследования. Казань: Казанский государственный университет, 2007. 250 с.

Семенова Н.В. Политическое воспитание подростков: pro et contra. Взгляд из истории (20-е годы XX века) // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер.: Педагогические науки. 2018. Т. 13, № 5. С. 31–41.

Солнцев Ник. Если не нам строить, то кому же? // Пионер. 1927. № 23. С. 17.

Ханипова И.И. «Па-пир-осы», «Ком-сом-о-л» и «борьба за красное знамя» (трансформация игр для подрастающего поколения в 1920-е гг.) // Филология и культура. 2014. № 2. С. 249–253.

Шекунов Е.Д. Как построить летающую модель: Руководство для модельных кружков Авиахима. Москва: Авиахим, 1926. 142 с.

Штейнер Е. Что такое хорошо: идеология и искусство в раннесоветской детской книге. Москва: НЛО, 2019. С. 150–156.

Юный авиамоделлист. Москва; Ленинград: Молодая гвардия, 1930. 31 с.

Яковлев А. От модели к самолету: как я стал конструктором // Пионер. 1928. № 3. С. 10–12.

Kelly C. Children's world: growing up in Russia, 1890–1891. New Haven; London, Yale university press, 2007, 714 p.

References

Allen R. *Ot fermy k fabrike: novaya interpretatsiya sovetskoy promyshlennoy revolyutsii* [From Farm to Factory: a new interpretation of the soviet industrial revolution]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013, 390 p. (In Russ.)

Anoshchenko N. *Kak postroit' model' aeroplana: rukovodstvo k po-stroyke letatel'nykh modeley* [How to build an airplane model: a guide to the construction of flying models]. Moscow, 1922, 72 p. (In Russ.)

B. SH. *Izuchayte aviatsiyu* [Learn aviation]. *Pioner* [Pioneer], 1926, № 19, p. 12. (In Russ.)

Babayev N. *Rabota kruzhkov «Yunykhn aviatorov»: posobiye rukovoditelyu* [The work of the circles of “Young Aviators”: a manual for the leader]. Moscow; Leningrad, Molodaya gvardiya Publ., 1925, 46 p. (In Russ.)

Bobrov N.S. *Malen'kiye izobretateli* [Little Inventors]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1930, 45 p. (In Russ.)

Bulatov N. *Modelisty v Moskve* [Modellers in Moscow]. *Pioner* [Pioneer], 1926, № 24, p. 1. (In Russ.)

Bulatov N. *Tekhnicheskiye znaniya molodezhi* [Technical knowledge of youth]. *Nasha rabota* [Our work], 1922, № 1, pp. 6-7. (In Russ.)

Veygelin K. Ye. *Aviatsiya iz bumagi* [Aviation from paper]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1930, 80 p. (In Russ.)

Vinogradov G.S. *Strana detey: Izbrannyye trudy po etnografii detstva* [Country of children: Selected works on the ethnography of childhood]. St. Petersburg, Vostochnaya literature Publ., 2000, 894 p. (In Russ.)

Kakoreya. *Iz istorii detstva v Rossii i drugikh stranakh: sb. statey i materialov* [From the history of childhood in Russia and other countries]. Moscow; Tver', Nauchnaya kniga Publ., 2008, 381 p. (In Russ.)

Ye. I. *Vozdushnyy flot* [Air fleet]. *Murzilka*. № 1924, № 8, p. 17. (In Russ.)

Kalvert K. *Deti v dome: material'naya kul'tura rannego detstva, 1600-1900* [Children in the house: the material culture of early childhood, 1600-1900]. Moscow, NLO Publ., 2009, 267 p. (In Russ.)

Maskevich Ye.D. *Istoriya sozdaniya Rossiyskoy organizatsii yunykhn razvedchikov (ROYUR) v Petrograde v 1920–1922 gg.* [The history of the creation of the Russian organization of young intelligence officers (ROYUR) in Petrograd in 1920–1922]. *Klio*, 2018, № 6, pp. 101-105. (In Russ.)

Naumov A.V. *Sozdaniye sistemy detskikh tekhnicheskikh stantsiy v 1920-30-kh gg. na territorii sovremennoy Nizhegorodskoy oblasti* [Creation of a system of children's technical stations in the 1920–30s. on the territory of the modern Nizhny Novgorod region]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [Domestic and foreign pedagogy], 2016, № 6, pp. 30-36. (In Russ.)

Rozhkov A. Yu. *V krugu sverstnikov: Zhiznenny mir molodogo cheloveka v Sovetskoy Rossii 1920-kh godov* [In the circle of peers: The life world of a young man in Soviet Russia in the 1920s]. Moscow, NLO Publ., 2014, 640 p. (In Russ.)

Rozhkov A. Yu. *Shkol'nyy bukvar' kak kanal uchebno-propagandistskogo diskursa: tekhniki indoktrinatsii «sovetskosti» v 1927–1932 gody* [School Primer as a Channel of Educational and Propaganda Discourse: Techniques of Indoctrination of “Sovietness” in 1927–1932]. *Kul'tura i vlast' v SSSR. 1920–1950-ye gody* [Culture and Power in the USSR. 1920–1950s]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2017, pp. 355-367. (In Russ.)

Rozanov I. *Deti-izobretateli* [Children-inventors]. *O nashikh detyakh* [About our children], 1929, № 11-12, pp. 25-28. (In Russ.)

Romashova M.V. *Zanimatel'noye istochnikovedeniye: istoriya detstva* [Entertaining source study: the history of childhood]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya* [Bulletin of the Perm University. Part: History], 2012, vol. 3, pp. 172-179. (In Russ.)

Sal'nikova A.A. *Rossiyskoye detstvo v XX v.: istoriya, teoriya i praktika issledovaniya* [Russian childhood in the XX century: history, theory and practice of research]. Kazan', Kazanskiy gosudartsvennyy universitet Publ., 2007, 250 p. (In Russ.)

Semenova N.V. *Politicheskoye vospitaniye podrostkov: pro et con-tra. Vzglyad iz istorii (20-ye gody KHKH veka)* [Political education of teenagers: pro et contra. A look from history (20s of the XX century)]. *Uchenyye zapiski Zabay-kal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pedagogicheskiye nauki* [Scientific notes of the Transbaikal State University. Part: Pedagogical Sciences], 2018, vol. 13, № 5, pp. 31-41. (In Russ.)

Solntsev Nik. *Yesli ne nam stroit', to komu zhe?* [If not for us to build, then for whom?]. *Pioner* [Pioneer], 1927, № 23, p. 17. (In Russ.)

Khanipova I.I. «*Pa-pir-osy*», «*Kom-som-o-l*» i «*bor'ba za kras-noye znamya*» (*transformatsiya igr dlya podrastayushchego pokoleniya v 1920-ye gg.*) [“Paper-osy”, “Kom-som-o-l” and “struggle for the red flag” (transformation of games for the younger generation in the 1920s)]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture], 2014, № 2, pp. 249-253. (In Russ.)

Shekunov Ye.D. *Kak postroit' letayushchuyu model'* [How to build a flying model]. Moscow, Aviahim Publ., 1926, 142 p. (In Russ.)

Shteyner Ye. *Chto takoye khorosho: ideologiya i iskusstvo v rannesovetskoy detskoj knige* [What is good: ideology and art in the early Soviet children's book]. Moscow, NLO Publ., 2019, pp. 150-156. (In Russ.)

Yunyy aviomodelist [Young aircraft modeller]. Moscow; Leningrad; Molodaya gvardiya Publ., 1930, 31 p. (In Russ.)

Yakovlev A. *Ot modeli k samoletu: kak ya stal konstruktorom* [From model to aircraft: how I became a designer]. *Pioner* [Pioneer], 1928, № 3, pp. 10-12.

Kelly C. *Children's world: growing up in Russia, 1890–1891*. New Haven, London, Yale university press Publ., 2007, 714 p.

Статья поступила в редакцию 21.02.2023; одобрена после рецензирования 16.05.2023; принята к публикации 17.05.2023.

The article was submitted 21.02.2023; approved after reviewing 16.05.2023; accepted for publication 17.05.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 43–50. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 43–50. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 677(470.3)''1942''

EDN VOYAUT

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-43-50>

**РОЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА
ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР
В РАЗМЕЩЕНИИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ТЕКСТИЛЬЩИКОВ,
РЕЭВАКУАЦИИ ОБОРУДОВАНИЯ
И ВОССТАНОВЛЕНИИ ПРЕДПРИЯТИЙ В 1942 ГОДУ**

Белгородский Валерий Савельевич, доктор социологических наук, профессор, ректор Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия, info@rguk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7798-6742>

Дембицкий Сергей Геннадьевич, доктор экономических наук, профессор, первый проректор – проректор по образовательной деятельности Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии, Дизайн. Искусство), Москва, Россия, dembickij-sg@rguk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8845-5875>

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Аннотация. В данной статье исследуется деятельность Народного комиссариата текстильной промышленности СССР по размещению ленинградских текстильщиков, реэвакуации оборудования, восстановлению разрушенных предприятий и строительству новых мощностей в 1942 году. Значительное внимание уделено решению организационных вопросов по наращиванию производственных мощностей с целью выпуска готовой продукции, необходимой для бесперебойного обеспечения потребностей фронта и тыла. Содержание статьи в основном построено на материалах Московской, Ивановской и Ярославской областей, поскольку именно их текстильные предприятия несли основную нагрузку по выполнению оборонных заказов в рассматриваемый период. Для ее написания были использованы делопроизводственные материалы Народного комиссариата текстильной промышленности СССР, Государственной плановой комиссии при СНК СССР, Государственного комитета обороны и канцелярии А.Н. Косыгина. Большая часть таких сведений, полученных в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве экономики, Российском государственном архиве социально-политической истории и Государственном архиве Ивановской области впервые вводятся в научный оборот. Статья адресована специалистам в области истории отечественной текстильной промышленности, аспирантам, магистрантам и студентам высших учебных заведений.

Ключевые слова: Народный комиссариат текстильной промышленности СССР, Совет народных комиссаров СССР, Государственный комитет обороны, постановления, эвакуация, ленинградские текстильщики, Центральная Россия, реэвакуация, оборудование, восстановление разрушенных предприятий, новые производственные мощности.

Для цитирования: Белгородский В.С., Дембицкий С.Г., Околотин В.С. Роль Народного комиссариата текстильной промышленности СССР в размещении ленинградских текстильщиков, реэвакуации оборудования и восстановлении предприятий в 1942 году // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 43–50. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-43-50>

THE ROLE OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF THE TEXTILE INDUSTRY OF THE USSR IN THE PLACEMENT OF LENINGRAD TEXTILE WORKERS, RE-EVACUATION OF EQUIPMENT AND RESTORATION OF ENTERPRISES IN 1942

Valery S. Belgorodsky, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Rector of Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Moscow, Russia, info@rguk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7798-6742>

Sergey G. Dembitsky, Doctor of Economics, Professor, First Prorector – Prorector of Educational Activities of Kosygin Russian State University (Technology, Design. Art), Moscow, Russia, dembtkij-sg@rguk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8845-5875>

Vladimir S. Okolotin, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Institute for the Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Abstract. This article examines the activities of the People's Commissariat of the Textile Industry of the USSR for the placement of Leningrad textile workers, the re-evacuation of equipment, the restoration of destroyed enterprises and the construction of new facilities in 1942. Great attention is paid to solving organisational issues of increasing production capacity in order to produce finished products necessary for uninterrupted supply of the needs of the front and rear. The content of the article is mainly based on the materials of Moscow, Ivanovo and Yaroslavl regions, since it was their textile enterprises that bore the main burden of fulfilling defence orders during the period under review. To write it, the office materials of the People's Commissariat of the Textile Industry of the USSR, the State Planning Commission under the Council of People's Commissars of the USSR, the State Defence Committee and the Office of Alexei Kosygin were used. Most of such information obtained in the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Archive of Economics, the Russian State Archive of Socio-Political History and the State Archive of Ivanovo Region has been introduced into scientific circulation for the first time. The article is addressed to specialists in the field of the history of Russian textile industry, to graduate students, undergraduates and students of higher educational institutions.

Keywords: USSR People's Commissariat of Textile Industry, USSR Council of People's Commissars, State Defence Committee, resolutions, evacuation, Leningrad textile workers, Central Russia, re-evacuation, equipment, restoration of destroyed enterprises, new production facilities.

For citation: Belgorodsky V.S., Dembitsky S.G., Okolotin V.S. The role of the People's Commissariat of the Textile Industry of the USSR in the placement of Leningrad textile workers, re-evacuation of equipment and restoration of enterprises in 1942. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 2, pp. 43–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-43-50>

Постановка проблемы и историография. Деятельность текстильной промышленности в годы Великой Отечественной войны нашла отражение в ряде монографических исследований. Среди них научный труд А.М. Корнеева [Корнеев 1957: 203–220], коллективная монография под руководством М.В. Конотопова [Методика 1992: 356–366], а также учебное пособие В.В. Зрюкина, Г.Н. Горькова и А.Н. Смирнова [Зрюкин, Горьков, Смирнов 2004]. Важным дополнением к данному перечню трудов является многотомное издание «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.», седьмой том которого называется «Экономика и оружие войны». В нем представлен анализ экономического и оборонного потенциала СССР накануне войны, рассмотрены слагаемые успешного решения военно-экономического обеспечения победы в Великой Отечественной войне [Великая 2013]. Несмотря на фундаментальность этого труда, деятельность Народного комиссариата текстильной промышленности (НКТП) СССР не нашла в нем, а также в указанных изданиях должного отражения. Лишь фрагментарно эта тема

представлена в монографии В.С. Околотина, в которой исследована работа текстильных предприятий Ивановской области в 1942 году [Околотин 2029: 215–266]. Изложенное дает основание для научного развития заявленной темы статьи.

Итак, зимне-весенний период 1941–1942 гг. для регионов Центральной России был насыщен важными событиями. Прежде всего, в результате наступательных операций Красной армии была разгромлена ударная группировка германского вермахта под Москвой и были полностью освобождены территории Московской, Тульской и Рязанской областей. Враг был отброшен от столицы на расстояние 150–300 км. Это позволило приступить к восстановлению народного хозяйства на освобожденных территориях. Другой страницей истории этого периода стала эвакуация жителей блокадного Ленинграда, среди которых было много рабочих-текстильщиков и учащихся ремесленных училищ.

Эвакуация ленинградских текстильщиков в Ивановскую область. 17 января 1942 г. Государ-

ственный комитет обороны (ГКО), рассмотрев ситуацию, сложившуюся в Ленинграде, признал необходимым энергичнее наращивать темпы эвакуации рабочей силы и жителей из блокадного города. Для этого было решено направить в осажденный Ленинград в качестве уполномоченного ГКО заместителя председателя СНК СССР А.Н. Косыгина. 19 января 1942 г. А.Н. Косыгин с группой помощников прибыл в Ленинград. В короткий срок они ознакомились с обстановкой, состоянием уже подготовленной трассы через Ладожское озеро и провели подготовительную работу.

21 января на заседании Военного совета Ленинградского фронта были рассмотрены предложения по эвакуации, после чего А.Н. Косыгин позвонил Сталину, доложил об обстановке в городе и намеченных мерах. 22 января 1942 г. ГКО распорядился эвакуировать из Ленинграда 500 тысяч жителей. Следует сказать, что А.Н. Косыгин находился в Ленинграде до апреля 1942 г. и неоднократно посещал места отправки (Борисова Грива) и выгрузки жителей города на восточном берегу Ладожского озера.

Далее ленинградцы доставлялись на три погрузочные площадки на станциях Кабана, Лаврово и Жихарево, а затем в эшелонах по линиям Ярославской и Северной железных дорог отправлялись на восток, а также в Ивановскую, Горьковскую (ныне Нижегородскую) и другие области Поволжья. В работе по обслуживанию ленинградцев в Ивановской области (в границах до августа 1944 г.) были задействованы эвакуационные пункты в Иванове, Александрове и Владимире. Архивные документы свидетельствуют о том, что это была самая горькая страница в истории деятельности эвакуационных органов Ивановской области в годы войны.

На местах к приему ленинградцев уже готовились. По распоряжению СНК СССР от 18 января 1942 г. «О размещении в пределах Ивановской области эвакуированных из г. Ленинграда рабочих и членов их семей» была начата подготовка условий для их приема. Об этом свидетельствует постановление бюро обкома ВКП(б) и исполкома облсовета «О размещении и обслуживании эвакуированных жителей г. Ленинграда», принятое также 18 января 1942 г. Согласно его содержанию, к прибытию в область первоначально ожидалось 20,5 тыс. эвакуированных жителей г. Ленинграда.

Однако реальность событий оказалась значительно суровее их ожидания. В результате 24 января 1942 г. обком ВКП(б) и исполком облсовета внесли коррективы в ранее принятое постановление, увеличили численность ленинградцев, подлежащих размещению на территории области и придали большую категоричность мерам по их приему и медицинскому обслуживанию. Для этого было принято новое поста-

новление «О размещении эвакуированных жителей г. Ленинграда». Согласно его содержанию, в области надлежало разместить уже 30 тыс. жителей блокадного Ленинграда. Их расселение предписано осуществить по следующим фабричным городам и районам области: в Иванове – 7 000, Кольчугине – 3 000, Шуе – 2 000, Фурманове – 1 500, Тейкове – 1 000, Родниках и районе – 1 500, Юрьев-Польском – 300, Комсомольске и районе – 1 000, Вичуге и районе – 3 200, Собинском районе – 300, Приволжске – 1 000, Меленках – 1 000, Вязниках и районе – 2 000, Кинешме – 1 700, Кохме – 500, Наволокском районе – 300, Владимирском – 200 и в районах Ковровском, Камешковском, Гусь-Хрустальном, Александровском и Савинском – по 500 человек в каждом.

Но и это количество не соответствовало реалиям. Число ленинградцев, поступивших в Ивановскую область и следовавших через нее транзитом с 31 января по конец апреля 1942 г., оказалось значительно выше предполагаемого. Более того, физическое состояние большинства из них было ужасающим. Для значительной части эвакуированных требовалось не размещение в приемниках и общежитиях, а срочная госпитализация в больницах города и области [Околотин 2019: 389–424].

В Государственном архиве Ивановской области сохранились документы о приеме и распределении по фабрикам областного центра ленинградских рабочих-текстильщиков и членов их семей. Уполномоченным НКТП СССР по приему эвакуированных ленинградских текстильщиков был назначен заместитель начальника 2-го Главвхлоппрома М.К. Морозов¹.

Из первого эшелона, прибывшего в Иваново 31 января 1942 г. в 14:00, по общежитиям фабрик были расселены 512 человек взрослых и 130 детей². Рабочие из второго эшелона, прибывшего 8 февраля в количестве уже 760 человек, также были размещены по текстильным предприятиям города³. Всего же по состоянию на 27 февраля 1942 г. текстильные предприятия г. Иваново приняли 1 856 человек, в том числе 79 детей. Из них на Ивановском меланжевом комбинате было трудоустроено 314 ленинградцев, Большой Ивановской мануфактуре им. Молотова – 218, Новой Ивановской мануфактуре – 200, фабрике им. Кирова – 210 человек и т. д. К сожалению, из числа текстильщиков и членов их семей, прибывших в Иваново, умерло 16 человек взрослых и 4 ребенка⁴.

Среди ленинградцев, эвакуированных в Ивановскую область зимой 1942 г., была Клавдия Григорьевна Сипакова. Перед войной она четыре года училась в Ленинградском текстильном техникуме, но завершить обучение ей не удалось. В 1984 г. она так вспоминала об этом периоде: «Коллектив комбината “Большевик” принял нас в свою дружную семью. Нам выдали обувь, одежду, предоставили жилье. Та-

кое участие влило в нас новые силы. Мне доверили работу мастера тростильно-крутильного и аппаратного цеха – вот где пришлось мне начинать трудовую жизнь текстильщика. Работали тогда все, не считаясь со временем, знали, что наш труд помогает приблизить победу»²⁰.

Таким образом, за счет трудоустройства на предприятиях Ивановской области текстильщиков, эвакуированных из Ленинграда, удалось пополнить трудовые коллективы региона, усилить их возможности по выполнению плановых заданий советского государства.

Резэвакуация, восстановление текстильных предприятий и создание новых производственных мощностей. К числу важных объектов, подлежащих восстановлению на освобожденных территориях, были отнесены предприятия текстильной промышленности. Об этом свидетельствует информация из Госплана при СНК СССР в адрес А.Н. Косыгина 12 февраля 1942 г. под заголовком «По вопросу восстановления Наро-Фоминской, Яхромской, Высоковской и Дедовской хлопчатобумажных фабрик». Она была подготовлена на основании совместного предложения НКТП СССР и Московского комитета ВКП(б) о восстановлении указанных предприятий в Госплан при СНК СССР.

Согласно информации предполагалось восстановить указанные предприятия на следующую производственную мощность. Наро-Фоминскую фабрику – на 31 тыс. прядильных веретен; Яхромскую фабрику – на 1 600 ткацких станков; Высоковскую

фабрику – на 1 300 ткацких станков и Дедовскую фабрику – на 1 144 ткацких станка с вводом их в действие в июне 1942 г.

В целях экономии времени НКТП СССР до подготовки бюджетно-сметной документации было разрешено потратить на покупку материалов, набор рабочей силы и начало восстановительных работ денежные средства в размере 3 млн руб. Из них на восстановление Наро-Фоминской и Высоковской фабрик – по 1 млн руб., а Яхромской и Дедовской фабрик – по 0,6 и 0,4 млн руб. соответственно. Требовалось также предоставление фондов на строительные материалы и кабельную продукцию, а также на деловую древесину в количестве 5 тыс. кубометров и т. д. Тогда же Госплан при СНК СССР принял решение вернуть на прежние места ранее эвакуированное приготовительно-ткацкое и энергетическое оборудование, необходимое для доукомплектования восстанавливаемых фабрик⁷.

Согласно другому документу, Госплан при СНК СССР также предполагал, что многие из эвакуированных предприятий осядут в новых местах и смогут быть восстановлены в течение 1942 г. Он также признавал, что количество таких объектов не будет соответствовать общему числу вывезенных предприятий. Это было связано с дроблением их имущества на части и с размещением в различных регионах страны. Имела место и другая тенденция, когда действующие фабрики или комбинаты поглощали оборудование двух или трех эвакуированных предприятий. Среди них были названы Ташкентский и Барнауль-

Таблица 1

Ввод производственных мощностей по НКТП и НКЛП СССР в 1942 г.⁹

	Прядильные веретена (в тыс.)	Ткацкие станки	Крутильные веретена (в тыс.)
<i>Хлопчатобумажная промышленность</i>			
Всего	651,0	13 086	–
Средняя Азия и Казахстан	157,4	2 836	–
Сибирь, Урал	256,4	5 456	–
Поволжье	156,8	3 145	–
<i>Шерстяная промышленность</i>			
Всего	51,5	2 063	–
Средняя Азия и Казахстан	30,7	1 446	–
Сибирь, Урал	11,0	514	–
Поволжье	9,08	166	–
<i>Шелковая промышленность</i>			
Всего	–	1 850	36,0
Средняя Азия и Казахстан	–	950	16,5
Сибирь, Урал	–	900	19,5
<i>Наркомлегпром СССР</i>			
Всего	106,5	–	–
Средняя Азия и Казахстан	106,5	–	–

Примечание. Большую часть производственных мощностей предполагалось ввести в хлопчатобумажной промышленности.

Таблица 2

Удельный вес районов в производственной мощности текстильной промышленности (в %) ¹⁰

	Средняя Азия и Казахстан		Урал и Западная Сибирь		Поволжье		Центральная Россия	
	Начало 1941 г.	Начало 1943 г.	Начало 1941 г.	Начало 1943 г.	Начало 1941 г.	Начало 1943 г.	Начало 1941 г.	Начало 1943 г.
<i>Хлопчатобумажная промышленность</i>								
По прядению	1,7	5,7	1,2	4,8	0,6	3,1	80,1	72,8
По ткачеству	1,8	3,5	0,8	3,6	0,4	2,0	85,2	76,5
<i>Шерстяная промышленность</i>								
По прядению	0,2	7,5	1,2	4,2	6,1	10,0	48,0	53,2
По ткачеству	0,2	11,9	1,1	5,2	6,6	9,7	54,9	48,6
<i>Шелковая промышленность</i>								
По прядению	8,1	32,1	-	21,9	-	-	82,1	29,9
По ткачеству	6,9	27,0	-	17,5	-	-	77,6	56,1

Примечание. Изменения удельного веса районов отмечались по всем отраслям текстильной промышленности, но в целом Центральная Россия по-прежнему оставалась ведущим по производственной мощности регионом.

ский хлопчатобумажный комбинаты, а также Семипалатинский суконный комбинат и некоторые другие. Тем не менее на базе эвакуированного оборудования в 1942 г. планировалось создать более 80 хлопчатобумажных текстильных предприятий общей мощностью 650 тыс. прядильных веретен и 13 тыс. ткацких станков, 51,5 тыс. прядильных веретен и 2 тыс. ткацких станков в шерстяной отрасли промышленности, а также 36 тыс. крутильных веретен и 1,8 тыс. ткацких станков в шелковом производстве. Кроме того, по Наркомлегпрому СССР предполагалось ввести 106,5 тыс. хлопкопрядильных веретен. Новые производственные мощности, как и до войны, преимущественно предполагалось создавать в районах Средней Азии, Поволжья, Западной Сибири и на Урале⁸.

В итоге, подчеркивалось в документе, в территориальном размещении текстильной промышленности должны были произойти глубокие изменения, и в указанных районах появиться крупные производственно-имущественные комплексы. В свою очередь, это влекло за собой изменение удельного веса данных районов в производственной мощности текстильной промышленности СССР.

Изменения в территориальном размещении текстильной промышленности повлекло за собой корректировку государственных планов. Тем районам, которые ранее не учитывались при их разработке, на второе полугодие 1942 г. уже были установлены задания по производству текстильной продукции.

Однако процесс ввода в эксплуатацию дополнительных мощностей значительно отставал от плановых назначений. Так, согласно постановлению СНК СССР от 24 мая 1942 г. НКТП должен был в I полугодии ввести в эксплуатацию по хлопчатобумажной промышленности 64 448 веретен и 1 353 ткацких станка. Фактически же было введено 54 712 веретен и 1 221 ткацкий станок. Напри-

мер, на Омской фабрике по причине неисправного трансформатора не были введены 1 522 прядильных веретен. На хлопчатобумажной фабрике в Чебоксарах из 9 900 веретен были введены в эксплуатацию только 5 632, или 56,8 %. На Ташкентском текстильном комбинате ниточное производство не было обеспечено пряжей из-за медлительности при пуске части прядильных веретен и т. д.¹⁵

Резьвакуация и восстановление текстильных предприятий в Московской, Ивановской, Ярославской и других областях также сопровождалась рядом трудностей. Например, 2 марта 1942 г. ГКО принял постановление № 1371 сс «Об организации второй базы по изготовлению 23 мм авиационных пушек конструкции Волкова – Ярцева» на заводе № 2 в г. Коврове Ивановской области¹⁶. Согласно его содержанию, Госплану при СНК СССР в декадный срок было предложено изыскать для завода № 2 соответствующие станки в количестве 186 штук, в том числе из числа эвакуированного и неустановленного оборудования.

В результате поисков электромоторы к станкам были найдены в Ивановской области на фабрике им. К. Либкнехта в Вязниках. 7 марта 1942 г. ГКО принял постановление «О передаче НКВ электромоторов, хранящихся на льняной фабрике им. К. Либкнехта», которым обязало наркома И.Н. Акимова передать в Ковров 250 электромоторов¹⁷. Его принятию предшествовала докладная записка Л.П. Берии председателю ГКО И.В. Сталину. Из ее содержания следовало, что на фабрике хранилось 736 электромоторов, эвакуированных с Оршанского льнокомбината без ткацких станков. По этой причине они не могли быть использованы для восстановления данного льнокомбината, а на других фабриках они могли быть востребованы не ранее чем через 6 месяцев¹⁸.

Представляет интерес другой документ, а именно записка, направленная А.И. Микояну в августе

Таблица 3

Порайонная выработка тканей предприятиями НКТП СССР в 1942 г. (в млн метров)⁹

Наименование областей и республик	Хлопчатобумажные ткани		Шерстяные ткани		Шелковые ткани	
	1940 отчет	1942 план	1940 отчет	1942 план	1940 отчет	1942 план
<i>Районы Поволжья</i>						
Татарская АССР	–	18,75	0,65	–	–	–
Куйбышевская область		8,03	9,04	12,0	–	–
Саратовская область	17,76	43,10	–	–	–	–
<i>Районы Урала</i>						
Чкаловская область	–	1,36	–	–	–	0,60
Свердловская область	–	–	1,46	1,60	–	–
<i>Районы Западной Сибири</i>						
Алтайский край	33,7	50,6	–	–	–	–
Омская область	–	–	0,59	1,10	–	–
<i>Районы Закавказья</i>						
Грузинская ССР	–	–	1,83	3,0	5,35	6,32
Армянская ССР	24,68	33,0	–	–	–	0,4
Азербайджанская ССР	48,35	62,0	0,51	0,42	–	1,24
<i>Районы Средней Азии и Казахстана</i>						
Туркменская ССР	9,68	8,94	–	0,3	–	–
Узбекская ССР	102,76	171,94	–	–	0,53	3,20
Таджикская ССР	–	3,30	–	–	1,31	2,50
Казахская ССР						
<i>Районы Центральной России</i>						
Московская область	1504,14	1100	59,7	56,51	55,63	19,50
Ивановская область	1465,4	1775,75	0,65	0,60	1,35	1,60
Ярославская область	32,25	46,0	–	–	–	–
Горьковская область	22,42	22,5	–	–	–	–
Чувашская АССР	–	16,9	–	–	–	–
Пензенская область	–	–	4,35	5,0	–	–
Тамбовская область			5,71	5,80	–	–

Примечание. Несмотря на серьезные изменения в территориальном размещении текстильного производства, основную нагрузку по производству хлопчатобумажных тканей по-прежнему несли предприятия Московской и Ивановской областей.

1942 г. В ней отмечалось, что в Уфе на Базарной площади в течение 9 месяцев лежали под открытым небом без использования и охраны 600 ткацких станков. Они ржавели, портились, части к ним расхищались. По словам авторов записки, «Наркомтекстиль никаких мер к восстановлению эвакуированных фабрик не принимает, хотя помещение местными организациями выделено». В этой связи говорилось там же: «Необходимо предложить т. Акимову принять срочные меры к сохранению и использованию этого оборудования, а также дать объяснение о бесхозяйственном хранении имущества в течение 9 месяцев». Согласно оставленным на документе подписям, кроме А.И. Микояна с ним ознакомились И.Н. Акимов и А.Н. Косыгин. Отношение к содержанию записки нашло выражение в краткой резолюции В.М. Молотова, который также был проинформирован о ее содержании: «Нельзя больше этого терпеть. Неужели Наркомтекстиль не видит этого. Прошу принять меры и меня поставить в известность»¹⁹.

Другим подтверждением медлительности при восстановлении предприятий является информация уполномоченного Госплана при СНК СССР по Ярославской области Ф.В. Ухина в Госплан СССР на имя заместителя председателя М.З. Сабурова «О ходе монтажа эвакуированного оборудования на фабрике «Красный Перекоп» Наркомтекстиля»¹². В ней говорилось о том, что по указанию НКТП СССР наиболее ценное по техническому состоянию и конструкции оборудование фабрики «Красный Перекоп» в период с 15 ноября по 15 декабря 1941 г. было демонтировано и вывезено из Ярославля. В том числе прядильное оборудование – на 56,6 %, крутильное оборудование – на 100 %, ткацкие танки – на 54,5 %, значительная часть приготовительного и металлообрабатывающего оборудования, электрооборудование и трансмиссионные установки. Большинство демонтированного оборудования было отгружено в г. Энгельс Саратовской области баржами по Волге и в связи с прекращением навигации вывезено по железной дороге.

Однако баржи с оборудованием не дошли до места назначения и зазимовали в г. Костроме и г. Козьмодемьянске. Во время зимовки выяснилось, что баржи текут, вследствие чего все оборудование в г. Костроме было выгружено на берег, а в г. Козьмодемьянске в одной из барж вмерзло в лед. С наступлением навигации 1942 г. оборудование из Костромы и Козьмодемьянска было возвращено обратно в Ярославль. Станки, вывезенные по железной дороге, за исключением 13 вагонов, находившихся в пути, также были возвращены в Ярославль.

Ко времени подготовки информации значительная часть ранее вывезенного оборудования была уже сосредоточена на территории фабрики и на берегу р. Которосли. Однако к организации его хранения возникли многочисленные вопросы. Например, прядильные машины и детали к ним были разбросаны на земле и ничем не покрыты, комплектность оборудования нарушена. Электрооборудование, а также половина барабанов и вальцов чесальных машин покрылась ржавчиной. Следствием столь небрежного отношения к оборудованию, говорилось в информации, могло стать сокращение срока его производственной эксплуатации. Кроме того, значительно замедлялся монтаж станков и прядильных машин, о чем свидетельствовали данные, приводимые Ф.В. Ухиным.

На монтаж оборудования «Красного Перекопа» из государственного бюджета было отпущено 640 тыс. руб. Их освоение осуществлялось хозяйственным способом силами 100 ремонтников, что составляло 50 % от общей потребности. Другие работники в количестве 130 человек не вернулись из Энгельса после эвакуации. Более того, тех, кто трудился на монтаже оборудования, постоянно направляли на различные работы, в том числе на заготовку топлива, что приводило к снижению трудовой дисциплины и темпов по восстановлению предприятия. Требовались также дополнительные средства

для полного запуска фабрики, поскольку к концу июня 1942 г. было уже израсходовано 616 тыс. руб. и оставшихся средств явно не хватало для выполнения поставленной задачи. Данные проблемы сдерживали выполнение задания по введению в действие предприятия к концу 1942 г., даже несмотря на то, что выработывавшиеся им ткани (брезент, плащ-палатка, палатка, чефер и бельтинг) являлись необходимыми для Красной армии¹⁴.

Имела место и другая ситуация, когда с действующих предприятий Ивановской области демонтировалось оборудование и направлялось на вновь строящиеся фабрики. Так, в соответствии с распоряжением СНК СССР от 16 сентября 1942 г. начальнику 3-го Главвхлоппрома В.М. Спорышеву было поручено демонтировать на Ивановском меланжевом комбинате им. Фролова 2 котла «Б» и «В» и отгрузить их через транспортный отдел НКТП СССР на фабрику в г. Энгельс Саратовской области⁵.

В целях ускорения ввода в действие новых производственных мощностей СНК СССР в своем постановлении от 11 октября 1942 г. «Об улучшении работы текстильной промышленности» наметил целый комплекс первоочередных мероприятий. В частности, обязал НКТП СССР в 4-м квартале ввести в действие 115,5 тыс. прядильных веретен по хлопчатобумажной промышленности. Для этого СНК СССР потребовал от ряда республиканских народных комиссариатов, краевых и областных исполнительных комитетов оказать НКТП СССР практическую помощь по строительству текстильных фабрик и восстановлению эвакуированного оборудования, обеспечить их местными строительными материалами, рабочей силой и транспортом. Кроме того, советское правительство разрешило НКТП СССР создать в своей системе в 4-м квартале 1942 г. Государственный всесоюзный строительный трест «Текстильстрой» и строительный трест НКТП РСФСР «Ростекстильпромстрой».

Таблица 4

О состоянии монтажа оборудования на фабрике «Красный Перекоп»¹³

Наименование оборудования	Всего демонтировано		Смонтировано на 25.07.42 г.		Находится в монтаже на 25.07.42 г.		Не начато монтажом	
	В штуках	В веретенах	В штуках	В веретенах	В штуках	В веретенах	В штуках	В веретенах
Прядильные веретена	223	76 276	74	25 000	2	680	147	50 506
Крутильные веретена	60	14 634	–	–	12	1 776	48	12 858
Ткацкие станки	750	–	750	–	–	–	325	–
Приготовительно-прядильные машины	573	–	195	–	53	–	10	–
Металлорежущее оборудование	18	–	5	–	–	–	–	–

Примечание. Сравнение выполненного объема работ по монтажу оборудования с объемом предстоящего к исполнению позволяет судить о значительной медлительности усилий по восстановлению предприятия.

Оно также обязало Наркомстрой включить в план 4-го квартала 1942 г. строительно-монтажные работы для НКТП СССР. В частности, по Барнаульскому меланжевому комбинату – на сумму 2,5 млн руб., Ташкентскому текстильному комбинату – 1 млн руб., Омской кордной фабрике – 1 млн руб., Челябинской хлопчатобумажной фабрике – 0,6 млн руб.⁶

Таким образом, НКТП СССР в течение всего 1942 г. принимал меры к скорейшему восстановлению производства хлопчатобумажных фабрик Московской области, разрушенных во время оккупации, возвращению в Центральную Россию ранее эвакуированного оборудования и ввода его в эксплуатацию. Кроме того, значительное внимание уделялось расширению действующих текстильных предприятий в восточных районах страны, а также строительству в них новых промышленных объектов. Реализация этих сложнейших задач была сопряжена с многочисленными трудностями, которые нередко преодолевались только через решения советского правительства. Эти действия соответствовали военной обстановке и были направлены на достижение бесперебойного обеспечения потребностей фронта и тыла.

Примечания

- ¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-1689. Оп. 6. Д. 1119. Л. 1.
- ² ГАИО. Ф. Р-1689. Оп. 6. Д. 1119. Л. 10.
- ³ ГАИО. Ф. Р-1689. Оп. 6. Д. 1119. Л. 9.
- ⁴ ГАИО. Ф. Р-1689. Оп. 6. Д. 1119. Л. 29.
- ⁵ ГАИО. Ф. Р-1689. Оп. 6. Д. 1117. Л. 37.
- ⁶ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 477. Л. 3-19.
- ⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 42. Д. 667. Л. 87–88.
- ⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 365. Л. 6-7.
- ⁹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 365. Л. 7.
- ¹⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 365. Л. 8.
- ¹¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 365. Л. 9.
- ¹² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 39. Л. 17–19.
- ¹³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 39. Л. 17 об.
- ¹⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 39. Л. 18–19.
- ¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 577. Л. 29.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 39. Л. 198–199.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 41. Л. 9.
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 41. Л. 10.
- ¹⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 577. Л. 24.

²⁰ Сизова Л. Ленинградка // Родниковский рабочий. 1984. 15 нояб.

Список литературы

Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: в 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. Москва: Кучково поле, 2013. 864 с.

История отечественной текстильной промышленности / М.В. Конотопов, А.А. Котова, С.И. Сметанин и С.И. Сметанина. Москва: Легпромбытиздат, 1992. 416 с.

Зрюкин В.В., Горьков Г.Н., Смирнова А.Н. История возникновения и развития текстильной промышленности. Иваново: ИГТА, 2004. 292 с.

Корнеев А.М. Текстильная промышленность СССР и пути ее развития. Москва, 1957. 364 с.

Околотин В.С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Кн. 2. 1 января – 31 декабря 1942 года. Иваново: А-Гриф, 2019. 624 с.

References

Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg.: v 12 t. Vol. 7. Ekonomika i oruzhie vojny [The Great Patriotic War of 1941–1945: in 12 vols. Vol. 7. Economics and weapons of war]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2013, 864 p. (In Russ.)

Istoriya otechestvennoj tekstil'noj promyshlennosti [History of the domestic textile industry], M.V. Konotopov, A.A. Kotova, S.I. Smetanin & S.I. Smetanina. Moscow, Legprombytizdat Publ., 1992, 416 p. (In Russ.)

Zryukin V.V., Gor'kov G.N., Smirnova A.N. *Istoriya vznikhoveniya i razvitiya tekstil'noj promyshlennosti* [The history of the emergence and development of the textile industry]. Ivanovo, IGTA Publ., 2004, 292 p. (In Russ.)

Korneev A.M. *Tekstil'naya promyshlennost' SSSR i puti ee razvitiya* [Textile industry of the USSR and ways of its development]. Moscow, 1957, 364 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Ivanovskaâ oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Kniga 2. 1 âнварâ – 31 dekabrá 1942 goda* [Ivanovo oblast during the great Patriotic war. Book 2: January 1 – December 31, 1942]. Ivanovo, A-Vulture Publ., 2019, 624 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 04.04.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 11.01.2023; approved after reviewing 04.04.2023; accepted for publication 05.05.2023.

АЛКУИН И ЕГО МЕСТО В ПОДГОТОВКЕ БЕНЕДИКТИНСКОЙ РЕФОРМЫ ВО ФРАНКСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ

Ильина Анастасия Андреевна, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, by.ginevra085@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0001-5215-0786>

Аннотация. В статье решается вопрос о степени и форме участия Алкуина в подготовке так называемой бенедиктинской реформы во Франкском государстве. Эта реформа, по всей видимости, была вызвана обмирщением и недостаточным уровнем образования монашества в то время. На основе анализа произведений Алкуина, посвященных теме улучшения дисциплины, исправления нравов и повышения уровня образования монахов («Всеобщее увещание», «Письмо об изучении наук», письма), автор статьи ищет параллели с проводимой Карлом Великим «монашеской» политикой и пытается выявить степень влияния Алкуина на проводимые в тот момент преобразования в монастырях – и через официальные документы, и через неофициальную корреспонденцию, и через собственные деяния. В статье доказывается, что Алкуин в своих рекомендациях монахам обращался к ранней аскетической традиции, при этом не только к Уставу Бенедикта, но и к трудам Иоанна Кассиана Римлянина. В результате автор приходит к выводу, что Алкуин мог способствовать популяризации Устава Бенедикта в монастырях, а также повышению уровня благочестия и образования монахов и через создание своих школ, и через стимулирование переписывания книг, и через духовное наставничество, проявляющееся в его письмах.

Ключевые слова: Алкуин Йоркский, письма Алкуина, раннесредневековые интеллектуалы, Каролингское Возрождение, раннесредневековое монашество, Устав святого Бенедикта.

Для цитирования: Ильина А.А. Алкуин и его место в подготовке бенедиктинской реформы во Франкском королевстве // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 51–56. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-51-56>

Research Article

ALCUIN AND HIS ROLE IN THE PREPARATION OF THE BENEDICTINE REFORM IN THE FRANKISH KINGDOM

Anastasiia A. Iliina, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, by.ginevra085@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-5215-0786>

Abstract. The article addresses the issue of the degree and form of Alcuin's participation in the preparation of the so-called Benedictine reform in the Frankish state. This reform, apparently, was caused by secularisation and the insufficient level of education of monastics at that time. Based on the analysis of Alcuin's works devoted to the topic of improving discipline, correcting morals and raising the level of education of monks ("General Exhortation", "Letter on the Study of Sciences", letters), the author of the article looks for parallels with the "monastic" policy pursued by Charlemagne and tries to identify the degree Alcuin's influence on the transformations being carried out at that moment in the monasteries – both through official documents, and through unofficial correspondence, and through his own deeds. The article proves that Alcuin, in his recommendations to the monks, referred to the early ascetic tradition, not only to the Rule of Benedict, but also to the writings of John Cassian the Roman. As a result, the author comes to the conclusion that Alcuin could contribute to the popularisation of the Rule of Benedict in the monasteries, as well as to increase the level of piety and education of the monks through the creation of their own schools, and through the stimulation of rewriting books, and through spiritual mentorship, manifested in his letters.

Keywords: Alcuin of York, Alcuin's letters, early medieval intellectuals, Carolingian Renaissance, early medieval monasticism, Rule of Saint Benedict

For citation: Iliina A.A. Alcuin and his role in the preparation of the Benedictine reform in the Frankish kingdom. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 2, pp. 51–56. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-51-56>

Долгое время в историографии было принято считать, что бенедиктинская реформа во Франкской империи, направленная на улучшение дисциплины, исправление нравов и повышение уровня образования монахов, была осуществлена в ходе двух церковных соборов времен Людовика Благочестивого в 816–817 годах, постановивших, что Устав Бенедикта должен соблюдаться во всех монастырях [Jacxsens: 62].

Но недавно исследователи обратили внимание на то, что еще во времена Пипина Короткого стали звучать призывы к восстановлению норм Устава Бенедикта в практике монашеской жизни. Сам Пипин применил бенедиктинское правило в подконтрольных себе обителях. Также след Бенедиктинского Устава прослеживался на Соборах в Вере (755 г.), Вербери (756 г.), Компьене (757 г.), Аттиньи (760–762 гг.) и Жантйи (767 г.), на которых были обнародованы директивы, касающиеся монашеской дисциплины, литургических практик и церковной организации [Jacxsens: 54].

Во времена Карла Великого интерес к бенедиктинскому правилу возрос ещё больше. В этот момент роль монастырей во Франкской империи и уровень требований к ним возрастает по нескольким причинам.

Прежде всего надо учитывать, что территория Франкского государства значительно расширилась. Монастыри (в том числе управляемые лояльными Карлу Великому аббатами) виделись участниками колонизации недавно завоеванных земель и гарантами безопасности на периферии. Путем обращения в общую веру Карл Великий надеялся объединить разрозненные народы в единую христианскую империю, используя религию для формирования общей идентичности. Далеко не последнюю роль в этом процессе играло и восприятие империи как экклесии, призванной спасти для грядущей жизни как можно большее количество душ. Нидерландский исследователь Рутгер Крамер характеризует этот процесс как предоставление всем подданным Каролингов инструментов, позволяющих быть хорошими христианами [Kramer: 309]. Монашество могло помочь реализовать эту идею.

К тому же в VIII веке Франкская церковь стремилась к обновлению, которое понималось как возвращение к христианству времен Отцов Церкви. Для этого было необходимо исправить поведение и образ жизни всех христиан [Timmermann: 19–20]. Все это тоже было неосуществимо без благочестивого и подготовленного монашества.

Кроме того, монастыри продолжали выполнять одну из основных своих функций – молиться. А поскольку христианский культ основывался на текстах, было важно, чтобы они были грамотно написаны и правильно поняты. Следовательно, существовала

потребность в приемлемом уровне образования монахов, с которым, судя по сведениям из *Epistola de litteris colendis* Алкуина, на тот момент были проблемы [Epistola: 79].

Альбрехт Дием считает, что большую роль в повышении уровня благочестия и образования монахов сыграла практика королей Карла Великого и Людовика Благочестивого направлять в монастыри в качестве аббатов или учителей видных интеллектуалов своего времени (Рабана Мавра, Адальхарда Корбийского, Валафрида Страбона, Рихбода, Эйнгарда), что положило начало живой интеллектуальной традиции в этом институте [Diem: 29].

А первым в этом списке должен стоять Алкуин Йоркский – крупнейший христианский интеллектуал рубежа VIII–IX вв., в 796–804 годах – аббат монастыря святого Мартина в Туре, основавший там школу, и учитель многих образованных мужей следующего поколения.

В историографии издавна ведется спор по поводу того, был ли сам Алкуин монахом. Большинство исследователей, ссылаясь на *Vita Alcuini*, соглашается с тем, что не был [Diem: 42, LePree, de Jong: 634]. Тем не менее литературное наследие Алкуина и вся его жизнь показывают, что он относился к монашеским идеалам очень серьезно. На это повлияло в том числе и его воспитание в соборной школе Йорка, которая, по мнению Майки Де Йонг и Альбрехта Диема, была связана с монастырем [de Jong: 634, Diem: 34]. Помимо своей практической работы Алкуин посвятил теме монашеского просвещения несколько сочинений.

Перу Алкуина, скорее всего, принадлежит два важных текста, связанных с монашеской политикой Карла Великого – «Письмо об изучении наук» (*Epistola de litteris colendis*) и по крайней мере 72-я и 73-я главы «Всеобщего увещания» (*Admonitio generalis*). Авторство Алкуина Джеймс Лепре, ссылаясь на Альбрехта Диема и Фридриха-Карла Шиебе, доказывает на основе анализа языка и обнаружения сходства между этими текстами и теми сочинениями, которые относят к Алкуину бесспорно [LePree].

Интересующие нас главы «Всеобщего увещания», во-первых, призывают служителей Божьих украшать себя добрыми нравами и вести праведную жизнь для того, чтобы привлечь к служению Богу многих, во-вторых, содержат приказ организовать школы (*scolae legentium ruogum*), в-третьих, подчеркивают важность тщательного исправления книг и в монастырях, и в епископствах, так как ошибочные тексты заставляют христиан молиться Богу неправильно [Admonitio: 59]. Дальше Алкуин обращается отдельно к монахам, напоминая им, что принятие монашеского обета обязывает соблюдать правила уставной жизни, а недавно пришедшие из мира братья

должны сначала хорошо обучиться «внутри» (видимо, в душе), прежде чем приступать к «наружным» монастырским обязанностям [Admonitio: 60]. В этом послании можно найти некоторое сходство с концепцией одного из виднейших монашеских писателей Иоанна Кассиана о деятельном знании, которое заключалось в том, чтобы избегать пороков и совершенствоваться в себе добродетели, а также предшествовало умозрительному – включающему истолкование и понимание Писания – знанию [Тюленев: 156].

На основании анализа этих двух глав можно предположить, что Алкуин считал, что школы, управляемые образованными и благочестивыми учителями, живущими в соответствии с установленными монашеским уставом правилами и использующими для обучения мальчиков «правильные» (то есть не содержащие ошибок) тексты, смогут подготовить новое поколение все таких же праведных преподавателей и произвести новую серию столь же безукоризненных текстов, которые, в свою очередь, снова исполняют свою функцию и спасут таким образом еще большее количество душ. Похожие идеи развиваются и в «Письме об изучении наук» (Epistola de litteris colendis).

Послание, написанное от имени Карла и адресованное к аббату Фульды Баугульфусу или, согласно некоторым спискам, некоему епископу, по-видимому, Ангильраму из Меца [Diem: 37], начинается с приказа о том, что помимо соблюдения порядка уставной жизни и ведения святого образа жизни служители Божьи, имеющие по дару Господа возможность учиться, должны делать это «в соответствии со способностью каждого». Совокупность всех трех действий, по замыслу Алкуина, должна привести к тому, что монахи будут не только «честно жить», но и «честно говорить». Ведь прежние письма монахов показали недостаточную образованность их авторов – «то, что благочестивая набожность внутри... диктовала, то из-за небрежности обучения грубый язык снаружи... воспроизвести не смог», а эти «ошибки слов», что опасно, могут затем вызвать «ошибки умов». Помимо этого, хорошее образование, как пишет Алкуин, поможет монахам глубже проникнуть в тайны Священного Писания, где используется сложный язык иносказаний и тропов. При этом на учебу, ещё раз подчеркивает Алкуин, должны быть избраны такие мужи, которые имеют и готовность, и возможность учиться самим, и желание наставлять других [Epistola: 79].

В постулатах, связанных с образованием, мы можем найти связь всё с тем же Уставом Бенедикта. В этом уставе есть множество указаний на то, что монахи должны быть грамотными. В главе 48-й, например, говорится о том, что в некоторые часы братья должны заниматься «божественным чтением», в некоторые – могут это делать по желанию, а в дни Че-

тыредесятницы каждый монах обязан взять в библиотеке «особую книгу, которую должен прочитать всю подряд». Далее Бенедикт добавляет, что в этот период одному или двум старцам следует обходить кельи и проверять, действительно ли братья занимаются чтением [Regula Benedicti 48].

В 38-й главе сказано о том, что каждую неделю должен выбираться чтец, который будет заниматься чтением для братии во время трапезы. Также Бенедикт отмечает, что в это послушание может входить не каждый монах, но тот, который «может назидать слушающих» [Regula Benedicti 38].

В главе 58-й также сказано, что Устав должен читаться по нескольку раз желающим вступить в монастырь. Из этой же главы мы узнаем, что принимаемый в монастырь должен «изложить письменно», «своей рукой» обещание не отступать от намерения быть монахом, «быть всегда исправным в поведении, в нраве и послушании» [Regula Benedicti 58].

Таким образом, «Письмо об изучении наук» продолжает развивать идею о необходимости соединения правил монашеского устава и ведения благочестивой жизни с образованием, что должно помочь монахам писать правильные тексты и лучше понимать священные книги, а затем передать эти знания и умения своим последователям, а также показать им пример собственного добронравного поведения. Эти же темы поднимаются и в посланиях Алкуина к различным монашеским общинам и отдельным монахам.

Видимо, Алкуин и его современники считали эти письма очень важными. Так, в послании к монахам Готии-Септимании Алкуин просит их отправить экземпляр этого письма братьям на Леринские острова [Alcuin: 216]. А когда частый корреспондент Алкуина, епископ Зальцбургский Арн, попросил у него очередного духовного совета, тот, помимо прочего, послал ему свое письмо, созданное прежде для отроков из монастыря святого Мартина в Туре [Driscoll: 37]. Майкл Дрисколл отмечает, что после этого Ad rueros sancti Martini, посвященное важности искренней исповеди и покаяния, упоминалось в различных рукописных сборниках, появившихся ещё при жизни Алкуина [Driscoll: 39]. Рассмотрим блок «монашеских» писем более подробно.

Прежде всего, Алкуин признает, что в современной ему церкви есть проблемы. По его словам, «многие... пытаются осквернить её» [Alcuin: 89]. Задача адресатов писем – не допустить этого осквернения путем следования монашескому уставу, ведения благочестивой жизни, подражания примеру предшественников и передачи знания.

Что касается призыва к уставной жизни, то в письмах к разным монашеским общинам Алкуин достаточно часто ссылается на Устав Бенедикта – то прямо, то косвенно. При этом Алкуин никогда не упоминает

какие-то точные, «количественные» положения Устава – сколько должно быть богослужений, какая именно еда и одежда позволительна для монахов и т. д., хотя сам Бенедикт уделяет этому достаточно большое внимание [Regula Benedicti 8–18, 22–24, 39–41]. Возможно, Алкуин считал, что эти вещи не требуют специального пояснения. Зато он не устает напоминать читателям, какими качествами должны обладать монахи, постоянно выделяет присущие им добродетели: любовь, смирение, послушание, единодушие, согласие, отсутствие соперничества, целомудрие, умеренность в одежде, яствах [Alcuin: 54, 86, 88, 92, 94, 95, 151, 172, 191, 211]. При этом Алкуин считает нужным пояснить, что именно он подразумевает под любовью, смирением, послушанием [Alcuin: 95, 171]; какие любовь и смирение «правильные», а какие нет [Alcuin: 171]. Эйлин Джаксенс отмечает, что Алкуин в своих письмах ничего не говорит об индивидуальных аскетических достижениях монахов, что тоже хорошо вписывается в корпоративную модель бенедиктинского монашества [Jacxsens: 54]. Очень близко к Уставу Бенедикта [Regula Benedicti 2] Алкуин описывает настоятеля монастыря – отца и пастыря, которому нужно будет предоставить Богу отчет о том, что он предписывал своим подопечным и какие меры им подавал [Alcuin: 171].

Идея примера, преемственности встречается в письмах Алкуина очень часто. Мы постоянно видим параллель «отцы – сыновья». Эйлин Джаксенс считает, что постоянное использование Алкуином множественного числа неслучайно – юных монахов воспитывали не отдельные учителя, а вся община [Jacxsens: 48]. Алкуин призывает адресатов уважать стариков, наставлять юношей, почитать предшественников – как ныне живущих, так и уже ставших частью истории, быть достойными их [Alcuin: 54–56, 86, 87, 92, 94, 95, 171, 191, 194, 211]. Взрослых монахов Алкуин призывает учить молодых с помощью «добрых примеров» [Alcuin: 95]. Это хорошо соотносится с концепцией монашеского воспитания, заключавшемся, по мнению Эйлин Джаксенс, в корректирующей нравственной программе, при которой начинающий монах, видя асимметрию между собой и своим учителем, направлял усилия на то, чтобы сократить разрыв между своим обликом и образом учителя [Jacxsens: 59]. При этом Джаксенс добавляет, что этот образ учитель должен был в свою очередь соотносить с образами святых из житий [Jacxsens: 150].

Особо отмечает Алкуин важность преемственности в обучении. Он постоянно транслирует идею о том, что учиться в юности нужно для того, чтобы в зрелости учить; питать себя следует, чтобы позже давать духовную пищу другим [Alcuin: 55, 173, 194]. Только в этом случае «свет знания», горящий в Церкви «от начала веры», никогда не угаснет [Alcuin: 89].

А это жизненно необходимо, ведь «неведение Писания есть неведение Бога, и... множество мудрых есть спасение народа» (Ср. Прем. 6:26) [Alcuin: 91]. Важно, по мнению Алкуина, и то, что приобретенные в молодости знания позже дадут бывшему ученику почет среди людей и вознаграждение перед Богом [Alcuin: 55, 89], «ибо кто дерево сажает, вознаграждение от плода его собирается получить» [Alcuin: 95].

В письме к Карлу Великому о школе, организованной при монастыре святого Мартина в Туре, Алкуин продолжает развивать связь труда учителя с будущими результатами. В данном случае он, пользуясь метафорой из книги Екклесиаста (Еккл. 11:6), говорит о том, что он некогда «сеял» в Британии, а теперь «сеет» во Франкии и желает, чтобы оба его «посева» взошли [Alcuin: 178]. Кроме того, в этом письме Алкуин сообщает, что в новой школе он наставляет учеников и в вопросах Священного Писания, и в древних науках, и в грамматике, и в порядке звезд [Alcuin: 176]. А ещё просит у Карла разрешения отправить в Йорк какого-нибудь посланника с целью привезти оттуда книги для школы, приобретенные некогда учителем Алкуина и им самим [Alcuin: 177].

В письмах Алкуина нередко можно заметить упоминания о том, что он посылал в ту или иную обитель книги. Бывает, что это его собственные сочинения. Например, Радо, аббату святого Веста Аррасского, Алкуин отправил житие святого Веста, которое он «постарался улучшить» [Alcuin: 116], а монахиням Шелльского монастыря Гисле, сестре короля Карла, и Ротруде, его дочери, – свои комментарии на Евангелие от Иоанна [Alcuin: 322]. Письма Алкуина дают нам сведения и об обмене сочинениями других авторов. В письме к некоему ученику Алкуин обещает отправить ему сочинение Беда, как только он получит его от все той же Гислы [Alcuin: 132]. Кроме того, исследователи полагают, что монахини Шелльского монастыря переписывали книги и для Кельнского епископа Хильдебальда [История женщин на Западе: 199]. А в послании к Рабану Мавру Алкуин напоминает своему ученику об обещании переписать для учителя какую-то «книжечку» [Alcuin: 223]. Кстати, в одном из посланий к Карлу Великому «турского» периода Алкуин заявляет о том, что желает восстановить чуть не утраченное переписчиками искусство расстановки знаков препинания (*distinctiones punctorum*) и пытается заручиться в этом поддержкой короля [Alcuin: 285].

Таким образом, письма Алкуина к монахам тоже поднимают темы важности соблюдения устава, ведения благочестивой жизни и просвещения, которые должны передаваться от наставника к ученику, а затем от повзрослевшего ученика к его собственным подопечным. Эту теорию Алкуин подкреплял делом, организовав в подвластном себе Турском монастыре школу, а также пополняя монастырские би-

библиотеки своими и чужими сочинениями и способствуя переписке книг. Актуальность «монашеских» посланий Алкуина для современников подтверждается копированием и сохранением этих писем ещё при жизни их автора.

Джеймс Лепре находит влияние монашеских идеалов также в ещё одном произведении Алкуина – «Книге о добродетелях и пороках» (*Liber de Virtutibus et Vitiis*), – посвященном графу Видо из Бретонской марки и написанном с целью, как следует из названия, научить его взращивать добродетели и избегать пороков. В отличие от предыдущих упоминаемых нами текстов, этот адресовался не монаху, а знатному мирянину. Тем не менее, отмечает Лепре, при создании этой книги Алкуин явно опирался на монашеские аскетические источники — сочинения Поркария и Иоанна Кассиана [LePree].

Деятельность Алкуина имела результаты. Седа Эркос полагает, что франкские монастыри на рубеже VIII–IX вв. воплощали в себе высочайший уровень образования, какой только можно было получить в то время, и включали в себя и тривиум, и квадриум, чему тоже поспособствовал Алкуин [Erkos: 34].

Кроме того, О.А. Добиаш-Рожественская приводит мнение Л. Делиля о том, что в период аббатства Алкуина в Туре был создан один из типов средневекового письма – каролингский минускул, впрочем, сама Ольга Антоновна полагает, что это произошло в аббатстве св. Петра в Корби при управлении Адалхарда [Добиаш-Рожественская: 203]. В то же время М.Р. Ненарокова, придерживающаяся той же точки зрения, что и О.А. Добиаш-Рожественская, пишет, что Алкуин, не выступая создателем шрифта, способствовал его популяризации [Ненарокова 2006: 25]. Также Мария Равильевна полагает, что результатом совместной деятельности Алкуина и переписчиков из Турского монастыря явилось создание, помимо прочего, пятнадцати манускриптов с произведениями Вергилия [Ненарокова 2012: 62].

Алкуин был не одинок в своем стремлении реформировать монашество. Например, другой ученый муж из окружения Карла Великого – Павел Диякон – написал поэму про святого Бенедикта в похожем духе. Джаксенс делает вывод о том, что эта поэма конструирует модель монашеской жизни, основанной на учености [Jacxsens: 64], коллективизме [Jacxsens: 85], транслировании примеров [Jacxsens: 80–81], послушании и смирении [Jacxsens: 95] и была создана с целью вдохновить монахов подчиниться бенедиктинскому уставу [Jacxsens: 95].

Проблемы уставной и благочестивой жизни, её связь с образованием продолжили активно обсуждаться уже после смерти Алкуина в период правления Людовика Благочестивого, и развитие идей, поднимающихся в произведениях Алкуина и его со-

временников, можно найти в сочинениях ученых мужей следующего поколения.

Список литературы

История женщин на Западе: в 5 т. Т. 2: Молчание средних веков / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. К. Клапиш-Зубер; пер. с фр. под ред. Р.А. Гимадеева; научн. ред. перевода Н.Л. Пушкарева. Санкт-Петербург: Алетей, 2009. 512 с.

Добиаш-Рожественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. Москва, 1987. 350 с.

Ненарокова М.Р. Европейская школьная культура VIII–IX вв. // Памятники средневековой латинской литературы / отв. ред. М.Л. Гаспаров. Москва, 2006. С. 22–48.

Ненарокова М.Р. Каролингская эклога: теория и история жанра. Москва: ИМЛИ РАН, 2012. 416 с.

Тюленев В.М. Римская школа на позднеантичном латинском Западе (Южная Галлия в V – первой половине VI в.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. 236 с.

Admonitio generalis. MGH LL. Capit. T. 1, ed. by Boretius A. Hanover, 1883, pp. 52-62.

Alcuini sive Albini epistolae. MGH Epp. T. 4: Epistolae Karolini aevi (II), rec. E. Duemmler. Berlin, 1895, S. 1–481.

Bullough D.A. Alcuin: Achievement and Reputation. Being Part of the Ford Lectures Delivered in Oxford in Hilary Term 1980. Netherlands, 2004, 596 p.

De Jong M. Carolingian monasticism: the power of prayer. The New Cambridge Medieval History, ed. R. McKitterick. Cambridge, 1995, vol. 2, pp. 622-53.

Diem A. The Emergence of Monastic Schools. The Role of Alcuin. Alcuin of York. Scholar at the Carolingian Court. Proceedings of the Third Germania Latina Conference held at the University of Groningen May 1995, ed. by L.A.J.R. Houwen & A.A. MacDonald, 1998, Forsten Publ., pp. 27-44.

Driscoll M.S. “Ad pueros Sancti Martini”: a critical edition, English translation, and study of the manuscript transmission. *Traditio*, Cambridge University Press, 1998, vol. 53, pp. 37-61.

Epistola de litteris colendis. MGH LL. Capit. T. 1, ed. Boretius A. Hanover, 1883, pp. 78-79.

Erkos S. The Content of Elementary And Higher Education In 8th-9th Century Frankish Monasteries. *Sakarya University Journal of Education*, 4/2 (Ağustos/August 2014), pp. 19-37.

Jacxsens E.M. Learning Literature and Poetics, and the Formation of Monastic Culture in the Carolingian World. Providence, Rhode Island, 2011, 214 p.

Kramer R. Teaching Emperors: Transcending the Boundaries of Carolingian Monastic Communities. Meanings of Community across Medieval Eurasia. *Comparative Approaches*, ed. by E. Hovden, C. Lutter, W. Pohl. Brill, 2016, pp. 309-337.

LePree J.F. Sources of Spirituality in the Liber de Virtutibus et Vitiis (Book on Virtues and Vices) and Epistolae (Letters) of Alcuin of York. Heroic Age, vol. 16, 2016. URL: <https://www.heroicage.org/issues/16/lepree.php> (date access: 03.04.2023).

Regula Benedicti, ed. by R. Hanslik. Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum. Wien, 1960, bd. 75, 375 p.

Timmermann J. Sharers in the contemplative virtue: Julianus Pomerius's Carolingian audience. A Journal of Medieval and Renaissance Studies, vol. 45, 2014, pp. 1-44.

References

Dobiash-Rozhdestvenskaia O.A. *Kul'tura zapadnoevropeiskogo srednevekov'ia* [Culture of the Western European Middle Ages]. Moscow, 1987, 350 p. (In Russ.)

Istoriia zhenshchin na Zapade: v 5 t. T. 2: Molchanie srednikh vekov [A history of women in the West: in 5 vols. Vol. 2: Silence of the Middle Ages], ed. by Zh. Diubi, M. Perro, K. Klapish-Zuber, R.A. Gimadeeva, N.L. Pushkareva. Saint-Petersburg, Aleteiia Publ., 2009, 512 p. (In Russ.)

Nenarokova M.R. *Evropeiskaia shkol'naia kul'tura VIII–IX vv.* [European school culture of the 8th–9th centuries]. *Pamiatniki srednevekovoi latinskoj literatury* [Monuments of medieval Latin literature], ed. by M.L. Gasparov. Moscow, 2006, pp. 22-48.

Nenarokova M.R. *Karolingskaia ekloga: teoriia i istoriia zhanra* [Carolingian Eclogue: Theory and History of the Genre]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2012, 416 p. (In Russ.)

Tiulenev V.M. *Rimskaia shkola na pozdneantichnom latinskom Zapade (Iuzhnaia Galliia v V – pervoi polovine VI v.)* [Roman school in the Late Antique Latin West (Southern Gaul in the 5th-first half of the 6th century)]. Ivanovo, Ivan. St. Un. Publ., 2019, 236 p. (In Russ.)

Admonitio generalis. MGH LL. Capit. T. 1, ed. by Boretius A. Hanover, 1883, pp. 52-62.

Alcuini sive Albinus epistolae. MGH Epp. T. 4: Epistolae Karolini aevi (II), rec. E. Duemmler. Berlin, 1895, S. 1–481.

Bullough D.A. Alcuin: Achievement and Reputation. Being Part of the Ford Lectures Delivered in Oxford in Hilary Term 1980. Netherlands, 2004, 596 p.

De Jong M. Carolingian monasticism: the power of prayer. The New Cambridge Medieval History, ed. R. McKitterick. Cambridge, 1995, vol. 2, pp. 622-53.

Diem A. The Emergence of Monastic Schools. The Role of Alcuin. Alcuin of York. Scholar at the Carolingian Court. Proceedings of the Third Germania Latina Conference held at the University of Groningen May 1995, ed. by L.A.J.R. Houwen & A.A. MacDonald, 1998, Forsten Publ., pp. 27-44.

Driscoll M.S. "Ad pueros Sancti Martini": a critical edition, English translation, and study of the manuscript transmission. *Traditio*, Cambridge University Press, 1998, vol. 53, pp. 37-61.

Epistola de litteris colendis. MGH LL. Capit. T. 1, ed. Boretius A. Hanover, 1883, pp. 78-79.

Erkos S. The Content of Elementary And Higher Education In 8th-9th Century Frankish Monasteries. *Sakarya University Journal of Education*, 4/2 (August/ August 2014), pp. 19-37.

Jacxsens E.M. Learning Literature and Poetics, and the Formation of Monastic Culture in the Carolingian World. Providence, Rhode Island, 2011, 214 p.

Kramer R. Teaching Emperors: Transcending the Boundaries of Carolingian Monastic Communities. Meanings of Community across Medieval Eurasia. *Comparative Approaches*, ed. by E. Hovden, C. Lutter, W. Pohl. Brill, 2016, pp. 309-337.

LePree J.F. Sources of Spirituality in the Liber de Virtutibus et Vitiis (Book on Virtues and Vices) and Epistolae (Letters) of Alcuin of York. Heroic Age, vol. 16, 2016. URL: <https://www.heroicage.org/issues/16/lepree.php> (date access: 03.04.2023).

Regula Benedicti, ed. by R. Hanslik. Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum. Wien, 1960, bd. 75, 375 p.

Timmermann J. Sharers in the contemplative virtue: Julianus Pomerius's Carolingian audience. A Journal of Medieval and Renaissance Studies, vol. 45, 2014, pp. 1-44.

Статья поступила в редакцию 19.04.2023; одобрена после рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 19.04.2023; approved after reviewing 27.04.2023; accepted for publication 05.05.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 57–61. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 57–61. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470.317)''19''

EDN OOWYNN

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-57-61>

ЗАБЫТОЕ НАСЛЕДИЕ ПАВЛА КАТЕНИНА: КОЛОГРИВСКАЯ УСАДЬБА ШАЁВО

Лебедев Александр Вячеславович, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры землеустройства и лесоводства, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия; научный сотрудник, Государственный природный заповедник «Кологривский лес» имени М.Г. Синицына, Кологрив, Костромская область, Россия; avl1993@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8939-942X>

Аннотация. Статья посвящена истории усадьбы Шаёво, расположенной в Кологривском округе Костромской области, владельцем которой в первой половине XIX века был поэт-декабрист Павел Александрович Катенин (1792–1853). Показаны особенности планировки усадебного комплекса, которые связаны с природными особенностями территории и личностью владельца. Шаёво сыграло важную роль в жизни П.А. Катенина. Здесь он отбывал ссылку в 1820-е годы, занимаясь ведением хозяйства и литературной деятельностью. Ядро усадьбы занимало самую возвышенную часть рельефа и включало большой одноэтажный деревянный дом, открытый партер и подъездную еловую аллею. Рядом с господским домом располагались плодовый сад и огород. Усадьба являлась одним из главных источников дохода, поэтому значительную часть занимала служебно-хозяйственная зона. После смерти П.А. Катенина имение перешло по наследству к его племянникам, а в дальнейшем было продано В.В. Радзишевскому, который стал последним владельцем. В середине XX века территория Шаёво пришла в запустение. Все усадебные постройки и большинство элементов планировки были утрачены. Для сохранения памяти о жизни и деятельности П.А. Катенина в настоящее время требуется обустройство территории бывшей усадьбы с установкой информационных стендов и разработкой туристического экскурсионного маршрута.

Ключевые слова: провинциальная дворянская усадьба, композиционно-планировочная организация, Катенины, родиноведение (краеведение).

Для цитирования: Лебедев А.В. Забывтое наследие Павла Катенина: кологривская усадьба Шаёво // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 57–61. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-57-61>

Research Article

THE FORGOTTEN LEGACY OF PAVEL KATENIN: SHAYOVO NOBLE ESTATE NEAR KOLOGRIV

Aleksandr V. Lebedev, Candidate of Agricultural Sciences, Russian State Agrarian University – Timiryazev Moscow Agricultural Academy, Moscow, Russia; Sinityn Kologriv Forest Nature Reserve, Kologriv, Kostroma Region, Russia; avl1993@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8939-942X>

Abstract. The article is devoted to the history of the Shayovo estate located in Kologriv district of Kostroma Region, which was owned by the Decembrist poet Pavel Aleksandrovich Katenin (1792–1853) in the first half of the 19th century. The features of the planning of the estate complex associated with the natural features of the territory and the personality of the owner, are shown. Shayovo played an important role in the life of Pavel Katenin. Here he served a link in the 1820s, doing housekeeping and literary activities. The core of the estate occupied the highest part of the relief and included a large one-story wooden house, an open parterre and an access spruce alley. Near the manor's house there was an orchard and a kitchen garden. The estate was one of the main sources of income, so a significant part was occupied by the service and economic zone. After the death of Pavel Katenin's estate was inherited by his nephews, and later it was sold to V.V. Radziszewski, who became the last owner. In the mid-20th century, the territory of Shayovo fell into disrepair. All manor buildings and most of the planning elements were lost. To preserve the memory of the life and work of Pavel Katenin currently requires the arrangement of the territory of the former estate with the installation of information stands and the development of a tourist excursion route.

Keywords: provincial noble estate, composition and planning organisation, Katenins, studying of Motherland (local history).

For citation: Lebedev A.V. The forgotten legacy of Pavel Katenin: Shayovo noble estate near Kologriv. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 2, pp. 57–61 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-57-61>

Усадьба Шаёво находилась в Поломской волости Кологривского уезда Костромской губернии (ныне Кологривский округ Костромской области). Первые документальные свидетельства относятся к XVIII веку. В 1782 году починок Шаёв с 22 душами крестьян принадлежал тайному советнику Адаму Васильевичу Олсуфьеву. В 1794 году вместе с соседними деревнями был приобретен полковником Александром Федоровичем Катениным у Алексея Адамовича Олсуфьева. В то время Шаёво представляло собой неблагоустроенное имение в несколько дворов. По одной из версий, именно в Шаёво (по другой – в Санкт-Петербурге) у Александра Федоровича и его жены Дарьи Андреевны 4 декабря 1792 года родился младший сын – Павел Александрович Катенин (русский поэт, драматург, литературный критик, переводчик, театральный деятель) [Сапрыгина 2012: 142; Орлов: 129].

В детские годы П.А. Катенин получил отличное домашнее образование. В 14 лет зачислен на службу в Департамент народного просвещения (г. Санкт-Петербург). В 1810 году перешел на службу в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1812 году в чине подпоручика начал участие в Отечественной войне. В чин поручика произведен 14 декабря 1813 года, штабс-капитана – 1 января 1816 года, капитана – 1 сентября 1818 года, полковника – 5 июня 1820 года. В сентябре 1820 года по Высочайшему приказу отправлен в отставку. Причиной этому послужили участие в создании и руководстве ячейкой декабристов «Союз спасения» и его личные качества. По отзывам, в том числе А.С. Пушкина, П.А. Катенин был самолюбивый, гордый, с крайне большим самомнением, очень тяжелый в отношениях с близкими человеком [Григоров; Вересаев]

После высылки из Санкт-Петербурга П.А. Катенин поселился в доставшейся в результате раздела наследства (в 1819 году) усадьбе Шаёво. Здесь он чувствовал себя затворником – «как филин в темном дупле своем», постепенно опускался, «погряз в сальностях» и, злоупотребляя спиртными напитками, жил совершенным отшельником, от которого отвернулись все его знакомые [Григоров]. В письме к А.С. Пушкину он называет кологривское имение «медвежьим углом», отмечая при этом: «живу я в лесу, в дичи, в глуши, в одиночестве, в скуке, и стихов решил не писать: *carmina nulla sanant*» [Пушкин: 169]. Не привыкший к сельскому труду, за время нахождения в Шаёво очень точно описал тяготы крестьянской жизни: «Чем долее живу в отдаленной нашей стороне, тем сильнее удостаиваюсь, что здесь-то именно труд и есть, которого уже плоды красуются на ветвях и забывают о бедных корнях, роющих землю в темноте. Сельская тишина, мир полей – пустыи, бессмысленные слова столичных жителей, не имеющих никакого понятия о том, как трудно хлеб сеять, платить подати,

ставить рекрут и как-нибудь жить» [Лобкова: 74]. За все время ссылки он не высказал ни тени «раскаяния», но при этом соблюдал осторожность в разговорах и письмах. Длительный перерыв в службе закончился в 1833 году, когда П.А. Катенин был назначен полковым командиром Эриванского карабинерного полка, а через три года – комендантом Кизлярской крепости и Кизлярским окружным начальником. В ноябре 1838 года уволен со службы с чином генерал-майора. В 1840-е годы жил в костромских усадьбах. Много пил и чудачил. Умер 23 мая 1853 года в усадьбе Шаёво от полученных в результате несчастного случая травм.

Пробовать себя в литературе П.А. Катенин начал еще в 1809 году. Начальником по службе в то время был И.И. Мартынов, а коллегами – Н.И. Гнедич, К.Н. Батюшков, И.П. Пнин. Под их влиянием П.А. Катенин увлекся литературой, а первые опыты были признаны успешными. Но дебютом стал вольный перевод с древнегреческого языка поэмы «Идиллия» поэта Биона. Весной 1815 года состоялось знакомство П.А. Катенина с А.С. Грибоедовым, которое в дальнейшем переросло в тесную дружбу. В 1816 году петербургскому зрителю была показана переведенная им трагедия Расина «Эсфирь», после чего он становится заметной фигурой в творческих кругах столицы. Во время ссылки в творчестве П.А. Катенина находили отражение отголоски кологривской тематики. В январе 1833 года вместе с А.С. Пушкиным, с которым его связывали дружеские отношения, он был принят в Российскую академию. После 1836 года П.А. Катенин не публиковался [Орлов: 127].

Внешний облик дворянской усадьбы сильно связан с проявлением личности, характера, предпочтений ее владельца. Обустройство усадьбы Шаёво, главным образом, связано с деятельностью П.А. Катенина и его родителей. Имение располагалось на надпойменных террасах рек Унжи и Юрас, около дороги, ведущей из Кологрива в Макарьев и из Галича в Вятку (широта 58.607972, долгота 44.734313, EPSG:4326). Возвышенное месторасположение обеспечивало создание видовой перспективы на просторы реки Унжи и расположенные в окрестностях лесные массивы.

Планировка территории усадьбы, главным образом, открывалась к первой и второй надпойменным террасам Унжи. Предпосылками для композиционного и архитектурно-планировочного решения являлись рельеф и сложившаяся к тому времени структура землепользования. Господский дом располагался на самом возвышенном участке. Ядро усадьбы было сформировано барским домом и видовым партером (открытая поляна). Результаты современных флористических обследований в зоне сотрудничества биосферного резервата «Кологривский лес» [Лебедев] показывают, что типичными в травянистом по-

крове открытых пространств могли быть ежа сборная (*Dactylis glomerata*), тимофеевка луговая (*Phleum pratense*), луговик дернистый (*Deschampsia cespitosa*), мышиный горошек (*Vicia cracca*), василек фригийский (*Centaurea phrygia*), василек шероховатый (*Centaurea scabiosa*), тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium*) и др. Территорию от дома по направлению к пойме Унжи занимал террасированный склон, на котором простиралась сельскохозяйственные угодья, являвшиеся визуальным продолжением усадебного комплекса. Достоинством такого планировочного решения можно считать видовые панорамы на Унжу с прилегающими к ней пространствами и пойму реки Юрас.

Главный усадебный дом возведен на кирпичном фундаменте, вероятно, когда владельцем усадьбы был А.Ф. Катенин. Дом бревенчатый, обшитый тесом (при П.А. Катенине), с двухскатной крышей. Его длина составляла 20 сажень (41,6 м), а ширина – 9 сажень (19,2 м) [Сапрыгина 1992: 16]. В стенах были прорезаны довольно большие окна, обрамленные резными наличниками. По длинной стороне по числу комнат насчитывалось 6–8 окон. Во внутренней планировке дома по его центру проходил коридор, по обе стороны которого располагались комнаты. При помощи печей, обложенных изразцами, осуществлялось отопление, вероятно, двух смежных комнат. Вход в дом (невысокое в две-три ступени крыльцо под навесом-козырьком) располагался с торца здания.

По периметру усадьбы произрастала высаженная лещина (*Corylus avellana*). Въезд на территорию был оформлен аллею посадкой ели (*Picea abies*). Кологривский писатель Л.И. Воробьев в повести «Разбуженная рамень» отмечает [Воробьев]: «...с высоко-го пригорка, неподалеко от крутой Шаёвской горы, видны, с одной стороны, голубая полоса Унжи, с другой – густые леса. Вбок от дороги, в сторону лесов, тянутся две ниточки еловых пней. Это – остатки бывшей аллеи, которая вела в барскую усадьбу Катениных». До настоящего времени сохранились лишь единичные деревья из аллеиных посадок.

Как и большинство дворянских усадеб первой половины XIX века, Шаёво относилось к сугубо утилитарным. Все строения были деревянными. На территории рядом с господским домом располагался большой плодовый сад и, вероятно, огород. В саду выращивались вишня (*Prunus cerasus*), черная смородина (*Ribes nigrum*), малина (*Rubus idaeus*), яблоня (*Malus domestica*). На возможное существование огорода указывают слова из письма П.А. Катенина к Н.И. Бахтину в Одессу с просьбой прислать «семян хороших, огородных, т. е. капусты разной, тыкв и душистых трав; хочется на нашем севере, где ров-но ничего не знали и где я уже кое-что развел, раз-весть еще получше» [Охлябинин].

Господский двор помимо барского дома включал флигель для прислуги, колодец, ледник. В служебно-хозяйственную зону входили скотный двор, конюшня, овчарня, рига, сыроварня, два амбара, сеной сарай. На реке Юрас стояла водяная мельница с четырьмя мукомольными поставами и одной толчеей. Чуть ниже ручья Сергеевки и повыше барской мельницы располагался винокурный завод, который при 6 перегонных кубах давал до 40 000 ведер вина в год. В 1820-е годы П.А. Катенин терпел большие убытки, находился в тяжелом финансовом положении, поэтому завод в 1830 году пришлось продать за долги.

Через дорогу, ведущую из Кологрива в Макарьев, отдельно от ядра усадьбы располагались крестьянские постройки. Один крестьянский двор занимал половину десятины земли. Дом строился из господских материалов. Годовой оброк с крестьян составлял 40 рублей. По ревизии 1834 года к усадьбе Шаёво приписано 7 семей, в том числе всего дворовых крестьян мужского пола – 8, а женского – 18 человек¹. Девятая ревизия, проведенная в 1850 году, показала, что в Шаёво числится 14 крестьянских семей, в которых 20 лиц мужского пола и 26 – женского². На протяжении всех лет владения усадьбой П.А. Катенин часть крестьян отпускал на волю.

В 1826 году П.А. Катенин написал стихотворение «А ветер выл», в котором содержатся строки: «Уж нет садов и нет чертога, // И за господ и за рабов // Молили в ближней церкви бога, // Читали надписи гробов, // Дела усопших разбирали. // Но мертвых мир живой забыл: // К ним сыч да нетопырь слетали, // А ветер выл!», которые пророчески сквозь многие десятилетия отражают судьбы усадеб и дворян, владевших ими, в том числе и судьбу исчезнувшей усадьбы Шаёво. После смерти П.А. Катенина имение с деревнями (Мартьянка, Казанка, Беладино, Палкино, Шлыково и др.) отошло в совместное пользование к его племянникам М.И. Катенину и Н.И. Катенину³. В 1863 году М.И. Катенин выкупил свою долю у брата. Потеряв все состояние, потерпев убытки на лесозаготовках и сплаве леса по Унже, в 1880-е годы он продал имение В.В. Радзишевскому, который стал последним владельцем Шаёво [Сапрыгина 1992: 17].

После революции была объявлена национализация ценностей, хранившихся в дворянских усадьбах. П.А. Катениным в Шаёво была собрана богатая библиотека. Там же хранились архивные коллекции, личные письма. Весной 1919 года был отдан приказ перевезти все в уездный город Кологрив. По пути следования из-за весенней распутицы телеги встали и были разгружены в придорожные сараи и на чердаки заброшенных изб. О катенинских коллекциях вспомнили спустя 50 лет, но поиски были напрасны. Таким образом, рукописная и книжная коллек-

ции одного из образованнейших людей своего времени были навсегда утрачены [Григоров].

В 1919 году в Шаёво организовывается коммуна. Коммунары (55 человек) были расселены в комнатах барского дома [Сапрыгина 1992: 18]. До начала 1930-х годов в помещичьем доме проживали крестьяне, позже он был перевезен под здание ветлечебницы в село Полома, где в последующем сгорел [Белокуров: 121]. Хозяйственные и служебные постройки в военные годы пастухи сожгли на дрова. В настоящее время территория бывшей усадьбы не имеет ни одной постройки и зарастает древесно-кустарниковой растительностью.

Постановлением главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» № 598 от 30 декабря 1993 года место, где находилась усадьба Шаёво, в которой жил поэт-декабрист Павел Александрович Катенин, объявлено памятником истории. С целью сохранения фрагментов усадебного ландшафта и памяти о жизни и деятельности П.А. Катенина в настоящее время возможно восстановление элементов аллейных посадок, расчистка территории от древесно-кустарниковой растительности, установка информационного знака и обустройство видовой точки с панорамой на окружающие ландшафты. Обустройство территории, разработка и реализация туристического маршрута могут сделать урочище Шаёво точкой притяжения туристов.

Примечания

- ¹ ГАКО. Ф. 200. Оп. 20. Д. 60. Л. 495-496.
- ² ГАКО. Ф. 200. Оп. 14. Д. 77. Л. 561-563.
- ³ ГАКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 5042. Л. 1-3.

Список литературы

- Белоруков Д.Ф. Деревни, села и города Костромского края / Д.Ф. Белоруков. Кострома: Костромской общественный фонд культуры, 2000. 535 с.
- Вересаев В.В. Пушкин в жизни. Спутники Пушкина: сборник. Москва: АСТ, 2011. 1760 с.
- Воробьев Л.И. Разбуженная Рамень. Очерки истории, экономики и культуры Кологривского района, Костромской области. Кострома: Кн. изд-во, 1960. 172 с.
- Григоров А.А. Из истории костромского дворянства. Кострома, 1993. 472 с.
- Лебедев А.В. Платформа INaturalist как база наблюдений сосудистых растений биосферного резервата «Кологривский лес» / А.В. Лебедев, В.В. Гостев // Вклад особо охраняемых природных территорий в экологическую устойчивость регионов. Современное состояние и перспективы: материалы II Все-

рос. (с междунар. участием) конф., приуроченной к 15-летию создания заповедника «Кологривский лес», Кологрив, 28–29 октября 2021 года. Кологрив: Государственный природный заповедник «Кологривский лес», 2021. С. 144–149.

Лобкова Н.А. «Служил отечеству верой и правдой...» (о гражданской позиции П.А. Катенина) // Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура: материалы конф., Кострома, 25–26 марта 2010 г. / сост. и науч. ред. А.Д. Шипилов. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. С. 70–75.

Орлов В.Н. Пути и судьбы: литературные очерки. Ленинград: Советский писатель, 1971. 745 с.

Охлябинин С.Д. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. Москва: Молодая гвардия, 2006. 347 с.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 13. Москва: Воскресенье, 1996. 684 с.

Сапрыгина Е. Две эпохи усадьбы Шаёво / Е. Сапрыгина, Л. Соболева, Л. Поросятковская // Губернский дом: историко-краеведческий культурно просветительский научно-популярный журнал. Кострома, 1992. № 1. С. 15–20.

Сапрыгина Е.В. Слуги времени / ОГБУК «Костромской музей-заповедник». Кострома: Костромаиздат, 2012. 320 с.

References

- Belorukov D.F. *Derevni, sela i goroda Kostromskogo kraja* [Villages, villages and cities of the Kostroma Territory]. Kostroma, Kostroma public fund of culture Publ., 2000, 535 p. (In Russ.)
- Grigorov A.A. *Iz istorii kostromskogo dvoryanstva* [From the history of the Kostroma nobility]. Kostroma, 1993, 472 p. (In Russ.)
- Lebedev A.V., Gostev V.V. *Platforma INaturalist kak baza nablyudenij sosudistykh rastenij biosfernogo rezervata «Kologrivskij les»* [INaturalist platform as a base for observations of vascular plants of the biosphere reserve “Kologrivsky Forest”]. *Vklad osobo ohranyaemykh prirodnykh territorij v ekologicheskuyu ustojchivost' regionov: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy: materialy II Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) konf., priurochennoj k 15-letiyu sozdaniya zapovednika «Kologrivskij les», Kologriv, 28–29 oktyabrya 2021 goda* [Contribution of specially protected natural areas to the ecological sustainability of regions: Current state and prospects: materials of the II All-Russian (with international participation) conference dedicated to the 15th anniversary of the creation of the Kologrivsky Forest Nature Reserve, Kologriv, October 28–29, 2021]. Kologriv, Kologrivsky Forest Nature Reserve Publ., 2021, pp. 144–149. (In Russ.)
- Lobkova N.A. *Sluzhil otechestvu veroj i pravdoj...» (o grazhdanskoj pozicii P.A. Katenina)* [“Served the Fatherland faithfully...” (about the civil position of

P.A. Katenin)]. *Romanovskie chteniya. Dinastiya Romanovyh i rossijskaya kul'tura: materialy konf.*, Kostroma, 25–26 marta 2010 g. [Romanov Readings. The Romanov dynasty and Russian culture: materials of the conference, Kostroma, March 25–26, 2010]. Kostroma, KSU named after N.A. Nekrasov Publ., 2010, pp. 70–75. (In Russ.)

Okhlyabinin S.D. *Povsednevnyaya zhizn' russkoj usad'by XIX veka* [Everyday life of a Russian estate of the 19th century]. Moscow, Young Guard Publ., 2006, 347 p.

Orlov V.N. *Puti i sud'by: literaturnye ocherki* [Ways and Fates: Literary Essays]. Leningrad, Soviet writer Publ., 1971, 745 p. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij: v 17 t.* [Complete works: in 17 vols.]. Moscow, Sunday Publ., 1996, vol. 13, 684 p. (In Russ.)

Saprygina E., Soboleva E., Porosyatkovskaya L. *Dve epohi usad'by Shayovo* [Two eras of the Shayovo estate]. *Gubernskij dom: istoriko-kraevedcheskij kul'turno-prosvetitel'skij nauchno-populyarnyj zhurnal* [Provin-

cial house: local history cultural and educational popular scientific journal]. Kostroma, 1992, No. 1, pp. 15–20. (In Russ.)

Saprygina E.V. *Slugi vremeni* [Servants of time]. Kostroma, Kostromaizdat Publ., 2012, 320 p. (In Russ.)

Veresaev V.V. *Pushkin v zhizni. Sputniki Pushkina: sbornik* [Pushkin in life. Pushkin's satellites (collection)]. Moscow, AST Publ., 2011, 1760 p. (In Russ.)

Vorobyov L.I. *Razbuzhennaya Ramen'. Ocherki istorii, ekonomiki i kul'tury Kologrivskogo rajona, Kostromskoj oblasti* [Awakened Ramen. Essays on the history, economy and culture of the Kologrivsky district, Kostroma region]. Kostroma, Book Publ., 1960, 172 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.03.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 27.03.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 05.05.2023.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ СЕРИИ НАХОДОК С РАСКОПА НА ТЕРРИТОРИИ ПОСАДА ПЕРВОГО КОСТРОМСКОГО КРЕМЛЯ

Кабатов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, kabatov74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8529-0470>

Кабатова Елена Анатольевна, инженер лаборатории археолого-этнологических исследований, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, kabatova@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7359-7134>

Горохова Елена Сергеевна, студентка II курса ИГНиСТ очной формы обучения, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, lena.gorokhova.03@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0122-4235>

Аннотация. В 2022 г. на территории посада первого Костромского кремля, в непосредственной близости к Волге, где очень высок уровень грунтовых вод (так называемый мокрый культурный слой), выявлена серия находок, характеризующих раннюю историю города Костромы. Участок раскопа зафиксировал местонахождение деревянной церкви Успения Пресвятой Богородицы с приделами, которая впервые упоминается в писцовой книге 1629 года, а также частокол, отделявший церковную территорию с некрополем от Успенского переулка. Частокол из вкопанных вприпрыжку друг к другу кольев выявлен буквально в двух метрах от церкви, а сразу за ним – деревянная мостовая дорегулярного Успенского переулка. Между частоколом и церковью, на церковной территории, выявлен средневековый некрополь. Позже, в 1783 году, на месте деревянной церкви была воздвигнута одноименная каменная церковь. Примечательно, что некоторые находки дают представление и о том, как с принятием христианства у местного населения менялась погребальная обрядность.

Ключевые слова: Кострома, славяне, меря, находка, украшения, металл, сохранность, аналогия, датировка, идентификация.

Для цитирования: Горохова Е.С., Кабатов С.А., Кабатова Е.А. Предварительная идентификация серии находок с раскопа на территории посада первого Костромского кремля // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 62–68. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-62-68>

Research Article

PRELIMINARY IDENTIFICATION OF A SERIES OF FINDS FROM THE EXCAVATION SITE ON THE TERRITORY OF THE TOWN OF THE FIRST KOSTROMA KREMLIN

Sergey A. Kabatov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, kabatov74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8529-0470>

Elena A. Kabatova, Engineer of the Laboratory of Archaeological and Ethnological Research, Kostroma State University, Kostroma, Russia, kabatova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8529-0470>

Elena S. Gorokhova, second-year student full-time education, Kostroma State University, Kostroma, Russia, lena.gorokhova.03@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0122-4235>

Abstract. In 2022, a series of finds characterising the early history of the city of Kostroma was revealed on the territory of the town of the first Kostroma Kremlin, in close proximity to the Volga River, where the groundwater level is particularly high (the so-called wet cultural layer). The excavation site identified the location of the wooden Church of the Assumption of the Blessed Virgin Mary with side chapels, which had first been mentioned in the Scribe's Book of 1629, as well as the stockade separating the church territory with the necropolis from the Assumption Lane. The stockade, made of stakes dug in close to each other, was revealed literally two meters from the church, and immediately behind it is the wooden pavement of the pre-regular Assumption Lane. A medieval necropolis has been identified between the stockade and the church, on the church territory. Later, in 1783, a stone church of the same name was erected on the site of the wooden church. It is noteworthy that some finds also give an idea of how the funeral rites changed with the adoption of Christianity among the local population.

Keywords: Kostroma, Slavs, Merya, find, jewellery, metal, preservation, analogy, dating, identification.

For citation: Gorokhova E.S., Kabatov S.A., Kabatova E.A. Preliminary identification of a series of finds from the excavation site on the territory of the town of the first Kostroma Kremlin. Bulletin of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 2. pp. 62–68 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-62-68>

В 2022–2023 гг. на основании разрешения (открытого листа) Министерства культуры Российской Федерации № 1224-2022, выданного на имя кандидата исторических наук, доцента кафедры истории ИГНиСТ, заведующего ЛАЭИ КГУ С.А. Кабатова, проведены археологические исследования в форме раскопок на «Участке культурного слоя на территории и вблизи первого кремля» XII–XVIII вв. и «Участке культурного слоя посада города» XIII–XVIII вв. (принят под государственную охрану постановлением главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» № 598 от 30.12.1993 г.) по адресу: РФ, ЦФО, Костромская область, г. Кострома, ул. 1 Мая, 17 (кадастровый номер земельного участка: 44:27:040116:7).

По факту участок исследования находится на левом берегу р. Волги в дельте некогда впадавшей в нее р. Сулы (правый берег). Участок вплотную примыкает к современной береговой линии р. Волги. До строительства Горьковского водохранилища это была территория нижней надпойменной террасы Волги, прорезающейся руслом Сулы (вплотную ограничивает участок с ЮВ стороны). Исторически здесь находилась площадь участка паромной переправы через р. Волгу. Площадь с СВ и севера была ограничена дорегулярной улицей *Набережной Екиманской*, которая начиналась от р. Сулы и вдоль береговой линии Волги тянулась на СЗ, прорезая *Рыбную слободу*, до перекрестка с улицей *Подгорной*, которая, в свою очередь, выходила к переправе через р. Кострому к Ипатьевскому монастырю. Начало улицы *Набережной Екиманской* в дельте р. Сулы стыкуется с улицей (название пока не установлено), трасса которой тянется на ССВ вдоль русла реки Сулы, повторяя ее изгибы, до стыковки с улицей Брагина (к ЮВ от «У»-образного перекрестка улиц *Мишанской* (после данного перекрестка переходит в улицу Брагина) и *Десятильничей*), пересекая улицы *Набережная* и *Десятильничья*. К СЗ от трассы этой не идентифицированной улицы, практически повторяя ее изгибы, от улицы *Набережная Екиманская* в северном и ССВ направлении тянется переулочек (название пока не установлено), пересекающий поперек улицы *Набережной* (с ЮЗ от перекрестка вплотную примыкает церковь; название пока не установлено) и стыкующийся с улицей *Мишанской*. С ЮВ вплотную к этому перекрестку примыкает *Богоявленский монастырь* («на Костроме ж на посаде») с церковью «...страсто-

терпцев Христовых Бориса и Глеба..., да церковь... преподобного Семиона чудотворца Столпника». Непосредственно от площади паромной переправы через Волгу от улицы *Набережная Екиманская* в северном направлении, пересекая улицу *Набережную*, до улицы *Мишанская* тянется поперек переулочек Успенского. Название перекресток получает от церкви (к северу от перекрестка улиц *Набережная Екиманская* и данного переулочка, и к югу от перекрестка улиц *Набережная* и данного переулочка; на равном удалении от обоих перекрестков) Успение Пречистые Богородицы («*церковь Успение Пречистые Богородицы да три предела Макария Желтовоцкого Унженского чудотворца, да Якова Боровского чудотворца, да Леонтия Ростовского чудотворца... да церковь с трапезою Рождество пречистыя Богородицы, да предел преподобного Сергия чудотворца*»). К ЮЗ от перекрестка данного переулочка (с восточной стороны поперек переулочка Успенского) и улицы *Набережной* церковь Иоанна Предтечи («*к Волге промежь Успенья за Сулою от города*»). Территориально участок исследования находится к ЮЗ от первого Костромского кремля и к югу от *Рыбной слободы*. В северном углу участка исследования церковь Успение Пречистые Богородицы (возможные остатки фундамента были разрушены на рубеже XIX–XX вв. при строительстве цехов для хранения готовой продукции).

Территория исследования «накрыла» восточную и ЮВ часть возможного участка местонахождения церкви Успение Пречистые Богородицы, примыкающего к ней некрополя, огороженного с восточной и ЮВ сторон дорегулярным переулочком Успенским, деревянная мостовая которого также «попала» в раскоп. В результате работ кроме прочего выявлена интересная серия находок, характеризующая раннюю историю города Костромы, наиболее интересные и репрезентативные из них представлены ниже.

1. *Спица для крепления кудели к прялке* (рис. 1-1). Номер по описи 33. Материал: металл. Сохранность: фрагмент. Местонахождение: г. Кострома, 1 Мая, 17, участок I, кв. 29, глубина – 150 см. Описание: игла с заплуженным концом, с прижавевшими кольцами на другом конце. Размер: 6,5 × 0,3 и 1 см. D колец 0,8–1 см. Предварительная датировка: конец XIX – начало XX в.

Аналогии. 1) Спица для крепления кудели к прялке из д. Варлов Лес Пряжинского района. Собиратели: Б.А. Гушин, Л.И. Федотова. 1973 г. Пряжинский район; конец XIX – начало XX вв. 18,0 × 2,0. КП-218/3. Материал: латунь, металл. Техника: ков-

Рис. 1. Находки с раскопа на территории посада первого костромского кремля

ка. 2) Спица для крепления кудели из д. Святозеро Прионежского района. Собиратель: Л.В. Трифонова. 1985 г. Олонецкий район, д. Бовазламба; 1925 г. D колец – 2,3; 2,0 см. КП-1927. Материал: металл. Техника: ковка. 3) Спица для крепления кудели к прялке из д. Воробьи Медвежьегорского района. Собиратель: Л.В.Трифопова, 1991 г. Заонежье, Олонецкая губ.; конец XIX – начало XX вв. Дл. – 24,5; h – 0,5; шир. – 0,5; D петли – 3; D медного кольца – 2,7 см. КП-3988. Материал: металл. Техника: ковка.

2. *Пряслице* (рис. 1-2). Номер по описи 35. Материал: шифер. Сохранность: целый. Местонахождение: г. Кострома, 1 Мая, 17, участок I, объект I, ГП 2, кв. 5, глубина – 144 см. Описание: пряслице из розового шифера, дисковидное и битрапециевидное с круглым сквозным отверстием. Размер: 2,3 × 0,9 см. Предварительная датировка: конец XI–XIII вв.

Аналогии. 1) Пряслице. Археологический памятник Усть-Шексна. 2) Экспедиция под руководством Александра Николаевича и Ирины Ивановны Рыкуновых. Датировка: XI–XIII вв. Комментарий к названию: грузик-маховичок, надевавшийся на конец веретена для усиления центробежного момента вращения. Материал, техника: камень; вытачивание, сверление. Размер: 2,3 × 1,2. Музейный номер (Рыбинский музей-заповедник): РБМ-19390. А-134. 2) Пряслице. Археологический памятник Усть-Шексна. Экспедиция под руководством Александра Николаевича и Ирины Ивановны

Рыкуновых. Датировка: XI–XIII вв. Комментарий к названию: грузик-маховичок, надевавшийся на конец веретена для усиления центробежного момента вращения. Материал, техника: камень, шифер; вытачивание, сверление. Размер: 1,6 × 1. Музейный номер (Рыбинский музей-заповедник): РБМ-21809. А-5225.

3. *Ключ* (рис. 1-3). Номер по описи 226. Материал: металл. Сохранность: целый. Местонахождение: г. Кострома, ул. 1 Мая, 17; участок I, ГП 12, кв. 36, глубина – 340 см. Описание: Тип А по типологии Б.А. Колчина. Размер: 11 × 1 × 2 см. Ключ наиболее древнего кубического и цилиндрического замка с продольной ключевой щелью. В Новгороде их повсеместное бытование относится к XI–XII вв. Предварительная датировка: конец X–XII вв.

Аналогии. 1) Появляется в Новгороде Великом вместе с первыми поселенцами в X в. Тип А известен на Руси с IX–X вв., в Новгороде их повсеместное бытование относится к XI–XII вв. [Колчина, Янин: 161–162, рис. 3]. 2) Ключ навесного замка. Археологический памятник Усть-Шексна. Экспедиция под руководством Александра Николаевича и Ирины Ивановны Рыкуновых. Раскоп II, участок XIII. Датировка: X–XII вв. Материал, техника: железо, ковка. Размер: 11,5 × 1,5 × 0,8. Музейный номер (Рыбинский музей-заповедник): РБМ-43661. А-8441.

4. *Подвеска топорик* (рис. 1-4). Номер по описи 206. Материал: металл. Сохранность фрагмент.

Местонахождение: г. Кострома, 1 Мая, 17, участок I, ГП 11, кв. 5, глубина – 324 см. Описание: топорик, орнаментирован линиями, внутри которых нанесена насечка, одна из линий в виде завитка. В месте расширения – отверстие. Петелька деформирована. Размер: 7,5 × 2,5 см. По мнению Н.А. Макарова, внешний вид и археологический контекст подобных украшений говорят о связи этих предметов с воинской средой и специфичными для нее верованиями. Амулеты, повторяющие форму боевых топоров, вероятнее всего, служили оберегом для младших дружинников – «отроков» – и получили распространение уже в христианизированной дружине XI–XII вв. Амулеты-топоры известны на всей территории Руси, при этом большинство из них найдено в культурном слое городов, военных крепостей и дружинных посёлков. Встречаются они и за пределами древнерусских княжеств, как правило, в тех регионах, где русские дружинники собирали дань и совершали военные походы. Предварительная датировка – последняя треть XII в.

Аналогии. 1) Амулет топорик. Новгородская область, Старая Русса, раскоп Пятницкий-I, 2010 г. Е.В. Торопова, С.Е. Торопов, К.Г. Самойлов, П.П. Колосницын, А.Р. Воронкова, И.А. Воронков. Материал: цветной металл. Размер: 3,5 × 3,5, толщ. 0,1–0,2 см. Датировка – посл. треть XII в. Стр. датировка: 1230–40-е гг. Место хранения (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого) – ОХИ-АК НГОМЗ.

5. *Подвеска* (рис. 1-5). Номер по описи 195. Материал: бронза. Сохранность: фрагмент. Местонахождение: г. Кострома, 1 Мая, 17, участок I, ГП 11, кв. 24, глубина – 329 см. Описание: найдена одна утиная лапка. Три пальца, соединенные перепонками, завершаются выделенными круглыми когтями. Петелька сзади. Размер: 3 × 1,7 см. Предварительная датировка: XI–XII вв.

Аналогии. Нашивка зооморфная шумящая (подвеска). Археологический памятник Усть-Шексна, 1996 г. Экспедиция под руководством Александра Николаевича и Ирины Ивановны Рыкуновых. Датировка: XI–XII вв. Материал, техника: металл цветной; набор. Размер: 6 × 6,5. Музейный номер (Рыбинский музей-заповедник): РБМ-28550/24. А-5639.

6. *Надгробие* (рис. 1-6). Номер по описи 3. Материал: известняк. Сохранность: фрагмент. Местонахождение: г. Кострома, 1 Мая, 17, участок I, ГП 1, кв. 1. Глубина – 110 см. Описание: надгробие. Размер: 30 × 34 × 14 см. Лицевая поверхность плиты украшена резным геометрическим орнаментом: обрамление по краям из рядов мелких треугольников, расположенных «косынкой». Полукруглые тяги из двух рядов мелких треугольников соединяют боковые края обрамления круглым клеймом с 30 треугольниками-

лучами в центре. Предварительная датировка – сер. XVI в.

Аналогии. Надгробие Федора Григорьевича Плещеева-Очина, 1560 г., в Троице-Сергиевом монастыре [Вишневецкий: 381].

7. *Крест нательный* (рис. 1-7). Номер по описи 121. Материал: металл. Сохранность: целый. Местонахождение: г. Кострома, 1 Мая, 17, участок I, ГП 7, кв. 23, глубина – 243 см. Описание: композиция четырехконечного креста заключена в обрамление барочных очертаний, украшенное растительным орнаментом (так называемый «листик»). На лицевой стороне – рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста. Размер: 6,4 × 3,5 см. Нательные кресты этого типа различных размеров в XVIII – начале XX в. являлись массовой продукцией (до 6–7 пудов в месяц) старообрядческих меднолитейных мастерских. Встречаются повсеместно и чрезвычайно многочисленны. На оборотной стороне крестов обычно воспроизведен текст псалма 67 «Да воскреснет Бог». По номенклатуре мастеров-литейщиков крест близок к так называемым «крупным женским». В начале XX в. мастера отпускали последние торговцам по цене 3,5 коп. за штуку. Предварительная датировка: XVIII – начале XX в.

Аналогии. Крест нательный. Некрополь Моисеевского монастыря в Москве [Векслер, Беркович: 200, рис. 15,9; Куколевская: 91–92].

8. *Крест нательный* (рис. 1-8). Номер по описи 82. Материал: металл. Сохранность: целый. Местонахождение: г. Кострома, 1 Мая, 17, участок I, погребение № 26, кв. 39, глубина – 219 см. Описание: четырехконечный крест с расширениями на верхнем и нижнем концах древа и треугольным завершением нижней оконечности. От верхнего и нижнего концов, нижней части древа и боковых концов в стороны отходят лепестки в форме листьев и ромбовидных фигур. Оглавие имеет вид плоского ушка. Размер: 4,5 × 3,5. Предварительная датировка: XVII–XIX вв.

Аналогии. Крест нательный. По классификации Э.П. Винокуровой [Винокурова: 339, рис. 14] относится к типу II нательных крестов XVII–XIX вв.

9. *Пуговка-гирька* (рис. 1-9). Номер по описи 66. Материал: металл. Сохранность: фрагмент. Местонахождение: г. Кострома, 1 Мая, 17, участок I, кв. 15, глубина – 208 см. Описание: пуговица круглая, петелька не сохранилась. D 0,7 см. Предварительная датировка: XII–XIV вв.

Аналогии. 1) Пуговица. Археологический памятник Усть-Шексна 2. Экспедиция под руководством Александра Николаевича и Ирины Ивановны Рыкуновых. Материал, техника: металл цветной; литье. Размер: 1,1 × 1,5. Музейный номер (Рыбинский музей-заповедник): НВФ-4383. 2) Пуговица. Археологический памятник Усть-Шексна 2. Экспедиция

под руководством Александра Николаевича и Ирины Ивановны Рыкуновых. Материал, техника: металл цветной; литье. Размер: $1,3 \times 1,2$. Музейный номер (Рыбинский музей-заповедник): НВФ-4378.

3) Пуговица. Археологический памятник Усть-Шексна. Экспедиция под руководством Александра Николаевича и Ирины Ивановны Рыкуновых. Датировка: XII–XIV вв. Материал, техника: металл цветной, литье. Размер: $1 \times 0,6$. Музейный номер (Рыбинский музей-заповедник): РБМ-33517/77. А-6508.

10. *Кресало* (рис. 1-10). Номер по описи 147. Материал: металл. Сохранность: целый. Местонахождение: г. Кострома, 1 Мая, 17, участок I, объект: под мостовой, ГП 8, кв. 8, глубина – 265 см. Описание: двулезвийное овальное заострённое кресало, с внутренним фигурным вырезом, закругленным только с одного конца. В разрезе имеет прямоугольное сечение. Размер: $9,5 \times 2$ см. Предварительная датировка: XII – первая половина XIV в.

Аналогии. 1) Кресало. Середина XII – первая половина XIV в. Железо, ковка $8,5 \times 2,5 \times 0,3$. В-7717/612. Материалы раскопок Пирова городища в 1962 г. Руководитель раскопок: Седова М.В. Сохранность: небольшие утраты металла, реставрировано [Ступин: 26, рис. 53]. 2) Кресало. Археологический памятник Усть-Шексна. Экспедиция под руководством Александра Николаевича и Ирины Ивановны Рыкуновых. Датировка: XII–XIV вв. Материал, техника: железо; ковка. Размер: $11,7 \times 2,8 \times 0,5$. Музейный номер (Рыбинский музей-заповедник): РБМ-31938. А-6292.

11. *Писало* (рис. 1-11). Номер по описи 150. Материал: металл. Сохранность: фрагмент. Местонахождение: г. Кострома, 1 Мая, 17, участок I, ГП 9, кв. 34, глубина – 281 см. Описание: писало было найдено в двух частях, боковые края лопаточек украшены зубчатыми фигурными вырезами; лопаточка писала вместе с шейкой и стержнем имеет форму буквы «Т». Размер: $1,5 \times 1, 6,3 \times 0,5$ см. Предварительная датировка: IX – середина XIII в.

Аналогии. Писало. Время создания: IX–XII вв. Размер: $7 \times 0,7$ см. Техника: бронза, литье. Место хранения: Брянский краеведческий музей. Железное писало тип 8 (по М.Ф. Медведеву). Этот тип был одним из самых распространенных в Новгороде со второй половины XII в. до середины XIII в. [Медведев: 78, рис. 3.4–5].

12. *Замок навесной* (рис. 1-12). Номер по описи 193. Материал: металл. Сохранность: целый. Местонахождение: г. Кострома, 1 Мая, 17, участок I, ГП 11, кв. 33, глубина – 320 см. Описание: с петель (дверной – ?) в дужке. Плетеный узор сверху вниз. Размер: 10×4 см. Предварительная датировка: XI–XIII вв.

Аналогии. 1) Замок. Археологический памятник Усть-Шексна. Экспедиция под руководством Алек-

сандра Николаевича и Ирины Ивановны Рыкуновых. Датировка: XII–XIII вв. Материал, техника: железо, сплав медный; ковка, пайка. Размер: $12,4 \times 2,5$. Музейный номер (Рыбинский музей-заповедник): РБМ-34353/4. А-6917. 2) Замок. Археологический памятник Усть-Шексна. Экспедиция под руководством Александра Николаевича и Ирины Ивановны Рыкуновых. Раскоп III, участок 9. Датировка: XI–XIII вв. Материал, техника: железо, сплав медный; ковка, обмеднение, пайка. Размер: $7,8 \times 3,5 \times 2,8$. Музейный номер (Рыбинский музей-заповедник): РБМ-43399. А-8383. 3) Замок. Археологический памятник Усть-Шексна. Экспедиция под руководством Александра Николаевича и Ирины Ивановны Рыкуновых. Комплект раскоп III, участок 11. Датировка: XII–XIII вв. Материал, техника: железо, металл цветной; ковка, наварка, пайка. Размер: $11,5 \times 5,5 \times 3$. Музейный номер (Рыбинский музей-заповедник): РБМ-46455. А-9776.

13. *Каркасная шумящая подвеска* (рис. 1-13). Номер по описи 205. Материал: бронза. Сохранность: фрагмент. Местонахождение: г. Кострома, 1 Мая, 17, участок I, ГП 11, кв. 5, глубина – 329 см. Описание: треугольная подвеска; щиток подвески согнут из двух-трех гладких проволочек, имеет округлое основание. Размер по максимально удаленным точкам $7,8 \times 2,6$ см. Имитирована скань. Внутреннее пространство щитка украшено узором решетки. Петельки три, Привески треугольные, в виде утиных лапок, крепились к щитку проволочными звеньями в виде взаимно перпендикулярных петель. Сохранилось 2 лапки. Предварительная датировка: XI–XII вв.

Аналогии. Костромские курганы и курганы у д. Семухино Ивановской обл. [Рыбаков: 242, 278, рис. 99]. XI–XII вв.

Список литературы

Брянский краеведческий музей: актуальные выставки, фото экспонатов, коллекции, описания, афиша // Artefact: оф. сайт. URL: culture.ru.

Векслер А.Г., Беркович В.А. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы. XVII век. Москва: Наука, 1999. С. 181–225.

Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. Москва: Наука, 1999. С. 326–360.

Вишневский В.И. Некрополь бояр Плещеевых в Троице-Сергиевом монастыре // Археология Подмосковья Материалы научного семинара. Москва, 2004. С. 375–386.

Железные кресала X–XIX вв. из коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника: каталог / сост. Ю.С. Ступан, хранитель коллекции «Археоло-

гия г. Владимира». Владимир: Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2010. 36 с.

Медведев А.Ф. Древнерусские писала X–XV вв. // Советская археология. Москва: АН СССР, 1960. № 2. С. 63–88.

Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / под общ. ред. Б.А. Колчина, В.Л. Янина. Москва: Наука, 1982. 337 с.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья / отв. ред. В.В. Седов. Москва: Наука, 1987. 509 с. (Сер.: Археология СССР).

Экспедиция под руководством Александра Николаевича и Ирины Ивановны Рыкуновых (Рыбинский музей-заповедник):

URL: <https://kizhi.karelia.ru/collection/instrument/854>; <https://kizhi.karelia.ru/collection/instrument/852>;

URL: <https://kizhi.karelia.ru/collection/instrument/893>;

URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/2303?query=пряслице&index=3>;

URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/94253?query=пряслице&index=12>;

URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/299530>; URL: <https://portal.novsu.ru/news/66929/>;

URL: <https://portal.novsu.ru/archeology/>; URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJ>;

URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/23112?page=2&query=пуговица&index=51>;

URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/23107?query=пуговица&index=47>;

URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/249429?page=2&query=пуговица&index=62>; <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/238329?query=кресало&index=12>;

URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/258166?query=Замок.%20XII-XIII%20вв.&index=1>;

URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/299284?query=Замок.%20XI-XIII%20вв.&index=0>;

URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/335048?query=Замок.%20XII-XIII%20вв.&index=6>

References

Brjanskij kraevedcheskij muzej - aktual'nye vystavki, foto jeksponatov, kollekcii, opisanija, afisha [Bryansk Museum of Local Lore - current exhibitions, photos of exhibits, collections, descriptions, poster] // Artefact: of. sajt. URL: culture.ru. (In Russ.)

Finno-ugry i balty v jepohu srednevekov'ja [Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages], L.A. Golubeva,

V.A. Mogil'nikov, V.V. Sedov, R.L. Rozenfel'dt]; ed. by V.V. Sedov; AN SSSR, In-t arheologii. Moscow, Nauka Publ., 1987, 509 [1] p. (Arheologija SSSR, pod obshh. red. B.A. Rybakova). (In Russ.)

Medvedev A.F. *Drevnerusskie pisala X-XV vv.* [Ancient Russian wrote X-XV centuries]. *Sovetskaja arheologija* [Soviet archeology]. Moscow, AN SSSR Publ., 1960, No. 2, pp. 63-88. (In Russ.)

Novgorodskij sbornik. 50 let raskopok Novgoroda [Novgorod collection. 50 years of excavations of Novgorod], ed. by B.A. Kolchina, V.L. Janina. Moscow, Nauka Publ., 1982, 337 p. (In Russ.)

Veksler A.G., Berkovich V.A. *Materialy arheologicheskij issledovanij nekropolja Moiseevskogo monastyrja na Manezhnoj ploshhadi v Moskve* [Materials of archaeological research of the necropolis of the Moiseevsky Monastery on Manezhnaya Square in Moscow]. *Kul'tura srednevekovoj Moskvy. XVII vek* [Culture of medieval Moscow. 17th century]. Moscow, Nauka Publ., 1999, pp. 181-225. (In Russ.)

Vinokurova Je.P. *Metallicheskie litye kresty-tel'niki XVII v. Kul'tura srednevekovoj Moskvy. XVII vek* [Metal cast crosses of the XVII century]. Moscow, Nauka Publ., 1999, pp. 326-360. (In Russ.)

Vishnevskij V.I. *Nekropol' bojar Pleshcheevykh v Troice-Sergieva monastyrja* [Necropolis of the Pleshcheyev Boyars in the Trinity-Sergius Monastery]. *Arheologija Podmoskov'ja: materialy nauchnogo seminara* [Archeology of the Moscow region Materials of the scientific seminar]. Moscow, 2004, pp. 375-386. (In Russ.)

Zheleznye kresala X–XIX vv. iz kollekcij Vladimiro-Suzdal'skogo muzeja-zapovednika [Iron chairs of the X–XIX centuries from the collections of the Vladimir-Suzdal Museum-Reserve]: katalog, comp. Ju.S. Stupan. Vladimir, Gosudarstvennyj Vladimiro-Suzdal'skij istoriko-arhitekturnyj i hudozhestvennyj muzej-zapovednik Publ., 2010, 36 p. (In Russ.)

Jekspedicija pod rukovodstvom Aleksandra Nikolaevicha i Iriny Ivanovny Rykunovykh (Rybinskij muzej-zapovednik) [Expedition led by Alexander Nikolaevich and Irina Ivanovna Rykunov]:

URL: <https://kizhi.karelia.ru/collection/instrument/854>; <https://kizhi.karelia.ru/collection/instrument/852>;

URL: <https://kizhi.karelia.ru/collection/instrument/893>;

URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/23037?query=пряслице&index=3>;

URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/94253?query=пряслице&index=12>;

URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/299530>; URL: <https://portal.novsu.ru/news/66929/>;

URL: <https://portal.novsu.ru/archeology/>; URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJ>;

URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/23112?page=2&query=пуговица&index=51>;

URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/23107?query=пуговица&index=47>;

URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/249429?page=2&query=пуговица&index=62>; <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/238329?query=кресало&index=12>;

URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/258166?query=Замок.%20XII-XIII%20вв.&index=1>;

URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/299284?query=Замок.%20XI-XIII%20вв.&index=0>;

URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/335048?query=Замок.%20XII-XIII%20вв.&index=6>

URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/335048?query=Замок.%20XII-XIII%20вв.&index=6>

Статья поступила в редакцию 17.04.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 17.04.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 05.05.2023.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 69–74. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 69–74. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 82(091):82-32

EDN GVZGTV

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-69-74>

МОДУСЫ «РАССКАЗОВЕДЕНИЯ»: ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО НАРРАТИВА Д.П. СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО И В.В. НАБОКОВА

Рягузова Людмила Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, lnryaguzova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0223-8672>

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые эстетические принципы и приемы историко-литературных обобщений в творческой интерпретации Д.П. Мирского и В. Набокова. Тема исследуется в контексте методологических исканий критики русского зарубежья, в аспекте их традиций и новаций. С целью прояснения максимально достоверных и текстуально подтвержденных аргументов используются следующие *методы исследования*: *сравнительно-исторический, концептуальный, структурно-семиотический и стилистический*. Научная новизна наблюдений обусловлена сопоставлением научной мифологии Д.П. Мирского и В. Набокова (как литературных личностей) и их категориального аппарата, в частности проводимыми параллелями в аспекте принципов критического анализа, проблем речевого мировоззрения и метафоричности стиля их научного мышления, – актуальных и недостаточно изученных аспектов творческого наследия. Читательское восприятие и личная оценка лежат в основе их эстетических вердиктов, этот методологический принцип сближает позиции Д. Мирского и В. Набокова, анализирующих эволюцию эстетического видения как способ изображения форм жизни и отражения в них наших представлений о ней. Мирский, как впоследствии Набоков, утверждает эстетический подход, отказываясь воспринимать литературу как проповедь или «фотографию современности», оба ценят в литературе онтологический смысл и «индивидуальный гений». В итоге делается *вывод* об уникальном индивидуально-авторском видении ими исторической топологии и концептологии русской литературы как семиотической категории, выявлении ее культурных кодов, «вех», «штрихов», «шедевров», формирующих в читательском восприятии «культурный синтез» этого уникального явления, выраженно-го уникальным образом, другими словами, о создании *vice versa* истории русской литературы (ее *modus vivendi*).

Ключевые слова: историко-литературный дискурс, нарратив, металитературная топика, Д.П. Святополк-Мирский, В. Набоков, литературный процесс, речевое мировоззрение.

Для цитирования: Рягузова Л.Н. Модусы «рассказоведения»: индивидуальная общность историко-литературного нарратива Д.П. Святополк-Мирского и В.В. Набокова // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 69–74. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-69-74>

Research Article

MODES OF «RASSKAZOVEDENIYA»: THE INDIVIDUAL COMMUNITY OF THE HISTORICAL AND LITERARY NARRATIVE OF D.P. SVYATOPOLK-MIRSKY AND V.V. NABOKOV

Lyudmila N. Ryaguzova, Doctor of Philology, Professor, the Kuban State University, Krasnodar, Russia, lnryaguzova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0223-8672>

Abstract. The article discusses some aesthetic conclusions and methods of historical and literary generalisations in combination with Dmitry Svyatopolk-Mirsky (hereinafter Prince Mirsky) and Vladimir Nabokov. The topic is contained in a professional methodological study of criticism of the Russian diaspora, in the aspect of their traditions and innovations. In order to clarify the most reliable and textually confirmed arguments, the following research methods are used: comparative-historical, conceptual, structural-semiotic and stylistic. The scientific novelty of the observations is due to the comparison of the scientific mythology of Prince Mirsky and Vladimir Nabokov (as literary personalities) and their categorical apparatus, in particular the parallels drawn in terms of the principles of critical analysis, the problems of speech worldview and the metaphorical style of their scientific thinking, both topical and insufficiently studied aspects of the creative heritage.

The reader's perception and personal assessment underlie their aesthetic verdicts, with methodological principle bringing together the positions of Prince Mirsky and Vladimir Nabokov, who analyse the evolution of aesthetic vision as a way of depicting life forms and reflecting our ideas about it in them. Prince Mirsky, just as well as later Vladimir Nabokov, assert an aesthetic approach, refusing to perceive literature as a sermon or a "photograph of contemporaneity, both appreciate the ontological meaning and "individual genius" in literature. As a result, a conclusion is made about the unique individual authors' vision of the historical topology and conceptology of Russian literature as a semiotic category, the identification of its cultural codes, "landmarks", "strokes", "masterpieces", which form the "cultural synthesis" of this unique phenomenon in the reader's perception, expressed in a unique way, in other words, about the creation of the vice versa history of Russian literature (its *modus vivendi*).

Keywords: historico-literary discourse, narrative, meta-literary topic, Prince Mirsky, Vladimir Nabokov, literary process, speech worldview.

For citation: Ryaguzova L.N. Modes of «rasskazovedeniya»: the individual community of the historical and literary narrative of D.P. Svyatopolk-Mirsky and V.V. Nabokov. *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, № 2, pp. 69–74 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-69-74>

«В моем представлении о литературоведении вообще нет места духовному родству» [Набоков 1997: 47]. Это высказывание Набокова ставит под сомнение любую тему сопоставительного характера, тем более что личные отношения Д.П. Святополк-Мирского и В. Набокова изучены больше в историко-биографическом контексте (труды Дж. Смита, М.В. Ефимова, Н.Ю. Прайс, О.А. Казниной и др.). А общность их методологических установок и эстетических оценок можно выявить главным образом через текстуальные и ассоциативно-семантические соответствия, отдельные связи и литературные параллели в этом направлении, безусловно, были установлены, в частности, в статье М.В. Ефимова «“Mirsky and I”: К вопросу о творческих связях В.В. Набокова и Д.П. Святополк-Мирского» отмечены примеры имплицитного цитирования Набоковым Мирского [Ефимов 2015].

Набоков ценил исторический труд Мирского, в который имя его еще не включено, называя лучшей историей русской литературы на любом языке, однако, как известно, в комментариях к роману Пушкина нет к ней отсылок и не так много упоминаний и опознавательных знаков в письмах и критике. У Мирского и Набокова нет обобщающего труда по теории литературы, между тем разрозненные высказывания по проблемам стиля, литературного процесса и жанров позволяют реконструировать и сопоставить их теоретико-литературные воззрения. И, возможно, моделировать в их изложении теорию романа (в привычном и «непривычном» смысле) европейского и русского.

«История русской литературы от древнейших времен до 1925 года» (1926) Д.П. Святополк-Мирского носит личностный характер, воплощает черты его научной мифологии, отражает индивидуально-авторские читательские предпочтения. Литературные параллели с лекциями по мировой литературе В. Набокова и его комментариями к роману Пушкина очевидны. По судьбе и роли в истории русского зарубежья их можно отнести к «аристократии пишущих

талантов» (А. Солженицын). И не только в переносном смысле оценки дарования, но и в формальном понимании «литературного быта»: происхождения, родовитости, англофильского воспитания, билингвизма, пушкинского письма «по канонам». Каждый из них по-своему стал «оправданием» миссии эмиграции, интегрируя русскую культуру и русский мир на запад.

«История» Мирского содержит хронологически последовательный историко-литературный экскурс «с релевантными аналогиями из английского историко-культурного материала» [Ефимов 2019: 182, 269]. Обращает на себя внимание концептуальность труда, в одном томе которого объединены подходы «творческий» и «рецептивный», общее и отдельное. Вместо подробной биографии и библиографии писателей в книге дана квинтэссенция их творчества, сжатый очерк, включающий ссылку на семейное предание, сословие, образование, профессию. Историко-литературная оценка и анализ творчества и отдельных произведений редуцированы, сведены, как правило, к «общим замечаниям». В письмах к М. Карповичу В. Набоков, задумывая систематический курс по русской литературе для англоязычного читателя, в качестве основного «справочника» указывал на Мирского, схему его книги, манеру повествования и принцип стилевой «переводимости / непереводаемости» в отборе материала. Он собирался «коснуться между прочим» Островского, Салтыкова, Лескова, дать обзор других имен с предваряющими лекциями, подробно рассмотреть таких сочинителей, как Толстой, Чехов, Достоевский. Главное – перенять сам принцип: «чередовать» лекции с биографическими данными и дискуссиями общего характера, использованием собственных мемуаризированных переводов и т. п. [Набоков 2018]. К тому же «общий взгляд» Мирского не исключал мелкую оптику: выделение деталей, «штрихов», анализ «узоров» судьбы и стиля. Читательское восприятие и личная оценка лежат в основе эстетических вердиктов авторов, этот ме-

тодологический принцип также сближает позиции обоих исследователей. Мирский, как позже Набоков, утверждает здесь еще эстетический подход, отказываясь рассматривать литературу как проповедь или «карту современной жизни», «фотографию современности», ценит непреднамеренность истинного искусства [Мирский 2014: 343, 34]. Трактуя эстетический факт как необходимый, Мирский не исключает элемент случайности, «необъяснимого» в творческом акте, иллюстрируя это положение примерами из творческого опыта Л. Толстого.

Мирский в «Истории» формулирует представление о русской литературе как едином историко-культурном феномене (некоем «культурном синтезе», используя выражение П.М. Бицилли в отношении средневековой культуры), целостном ментальном явлении в ее субстанциально-мифологических представлениях, выявляет в ее художественной онтологии «русский элемент», или «простую, скромную реалистическую грацию» [Мирский 2014: 353]. Он рассматривает, например, «почтовую» (эпистолярную) прозу как комментарий к русской литературе и жизни, квинтэссенцию того, чем стал русский реализм, «самая его субстанция» [Мирский 2014: 273]. Русский реалистический роман, по Мирскому, должен рассматриваться как «единая литературная культура» [Мирский 2014: 271], иными словами, некий «культурный комплекс». В его труде концептуализируются понятия: «великорусская литература», «русская цивилизация», «древнерусская цивилизация». То, что Набоков определил как «привычку» русского сознания в отношении Пушкина, Мирский соотносит со всей русской литературой, полемически начиная ее описание с древнейших времен и, перефразируя Набокова, тем самым стараясь «проследить пращура до самого логова». Его опыт мифологизации и семиотизации русской литературы распространится впоследствии на саму культуру «в изгнании» (Г. Струве).

Открытие для читателя уже известных литературных фактов в концепции Мирского происходит благодаря приему остранения. Ученый смотрит на русскую литературу как бы со стороны, составляя путеводитель для иноязычного читателя с выделением ориентиров («вех» – исторических, биографических, теоретико-литературных), с акцентированием маргинальных сведений. Занимательность изложения историко-литературного материала объясняется отчасти сохранением более тесной, образной стилиевой связи с предметом изучения и «личным участием» в его эстетической оценке. В то же время у Мирского, создавшего жанр авторской истории литературы, преобладает историко-типологический аспект изложения закономерных, повторяющихся явлений (например, им типологизируются разновидности «орнаментального стиля» рубежа веков, черты русского

реалистического романа XIX века и др.). По его собственному выражению, он прежде всего выявляет типическое для «русского литературного ума». Мирский, в частности, выделяет «вехи истории» – это, по сути, метафорические единицы измерения художественной топографии, эстетической значимости литературных явлений. Он пишет: «Наша *основная веха* в ранней истории русской – группа... произведений, переведенных в Москве около 1677 года. Они не русифицированы до неузнаваемости, как это было с *Бовой*... они сохраняют следы языков, с которых были переведены» (в их числе польские рыцарские романы) [Мирский 2014: 82]. Единицами отсчета, измерения эстетических величин становятся у Мирского стилиевые общности разных уровней: «школа», «течение», «движение». Например, «партия поэтов», «поэты-метафизики», «любомудры» [Мирский 2014: 180]; «арзамасская поэтическая школа» [Мирский 2014: 174]. «Поэты 1820-х годов образовывали реальное и при всем разнообразии *единое движение*, которое можно назвать *школой*. Обычно их называют *пушкинской плеядой*» [Мирский 2014: 180].

Набоков, напротив, категории «тип», «типическое» относит к издержкам старой критики (ее «любимым словечкам»). Он иронически комментирует литературную родословную пушкинских образов Татьяны и Ольги в духе вульгарного социологизирования [Набоков 1999]. Впрочем, Набоков расставляет свои историко-литературные акценты: «Душенька» Богдановича, на его взгляд, – важный «этап» в русской поэзии по технике письма [Набоков 1999: 167].

Теоретико-литературные категории научной мифологии Д.П. Мирского могут быть реставрированы с учетом их целостного прочтения и системного функционирования в англоязычных и русскоязычных критических дискурсах. Этим, безусловно, осложняется задача изучения единства речевого мировоззрения ученого, русиста-англофона [Ефимов 2018: 249], симметрическая соотнесенность его понятий и терминов, их *modus vivendi* («условия существования»). Мирский дублирует или акцентирует латынью или иноязычными терминами универсализм вводимого понятия, создавая тем самым видимость перевода его смысла, этимологической рефлексии. У Набокова экспериментальные приемы наблюдения получили название *in vitro* («в пробирке»), в лекциях о «Дон Кихоте» он пристально разглядывает хитроумные уловки и стилиевые узоры Сервантеса, изучая его «опыты». Исторический русский роман Мирский называет «лабораторией великого художественного мышления» [Мирский 2014: 191]. Понятия о лаборатории, экспериментах подчеркивают искусный и искусственный характер литературной («эстетической») реальности – категории, которая формулируется в этот период в трудах А. Бема, В. Вейдле, П.М. Бицилли.

Комментируя название темы, нужно сказать, что «модус рассказоведения» – этот метафорический термин из «Истории» – вполне, на наш взгляд, характеризует экспрессивную и занимательную манеру изложения Мирского, уникальную, «индивидуальную общность» его историко-литературного нарратива. Анализируя стиль Пушкина, критик выделяет манеру повествования о самом главном (*in medias res*), а также резкие переходы и лирические эпилоги в его текстах: следы байроновского «рассказоведения» [Мирский 2014: 153]. Выбор им главных произведений (*opus magnum*), «достойных упоминания», расставляет «особые вехи» в историческом пространстве русской литературы [Мирский 2014: 364]. Метафорические определения оживляют, «беллетризуют» нестрогую терминологию «Истории»: «живой цинический реализм древнерусской повести», «романтический пантеизм (анемизм, фантастика)»; «литературная атмосфера», «литературный темперамент», «романописание». Набоков, как известно, в целом иронично относился к языку понятий, к этим «гибким словесным штампам». Однако он дорожил собственным «набором художественных ценностей» и «номенклатурных элементов», его окказиональные понятия включают термины из инонаучных сфер (*узор, мимикрия, рекапитулярный смысл, онтогенез, филогенез*).

Масштабы эстетических измерений у Мирского подвижны и обратимы. Достойными упоминания в многовековой истории литературы оказываются жанровые открытия и забытые имена авторов, отдельные произведения и памятные имена героев. Например, он вписывает в нее «что-то вроде образца локальной приволжской поэзии» – балладу о Стеньке Разине и персидской княжне Д.Н. Садовникова, которая обрела со временем самостоятельное существование [Мирский 2014: 373]. Этот статус получает художник, оставивший один гениальный «штрих» (ср.: «тонкость штриха» у Куцевского – специфика его стиливой манеры) [Мирский 2014: 449], или целое эпическое полотно («героическую идиллию» «Война и мир»). В мозаичную картину национального художественного сознания вписаны гении, шедевры, маргинальные литературные или идейные течения и их источники, типология героев, когда-то значимых, их персональная иерархия. Заслуживают упоминания, как правило, выдающиеся или исключительные по своему таланту или посредственности вещи или герои, например: фигура отца у Аксакова – один из «замечательных образцов обыкновенного человека» [Мирский 2014: 287]; Гурмыжская и Буланов у Островского – самые неприглядные типы в русской литературе по «цинической и самодовольной эгоистической подлости» [Мирский 2014: 383]. Писемский в описаниях «низости, мелочности и подлости»

не имеет себе равных [Мирский 2014: 318]. Мирский последовательно проводит принцип жанровой и стиливой типологии (выявляя общие черты провинциального романа, «романа несовершенного вида») и характеризует этапы литературного процесса.

Набоков строит свои лекции по истории мировой литературы исключительно на шедеврах, заслуживающих изучения и анализа с точки зрения словесного искусства (романы «Анна Каренина» Толстого, «Улисс» Джойса, «Мадам Бовари» Флобера). В литературе писателя привлекает онтологический смысл и «индивидуальный гений»: «Литература состоит не из великих идей, а каждый раз из откровений, не философские школы образуют ее, а талантливые личности. Литература не бывает о чем-то, в ней самой ее суть. Вне шедевра литературы не существует» [Набоков 1998: 169]. Набоков, противник общих идей, «демона обобщений», ценит уникальные художественные открытия, высказанные уникальным образом, что не всегда характеризует все творчество автора или определяет его место в истории литературы. Субъективизм исторической концепции Мирского также очевиден. «Свое видение мира – основа гениальности», по Мирскому, а также «новый взгляд» на поэзию [Мирский 2014: 373]. Остается в литературе только художественно значимое, эстетический критерий оценки произведения преобладает. По его мнению, творения Тургенева превратились в «чистое искусство», общественная проблематика со временем без остатка растворилась в них, и они только выиграли от этого [Мирский 2014: 309]. Вот почему «Отцы и дети» – один из величайших романов, «Обломов» – великая книга, символ, часть русской души. В них есть «привкус вечности», как бы сказал Набоков, или привкус истинного искусства.

Мирский и Набоков трактуют эволюцию эстетического видения как способ изображения форм жизни и отражения в них наших представлений о ней. Вся история литературы в ее развитии, по Набокову, есть исследование «все более глубоких пластов жизни», есть эволюция художественного видения [Набоков 1996: 246]. Метаязык, язык описания, считал он, будет лишь более или менее удачным приближением к самому эстетическому объекту. «Реализм», «натурализм» для него – понятия относительные: «Что данному поколению представляется в произведениях писателя натурализмом, то предыдущему кажется избытком серых подробностей, а следующему – их нехваткой. Измы проходят, исты умирают, искусство остается» [Набоков 1998: 203]. «Дерзости одной эпохи становятся банальностями эпохи следующей» [Набоков 1999: 115]. Набоков полагал, что в исторической перспективе взаимоотношение культур диалогично и обратимо, поэтому он говорит о модернизме как форме консерватизма. Мирский

термин «модернизм» использует также не только как единицу классификации, не в узко хронологическом, а в широком семантическом значении «новизны, новаторства». Жуковский и Батюшков у него – «модернисты в стихе и в языке» [Мирский 2014: 140].

Поскольку литература, по характеристике Набокова, «особая призма» («мерцающий посредник между вымыслом и реальностью»), литературные направления обладают разными углами отражения художественной реальности. Выделение направлений внутри литературного процесса Набоков относил к условным явлениям, которые определял как «литературные сквозняки». В. Набоков, с иронией говоривший о влияниях, периодах, течениях, направлениях, эпохах, а также о терминах, их обозначающих, писал о том, что дух обобщения «окрестил длинный ряд ничем не повинных лет названьем Средневековье», а XX век – второе Средневековье [On Generalities]. С одной стороны, он негативно отзывался о темной средневековой подоплеке фрейдовщины и ее символов, шарлатанстве, магии и мистике, гротескно изображал прорицателей и провидцев. С другой стороны, отлично знал этот культурный период (достаточно сослаться на его лекции и переводы), использовал жанровые формы волшебной сказки, *chansons de geste*, *exempla*, куртуазно-рыцарского романа, эпоса, более того, сравнивал искусство литературы с магией и волшебством. Он отрицал или критически воспринимал не культурные явления как идейно-эстетические общности и этапы их развития, а условность их понятийных обозначений и методологию исследования.

В отличие от Мирского, он не причислял себя к любителям слов «идея», «тип», «эпоха». В комментариях к роману «Евгений Онегин» Набоков пишет о том, что расплывчатые термины *классицизм*, *сентиментализм*, *романтизм*, *реализм* и т. п. зависят от многочисленных интерпретаций, что становится бессмысленным само по себе в своей сфере классификации знания. В комментариях, например, он приводит одиннадцать возможных определений понятия «романтизм», бытовавших в пушкинское время. «Я не могу себе представить ни одного шедевра, – пишет он, – оценка которого в той или иной степени повышалась бы в зависимости от его принадлежности к определенной школе; и, напротив, готов назвать сколько угодно третьесортных произведений, жизнь которых искусственно поддерживается на протяжении веков только потому, что ученые приписали их к какому-нибудь течению прошлого. Вредность этих терминов в том состоит, что они отвлекают исследователя от индивидуальных художественных открытий (а только они в конечном счете значимы и непреходящи)» [Набоков 1999: 454]. Набоков, по собственному признанию, сделал много таких «открытий», отмечая «тонкие моменты» в коммен-

тариях. Он дает свои «ключи» к образам и реконструирует, в частности, биографии литературных героев (например, Прасковьи Лариной), тем самым утверждая реальность их литературного существования. Еще одна особенность: подробный стиховедческий паспорт сопровождает поэтические тексты в «Комментариях» (время создания, архитектоника, строфика, размер). Например, следующие замечания: «“Бал” Баратынского (начат 1825, окончен 28, опубликован 28) – повесть в стихах, в авторской белой рукописи состоящая из 658 стихов, написанных 4-стопным ямбом, 47 строф по 14 стихов с рифмовкой *abbaceddijj*)» и т. д. [Набоков 1999: 150].

«Неуместные подробности» в труде для нерусского читателя Мирский опускает, Набоков увеличивает, акцентирует. Кропотливо сопоставляются им переводы (французские, англоязычные) европейских романов, в них разграничивается первобытный (родной) язык / европейское жеманство. *Переводимость/непереводимость* – важный критерий историко-литературной оценки писателей для англоязычного читателя. «Закрытость» Пушкина, распятого на языковом барьере, трудность перевода поэта отчасти объясняется Мирским «исчерпанностью» его поэтического слова [Мирский 2014: 167]. Поэзия «мысли» Баратынского легче поддается переводу, равно как поэтов-метафизиков или других поэтов, отражающих стилевые тенденции школ, объединений. «До предела локальная, русская» «Гроза» Островского – шедевр на чисто национальном материале (национальный компонент парадоксальным образом составляет неотделимое достоинство пьесы, хотя обычно он вредит читательскому восприятию) [Мирский 2014: 382]. Набоков высоко ценит литературную совесть переводчика, дорожит ею. Принципы и приемы перевода – еще одна важная сторона литературных параллелей двух авторов. Набоков, как и Мирский, писал для западного читателя, его анализы пушкинских строк также обращены к образцам западноевропейской литературы.

Любопытно отметить, что и Набоков, и Мирский в духе нормативной поэтики ставят писателям «оценки» за произведения: «шедевр» или «посредственная» вещь. «А вот Случевский в поэзии остался заикой», – пишет Мирский [Мирский 2014: 373]. Это еще одна общая характерная черта их критических отзывов.

Обращают на себя внимание отмеченные Мирским «курьезы» в истории литературы, парадоксы. Их прочтение заставляет по-новому сопоставить известные факты: первый русский поэт Жуковский был переводчиком, но его переводы часто значительнее оригинала, Пушкин технического совершенства достиг раньше, чем стал поэтом [Мирский 2014: 150]. Курьезы и парадоксы заостряет в своих оценках Набоков, достаточно вспомнить его «Лекции

о «Дон Кихоте»». По его собственному выражению, он не отстраняет также героев Пушкина от «гениальных дурачеств, лирических перевоплощений, литературных пародий» [Набоков 1999: 177]. Приемы эпатажа, литературные мистификации, любовь к каламбурам сближают критическую манеру Мирского и Набокова.

Специфика и привлекательность для современно-го прочтения исторической концепции Мирского обусловлена двумя, казалось бы, взаимоисключающими факторами. Во-первых, взглядом со стороны, отстраненно и тем самым остранинно на русскую литературу как целостный, сложившийся феномен, с другой стороны, рассказ о ней «домашним образом», с семейными тайнами, преданиями, мифами, доверительно, как передается информация из первых рук, лицом, причастным к этой культуре, а потому отчасти и ее создателем. По той же причине интересен лекторский курс и комментарии Набокова. Во многом труды обоих авторов воспринимаются как собственные произведения и размышления на историко-литературные темы, сохраняющие статус «подвижных памятников», возникших, по словам М. Мамардашвили, в определенной ситуации, но не утративших своей «действенной силы», не ставших «реликтом прошлого».

Список литературы

Ефимов М.В. Д.П. Святополк-Мирский: Годы эмиграции, 1920–1932. Санкт-Петербург: Изд-во Пушкинского Дома, Нестор-История, 2019. 456 с.

Ефимов М.В. «Mirsky and I»: К вопросу о творческих связях В.В. Набокова и Д.П. Святополк-Мирского // Русская литература. 2015. № 2. С. 241–251.

Набоков В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. Москва: НПК «Интервал», 1999. 851 с.

Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе. Москва: Независимая газета, 1998. 512 с.

Набоков В.В. Лекции по русской литературе. Москва: Независимая газета, 1996. 440 с.

Набоков В. Переписка с Михаилом Карповичем 1933–1959 / пред., сост., примеч., пер. А.А. Бабилова. Москва: Литфак, 2018. 160 с.

В.В. Набоков: *pro et contra*: Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей: Антология: в 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ, 1997. 974 с. (Русский путь).

Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р.А. Зерновой. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2014. 876 с.

References

Efimov M.V. D.P. *Svyatopolk-Mirskij: Gody jemigracii, 1920–1932*. [Svyatopolk-Mirsky: The Years of Emigration, 1920–1932]. St. Petersburg, Izd-vo Pushkinskogo Doma Publ., Nestor-Istorija Publ., 2019, 456 p. (In Russ.)

Efimov M.V. D.P. *Svyatopolk-Mirskij – istorik russskoj literatury i literaturnyj kritik. Gody jemigracii (1920–1932): dis. ... kand. filol. nauk* [Svyatopolk-Mirsky is a historian of Russian literature and literary critic. The years of emigration (1920–1932): PhD thesis]. St. Petersburg, 2018, 390 p. (In Russ.)

Efimov M.V. “Mirsky and I”: *K voprosu o tvorcheskih svyazjah V.V. Nabokova i D.P. Svyatopolk-Mirskogo* [“Mirsky and I”: On the question of creative connections between V.V. Nabokov and D.P. Svyatopolk-Mirsky]. *Russkaja literatura* [Russian Literature], 2015, № 2, pp. 241–251. (In Russ.)

Nabokov V. *Kommentarii k “Evgeniju Oneginu” Aleksandra Pushkina* [Comments on “Eugene Onegin” by Alexander Pushkin]. Moscow, NPK “Interval” Publ., 1999, 851 p. (In Russ.)

Nabokov V.V. *Lekcii po zarubezhnoj literature* [Lectures on foreign literature]. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 1998, 512 p. (In Russ.)

Nabokov V.V. *Lekcii po russskoj literature* [Lectures on russian literature]. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 1996, 440 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Perepiska s Mihailom Karpovichem 1933–1959* [Correspondence with Mikhail Karpovich 1933–1959], prev., comp., note., trans. by A.A. Babikov. Moscow, Litfak Publ., 2018, 160 s. (In Russ.)

Svyatopolk-Mirsky D.P. *Istorija russskoj literatury s drevnejshih vremen po 1925 god* [History of Russian literature from ancient times to 1925], trans. from English by R.A. Zernova. Novosibirsk, Svin'in i synov'ja Publ., 2014, 876 p. (In Russ.)

V.V. Nabokov: *pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Nabokova v ocenke russskih i zarubezhnyh myslitelej. Antologija: v 2 t. T. 1* [The personality and creativity of Vladimir Nabokov in the assessment of Russian and foreign thinkers. Anthology: in 2 vols, vol. 1]. St. Petersburg, Izdatel'stvo RHGI Publ., 1997, 974 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.04.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 18.04.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 05.05.2023.

СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В РЕЦЕПЦИИ И.А. БРОДСКОГО (на материале поэмы «Речь о пролитом молоке»)

Федотова Анна Александровна, доктор филологических наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Аннотация. В статье анализируется актуальная проблема рецепции советского дискурса в раннем творчестве И.А. Бродского. Материалом для анализа выступает неизученная с этой точки зрения поэма «Речь о пролитом молоке» (1967). В статье используется традиционная методика комплексного филологического анализа текста, а также интертекстуальные и рецептивные методы исследования литературного произведения. В ходе работы выявляются основные мотивы текста, связанные с актуализацией писателем положений советской идеологии, в частности с рецепцией Бродским работ К. Маркса. Автор статьи приходит к выводу, что, прибегая к иронии, Бродский полемизирует с центральными положениями советского дискурса. Советское понимается Бродским главным образом как торжество коллективного над индивидуальным, и с так понимаемой им властью безличного большинства поэт не может согласиться. Альтернативой охлократии, власти толпы, в поэме выступает глубоко личный религиозный поиск лирического героя. Социальное уступает место метафизическому, и заканчивается поэма надеждой и утверждением возможности индивидуального диалога с Богом, а уже потом – с ближними. В статье доказывается, что поэма И. Бродского «Речь о пролитом молоке» представляет собой сложное смысловое единство, семантика которого строится на вовлечении и переосмыслении нескольких дискурсивных систем, прежде всего советской и христианской.

Ключевые слова: И.А. Бродский, «Речь о пролитом молоке», рецепция, советский дискурс, К. Маркс, ирония, интертекстуальность.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

Для цитирования: Федотова А.А. Советская идеология в рецепции И.А. Бродского // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 75–78. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-75-78>

Research Article

SOVIET IDEOLOGY IN THE RECEPTION OF JOSEPH BRODSKY (in terms of the poem «Speech over Spilled Milk»)

Anna A. Fedotova, Doctor of Philological Sciences, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Russia, gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Annotation. The polemical problem of the Soviet discourse reception in the creative work of young Joseph Brodsky is analysed in this article. What acts as the material for analysis is the 1967 poem «Speech over Spilled Milk», which is not yet studied from this point of view. The traditional methods of the complex philological analysis of the text, as well as intertextual and receptive methods of researching the literary work are used in the article. The main motifs of the text, related to the actualisation of the Soviet ideology by the author, in particular, the reception of Karl Marx's works by Joseph Brodsky, are revealed in the course of the work. We conclude that, by resorting to irony, Joseph Brodsky is polemicising with the central tenets of Soviet discourse. Joseph Brodsky understands «Sovietness» mainly as the triumph of collectivism over individualism, and the poet has no wish to be led by the impersonal majority, as long as he understands the notorious Soviet regime in this way. What emerges in the poem as an alternative to ochlocracy, the power of the mob, is the lyrical hero's deeply personal God-seeking. Social gives way to metaphysical, and the poem ends with the hope of affirming the possibility of an individual dialogue with God, while the thesis of «loving neighbour» is not that important. It is proved in the article that the poem «Speech over Spilled Milk» by Joseph Brodsky is a complex semantic unity, built on the involvement and reinterpretation of several discursive systems, above all Soviet and Christian ones.

Keywords: Joseph Brodsky, «Speech over Spilled Milk», reception, Soviet discourse, Karl Marx, intertextuality, irony.

Acknowledgement. The research is conducted for the cost of the Russian scientific fund's grant No 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

For citation: Fedotova A.A. Soviet ideology in the reception of Joseph Brodsky (in terms of the poem «Speech over Spilled Milk»). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 75–78 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-75-78>

Творчество И.А. Бродского активно привлекает внимание современных исследователей. Публикуются воспоминания и биографии автора [Лосев], работы, посвященные анализу поэтики [Ахапкин; Богданова, Власова; Бурая; Бурая, Богданова; Как работает стихотворение; Ранчин; Чаунина] и содержательных основ его творчества [Янгфельдт]. Между тем объем и глубина наследия Бродского приводят к выводу о достаточном количестве малоизученных или вовсе не изученных проблем его творчества. Так, темой отдельного исследования до сих пор не выступала рецепция автором советского дискурса.

Отношение И.А. Бродского к официальной советской идеологии было непростым. Уже в 1960 г. двадцатилетний поэт попадает в поле зрения Ленинградского отделения комитета государственной безопасности. В ноябре 1963 г. в газете «Вечерний Ленинград» выходит статья «Окололитературный трутень», которая дала начало открытой травле и преследованию Бродского, закончившимися его арестом, ссылкой, а впоследствии вынужденной эмиграцией. Между тем неприятие советского никогда не выражалось в поэзии Бродского открыто; осмысляя те или иные явления советской идеологии, поэт старался быть предельно объективным и рассматривать различные грани советского непредвзято.

Показательным примером подобного подхода выступает небольшая поэма Бродского «Речь о пролитом молоке», которая имеет точную авторскую датировку – 14 января 1967 года. Приближаясь к точке зрения внешнего наблюдателя, поэт буквально в первых строфах произведения дает характеристику исторического времени как общества всеобщего благоденствия:

То есть все основания быть спокойным.

Никто уже не кричит: «По коням!»

Дворяне выведены под корень.

Ни тебе Пугача, ни Стеньки.

Зимний взят, если верить байке.

Джугашвили хранится в консервной банке

[Бродский: 180–181].

В этом кратком и ироническом историческом «экскурсе» Бродский не только исторически обосновывает торжество советского общества, но и словно дает точный снимок эпохи написания поэмы. Конец 1960-х был, действительно, временем относительного благополучия, периодом хрущевской оттепели и торжества технического прогресса: совсем незадолго до даты создания текста было совершено одно из важнейших достижений Советского Союза: 12 апреля 1961 года произошел первый полет чело-

века в Космос. Поэт перечисляет основные достижения коммунистического общества (видимую победу над неравенством и дворянским классом, отсутствие народных волнений, наконец, поражение тоталитаризма), которые, как может показаться, действительно привели к состоянию, охарактеризованному Бродским как «жизнь вокруг идет как по маслу».

Единственным отдельным индивидуумом, который оказывается вырван из подобного общества благоденствия, выступает в поэме сам лирический герой. В отличие от многих произведений Бродского, в которых образ лирического героя явно не показан, «Речь о пролитом молоке» предельно эмоциональна и автобиографична. Уже в первой части поэмы задается контраст личного и общественного, который в дальнейшем будет пронизывать весь текст произведения:

Я факта в толк не возьму простого,
как дожил до Рождества Христова
Тысяча Девятьсот Шестьдесят Седьмого.
Двадцать шесть лет непрерывной тряски,
рытья по карманам, судейской таски,
ученья строить Закону глазки,
изображать немного.
Жизнь вокруг идет как по маслу.
(Подразумеваю, конечно, массу.)
Маркс оправдывается. Но, по Марксу,
давно пора бы меня зарезать.

[Бродский: 180]

Бросается в глаза, что, при наличии точной датировки, Бродский еще раз подчеркнул дату создания поэмы – уже в самом ее тексте. Выделяя каждый год с заглавной буквы, поэт снова и снова напоминает читателю о важности для него конкретного исторического времени. Важнейшим синонимом советского с первых строф произведения выступает понятие коллективного, выраженное образом «массы». С помощью изящной паронимической аттракции «масса – Маркс» это коллективное получает индивидуальное имя. Кажущееся торжество социалистической советской идеологии («Маркс оправдывается»), между тем, вступает в противоречие с бытием отдельного индивида, и трагизм ситуации усугубляется тем, что этим отдельным индивидом оказывается сам лирический герой. Личная история поэта и общая история народа составляют явный диссонанс.

Полемика с основными положениями советского идеологического дискурса пронизывает собой центральную часть поэмы. Бродский оспаривает лозунг великой французской революции 1789 года «Свобода, равенство, братство» в парадоксальной на первый взгляд фразе «Равенство, брат, исключая»

ет братство» [Бродский: 181]. Это выражение поэта становится понятным из общего контекста поэмы, в котором под равенством понимается всеобщее обезличивание, власть толпы, которое, по мысли Бродского, абсолютно несовместимо с «братством», то есть свободным союзом уникальных личностей. В свойственной поэме афористичной манере Бродский заключает: «Рабство всегда порождает рабство. Даже с помощью революций» [Бродский: 181].

Поэт развернуто обосновывает несколько видов рабства, в которое добровольно отдают себя члены современного ему общества. Первое из них – это власть «капитала». Бродский неоднократно упоминает этот столь важный среди советских идеологем термин, неотделимый от трудов классика политэкономии – Карла Маркса, чье имя тоже несколько раз прямо упоминается в поэме.

К нам не плывет золотая рыбка.
Маркс в производстве не вяжет лыка.

<...>

Пробил час и пора настала
для брачных уз Труда – Капитала.
Блеск презираемого металла...
приятней, чем пустота в карманах,
проще, чем чехарда тиранов,
лучше цивилизации наркоманов,
общества, выросшего на шприцах.

[Бродский: 182–183]

Антагонизм труда и капитала, как известно, является краеугольным камнем теории Карла Маркса. Уничтожение отчужденного труда и, следовательно, переход от частной собственности к собственности общечеловеческой или общественной выступает как одно из принципиальных положений в философии и экономике марксизма. Исходя из современных ему общественных реалий, Бродский полемизирует с этим положением Маркса и прямо утверждает, что власть денег или, в образной форме, «союз» и даже – еще теснее – «брачные узы» труда и капитала стали краеугольным камнем развития цивилизации.

Неслучаен в этой строфе и образ «цивилизации наркоманов». Помимо власти денег, второй движущей силой современного общества стала погоня за удовольствиями, что Бродский метафорически обозначает как «общество, выросшее на шприцах». Умножение денег и умножение удовольствий – та игла, на которую «подсажены» сегодняшние люди.

Положительным полюсом власти безличного большинства, которая оборачивается властью капитала или властью удовольствий, в поэме выступают личные религиозные поиски лирического героя. Лейтмотивом поэмы является одна и та же ситуация, троекратно повторяющаяся в первой, центральной и заключительной частях поэмы:

Ночь. Шуршание снегопада.
Мостовую тихо скребет лопата.
В окне напротив горит лампада.
Вижу только лампаду. Зато икону
я не вижу.

[Бродский: 181]

Ночь. Переулок. Мороз блокады.
Вдоль тротуаров лежат карпаты.
Планеты раскачиваются, как лампады,
которые Бог возжег в небосводе
в благоговенье своем великом
перед непознанным нами ликом
(поэзия делает смотр уликам),
как в огромном кивоте.

[Бродский: 187]

Грустная ночь у меня сегодня.
Смотрит с обоев былая сотня.
Лень отклеивать, суетиться.
Остается тихо сидеть, поститься
да напротив в окно креститься,
пока оно не погасло.

[Бродский: 190]

Социальная проблематика, которая главенствует в поэме, как это часто бывает у Бродского, неожиданно разворачивается в проблематику метафизическую. Во фрагментах, значительно удаленных друг от друга в тексте поэмы, если взглянуть на них в единстве, прослеживается очевидный параллелизм. Зимний пейзаж в лирике поэта обычно обладает негативной семантикой, указывая на неподвижность и смерть, и здесь данный смысл поддерживается фразой «мороз блокады». Однако контрастом замороженному миру является затепленный огонек лампады. Символика света в данном контексте очевидна и связана с надеждой на будущее, в которое устремлен лирический герой.

Показателен и тот факт, что поэтом последовательно подчеркивается непознанность для него Бога («Зато икону я не вижу», «перед непознанным нами ликом»), которая создает атмосферу особенно напряженного религиозного поиска: душа лирического героя жаждет и стремится к Богообщению. По сравнению с первыми двумя обращениями к ситуации у окна с горящей напротив лампадой, в третьей сцене наблюдается градация. «Остается тихо сидеть, поститься да напротив в окно креститься, пока оно не погасло» – созерцание сменяется активным религиозным действием, ведь крест – это телесная молитва. Горизонталь (взгляд от окна – к окну) вдруг оборачивается вертикалью внутреннего измерения стремящегося к Богу человека.

Поэма И. Бродского «Речь о пролитом молоке» представляет собой сложное смысловое единство, семантика которого строится на вовлечении и переос-

мыслении нескольких дискурсивных систем, прежде всего советской и христианской. Для поэмы характерна индивидуально-авторская трактовка христианской символики, в частности символики света. Прибегая к иронии, Бродский полемизирует с центральными положениями советской идеологии, например с марксистской теорией об антагонизме труда и капитала, с идеей о приоритете общественной ответственности над частной. Советский дискурс понимается Бродским главным образом как торжество коллективного над индивидуальным, и с так понимаемой им властью безличного большинства поэт не может согласиться. Альтернативой охлократии, власти толпы, в поэме выступает глубоко личный религиозный поиск лирического героя. Социальное уступает место метафизическому, и заканчивается поэма надеждой и утверждением возможности индивидуального диалога с Богом, а уже потом – с ближними.

Список литературы

Ахапкин Д. «Источники света» Иосифа Бродского // Звезда. 2018. № 5. С. 37–56.

Богданова О.В., Власова Е.А. «Иногда чувствую себя Шекспиром...» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского) // Научный диалог. 2021. № 8. С. 129–148.

Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2001. 440 с.

Бурая М.А., Богданова О.В. Сверхтекстовое единство рождественского, итальянского и любовного претекстов в «Я был только тем, чего» И. Бродского // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 17–27.

Бурая М.А. Стихотворение «Presepio» в контексте рождественского цикла И. Бродского // Acta eruditorum. 2021. Вып. 37. С. 6–16.

Как работает стихотворение Бродского. Москва: Новое литературное обозрение, 2002. 304 с.

Лосев Л. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. Москва: Молодая гвардия, 2008. 479 с.

Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: интертексты Бродского. Москва: Новое литературное обозрение, 2001. 462 с.

Чаунина Н.В. Особенности воплощения коммуникативных стратегий в стихотворении И. Бродского «Речь о пролитом молоке» // Научный диалог. 2019. № 6. С. 232–241.

Янгфельдт Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском. Москва: Астрель: CORPUS, 2011. 367 с.

References

Ahapkin D. «Istochniki sveta» Iosifa Brodskogo [“Light Sources” by Joseph Brodsky]. Zvezda [Star], 2018, No. 5, pp. 37–56. (In Russ.)

Bogdanova O.V., Vlasova E.A. «Inogda chuvstvuyu sebja Shekspirom...» (intertekstual'nye plasty «Piligrimov» I. Brodskogo) [“Sometimes I feel like Shakespeare...” (intertextual layers of I. Brodsky's “Pilgrims”)]. Nauchnyj dialog [Scientific Dialogue], 2021, No. 8, pp. 129–148. (In Russ.)

Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo. T. 7 [The Writings of Joseph Brodsky, vol. 7]. St. Petersburg, Pushkin Foundation Publ., 2001, 440 p. (In Russ.)

Buraja M.A., Bogdanova O.V. Sverhtekstovoe edinstvo rozhdestvenskogo, ital'janskogo i ljubovnogo pretekstov v «Ja byl tol'ko tem, чего» I. Brodskogo [The super-text unity of the Christmas, Italian and love pretexts in “I was only what” I. Brodsky]. Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik [Upper Volga Philological Bulletin], 2022, No. 2, pp. 17–27. (In Russ.)

Buraja M.A. Stihotvorenie «Presepio» v kontekste rozhdestvenskogo cikla I. Brodskogo [The poem “Presepio” in the context of the Christmas cycle by I. Brodsky]. Acta eruditorum, 2021, No. 37, pp. 6–16. (In Russ.)

Chaunina N.V. Osobennosti voploshcheniya kommunikativnyh strategij v stihotvorenii I. Brodskogo «Rech' o prolitom moloke» [Features of the implementation of communicative strategies in the poem by I. Brodsky “Speech about spilled milk”]. Nauchnyj dialog [Scientific Dialogue], 2019, No. 6, pp. 232–241. (In Russ.)

Jangfel'dt B. Jazyk est' Bog. Zаметки ob Iosife Brodskom [Jazyk est' Bog. Zаметки ob Iosife Brodskom]. Moscow, Astrel Publ., CORPUS Publ., 2011, 367 p. (In Russ.)

Kak rabotaet stihotvorenie Brodskogo [How Brodsky's poem works]. Moscow, New literary review Publ., 2002, 304 p. (In Russ.)

Losev L. Iosif Brodskij: opyt literaturnoj biografii [Joseph Brodsky: the experience of Literary biography]. Moscow, The Young Guard Publ., 2008, 409 p. (In Russ.)

Ranchin A. «Na piru Mnemoziny»: interteksty Brodskogo. [“At the Feast of Mnemosyne”: Brodsky's intertexts]. Moscow, New literary review Publ., 2001, 462 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.04.2023; одобрена после рецензирования 12.05.2023; принята к публикации 15.05.2023.

The article was submitted 22.04.2023; approved after reviewing 12.05.2023; accepted for publication 15.05.2023.

РАННИЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ДЕТЕКТИВ: ПУТИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Чекалов Кирилл Александрович, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела классических литератур Запады и сравнительного литературоведения, Институт мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ РАН), Москва, Россия, ktchekalov@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен ранний период развития французской детективной прозы (1860-е гг.), когда термин «roman policier» еще не был сформирован (в ходу был термин «судебный роман», «roman judiciaire»). Романы Э. Габорио, который в цикле произведений о Лекоке (начиная с «Дела вдовы Леруж», 1865) выступил как основоположник жанра, сочетают в себе приметы криминального нарратива с социально-психологическими, историческими, политическими конструктами. Автор статьи анализирует малоизвестные произведения сходной тематики, созданные в тот же период: романы «Драма на улице Мира» Адольфа Бело, «Дело улицы Вожирар» Тюрпена де Сансэ и «Фабрика преступлений!» Поля Феваля, а также повести «Черная жемчужина» Викторьена Сарду и «Убийца Альбертины Ренуф» Анри Ривьера. Все они отражают повышенный интерес читательской аудитории 1860-х к криминальным сюжетам и в той или иной степени закладывают основы нового жанра (преступление, процесс расследования, следовательская инстанция, взаимодействие профессионального сыщика с любителем, ложные и истинная версия преступления и т. п.). Автор статьи приходит к выводу, что активизация указанными авторами сюжета канонической новеллы Э. По «Убийства на улице Морг» сочетается с использованием чисто «фельетонных» (в том числе мелодраматических) нарративных ресурсов, а также пародированием моды на криминальные сюжеты (у Бело и Феваля).

Ключевые слова: французский детектив, расследование, роман, повесть, персонаж, повествование, криминальный сюжет, пародия.

Для цитирования: Чекалов К.А. Ранний французский детектив: пути самоидентификации // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 2. С. 79–86. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-79-86>

Research Article

EARLY FRENCH DETECTIVE FICTION: SELF-IDENTIFICATION PATHS

Kirill A. Chekalov, Doctor of Philology, Chief Researcher of the Department of Classical Literature of the West & Comparative Literature, A.M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Science, Moscow, Russia, ktchekalov@mail.ru

Abstract. This article focuses on the early period of French detective fiction (1860s), when the “roman policier” notion has not yet been formulated (In use was the notions “courtroom novel”, i.e. “roman judiciaire”). Émile Gaboriau acted as the founder of this genre through his series of novels about Monsieur Lecoq [starting with the novel – “The Lerouge Case” (“L’Affaire Lerouge”, 1865)]. His novels incorporate the criminal narrative features and social, psychological, historical, and political constructs. The author of the article analyses little-known literary works of the similar theme, written in the same period and far less known, such as the novels: “The Drama of the Rue de la Paix” (“Le Drame de la Rue de la Paix”) by Louis Marc Adolphe Belot and “The Crime Factory!” (“La Fabrique de crimes!”) by Paul Henri Corentin Féval (both written in 1866), as well as the stories: “The Black Pearl” (“La Perle noire”) by Victorien Sardou, 1861 and “The Killer of Albertine Renouf” (“Le Meurtrier d’Albertine Renouf. Les Derniers jours de Don Juan”) by Henri Laurent Rivière, 1865. All of them are indicative of the increased interest in criminal plots among the readership of the 1860s and, in a varying degree, have laid the basis for the new genre paradigmatics (crime, investigation process, investigating agency, interaction between a professional detective and an amateur one, wrong and right crime versions, etc.). The author of the article reach a conclusion that the activation of the description by the authors of the plot of Edgar Allan Poe’s canonical short story “The Murders in the Rue Morgue” is combined with solely “feuilletonistic” narrative resources (including melodramatic ones) were extensively used in the detective fiction, and the extremes of fashion for criminal plots were exposed to parody in Belot and Féval’s works.

Keywords: French detective, investigation, novel, story, character, narrative, criminal plot, parody.

For citation: Chekalov K.A. Early French detective fiction: self-identification paths. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 79–86 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-79-86>

Среди тех модификаций популярного чтения, которые утверждаются во французской прозе второй половины XIX века, следует в первую очередь назвать криминальный роман. Важно подчеркнуть, что современного понятия «детективный роман» («roman policier») до 1870-х гг. еще не существовало; до поры речь шла о «судебном романе» («roman judiciaire»); первые упоминания о «roman policier» мы встречаем в периодике начиная с 1870-х гг. (известный литератор Жюль Кларети использовал комбинированный вариант: «roman judiciaire et policier»¹). По отношению же к подготовившим детектив жанровым образованиям 1840–50-х гг. более целесообразно использовать понятие «протодетектив». Здесь еще не просматриваются в полном объеме все составляющие, характерные для классического детектива (преступление, расследование; наличие герменевтического кода, связанного с дешифровкой и интерпретацией «лакунарных элементов» [Evrard: 11]; присутствие фигур сыщика и преступника и пр.).

Колыбелью жанра стал широкий спектр образов романа-фельетона (включая «Парижские тайны» Эжена Сю и – в еще большей степени – цикл романов П.А. Понсона дю Террайля о Рокамболе), чья насыщенность сенсационными событиями (кражи, грабежи, катастрофы, отравления, увечья, убийства, самоубийства) сближала его с рубрикой «коротко о разном» («faits divers») и криминальной хроникой, столь обильно представленной на страницах периодической печати второй половины XIX века. Очень часто авторы криминальных романов воссоздавали конкретные судебные дела или создавали вольные фантазии на их основе. Криминальный сюжет являлся важнейшим средством привлечения и поддержания читательского интереса, и вполне естественно, что именно этот тип нарратива оказался наиболее востребованным периодикой как существенный ресурс повышения тиража.

Становление детектива как литературного жанра было бы немислимо, если бы на протяжении всего XIX века не происходило формирование «культуры расследования» как магистрального вектора судебной практики, а также без вызревания в конце упомянутого столетия той парадигмы, которую Карло Гинзбург назвал «уликовой». Как указывал Д. Калифа [Kalifa: 4], особая непрозрачность радикально изменяющегося социума приводила к необходимости все более продуманных и эшелонированных «расследований», которые осуществляются как внутри словесности, так и внутри медицины, филантропии, экономики и социологии. Не случайно Золя в статье «Экспериментальный роман» (1880) называет свою эпоху «веком расследований». Использованное здесь писателем понятие «enquête» в XIX веке трактуется чрезвычайно широко.

1850-е гг. были отмечены появлением нескольких текстов криминального содержания, подготавливавших рождение детективного романа. Среди них малоизвестный роман Александра Дюма «Катрин Блюм» (первая публикация на страницах газеты «Le Pays» с 21 декабря 1853 г. по 19 января 1854 г.; отдельное издание вышло в 1854 г.) и гораздо более примечательный остросюжетный роман Шарля Барбарá «Убийство у Красного Моста» (публикация в виде фельетона на страницах журнала «Revue de Paris» состоялась в 1855 г.; отдельное издание, с изменениями, вышло в 1857 г.). В центре сюжета «Убийства у Красного Моста», на первый взгляд, неразрешимая тайна преступления, причем в итоге обнаруживается, что убийца находился на самом виду у читателя. Эта высоко оцененная Шарлем Бодлером книга тесным образом связана с романтической традицией (преступник оказывается представителем парижской богемы), а нравственная проблематика и мотив богоборческого бунта занимают автора больше, чем процесс расследования. Поэтому считать «Убийство у Красного Моста» самым ранним образцом французского детективного романа, как это делают некоторые исследователи, нет оснований.

Иначе обстоит дело с созданными уже в 1860-е гг. произведениями Эмиля Габорио, которые безусловно являются значительным этапом на пути формирования французского детективного романа. Правда, есть авторы, которые относят творчество Габорио (как и Барбара) не к истории, а к «предыстории» [Schulz-Buschhaus: 91] французского детективного романа. Но большинство ученых (и среди них столь уважаемые специалисты по интересующему нас жанру, как Марк Литс и Доминик Калифа) сходятся в том, что книги Конан Дойла невозможно исчерпывающе интерпретировать без учета влияния Габорио; что именно сочинения Габорио знаменуют собой переход от протодетективных текстов (включая «Темное дело» Бальзака, 1841) к собственно детективным. В романах Габорио в центре внимания оказывается не само по себе преступление, но именно процесс расследования, а динамичный, упругий стиль повествования напоминает о детективной прозе XX столетия.

Примечательно, что сам Габорио не считал себя первопроходцем жанра – он отводил себе скромную роль продолжателя «судебного романа», о чем свидетельствует его письмо директору газеты «Le Petit Journal», датированное 19 мая 1870 г.² Собственно, и другие представители ранней французской детективной прозы еще не осознают принципиальную инновационность собственных текстов и апеллируют к традициям «рокамболовского» нарратива.

Огромная популярность криминальных сюжетов Габорио привела к тому, что в 1870-х гг. его всерьез считали выдающимся мастером сыска, способным

расследовать любое запутанное дело и одновременно с большим мастерством раскрыть характеры «фигурантов»³. Редкий в ту пору образец собственно литературоведческого разбора его романов – очерк литератора и журналиста Мариуса Топена (1875)⁴, где вполне обоснованно рассмотрена связь Габорио с традицией Эдгара По и подчеркнут «научный» аспект жанра. И действительно, в романе имеется пассаж, где реконструкция сыщиком всех обстоятельств преступления сопоставляется с работой ученого, который воссоздает облик исчезнувшего древнего животного на основании одной-единственной сохранившейся кости. (Это напоминает о выкладках И. Тэна, в 1866 г. выпустившего книгу «Очерки критики и истории», где предложено распространить естественнонаучные методы Кювье на литературоведение [Tilleul: 108]).

Первый из цикла произведений Габорио об инспекторе Лекоке роман под названием «Дело вдовы Леруж» печатался в виде фельетона (в нижней части полосы – «подвале») на страницах не слишком популярной проправительственной газеты «Le Pays» с 14 сентября по 7 декабря 1865 г. Однако «газета без читателей»⁵, как презрительно именовали это издание конкуренты, не смогла привлечь внимание широкой публики к произведению. Известность пришла к Габорио лишь благодаря второй публикации (здесь текст романа подвергся некоторым изменениям) на страницах новой (учрежденной Моизом Мийо в 1865 г.) вечерней газеты «Le Soleil» (выпуски с 18 апреля по 2 июля 1866 г.). До конца не ясно, каким образом Мийо узнал о существовании этого романа – через администратора газеты Баратона или же через писателя Эжена Шаветта, некоторое время работавшего главным редактором «Le Soleil». Существенно, что вторая публикация размещалась уже не в «подвале», а непосредственно в столбцах газетной полосы – тем самым статус романа оказался повышен. «Дело вдовы Леруж» совершенно затмило роман В. Гюго «Труженики моря», который та же газета одновременно печатала в «подвале». На волне успеха эстафету публикации подхватили затем провинциальные издания.

В романе «Дело вдовы Леруж» созданный воображением Габорио знаменитый персонаж, «ставший на праведный путь бывший правонарушитель – великий пройдоха и весьма искусный в сыском деле молодчик» [Габорио 2018: 16] по фамилии Лекок, присутствовал лишь на втором плане, в роли помощника основного расследователя – Табаре (для этого романа вообще характерно дробление «расследующей инстанции»). В последующих произведениях цикла – романах «Преступление в Орсивале» (1866), «Дело № 113» и «Господин Лекок» (оба 1867) [но не в повести «Старичок из Батиньоля» (1870, опубл. 1876)] –

именно этот персонаж становится протагонистом, причем генеалогия его меняется; Лекок становится выходцем из богатой семьи Нормандии. Очень скоро Лекок утверждается в сознании современников как Детектив с большой буквы: «для его создателя, Эмиля Габорио, г-н Лекок стал таким же талисманом, как Рокамболь для Понсона дю Террайля»⁶. Последователь Габорио Франсуа дю Буагобе продолжил приключения сыщика в романе «Старость г. Лекока» (1878); правда, по мнению крупнейшего специалиста по творчеству писателя Р. Бонньо, Буагобе имел весьма смутное представление о творчестве Габорио [Bonniot: 383].

Между тем Лекок вовсе не всемогущ, до Холмса ему далеко. О его методе работы венгерский исследователь детективного жанра Т. Кестхейи пишет следующее: «Лекок вообще не гений. Габорио часто позволяет ему ошибаться. Его сыщику скорее подходит индукция, чем дедукция. Тайны, с которыми он сражается, не столь вещественного свойства (время действия, предметы, факты), сколь человеческие, кроющиеся в характерах людей» [Кестхейи: 53].

Сам писатель (а он работал газетным хроникером) уверял, что в основу сюжета «Дела вдовы Леруж» положен реальный случай. Гибель вдовы в уединенном доме под Парижем расследует, наряду с полицией, сыщик-любитель папаша Табаре; именно ему и предстоит найти ключ к загадке. Колоритный и отнюдь не апологетический портрет папаша Табаре предвосхищает знаменитых сыщиков конца XIX–XX веков: «С его круглого лица не сходило выражение тревожного изумления; двое комиков из Пале-Рояля сколотили бы себе состояние на таких физиономиях, как у него. Маленький подбородок вошедшего был тщательно выбрит, пухлые губы свидетельствовали о простодушии, а неприятно вздернутый нос напоминал раструб инструмента, изобретенного г-ном Саксом. Крохотные тускло-серые глазки с покрасневшими веками не выражали решительно ничего, однако раздражали невероятной подвижностью. Редкие прямые волосы не закрывали больших оттопыренных ушей и ниспадали челкой на покатый, точно у борзой, лоб» [Габорио 2018: 31].

Как показала современная исследовательница В. Фернадес [Fernandez 2013], в книжном издании по сравнению с газетным оказалась усилена остросюжетность, роман начинает все более сближаться с детективом в привычном для нас понимании; усилены характерологические особенности Табаре как сыщика; более рельефно подчеркнута связь между событиями, имевшими место в прошлом (они занимают в романе весьма значительное место) и настоящим. Таким образом, Габорио вполне последовательно и осознанно двигался в сторону оформления парадигматики жанра. При этом и в книжной версии ро-

мана сохраняется ряд противоречащих логике детективного нарратива и тормозящих динамику действия элементов, относящихся к другим модификациям популярного романа. Например, внедренный в сюжет мотив подмененного ребенка, по аттестации самого же папаши Табаре, – «прием столь избитый, что им уже не пользуются даже бульварные писаки».

Кроме того, в «Деле вдовы Леруж» автор время от времени рефлектирует на «криминологические» и связанные с деятельностью правосудия темы, включая эффективность суда присяжных. Нельзя сказать, что эта рефлексия выглядит как внешний и необязательный по отношению к детективной интриге материал. Ошибочность некоторых из «дедукций» приводят к тому, что в тюрьме оказывается ни в чем не повинный человек; таким образом, «дедуктивный метод» в романе отнюдь не абсолютизирован, он предстает как один из возможных алгоритмов полицейского расследования, причем представители как расследующих, так и судебных инстанций далеко не всегда представлены в выгодном свете. Так, начальник полиции Жевроль выглядит интеллектуально ограниченным, адвокат Ноэль Жеври оказывается преступником, а следователь Дабюрон становится жертвой собственной страсти [Tilleul: 119].

Наряду с криминальным измерением в романе значительная роль отводится «бальзаковскому» началу. Следует иметь в виду, что Габорио, приступая к криминальному нарративу, уже отнюдь не являлся новичком в литературе. До «Дела вдовы Леруж» он выпустил, в частности, незавершенный исторический роман с сильно выраженной криминальной составляющей «Маркиза де Бренвилье» (1861). В дальнейшем Габорио пишет целый ряд социально-психологических романов, где уделяет большое внимание воссозданию общественно значимой проблематики: «Маленькие работницы» (1862), «Адская жизнь» (1869), «Кувырк» (1871–1872), «Петля на шее» (1872–1873). Особо примечателен в этом отношении последний роман писателя – «Чужие деньги» (1873), где впечатляюще воссоздан финансовый мир Парижа (при сохранении характерного для популярного романа нарративного комплекса «преступление // месть // восстановление порядка» [Fernandez 2020]). Более того, в одном из писем Габорио сообщал, что намеревается написать огромный аналитический труд под названием «Французское общество XIX века» [Bonniot: 89–90]; однако этот замысел так и не был реализован.

Взявшись продолжать похождения Лекока, Габорио одним из первых представителей популярного романа отдал дань принципу сериальности. В то же время он оказался перед необходимостью выдерживать спринтерский темп работы, навязываемый газетчиками [Kálai]. В следующей части цикла о «лю-

бимом ученике папаши Табаре», «Преступление в Орсивале», как и в «Деле вдовы Леруж», социально-психологические основы преступления интересуют автора ничуть не меньше, чем сам процесс расследования. Здесь просматривается варьирование различных романских техник [Schulz-Buschhaus: 94]; во второй части романа оказываются сконцентрированы мелодраматические нарративные ресурсы и театральные эффекты. Любовная связь Берты Саврези с графом Эктором де Трёморелем напоминает о «Госпоже Бовари»; влияние Эдгара По сочетается здесь с отзвуками «Блеска и нищеты куртизанок». А умение Лекока изменять внешность до неузнаваемости не только выдает влияние Рокамболя, но и предвосхищает циклы романов Сувестра и Аллена о Фантомасе и цикл произведений Мориса Леблана об Арсене Люпене: «его переменчивая маска подвержена невероятным метаморфозам; он по желанию лепит, если можно так выразиться, свое лицо, как скульптор лепит податливый воск, причем он способен менять всё – вплоть до взгляда, что недоступно даже самому Жевролю, наставнику и сопернику Лекока» [Габорио 2019: 60].

Артистизм Лекока позволяет ему поочередно представлять то в облике заурядного, белобрысого «удалившегося на покой лавочника», то в виде плешивого канцеляриста в очках, то, наконец, в образе красивого, исполненного благородства брютета. Варьирование внешности – стратегия освоения различных социальных страт, оно необходимо Лекоку для успешного ведения расследования, но и заключает в себе самодостаточную театральность: сыщик наслаждается произведенным на окружающих эффектом.

В обширном романе «Мсье Лекок» Габорио прибегает к такому характерному для серийного нарратива приему, как обращение к истокам карьеры протагониста. Действие романа происходит в 1850-х гг., Лекок представлен здесь еще совсем молодым человеком (25 или 26 лет), исполненным энергии, авантюризма и уже абсолютно одержимым сыском; современный читатель не может не усмотреть здесь предвосхищение Арсена Люпена. Начальство пока что не воспринимает его всерьез и именует его выкладки «фантазиями» («rêveries»). В то же время противостояние традиционного («позитивистского») подхода к расследованию и дедуктивного метода приобретает именно в этом романе особую рельефность. Снова отдана дань Бальзаку, причем прямая аллюзия на него соседствует с отсылкой к «Парижским могикам» Дюма: известный афоризм Жакаля «Ищите женщину!» представлен здесь в немного трансформированном виде: «Кто поймает женщину, тот узнает мотивы преступления!»

Для Габорио важно возвысить социальный статус сыщика, в том числе за счет применения им совре-

менных научных методов сыска. Именно поэтому его герой «изъясняется с апломбом профессора математики»; именно поэтому столь существенное место в романе отведено судебному медику Жандрону. Тенденция к укреплению жанрового статуса криминального нарратива была поддержана благодаря инсценизациям, которых известно две: адаптация второй части романа «Мсье Лекок» (авторы – Пажес и Д'Альбер; премьера – 6 ноября 1869 г., театр Бомарше) и «Дело вдовы Леруж» (автор Ипполит Остейн, премьера 2 мая 1872 г., театр Шато д'О). Авторы театральных версий значительно перекроили сюжеты соответствующих романов (в угоду зрелищности), в частности за счет введения новых действующих лиц.

Наряду с романами Габорио в 1860-е гг. во Франции были созданы еще некоторые произведения сходного содержания, в настоящее время практически забытые, но, несомненно, внесшие свой вклад в становление детективного нарратива. Среди них роман плодovitого и достаточно известного в ту пору фельетониста Тюрпена де Сансэ «Дело улицы Вожирар» (первая публикация состоялась на страницах популярнейшей ежедневной газеты «Le Petit Journal» с 17 января по 15 февраля 1869 г.; отдельное издание вышло в том же году). Это произведение стоит особняком в ряду анализируемых нами в данной статье сочинений хотя бы потому, что оно основано на реальном судебном процессе, детально представленном на страницах периодики 1830-х гг., и претендует на документальность; «Le Petit Journal» печатал его отнюдь не в «подвале», а непосредственно в столбцах газетной полосы, причем с подзаголовком «Воспоминания об одном судебном деле» (в отдельном издании подзаголовки оказались устранены). Речь идет о таинственном исчезновении в 1821 г. зажиточной пожилой вдовы Уэ, которая находилась в напряженных отношениях со своим зятем, человеком без определенных занятий по имени Робер, неизменно клянчившим у нее деньги. Подозрение в убийстве с корыстной целью, разумеется, падает на Робера и его приятеля Бастьена. Однако за недостатком улик расследование затягивается на долгие годы. Название романа отражает зависимость детективного нарратива от готических структур: мрачный особняк (пустующий дом № 81 по парижской улице Вожирар) становится, подобно замку в готическом романе, локусом кровавого преступления. В конечном итоге Бастьен указывает полиции место, где был зарыт труп, и излагает леденящие душу подробности хладнокровного убийства; сообщников осуждают на каторжные работы, к недоумению публики – все ожидали смертной казни.

Интерес к этому сорокалетней давности делу был подогрет сенсационной публикацией на страницах светского еженедельника «La Causerie» в 1862 г. (под

захватывающим названием «Скелет открывает истину»), так что роман Тюрпена вырос на подготовленной почве. Он представляет собой образец довольно невыразительной беллетристики, в стилевом отношении явно подражательной по отношению к рокамболовскому циклу Понсона, а в сюжетном – ориентированной на Габорио. Сам по себе ход судебного преследования описан очень лаконично, автора он интересует гораздо меньше, нежели разворачивание готических и авантурных структур.

Как в интонационном, так и в структурном отношении «Дело улицы Вожирар» резко контрастирует с повестью знаменитого в будущем драматурга Викторьена Сарду «Черная жемчужина» (первая публикация под названием «Медальон» – газета «Le Moniteur universel», с 3 по 5 декабря 1861 г.; отдельное издание вышло в 1862 г.). В этой изящной и занимательной повести заложены основы двух популярнейших разновидностей интересующего нас нарратива: преступление в запертой комнате и иронический детектив. Действие разворачивается в промозглом Амстердаме, как бы субституирующем знакомый по многим образцам жанра промозглый Париж; комическое дарование автора «Мушинных лапок» и «Мадам Сан-Жен» дает о себе знать в живых остроумных диалогах и обрисовке главных героев, один из которых – «амстердамская достопримечательность» Корнелиус Памп – сильно напоминает верновских ученых-чудаков. Детективный сюжет уравновешен водевильными любовными коллизиями: Корнелиус влюблен в служанку Кристиану, а его приятель Бальтазар – в дочь банкира Сюзанну; герои находятся в предвкушении двойной свадьбы. По ходу сюжета во время страшной грозы из запертой комнаты исчезают драгоценности; главная подозреваемая – Кристиана. За расследование берется полицейский Трикан, фигура определенно комическая; он устанавливает, что преступник проделал большую дыру в перегородке между двумя комнатами, замаскировав ее обоями. Кристиана едва не становится жертвой судебной ошибки (еще один очень распространенный в популярном романе второй половины XIX века нарративный конструкт) – при том, что Трикан, как и герои Габорио, глубоко убежден в своей приверженности истинно научному, а стало быть, и единственно верному подходу к расследованию. На основе своих умозаключений он вырабатывает «фоторобот» преступника (а точнее, преступницы) и одновременно сетует на небрежный почерк преступления (налицо множество незамаскированных улик). В итоге научный подход к расследованию действительно торжествует, только вовсе не в версии Трикана: параллельное расследование Корнелиуса (заинтересованного в оправдании своей возлюбленной) позволяет восстановить сногшибательные обстоятельства преступления: оказывается, всему виной –

гроза, а точнее, попавшая в комнату через дымоход и расплавившая драгоценности молния. Этот сюжет, начинающийся в духе Эдгара По, по ходу обрастает верновскими мотивами (мы не имеем здесь в виду прямое влияние, так как в 1861 г. жанровая модель «научного романа» еще не была выработана) и в конечном итоге предвосхищает «Тайну желтой комнаты» Г. Леру. Можно предположить, что Морис Леблан не случайно назвал свою раннюю новеллу об Арсене Люпене «Черная жемчужина» (1906) – похоже, это своеобразный оммаж Викторьену Сарду как одному из пионеров жанра.

Известный литератор, сотрудник редакции газеты «L'Opinion nationale» Жюль Леваллуа в 1867 г. публикует очерк под названием «Преступление и преступность в современном романе»⁷, где обозревает несколько произведений: «Убийца Альбертины Ренуф» Анри Ривьера, «Драма на улице Мира» Адольфа Бело и три романа Габорио, причем из всех рассмотренных авторов самой высокой оценки удостоивается именно последний. Роман Адольфа Бело был впервые напечатан в газете «L'Événement» (выпуски с 16 мая по 6 июля 1866 г.; отдельное издание вышло в 1867 г.). Затем 5 ноября 1868 г. в парижском театре «Одеон» была поставлена сочиненная Бело одноименная пьеса, где главную героиню сыграла молодая Сара Бернар (русский перевод пьесы датируется 1873 г.). Роман «Драма на улице Мира» представляет собой образец криминального нарратива с сильно выраженной политической составляющей. В самом начале книги в собственном доме гибнет аристократ Морис Видаль; он успевает нацарапать собственной кровью обращенную к жене записку: «Джулия, отомсти. Убийцу зовут...». Поистине новаторской особенностью романа можно считать включение в текст связанных с расследованием документов (рапорт комиссара полиции, донесение судебно-медицинского эксперта, извлечение из допроса консьержа...). Вместе с тем, как и другие образцы раннего детективного нарратива, роман Бело неоднократно сворачивает к светским мелодраматическим коллизиям, так что расследование всё же не становится смысловым фокусом книги. Полицейский Вибер, который ведет собственное расследование параллельно со следователем Гурбе, интересен скорее как психологический тип, нежели как воплощение какой-либо профессиональной установки. Кульминационные события романа разворачиваются в 1848 г. на фоне парижских баррикад; весьма увлекательная флуктуация между двумя гипотетическими убийцами окончательно разъясняется лишь в финале.

В романе присутствуют аллюзии на сценическое действие («мы подошли к пятому акту нашей драмы»); не исключено, что автор задумывал театральную версию уже по ходу работы над прозаической.

В пьесе сюжет книги оказывается предельно спрессован и, что особенно важно, возникает ироническая метатекстуальность, которой в романе и в помине не было. Здесь появляется новый, и притом комический персонаж по фамилии Дюмуш, сочинитель, который стремится оседлать новоявленную моду на детективный нарратив: «Я хочу сочинять романы, романы-фельетоны, судебные романы. Сейчас такого рода словесность вошла в моду. Газетные подвалы пестрят такими названиями, как “Дело № 1007”, “Преступление в Гранвале”, “Дело Лемуар”, “Мсье Дюкок”. Так вот, сударь, я тоже придумаю свое собственное преступление» [Belot: 11].

В этом перечне мы встречаем слегка замаскированные названия произведений Габорио, включая «Дело № 113»; таким образом, сценическая версия учитывает моду, сформировавшуюся уже после публикации прозаической. Дюмуш разыгрывает из себя сыщика, так сказать, на бытовом уровне и мечтает избавиться от собственной праздности, став писателем. Его мечта – увидеть на стенах парижских домов афиши с названиями своих сочинений. Однако же Дюмуш оказывается слабым профессионалом, он весьма посредственно владеет умением создать напряженную интригу; кроме того, ближе познакомившись с буднями сысского дела, он приходит к выводу, что полицейский роман – занятие весьма опасное, и ему следует переключиться на исторические сюжеты. (Следует заметить, что сам Адольф Бело переключился впоследствии на эротические сюжеты, хотя в 1879 г. опубликовал еще один криминальный роман, «Парижские душители».)

Еще более радикальным образом пародирует моду на Габорио Поль Феваль в своем романе «Фабрика преступлений!» (впервые опубликован тремя выпусками в газете «Le Grand Journal» со 2 по 16 декабря 1866 г.; восклицательный знак сопровождал название в первой публикации). Нам уже приходилось писать об этом весьма неординарном для своего времени (да и для его автора) произведении [Чекалов: 79].

В статье, о которой говорилось выше, фигурирует также повесть «Убийца Альбертины Ренуф» моряка и писателя Анри Ривьера (первая публикация – «Revue des deux mondes», 15 мая 1865 г.), которая выдержана в несколько иной по сравнению с рассмотренными выше произведениями манере и тесным образом связана с традицией романтизма. Перед читателем разворачивается история провинциального нотариуса Исидора Ренуфа и его жены; молодые отправляются на медовый месяц в Париж, причем французская столица внушает Альбертине неизъяснимый страх. Молодые обосновываются неподалеку от Люксембургского сада и посещают постановку фантастической драмы Дюма и Маке «Вампир» в театре Амбигю. Речь идет о постановке нача-

ла 1850-х гг., имевшей огромный успех у зрителей и несомненно способствовавшей оживлению готических и вампирических мотивов в литературе той поры; между тем по своим художественным достоинствам она сильно уступает другим образцам драматургии Дюма-отца.

Готическая атмосфера поначалу доминирует и в «Убийце Альбертины Ренуф». Однажды ночью Исидор просыпается и убеждается в том, что жена его заколота кинжалом; он начинает подозревать в совершении ужасного преступления самого себя и утром отправляется в комиссариат. Расследование ведет комиссар Жестраль; он допрашивает хозяйку и персонал гостиницы, а ночью вместе с медиком следит за сомнамбулическим поведением Исидора. Однако оба приходят к заключению о невинности Ренуфа. Медик указывает, что невероятной силы удар был нанесен прямо в сердце жертвы. Необычные обстоятельства преступления отвлекают комиссара от обычной полицейской рутины (тема невыразительных полицейских будней принадлежит к существенным для детективного жанра мотивов). Динамика расследования строится следующим образом. На начальном этапе комиссар выдвигает гипотезу, согласно которой у Альбертины в Париже имелся какой-то тайный враг (отсюда ее инстинктивный страх); следующий шаг – предположение об убийстве из ревности; постепенно комиссар, предвосхищая методы Холмса, рисует себе портрет возможного убийцы. Скорее всего, речь идет о немолодом и некрасивом чиновнике. Далее, применяя свой опыт как психолога, комиссар делает ставку на то, что преступник может вернуться на место преступления. Переодетый Жестраль внедряется в обывательский социум (метод Лекока; между тем маловероятно, чтобы Анри Ривьер к моменту написания повести мог читать «Дело вдовы Леруж») и подслушивает уличные разговоры (которые подтверждают его гипотезу). Однако в итоге под судом оказывается всё-таки Исидор; в образе парижского обывателя комиссар присутствует на судебном заседании, внимательно осматривает присутствующих и особо сосредотачивается на одной персоне (которая более или менее соответствует составленному им ранее «фотороботу»): «Господину, за которым он наблюдал, было на вид лет пятьдесят; череп скорее выбрит, чем лыс; глаза спрятаны за очками; длинный нос, тонкие губы, бледный цвет лица, с пятнами румянца. Тело и руки полностью скрывал широкий плащ. <...> Кисти рук лежали на коленях и время от времени судорожно сжимались, сминая ткань плаща, в особенности в те моменты, когда показания того или иного свидетеля встречал одобрителный шепот публики. Г-н Жестраль почувствовал, что находится на правильном пути, и радостно вздрогнул. Теперь он не сводил глаз с незнакомца»⁸.

В итоге суд выносит решение о невинности Исидора, а таинственный субъект (выясняется, что это бывший адвокат Даррон) приходит в крайнее замешательство. Теперь комиссар, руководствуясь своими умозаключениями и знанием психологии, уже не сомневается, что именно Даррон совершил убийство. Жестраль продолжает тайком наблюдать за ним по окончании процесса и готовит преступнику ловушку, помещая Исидора в ту же самую обстановку, в которой было совершено убийство его жены. Ночное покушение на Исидора заканчивается поимкой Даррона. В финале Жестраль произносит следующую фразу: «Уж не знаю, наградят меня или нет, но я собой доволен. Я сам себе доказал, что не ошибся, что мои теории не так уж глупы»⁹.

Как видим, жанровая динамика повести основана на движении от готического нарратива к собственно детективному; ее структура, полностью сфокусированная на процессе расследования, как и финальная реплика, объективирующая именно теоретическую составляющую этого расследования, выглядят для своего времени инновационными. При этом выводы Жестраля в основном базируются не на дедукциях, а на психологии.

Итак, во французской прозе 1860-х гг. имеет место постепенное вызревание детективного нарратива. И здесь важно подчеркнуть, что процесс этот охватывает не только романский жанр, но и малые прозаические формы. Данное обстоятельство позволяет внести некоторые коррективы в распространенное мнение, согласно которому родиной детективной новеллы является Америка, а детективного романа – Франция. Конечно, никто из рассмотренных нами французских литераторов 1860-х не претендовал на лавры Эдгара По, но проведенная ими ревизия жанрового конструкта «Убийств на улице Морг» заслуживает внимания со стороны литературоведов.

Примечания

- ¹ Clarétie, Jules. *Théâtres. Le Soir*, 6.05.1872, p. 1.
- ² Correspondance. *Le Petit Journal*, 22.05.1870, p. 2.
- ³ Grimm, Thomas. *La Corde au cou. Le Petit Journal*, 10.10.1872, p. 1.
- ⁴ Topin, Marius. *Le roman contemporain*, X. Emile Gaboriau. *La Presse*, 29.05.1875, p. 1.
- ⁵ D'Ainay, Alfred. *Échos de Paris. La Chronique illustrée*, 28.01.1869, p. 3.
- ⁶ *La Vieillesse de M. Lecoq. Le Voleur illustré*, 25.01.1878, p. 50.
- ⁷ Levallois, Jules. *Le crime et le criminel dans le roman contemporain. L'Opinion nationale*, 21.10.1867, pp. 3-4.
- ⁸ Rivière, Henri. *Le Meurtrier d'Albertine Renouf. Revue des Deux Mondes*, 1865, vol. 57, p. 468.
- ⁹ Rivière, Henri. *Le Meurtrier d'Albertine Renouf. Revue des Deux Mondes*, 1865, vol. 57, p. 475.

Список литературы

Габорио, Эмиль. Дело вдовы Леруж / пер. Е. Баевской, Л.М. Цывьяна. Москва: Вече, 2018. 477 с.

Габорио, Эмиль. Преступление в Орсивале / пер. Е. Баевской, Л.М. Цывьяна. Москва: Вече, 2019. 448 с.

Кестхейи, Тибор. Анатомия детектива. Будапешт: Корвина, 1989. 262 с.

Чекалов К.А. Авторефлексивность и метатекстуальность в романах Поля Феваля // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24, № 4. С. 74–81.

Belot, Adolphe. Le Drame de la Rue de la Paix. Paris, Levy, 1869, 108 p.

Bonriot, Roger. Émile Gaboriau ou la Naissance du roman policier. Paris, Vrin, 1985, 560 p.

Evrard, Franck. Lire le roman policier. Paris, DUNOD, 1996, 183 p.

Fernandez, Virginie. L'Affaire Lerouge: l'écrivain au travail. Le Rocambole, 2013, No. 64-65, pp. 53-73.

Fernandez, Virginie. Gaboriau critique des mœurs dans *L'Argent des autres*. Studia litterarum, 2020, No. 4, pp. 126-145.

Kálai, Sándor. Pratiques sérielles dans le roman judiciaire. Belphégor: online, 2016, No. 14. URL: <http://belphegor.revues.org/696>

Kalifa, Dominique. Enquête et «culture de l'enquête» au XIXe siècle. Le Romantisme, 2010, No. 149, pp. 3-23.

Schulz-Buschhaus, Ulrich. Roman policier et roman social chez Émile Gaboriau. Le Rocambole, 2013, No. 64-65, pp. 91-100.

Tilleuil, Jean-Louis. Enquête sociocritique sur *l'Affaire Lerouge* (1866), d'Émile Gaboriau. Le Romantisme, 2005, 127, pp. 105-123.

Kostroma State University], 2018, vol. 24, No. 4, pp. 74-81. (In Russ.).

Gaborio, Emil'. *Delo vdovy Leruzh* [The case of the widow Lerouge], trans. E. Baevskay, L.M. Tsyv'ian. Moscow, Veche Publ., 2018, 477 p. (In Russ.)

Gaborio, Emil'. *Prestuplenie v Orsivale* [Crime in Orsival], trans. E. Baevskay, L.M. Tsyv'ian. Moscow, Veche Publ., 2019, 448 p. (In Russ.)

Kestkheii, Tibor. *Anatomiia detektiva* [Anatomy of a detective]. Budapesht, Korvina Publ., 1989, 262 p. (In Russ.).

Belot, Adolphe. Le Drame de la Rue de la Paix. Paris, Levy Publ., 1869, 108 p.

Bonriot, Roger. Émile Gaboriau ou la Naissance du roman policier. Paris, Vrin Publ., 1985, 560 p.

Evrard, Franck. Lire le roman policier. Paris, DUNOD Publ., 1996, 183 p.

Fernandez, Virginie. L'Affaire Lerouge: l'écrivain au travail. Le Rocambole, 2013, No. 64-65, pp. 53-73.

Fernandez, Virginie. Gaboriau critique des mœurs dans *L'Argent des autres*. Studia litterarum, 2020, No. 4, pp. 126-145.

Kálai, Sándor. Pratiques sérielles dans le roman judiciaire. Belphégor: online, 2016, No. 14. URL: <http://belphegor.revues.org/696>

Kalifa, Dominique. Enquête et «culture de l'enquête» au XIXe siècle. Le Romantisme, 2010, No. 149, pp. 3-23.

Schulz-Buschhaus, Ulrich. Roman policier et roman social chez Émile Gaboriau. Le Rocambole, 2013, No. 64-65, pp. 91-100.

Tilleuil, Jean-Louis. Enquête sociocritique sur *l'Affaire Lerouge* (1866), d'Émile Gaboriau. Le Romantisme, 2005, 127, pp. 105-123.

References

Chekalov K.A. *Avtorefleksivnost' i metatekstual'nost' v romanakh Polia Fevalia* [Autoreflexivity and metatextuality in the novels of Paul Feval]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the

Статья поступила в редакцию 02.04.2023; одобрена после рецензирования 12.04.2023; принята к публикации 17.04.2023.

The article was submitted 02.04.2023; approved after reviewing 12.04.2023; accepted for publication 17.04.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 87–94. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 87–94. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"20"

EDN LHMLIO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-87-94>

ИСТОРИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АДАМИЗМА: СТИХОТВОРЕНИЕ М.А. ЗЕНКЕВИЧА «ПОХОД АЛЕКСАНДРА В ИНДИЮ»

Чевтаев Аркадий Александрович, кандидат филологических наук, Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, Россия, achevtaev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6844-8560>

Аннотация. В статье рассматривается художественная рецепция исторической личности и ее деяний в стихотворении М.А. Зенкевича «Поход Александра в Индию» (1909), вошедшем в состав первой книги стихов поэта «Дикая порфира» и отчетливо демонстрирующем специфику видения событий мировой истории в зенкевичской поэтической картине мира. Целью работы является анализ структурно-семантической организации данного текста в аспекте концептуальной реализации адамизма как идеологического основания творчества поэта. Анализ поэтики стихотворения, посвященного осмыслению финальных свершений в жизни царя Александра Македонского (завоевательного похода в Индию и его последствий), показывает, что Зенкевич концептуализирует мировую историю как реализацию антропологического постижения природно-стихийных первоначал миропорядка. В нарративной структуре стихотворения, состоящей из двух сюжетных частей, вскрывается глубинный механизм подчинения человека «темным» бытийным основаниям универсума. В 1-й части текста, повествующей о соприкосновении Александра Македонского с завоевываемыми им индийскими землями, эксплицируется приближение к границе природно-мистической области мира. 2-я часть репрезентирует глубинные следствия такого контакта – превращение внешних тайн чужой страны во внутренние «темные» тайны человеческого «я». Попытка завоевания Индии царем Александром оборачивается порабощением («отравлением») его личности первородным хаосом и ведет героя к безумию. Делается вывод, что в «адамистической» мифопоэтике Зенкевича «исторический» (царственный) человек неизменно оказывается «натуральным» Адамом, ощущающим свое «темное родство» с хаосом первозданности.

Ключевые слова: М. Зенкевич, Александр Великий, адамизм, античная история, лирический нарратив, микрокосм и макрокосм, поэтика адамизма, сюжетостроение, художественная онтология.

Для цитирования: Чевтаев А.А. История сквозь призму адамизма: стихотворение М.А. Зенкевича «Поход Александра в Индию» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 87–94. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-87-94>

Research Article

HISTORY THROUGH THE PRISM OF ADAMISM: THE POEM “THE CAMPAIGN OF ALEXANDER IN INDIA” BY MIKHAIL ZENKEVICH

Arcadiy A. Chevtaev, candidate of philological Sciences, Russian State Hydrometeorological University, St. Petersburg, Russia, achevtaev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6844-8560>

Abstract. The article considers the artistic reception of the historical person and her deeds in the poem “The Campaign of Alexander in India” by Mikhail Zenkevich (1909), which was included in the first book of poems of the poet “Wild Porphyry” and clearly demonstrates the specifics of the vision of the events of world history in Mikhail Zenkevich’s poetic picture of the world. The purpose of the study is to analyse the structural-semantic organisation of this text in the aspect of the conceptually realisation of adamism as the ideological basis of the poet’s creative work. The analysis of the poetics of the poem dedicated to the comprehension of the final achievements in the life of King Alexander the Great (the conquest campaign to India and its consequences) shows, that Mikhail Zenkevich conceptualises world history as realisation of anthropological comprehension of the natural origins of the world order. In the narrative structure of the poem, which consists of two plot parts, the deep mechanism of subordination of a human to the “dark” ontological foundations of the universe is revealed. In the 1st part of the text, which tells about the contact of Alexander the Great with the Indian lands he conquered, the approach to the border of the natural-mystical region of the world is explicated. The 2nd part represents the deep consequences of such contact – transformation of the external secrets of a foreign country into the internal “dark” secrets of the human “self”. The attempt to conquer India by King Alexander III of Macedon turns into enslavement (“poisoning”) his personality with primordial chaos

and leads the hero to madness. It is concluded that in Mikhail Zenkevich's "adamistic" mythopoetics the "historical" (royal) man invariably turns out to be "natural" Adam, who feels his "dark relatedness" with the chaos of primordial nature.

Keywords: Mikhail Zenkevich, Alexander III of Macedon, adamism, ancient history, lyrical narrative, micro- & macrocosm, poetics of adamism, structure of plot, artistic ontology.

For citation: Chevtsev A.A. History through the prism of adamism: the poem "The Campaign of Alexander in India" by Mikhail Zenkevich. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 87–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-87-94>

Понятие «адамизм» вводится в 1913 г. в статьях-манифестах Н.С. Гумилева и С.М. Городецкого – творцов-идеологов акмеистической парадигмы поэтического творчества – в качестве смысловой параллели к собственно «акмеизму». При этом «зоны ответственности» этих концептуальных явлений оказываются различными: если акмеизм как понятийная единица ориентирован на эстетическую (поэтологическую) сущность утверждаемого в начале 1910-х гг. нового литературного явления, то адамизм становится идеологическим маркером мировоззрения поэтов-акмеистов [Rusinko: 85–87]. Естественно, что представление об Адаме как первооснове универсума, возвращение к которой призвано преобразить бытие человека и мира в контексте проживаемого «здесь и сейчас» исторического и онтологического времени, в творчестве акмеистов оказывается многомерным и обусловленным индивидуально-авторской картиной мира. «Адамистическая» идеология продуцирует в поэтических системах акмеизма различные способы построения отношений на оси «человек – мироздание», и ее смыслы флуктуируют от религиозно-мистического до природно-мифологического полюсов самоактуализации лирического субъекта в моделируемой реальности.

Поэтический опыт акмеистов показывает принципиальную неоднозначность смыслового объема «адамистического» мировидения. Как замечает А.В. Филатов, «под адамизмом в узком смысле подразумевают примитивизм, возвращение к древним, докультурным представлениям человека о мире, его единение с природой... тогда как адамизм, понятый широко, заключается в обращении к земной реальности и попытке взглянуть на нее незамутненным свежим взглядом» [Филатов: 119]. Такая градация «адамистического» мироощущения внутри акмеизма показывает, что Адам как интегральный образ Первочеловека в художественной практике поэтов-акмеистов оказывается гораздо шире исходных библейских значений и продуцирует идеологему первозданности как таковой. Соответственно, если творчеству Гумилева, О.Э. Мандельштама и А.А. Ахматовой присуща актуализация ветхозаветных представлений об Адаме как антропологическом первоначале, то лирика Городецкого, В.И. Нарбута и М.А. Зенкевича, напротив, ориентирована на сугубо натуралистическое понимание истоков че-

ловеческого бытия, редуцирующее библейские коннотаций адамизма.

В этом отношении особое место занимает поэзия Зенкевича, в которой «адамистическое» миропонимание не ограничивается человеческой экзистенцией и стремится охватить весь процесс становления и существования тварного мира, вплоть до исходных процессов онтогенеза. В лирике поэта вне- и дочеловеческий период витального развертывания универсума входит на равных правах с историческим и личностным движением человечества в единую структуру жизненного самоосуществления вселенной и, более того, подчиняет себе историю и человеческое самосознание.

В художественном универсуме Зенкевича адамизм оказывается принципом не культурной реставрации и обретения человеком духовной гармонии, как, например, в поэзии Гумилева и Мандельштама, а постижения самих истоков тварного преобразования хаоса в природный космос. При этом поэт постоянно акцентирует присутствие в космической упорядоченности мира онтологической неустранимости и действенного проявления изначальных хтонических сил. «Натуралистический» взгляд Зенкевича на бытие как тварную вариативность первоначальной материи концептуализируется в его первой книге стихов «Дикая порфира» (1912). Характеризуя этот творческий опыт поэта, Городецкий отмечал в нем специфику «адамистического» мироощущения: «С юношеской зоркостью он вновь и вновь увидел нерасторжимое единство земли и человека, в остывающей планете он увидел изрытое струпами тело Иова, и в теле человеческом – железо земли» [Городецкий: 87]. Именно осмысление генезиса материи, восходящего к первопричинам космического и геологического возникновения мироздания, находится в основании зенкевичского адамизма.

При этом в стихотворениях Зенкевича, как констатирует О.А. Лекманов, обнаруживается «не возвращение к Адаму, и даже не возвращение к первозданной Материи, но возвращение к диалогу с первозданной Материей» [Лекманов 2000: 64]. Уплотненность, материально-физическая тяжесть эмпирических феноменов бытия и антропологическое прозрение их духовных смыслов образуют константные параметры конфликтологии в структуре «Дикой порфиры». Сюжетостроение данной книги определяется раз-

вертыванием «взаимодействия и противостояния трех миров: макромира (земли и космоса), “среднего мира” (человека) и “нижнего мира” (природно-биологического)» [Кихней: 27]. Соответственно, антропогенез как возникновение и движение человеческого «я» из материального хаоса к культурному и цивилизационному самоопределению в поэзии Зенкевича предстает как постоянная верификация близости человеческого бытия «темному» (хтоническому) измерению его изначальной природы. Однако предельная и принципиальная интеграция человека в онтологическое самодвижение материи не только не исключает, но и акцентирует его ценностно-смысловое присутствие в мире в качестве субъекта, постигающего сущность отношений на оси «я – универсум». Человек в «адамистической» лирике Зенкевича, с одной стороны, жаждет прозрения своей первоизданной природы, а с другой – ужасается откровениям о своем родстве с природно-хаотической стихией мироздания. Такое стремление к бытийным первоистокам поэт, прежде всего, сопрягает с историческим развертыванием мира, в котором материя реализует себя антропологически и витально оформляется в построении человеческого космоса.

Второй раздел «Дикой порфиры», озаглавленный Зенкевичем «История», изображает опыт столкновения исторической личности с действием первоизданной материи, в результате которого происходит экзистенциальное «обнажение» человеческого «я». «Натуралистический» аспект адамизма здесь сопрягается с репрезентацией событий мировой истории и ее царственных вершителей (царей, императоров, князей), витальные устремления которых вскрывают суть взаимодействия антропологического микрокосма с вселенским макрокосмом. Принципиально важным видится то, что поэт «рассматривает историю цивилизации как естественную историю с точки зрения геологической и биологической эволюции, куда вписан и человек», и поэтому властитель неизбежно «включен в круговращение таинственных природных сил» [Тырышкина, Чеснялис: 122]. В целом ряде стихотворений «Дикой порфиры», таких как «Марк Аврелий», «Коммод», «К Агуре-Мазде», «Вавилон», «Навуходоносор», «Две крови», «Князь», оказывается актуализированным «адамистическое» основание исторического развития мира, которое встраивается в общий процесс бытийного становления первоизданной материи. История человечества, увиденная сквозь призму адамизма, позволяет Зенкевичу эксплицировать глубинное «родство» антропологического и материально-хтонического начал в единой смысловой структуре мироздания.

Представляется, что наиболее отчетливо «адамистическое» видение истории как попытка постичь сущностные основы бытия проявляется в стихотво-

рении Зенкевича «Поход Александра в Индию», написанном в 1909 г. и вошедшем в состав «исторического» раздела книги «Дикая порфира». Данное произведение, представляющее собой поэтический диптих, является осмыслением завоевательного вторжения царя Александра Великого (Македонского) в Индию в 326–325 гг. до н. э. и его катастрофическим последствиям: гибели большей части греческой армии во время возвращения в Персию и последовавшей спустя два года смерти самого царя. Это двухчастное стихотворение в общем контексте лирической «историографии» Зенкевича примечательно тем, что в нем, во-первых, деяния известной исторической личности оказываются достаточно конкретизированными, а во-вторых, репрезентируется онтологический переход внешнего (социокультурного) конфликта во внутренний (интимно-антропологический), что позволяет вскрыть глубинные основания постижения «царственной» личностью сокровенных тайн миропорядка.

В предлагаемой статье, основываясь на структурно-семиотическом и нарратологическом подходах к аналитике художественного текста, мы сосредоточим внимание на выявлении сущности «адамистических» воззрений Зенкевича в концепции стихотворения-диптиха «Поход Александра в Индию». Думается, что образ Александра Македонского в творческой концепции поэта является предельной степенью воплощения столкновения человека с «темным» измерением универсума.

Александр Великий как предельно колоритная и ценностно возвышенная личность Древнего мира (его эллинистической эпохи) привлекает многих поэтов Серебряного века. Так, этот властитель древности и события его жизни помещаются в центр стихотворений В.Я. Брюсова («Александр Великий» (1899), «Смерть Александра» (1912)), И.А. Бунина («Александр в Египте» (1907)), М.А. Кузмина («На твоей планете всходит солнце...» (1908), «Каких достоин ты похвал, Искандер!...» (1909)). Модусы восприятия личностной актуализации и деяний царя Александра Македонского, конечно, различны, но при этом первостепенными оказываются героизация и символизация древнего властителя мира в качестве особого «любимца веков». По мысли Л.Г. Пановой, образ Александра «идеально отвечал» «художественной программе» [Панова: 423] Брюсова, задающей практику «высокой» репрезентации царя в русской поэзии начала XX века (Ср.: «И к войскам ты стал, как солнце: ослепил их грозный взгляд, / И безвольно македонцы вдруг отпрянули назад» [Брюсов: 149]). В этом отношении Зенкевич вступает в очевидный диалог с брюсовским видением личности Александра Македонского, так как сакрализует ее не в историческом, а в онтологическом измерении бытия.

Итак, в стихотворении поэта, как это определено заглавием, предлагается поэтическое изложение индийского похода Александра Великого. Обращение к этим историческим событиям, драматично венчающим завоевательные амбиции владыки Древнего мира и, очевидно, известным поэту в изложении античных историографов (Плутарха, Арриана, Диодора Сицилийского), обуславливают нарративный характер развертывания лирического сюжета в структуре поэтического диптиха. В 1-й части стихотворения лирический субъект, занимая позицию внедигетического повествователя, рассказывает о деяниях Александра в покоряемых им индийских землях. Стремление царя в Индию изначально предстает как презрение к прорицанию судьбы и сопротивление с тайными силами миропорядка:

Не внявши прорицаньям магов,
 Через камни и солончаки
 Безумец Александр от дагов
 Повел на Индию полки

[Зенкевич: 64].

Как видно, античный царь уже в инициальной точке развития сюжета определяется через категорию безумия, которая фабульно мотивируется его царственным замыслом: завоевать Индию и присоединить новые земли к построенной империи. Однако в этой социокультурной гиперболе (безумная жажда покорения неведомого) проступает и личностная характеристика героя: его приобщение к «темной» стороне собственного микрокосма (ср. описание Александра у Плутарха: «В ту пору он уже был страшен в гневе и беспощаден при наказании виновных» [Плутарх: 418]), обуславливающее желание подчинить своей воле весь макрокосм. Индия же мыслится эпицентром этого потаенного мира, что подтверждается изображением первоначального знакомства с ней: «Достигнут Инд. И все рассказы / И сказки превзошла она – / Тягучих ядов и заразы, / Огня и золота страна» [Зенкевич: 64]. Исключительность новой (искомой) земли определяется ее амбивалентностью: она источник смерти и кладезь богатств. «Огонь» и «золото», будучи принципиально значимыми параметрами художественного мира Зенкевича, здесь репрезентируют то откровение о сущности универсума, к которому стремится эллинский владыка, то есть мыслятся очистительной идеей абсолютной царственности в пределах земной реальности.

Далее лирический повествователь, сообщая исторический факт – военные столкновения греческой армии с индийским царем Пором и его поражение [Арриан: 174–176], акцентирует внимание на столкновении завоевателей с иной, непонятной им реальностью: «И Пор бежал с нестройным скопом, / Но были греки смущены, / Когда вдруг ринулись галлопом, / В шеренгу выстроясь, слоны» [Зенкевич:

64]. Бегство боевых слонов, давно известных воинам Александра, здесь предстает знаком действия тех животно-природных сил, которые, будучи неведомы человеку, вселяют в него сомнения в своей «царственной» правоте и властности. «Смущение греков» – это знак их соприкосновения с тайной бытия, которая раскрывается в принципиально чуждых реалиях:

Все было странно – средь болота
 Рабами запряженный плуг;
 И пестрых тигров позолота,
 Краснеющая сквозь бамбук

[Зенкевич: 64].

«Странность» чужого мира коренится в его природной сущности, которая недоступна цивилизованно-культурному пониманию греков: вспахиваемые болота индексируют соприкосновение с эмпирической материей, призванное дать не буквальные, а духовные плоды. В свою очередь, «тигры» предстают знаком угрожающего величия природы и синтеза в ее недрах материи и духа, что определяется цветовыми маркерами изображения индийских животных. В «Дикой порфире» «красное» и «золотое» являются концептуально выраженными цветами, символизирующими дихотомию плоти и духа. По наблюдениям Лекманова, в стихотворениях Зенкевича происходит соединение «темы плотского (красного) и духовного (золотого – такого близкого к красному и одновременно – такого далекого от красного)» [Лекманов: 22]. Соответственно, в рассматриваемом тексте «тигры» демонстрируют подобный природный синкретизм отелесненной духовности («краснеющая позолота»), что можно воспринимать как зооморфное явление витальных сил материи и своеобразное «приглашение» к глубинным основаниям бытия.

Индия видится землей ритуальной причастности первозданной тварной энергии мироздания, в которой человек – не субъект, а органичная часть самодвижения универсума: «И девушки – их поступь строже / Медлительной походки жриц, / Но, как у змей, отливы кожи / И, точно когти, сгиб ресниц. // Зачем, как в шумные Афины, / Ораторы и мудрецы, / Бегут в леса учить брамины – / Полубезумные жрецы?.. [Зенкевич: 64] Индийские девушки и жрецы неведомых культов предстают проводниками иного бытия, которое недоступно греческому (антропоцентрическому) сознанию, а потому вызывает его сопротивление, выражаемое сквозным движением сквозь таинственные земли Индии и «затемнением» тайны «весельем»: «И через тинистые реки / И желтый, как парча, туман / С веселым шумом плыли греки / Вниз по течению в океан» [Зенкевич: 64]. Принципиально важным здесь оказывается акцентирование «океана» как цели пространственных устремлений греческих завоевателей. Во-первых, согласно историческим свидетельствам, Александр Македонский

именно выход к океану мыслил глубинной интенцией своего похода, желая замкнуть круг обитаемых земель вокруг центра своей империи (собственного «я»). Во-вторых, мифопоэтически «океан» олицетворяет «источник всей жизни», сущность «динамических сил и переходных состояний между стабильностью (твердью) и бесформенностью (воздухом или газом)» [Кирло: 301]. В этом отношении поход античного царя к океану через Индию можно рассматривать в качестве экзистенциально неудачной попытки человеком постичь сущность универсума: духовный «океан» так и остается непознанным.

Однако движение к реально-географическому океану не освобождает греков-завоевателей от влияния таинственных сил внешне завоеванной, но внутренне не освоенной земли:

Но часто – призраки прорицаний –
Им виден был на берегу
Брамин, нирвану созерцаний
Привывший в пламенном кругу.

Сгущался воздух испареньем,
Гудели древние леса,
И греки туже со смущеньем
Натягивали паруса

[Зенкевич: 64–65].

«Пламенный круг» брамина, причастного органике мироздания, с одной стороны, свидетельствует об очищающих «целостности, непрерывности, первоначальном совершенстве» и об «отрицании пространства и времени» [Купер: 160], то есть едином бытии как таковом, вне человеческих категорий, а с другой – указывает на пространственное «замыкание» чужаков-греков в географическом кружении по миру. Здесь вновь акцентирован мотив прорицания, инициировавший сюжетостроение текста и теперь предстающий концептуальным параметром субъектной «точки зрения»: повествователю открывается перспектива предопределенности судьбы героя (царя Александра), которую он и его сподвижники не сознают. При этом акцентированное «смущение» греков (теперь уже покидающих Индию) индексирует то глубинное проникновение в их души таинственных природных сил, которые они не в состоянии постичь. Поход Александра в Индию внешне предстает сугубо геополитическим действием, но внутренне он зарождает (хотя еще и не реализует) осознание «темного родства» с природными первоначалами.

Примечательно, что данное стихотворение носит посвящение Гумилеву, в поэзии которого к 1909 году уже сформировался устойчивый интерес к Индии как оккультно-эзотерическому центру мира. Так, в гумилевском стихотворении «Северный Раджа» (1908) акцентирована возможность облагораживания и одухотворения европейской земли посредством явле-

ния в ней индийского мироощущения (ср.: «Легко стогореть и встать иными, / Ступить на новую межу, / Чтоб встретить в пламени и дыме / Владыку севера, Раджу» [Гумилев: 206]). Проповедуемая Гумилевым «Индия Духа» в рецепции Зенкевича оборачивается иной – хтонической – стороной своего бытия. Соответственно, диалог с идеологом акмеизма-адамизма поэт ведет в направлении не столько духовных, сколько материально-сакральных практик индуистского проникновения в сущность мироздания: в отличие от гумилевского Северного Раджи, сознающего духовный смысл своего прихода в Европу, зенкевичский «безумец Александр» вторгается в Индию, не понимая своей неготовности постичь тайны этой земли, то есть первоистоки макрокосма. В этом отношении Раджа Гумилева – носитель сакрального, а Александр Зенкевича – профанного начала в антропологическом освоении универсума.

Однако во 2-й части стихотворения ситуация существенно меняется. Здесь эксплицируется ментальное и физическое состояние царя Александра по возвращении из индийских земель:

Поход закончен. И от устья
С добычей флот повел Непарх,
Но страшен в ярости и грусти
На буйных оргиях монарх

[Зенкевич: 65].

Именно в этой точке нарративного развертывания сюжета происходит трансформация бытийного самоопределения героя. Лирический повествователь эксплицирует трансгрессию сознания Александра, которая определяет его эмоциональную дивергенцию, при которой «ярость» и «грусть» предстают не оппозицией, а комплиментарными друг другу состояниями «я». Македонский царь из условного «безумца», возжелавшего покорить вселенную (в 1-й части стихотворения) превращается в подлинного безумца, утрачивающего границы между явью и сном. При этом именно Индия мыслится истоком сумасшествия Александра: «Отравленный страной чумной, / Ее дыханием сожжен, / Он ночью криком, как безумный, / Все гонит прочь какой-то сон» [Зенкевич: 65].

Повествование о дальнейшем поведении владыки мира, основанное на античных историографических источниках, свидетельствует о погружении его «я» в хаотический мир видений, обгагранных кровью и небытием:

И на пирах стрелой звенящей –
Нежданных молний острее –
В руке царя сверкает чаше
Окровавленное копье

Он с колесницы грозным взглядом
Еще влечет через пески

Отравленные скрытым ядом
Свои тяжелые полки

[Зенкевич: 65].

Индийский поход Александра продолжается в его микрокосме, в котором «пески» предстают знаком той ментальной бездны, в которую погружается царственная личность, смешивающая прошлое и настоящее, витальное и мортальное, бытие и небытие. «Отравление» сущностью чужой земли, дважды акцентированное в тексте, здесь оказывается знаком не только «царственного» безумия, но и антропологического сдвига в целом – от покоя к потрясению: не только Александр, но и все его воины, побывавшие в Индии, отравлены «скрытым ядом», то есть приобщением к глубинным ритмам миропорядка.

По мысли П.А. Чеснялис, безумие Александра Великого здесь являет не движение к познанию «темной» сущности миропорядка, «но его результат», когда «наступившее прозрение приводит к гибели субъекта, вместо того чтобы утвердить его в мире» [Чеснялис: 105]. Нам представляется, что логика Зенкевича здесь разворачивается не столь прямолинейно. Конечно, царь, прозревающий сущность мира, терпит крах, но какой и как?

Повествователь не сообщает о смерти царя Александра (о ней рассказывают многие античные историки), но намечает онтологический маршрут к ней. С одной стороны, это резко нарушает нарративную логику развертывания текста, так как редуцируется свойственная наррации пространственно-временная дистанция между позицией повествователя и событиями и усиливается свойственная лирическому дискурсу «архитектоническая» дистанция «между внутренним и внешним аспектами бытия» [Тюпа: 116]. С другой стороны, для лирического субъекта принципиально важно ограничить свое не историческое, а онтологическое «всеведение» и показать не умирающее, а ментальную агонию царя. Поэтому он моделирует грядущее, в котором в предстоящей смерти Александра Великого уже не различимы аспекты времен, и провиденциальное видение итогов бытийного движения человеческого «я» равноценно настоящему обезумевшего царя: «Но не Ворота Геркулеса – / Пределы покоренных стран, / Ворота темного Айдеса / Ему откроют океан» [Зенкевич: 65].

«Океан» здесь очевидно высвечивает бытийную семантику, лишаясь природно-географических значений и всецело представая сущностью первоматерии, переход к которой осуществляется посредством рефлексивного постижения земных деяний. Географическая карта мира («Ворота Геркулеса»), которой определялся жизненный путь Александра, сменяется мифологической («Воротами темного Айдеса»), на которой начертан путь к природно-хтоническому состоянию универсума. При этом в финальной стро-

фе стихотворения акцентировано то катастрофическое состояние миропорядка, которое уготовано постигнутому «темное родство» царю:

Уже, измученный страстями,
Бесславно пал Гефестион,
И просмоленными стенами
Вдали чернеет Вавилон

[Зенкевич: 65].

Смерть Гефестиона – ближайшего соратника и друга царя – предстает бытийной предтечей грядущего Александра. В этом отношении «чернеющий вдали» Вавилон можно воспринимать не только как место исторической смерти царя, но и как знак той бездны, которая ожидает безумца, познавшего суть отношений между человеком и природой, по-своему и потусторонним, микрокосмом и макрокосмом. Вавилон в поэтике Зенкевича в целом мыслится средоточием телесно-материального начала в человеческой истории (ср.: стихотворения «Человек», «Вавилон», «Навуходоносор»), здесь же он – предстает физическим («черным») маркером погружения в первозданный хаос. При этом принципиально важно то, что лирический повествователь не переходит границы своей антропологической явленности, то есть не стремится представить бытие человека «за гранью», по ту сторону «чернеющего Вавилона». Смерть и ее преобразующее действие для него остаются такими же бытийными тайнами, как и для героя его повествования – Александра Великого. Адамизм Зенкевича, концептуализирующий действие первоматерии хаоса в космосе, фиксирует переход границы не между мирами («этим» и «тем»), а между состояниями «я» (явью и сном, действительностью и химерами безумия), антиномичность которых и порождает возможность приобщения к сущностным основаниям мироздания.

Итак, лирический диптих Зенкевича «Поход Александра в Индию» свидетельствует о восприятии поэтом мировой истории и деяний ее царственных вершителей как антропологического постижения природно-стихийных первоначал миропорядка. Человек в своем историческом движении не только не овладевает материей, но, напротив, подчиняется воздействию ее первозданной сущности. В нарративной структуре стихотворения, состоящей из двух сюжетно-смысловых частей, вскрывается глубокий механизм такого подчинения «темным» бытийным основаниям универсума. Если в 1-й части текста, повествующей о соприкосновении Александра Македонского и его армии с завоевываемой ими индийскими землями, эксплицируется приближение к границе неведомой (природно-мистической) области мира, то 2-я часть репрезентирует глубокие следствия такого контакта, то есть превращение внешних тайн чужой страны во внутренние «тем-

ные» тайны человеческого «я». Попытка завоевания Индии царем Александром оборачивается поражением («отравлением») его личности первородным хаосом и ведет героя к безумию. Соответственно, лирический нарратив в данном стихотворении вскрывает семантическую инверсию в рецепции поэтом индийского похода античного владыки мира: вторжение в природно-географически и социокультурно иное пространство оказывается погружением в бездны собственного микрокосма, в котором проступают хтонические основания макрокосма, онтологически овладевающие душой и сознанием человека. Зенкевичский адамизм здесь предстает как исторический маршрут личности (царя) к познанию природного абсолюта мировой материи.

В формирующейся в книге «Дикая порфира» «адамистической» мифопоэтике Зенкевича «исторический» человек (потомок Адама), как бы ни был он высоко возведен событийным развертыванием тварного мира и собственной волей, неизменно оказывается «натуральным» Адамом, ощущающим свое «темное родство» с хаосом первозданности и потому ментально утрачивающим свое величие. В исторически развивающемся антропологическом космосе, в котором царь повелевает другими людьми, обнаруживается зияние хтонических бездн, превращающее человеческого властителя в раба саморазвивающихся природно-стихийных основ вселенной. Как видно, мировая история в восприятии Зенкевича мыслится принципиально важным фактором репрезентации соприкосновения человечества с таинственной силой бытийных первоначал.

Список литературы

- Арриан. Поход Александра. Москва; Ленинград: АН СССР, 1962. 382 с.
- Брюсов В.Я. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 1892–1909. Москва: Художественная литература, 1973. 672 с.
- Городецкий С.М. Некоторые течения в современной русской поэзии // Акмеизм в критике. 1913–1917 / сост. О.А. Лекманов, А.А. Чабан. Санкт-Петербург: Гуманитарная Академия; Изд-во Тимофея Маркова, 2014. С. 84–90.
- Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). Москва: Воскресенье, 1998. 501 с.
- Зенкевич М.А. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. Москва: Школа-пресс, 1994. 688 с.
- Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. Москва: Центрполиграф, 2010. 525 с.
- Кихней Л.Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. Москва: МАКС-пресс, 2001. 183 с.

Купер Дж. Энциклопедия символов. Москва: Золотой век, 1995. 402 с.

Лекманов О.А. Книга об акмеизме // Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск: Водолей, 2000. С. 7–184.

Лекманов О.А. О трех акмеистических книгах: М. Зенкевич, В. Нарбут, О. Мандельштам. Москва: Intrada, 2006. 124 с.

Панова Л.Г. Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина. Кн. 1. Москва: Водолей Publishers: Прогресс-Плеяда, 2006. 680 с.

Плутарх. Избранные жизнеописания: в 2 т. Т. 2. Москва: Правда, 1990. 608 с.

Тырышкина Е.В., Чеснялис П.А. Эстетика адамизма: лирика М. Зенкевича 1910-х годов // Идеи и идеалы. 2017. № 3 (33). Т. 2. С. 117–131.

Тюна В.И. Дискурс / Жанр. Москва: Intrada, 2013. 211 с.

Филатов А.В. Содержание понятия «адамизм» и состав адамического мифа Н.С. Гумилева // Stephanos. 2017. № 3 (23). С. 117–125.

Чеснялис П.А. Эстетика и поэтика адамизма в ранней лирике В. Нарбута и М. Зенкевича: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: НГПУ, 2015. 149 с.

Rusinko E. Adamism and Acmeist Primitivism. Slavic and East European Journal, vol. XXXII, 1988, pp. 84–97.

References

- Arrian. *Pokhod Aleksandra* [Alexander's Campaign]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1962, 382 p. (In Russ.)
- Briusov V.Ia. *Sobranie sochinenii: v 7 t. T. 1. Stikhotvoreniia. Poemy. 1892–1909* [Collected works: in 7 vols. Vol. 1. Poems. 1892–1909]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1973, 672 p. (In Russ.)
- Gorodetskiy S.M. *Nekotorye techeniia v sovremennoi russkoi poezii* [Some trends in modern Russian poetry]. *Akmeizm v kritike. 1913–1917* [Acmeism in criticism. 1913–1917], ed. by O.A. Lekmanov, A.A. Chaban. St. Petersburg, Gumanitarnaia Akademiia Publ., Timofei Markov Publ., 2014, pp. 84–90. (In Russ.)
- Gumilev N.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. T. 1. Stikhotvoreniia. Poemy (1902–1910)* [Complete works: in 10 vols. Vol. 1. Poems (1902–1910)]. Moscow, Voskresen'e Publ., 1998, 501 p. (In Russ.)
- Zenkevich M.A. *Skazochnaia era: Stikhotvoreniia. Povest'. Belletristicheskie memuary* [Fairytale era: Poems. Story. The fictional memoirs]. Moscow, Shkola-press Publ., 1994, 688 p. (In Russ.)
- Kikhnei L.G. *Akmeizm: Miroponimanie i poetika* [The acmeism: the worldview and poetics]. Moscow, MAKS-press Publ., 2001, 183 p. (In Russ.)
- Kirilo J. *Slovar' simvolov. 1000 statei o vazhneishikh poniatiiakh religii, literatury, arkhitektury, istorii* [Dictionary of Symbols: 1000 Articles about the Most Impor-

tant Concepts of Religion, Literature, Architecture, History]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2010, 525 p. (In Russ.)

Kuper Dzh. *Entsiklopediia simvolov* [Encyclopedia of symbols]. Moscow, Zolotoi vek Publ., 1995, 402 p. (In Russ.)

Lekmanov O.A. *Kniga ob akmeizme* [The book is about the acmeism]. *Kniga ob akmeizme i drugie raboty* [The book is about the acmeism and other works]. Tomsk, Vodolei Publ., 2000, pp. 7-184. (In Russ.)

Lekmanov O.A. *O trekh akmeisticheskikh knigakh: M. Zenkevich, V. Narbut, O. Mandel'shtam* [About three acmeistic books: M. Zenkevich, V. Narbut, O. Mandel'shtam]. Moscow, Intrada Publ., 2006, 124 p. (In Russ.)

Panova L.G. *Russkii Egipet. Aleksandriiskaia poetika Mikhaila Kuzmina. Kn. 1* [Russian Egypt. Alexandrian poetics of Mikhail Kuzmin. Book 1]. Moscow, Vodolei Publ., Progress-Pleiada Publ., 2006, 680 p. (In Russ.)

Plutarkh. *Izbrannye zhizneopisaniia: v 2 t. T. 2* [Selected biographies: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Pravda Publ., 1990, 608 p. (In Russ.)

Tyryshkina E.V., Chesnialis P.A. *Estetika adamizma: lirika M. Zenkevicha 1910-kh godov* [The aesthetics of adamism: lyrics by M. Zenkevich of the 1910s]. *Idei i*

idealy [Ideas and ideals], 2017, № 3 (33), vol. 2, pp. 117-131. (In Russ.)

Tiupa V.I. *Diskurs/Zhanr* [Discourse/Genre]. Moscow, Intrada Publ., 2013, 211 p. (In Russ.)

Filatov A.V. *Soderzhanie poniatiiia «adamizm» i sostav adamicheskogo mifa N.S. Gumileva* [The content of the concept “adamism” and texts of N. Gumilev containing the adamic myth]. *Stephanos*, 2017, № 3 (23), pp. 117-125. (In Russ.)

Chesnialis P.A. *Estetika i poetika adamizma v rannei lirike V. Narbuta i M. Zenkevicha: dis. ... kand. filol. nauk* [Aesthetics and poetics of adamism in the early lyrics of V. Narbut and M. Zenkevich: PhD thesis]. Novosibirsk, 2015, 149 p. (In Russ.)

Rusinko E. *Adamism and Acmeist Primitivism*. *Slavic and East European Journal*, vol. XXXII, 1988, pp. 84-97. (In Eng.)

Статья поступила в редакцию 31.03.2023; одобрена после рецензирования 12.05.2023; принята к публикации 15.05.2023.

The article was submitted 31.03.2023; approved after reviewing 12.05.2023; accepted for publication 15.05.2023.

СТИХОТВОРЕНИЕ В.А. СОСНОРЫ «ИЗ ОКНА»: СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ

Болнова Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, eka332@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4956-642X>

Аннотация. В статье анализируется стихотворение «Из окна», не вошедшее ни в одну из прижизненных поэтических книг В.А. Сосноры. Машинописный текст хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга и не был доступен ни широкому кругу читателей, ни исследователям творчества Сосноры. Важность опубликования данного произведения связана, в частности, с тем, что в 2018 году (за год до смерти автора) издательством «Пальмира» было выпущено три книги произведений Сосноры под его редакцией. Может сложиться ошибочное мнение, что данные книги вобрали в себя все наследие автора, тем самым не будет своевременно поставлен вопрос о необходимости подготовки полного академического собрания сочинений Сосноры. Опубликование ранее неизвестных произведений способствует решению данной проблемы. В рамках проведенного исследования выполнен подробный филологический анализ стихотворения «Из окна». Проанализированы фонетический, морфологический, синтаксический уровни, мотивно-образная система, проблематика текста. Выявлены значимые для понимания аллюзии и реминисценции. В результате была выдвинута гипотеза, согласно которой стихотворение Сосноры, с формальной точки зрения не уступающее опубликованным текстам, не вошло в прижизненные сборники, поскольку оно диссонирует с автобиографическим мифом автора.

Ключевые слова: В.А. Соснора, архивные материалы, филологический анализ текста, соснороведение.

Для цитирования: Болнова Е.В. Стихотворение В.А. Сосноры «Из окна»: структура и содержание // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 95–101. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-95-101>

Research Article

VICTOR SOSNORA'S POEM "FROM THE WINDOW": STRUCTURE AND CONTENT

Ekaterina V. Bolnova, Candidate of Philology Sciences, Lobachevsky Nizhni Novgorod State University, Nizhniy Novgorod, Russia, eka332@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4956-642X>

Abstract. The article analyses the poem "From the Window", which was not included in any of the lifetime poetry books by Victor Sosnora. The typewritten text is kept in the Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg and was not available to a wide range of readers or researchers of Victor Sosnora's creative work. The importance of publishing this work is connected, in particular, with the fact that in 2018 (a year before the author's death) Palmira Publishing house published three books of Victor Sosnora's works under his editorship. There may be an erroneous opinion that these books have absorbed the entire legacy of the author, thereby the question of the need to prepare a complete academic collection of Victor Sosnora's works will not be raised in a timely manner. The publication of previously unknown works contributes to solving this problem. Within the framework of the conducted research, a detailed philological analysis of the poem "From the Window" was performed. The phonetic, morphological, syntactic levels, the motif-figurative system, the problematic of the text are analysed. Allusions and reminiscences significant for understanding are revealed. As a result, a hypothesis was put forward according to which Victor Sosnora's poem, from a formal point of view not inferior to the published texts, was not included in lifetime collections, since it dissonates with the author's autobiographical myth.

Keywords: Victor Sosnora, archival materials, text philological analysis, Sosnora studies.

For citation: Bolnova E.V. Victor Sosnora's poem "From the Window": structure and content. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 95–101 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-95-101>

В.А. Соснора часто в интервью, дневниках и текстах, претендующих на определенную автобиографичность, указывает, что далеко не все его произведения были опубликованы. Многие были сожжены, утеряны, отброшены. Тем не менее часть бумаг Сосноры избежала печальной участи и по воле автора оказалась в архивах. В данный момент представляется сложным однозначно определить, что послужило причиной, по которой ряд текстов Сосноры не был издан, почему они не вошли в прижизненные сборники, не были опубликованы в журнальных подборках. Возможно, требовательного автора не удовлетворил эстетический уровень написанных стихотворений, возможно, произведения были инородны по отношению к циклам, создававшимся в то же время, возможно, тексты послужили черновиками для других замыслов. Так или иначе, в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) хранится законченное машинописное стихотворение, которое, однако, не было опубликовано до сего времени. Это стихотворение «Из окна».

В целом поэтике Сосноры посвящен ряд значимых работ. Поэтический язык автора исследует Л.В. Зубова [Зубова 2004; Зубова 2010], стихотворные тексты – И.Е. Лошилов [Лошилов 2021; Лошилов 2022а; Лошилов 2022б; Лошилов; Соснора 2022а; Лошилов, Соснора 2022б], художественный мир в целом – А.Ю. Арьев [Арьев 1993; Арьев 2001; Арьев 2011], Я. Гордин [Гордин], В. Новиков [Новиков] и другие филологи. Анализ стихотворения «Из окна», самодостаточный в научном отношении, позволит вместе с тем, во-первых, ввести его в сферу литературоведческих исследований творчества Сосноры («соснороведения») и, во-вторых, выдвинуть гипотезу о причинах, по которым он не был опубликован, но и не был уничтожен. Приведем его текст, сохранившийся в архиве ЦГАЛИ СПб. Он представляет собой машинописный лист без рукописных авторских правок.

Из окна

Окна в окна... Эй, жинь,
гондолу, вожжу!
Это же этажи.
Пятый. Здесь я живу.
Ход Рострального льва
воспитует умы,
на деревьях дуна
белая, как усы!
у Э – похи есть О,
у Народа есть шаг,
у Поэта – перо,
а у рыб? а у шляп?
Выйду ль я на карниз,
молодец, ой ты гой!..

И удариться вниз.
головой – булавой!

[ЦГАЛИ СПб: 1]

Анализ других авторизованных машинописных текстов, хранящихся в архивах Сосноры в ЦГАЛИ СПб, показывает, что при их просмотре автор вносил, как правило, незначительные правки, чаще всего технического характера. Обоснованным видится предположение, что в 7-й строке присутствует опечатка: требуется читать вместо «на деревьях дуна» – «на деревьях луна», а в строке 5-й «Рострального льва» следует читать как «Рострального льва».

Заглавие стихотворения Сосноры перекликается с произведением А. Белого «Из окна вагона», написанным в 1908 году и входящим в цикл «Пепел» сборника «Россия». При первом прочтении обращает на себя внимание, что стихотворение Сосноры, несмотря на некоторые синтаксические и стилистические приметы, свойственные поэзии XX века, восходит к стихотворной традиции начала XIX века: описание внешней реальности становится отправным пунктом для философских размышлений автора. Показательным примером служит стихотворение А.С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». Так, в первых двух строках текста Сосноры фиксируются предметы окружающей действительности, данные через призму авторского взгляда из окна. Данный прием также является не новаторским: подобным образом построено стихотворение А.А. Фета, характерна подобная оптика для Серебряного века. Она представлена в текстах А. Белого, А. Блока, Б. Пастернака, в эмигрантской лирике, например у В. Ходасевича. Автор точен в деталях, характерных для типичного петербургского вида: это и дворы-колодцы, в которых окна упираются друг в друга, и многочисленные петербургские львы, ставшие символом города, это упоминание гондол, метонимически указывающих на каналы и реки Санкт-Петербурга. В описании Санкт-Петербурга Соснора обыгрывает сравнение города с Венецией. Важна и отсылка к уже упоминаемым гондолам, являющимся одной из самых опознаваемых примет Венеции, и к Ростральным колоннам на стрелке Васильевского острова. Никаких львов на самих колоннах, правда, нет, есть только маски львов на спусках к Неве с причальными кольцами для швартовки кораблей. Объяснить нестыковки в строках Сосноры несложно, если принять во внимание уравнивание Санкт-Петербурга и Венеции, актуализированное в тексте «Из окна». В Венеции колонна со львом Святого Марка функционально тождественна одной из Ростральных колонн.

Однако конкретика названного «вида из окна» в стихотворении Сосноры является ложной, мнимой. Уже в этих первых строках текст построен на ассоциациях в большей степени, чем на фактах реальности. Так, в первой строфе значимыми являются аллитерации

рация и ассонанс, которые, по сути, организуют весь фрагмент текста. Начинается произведение с ассонанса на «о», к нему присоединяется ассонанс на «а». В последующих строках два указанных вида ассонансов переплетаются и сохраняются до последней строки: «головой – булавой». В первой строфе аллитерация на «ж» образует ассоциативную связь слов «жизнь», «этажи», «вожжу», «живу», само расположение которых также образует смысловое кольцо: «жизнь» – «живу». В последующих строфах аллитерация резко меняется: автор активно использует слова с сонорными звуками «р», «л», «н». Эта тенденция опять же сохраняется до последней строки. Все это работает на создание эффекта замкнутого, очерченного пространства за окном, несмотря на кажущуюся открытость. Усиливает данный эффект и использование Соснорой в заключительной строке рифмующихся слов, различающихся лишь двумя начальными звуками, да и то незначительно, так как «г» и «б» относятся по способу образования к смычно-взрывным согласным, а по участию голоса и шума – к звонким.

Интересной особенностью стихотворения Сосноры «Из окна» является практически полное отсутствие в нем прилагательных. На 16 строк приходится лишь одно прилагательное «белая» в составе сравнительного оборота: «на деревьях луна // белая, как усы!». Таким образом, автор снова обманывает читательские ожидания, предлагая описание фактически без описания. Прилагательные позволяют конкретизировать предметы и явления, выделяя их из ряда подобных. Соснора избегает этого, по сути, на новом витке повторяя ту же идею безысходности и обреченности мира на бесконечное повторение, заявленную в стихотворении Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...».

Продолжая разговор о морфологическом уровне стихотворения, необходимо отметить также малый удельный вес глаголов по сравнению с существительными. Их всего 5, что, естественно, привлекает к ним повышенное внимание: «живу», «воспитует», «есть» в значении «имеется в наличии» 2 раза, «выйду ль», «удариться». Очевидно, что в контексте стихотворения первый и последний глаголы противопоставлены по смыслу, то есть являются контекстуальными антонимами. Из ряда общеупотребительных глагольных форм, используемых автором в стихотворении, выбивается устаревшая форма «воспитует», стилистически отсылающая к классицизму XVIII века с его стремлением к нормативности. Она же обозначает геометрическую строгость Санкт-Петербурга, непреклонную волю Петра I. Можно сказать, что сама форма глагола указывает на то, в каком контексте происходит воспитание умов жителей города. Тема власти появляется уже в первой строфе: «Окна в окна... Эй, жи- // знь, гондолу, вожжу!». Во втором предложении

опущена грамматическая основа «я вижу» и даны лишь три однородных дополнения, стоящих в винительном падеже. Вожжа традиционно воспринимается как символ власти, подавления. Именно такое значение зафиксировано во фразеологизме «Натянуть вожжи».

Местоимение «я» обрамляет стихотворение, появляясь в первой и последней строфах в сочетании с двумя глаголами, обозначающими действие или возможное действие: «живу» и «выйду ль», за которыми следует инфинитив «удариться». То есть в стихотворении мы видим убывание активного начала, связанного с проявлением витальности героя. Утверждение собственного бытия, даже несколько избыточное с морфологической точки зрения, поскольку форма глагола сама указывает на 1-е лицо ед. ч., зафиксировано в первом примере: «Здесь я живу». Логическое ударение в данном предложении с инверсированным порядком слов падает на наречие места. Все это усиливает субъектное начало, утверждает сам факт присутствия героя в мире. Вопросительная частица «ль» во втором случае в свою очередь ослабляет активность субъекта, то есть действие может быть совершено, а может и не реализоваться в действительности. Кроме того, само местоимение «я» находится в слабой позиции в предложении. Наконец, у инфинитива в третьем случае отсутствует категория лица и склонения, за счет чего отсутствуют также и отношения со временем, и отношения с субъектом. Иначе говоря, общая направленность в стихотворении связана с движением от активной субъектности, от утверждения бытийности к исчезновению субъекта как активного деятеля.

С точки зрения морфологии большую часть стихотворения занимают существительные, которые можно разделить на несколько смысловых групп. В первых, это конкретная лексика, обозначающая предметы реального мира: «окна», «этажи», «деревьях», «луна», «усы», «льва», «гондолу», «вожжу», «карниз», «головой», «булавой», «рыб», «шляп», «перо», «поэта», «шаг». Значение всего лишь нескольких существительных носит абстрактный характер: «умы», «эпохи», «народа». Однако конкретность, вещьность, зримость существительных обманчива, она постоянно разрушается либо внутренней логикой стихотворения, либо их использованием в рамках приемов и средств художественной выразительности, основанных на переносе значения. Так, первые две строфы плотно связаны по смыслу с петербургским мифом, сложившимся в XIX – начале XX вв. в русской литературе. В рамках обозначенной семантической парадигмы любые приметы реального Санкт-Петербурга приобретают дополнительные смыслы, то есть перестают восприниматься как конкретные, размываясь в том числе и за счет постоянного нало-

жения образов Санкт-Петербурга и Венеции. Даже, казалось бы, однозначное указание на конкретный этаж – пятый – не обязательно должно прочитываться только в прямом значении. Достаточно вспомнить одно из центральных произведений, формирующих тот самый петербургский миф – «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского (высоко ценимое Соснорой), в котором количество этажей в каждом случае играло важную роль, становясь символом. Раскольников снимал комнату «... под самой кровлей высокого пятиэтажного дома...» [Достоевский: 5], что совпадает с местом, в котором живет герой стихотворения Сосноры. Символика числа пять весьма различна в разных культурах, интересной представляется интерпретация, согласно которой это число человека, являющегося посредником между Богом и Вселенной, так как человеческая фигура вписана в пентаграмму: голова властвует над четырьмя частями тела (например, в трактате «Оккультная философия» Корнелия Агриппы). Кроме того, это число Вселенной с пятью элементами: огонь, воздух, вода, земля и эфир – особый космический элемент, позволяющий раскрыть тайны Вселенной и повелевать стихиями. Подобные символические и культурологические прочтения не отменяют возможности указания на конкретное жилье, располагавшееся на пятом этаже, но позволяют расширить контекст, сделав реальность менее определенной и конкретной.

Третью строфу организует зевгма, однако данная фигура речи используется не в классическом виде, когда слово, образующее однотипные смысловые сочетания, во втором случае опускается, а в несколько «усиленном» виде за счет того, что «общее» слово повторяется дважды в первых двух строках и опускается в третьей. В четвертой строке синтаксическая структура максимально редуцируется за счет исчезновения и сказуемого, и подлежащего, что опять же работает на ослабление субъектности в рамках стихотворения:

у Э – похи есть О,
у Народа есть шаг,
у Поэта – перо,
а у рыб? а у шляп?

Написание слов «Эпоха», «Народ» и «Поэт» с заглавной буквы опирается на семантический принцип, что предполагает надделение их особой патетикой или символикой. Данные существительные называют субъекты истории, которые так или иначе вовлечены в орбиту споров и обсуждений того, что же или кто же влияет на историческое развитие. Соснора отвергает мысль об ограниченности круга исторических субъектов, способных влиять на важные процессы. При этом общий принцип организации однородных членов соответствует принципу нисходящей градации: эпоха – народ – поэт – рыба – шляпа. Таким об-

разом, автор поднимает значимый вопрос о месте каждого в истории, о значимости и ценности существования всего, что нас окружает.

В последнем четверостишии интересным является употребление существительных «голова – булава» в последней строке. С одной стороны, автор реализует страшную метафору: самоубийца, падающий головой вниз, ударяется о землю головой так же, как бьют булавой в бою. Кроме того, сама форма булавы с шаровидным навершием похожа на фигуру человеческого тела с прижатыми к туловищу руками и головой, венчающей его. С другой стороны, в данном сопоставлении угадывается и метонимия: как навершие является разящей, несущей смерть частью булавы, так и мысли, преследующие человека (традиционно «помещаемые» в голове), несут смерть и окружающему миру, и самому человеку. В-третьих, возвращаясь к теме власти и подавления, необходимо отметить, что булава уже с XVII века воспринимается не столько как оружие, но как символ власти (фельдмаршальский жезл, гетманская булава).

Синтаксис стихотворения Сосноры «Из окна» типичен для поэтических текстов автора и характеризуется использованием парцелляции, эллипса, авторских тире, риторических восклицаний, тяготением к неполным предложениям. Наибольший интерес представляет вариант анжамбемана в первых двух строках. Так, автор использует внутрисловный перенос, при котором граница между стихами разрезает слово:

Окна в окна... Эй, жи-
знь, гондолу, вожжу!

В данном случае «эффект буксира» (tugging effect), заключающийся в том, что внутрисловный перенос ускоряет движение взгляда читателя к следующей строке (Д.В. Кузьмин, В.П. Москвин), не столь актуален, тем более что перенос осуществлен с нарушением правил русского языка, согласно которым нельзя переносить на другую строку часть слова, не составляющую слога. Более важным видится семантический принцип использования данного приема применительно к слову «жизнь»: он наглядно показывает разорванность жизни, ее дисгармоничность.

Приведенный имманентный анализ позволяет определить проблематику стихотворения Сосноры «Из окна». Это произведение о кризисе жизни, о тяжелых суицидальных мыслях, возникающих у героя при взгляде из окна. Интересно, что строки: «Выйду ль я на карниз, // молодец, ой ты гой!..» представляют собой довольно интересное и сложное соединение сразу нескольких реминисценций. Во-первых, фраза «выйду ль я» в сознании русского человека довольно явно ассоциируется с русской народной песней:

Пойду ль я, выйду ль я, да,
Пойду ль я, выйду ль я, да,

Во дол, во долинушку, да,
Во дол, во широкую

[Соколов: 16].

Песня эта о неразделенной женской любви, финал которой в перспективе видится достаточно печальным:

Я у молодца сижу, да,
Я на молодца гляжу, да,
Скажи, душа, скажи, свет, да,
Скажи, любишь али нет?
Скажи, душа, скажи, свет, да,
Скажи, любишь али нет? – да,
«Я любить-то не люблю, да,
Наглядеться не могу!»

[Соколов: 16]

Во-вторых, устойчивое сочетание слов «выйти в окно» со значением «покончить жизнь самоубийством» явно служит одним из источников соответствующей строки Сосноры.

В двух финальных строках автор удерживает напряженное читательское внимание за счет сразу нескольких приемов. Прежде всего стоит сказать о грамматической ошибке, намеренно допущенной поэтом: «И удариться вниз. // головой – булавой!». Нарушена сочетаемость глагола «удариться». «Вниз» можно «броситься», «сигануть», «прыгнуть» – выбор подходящих по смыслу глаголов велик, однако Соснора через нарушение законов русского языка проводит мысль о нарушении законов самой жизни в акте самоубийства. Известно, что сразу несколько близких Сосноре людей покончили с собой, что стало тяжелым испытанием для поэта. Это и его первая жена Марина Яковлевна Вельдина, и Лиля Брик, сыгравшая немалую роль в судьбе поэта. Синтаксический рисунок двух последних строк также построен на замедлении, несмотря на использование коротких строк. Служит этому и парцелляция (точка в конце предпоследней строки), и авторское тире в последней строке.

Отдельно следует разобрать вопрос о причинах, которые подталкивают героя к самоубийству, что напрямую связано и с причиной, по которой, как нам кажется, данный текст не был опубликован Соснорой. Несмотря на часто встречающуюся ироничность и даже саркастичность текстов, поэт гуманистичен. Сосноре не был свойственен пацифизм, напротив, во многих текстах можно увидеть очарованность автора силой, смелостью, удалством. Однако поэт, признавая власть силы (зачастую моральной, творческой, а не физической), не признает власть насилия, подавления без морального обоснования. Соснора в интервью подчеркивал, что не интересуется политикой, властью, думается, это отчасти связано с тем, что любая власть для него была связана с ограничением, установлением рамок, в которые автор не хотел себя загонять. Именно в данном ключе мо-

жет быть интерпретирована строка «У Э – похи есть О». Звук [о] в слове эпоха является ударным, наверное, имеется в виду, что у каждой эпохи есть «ударное» определяющее событие или совокупность таких событий. Неизбежность власти и принуждения, ограниченности жизни, ее безжалостности к «малым сим» в контексте исторического развития – все это становится причиной, по которой у героя стихотворения возникают мысли о самоубийстве. Однако поэтика Сосноры базируется на утверждении витальности, а стихотворение «Из окна», будучи удачным с точки зрения формы, могло быть воспринято автором как отступление от мифа о самом себе – человеке неслышимой силы воли, полном жизненной энергии. Крайне аккуратно и только в качестве непроверенной гипотезы можно выдвинуть предположение, что это послужило причиной, по которой текст не был автором напечатан при жизни.

Проведенная работа позволяет включить стихотворение «Из окна», неизвестное ранее широкому кругу филологов, в круг исследованных текстов Сосноры.

Список литературы

- Арьев А.Ю.* Арфография: О прозе Виктора Сосноры, опубликованной и неопубликованной // *Согласие*. Москва, 1993. № 3. С. 112–117.
- Арьев А.Ю.* Ничей современник: (Виктор Соснора: случай самовоскрешения) // *Вопросы литературы*. Москва, 2001. Вып. 3. С. 14–30.
- Арьев А.Ю.* Дон Соснора де Сааведра (Поэтический мир Виктора Сосноры) // *Петербургская поэзия в лицах: очерки*. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. С. 96–113.
- Гордин Я.А.* Литературные варианты исторических событий – что это такое? // *Соснора В. Властители и судьбы: Литературные варианты исторических событий*. Ленинград: Советский писатель, 1986. С. 3–7.
- Грехнев В.А.* Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород: Нижний Новгород, 1994. 469 с.
- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 6. Ленинград: Наука, 1973. 424 с.
- Зубова Л.В.* Древнерусский язык в поэтическом отражении: Виктор Соснора // *Теоретические проблемы языкознания*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 596–606.
- Зубова Л.В.* Языки современной поэзии. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. 384 с.
- Кудрявцев О.Ф.* Агриппа Неттесгеймский // *Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1*. Москва: Мысль, 2010. 744 с.
- Кузьмин Д.В.* План работ по исследованию внутрисловного переноса // *Новое литературное обозрение*. 2003. № 59. С. 392–409.
- Лоцилов И.Е.* О стихотворении Виктора Сосноры «Трое»: Замечания к разбору // *Во власти куль-*

туры и текста: сб. науч. трудов к юбилею д-ра филол. наук, проф. Г.П. Козубовской. Барнаул: АлтГПУ, 2021. С. 378–388.

Лоцилов И.Е. Поэзия и дидактика: о стихотворении Виктора Сосноры «Тоска по родине» // Сибирский филологический журнал. 2022а. № 1. С. 101–112.

Лоцилов И.Е. К разбору стихотворения Виктора Сосноры «Разлука звериного лая со страхом совиным...» (1966) // Критика и семиотика. 2022б. № 1. С. 366–379.

Лоцилов И.Е., Соснора Т.В. Асеев о Сосноре – Соснора об Асееве: к эдиционной истории книги «Январский ливень: Стихи» (1962) // Восемь великих. Москва: РГГУ, 2022а. С. 551–560.

Лоцилов И.Е., Соснора Т.В. Сибирские поэтические турне Виктора Сосноры (1960-е гг.) // Литературный факт. 2022б. № 2 (24). С. 104–131.

Москвин В.П. Стиховой перенос и стиховое членение: к разграничению понятий // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2019. Т. 78, № 1. С. 34–52.

Новиков В.И. Против течения // Литературное обозрение. Москва, 1979. № 1. С. 41–44.

Соколов В.Г. Пойду ль я, выйду ль я: Обработки русских народных песен для детского хора без сопровождения. Москва: Музыка, 1985. 52 с.

Соснора В.А. Проза. Москва: Пальмира, 2018. 887 с.

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 824. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

Kinzie M. A poet's guide to poetry. Chicago, Univ. of Chicago press, 1999, 580 p.

References

Ar'ev A.Iu. *Arfografiia: O proze Viktora Sosnory, opublikovannoi i neopublikovannoi* [Spelling: About Victor Sosnora's prose, published and unpublished]. *Soglasie* [Agreement]. Moscow, 1993, № 3, pp. 112–117. (In Russ.)

Ar'ev A.Iu. *Nichei sovremennik: (Viktor Sosnora: sluchai samovoskresheniia)* [Nobody's Contemporary: (Victor Sosnora: a case of self-resurrection)]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 2001, vol. 3, pp. 14–30. (In Russ.)

Ar'ev A.Iu. *Don Sosnora de Saavedra (Poeticheskii mir Viktora Sosnory)* [Don Sosnora de Saavedra (The Poetic World of Victor Sosnora)]. *Peterburgskaia poeziia v litsakh: ocherki* [Petersburg poetry in faces]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie* Publ., 2011, pp. 96–113. (In Russ.)

Gordin Ia.A. *Literaturnye varianty istoricheskikh sobytii – chto eto takoe?* [Literary versions of historical events – what is it?]. Sosnora V. *Vlastiteli i sud'by: Lite-*

raturnye varianty istoricheskikh sobytii [Rulers and Destinies: Literary versions of historical events]. Leningrad, *Sovetskii pisatel' Publ.*, 1986, pp. 3–7. (In Russ.)

Grekhnev V.A. *Mir pushkinskoi liriki*. [The world of Pushkin's lyrics]. Nizhnii Novgorod, 1994, 469 p. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t. T. 6* [The complete works: in 30 vols. Vol. 6]. Leningrad, *Nauka Publ.*, 1973, 424 p. (In Russ.)

Kudriavtsev O.F. *Agrippa Nettesgeimskii. Novaia filosofskaia entsiklopediia: v 4 t. T. 1* [Agrippa Nettesheim. New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols. Vol. 1]. Moscow, *Mysl' Publ.*, 2010, 744 p. (In Russ.)

Kuz'min D.V. *Plan rabot po issledovaniiu vnutrislovnogo perenosu* [Work plan for the study of intraword hyphenation]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2003, № 59, pp. 392–409. (In Russ.)

Loshchilov I.E. *O stikhovoreniiu Viktora Sosnory «Troie»: Zamechaniia k razboru* [About Victor Sosnora's poem “Three”: Notes for analysis]. *Vo vlasti kul'tury i teksta* [In the power of culture and text]. Barnaul, *AltGPU Publ.*, 2021, pp. 378–388. (In Russ.)

Loshchilov I.E. *Poeziia i didaktika: o stikhovoreniiu Viktora Sosnory «Toska po roдинe»* [Poetry and didactics: about Victor Sosnora's poem “Homesickness”]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2022а, № 1, pp. 101–112. (In Russ.)

Loshchilov I.E. *K razboru stikhovoreniia Viktora Sosnory «Razluka zverinogo laia so strakhom sovinyim...» (1966)* [To the analysis of Victor Sosnora's poem “The separation of animal barking with the fear of an owl...” (1966)]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 2022b, № 1, pp. 366–379. (In Russ.)

Loshchilov I.E., Sosnora T.V. *Aseev o Sosnоре – Sosnora ob Aseeve: k editsionnoi istorii knigi «Janvarskii liven': Stikhi» (1962)* [Aseev about Sosnora – Sosnora about Aseev: to the traditional history of the book “January Downpour: Poems” (1962)]. *Vosem' velikikh* [Eight great]. Moscow, *RGGU Publ.*, 2022а, pp. 551–560. (In Russ.)

Loshchilov I.E., Sosnora T.V. *Sibirskie poeticheskie turne Viktora Sosnory (1960-e gg.)* [Victor Sosnora's Siberian Poetry Tours (1960s)]. *Literaturnyi fakt* [Literary fact], 2022b, № 2 (24), pp. 104–131. (In Russ.)

Moskvin V.P. *Stikhovoi perenos i stikhovoe chlenenie: k razgranicheniiu poniatii* [Verse transfer and verse division: towards the differentiation of concepts]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriia literatury i iazyka* [News of the Russian Academy of Sciences. Ser.: Literature and Languages], 2019, vol. 78, № 1, pp. 34–52. (In Russ.)

Novikov V.I. *Protiv techeniia* [Against the current]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary Review]. Moscow, 1979, № 1, pp. 41–44. (In Russ.)

Sokolov V.G. *Poidu l' ia, vyidu l' ia. Obrabotki russkikh narodnykh pesen dlia detskogo khora bez so-*

provoshdeniia [I'll go, I'll come out. Arrangements of Russian folk songs for unaccompanied children's choir]. Moscow, Muzyka Publ., 1985, 52 p. (In Russ.)

Sosnora V.A. *Proza* [Prose]. Moscow, Pal'mira Publ., 2018, 887 p. (In Russ.)

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga (TsGALI SPb) [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg]. F. 824. Op. 1. D. 4. L. 1. (In Russ.)

Zubova L.V. *Drevnerusskii iazyk v poeticheskom otrazhenii: Viktor Sosnora* [The Old Russian language in poetic reflection: Victor Sosnora]. *Teoreticheskie problemy iazykoznaniiia* [Theoretical problems of linguistics]. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 2004, pp. 596-606. (In Russ.)

Zubova L.V. *Iazyki sovremennoi poezii* [Languages of modern poetry]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, 384 p. (In Russ.)

Kinzie M. *A poet's guide to poetry*. Chicago, Univ. of Chicago press Publ., 1999, 580 p.

Статья поступила в редакцию 02.04.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 02.04.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 05.05.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 102–108. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 102–108. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(410.1).09”19”

EDN QHFRTC

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-102-108>

СПЕЦИФИКА БРАЧНЫХ СОЮЗОВ В РОМАНЕ ДЖ. ОСТИН «МЭНСФИЛД-ПАРК»

Склизкова Тина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной филологии Владимирского университета им. А.Г и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия, tinka_s@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3371-4427>

Аннотация. В центре внимания статьи – роман «Мэнсфилд-парк», в котором исследуется категория «английскости», рассмотренная через призму отношения к браку. В романе Дж. Остин браки представлены через оппозиции английскости/британскости, подлинности/симулятивности, а также характеризуются через понятия эндогамности и экзогамности. В романе Дж. Остин только один брак (Эдмунда и Фанни) можно рассматривать как воплощение подлинной английскости и, соответственно, эндогамности. Это становится возможным в первую очередь благодаря образу Фанни, чья пасторальная сущность, связанная с мотивом подлинности, оказывается очень важной для понимания «английскости».

Ключевые слова: английскость, британскость, пасторальность, эндогамность, экзогамность, подлинность, симулятивность.

Для цитирования: Склизкова Т.А. Специфика брачных союзов в романе Дж. Остин «Мэнсфилд-парк» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 102–108. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-102-108>

Research Article

THE PECULIARITY OF THE MARRIAGES IN “MANSFIELD PARK” BY JANE AUSTEN

Tina A. Sklizkova, Candidate of Philological Sciences, The Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia, tinka_s@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3371-4427>

Abstract. The article focuses on the novel “Mansfield Park”, which explores the category of «Englishness» through the prism of the concept of marriage. In the novel by Jane Austen marriages are presented through the opposition of Englishness/Britishness, authenticity/simulation, and are also through the concepts of endogamy and exogamy. In the novel by Jane Austen only one marriage between Edmund Bertram and Fanny Price can be considered as the embodiment of genuine Englishness and, accordingly, endogamy. This becomes possible primarily due to the image of Fanny, whose pastoral essence, connected with the motive of authenticity, turns out to be very important for understanding “Englishness”.

Keywords: Englishness, Britishness, pastorality, endogamous, exogamous, authenticity, simulation.

For citation: Sklizkova T.A. . The peculiarity of the marriages in “Mansfield Park” by Jane Austen. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 102–108 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-102-108>

В XVIII веке Англия стала ядром надэтнического объединения, получившего название Великобритания. Образование британской нации приводит к тому, что самобытные черты англичан как этнического сообщества постепенно сходят на нет и становятся социокультурными. В связи с этим вопросы, посвященные национальной идентичности, становятся весьма актуальными. В первую очередь они связаны с разграничением таких понятий, как «британскость» («britishness») и «английскость» («englishness»). Так, английский писатель Дж. Фаулз, разделяя понятия «английскость» и «британскость», констатирует, что для британскости значимо все, связанное с империей, в то время как английскость ассоциируется с образом сельской Англии (English countryside). О схожих вещах говорит, например, исследователь П. Парриндер [Parrinder], указывая, что английская сельская местность является «сердцевиной национальной идентичности» («heartland of national identity»).

В современном английском литературоведении «английскость» изучают в основном на примере творчества писателей XX–XXI веков: М. Форстер, И. Во, Дж. Фаулза, П. Акройда, Г. Свифта, К. Исигуро, И. Макьюэн и др. Однако можно говорить о том, что в романах Дж. Остин, написанных в начале XIX века, вопросы, связанные с понятием «английскости», также интересуют английскую писательницу.

В своих романах Дж. Остин рассматривает «английскость» в неразрывной связи с образом дома-поместья, принадлежностью к партии тори, понятием патриотизма¹, а также через категорию брака. Так, Дж.Р. Браун в «Jane Austen's Novels: Social Change and Literary Form» доказывает, что Джейн Остен – одна из первых английских романистов, которая заявила о важности и ценности брака и о его роли в социальных изменениях, происходящих в обществе [Brown].

В своей работе «Nation and novel: The English novel from its origins to the Present day» («Нация и роман», 2006) П. Парриндер, анализируя творчество Дж. Остин, использует понятия «эндогамные» и «экзогамные» браки. Хотя эти термины были введены в английский язык только в 1865 году шотландским ученым Дж.Ф. Мак-Леннаном, тем не менее их можно применить к роману Дж. Остин.

В словаре Мюррея (The Oxford English Dictionary) дается определение термина эндогамный: «the custom of marrying only within the limits of a clan or tribe» («обычай вступать в брак только в пределах клана или племени») [Murray]. Исследуя роман Дж. Остин и применяя к нему понятия, введенные Дж.Ф. Мак-Леннаном, можно отметить, что для английской писательницы особую ценность приобретают именно эндогамные браки, которые представля-

ют собой союзы, заключенные между людьми одной видовой группы, одних взглядов и обладающих схожими ценностями. Таким, например, показан союз Эммы и мистера Найтли из романа «Эмма». Этот брак можно назвать эндогамным не только потому, что Эмма и мистер Найтли принадлежат к одному сословию, богаты и у них общий круг общения. Дело еще и в том, что у них одинаковые ценности, убеждения, схожие моральные принципы. Именно такой брак помогает, по мысли Дж. Остин, сохранить истинную «английскость».

В противоположность этим бракам в романах английской романистки можно использовать, по словам П. Парриндера, и термин экзогамность [Parrinder: 189]: «the custom by which a man is bound to take a wife outside his own clan or group» («обычай, по которому мужчина обязан брать жену не из своего клана или группы») [Murray]. Экзогамные браки представляют собой союз противоположных взглядов, как политических, так и моральных. Основной характеристикой подобных браков является мысль о заключении брака за пределами определенной социальной группы, что, по мнению Дж. Остин, сопряжено с различного рода опасностями. Одним из ярких примеров такого брака является союз мистера и миссис Беннет из романа Дж. Остин «Гордость и предубеждение». В романе указывается, что мистер Беннет взял себе в жены женщину ниже своего социального положения, очарованный только ее молодостью и красотой, не разобравшись хорошо в ее моральных принципах, не увидев недостатка ее ума и отсутствие чувства такта. Именно по этой причине этот брак и оказывается несчастливым.

Используя термины Дж.Ф. Мак-Леннана, можно говорить о разных категориях брака в романе Дж. Остин «Мэнсфилд-парк» («Mansfield park», 1811–1814).

Первый союз, на который стоит обратить внимание – брак сэра Томаса и леди Бертрам. Этот брак похож в чем-то на союз Беннетов. Так, в самом начале романа указывается, что мисс Марии Уорд посчастливилось пленить сэра Томаса Бертрама: «...Miss Maria Ward, of Huntingdon, with only seven thousand pounds, had the good luck to captivate Sir Thomas Bertram, of Mansfield Park, in the county of Northampton» («Мисс Марии Уорд из Хантингдона, располагавшей всего семью тысячами фунтов, посчастливилось очаровать сэра Томаса Бертрама из Мэнсфилд-парка в графстве Нортгемптон») [Austen 2018]. Об этой фразе рассуждает подробно В. Набоков в своих «Лекциях по зарубежной литературе». Однако он говорит только об одной стороне – о мещанском счастье Марии Уорд. Следует указать и на другую сторону этой женитьбы – жена сэра Томаса не просто ниже его по социальной лестнице, она не подходит ему по складу

характера. Она слишком вялая и эгоистичная. В выборе такой жены сэр Томас, по словам П. Парриндера, проявляет слабость, и можно добавить, что также он игнорирует отсутствие ведущих категорий «английскости», связанных с чувством долга и пониманием семьи [Parrinder: 189]. Сэр Томас при выборе жены не обратил внимания на отсутствие важных и нужных для семейного счастья качеств. Он руководствовался одним только видимым эффектом, который смогла произвести на него мисс Уорд. На протяжении всего романа Леди Бертрам так и сохраняет только этот один видимый эффект английской дамы определенного сословия.

Стоун Лоуренс в своей книге «Семья, секс, брак в Англии 1500–1800» («The family, sex, marriage in England 1500-1800», 1979) говорит о том, что в конце XVIII века сформировалось представление об идеально образованной женщине из поместного дворянства и буржуа. Образ идеальной жены предполагал, что женщина должна была быть достаточно образованной, чтобы вести интеллектуальный и дружеский разговор с мужем, находить время на решение хозяйственных вопросов, а также заниматься образованием детей, чтобы обеспечить их правильные суждения в будущем: «She was a well-informed and motivated woman with educational training and the internalized desire to devote her life partly to pleasing her husband and providing him with friendship and intelligent companionship, partly to the efficient supervision of servants and domestic arrangement and partly to educating her children in ways appropriate for their future» [Stone]. Если это описание применить к леди Бертрам, то можно увидеть, что она не отвечает ни одному пункту. На протяжении всего романа она не оказывает поддержки мужу, в романе не показывается ни одного интеллектуального или дружеского разговора между супругами. То же самое касается воспитания детей. Леди Бертрам ими совершенно не занимается, оставляя их образование на попечение гувернантки, а остальную заботу берет на себя миссис Норрис, выезжая с ними и подыскивая им удачные партии. Хозяйство леди Бертрам также не интересуется. Роль хозяйки дома зачастую играет миссис Норрис, с которой сэр Томас часто советуется в начале романа. Думается, что Леди Бертрам не просто не подходит под образ идеальной жены, а предстает в образе антижены, разрушая тем самым важный для остиновского понимания концепт «семья».

Можно говорить о том, что видимый эффект, который только и могла предложить красота Леди Бертрам, влияет на мировоззрение сэра Томаса. В самом начале романа сэр Томас только похож на прекрасного отца и мужа, заботливого хозяина поместья. Кажется, что он воплощает собой подлинную английскость, однако это лишь видимость.

Сэр Томас считает, что его самый главный долг как главы семьи заключается в заботе о материальном благополучии своего дома и расширении своего политического влияния. Он не задумывается о том, что будет с его семьей без него, не задумывается, как это повлияет на духовное развитие его дочерей. Поэтому сэр Томас спокойно уезжает в Антигуа, оставляя своих детей на попечение миссис Норрис и своей жены, полностью уверенный в том, что они позаботятся о семье. Он думает только о соблюдении внешних приличий. Именно в этом проявляется его «британское» мировоззрение. Его вина заключается в том, что ослепленный красотой Леди Бертрам, он не понимает, какой вред может причинить пагубное влияние миссис Норрис и апатия Леди Бертрам. Неслучайно Дж. Фаулз в своем эссе «Быть англичанином, а не британцем», размышляя о понятиях «английскости» и «британскости», указывал, что «красно-бело-синяя Британия (то есть Британия)... препятствует настоящему и, что хуже всего, все еще затмевает Зеленую Англию» [Фаулз: 146]. Именно это и происходит с сэром Томасом: британские ценности заслоняют в его душе подлинные английские представления о доме и семье.

Таким образом, неразумная женитьба на Леди Бертрам приводит к тому, что сэр Томас довольно долго руководствуется симулятивными ценностями, забывая о таких важных для англичанина категориях, как дом и семья. Если применить остиновское понимание «английскости», то можно отметить, что в начале романа сэр Томас ведет себя как представитель либеральной партии вигов, у него доминирует имперское сознание британца. Он предстает как британец, а не англичанин. Именно под воздействием этого сознания сэр Томас соглашается на страшный брак между своей дочерью и мистером Рашуотом.

Интересно отметить в этом плане размышления самой Марии о предполагаемой свадьбе. Мэрилин Батлер в своей книге «Джейн Остин и война концепций» («Jane Austen and the war of ideas», 1937) указывает, что Мария, всю жизнь думающая только о себе, понимает, что у нее есть обязанность «duty» – найти хорошую партию [Butler: 225]. «Being now in her twenty-first year, Maria Bertram was beginning to think matrimony a duty... it became, by the same rule of moral obligation, her evident duty to marry Mr. Rushworth if she could» («Будучи девушкой 21 года, Мария Бертрам начала думать о замужестве как об обязанности... по тому же правилу морального долга сочла своей обязанностью выйти замуж за мистера Рашуота, если удастся») [Austen 2018].

Думается, что подобные размышления Марии указывают на стремление только к видимости семейного счастья, которое сформировалось у старшей дочери сэра Томаса именно под воздействием брака

ее родителей и влияния миссис Норрис. Брак Марии оказывается несчастлив, так как у нее при прекрасном образовании отсутствуют фундаментальные подлинные понятия о чести, долге, нравственности. О ее духовном развитии, о натуре не заботились. Леди Бертрам была слишком вялая для этого, а сэр Томас был поглощен своими собственными делами. Поэтому можно говорить о том, что союз сэра Томаса и леди Бертрам повлиял на заключение страшного брака между Марией и мистером Рашуотом.

Взаимодействие понятий «английскость» и «британскость» можно проследить и на примере так называемых потенциальных браков, которые могли бы произойти в романе. Речь идет о союзах между Эдмундом и Мэри Крофорд, а также между Фанни и мистером Крофордом.

Стоит отметить, что брат и сестра Крофорды появляются в Мэнсфилд-парке как бы извне, из города. Именно из-за отсутствия отца в семье как образа бога на земле происходит сближение двух семейств. Неслучайно Мэрилин Батлер в своей книге «Джейн Остин и война концепций» называет Крофордов разрушительной силой. С образами Крофордов можно говорить о традиционном пасторальном противопоставлении города и деревни, где город олицетворяет собой все самые страшные пороки, а деревня предстает как идиллическое место, мифологема земного рая. В тексте романа это также связано с оппозицией спокойный/шумный (*quiet/noisy*).

До Крофордов в Мэнсфилд-парке всегда царил покой. Так, например, когда приезжает сэр Томас, Эдмунд жалеет, что они перестают видеться с Крофордами, и что их вечера стали менее оживленными: «...would enliven us, and make our evenings pass away with more enjoyment even to my father.» («Они (Крофорды) оживили бы нас и сделали бы наши вечера более приятными даже для моего отца») [Austen 2018]. Эдмунд, находясь под влиянием Мэри Крофорд, не ценит той тишины и спокойствия, которые были раньше. Фанни же ему доказывает, что всегда в Мэнсфилд-парке было тихо и спокойно. И что раньше никто не жаловался на скуку и тишину: «I think he values the *very quietness* you speak of, and that the *repose* of his own family circle is all he wants. <...> As well as I can recollect, it was always much the same» («Я думаю, он (сэр Томас) ценит ту самую тишину, о которой вы говорите, и что покой в собственном семейном кругу – это все, чего он хочет. <...> Насколько я могу вспомнить, всегда было примерно одно и то же») [Austen 2018]. Здесь проявляется одна из категорий пасторального – сельское уединение, которое, по словам Е.П. Зыковой, «требует душевных сил, самодисциплины и хорошо обдуманного устройства своей жизни, в частности узкого отобранного круга друзей» [Зыкова 80]. Зыкова при-

водит в пример стихотворение Каупера, где как раз и говорится о двух сторонах уединения, которое может быть святилищем, а может предстать в образе могилы, если слишком легкомысленно неправильно его толковать. «Fog solitude... seeming a sanctuary, proves a grave» [Зыкова: 80–81]. Такой могилкой кажется Мэнсфилд-парк Эдмунду без Мэри. Герой уже не может наслаждаться сельским уединением, его тянет в Лондон к Мэри.

Именно приезд Крофордов вносит шум, гам и разлад в семейство Бертрамов: устраивается театр, Эдмунд поступает своими принципами, разрушается брак Марии Бертрам. В тексте романа Крофорды представлены как нарушители пасторального хронотопа. Это очень хорошо подчеркивается фразой Мэри Крофорд, которая сама себя и своего брата определяет как «шумные»: «when your cousin come back he will find Mansfield park very quiet: - all the noisy ones gone, your brother an mine and myself» («когда ваш двоюродный брат вернется, он найдет Мэнсфилд-парк очень тихим: весь шум уйдет, ваш брат, мой и я») [Austen 2018]. Таким образом, приезд Крофордов, их вторжение в жизнь Бертрамов оказывается связано с разрушением сельской жизни в Мэнсфилд-парке, с разрушением подлинной «английскости». По мнению Т. Тэннера, именно в таких людях, как Крофорды, Дж. Остин видит угрозу устоям английского общества. Эта угроза, как указывает исследователь, идет не извне (не из Франции), а она внутри нации и заключается в «дурном» понимании своего долга, в низкой нравственности и пороках тех, кто несет ответственность за сохранение и обновление социального порядка. Поэтому, как пишет Тэннер, романы Дж. Остин, изображающие «хорошие манеры» – это своего рода политических послы, связанный со стремлением сохранить английскую нацию [Tanner].

Однако важно и то, что под воздействием Мэнсфилд-парка происходит обратный процесс – влияние на Крофордов. Они по-настоящему и искренне влюбляются. Это происходит неслучайно, так как пасторальный хронотоп воздействует на людей, даже когда они приходят извне. Об этом говорил М.М. Бахтин, который указывал, что в пасторальном романе изображается не абстрактно-чужой мир, а, напротив, «свой», «родной». И даже герой, приехавший из города, узнает его как «свой», «родину души» [Бахтин]. Это происходит с Крофордами. Например, Мэри Крофорд, понимая, что она должна искать себе мужа только среди богатых старших сыновей, начинает ценить в младшем сыне сэра Бертрама благородство, чувство такта, умение поддержать беседу. В конце романа указывается, что Мэри осознает, что никогда она не встречала такого утонченного человека, как Эдмунд: «...for Mary... was long in finding... any one who could satisfy the better taste she had acquired at

Mansfield, whose character and manners could authorise a hope of the domestic happiness she had there learned to estimate» («...ибо Мэри... долго искала... кого-нибудь, кто мог бы удовлетворить ее улучшившийся вкус, приобретенный ею в Мэнсфилде, чей характер и манеры могли бы дать надежду на семейное счастье, которое она там научилась ценить») [Austen 2018].

Происходят подобные изменения и в Генри Крофорде. Изначально желая только поразвлечься, он по-настоящему влюбляется в Фанни и даже решает на ней жениться. Ради Фанни он добывает звание лейтенанта для ее брата, собирается ехать в свое поместье, чтобы решить вопрос с недобросовестным управляющим, хочет снять им дом рядом с Мэнсфилд-парком, понимая, что Фанни нельзя увозить далеко. Все это указывает, что он понимает всю сущность Фанни. Получается, что Генри Крофорд настолько меняется, что смог разглядеть внутреннюю составляющую Фанни, ее пасторальное мировоззрение, то есть «особую точку зрения на действительность и прежде всего на то, что мы называем сельской жизнью» [Шайтанов: 47]. Именно эту пасторальность сумел разглядеть и полюбить Генри в Фанни, и готов был изменить свою жизнь ради нее.

Таким образом, можно говорить о том, что потенциальные браки с Эдмундом и Фанни выявляют все лучшее, что есть в Крофордах. Когда они начинают задумываться об этих браках, то лучшая их часть просыпается. Ориентируясь на остиновское понимание «английскости», в них просыпается скрытый за британской составляющей англичанин.

Важно отметить, что подобные размышления происходят только в пасторальном пространстве и только при общении с пасторальными героями. Как только Крофорды оказываются за пределами Мэнсфилд-парка, они вновь возвращаются к себе прежним. Мэри начинает холодно и пренебрежительно общаться с Эдмундом, когда они встречаются в Лондоне, а мистер Крофорд, не привыкший думать о других, забывает об обещаниях, данных Фанни, и остается в Лондоне, чтобы снова завоевать миссис Рашуот. Получается, что у Крофордов была возможность изменить свою жизнь, заключить настоящий, подлинный эндогамный брак, однако в силу своего воспитания и влияния Лондона они упускают эту возможность. Более того, применяя концепцию Дж. Остин, можно говорить о том, что в них побеждает именно британец, а не англичанин. Попав в город, почувствовав все его влияние, они полностью забывают о своей подлинной натуре, Лондон затмевает «Зеленую Англию» в их душе.

Ко всем ранее перечисленным бракам может быть применен термин «экзогамность», поскольку герои вступают в брак или предполагают вступить в брак с людьми другого склада и мировоззрения. В рома-

не только один брак можно рассматривать с позиции эндогамности и воплощения подлинной английскости. Это брак Эдмунда и Фанни. Этот брак, по словам Щепиной, можно рассматривать как «символ объединения собственности и приличия, модель их гармонии» [Щепина].

Выбирая себе в жены Фанни, Эдмунд прекрасно осознает, насколько уместным и счастливым будет этот брак, насколько они подходят друг другу, ведь у них одинаковые взгляды на самые важные вещи. Оба они выбирают деревенскую жизнь вместо городской, у обоих одинаково развито чувство долга и ответственности, они понимают роль и функцию профессии сельского священника. Эта профессия очень важна для Дж. Остин, так как именно с ней связываются понятие «патриотизм» и подлинная «английскость».

Вступая в брак, они не преследуют никаких корыстных целей, в отличие от Леди Бертрам или Марии Бертрам, а женятся как раз для того, о чем говорит Ветенхол Вайлкс: «with a design to be each other's mutual comfort and entertainment» («с мыслью о взаимном комфорте и о проведении досуга друг с другом») [Stone]. Видимо, именно поэтому отношения Эдмунда и Фанни лучше всего подходят под описание идеальных отношений, о которых говорила Эстер Шапон – создательница книг о поведении женщин. Эстер Шапон в середине XVIII века подытожила общее мнение об идеальных отношениях между мужем и женой: «I believe it... absolutely necessary to conjugal happiness that the husband have such an opinion of his wife's understanding, principles an integrity of heart as would induce him to exalt her of his fires and dearest friend» («Я считаю, что... для супружеского счастья абсолютно необходимо, чтобы муж был такого мнения об уме, принципах и чистоте сердца своей жены, которые побудили бы его превозносить ее как своего лучшего и самого дорогого друга») [Stone]. Именно такое отношение Эдмунда к Фанни можно наблюдать в романе. Показательно, что с самого начала они изображаются очень близкими людьми. Именно Фанни Эдмунд поверяет тайну своего сердца и у нее же он спрашивает совета по поводу мисс Крофорд. То есть Фанни, даже не являясь женой Эдмунда, – очень близкий ему человек, чье умственное превосходство он признавал, даже будучи влюбленным в мисс Крофорд.

Женясь на Фанни, Эдмунд прекрасно осознает ее пасторальное начало. С образом Фанни связано ощущение покоя, которое так важно для пасторального пространства. Ярче всего это проявляется в сцене бала. Эдмунд совершенно измучен своим танцем с Мэри Крофорд. Хотя Мэри весь вечер была весела, он не чувствует себя спокойно и комфортно «...but it was not her gaiety that could do him good: it rather sank

than raised his comfort» («...но не ее веселость могла принести ему пользу: она скорее подавляла, чем повышала его комфорт») [Austen 2018]. Во время этих двух танцев, которые они протанцевали, между ними происходила постоянная борьба на почве разных взглядов. Их танец больше похож на войну, чем на бал: «she had absolutely pained him by her manner of speaking of the profession to which he was now on the point of belonging» («она причинила ему сильную боль своей манерой говорить о профессии, к которой он теперь был близок») [Austen 2018].

Когда же на том же балу Эдмунд танцует с Фанни, даже будучи влюбленным в мисс Крофорд, он знает, что с Фанни ему не нужно притворяться, с Фанни он обретет этот покой и комфорт, в котором нуждается: «But with you, Fanny, there may be peace» («Но с тобой, Фанни, будет спокойно»). «Peace» в данном случае можно рассматривать и как «мир» в противовес «войне», которую Эдмунд вел с мисс Крофорд, и в то же время как «спокойствие». Эдмунд и Фанни вместе с ним испытывают счастье от того, что наконец-то младший сын сэра Томаса может отдохнуть: «His mind was fagged, and her happiness sprung from being the friend with whom it could find repose» («Его разум был измучен, а ее счастье происходило из того, что она была другом, с которым он мог найти покой») [Austen 2018].

Пасторальная сущность Фанни связана и с мотивом подлинности, который оказывается очень важным для понимания «английскости».

Несмотря на молчаливость героини, ее нельзя сравнивать с Леди Бертрам, которая тоже редко разговаривает. Однако если Фанни молчит, это не значит, что она апатична, у нее происходит огромная внутренняя работа. Она прекрасно анализирует и разбирается в характерах героев, сразу же понимает, что представляет собой Генри Крофорд, в отличие от всех остальных она видит его истинную сущность. Также она решительно отказывается участвовать в театральной постановке, несмотря на уговоры и угрозы миссис Норрис, так как героиня уверена в том, что это неправильно.

Фанни четко понимает, что является подлинным, а что симулятивным. Она не мечется, как другие герои (как, например, Эдмунд, который весь роман разрывается между своим чувством к Мэри и своим желанием стать священником). Поэтому и к браку героиня Дж. Остин относится определенным образом: она предполагает брак только с человеком, которого она полюбит. В романе, таким образом, она противопоставлена всем женщинам: и Мэри Крофорд, и дочерям сэра Томаса, и его жене, и миссис Норрис. Они ценят только видимость прекрасного брака, рассматривают его как обоюдную сделку, в отличие от Фанни, которая искренне любит, по-

нимает, ценит своего мужа Эдмунда. Образ Фанни поэтому оказывается связан с противопоставлением подлинного, то есть английского, симулятивному – британскому.

В связи с этим можно заключить, что союз Эдмунда и Фанни оказывается воплощением английскости. Это особенно подчеркивается в конце романа, когда восстанавливается пасторальный хронотоп в Мэнсфилд-парке. Сэр Томас изгоняет все чужеродные элементы из поместья (Ращуотов, Крофордов, миссис Норрис), пересматривает свои взгляды, начинает ценить преимущество таких браков, каким является брак между его младшим сыном и племянницей. В том числе благодаря такому браку в финале поместье Мэнсфилд-парк воплощает в себе все, что связано с английским концептом «home» («дом») – оно становится некой идеальной страной Аркадией, мифологемой земного рая.

Таким образом, можно говорить о том, что тема браков оказывается одной из ведущих в романе «Мэнсфилд-парк». Дж. Остин противопоставляет брак Эдмунда и Фанни всем другим бракам в романе. Именно этот союз, по мнению писательницы, заключенный между людьми одних взглядов, внутри одной семьи, может способствовать сохранению понятия «английскости» («englishness»).

Примечания

¹ См.: Склизкова Т.А. Авторское представление об английскости («englishness») в романе «Мэнсфилд-парк» Дж. Остин.

Список литературы

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. Москва: Худож. лит., 1975. С. 234–407. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronotop9.html (дата обращения: 15.08.2022).

Ерохина Ю.Е. Концепт «английскости» в творчестве Дж. Остин: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2022, с. 22 URL: <https://www.dissertcat.com/content/kontsepty-angliiskosti-v-tvorchestve-dzheinstin/read> (дата обращения: 15.03.2023).

Зыкова Е.П. Пастораль в английской литературе XVIII века. Москва: Наследие, 1999. 256 с.

Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. Москва: Независимая газета, 1998. 512 с.

Остин Дж. Мэнсфилд парк. Москва: Фолио: АСТ, 1998. 462 с.

Созинова К.А. Эпоха Джейн Остен: английское провинциальное дворянство на рубеже XVIII–XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2017. С. 284. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/50363/1/urgu1693_d.pdf (дата обращения: 05.05.2023).

Фаулз Дж. Кротовые норы: сб. / пер. с англ. И. Бессмертной, И. Тогоевой. Москва: АСТ, 2004. 702 с.

Шайтанов И.О. Мыслящая муза. «Открытие природы» в поэзии XVIII века. Москва: Прометей: МГПИ им. В.И. Ленина, 1989. 260 с.

Щепина О.Н. Семантика художественного пространства в романе Джейн Остен «Мэнсфилд-парк»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2001. URL: <https://www.dissercat.com/content/semantika-khudozhestvennogo-prostranstva-v-romane-dzhein-osten-mensfild-park> (дата обращения: 04.02.2023).

References

Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike* [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1975, pp. 234–407. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronotop9.html (access date: 15.08.2022). (In Russ.)

Erokhina Iu.E. *Kontsept «angliiskosti» v tvorchestve Dzh. Ostin* [The concept of Englishness in J. Austen's novels]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2022, pp. 22. URL: <https://www.dissercat.com/content/kontsepty-angliiskosti-v-tvorchestve-dzhein-ostin/read> (access date: 15.03.2023). (In Russ.)

Fowles J. *Krotovye nory: sbornik* [Wormholes: collection], transl. from English I. Bessmertnaja, I. Togueva. Moscow AST Publ., 2004, 702 p.

Nabokov V. *Leksii po zarubezhnoi literature* [Lectures on foreign literature]. Moscow, Nezavisimaja gazeta Publ., 1998, 512 p. (In Russ.)

Ostin Dzh. *Mensfild park* [Mansfield park]. Moscow, Folio Publ., AST Publ., 1998, 462 p. (In Russ.)

Sozinova K.A. *Epokha Dzhein Osten: angliiskoe provintsial'noe dvorianstvo na rubezhe XVIII-XIX v.* [The Jane Austen Era: English Provincial Nobility at the Turn of the XVIII-XIX century]: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2017, p. 284. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/50363/1/urgu1693_d.pdf (access date: 05.05.2023). (In Russ.)

Shaitanov I.O. *Mysliashchaia muza. «Otkrytie prirody» v poezii XVIII veka* [The thinking muse. “The discovery of nature” in the poetry of the XVIII century]. Moscow, Prometei Publ., MGPI im. V.I. Lenina Publ., 1989, 260 p. (In Russ.)

Shchepina O.N. *Semantika khudozhestvennogo prostranstva v romane Dzhein Osten «Mensfild-park»* [The semantics of Artistic space in Jane Austen's novel “Mansfield Park”]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. N. Novgorod, 2001. URL: <https://www.dissercat.com/content/semantika-khudozhestvennogo-prostranstva-v-romane-dzhein-osten-mensfild-park> (access date: 04.02.2023) (In Russ.)

Zykova E.P. *Pastoral' v angliiskoi literature XVIII veka* [Pastoral in the English eighteenth-century literature]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, 256 p. (In Russ.)

Austen J. *Mansfield park*. Moscow, Rugram, 2018. URL: <https://www.janeausten.org/mansfield-park/mansfield-park-online.php> (access date: 04.09.2022).

Austen J. *Pride and Prejudice*. Penguin Books; Reprint. Edition, 2002. URL: <https://www.janeausten.org/pride-and-prejudice/pride-and-prejudice-online.php> (access date: 10.09.2022).

Brown J.P. *Jane Austen's Novels: Social Change and Literary Form*. Cambridge (Mass.), London, 1979. URL: <https://archive.org/details/janeaustensnovel00juli> (access date: 20.09.2022).

Butler M. *Jane Austen and the war of ideas*. Oxford, Clarendon Press, 1987, 360 p.

Murray J.A. *The Oxford English Dictionary*. V. iii D-E. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.147244/page/n1149/mode/2up?view=theater> (access date: 16.09.2022).

Parrinder P. *Nation and novel: The English novel from its origins to the Present day*. Oxford, University press, 503 p.

Stone L. *The family, sex and marriage in England, 1500-1800*. New York, Harper & Row, 1979. URL: <https://archive.org/details/familysexmarriag0000ston/page/206/mode/2up> (access date: 16.09.2022).

Tanner T. *Jane Austen*. Cambridge, 1986. URL: <https://archive.org/details/janeausten00tony> (access date: 2.07.2022)

Wilkes W. *A letter of genteel and moral advice to a young lady*. London, 1746. URL: https://books.google.ru/books?id=Kco6AQAAMAJ&printsec=frontcover&hl=pl&source=gbs_ViewAPI&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (access date: 20.09.2022).

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 30.05.2023.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 18.05.2023; accepted for publication 30.05.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 109–114. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 109–114. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(73).09"20"

EDN RHRPBI

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-109-114>

РОЛЬ ОПИСАНИЙ ПРИРОДЫ В РАСКРЫТИИ ОСНОВНОЙ ИДЕИ РАССКАЗА Ш. АНДЕРСОНА «НЕВЫСКАЗАННАЯ ЛОЖЬ»

Золинова Елена Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, evz-08@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5784-9898>

Аннотация. Статья посвящена исследованию описаний природы в рассказе Шервуда Андерсона «Невысказанная ложь» и их роли в раскрытии основной идеи произведения. Описания природы в данном рассказе не просто служат фоном для происходящих в рассказе событий. Наличие эмоциональной связи между главным персонажем и природой дает автору возможность показать силу воздействия красоты окружающего пейзажа на героя. Воспоминания о прошлом, вызванные в памяти героя красотой природы, заставляют его задуматься о настоящем, что, в свою очередь, приводит его к эмоциональному срыву, чувству протеста против неудавшейся жизни. Противопоставление красоты природы и унылой человеческой жизни помогает читателю понять глубину отчаяния героя, осознающего, что он не смог реализовать свои мечты, построить жизнь по-своему.

Ключевые слова: Шервуд Андерсон, «Невысказанная ложь», короткий рассказ, природа, пейзаж, описание, противопоставление.

Для цитирования: Золинова Е.В. Роль описаний природы в раскрытии основной идеи рассказа Ш. Андерсона «Невысказанная ложь» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 109–114. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-109-114>

Research Article

THE ROLE OF DESCRIPTIONS OF NATURE IN REVEALING THE MESSAGE OF THE SHORT STORY *THE UNTOLD LIE* BY SHERWOOD ANDERSON

Elena V. Zolinova, Candidate of Sciences (Philology), associate professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, evz-08@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5784-9898>

Abstract. The article deals with the descriptions of nature in the short story “The Untold Lie” by Sherwood Anderson and their role in revealing the story’s main idea. In the story under consideration, the descriptions of nature do not merely serve the purpose of creating a background for the events. Unveiling the emotional bond between the protagonist of the story and the landscape around him, the author shows the reader how much the character is affected by the beauty of nature. Recollections of the past evoked by a beautiful landscape around him make the protagonist think about his present life, which results in a feeling of frustration leading to an emotional outburst, a protest against life. The contrast between the beauty of nature and the ugliness of people’s lives helps the reader understand the depth of the protagonist’s despair caused by his unrealized dreams and his inability to be master of his own life.

Keywords: Sherwood Anderson, “Untold Lie”, short story, nature, landscape, description, contrast.

For citation: Zolinova E.V. The role of descriptions of nature in revealing the message of the short story “The Untold Lie” by Sherwood Anderson. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 109–114 (In Engl.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-109-114>

The collection of short stories *Winesburg, Ohio*, which is often referred to as a cycle of stories or a fragmentary novel, has been the center of attention of readers and literary critics for more than a hundred years since the date of its publication in 1919. One of the earliest voluminous criticisms devoted to the works of Anderson appeared in 1927. In the preface to his book, N. Bryllion Fagin outlined Anderson's method as a storyteller: "The art of Sherwood Anderson has expressed itself in terms of stories of certain people, insignificant to readers with a differing standard of selection, but significant to him. Life has brought to him an understanding of these people against the background of the forces that have moulded their lives. He has found expression for his own personality in the telling of their simple stories" [Fagin: x].

Since then, there have appeared numerous research papers, monographs, and articles studying various aspects of Anderson's literary heritage, many of which concentrate on *Winesburg, Ohio*, undoubtedly one of the most prominent books by Anderson. Among them are works by American authors: John E. Basset, who reviews Anderson's short fiction and novels; Forrest L. Ingram, who conducts a thorough analysis of the cycle *Winesburg, Ohio*, focusing on the narrator's role, the author's writing style, and some other aspects of the book; Robert A. Papinchak, who demonstrates "the links between the author's fiction and his life, the relationship between various stories" in the cycle, dwells on "Anderson's innovations in the field of short fiction"; Bruce Falconer, who focuses on "how *Winesburg, Ohio* changed American literature" [Basset: 63–87; Ingram: 143–178; Papinchak: 20–28; Falconer].

In the articles published in the Russian language, the scholars have given attention to various problems related to *Winesburg, Ohio*: intertextual links in the stories of the cycle [Idilova]; the system of characters, including grotesque personages [Saryvelli; Varlamova 2007; Vetoshkina, Mikhova]; psychological insight of the author [Morozkina; Pinaev 2013, 2019]; search of national identity [Varlamova 2014]; the author's role in a fragmentary novel [Marianovskaia 2020]; chronotopy as organizing principle in the cycle [Atlas]; Russian translations of the stories [Beliaeva; Marianovskaia 2019, 2021]. There are papers in different languages on symbolism in Anderson's stories [Astvatsurov: 219–225; Ingram: 179–191; Odeh].

The above-mentioned papers and a great number of others devoted to Anderson's *Winesburg, Ohio* prove the fact that the book and problems raised in it remain topical in philological research. Deeply studied as it is, this area of modern philology still provides material for profound and extended research on numerous aspects of Anderson's short fiction.

In the present article we have sought to analyze descriptions of nature in *The Untold Lie* from the short

story cycle *Winesburg, Ohio*, as well as show what role they play in revealing the message of the story.

In *Winesburg, Ohio* by S. Anderson [Anderson: 25–119] we frequently come across descriptions of nature around Winesburg. Very often it's the fields around the town. The story *Sophistication* opens with a description of Winesburg's environs. "On the Trunion Pike, where the road after it left the town stretched away between berry fields now covered with dry brown leaves, the dust from passing wagons arose in clouds". "The dust rolled away over the fields and the departing sun set it ablaze with colors" [Anderson: 109]. Thus the scene is set for the event the townspeople have been waiting for – the Winesburg County Fair.

In *Loneliness* Anderson describes the woods and the gardens George Willard passes by on his way to the meeting place with Enoch Robinson. "In the woods in the darkness beyond the Fair Ground water dripped from the black trees. Beneath the trees wet leaves were plastered against tree roots that protruded from the ground". "In gardens back of houses in Winesburg dry shriveled potato vines lay sprawling on the ground" [Khrestomatia: 86]. The sight of nature in rainy weather sets George in a sad mood and prepares him for listening to the story of Enoch Robinson.

But landscapes do not only serve the purpose of providing a background against which the events in the stories take place. In *The Untold Lie* [Anderson: 94–99] descriptions of nature play an important role in revealing its message.

The protagonist of the story, Ray Pearson, is a farm hand. He works in a field in the midst of nature. Interestingly, he does not usually take any notice of it as he is very busy working. The author points out that he is a man with "shoulders rounded by too much and too hard labor". Nevertheless, there are three scenes in the story in which the landscape around Winesburg affects the mood of the protagonist and helps us understand his character and the problem weighing heavy on his soul.

The first case occurs when Ray and Hal, "his fellow employee", are standing in the field in which they have been working, and Hal is telling Ray about his affair with Nell Gunter. Talking to Hal, Ray straightens his back and looks across the fields. What he sees produces a great impression on him: he "was affected by the beauty of the country".

Why is the impression so deep? The picture of the country in the fall reminds him of his youth, the time when he was happy, when "on such days he had wandered away in the woods to gather nuts, hunt rabbits, or just loaf about and smoke his pipe". These activities enumerated by the author illustrate what kind of happiness it was. He seemed to enjoy being alone and doing things adolescents like to do.

What strikes the reader in every mention of the beauty of the country is that it awakens a spirit of protest in Ray.

To understand why the beauty of the country, on the one hand, evokes pleasant recollections of the past and, on the other hand, a spirit of protest, we must consider the subject of the conversation introduced by Hal. He wants to discuss his own problem as, according to his words, he “got Nell Gunter in trouble”. The euphemism *trouble* used by Hal suggests that she is pregnant and he doesn't know what to do. Metaphorically, he speaks about marriage, which is “*the right thing to do*”, as about getting “*harnessed up and driven through life like a horse*”. He is afraid of losing his freedom and taking responsibility for the family.

The fact is that Ray was in a similar situation when he was younger, and that situation was also associated with nature as he dated his future wife in the woods. The author resorts to the euphemism *something had happened* to explain the reason for Ray's marriage: the girl became pregnant, and Ray did what was considered the *right* thing to do. It explains the feeling of protest as he was forced to marry by circumstances and by the conventions of society, and his married life differed greatly from the carefree pastime he had been used to when he was a youth.

Thus we come to an understanding of the problem – the marriage that has become a heavy burden for him. The family is very poor; they live in “*a tumble-down frame house*” and their six children are described by the author as “*thin-legged*”, which suggests poor nutrition. As a result, Ray has to work hard, but the reader can suppose that being a farm hand, an unqualified season worker, he doesn't earn enough to provide for such a big family. Can he give the *right* advice to Hal, as he is dissatisfied with his own life and the decision he made years ago?

The second case where the author mentions the beauty of the country occurs in the middle of the story when Ray's wife comes to fetch him home after work. Several times Ray raises his eyes and sees “*the beauty of the country in the failing light*”, but no pleasant memories are evoked. On the contrary, every time he sees the beauty of the country, negative feelings arise in him. He feels like doing something terrifying: “*shout or scream or hit his wife with his fists*”. To explain Ray's reaction, the author resorts to the indirect method of characterization, giving examples of the characters' behavior and speech. On the way home Ray “*trudged behind his wife*”, which indicates his inferior position in the family. It is the wife who comes to the barnyard and calls him, supposedly telling him it is time to go home. In the author's speech and the wife's own speech, we come across the modal word *want*, expressing strong volition: “*she only wanted him to go into town for groceries*”, “*as soon as she had told him what she wanted*”, “*I want you to hustle*”. The imperative quality of the wife's speech is strengthened by the usage of the modal expression *have got to*: “*you've*

got to get to town and back in a hurry”. The author says that she began to scold. She reproached Ray for being slow. The idea of reproach is expressed with the help of the adverb *always* modifying the verb *putter*, used in the Present Continuous Tense: “*You're always puttering*”, “*Why are you always puttering?*” To emphasize Ray's subjugation to his wife, the author introduces the scene in the house in which the wife goes to the bedroom and fetches three silver dollars for Ray to buy some food.

Ray is humiliated by his inferior position. Looking at the beauty of the country, the latter being associated with youth and freedom, arouses a feeling of protest in him – a protest against his very hard life, against the wife who bosses him around, against the responsibility for the children crying bitterly because of the lack of food. But he can't do anything. He doesn't dare. He only “*looked hard at his wife's back*.”

The third scene in which the beauty of the country is mentioned takes place at the end of the story, when Ray is on his way to town. This description is the most detailed of the three, which emphasizes the importance of the scene. In its description, the author uses the adjective *lovely*, which has a positive connotation (“*the scene that lay before him was lovely*”). The description of the hills and bushes is also positive: “*All the low hills were washed with color and even the little clusters of bushes in the corners of the fences were alive with beauty*”. We can understand that everything around is beautifully colored by the glow of the setting sun. The word *alive* is used three times by the author: Anderson resorts to climax, saying that the bushes “*were alive with beauty*”, “*he and Hal had suddenly become alive when they stood in the corn field*”, and now “*the whole world seemed to Ray Pearson to have become alive with something*”. By *something* the reader can understand beauty, freedom, mutual understanding, and harmony.

Again, as before, Ray's reaction to the beauty of nature is a feeling of protest. He begins to run through the field, and “*as he ran he shouted a protest against his life, against all life, against everything that makes life ugly*”. Anderson employs climax again to bring the reader to the question: “*What makes life ugly?*” He juxtaposes the beauty of nature, which gives people a feeling of freedom and harmony, with the ugliness of people's lives. It's people themselves who make their own lives ugly by doing the wrong things and making the wrong decisions. Following the rules of the society they live in makes people feel unhappy, as the society dictates them to do the *right* things, but not what people want.

To underline the contrast between Ray's desires and the reality he lives in, Anderson gives the reader examples of the jobs Ray dreamed of doing before he married. “*He hadn't wanted to be a farm hand*”, but he wanted to “*go west*” and there he “*would go to sea and be a sailor or get a job on a ranch and ride a horse into*

Western towns, shouting and laughing and waking the people in the houses with his wild cries". Why think of these jobs in particular? Being a sailor or a cowboy are jobs for strong and independent men; they are jobs without women and without the politics of a small town. In his dreams, he wanted to be his own man, but in reality he is shy, humble, and weak-willed. Even in his youth, he preferred to walk in the woods alone instead of mingling with people.

Now he thinks of himself as a victim and accuses everyone around him of his failures in life. In the first scene, he accuses God and life: "*Tricked by Gad*", "*tricked by life and made a fool of*". In the second scene, he feels like beating his wife and taking it out on her by doing it. In the third scene, he accuses even his own children of being a burden for him, calling them "*accidents of life*" and imagining "*their hands clutching at him*" as if pulling him back and not allowing him to be free.

The mood of the protagonist is affected by the nature and by the people around him. Each time he contemplates nature, he recollects the past and feels frustrated about the present. Symbolically, the mood of the protagonist changes as soon as he loses connection with the beauty of the nature around him. At the end of the story, it becomes dark: "*...and then his form also disappeared into the darkness of the fields*". The beautiful landscape is no longer seen in the dark, which may symbolize Ray's reconciliation with his life. He even finds something pleasant in it: "*As he went some memory of pleasant evenings spent with the thin-legged children in the tumble-down house by the creek must have come to his mind*". No wonder Ray fails to give advice to Hal when he meets him in town. Ray's own feelings are confused; he seems not to know what the *right* thing is. Was his own decision made years before right or wrong?

The message of this story correlates with the author's idea of truth, which, in the course of time, becomes a lie [Anderson: 27]. Hal must choose his own truth, while Ray's truth, whatever it may be, has become a lie. Thus emphasizing a strong bond between the beauty of nature and the mood of the protagonist, Anderson managed to prove to the reader that the character's feeling of frustration is caused by the inconsistency between the dreams and desires of his youth and his miserable and pathetic life in the present. The realization of his inability to go his own way prevented Ray from telling a lie to his young friend.

Список литературы

- Андерсон Ш. Избранные рассказы: сборник / сост. В.И. Бернацкая. Москва: Прогресс, 1982. 352 с. (На англ. яз.)
- Аствацатуров А.А. Шервуд Андерсон // Нева. Санкт-Петербург: Изд-во «Журнал "Нева"», 2011. № 10. С. 219–225.
- Атлас А.З. Хронотоп как композиционная скрепа в цикле рассказов // Герценовские чтения. Иностранные языки: сб. науч. ст.; Санкт-Петербург, 12–13 апреля 2018 года. Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. С. 36–38.
- Беляева О.Н. Русские переводы произведений Шервуда Андерсона: что потерял читатель // Перевод. Язык. Культура: материалы XI междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 29–30 мая 2020 года. Санкт-Петербург: ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2020. С. 17–21.
- Варламова Е.В. Функция сквозных персонажей в «Уайнсбурге, Огайо» Шервуда Андерсона // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2007. № 3. С. 192–195.
- Варламова Е.В. «Уайнсбург, Огайо» Шервуда Андерсона: в поисках национальной идентичности // Филология и культура. 2014. № 2 (36). С. 96–99.
- Ветошкина Г.А., Михова А.А. Персонажи-гротески Шервуда Андерсона как пример воплощения образа чудака в американской литературе XX века // Актуальные проблемы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (докторантов, аспирантов и магистрантов), Краснодар, 21 апреля 2018 года. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. С. 346–350.
- Идилова И.С. К вопросу о интертекстуальных связях в художественном тексте Шервуда Андерсона // Парадигма гуманитарных знаний начала XXI века: межкафедрал. сб. науч. трудов по лингвистике и литературоведению / Московский городской педагогический университет. Москва: Диона, 2020. С. 108–114.
- Марьяновская Е.Л. Обоснование перевода заголовков рассказов, составляющих фрагментарный роман // Иностранные языки в высшей школе. 2019. № 4 (51). С. 54–64.
- Марьяновская Е.Л. Социосемиотический подход к структуре и содержанию фрагментарного романа // Иностранные языки в высшей школе. 2020. № 4 (55). С. 72–82.
- Марьяновская Е.Л. Сохранение «социосемиотической» функции текста – предпосылка достоверности перевода // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 4 (59). С. 75–82.
- Морозкина Е.А. Вопросы психологии бессознательного в творчестве Теодора Драйзера и Шервуда Андерсона // Вестник ВЭГУ. 2008. № 1 (33). С. 131–144.
- Пинаев С.М. «Психологический флюс» и трагедия отчуждения в творчестве Шервуда Андерсона // Вестник РУДН. Сер.: Психология и педагогика. 2013. № 4. С. 29–37.

Пинаев С.М. «Портрет писателя в юности» (по книге рассказов Шервуда Андерсона «Уайнсбург, Огайо») // Юность как сюжет: статьи и материалы, Тверь, 5–7 апреля 2018 года. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2019. Вып. 7. С. 45–57.

Сарывелли Л.П. Гротеск как авторская концепция в сборнике рассказов Ш. Андерсона «Уайнсбург, Огайо» // Colloquium-Journal. 2022. № 29–1(152). С. 30–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grotesk-kak-avtorskaya-kontsepsiya-v-sbornike-rasskazov-sh-andersona-uaynsburg-ogayo/viewer> (дата обращения: 03.05.2023).

Хрестоматия по современной американской литературе (1917–1941): учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз: на англ. яз. / сост. Н.Г. Гутерман, Н.К. Полонская, Д.А. Федосеева. Москва: Высш. школа, 1974. 280 с.

Bassett John E. Sherwood Anderson: An American Career. Selinsgrove, PA, Susquehanna University Press, 2006, 133 p. URL: https://books.google.ru/books?id=DZr7pUH-2jkC&pg=PA130&dq=plays+winesburg+and+others+1937+review+theatre&pg=PA130&redir_esc=y#v=onepage&q=plays&f=false (date access: 28.02.2023).

Fagin N. Brillion. The phenomenon of Sherwood Anderson: a study in American life & letters. Baltimore, The Rossi-Bryn Company, 1927, 158 p. URL: <https://archive.org/details/phenomenonofsher0000fagi/page/n15/mode/2up> (date access: 28.02.2023).

Falconer B. Sherwood Anderson's Revolutionary Small Town. New York Times, 2019, May 8. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/08/opinion/winesburg-ohio-sherwood-anderson.html> (date access: 28.02.2023).

Ingram Forrest L. Representative Short Story Cycles of the Twentieth Century. The Hague: Mouton & Co., 1971, 227 p. URL: https://books.google.ru/books?id=f5_4AkeI2iIC&pg=PP4&ots=ZwxqbqVeEb&dq=short+story+cycle+ingram&pg=PP1&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (date access: 28.02.2023).

Odeh A. Symbolism in Sherwood Anderson's Winesburg, Ohio. International Journal on Studies in English Language and Literature (IJSELL), December 2014, vol. 2, No. 12, pp. 54-61. URL: <https://www.arcjournals.org/pdfs/ijSELL/v2-i12/10.pdf> (date access: 28.02.2023).

Papinchak Robert A. Sherwood Anderson: A Study of the Short Fiction. Twayne's Studies in Short Fiction. New York, Twayne, 1992, No. 33, 216 p. URL: <https://archive.org/details/sherwoodanderson00papi/page/n7/mode/2up> (date access: 28.02.2023).

References

Anderson Sh. *Izbrannye rasskazy: sbornik* [Selected short stories], comp. by V.I. Bernatskaia. Moscow, Progress Publ., 1982, 352 p. (In Engl.)

Astvatsaturov A.A. *Shervud Anderson* [Sherwood Anderson]. *Neva* [The Neva]. St. Petersburg, Journal „Neva” Publ., 2011, No. 10, pp. 219-225. (In Russ.)

Atlas A.Z. *Khronotop kak kompozitsionnaia skrepa v tsikle rasskazov* [Chronotope as organising principle in short story cycles]. *Gertsenovskie chteniia. Inostrannye iazyki: sb. nauch. st., Sankt-Peterburg, 12–13 apreliia 2018 goda*. [Herzen's Readings. Foreign languages. Research papers, St. Petersburg, April 12-13, 2018]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2018, pp. 36-38. (In Russ.)

Beliaeva O.N. *Russkie perevody proizvedenii Sher-vuda Andersona: chto poterial chitatel'* [Russian-language translations of Sherwood Anderson's heritage: what the reader lost]. *Perevod. Iazyk. Kul'tura: materialy XI mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Sankt-Peterburg, 29-30 maia 2020 goda* [Translation. Language. Culture. Sat. materials and research. XI intl. scientific conf.; St. Petersburg, May 29-30, 2020]. St. Petersburg, Leningrad State University named after A.S. Pushkin Publ., 2020, pp. 7-21. (In Russ.)

Idilova I.S. *K voprosu o intertekstual'nykh svyaziakh v khudozhestvennom tekste Shervuda Andersona* [On the question of intertextual connections in Sherwood Anderson's fiction]. *Paradigma gumanitarnykh znanii nachala XXI veka: mezhkafedral. sb. nauch. trudov po lingvistike i literaturovedeniiu. Moskovskii gorodskoi pedagogicheskii universitet* [The paradigm of humanitarian knowledge in the early 21st century. Interdepartmental collection of scientific papers on linguistics and literary studies, Moscow City Pedagogical University]. Moscow, Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'iu “Diona” Publ., 2020, pp. 108-114. (In Russ.)

Khrestomatiia po sovremennoi amerikanskoi literature (1917–1941): ucheb. posobie dlia in-tov i fak. inostr. iaz. [Reader in Modern American Literature (1917–1941). Teaching aid for Institutes and Faculties of Foreign Languages], comp. by N.G. Guterma, N.K. Polonskaia, D.A. Fedoseeva. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1974, 280 s. (In Engl.) Mar'ianovskaia E.L. *Obosnovanie perevoda zagolovkov rasskazov, sostavliaiushchikh fragmentarnyi roman* [The art of translating the titles of the stories from a fragmentary novel]. *Inostrannye iazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education], 2019, № 4 (51), pp. 54-64. (In Russ.)

Mar'ianovskaia E.L. *Sotsiosemioticheskii podkhod k strukture i sodержaniuu fragmentarnogo romana* [Socio-semiotic approach to structure and composition of a fragmentary novel]. *Inostrannye iazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education], 2020, № 4 (55), pp. 72–82. (In Russ.)

Mar'ianovskaia E.L. *Sokhranenie “sotsiosemioticheskoi” funktsii teksta – predposylka dostovernosti perevoda* [Preserving the sociosemiotic function of a text as a prerequisite ensuring the authenticity of translation]. *In-*

ostrannye iazyki v vysshei shkole [Foreign Languages in Tertiary Education], 2021, № 4 (59), pp. 75-82. (In Russ.)

Morozkina E.A. *Voprosy psikhologii bessoznatel'nogo v tvorchestve Teodora Draizera i Shervuda Andersona* [The psychology of the unconscious in the works of Theodore Dreiser and Sherwood Anderson]. *Vestnik VEGU* [Bulletin of the Eastern Humanities Academy of Economics and Law], 2008, № 1 (33), pp. 131-144. (In Russ.)

Pinaev S.M. "Psikhologicheskii flius" i tragediia otchuzhdeniia v tvorchestve Shervuda Andersona ["Psychological swollen cheek" and tragedy of estrangement in Sherwood Anderson's works]. *Vestnik RUDN. Ser.: Psikhologiya i pedagogika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Psychology and Pedagogy], 2013, № 4, pp. 29-37. (In Russ.)

Pinaev S.M. "Portret pisatel'ia v iunosti" (po knige rasskazov Shervuda Andersona "Uainsburg, Ogaio") [Portrait of the writer in his youth (by Sherwood Anderson's book of short stories "Winesburg, Ohio")]. *Iunost' kak siuzhet: Stat'i i materialy, Tver', 5-7 apreliia 2018 goda* [Youth as a story. Sat. materials and research, Tver, April 5-7, 2018]. Tver, Izdatel'stvo Mariny Batasovoi Publ., 2019, No. 7, pp. 45-57. (In Russ.)

Saryvelli L.R. *Grotesk kak avtorskaia kontseptsiiia v sbornike rasskazov Sh. Andersona "Uainsburg, Ogaio"* [Grotesque as the author's concept in the collection of stories "Winesburg, Ohio" by S. Anderson]. *Colloquium-Journal*, 2022, No. 29-1(152), pp. 30-33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grotesk-kak-avtorskaya-kontseptsiya-v-sbornike-rasskazov-sh-andersona-uainsburg-ogayo/viewer> (access date: 03.05.2023). (In Russ.)

Varlamova E.V. *Funktsiia skvozykh personazhei v "Uainsburge, Ogaio" Shervuda Andersona* [The function of cross-cutting characters in Sherwood Anderson's Winesburg, Ohio]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Russkaia filologiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Russian Philology], 2007, No. 3, pp. 192-195. (In Russ.)

Varlamova E.V. "Uainsburg, Ogaio" Shervuda Andersona: v poiskakh natsional'noi identichnosti ["Winesburg, Ohio" by Sherwood Anderson: in search of national identity]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2014, No. 2 (36), pp. 96-99. (In Russ.)

Vetoshkina G.A., Mikhova A.A. *Personazhi-groteski Shervuda Andersona kak primer voploshcheniia obraza chudaka v amerikanskoj literature XX veka* [Sherwood Anderson's grotesque characters as an example of the embodiment of the oddball in twentieth-century Ameri-

can literature]. *Aktual'nye problemy sovremennoi filologii: teoriia, praktika, perspektivy razvitiia: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (doktorantov, aspirantov i magistrantov), Krasnodar, 21 apreliia 2018 goda* [Current Problems of Modern Philology: Theory, Practice, and Development Prospects. Sat. materials and research. III intl. scientific conf. of doctoral, postgraduate, and master's students, Krasnodar, April 21, 2018]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2018, pp. 346-350. (In Russ.)

Bassett John E. Sherwood Anderson: An American Career. Selinsgrove, PA, Susquehanna University Press Publ., 2006, 133 p. URL: https://books.google.ru/books?id=DZr7pUH-2jkC&lpg=PA130&dq=plays+winesburg+and+others+1937+review+theatre&pg=PA130&redir_esc=y#v=onepage&q=plays&f=false (date access: 28.02.2023).

Fagin N. Brillion. The phenomenon of Sherwood Anderson: a study in American life & letters. Baltimore, The Rossi-Bryn Company Publ., 1927, 158 p. URL: <https://archive.org/details/phenomenonofsher0000fagi/page/n15/mode/2up> (date access: 28.02.2023).

Falconer B. Sherwood Anderson's Revolutionary Small Town. New York Times, 2019, May 8. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/08/opinion/winesburg-ohio-sherwood-anderson.html> (date access: 28.02.2023).

Ingram Forrest L. Representative Short Story Cycles of the Twentieth Century. The Hague, Mouton & Co. Publ., 1971, 227 p. URL: https://books.google.ru/books?id=f5_4AkEi2iIC&lpg=PP4&ots=ZwxqbqVeEb&dq=short+story+cycle+ingram&pg=PP1&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (date access: 28.02.2023).

Odeh A. Symbolism in Sherwood Anderson's Winesburg, Ohio. *International Journal on Studies in English Language and Literature (IJSELL)*, December 2014, vol. 2, No. 12, pp. 54-61. URL: <https://www.arcjournals.org/pdfs/ijSELL/v2-i12/10.pdf> (date access: 28.02.2023).

Papinchak Robert A. Sherwood Anderson: A Study of the Short Fiction. Twayne's Studies in Short Fiction. New York, Twayne Publ., 1992, No. 33, 216 p. URL: <https://archive.org/details/sherwoodanderson00papi/page/n7/mode/2up> (date access: 28.02.2023).

Статья поступила в редакцию 02.05.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 24.05.2023.

The article was submitted 02.05.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 24.05.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 115–121. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 115–121. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"20"

EDN SSMENG

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-115-121>

ИССЛЕДОВАНИЕ ТВОРЧЕСТВА М. ШОЛОХОВА В КИТАЕ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ

Чэнь Вэнь, аспирант, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, chenwen19951031@163.com,
<https://orcid.org/0000-0001-9793-435X>

Аннотация. В статье рассматривается исследование творчества М. Шолохова в Китае, анализируются подходы и тенденции рецепции творчества М. Шолохова в Китае с 1930-х гг. по 2020-е гг. В результате доказано, что подходы к изучению творчества М. Шолохова в Китае изменяются в зависимости от характера советско-китайских отношений. В 1930–40-е гг., особенно во время Войны сопротивления китайского народа японским захватчикам, в Китае заметен рост интереса к публицистике и прозе М. Шолохова военной поры. Изучение творчества М. Шолохова в Китае быстро развивалось в 1950-е гг. в условиях всестороннего сотрудничества между Китаем и СССР. В 1960–70-е гг. в ситуации резкого ухудшения отношений между двумя странами китайские литературоведы критиковали произведения М. Шолохова, а в 1980–90-е гг. исследователи особо отмечали патриотизм, героизм и гуманизм, отраженные в творчестве Шолохова; в крупнейших университетах Китая прошёл ряд конференций по творчеству М. Шолохова; было опубликовано несколько монографий по произведениям писателя. В начале XXI в. китайские шолоховеды продолжают исследование творчества М. Шолохова по следующим направлениям: духовный и художественный мир писателя, лингвокультурные особенности, женские образы, рецепция и литературно-искусствоведческая критика на произведения М. Шолохова в Китае.

Ключевые слова: творчество М. Шолохова, перевод произведений, художественный мир, лингвокультурные особенности, рецепция, критика и шолоховедение в Китае.

Для цитирования: Чэнь В. Исследование творчества М. Шолохова в Китае: тенденции, проблемы // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 115–121. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-115-121>

Research Article

RESEARCH OF MIKHAIL SHOLOKHOV'S CREATIVE WORK IN CHINA: TENDENCIES, PROBLEMS

Chen Wen, PhD postgraduate student, Moscow Pedagogic State University, Moscow, Russia, chenwen19951031@163.com,
<https://orcid.org/0000-0001-9793-435X>

Abstract. This article examines the study of Mikhail Sholokhov's work in China, analyses the approaches and trends in the reception of Mikhail Sholokhov's work in China since the 1930s to 2020s. As a result, it has been proven that approaches to the study of Mikhail Sholokhov's work in China change depending on the nature of Soviet-Chinese relations. In the 1930s-40s, especially during the War of Chinese People's Resistance against Japanese aggression, there was a noticeable increase in interest in Mikhail Sholokhov's journalism and prose during the war. In the 1950s, under conditions of all-round cooperation between China and the USSR, the study of Mikhail Sholokhov's work in China developed rapidly. In the 1960s-70s, in a situation of a sharp deterioration in relations between the two countries, Chinese literary critics criticised the works of Mikhail Sholokhov, however in the 1980s-90s, the researchers especially noted the patriotism, heroism and humanism reflected in the work of Mikhail Sholokhov; a number of conferences on the work of Mikhail Sholokhov were held at the largest universities in China; several monographs on the works of the writer were published. In the early 21st century, Chinese Sholokhov scholars continue the study of Mikhail Sholokhov's work in the following areas – the spiritual and artistic world of Mikhail Sholokhov, linguistic and cultural features, female images in the works of Mikhail Sholokhov, reception and literary and art criticism of the works of Mikhail Sholokhov in China.

Keywords: creative work of Mikhail Sholokhov, translation of works, artistic world, linguistic and cultural features, reception, criticism and studies of Mikhail Sholokhov in China.

For citation: Chen W. Research of Mikhail Sholokhov's creative work in China: tendencies, problems. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No 2, pp. 115–121. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-115-121>

С начала 1930-х гг. М. Шолохов стал одним из наиболее популярных советских писателей в Китае, его произведения многократно издавались и переиздавались частными и государственными издательствами Пекина, Шанхая, Яньяня и др. Исследование творчества М. Шолохова в Китае началось в 1930-е гг., приобретая определенную специфику в 1930–40-е гг., 1950-е гг., 1960–70-е гг., 1980–90-е гг. и в начале XXI в. Актуальность исследования творчества М. Шолохова всегда была прямо или косвенно связана с качеством советско-китайских отношений. В Китае таким уникальным ландшафтом называется феномен М. Шолохова, который не только представляет собой зеркало, отражающее ситуацию в китайской дипломатии, но и призму, сквозь которую рассматриваются особенности стратегического сотрудничества между Китаем и Советским Союзом.

В 30-е и 40-е годы XX в. в Китае было очень мало исследований по творчеству М. Шолохова, основное внимание обращалось на перевод шолоховских произведений, особенно «большой прозы» – «Тихого Дона» и «Поднятой целины». В 1931 г. на китайском языке была опубликована первая часть «Тихого Дона» (перевод Хэ Фэя), в 1936 г. – вторая часть «Тихого Дона» (перевод Чжао Сюня и Хуан Ижана). В 1941 г. был издан полный текст «Тихого Дона» (перевод Цзинь Жэня), который пользовался и пользуется большой популярностью среди китайских читателей. Первая часть «Поднятой целины» была впервые опубликована в 1–9-м номерах московского журнала «Новый мир» в 1932 г., а уже в июле 1933 г. был опубликован фрагмент «Поднятой целины» (перевод Лоу Ши) в журнале «Чжэнлу». В 1936 г. в Китае появилось два варианта перевода первой части «Поднятой целины» – переводы Чжоу Либо и Ли Хунни.

Следует отметить, что в 30-е и 40-е годы XX в., во время Войны сопротивления китайского народа японским захватчикам, публицистика и проза М. Шолохова военной поры довольно активно переводилась и издавалась в Китае. Очерк М. Шолохова «На Дону» (перевод Цао Цзинхуа) был опубликован в журнале «Ецао» в сентябре 1941 г., в журнале «Советско-китайская культура» в ноябре 1941 г. и в журнале «Содранная маска» в январе 1942 г. Очерк «В казачьих колхозах» был опубликован в журнале «Время» в 1942 г., а главы из незаконченного романа М. Шолохова «Они сражались за Родину» (перевод Чэнь Шочжу) – в 1943 г. в журнале «Время и тенденция литературы и искусства», спустя всего лишь несколько месяцев после публикации на русском языке. Очерк «На юге» (перевод Мансы) был опубликован в январе 1945 г. в журнале «Синий шарф», а рассказ «Наука ненависти» (перевод Шуйфу) – в середине 1945 г.

Военное творчество М. Шолохова вдохновляло китайский народ на борьбу за независимость, в то же

время духовно развивая китайских солдат и народные массы.

Изучение творчества М. Шолохова в Китае быстро развивалось после образования Китайской Народной Республики. В 1950-е гг. Китай и Советский Союз не только всесторонне сотрудничали в военной и дипломатической областях, но и координировали свои действия в экономической и культурной сферах. В такой обстановке произошел мощный всплеск интереса китайской литературной общественности к прозе М. Шолохова. Такие произведения, как «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Наука ненависти», затем «Судьба человека», «Донские рассказы» издавались и переиздавались большими тиражами.

Китайская литературная общественность в 1950-е гг. уделяла большое внимание «Тихому Дону», особенно его идейно-художественному и воспитательному значению. В работе Цзинь Жэня исследовалась идейность «Тихого Дона». По его мнению, «старое упадническое общество» в России должно погибнуть, а новое социалистическое общество – победить [Цзинь 1958: 17]. В этом смысле Цзинь Жэнь раскрывал поучительность романа – руководство Коммунистической партии является решающим фактором победы социалистической революции [Цзинь 1957: 7]. Китайские шолоховеды 1950-х гг. делали акцент на анализе образа Григория Мелехова. В работе Хэ Чжи для понимания выбора Григория Мелехова обращалось внимание на жестокость революции и общие черты характера донского казачества. Автор сделал вывод, что, хотя Григорий Мелехов обладает прекрасными качествами донских казаков, он не может сопротивляться ходу истории [Хэ: 13]. В исследовании Е Цаня глубоко исследовались причины, по которым Григорий Мелехов делает неправильный выбор. По мнению Е Цаня, главный герой с детства был воспитан на основе традиционных идей, и на первое место ставит долг казачества, поэтому ему трудно принять революцию и отделиться от старого общества [Е: 14].

Кроме «Тихого Дона», китайских литературоведов 1950-х гг. интересовала «Поднятая целина». В работах Синь Кэня и Гао Яна исследовался образ Семена Давыдова, восхвалялись его лучшие личные качества. Синь Кэнь указывал, что Давыдов был выдающимся организатором, героем всего советского общества [Синь: 2]. Гао Ян более подробно анализировал личные качества Семена Давыдова, подчеркивал, что он силен, смел, умеет владеть ситуацией и общаться с широкими народными массами, всегда ставит интересы народа на первое место [Гао: 3]. В исследовании Си Минчжэня обращалось внимание на особенности описания природы и персонажей у М. Шолохова, раскрывалась тесная связь между пейзажем и чувствами героев [Си: 30].

В 60-е и 70-е годы XX в. на фоне резкого ухудшения китайско-советских отношений был почти полностью прерван культурный обмен между двумя странами. Во время Культурной революции китайское правительство выступало за уничтожение «четырех старых» (старые идеи, старая культура, старые обычаи и старые привычки), были сожжены многочисленные превосходные литературные произведения. В такой обстановке китайская литературная общественность начала критиковать произведения советских писателей, в том числе и романы М. Шолохова. В 1973 г. были опубликованы главы из романа «Они сражались за Родину» (перевод Ши Жэня). В предисловии к изданию Ши Жэнь указывал, что М. Шолохов намеренно очернил красноармейцев и преувеличил ужас войны, отрицая справедливость революции и Великой Отечественной войны [Ши: 1]. В статьях Вэнь Яня М. Шолохов был представлен как контрреволюционер и один из основоположников ревизионизма [Вэнь: 67].

В конце 1970-х гг., после Культурной революции, китайская литературная общественность стала размышлять над ошибками, допущенными во время Культурной революции, и снова вернулась к взвешенному изучению творчества М. Шолохова. В 1980–90-е гг. китайские шолоховеды активно исследовали философские, исторические, морально-этические и социальные вопросы в произведениях М. Шолохова. Появилось несколько монографий по произведениям М. Шолохова, в том числе «М.А. Шолохов» (Сунь Мэйлин, 1985), «Мысль и искусство М.А. Шолохова» (Ли Шусэнь, 1987), «Вечный Дон: М.А. Шолохов и его творчество» (Дин Ся, 1993), «Художественный мир М.А. Шолохова» (Сунь Мэйлин, 1994), «Творчество М.А. Шолохова» (Сюй Цзяжун, 1996) и так далее. В 1980–90-е гг. в Китае состоялось пять «Всекитайских конференций по изучению творчества М.А. Шолохова», выходили в свет статьи об идейных и художественных особенностях прозы М. Шолохова.

В начале XXI в. китайские шолоховеды продолжают исследовать М. Шолохова. Опубликованные с 2000 г. исследования о М. Шолохове в основном состоят из монографий, диссертаций и статей. Тема монографий тесно связана с личной жизнью и творчеством М. Шолохова; в них глубоко исследуется художественный мир писателя: «М.А. Шолохов» (Хэ Юнбо, 2000), «Дон волнуется – интерпретация М.А. Шолохова» (Лю Ядин, 2001), «Поэтика в прозе М.А. Шолохова» (Фэн Юйчжи, 2001), «Судьба М.А. Шолохова» (Ли Юйчжэнь, 2009), «М.А. Шолохов в Китае» (Лю Сянвэнь, 2014) и др. В целом они продолжили реализацию тех подходов к изучению творчества М.А. Шолохова, которые были разработаны в 1980–90-е годы.

Что касается диссертаций и статей, опубликованных в 2000–2023 гг., то можно выделить следующие направления:

1. *Духовный и художественный мир М. Шолохова.* В диссертации Хон Куньсюн описывается социальная революция и влияние исторических событий на судьбу русского казачества, на основе неповторимых творческих идей, художественных приемов и языка повествования раскрывается художественный мир М. Шолохова в романе «Тихий Дон» [Хон]. В диссертации Мин Цзе на основе шопенгауэровской философии обсуждается трагическое сознание казаков в романе [Мин]. В диссертации Цао Хайянь с помощью культурно-исторического метода и теории культурной психологии подробно рассматриваются поиски духовной истины донскими казаками во время войны и революции, а также анализируется их трагическая судьба [Цао]. Юань Чжили в своей диссертации обращает внимание на влияние религиозной культуры на жизненный выбор Григория, анализирует отношения между героем и религиозно-культурными ценностями. В диссертации Юань Чжили на основе интерпретации романа «Тихий Дон» раскрываются существенные закономерности религиозной природы русской литературы и религиозное сознание русских писателей и интеллигенции [Юань].

2. *Сравнительное литературоведение.* Основное внимание обращается на сравнение «Тихого Дона» с произведениями других русских и китайских писателей. В работе Чжан Сяоданя анализируется образ «дома» и развитие семейной традиции в «Тихом Доне» М. Шолохова и «Мастере и Маргарите» М. Булгакова [Чжан]. Автор указывает на то, что изучение образа «дома» в этих произведениях имеет большое значение для исследования всей семейной традиции. Ли Юйчжэнь в своей статье указывает, что М. Шолохов является продолжателем Л. Толстого [Ли]. В диссертации Цзинь Хуйцзы с точки зрения отображения политического и социального контекстов эпохи проводится сравнительное исследование романов «Поднятая целина» М. Шолохова, «Большие перемены в горной деревне» Чжоу Либо и «Новая весна в городе Шиси» Цянь Шифэна [Цзинь 2007]. Сюй Тяньсюй и Чжон Чу в своей статье указывают, что идея и стилистика у Дин Лина в значительной степени формируются под влиянием советского писателя М. Шолохова [Сюй: 100]. В диссертации Бао Цзяцзя анализируются главные персонажи и художественные приёмы романов «Тихий Дон» М. Шолохова и «Бескрайние степи» Малациньфу [Бао].

3. *Лингвокультурные особенности творчества М. Шолохова.* В диссертациях Сюй Хун и Кан Лэ интерпретируется рассказ «Судьба человека» с точки зрения лингвострановедения [Сюй] или стилистики [Кан].

4. *Женские образы в произведениях М. Шолохова*. В диссертации Чжан Мянэ анализируются образы Аксиньи и Натальи и их трагическая судьба в романе «Тихий Дон» [Чжан]. В диссертации Ли Сююня с «женской точки зрения» интерпретируется «Поднятая целина», анализируется психологическое состояние Лушки и Вари [Ли]. В диссертации Чжао Цзина с точки зрения феминистской критики переосмысливаются женские образы Аксиньи, Натальи и т. д., исследуется патриархальное сознание писателя [Чжао].

5. *Рецепция творчества М. Шолохова в Китае*. В диссертации Чэнь Наньсяня исследуется влияние русской и советской литературы на китайскую литературу в течение 17 лет (1949–1966 гг.), обсуждается влияние М. Шолохова на таких писателей, как Лю Шаотан, Чжоу Либо и Малациньфу [Чэнь]. У Юйцзе в своей диссертации анализирует произведения М. Шолохова и круга писателей из провинции Хунань с точки зрения сходства и различий психологии персонажей [У]. В диссертации Хуан Сяоли рассматривается рецепция «Тихого Дона» в современном Китае за 60 лет [Хуан].

6. *Литературно-искусствоведческая критика на произведения М. Шолохова*. В диссертации Юй Цзя рассматриваются критические статьи и монографии о русской и советской «красной классике», в том числе и о «Тихом Доне» [Юй]. Автор анализирует критику российско-советской «красной классики» в Китае за последние 70 лет, а также общую тенденцию китайской литературной критики в XX в.

Таким образом, исследование творчества М. Шолохова в Китае началось в 1930-е гг., приобретая определенную специфику в разный период времени: в 1930–40-е гг., 1950-е гг., 1960–70-е гг., 1980–90-е гг. и в начале XXI в. В результате доказано, что подходы к изучению творчества М. Шолохова в Китае изменяются в зависимости от характера советско-китайских отношений.

В 1930–40-е гг. в Китае основное внимание обращалось на перевод «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Во время Войны сопротивления китайского народа японским захватчикам проза М. Шолохова военной поры вдохновляла китайский народ на борьбу за освобождение и независимость. В 1950-е гг. благодаря всестороннему сотрудничеству между Китаем и Советским Союзом произошел мощный всплеск интереса китайской литературной общественности к прозе М. Шолохова, основное внимание уделялось анализу образов главных героев, художественных приемов, идейно-художественному и воспитательно-му значению «Тихого Дона» и «Поднятой целины». В 1960–70-е гг. на фоне ухудшения китайско-советских отношений китайские литературоведы критиковали произведения М. Шолохова, а в 1980–90-е гг. после размышления об ошибках, допущенных во вре-

мя Культурной революции, в Китае появилось несколько монографий по произведениям М. Шолохова, объектом которых стали затронутые в произведениях писателя философские, исторические, морально-этические и социальные вопросы. В начале XXI в. китайские шолоховеды продолжают изучать М. Шолохова, исследования о М. Шолохове в основном состоят из монографий, диссертаций и статей. Темы монографий тесно связаны с личной жизнью и творчеством М. Шолохова, глубоко исследуется художественный мир писателя. Основным предметом изучения в диссертациях и статьях являются: духовный и художественный мир М. Шолохова, сравнительное литературоведение, лингвокультурные особенности творчества М. Шолохова, женские образы в произведениях М. Шолохова, рецепция творчества М. Шолохова в Китае, литературно-искусствоведческая критика на произведения М. Шолохова.

Творчество М. Шолохова оказало большое влияние на китайскую литературу и целое поколение китайских писателей, таких как Чжоу Либо, Дин Лин, Лю Шаотан, Мо Янь и т. п. И по сей день китайские деятели культуры и искусства высоко ценят патриотизм, героизм и гуманизм, отраженные в творчестве М. Шолохова.

Список литературы

包佳佳. 比较文学视野中的《静静的顿河》与《茫茫的草原》. 中央民族大学. 硕士学位论文. 2012年. 91页. [Бао Цзяцзя. «Тихий Дон» и «Бескрайние степи» в сравнительной литературной перспективе: дис. ... магис. филол. наук / Центральный университет национальностей. Пекин, 2012. 91 с.]

曹海艳. 顿河哥萨克的群体精神真理探寻与历史悲剧 - 《静静的顿河》新论. 黑龙江大学. 博士学位论文. 2011年. 196页. [Цао Хайянь. Поиски духовной правды и исторической трагедии донских казаков - «Тихий Дон»: дис. ... д-ра филол. наук / Хэйлунцзянский университет. Хэйлунцзян, 2011. 196 с.]

陈南先. 俄苏文学与“十七年中国文学”. 苏州大学. 博士学位论文. 2004年. 130页. [Чэнь Наньсянь. Русская и советская литература и китайская литература за 17 лет: дис. ... док. филол. наук / Сучжоуский университет. Сучжоу, 2004. 130 с.]

丁夏. 永恒的顿河: 肖洛霍夫与他的小说创作. 海南: 海南出版社. 1993. 130页. [Дин Ся. Вечный Дон: М.А. Шолохов и его творчество. Хайнань: Хайнаньское издательство, 1993. 130 с.]

冯玉芝. 肖洛霍夫小说诗学研究. 山西: 山西人民出版社. 2001. 232页. [Фэн Юйчжи. Поэтика в прозе М.А. Шолохова. Шаньси: Народное издательство Шаньси, 2001. 232 с.]

高扬. 一个光辉的人物形象. 北京日报. 1953; 6月9日. 第3页. [Гао Ян. Блестящий образ // Beijing Daily. 1953. 9 июня. С. 3].

何云波. 肖洛霍夫. 四川: 四川人民出版社. 2000. 266页. [Хэ Юнбо. М.А. Шолохов. Сычуань: Сычуаньское народное издательство, 2000. 266 с.].

何直. 现实主义 - 广阔的道路. 收获. 1957年第3期. 第7-14页. [Хэ Чжи. Реализм - широкая дорога. Урожай. 1957. № 3. С. 7-14].

洪坤雄. 肖洛霍夫《静静的顿河》史诗创作研究. 台湾南华大学. 硕士学位论文. 2005年. 68页. [Хон Куньсюн. Исследование эпических элементов «Тихого Дона» Шолохова: дис. ... магис. филол. наук / Тайваньский университет Наньхуа. Тайвань, 2005. 68 с.].

黄晓丽. 《静静的顿河》在当代中国的接受研究 (1949-2008). 山东师范大学. 硕士学位论文. 2010年. 51页. [Хуан Сяоли. Рецепция «Тихого Дона» в современном Китае 1949-2008 гг.: дис. ... магис. филол. наук / Шаньдунский педагогический университет. Шаньдун, 2010. 51 с.].

金惠子. 前社会主义阵营文学中的农业集体化题材小说比较研究. 延边大学. 硕士学位论文. 2007年. 49页. [Цзинь Хуйцзы. Сравнительное исследование романов о сельскохозяйственной коллективизации в литературе социалистического блока: дис. ... магис. филол. наук / Яньбяньский университет. Цзилинь, 2007. 49 с.].

金人. 论《静静的顿河》的教育意义. 收获. 1957. 第3期. 第6-15页. [Цзинь Жэнь. О воспитательном значении «Тихого Дона» // Урожай. 1957. № 3. С. 6-15.]

金人. 论《静静的顿河》的思想性和艺术性. 长江文艺. 1958. 第1期. 第11-18页. [Цзинь Жэнь. Об идейно-художественности «Тихого Дона» // Литература и искусство Чжанцзян. 1958. № 1. С. 11-18.]

康乐. 长篇小说《静静的顿河》的艺术修辞特色. 沈阳师范大学. 硕士学位论文. 2012年. 76页. [Кан Лэ. Характеристики художественной стилистики в романе «Тихий Дон»: дис. ... магис. филол. наук / Шэньянский педагогический университет. Шэньян, 2012. 76 с.].

李树森. 肖洛霍夫的思想与艺术. 吉林: 吉林大学出版社. 1987. 251页. [Ли Шусэнь. Мысль и искусство М.А. Шолохова. Цзилинь: Издательство Цзилиньского университета, 1987. 251 с.].

李秀云. 《新垦地》女性形象研究. 四川大学. 硕士学位论文. 2006年. 56页. [Ли Сююнь. Женские образы в «Поднятой целине»: дис. ... магис. филол. наук / Сычуаньский университет. Сычуань, 2006. 56 с.].

李毓臻. 肖洛霍夫的传奇人生. 北京: 北京大学出版社. 2009. 290页. [Ли Юйчжэнь. Судьба М.А. Шолохова. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2009. 290 с.].

李毓臻. 肖洛霍夫 - 托尔斯泰文学传统和文学精神的继承者与发扬者. 沈阳教育学院学报. 2010. 第5期. 第1-11页. [Ли Юйчжэнь. Шолохов - продолжатель традиции и духа литературы Л. Толстого // Вестник Шэньянского института образования. 2010. Т. 16, № 5. С. 1-11.].

刘祥文. 肖洛霍夫在中国. 北京: 中国社会科学出版社, 2014. 296页. [Лю Сянвэнь. Шолохов в Китае. Пекин: Изд-во китайских социальных наук, 2014. 296 с.].

刘亚丁. 顿河激流—解读肖洛霍夫. 四川: 四川教育出版社. 2001. 379页. [Лю Ядин. Дон волнуется - интерпретация М.А. Шолохова. Сычуань: Сычуаньское образовательное изд-во, 2001. 379 с.].

闵洁. 由现代意识解读《静静的顿河》的悲剧性. 南京师范大学. 硕士学位论文. 2008年. 页. [Мин Цзе. Интерпретация трагедии в «Тихом Доне» с точки зрения современности: дис. ... магис. филол. наук / Нанкинский педагогический университет. Нанкин, 2008. 78 с.].

史双. 他们为祖国而战. 上海: 上海人民出版社. 1973. 512页. [Ши Жэнь. «Они сражались за Родину». Шанхай: Шанхайское народное издательство, 1973. 512 с.]

孙美玲. 肖洛霍夫. 辽宁: 辽宁人民出版社. 1985. 168页. [Сунь Мэйлин. М.А. Шолохов. Ляонин: Народное изд-во Ляонина, 1985. 168 с.].

孙美玲. 肖洛霍夫的艺术世界. 北京: 社会科学文献出版社. 1994. 346页. [Сунь Мэйлин. Художественный мир М.А. Шолохова. Пекин: Изд-во литературы по общественным наукам, 1994. 346 с.].

孙美玲. 肖洛霍夫研究. 北京: 外语教学与研究出版社. 1982. 512页. [Сунь Мэйлин. Шолоховедческие исследования. Пекин: Преподавание иностранных языков и исследовательская пресса, 1982. 512 с.].

文彦. 攻击无产阶级专政的大毒草 - 《静静的顿河》批判. 天津师范大学学报. 1975. 第4期. 第66-71页. [Вэнь Янь. Борьба с произведением диктатуры пролетариата - критика «Тихого Дона» // Вестник Тяньцзиньского педагогического университета. 1975. № 4. С. 66-71].

吴玉洁. 肖洛霍夫与湖湘文学. 湖南师范大学. 硕士学位论文. 2005年. 46页. [У Юйцзе. Шолохов и литература в провинции Хунань: дис. ... магис. филол. наук / Хунаньский педагогический университет. Хунань, 2005. 46 с.].

席明真. 一部描写农业集体化运动的史诗 - 谈《被开垦的处女地》. 西南文艺. 1954. 第4期. 第20-30页. [Си Минчжэнь. Эпос о движении сельскохозяйственной коллективизации - о «Поднятой целине». Юго-западная литература и искусство. 1954. № 4. С. 20-30].

辛垦. 肖洛霍夫笔下的苏维埃人. 大公报. 1951; 6月5日. 第2页. [Син Кэнь. Советы у М. Шолохова. Тагунпао. 1951; 5 июня. С. 2].

徐红. 从语言国情学角度学习篇章 - 以小说《一个人的遭遇》为材料. 上海外国语大学. 硕士学位论文. 2004年. 78页. [Сюй Хун. Исследование глав с точки зрения лингвострановедения - на материале рассказа «Судьба человека»: дис. ... магис. филол. наук / Шанхайский университет иностранных языков. Шанхай, 2004. 78 с.].

徐家荣. 肖洛霍夫创作研究. 兰州: 兰州大学出版社, 1996. 247 页. [Сюй Цзяжун. Творчество Шолохова. Ланьчжоу: Изд-во Ланьчжоуского университета, 1996. 247 с.]

徐田秀, 周春. 选择、接受与探索 – 丁玲与肖洛霍夫. 湘潭大学社会科学学报. 2003年第4期. 第99–102页. [Сюй Тяньсюй, Чжоу Чу. Выбирать, принимать и исследовать – Дин Лин и Шолохов // Вестник социальной науки университета Сянтань. 2003. № 4. С. 99–102.]

叶妘. 一个发人深思的悲剧形象. 北京文艺. 1957年第11期. 第13–16页. [Е Цань. Наводящий на размышления трагический образ. Пекинская литература и искусство. 1957. № 3. С. 13–16.]

余嘉. 中国批评视野中的俄苏“红色经典”. 华东师范大学. 博士学位论文. 2005年. 239页. [Юй Цзя. Русская и советская «красная классика» с точки зрения китайской критики: дис. ... д-ра филол. наук / Восточно-китайский педагогический университет. Шанхай, 2005. 239 с.]

袁志理. 葛利高里形象的宗教文化论析. 长江大学. 硕士学位论文. 2012年. 50页. [Юань Чжили. Анализ образа Григория с точки зрения религиозной культуры: дис. ... магис. филол. наук / Чанцзянский университет. Хубэй, 2012. 50 с.]

张勉. 俄罗斯文学中俄罗斯女性的悲剧命运 – 论肖洛霍夫小说《静静的顿河》中婀克西尼亚和娜塔莉娅的形象. 河南大学. 硕士学位论文. 2003年. 78页. [Чжан Мян. Трагическая судьба русских женщин в русской литературе – анализ образов Аксиньи и Натальи в романе М. Шолохова «Тихий Дон»: дис. ... магис. филол. наук / Хэнаньский университет. Хэнань, 2003. 78 с.]

张晓丹. 《静静的顿河》和《大师和玛格利特》中的家的形象. 北京外国语大学. 硕士学位论文. 2002年. 78页. [Чжан Сяодань. Образ «дома» в «Тихом Доне» и «Мастере и Маргарите»: дис. ... магис. филол. наук / Пекинский университет иностранных языков. Пекин, 2002. 78 с.]

赵静. 顿河之花 – 以女权主义批评解读《静静的顿河》. 四川大学. 硕士学位论文. 2006年. 48页. [Чжао Цзин. Цветы Дона – интерпретация романа «Тихий Дон» с феминистской критикой: дис. ... магис. филол. наук / Сычуаньский университет. Сычуань, 2006. 48 с.]

References

Bao Jiajia. «Tihij Don» i «Beskrajnie stepi» v sravnitel'noj literaturnoj perspective: dis. ... magis. filol. nauk [“And Quiet Flows the Don” and “Endless Steppes” in a Comparative Literary Perspective: MSc thesis]. Beijing, 2012, 91 p. (In Chinese)

Cao Haiyan. Poiski duhovnoj pravdy i istoricheskoj tragedii donskih kazakov – «Tihij Don»: dis. ... d-ra filol. nauk [The search for spiritual truth and the historical trag-

edy of the Don Cossacks – “And Quiet Flows the Don”: DSc thesis]. Heilongjiang, 2011, 196 p. (In Chinese)

Chen Nanxian. Russkaja i sovetskaja literatura i kitajskaja literatura za 17 let: dis. ... dok. filol. nauk [Russian and Soviet literature and Chinese literature for 17 years: DSc thesis]. Suzhou, 2004, 130 p. (In Chinese)

Ding Xia. Vechnyj Don: M.A. Sholohov i ego tvorcestvo [Eternal Don: M.A. Sholokhov and his work]. Hainan, Hainan Publishing House Publ., 1993, 130 p. (In Chinese)

Feng Yuzhi. Pojetika v proze M.A. Sholohova [Poetics in M.A. Sholokhov]. Shanxi, Shanxi People's Publishing House Publ., 2001, 232 p. (In Chinese)

Gao Yan. Blestjashhij obraz [Brilliant image]. Beijing Daily, 1953, the 9th of June. (In Chinese)

He Yunbo. M.A. Sholokhov [M.A. Sholokhov]. Sichuan, Sichuan People's Publishing House Publ., 2000, 266 p. (In Chinese)

He Zhi. Realizm – shirokaja doroga [Realism is the broad road]. Urozhaj [Harvest], 1957, № 3, pp. 7–14. (In Chinese)

Hong Kunxiong. Issledovanie jepicheskikh jelementov «Tihogo Dona» Sholohova: dis. ... magis. filol. nauk [Study of the epic elements of Sholokhov's “And Quiet Flows the Don”: MSc thesis]. Taiwan, 2005, 68 p. (In Chinese)

Huang Xiaoli. Recepcija «Tihogo Dona» v sovremenom Kitae 1949–2008 gg.: dis. ... magis. filol. nauk [Reception of the “And Quiet Flows the Don” in modern China 1949–2008: MSc thesis]. Shandong, 2010, 51 p. (In Chinese)

Jin Huizi. Sravnitel'noe issledovanie romanov o sel'skohozjajstvennoj kollektivizacii v literature socialisticheskogo bloka: dis. ... magis. filol. nauk [Comparative study of novels about agricultural collectivization in the literature of the socialist bloc: MSc thesis]. Jilin, 2007, 49 p. (In Chinese)

Jin Ren. O vospitatel'nom znachenii «Tihogo Dona» [On the educational value of “And Quiet Flows the Don”]. Urozhaj [Harvest], 1957, № 3, pp. 6–15. (In Chinese)

Jin Ren. Ob idejno-hudozhestvennosti «Tihogo Dona» [On the ideological and artistic nature of the “And Quiet Flows the Don”]. Literatura i iskusstvo Chzhancjan [Zhangjiang Literature and Art], 1958, № 1, pp. 11–18. (In Chinese)

Kang Le. Harakteristiki hudozhestvennoj stilistiki v romane «Tihij Don»: dis. ... magis. filol. nauk [Characteristics of artistic style in the novel “And Quiet Flows the Don”: MSc thesis]. Shenyang, 2012, 76 p. (In Chinese)

Li Shusen. Mysl' i iskusstvo M.A. Sholohova [Thought and art of M.A. Sholokhov]. Jilin, Jilin University Press Publ., 1987, 251 p. (In Chinese)

Li Xuyun. Zhenskie obrazy v «Podnjatoj celine»: dis. ... magis. filol. nauk [Women's Images in Virgin Soil Upturned: MSc thesis]. Sichuan, 2006, 56 p. (In Chinese)

Li Yuzhen. *Sud'ba M.A. Sholohova* [The fate of M.A. Sholokhov]. Beijing, Peking University Press Publ., 2009, 290 p. (In Chinese)

Li Yuzhen. *Sholohov – prodolzhatel' tradicii i duha literatury L. Tolstogo* [Sholokhov – the continuer of the tradition and spirit of L. Tolstoy's literature]. *Vestnik Shjen'janskogo instituta obrazovanija* [Bulletin of the Shenyang Institute of Education], 2010, № 5, pp. 1–11. (In Chinese)

Liu Xiangwen. *Sholohov v Kitae* [Sholokhov in China]. Beijing, Chinese Social Science Publishing House Publ., 2014, 296 p. (In Chinese)

Liu Yadin. *Don volnuetsja – interpretacija M.A. Sholohova* [Don is worried – interpretation by M.A. Sholokhov]. Sichuan, Sichuan Educational Publishing House, 2001, 379 p. (In Chinese)

Ming Ze. *Interpretacija tragedii v «Tihom Done» s tochki zrenii sovremennosti: dis. ... magis. filol. nauk* [Interpretation of the tragedy in the “Quiet Don” from the point of view of modernity: MSc thesis]. Nanjing, 2008, 78 p. (In Chinese)

Shi Ren. *Oni srazhalis' za Rodinu* [They Fought for Their Country]. Shanghai, Shanghai People's Publishing House, 1973, 512 p. (In Chinese)

Sun Meiling. *M.A. Sholokhov* [M.A. Sholokhov]. Liaoning, People's Publishing House of Liaoning Publ., 1985, 168 p. (In Chinese)

Sun Meiling. *Hudozhestvennyj mir M.A. Sholohova* [The artistic world of M.A. Sholokhov]. Beijing, Social Sciences Literature Publishing House Publ., 1994, 346 p. (In Chinese)

Sun Meiling. *Sholohovedcheskie issledovanija* [Sholokhovedcheskie research]. Beijing, Foreign Language Teaching and Research Press Publ., 1982, 512 p. (In Chinese)

Wen Yan. *Bor'ba s proizvedeniem diktatury proletariata – kritika «Tihogo Dona»* [The struggle against the product of the dictatorship of the proletariat – criticism of the “And Quiet Flows the Don”]. *Vestnik Tjan'czin'skogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tianjin Pedagogical University], 1975, № 4, pp. 66–71. (In Chinese)

At Yujie. *Sholohov i literatura v provincii Hunan': dis. ... magis. filol. nauk* [Sholokhov and Literature in Hunan Province: MSc thesis]. Hunan, 2005, 46 p. (In Chinese)

Xi Mingzhen. *Jepos o dvizhenii sel'skhozjajstvennoj kollektivizacii – o «Podnjatoj celine»* [An epic about the movement of agricultural collectivization – about “Virgin Soil Upturned”]. *Jugo-zapadnaja literatura i iskusstvo* [Southwestern Literature and Art], 1954, № 4, pp. 20–30. (In Chinese)

Xing Ken. *Sovety u M. Sholohova* [Tips from M. Sholokhov]. Tagungpao, 1951, June 5th, p. 2. (In Chinese)

Xu Hong. *Issledovanie glav s tochki zrenija lingvostranovedenija – na materiale rasskaza «Sud'ba cheloveka»: dis. ... magis. filol. nauk* [The study of chapters from the point of view of linguistic and regional studies – on the material of the story “The Fate of a Man”: MSc thesis]. Shanghai, 2004, 78 p. (In Chinese)

Xu Jiang. *Tvorchestvo Sholohova* [Sholokhov's work]. Lanzhou, Lanzhou University Press Publ., 1996, 247 p. (In Chinese)

Xu Tianxu, Zhou Chu. *Vybirat', prinimat' i issledovat' – Din Lin i Sholohov* [Choose, Accept and Explore – Ding Ling and Sholokhov]. *Vestnik social'noj nauki universiteta Sjantan'* [Bulletin of Social Science of Xiangtan University], 2003, № 4, pp. 99–102. (In Chinese)

Ye Can. *Navodjashhij na razmyshlenija tragicheskij obraz* [A thought provoking tragic image]. *Pekinskaja literatura i iskusstvo* [Peking Literature and Art], 1957, № 3, pp. 13–16. (In Chinese)

Yu Jia. *Russkaja i sovetskaja «krasnaja klassika» s tochki zrenija kitajskoj kritiki: dis. ... d-ra filol. nauk* [Russian and Soviet “Red Classics” from the point of view of Chinese criticism: DSc thesis]. Shanghai, 2005, 239 p. (In Chinese)

Yuan Zhili. *Analiz obraza Grigorija s tochki zrenija religioznoj kul'tury: dis. ... magis. filol. nauk* [Analysis of the image of Gregory from the point of view of religious culture: DSc thesis]. Hubei, 2012, 50 p. (In Chinese)

Zhang Mian. *Tragicheskaja sud'ba russkih zhenshhin v russkoj literature – analiz obrazov Aksin'i i Natal'i v romane M. Sholohova «Tihij Don»: dis. ... magis. filol. nauk* [The tragic fate of Russian women in Russian literature – an analysis of the images of Aksinya and Natalya in M. Sholokhov's novel “And Quiet Flows the Don”: MSc thesis]. Henan, 2003, 78 p. (In Chinese)

Zhang Xiaodan. *Obraz «doma» v «Tihom Done» i «Mastere i Margarite»: dis. ... magis. filol. nauk* [The image of “home” in “And Quiet Flows the Don” and “Master and Margarita”: MSc thesis]. Beijing, 2002, 78 p. (In Chinese)

Zhao Ching. *Cvety Dona – interpretacija romana «Tihij Don» s feministskoj kritikoju: dis. ... magis. filol. nauk* [Flowers of the Don – an interpretation of the novel “And Quiet Flows the Don” with feminist criticism: MSc thesis]. Sichuan, 2006, 48 p. (In Chinese)

Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 14.05.2021; принята к публикации 20.05.2023.

The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 14.05.2023; accepted for publication 20.05.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 122–127. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 122–127. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821(44).09"17"

EDN YHWCIM

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-122-127>

ПРОТИВОРЕЧИЕ КАК ОСНОВА НАРРАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ РОМАНА «ПРАВДИВОЕ КОМИЧЕСКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ФРАНЦИОНА» (1623–1633) Ш. СОРЕЛЯ

Ермилова Кира Евгеньевна, аспирант, младший научный сотрудник Отдела классических литератур Запады и сравнительного литературоведения, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, ermilova.kira@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0537-8312>

Аннотация. В статье анализируется специфика нарративной структуры романа «Правдивое комическое жизнеописание Франциона» Ш. Сореля (1623–1633). В результате проведенного сравнительного анализа трех редакций романа мы делаем вывод о том, что цель Сореля – побудить читателей к критическому мышлению, которая в первой редакции достигается с помощью сатиры на религию, государственное устройство и традиции, в третьей редакции реализуется посредством разрушения романной формы и интеллектуальной игры с читателем на уровне нарративной структуры, единство которой основано на принципе «противоречия».

Ключевые слова: Ш. Сорель, «Правдивое комическое жизнеописание Франциона», французская литература XVII в., комический роман, противоречие, нарративная структура.

Для цитирования: Ермилова К.Е. Противоречие как основа нарративной структуры романа «Правдивое комическое жизнеописание Франциона» (1623–1633) Ш. Сореля // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 122–127. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-122-127>

Research Article

CONTRADICTION AS THE BASIS OF THE NARRATIVE STRUCTURE OF THE NOVEL “LA VRAIE HISTOIRE COMIQUE DE FRANCION” (1623–1633) BY CHARLES SOREL

Kira E. Ermilova, PhD student, Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ermilova.kira@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0537-8312>

Abstract. The article analyzes the specifics of the narrative structure of the novel “La vraie histoire comique de Francion” by Ch. Sorel (1623–1633). As a result of the comparative analysis of the three editions of the novel, we conclude that Sorel’s goal is to encourage readers to critical thinking, which in the first edition is achieved through satire on religion, state structure and traditions, in the third edition is realized through the destruction of the novel form and intellectual play with the reader at the level of narrative structure, the unity of which based on the principle of “contradiction”.

Keywords: Charles Sorel, “La vraie histoire comique de Francion”, 17th century French literature, comic novel, contradiction, narrative structure.

For citation: Ermilova K.E. Contradiction as the basis of the narrative structure of the novel “La vraie histoire comique de Francion” (1623–1633) by Charles Sorel. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 122–127 (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-122-127>

Первая редакция романа «Правдивое комическое жизнеописание Франсиона» Ш. Сореля вышла в свет в 1623 г. – в период относительной свободы мысли во Франции, который был завершён в 1624 г. с приходом к власти Ришелье и начавшимися гонениями на вольнодумных авторов; первая редакция состояла из семи книг, а сюжет обрывался в замке Ремона, оставляя читателям указания на предполагающееся продолжение. Вторая, расширенная и отредактированная, редакция «Франсиона» была опубликована в 1626 г.; роман содержал одиннадцать книг (автором были добавлены три новые книги, к тому же пятая книга первой редакции была поделена на две), сюжет завершался свадьбой Франсиона с итальянской вдовой Наис. И наконец, в 1633 г. выходит финальная третья редакция в составе двенадцати книг; сюжет также заканчивался браком Франсиона и Наис, но на этот раз Сорелем были добавлены некоторые приключения, предшествовавшие их свадьбе. Таким образом, роман Сореля сосуществует в трех редакциях, различия между которыми настолько существенны, что позволяют некоторым исследователям говорить уже не о трех вариантах одного текста, а о трех разных произведениях. В то же самое время признать какую-либо из редакций более «правильной», чем остальные, – невозможно: первая редакция пусть и не завершает сюжет, но, вероятно, соответствует изначальному замыслу автора и представляет собой яркий образец литературы либертинажа XVII в., а финальная редакция, хоть и является последней волей Сореля относительно данного романа, была подвергнута значительной самоцензуре, в том числе и под влиянием внешних обстоятельств, к которым в первую очередь относится усиление цензуры во Франции 1620–1630 гг.

Авторитетные издатели «Франсиона» Э. Руа в 1924–1931 гг. и А. Адан в 1958 г. решают проблему трех редакций романа тем, что сводят их в единый текст с обозначением вариантов, хотя, как справедливо отмечает Д. Риу, в реальности «Франсион» никогда не существовал в таком виде, и современные издатели придерживаются иной логики публикации, предоставляя читателю только финальный вариант романа [Riou 2000: 9]; в частности, в таком же виде существует и единственный на данный момент русский перевод «Правдивого комического жизнеописания Франсиона». Таким образом, так как мы анализируем специфику нарративной структуры в динамической совокупности трех существующих редакций романа, мы опираемся на издание Э. Руа [Sorel] как на наиболее соответствующее целям и задачам настоящего исследования.

Нарративная структура первой редакции относительно проста, хотя уже на данном этапе мы наблюдаем характерную особенность творчества Сореля,

усложняющую анализ его произведений, – игру с читателем, в основе которой лежит обман. «Стоит ли нам верить Франсиону? У нас нет выбора <...> Но чтобы ему поверить, мы должны попасться в ловушку парадокса: правда, на мгновение непоколебимая, ускользает, превращается в ложь, погружается в иллюзию. Но эта иллюзия, возможно, и есть правда. В мире, где доминирует кажущееся, то, что кажется, становится реальностью» [Alter: 104], – пишет Ж. Альтер, исследуя вопрос многоголосия романа Сореля. Э. Суоццо в статье, посвященной изменениям образа Наис [Suozzo], отмечает большое значение обмана для сюжета и системы персонажей романа: так, по мнению исследователя, добавление двенадцатой книги в третьей редакции было вызвано прежде всего необходимостью вывести Наис из позиции наивной жертвы, верящей в любовь и верность Франсиона, и поднять ее на тот же уровень обмана, на котором существуют остальные персонажи. Д. Фруадефон, исследуя сорелевское «Предупреждение читателям» в первой редакции с точки зрения его связи с прологом к роману «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле и «Похвалой глупости» Э. Роттердамского, обращает внимание на то, что «Предупреждение» Сореля нельзя воспринимать буквально как авторскую исповедь – это интеллектуальная игра со скрытым от невнимательного читателя использованием чужого текста, которая обращается против автора в случае, когда наивный критик воспринимает его обращение всерьез, приписывая роману недоработанность, а автору – непрофессионализм [Froidefond: 4–5]. А. Спика, в свою очередь, расширяет этот список аллюзий, наслаивающихся на весь текст романа, подчеркивая, что читатель XVII в. был вполне способен увидеть эти связи, а наиболее неочевидные из них были удалены в последующих редакциях: «Декамерон» Дж. Боккаччо, «Сто новых новелл», «Фарс о лохани», «Маркос де Обрегон» В. Эспинеля, «Веселые разговоры» сьера Дю Парка и т. д. [Spica: 149] «Ложь во благо» – так называет Э. Дезиле [Desiles: 6] обращение рассказчика к читателям в третьей редакции (не разделяя в своем исследовании голос рассказчика и голос Сореля) перед оргией в замке Ремона, в котором тот утверждает, что якобы не хочет ничего сокращать в последующей сцене, иначе «история будет несовершенной» [Sorel 3: 6], хотя при сравнении трех редакций становится очевидно, насколько сильно эта часть пострадала при самоцензуре. И неслучайно именно Меркурий, бог хитрости, лжи и воровства, а не Аполлон, был выбран Франсионом для роли в школьной постановке [Sorel 2: 4], что, как отмечает М. Дебасье, характеризует как лживый образ Франсиона, так и манеру Сореля взаимодействовать с читателем посредством постоянной смены перед ним многочисленных масок [Debaisieux: 60–61]. Таким

образом, обман является частью не только сюжета «Франсиона», но и его нарративной структуры.

Тем не менее роман Сореля, несмотря на заявления самого автора о том, что он «писал его в полусонном состоянии» [Sorel 1: XVII], обладает строгой композиционной структурой, что было убедительно доказано Ж. Серруа [Serroy] и подтверждено последующими исследованиями. Именно эта выверенная почти с математической точностью композиция не позволяет роману распасться, несмотря на всю его внешнюю разнородность и двойственность. На чем же в таком случае «держится» нарративная структура «Франсиона»? С нашей точки зрения, связующим звеном для всех авторских обращений и царящего в романе многоголосия является сорелевское «противоречие».

«Противоречие» – неотъемлемая характеристика комических романов Сореля, следующая из его трактовки категории «правдоподобия», которая значительно отличается от общепринятой в XVII в. и которая при подробном рассмотрении является причиной того, что П. Дандри определяет как сорелевский контр-мимесис [Dandrey 2001: 108]. Сорель, избирая определяющей характеристикой комического романа его «наивность», отрицает не только морализаторскую функцию литературы, но также и любой осознанный отбор и редактирование элементов реальности для их включения в пространство романа. Иными словами, Сорель требует перенести в текст хаотичность и неоднозначность реальной жизни, парадоксальным образом создав цельное произведение. Отсюда следует сорелевское «противоречие»: наличие на уровне сюжета, системы персонажей, композиции и нарративной структуры очевидного противоречия, с помощью которого автор сталкивает между собой разнородные элементы и, как следствие, сливает их воедино, выстраивая таким образом цельный текст. Так, например, внутреннее противоречие персонажей заключается в сосуществовании в них противоположных характеристик, не вызывающих тем не менее внутреннего конфликта: Лорета – Прекрасная Дама / Лорета-куртизанка; Франсион – противник лицемерия / Франсион – виртуозный лицемер; Франсион – противник брака / Франсион-жених; Агата – благочестивая ханжа / Агата – профессиональная сводня и т. д. Более того, авторская оценка персонажей романа происходит не на основе традиционных понятий о добре и зле, а во многом исходя из способностей героя гармонично совмещать в себе противоречивые стороны и свободно менять маски, под которыми он появляется в обществе, распознавая в свою очередь эти же маски у окружающих. Персонаж, неспособный играть в социальные игры, построенные на обмане и притворстве, такой как, например, педант Гортензиус, становится предметом осуждения или объектом насмешек и издевательств.

Как мы уже отметили, нарративная структура первой редакции «Франсиона» относительно проста. Опираясь на концепцию Ж. Женетта, мы можем выделить три уровня текста: экстрадигетический, интрадигетический и метадигетический [Женетт: 238–242]. На экстрадигетическом уровне находится безымянный рассказчик, от лица которого ведется повествование, и условный автор, написавший предваряющее первую книгу «Предупреждение». Однако, несмотря на то что адресатами «Предупреждения» якобы являются читатели «Франсиона», М. Капел отмечает парадокс: это предупреждение адресовано во все не читателям, оно адресовано другим писателям в рамках творческого соперничества [Capel: 353–354]. Читательская аудитория в первой редакции романа определяется Сорелем как глупая, неспособная понять его замысел неопределенная толпа, к которой ему нет смысла обращаться; отношения автор/читатель в данном случае носят явно неравноценный характер.

На интрадигетическом уровне мы сталкиваемся с другой особенностью текста: он почти целиком сконцентрирован на Франсионе, что довольно нетипично для романов XVII в., как правило наполненных вставными новеллами на отвлеченные сюжеты. Во «Франсионе», как подсчитал Ж. Альтер, 85 % всего текста так или иначе связано с главным героем: в романе либо говорят о Франсионе, либо говорит сам Франсион [Alter: 100]. Причем Альтер отмечает тот факт, что рассказчик позволяет Франсиону «рассказать о себе» (и его речь занимает ни много ни мало пять книг из семи в первой редакции), то есть перевести повествование на метадигетический уровень, дав главному герою голос.

Во второй редакции три обозначенных нами голоса меняются: голоса автора и рассказчика становятся ярче и громче, а голос Франсиона, наоборот, затухает, уступая место другим персонажам. Что касается изменений, то, во-первых, в начале романа появляется провокационное обращение от автора «К сильным мирам сего» (“Aux Grands”), в котором автор уведомляет «сильных мира» о том, что посвятил им это обращение лишь с той лишь целью, чтобы сообщить о том, что не посвящает его им. Во-вторых, появляется отредактированный вариант «Предупреждения», в котором автор по-прежнему сохраняет анонимность и, более того, аргументирует ее [Sorel 1: XIX]. Послание «К сильным мира сего», а также новое «Предупреждение», как отмечает Капел, позволяют Сорелю на этот раз отойти от пренебрежительного отношения к читателям и обозначить из всеобщей массы «глупцов» свою аудиторию – «новая элита, анонимная и социально неопределенная» [Capel: 355]; игры с другими писателями тем временем уходят на задний план. В-третьих, рассказчик сильнее обозначает свое присутствие, вмешиваясь в текст с коммента-

риями и активным использованием «я». В-четвертых, во второй редакции Франсион становится писателем, заявляя об авторстве своего нового романа под названием «Сумасбродный пастух» [Sorel 4: 30–34], который, как мы знаем, будет опубликован Сорелем через год после второй редакции «Франсиона».

В третьей редакции нарративная структура значительно усложняется, а три голоса парадоксальным образом сливаются воедино благодаря сорелевскому противоречию. Рассмотрим изменения более детально:

1. Первое изменение, с которым мы сталкиваемся, – это появление автора. В открывающем третью редакцию посвящении «К Франсиону» некий Никола Мулине сьер Дю Парк признает свое авторство. Как удачно характеризует его Дезиле, это подделка, но «правдоподобная подделка», так как Дю Парк (?–1625) является действительно существовавшим французским писателем, в одном из произведений которого появляется второстепенный персонаж по имени Франсион. В своем посвящении фальшивый автор обращается к прототипу главного героя – некоему дворянину, чьи приключения он тщательно записал. Таким образом, в данном эпизоде мы видим сразу два важных момента: с одной стороны, еще одну аллюзию – в этот раз на популярную во времена Сореля «Астрею» Оноре Д'Юрфе, в которой автор также обращается к своим персонажам, – а с другой стороны, утверждение реальности описанных событий и героев, с которого начинается весь текст. И вместе с тем читатель сталкивается с парадоксом: редакция 1623 г. сильно отличается от редакций 1626 и 1633 гг., а между тем Дю Парк умер в 1625 г. и никак не мог дописать свой текст и дважды внести в него изменения, добавив к тому же обращение от своего имени спустя восемь лет после смерти. И это не досадное упущение автора романа, а осознанно оставленное Сорелем противоречие, которое связывает эту часть с последующими.

Помимо этого, следует отметить то, что обращение «К Франсиону» дает Сорелю возможность в этот раз свести образ своего читателя к конкретной личности – Франсиону, создавая таким образом неявный парадокс, когда герой романа является его же читателем. В то же самое время, как отмечает Капел, ориентация Сореля на обширную читательскую аудиторию, намеченная во второй редакции, остается и в редакции 1633 г.

2. Помимо «автора» и рассказчика на экстрадиегетическом уровне в третьей редакции появляется также безымянный редактор, который в совершенно новом «Предупреждении читателей» (“*Advis aux Lecteurs*”), с одной стороны, подтверждает только что обозначенное авторство Дю Парка, а с другой – опровергает обращение «К Франсиону» в том, что касается реальности существования Франсиона и его приключений.

Еще до начала первой книги читатель встречает уже второй голос, который к тому же противоречит первому и раскрывает его обман. Помимо этого, редактор дает решение парадокса про смерть Дю Парка: по его словам, вторая и третья редакции были созданы на основе обнаруженных черновиков автора уже после его смерти. Но это решение только усложняет текст, поскольку редактор также заявляет о том, что в текст черновиков были внесены многочисленные сторонние изменения на разных этапах публикации. Выявить эти изменения невозможно, как и определить их источник, поэтому только что заявленная фигура конкретного автора с именем и библиографией расплывается, и вместо одного отдельного голоса мы получаем неопределенное многоголосие.

3. Основное повествование по-прежнему ведется от лица безымянного рассказчика, который, противоречая позиции «автора», относится к тексту как к вымышленному произведению, так как помимо перенесенных в разные книги и отредактированных из «Предупреждения» 1623 г. частей, которые теперь принадлежат не автору, а рассказчику, в третьей редакции добавлены метанарративные вставки. В них рассказчик анализирует смысл текста, дает свои комментарии, иногда перебивая своих героев, а также рассматривает персонажей с точки зрения их функций и назначения в сюжете. Например, завершение второй книги, в которой автор оправдывает наличие в тексте персонажа Агаты и ее характер законами комедии и желанием продемонстрировать читателю порок, чтобы отвратить от него [Sorel 1: 120]. Причинами таких вставок могут быть два аспекта. Во-первых, определенный Дезиле «страх» перед духовенством [Desiles: 4], заставляющий автора извиняться за собственное сочинение и уверять читателей в своих благих целях по воспитанию нравственности. Во-вторых, «игра» с читателем, суть которой в том, чтобы не дать читателю поверить в реальность происходящего. Такой подход противоречит, в свою очередь, не только посылу обращения «К Франсиону», но и рецепции категории «правдоподобия», как ее понимает, к примеру, Ж. Шаплен в «Письме о правде двадцати четырех часов» (1630), говоря о том, что автор должен представлять вещи «как истинные и как присутствующие» [Chapelain: 115], не позволяя читателю/зрителю сомневаться в реальности прочитанного/увиденного. Сорель же осознанно разрушает веру своих читателей в реальность художественного мира, регулярно вступая с ними в диалог и напоминая о том, что перед ними сконструированный кем-то вымысел. Следует отметить, что в двух других значительных французских комических романах XVII в. – «Комическом романе» П. Скаррона (1651–1657) и «Мещанском романе» А. Фюретьера (1666) – также используется этот прием, но принципиальным

отличием романа Сореля в данном случае является его «единое в своем многообразии» многоголосие. Еще одно отличие – позиция рассказчика во «Франсионе», которая открыто противоречит и позиции «автора», и позиции «редактора» в том, что касается наличия в тексте многочисленных «авторов», так как голос рассказчика тем не менее представляется нам единым, и самого Франсиона, который является одновременно и реально существовавшим дворянином, и главным героем романа, не имевшим прототипа, и создателем тех частей текста, которые в предыдущих редакциях принадлежали анонимному автору.

4. Обращение «К сильным мира сего», принадлежащее во второй редакции голосу автора, теперь отдано в уста Франсиона, как и часть изначальных рассуждений автора о литературе, и, таким образом, в третьей редакции голоса рассказчика и Франсиона путаются между собой и сливаются воедино. В то же самое время в третьей редакции была удалена нить, связывающая Франсиона и Сореля: в версии 1633 г. Франсион в 11-й книге собирается написать уже не «Сумасбродного пастуха», а «Книгу без названия» (“Le Livre sans tiltre”) [Sorel 4: 32], утверждая таким образом парадокс как основной прием своей литературной деятельности: книга без названия, посвященная тем, кому книга не посвящена.

5. После проведенного анализа трех уровней текста следует обратить внимание на то, что, разумеется, за представленным в романе многоголосием скрывается сам Шарль Сорель – французский писатель, издавший первую и вторую редакции «Франсиона» анонимно, а в третьей назвавший автором умершего к тому моменту Дю Парка. И этот очевидный факт был бы неважен для нашего исследования, если бы «игра» с читателем, наглядно проявившаяся в нарративной структуре, не продолжилась за пределами романа вплоть до самой смерти Сореля в 1674 г. Творчество Сореля делится на его художественные и теоретические произведения по литературе, науке и истории. Теоретические – «серьезные» – тексты Сорель издавал под своим именем, а остальные публиковал анонимно или же под разными псевдонимами, официально не признавая свое авторство. Так, например, во «Французской библиотеке» (1664–1667) Сорель разбирает собственные тексты как не принадлежащие ему, колеблясь между похвалой и суровой критикой, и даже выносит вопрос авторства «Франсиона» в отдельную главу, посвященную «Книгам, приписываемым автору “Французской библиотеки”», в целом так и не давая конкретного ответа, является ли он автором этого и других своих романов. Тем не менее для современников это не было тайной, сокрытие Сорелем своего авторства в большей степени «игра», чем реальная попытка остаться неизвестным. Это противоречивое поведение было

высмеяно в «Мещанском романе» Фюретьера, одним из ведущих героев которого является Шаросель (Charoselles – анаграмма Charles Sorel). Более того, не только непризнанное авторство романов вызывает у исследователей вопросы – личность Сореля, его убеждения и характер, конструируемые по имеющимся свидетельствам современников, также оказываются весьма противоречивыми: с одной стороны, перед нами предстает Сорель-бунтарь, автор дерзких сатирических романов, свободно критикующих современников, сторонник ученого либертинажа, а с другой – мы видим королевского историографа, спокойного, рассудительного и, что удивительно, набожного и глубоко верующего человека. По мнению О. Ру, несмотря на то, что такая разница в образе Сореля в восприятии его современников во многом связана с конфронтацией авторов в литературных кругах, тем не менее нельзя отрицать то, что уже при жизни Сорель приобрел «образ автора», отмеченный двойственностью» [Roux: 13]. В предисловии к комическому роману «Полиандр» Дандри назвал Сореля «Янусом» [Dandrey 2010: VII], и мы согласны с этим удачным определением: автор «Франсиона», подобно своему герою, выбравшему для спектакля образ бога обмана, всегда появляется перед читателями в маске, которую может снять только для того, чтобы показать, что под ней находится другая маска.

Сложность нарративной структуры романа, по мнению Риу, связана с кризисом субъективности эпохи барокко [Riou 1995: 156]. Мы, в свою очередь, видим усложненный к третьей редакции нарратив не только как следствие характерного для литературы XVII в. кризиса, но и как инструмент для достижения Сорелем главной цели своего романа: заставить читателя усомниться в том, что ему говорят, научить его критическому мышлению. И если в первой редакции эта цель реализовалась напрямую через текст романа, наполненного острой сатирой и неприкрытыми, смелыми выпадами против религии, общественных норм, науки, традиционных ценностей и государственного устройства, то после самоцензуры и, как следствие, вынужденного сужения границ символической образности во второй и третьей редакциях эту функцию взяла на себя нарративная структура. Сталкиваясь с разрушением романной формы и смешением голосов, читатель вынужден сомневаться, и именно это сомнение является ценным для здравомыслящего человека. «Я тратил свободное время на чтение всевозможных книг без какого-либо разбора, и за три месяца научился большему, чем за семь лет в коллеже, слушая школярскую белиберду, из-за которой я настолько потерял рассудок, что принимал все небывлицы, рассказанные поэтами, за правду» [Sorel 2: 53], – делится Франсион своим опытом чтения романов и дальнейшего самообразования. Со-

гласно этой концепции, романы потенциально способны обучить человека гораздо большему, нежели классическое образование, но при этом если мозги читателя уже «засорены» белибердой, то он не сможет узреть сокрытую в романе истину, так как будет воспринимать все написанное слишком буквально и принимать на веру любую мысль, не подвергая ее критической оценке. Таким образом, в третьей редакции романа «Правдивое комическое жизнеописание Франсиона» Сорель с помощью противоречия нарративной структуры показывает читателю правильный путь – искоренение пороков общества, таких как непрофессионализм, алчность, продажность, глупость, слепой фанатизм и т. д., но предлагает пройти этот путь самостоятельно.

Список литературы

- Женетт Ж.* Фигуры: в 2 т. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. 249 с.
- Alter J.* C'est moi qui parlons: le jeu des narrateurs dans Francion. French Forum, vol. 5, No. 2, 1980, pp. 99-105.
- Capel M.* Polygraphie et science humaine au XVII^esiècle. Charles Sorel: pédagogue universel, écrivain du particulier. Thesis, University of Lausanne, 2019, 804 p.
- Chapelain J.* Lettre sur la règle des vingt quatre heures. Opuscules critiques, J. Chapelain. Paris, Droz, 1936, pp. 115-121.
- Dandrey P.* Le premier Francion de Charles Sorel ou le «jeu du roman». Klincksieck, 2001, 150 p.
- Dandrey P.* Préface. Polyandre, Ch. Sorel. Klincksieck, 2010, pp. VII–XXIX.
- Debaisieux M.* Sous le signe de Mercure: de la thématique du vol à la fraude littéraire dans Francion. Littératures classiques, 2001, No. 41, pp. 49-61.
- Desiles E.* Les avatars de L'histoire comique de Francion. Studi francesi, 1996, 15 p.
- Froidefond D.* L'avertissement de Sorel à son «Francion»: texte anonyme, texte pluriel. Romance Notes, 1995, vol. 36, No. 1, pp. 3-11.
- Riou D.* Avertissement d'importance au lecteur. Lectures du Francion de Charles Sorel. Presses Universitaires de Rennes, 2000, pp. 9-23.
- Riou D.* Rupture narrative, rupture subjective: le cas Sorel. Usure et rupture – breaking points. Tours, Presses universitaires François-Rabelais, 1995, pp. 149-157.
- Roux O.* La «fonction d'écrivain» dans l'œuvre de Charles Sorel. Paris, Honoré champion éditeur, 2012, 512 p.
- Serroy J.* Roman et réalité, les histoires comiques au XVIIe siècle. Paris, Minard, 1981, 778 p.
- Sorel Ch.* Histoire comique de Francion, éd. d'Emile Roy, 4 vol. Paris, Librairie Hachette, 1924-1931.
- Spica A.-É.* Francion, un franc-roman. Le Roman au temps de Louis XIII, sous la dir. de F. Greiner. Paris, Classiques Garnier, 2019, pp. 145-166.

Suozzo A. Nays as the vicarious heroine: the Francion's book XII. Revue Philosophique de la France et de l'Étranger, vol. 185, No. 2, 1978, pp. 145-164.

References

- Zhenett Zh.* *Figury: in 2 t.* [Figures: in 2 vols.]. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovoykh Publ., 1998, vol. 1, 249 p. (In Russ.)
- Alter J.* C'est moi qui parlons: le jeu des narrateurs dans Francion. French Forum, vol. 5, No. 2, 1980, pp. 99-105.
- Capel M.* Polygraphie et science humaine au XVII^esiècle. Charles Sorel: pédagogue universel, écrivain du particulier. Thesis, University of Lausanne Publ., 2019, 804 p.
- Chapelain J.* Lettre sur la règle des vingt quatre heures. Opuscules critiques, J. Chapelain. Paris, Droz Publ., 1936, pp. 115-121.
- Dandrey P.* Le premier Francion de Charles Sorel ou le «jeu du roman». Klincksieck, 2001, 150 p.
- Dandrey P.* Préface. Polyandre, Ch. Sorel. Klincksieck, 2010, pp. VII–XXIX.
- Debaisieux M.* Sous le signe de Mercure: de la thématique du vol à la fraude littéraire dans Francion. Littératures classiques, No. 41, 2001, pp. 49-61.
- Desiles E.* Les avatars de L'histoire comique de Francion. Studi francesi, 1996, 15 p.
- Froidefond D.* L'avertissement de Sorel à son «Francion»: texte anonyme, texte pluriel. Romance Notes, 1995, vol. 36, No. 1, pp. 3-11.
- Riou D.* Avertissement d'importance au lecteur. Lectures du Francion de Charles Sorel. Presses Universitaires de Rennes Publ., 2000, pp. 9-23.
- Riou D.* Rupture narrative, rupture subjective: le cas Sorel. Usure et rupture – breaking points. Tours, Presses universitaires François-Rabelais Publ., 1995, pp. 149-157.
- Roux O.* La «fonction d'écrivain» dans l'œuvre de Charles Sorel. Paris, Honoré champion éditeur Publ., 2012, 512 p.
- Serroy J.* Roman et réalité, les histoires comiques au XVIIe siècle. Paris, Minard Publ., 1981, 778 p.
- Sorel Ch.* Histoire comique de Francion, éd. d'Emile Roy, 4 vol. Paris, Librairie Hachette Publ., 1924-1931.
- Spica A.-É.* Francion, un franc-roman. Le Roman au temps de Louis XIII, sous la dir. de F. Greiner. Paris, Classiques Garnier Publ., 2019, pp. 145-166.
- Suozzo A.* Nays as the vicarious heroine: the Francion's book XII. Revue Philosophique de la France et de l'Étranger, vol. 185, No. 2, 1978, pp. 145-164.
- Статья поступила в редакцию 22.05.2023; одобрена после рецензирования 04.06.2023; принята к публикации 05.06.2023.*
- The article was submitted 22.05.2023; approved after reviewing 04.06.2023; accepted for publication 05.06.2023.*

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 128–134. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 128–134. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 821.161.1.09"20"

EDN ZCNAFK

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-128-134>

КЛЮЧЕВЫЕ МЕТАФОРЫ В НАРРАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ ПОВЕСТИ ВЛАДИМИРА КОРНИЛОВА «ЛЕСНОЙ ХОЗЯИН»

Посвящается 100-летию писателя (1923–2023)

Фокина Мадина Александровна, доктор филологических наук, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, madi.fokina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5914-2589>

Аннотация. В статье представлен филологический анализ метафорических языковых средств в повести известного отечественного прозаика второй половины XX века Владимира Григорьевича Корнилова. Цель исследования заключается в выявлении структурно-семантических и коммуникативно-прагматических свойств ключевых метафор, которые активно участвуют в организации художественного повествования, создании повествовательной полифонии и психологизма в изображении героев и событий, формировании текстовых смыслов, экспликации концептуального содержания произведения. Изучение метафор в контекстном окружении основывается на жанрово-стилистических особенностях и нарративных характеристиках художественного повествования. Яркими средствами формирования повествовательной структуры являются ключевые метафоры, обладающие высоким нарративным потенциалом: с их помощью осуществляется развитие характеров и событий, продвижение действия во времени и пространстве, создаются смысловые доминанты текста. Дается краткий обзор лингвистических исследований метафоры в системе языка и речи, излагаются теоретические основы современной нарратологии. Вычленяются основные признаки художественной метафоры. Последовательно рассматриваются ключевые метафоры в разных фрагментах повествовательного текста. Выявляются многочисленные компаративные конструкции, построенные на уподоблении человека явлениям живой природы. Характеризуются фразеологические метафорические средства создания психологизма повествования. Творческие преобразования устойчивых оборотов путем замены компонентов отражают индивидуальные речевые особенности героев повести. В заключение делаются выводы о роли ключевых метафор в формировании нарративных характеристик текста и структурно-семантической организации художественного повествования. В результате смыслового взаимодействия лексико-фразеологических и синтаксических образных средств формируется метафорическое поле «Человек и природа», которое эксплицирует концептуальное содержание произведения, отражает авторскую позицию, формирует текстовую модальность.

Ключевые слова: Владимир Корнилов, повествовательный дискурс, нарративная структура, ключевая метафора, повествовательная полифония, психологизм.

Для цитирования: Фокина М.А. Ключевые метафоры в нарративной структуре повести Владимира Корнилова «Лесной хозяин» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 128–134. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-128-134>

Research Article

KEY METAPHORS IN THE NARRATIVE STRUCTURE OF VLADIMIR KORNILOV'S STORY "THE FOREST MASTER"

Dedicated to the 100th anniversary of the writer (1923–2023)

Madina A. Fokina, Doctor of Philology, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, madi.fokina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5914-2589>

Abstract. The article presents a philological analysis of metaphorical linguistic means in the novelette of Vladimir Grigor'yevich Kornilov, the significant Soviet prose writer of the 2nd half of the 20th century. The purpose of the study is to identify the structural-semantic and communicative-pragmatic properties of the key metaphors actively involved in the organisation of narration, the creation of narrative polyphony and psychologism in the depiction of characters and events, the formation of textual meanings, and the explication of the conceptual content of the work. The study of metaphors in a contextual

environment is based on the genre and stylistic features and narrative characteristics of literary prose. Key metaphors with a high narrative potential serve as important means of forming a narrative structure: with their help, character and event development is carried out, the action is put forward in time and space, and the semantic dominants of the text are created. The author of the article gives a brief review of linguistic studies of metaphors in the system of language and speech, and she outlines the theoretical foundations of modern narratology. The article also singles out the main features of metaphors and looks into the key metaphors in different fragments of the text. The author of the article elicits numerous comparative constructions, built on the *man* vs. *wildlife* likening. The article also characterises phraseological metaphorical means of creating psychologism of the narrative. Creative transformations of fixed expressions carried out by replacing components within the expression, reflect the individual speech features of the characters of the story. In conclusion, the article underlines the role of the key metaphors in the formation of the narrative characteristics of the text and the structural and semantic organisation of literary prose. Semantic synergy of lexico-phraseological and syntactic figurative means creates the metaphorical field “Man and Nature” explicating the conceptual content of the work, reflecting the author’s position and forming text modality.

Keywords: Vladimir Kornilov, narrative discourse, narrative structure, key metaphor, narrative polyphony, psychologism.

For citation: Fokina M.A. Key metaphors in the narrative structure of Vladimir Kornilov’s story “The Forest Master”. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 128–134. (In Russ). <https://doi.org/10.34216/19998-0817-2023-29-2-128-134>

Владимир Григорьевич Корнилов (1923–2002) – талантливый костромской писатель, известный отечественный прозаик второй половины XX века, лауреат Государственной премии Российской Федерации имени Максима Горького (1985), автор трилогии романов «Семигорье», «Годины», «Идеалист», которые получили широкое признание читателей и литературной критики. Его художественные повести и рассказы, совсем не изученные в лингвистическом аспекте, представляют большой исследовательский интерес, так как характеризуют российскую провинцию, содержат культурно-языковую информацию о фактах истории и экономики Волго-Вятского региона, деревенского быта и сельской жизни. Стилистической константой идиостиля писателя являются выразительные метафоры, которые отражают проблему взаимодействия человека и природы.

Теория метафоры получила научное обоснование в исследованиях Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1990], Ш. Балли [Балли 1961], Н.А. Кожевниковой [Кожевникова 1985], Ю.И. Левина [Левин 1998], А.Ф. Лосева [Лосев 1982], В.П. Москвина [Москвина 2000], А.А. Потебни [Потебня 1976], В.К. Приходько [Приходько 2008], Г.Н. Склярёвской [Склярёвская 1993], В.Н. Телия [Телия 1986], В.К. Харченко [Харченко 1991] и др. Метафора представляет собой «способ переосмысления значения слова на основании сходства, по аналогии» [Емельянова: 176]. Традиционно метафоры подразделяются на языковые и речевые (художественные). Характерными признаками художественной метафоры являются внесистемность, субъективность, уникальность, неповторимость (оказиональность), невоспроизводимость, контекстуальная обусловленность [Емельянова: 177]. Система текстовых метафор создает метафорическую картину мира писателя, формирует метафорические поля, которые транслируют специфические черты языковой личности художника слова. Метафорическое поле

объединяет «структурированное множество метафорических элементов, совокупность словесных ассоциаций, группируемых вокруг образного стержня, ядерного тропа художественного текста» [Абрамов: 288]. Разновидностью метафорического поля являются ключевые образные поля, которые рассматриваются в исследовании Н.А. Николиной и З.Ю. Петровой в текстах современной русской прозы [Николина, Петрова: 93–101]. Авторы статьи характеризуют компаративные конструкции, связанные с развитием темы и сюжета произведения, его идейно-эстетическим содержанием и системой образов.

С помощью ключевых метафор создаются семантические доминанты и оппозиции художественного текста, которые эксплицируют концептуальное содержание произведения и выражают авторские интенции, способствуют развитию сюжета, передают динамику текстовых смыслов, занимают важное место в повествовательной структуре текста.

Структура и семантика повествовательного дискурса разноаспектно рассматриваются в исследованиях отечественных и зарубежных филологов: Р. Барта [Барт 1994], Ж. Женетта [Жанетт 1998], Н.А. Кожевниковой [Кожевникова 1985], Н.А. Николиной [Николина 2003], Е.В. Падучевой [Падучева 1996], Е.А. Поповой [Попова 2001], Т.Б. Радбиля [Радбиль 2017], М.А. Фокиной [Фокина 2007; 2013; 2022], В. Шмида [Шмид 2003] и др. Наряду с термином *повествование* современные ученые широко используют понятие *нарратив* (лат. *narrare* ‘рассказывать’). Нарративом является «сюжетно-повествовательное высказывание, придающее своему предметно-смысловому содержанию статус события, что делает его двоякособытийным» [Тюпа: 134]. Двусобытийность повествования создается в результате структурно-смыслового соединения референтного события (о котором рассказывается, сообщается) и коммуникативного события (самого сообщения,

рассказывания как события) [Болотнова: 183–186]. Изучение нарративной структуры художественного текста строится с учетом её основных составляющих: типа повествования, субъекта речи, повествовательной точки зрения [Николина: 92].

Целью нашего исследования является филологический анализ ключевых метафор в повествовательном дискурсе Владимира Корнилова, определение особенностей их структуры и семантики, прагматических функций с учётом нарративной организации произведения.

Повесть «Лесной хозяин» посвящена изображению жизни сельских жителей. В третьеличное повествование автор активно включает художественные диалоги, внутреннюю, косвенную и несобственно-прямую речь. Во всех субъектно-речевых планах ярко используются различные речевые приемы выразительности. Ведущими образными средствами являются ключевые метафоры, образующие текстовые повторы. С их помощью создаются повествовательная полифония и психологизм изображения характеров и событий.

Люди, предметы и объекты окружающего мира уподобляются явлениям природы, животным и растениям. Например: «капля крови, выступившая *спелой брусничной*»; «Мишка и Петька росли бок о бок, *как два гриба*»; «В лесу он был суетлив, *как белка*»; «Петька-Петух»; «Надо ж Петьке быть таким пустословом – хуже *сороки*»; «Мишка назвал Петьку *сорокой*, пересел на другую парту»; «он с радостью нес полные ведра в кухню-пустыню, торопясь создать там *глубокое прохладное озеро*»; «На всех страницах ни одной двойки, а тут – подряд лежат в клеточках, *как червяки*»; «Лицо все было в тонких морщинках; *как прожилки на листьях*, они скопились под глазами»; «Но сколько ни старался сдвигать брови и хмурить лоб, лицо его краснело, *как осиновый лист*»; «клуб, к которому, *как ласточкино гнездо*, прилепилась кирпичная кинобудка»; «крытая бензином машина, издали *похожая на мышь*»; «нахохлился, *как ворона*»; «наверху торчали, *как рога*, два выцветших маленьких флага»; «Игнат был *как поваленное дерево на дороге*» и др. [Корнилов: 428, 431, 447, 454, 460, 466, 468, 477, 495, 496]. Наиболее употребительной разновидностью метафоры здесь является сравнение. Преобладают сравнительные обороты (*как два гриба*; *как белка*; *как ворона*; *как червяки*; *как рога*; *как осиновый лист*; *как ласточкино гнездо*), реже используются метафоры-приложения (Петька-Петух; кухня-пустыня) и формы творительного падежа в роли сравнения (*спелой брусничной*).

Ключевыми метафорами, пронизывающими повествовательное пространство текста, являются образные слова *пень – пенёк*, характеризующие разных героев. В русском языке лексема *пень* имеет пере-

носное значение ‘глупый или бесчувственный человек’ [СРЯ 3: 40] и является просторечным, грубым словом. Фразеологизм *как пень* (стоять, сидеть) означает ‘ничего не понимая, неподвижно, бессмысленно’ [СРЯ 3: 40]. В повести Корнилова метафоры *пень – пенёк* приобретают окказиональную семантику в процессе развертывания художественного повествования. Автор рассказывает о столкновении старого охотника Игната, который незаконно убивает лесных лосей, тайком от всех торгует мясом, и подрастающего Мишки Жогина, защитника живой природы:

«– А я, парень, одинок, кругом, *пень на поле*. Без леса мне помирать. Неуж я зверя не стою?.. Если человеку тяжело, он и промеж закона может зверя решить...»;

«Он сжимался под сверлящим взглядом круглых от бешенства глаз, но упрямо не уступал дороги. Он был в полроста по-медвежьки наступавшему Игнату, но мешал ему, *как крепкий пенёк*» [Корнилов: 482, 500].

Метафора *пень на поле* является самохарактеристикой Игната, употребляется в речи охотника, а метафора-сравнение *как крепкий пенёк* создается в речи повествователя и характеризует Мишку. Семантика метафорических сочетаний различна: *пень на поле* – ‘одинокий человек, оторванный от общества, не имеющий семьи и близких людей’; *как крепкий пенёк* – ‘сильная преграда, непреодолимое препятствие на пути’. Две метафоры, содержащие корневой повтор *пень – пенёк*, соединяют разные субъектно-речевые планы (прямую речь героя и монологическое слово третьеличного повествователя) в единое повествовательное пространство: обеспечивают структурно-семантическую целостность текста.

Игнат живет один на краю деревни за высоким забором. Над ним беззлбно подшучивают колхозники в начале повести, они еще не знают о его лесных преступлениях:

«– Вот! Игнат! Сам оброс, дом облесил, гляди, и *душа зарастет!*..»

Игнат, вторя общему смеху, посмеивался в рыжую бороду... загадочно говорил:

– *Душа темнеет, когда брюхо пустеет...*

Дядя Вася удивлялся:

– Ты ж за два дня день получаешь?! Тебе полторы сотни трудодней – *что борову червяк*: проглотил – и нет... Иди в полеводы, мне мужики нужны!

Игнат, все так же посмеиваясь, отвечал:

– Полевод солнышко любит, а мне, старику, тень нужна. *В тени живешь – хлебушка меньше жуешь*. Да и ружьишко пособляет...» [Корнилов: 427].

Контекст содержит различные метафоры и представляет собой диалогическое единство, которое объединяет реплики героев и речевой план повествователя. Метафорические средства характеризуют охотника

Игната. Колхозники обращают внимание на его житейское затворничество, нелюдимость и большую физическую силу, высокий рост: *душа зарастет* (ср. с фразеологизмом *зарастить мохом* разг. пренебр. 'остав от жизни, стать косным, опуститься') [ФСРЛЯ 1: 254]; *что борову червяк* (*боров* перен. прост. 'толстый, неповоротливый человек') [СРЯ 1: 108]. Метафорические фразы Игната *Душа темнеет, когда брюхо пустеет*; *В тени живешь – хлебушка меньше жуешь* построены аналогично пословично-поговорочным конструкциям, отражающим народную мудрость. Ср. с фразеологизмами *черная душа* (у кого) разг. презр. 'о человеке коварном, способном на низкие, предосудительные дела, поступки' [ФСРЛЯ 2: 223]; *оставаться (держаться, быть) в тени* 'стараться быть незаметным, не выделяться, оставаться незамеченным' [СРЯ 4: 353].

Одна из смысловых оппозиций текста выражена образными противопоставлениями *солнце – тень, свет – тьма*. Когда Мишка начинает догадываться о преступлениях Игната, в повести усиливается мотив *тени*, символизирующей темное, недоброе, застенное поведение скрытного и хитрого охотника:

«И холодным, неудобным показался лес, молчаливо стоявший за спиной. Так и чувствовалась в нем *мрачная тень Игната*»;

«Мишка отчужденно покосился на *длинную сутулую тень*, ничего не ответил»;

«Он косился на *его неподвижную длинную тень*, а видел другое: хищно поглядывая из-под косматых бровей, крадется по лесу Игнат...» [Корнилов: 484].

Здесь лексема *тень* употребляется и в прямом значении, и в переносном смысле: *тень* 'темное отражение, отбрасываемое предметом, освещенным с противоположной стороны'; 'чей-либо образ, рисующийся в воображении' [СРЯ 4: 353]. Ср. с семантикой фразеологизма *тень падает* (на кого-либо) 'возникает сомнение в чьей-либо добропорядочности' [СРЯ 4: 353]. Авторское отношение к браконьеру Игнату отражается через негативное восприятие Мишки: в контексте происходит контаминация голосов повествователя и героя, обнаруживаются вкрапления несобственно-прямой речи.

Значительным нарративным потенциалом обладают глагольные метафоры-олицетворения, которые используются автором в описании природы. Лес изображается как живое существо:

«И когда гул выстрела раскатился среди деревьев, в лесу стало тихо. *Лес замолк. Лес испугался!* Это было так неожиданно, это было так здорово почувствовать себя сильнее страшного леса, что Мишка восторженно крикнул»;

«Снег осыпал Мишку. Шапка, плечи, рукавицы, лежащие на палках, побелели. *Лес хмуро дышал, гнал назад*, и Мишка давно несся бы домой, если бы не ско-

вал его ещё больший страх – страх повернуться к тому черному, что выглядывало из сугроба...»

Снова *враждебно дохнул лес*. Шумящий ветер с налету толкнул высокие ели. Они качнулись, их *тяжелые снеговые тулуны рассыпались*, с шелестом, шлепом попадали вниз. *Ели словно оцетинились, вразной махали на Мишку косматыми ветвями, швыряли в лицо холодную снежную пыль*»;

«Среди деревьев бушевал ветер; *черные ели, сцепившись ветвями, раскачивались как пьяные*. Снег валил гуще»;

«Но перед его глазами *ясным видением встал лес*. Непокоренный, неузнанный, он, словно живой, *покачивал ветвями, вершинами, звал к себе*» [Корнилов: 424, 435, 439].

Персонификация леса и деревьев последовательно осуществляется с помощью глагольного ряда: *замолк – испугался – дышал – гнал – дохнул – оцетинились – махали – швыряли – покачивал – звал*. Динамический пейзаж представлен в разных фрагментах повествования. Чередование видовых форм глагола связано с напряжением действия, с драматизмом изображаемых событий. Рассказывая о переломных, сложных моментах, автор использует глаголы совершенного вида, что способствует созданию стремительной динамики и завершенности действия. Как отмечает О.Н. Чарыкова, глагольная метафора в художественном тексте «органически связана с поэтическим видением художника, представляет собой наиболее полное воплощение индивидуальной картины мира и является чрезвычайно значимым средством эстетического воздействия» [Чарыкова: 169].

В качестве ключевой развернутой метафоры в повести используется традиционное образное соотношение *лес – стена*:

«Издали *лес казался сплошной белой стеной с зубцами и башнями*. Вблизи *стена раздвинулась*, затемнела лесная глубина. Серые стволы елей, запорошенные снегом, будто загораживая дорогу, топорщили по сторонам нижние сухие сучья. Они были *как ступени лестниц*. В глазах рябило *от этих заснеженных лестниц!*...»;

«Мишка... мчался рядом с *высокой стеной леса* по снежному, залитому солнцем полю»;

«Всё потонуло в снежном вихре. *Лес едва проглядывал темнеющей стеной*, как будто сквозь дрожащую марлю» [Корнилов: 430–431].

Писатель широко использует фразеологические средства метафорической характеристики внутреннего состояния героев, с помощью устойчивых оборотов передает их чувства и эмоции, создает психологизм повествования:

«Игнат и суровый разговор под елкой *не выходили из головы*»; «От Санькиного насмешливого крика у Мишки *сжалось сердце*»; «Несколько дней Петька

ходил как в воду опущенный»; «От этой догадки Петьку в жар кинуло»; «Но ему было так больно, что даже в глазах потемнело»; «У Мишки отлегло от сердца: значит, не удрал» и др. [Корнилов: 443, 452, 460, 461, 466, 497].

Разговорные фразеологизмы, употребляющиеся в художественных диалогах, подвергаются различным авторским трансформациям, что отражает индивидуальные особенности персонажей, создает их речевой портрет:

«– В лесу он – хозяин. Он... лес как свою бороду знает! Чесанет пальцами и какой нужно волосок поймает!» (Петька об охотнике Игнате);

«– Дела курьего яйца не стоят, а вызывают! Всё вызывают!.. – ворчал он, вылезая из саней, раздраженно отряхивая сено с длинной черной шинели» (уполномоченный милиционер) [Корнилов: 427, 497].

Фразеологизм *как свою бороду знает* характеризует старого лесника Игната, который отлично ориентируется в лесу, бывает в его самых глухих местах, не боится хищников и всегда возвращается с лесной добычей: *как свои пять пальцев (знать)* разг. экспрес. ‘очень хорошо, досконально; во всех подробностях’ [ФСРЛЯ 2: 74]. В составе устойчивого оборота осуществляется замена компонентов *пять пальцев – борода*, что отражает внешнюю особенность борodatого охотника, а также передает речевую индивидуальность эмоционального подростка, который еще не догадывается о незаконных действиях старика и искренне восхищается его житейской мудростью, большим опытом и превосходными охотничьими навыками. В речи Петьки происходит смысловое развертывание метафоры *как свою бороду знает*: «Чесанет пальцами и какой нужно волосок поймает!». Глагольный ряд *знает – чесанет – поймает* актуализирует семантику трансформированного фразеологизма.

Фразеологическая единица *курьего яйца не стоят* образована путем замены компонента *выеденного – курьего: выеденного яйца не стоит* разг. пренебр. ‘никчёмный, не заслуживает внимания’ [ФСРЛЯ 2: 280]. Устойчивый оборот употребляется в речи милиционера, которого вызвали из райцентра в село по вопросу о браконьерстве Игната. Он нехотя согласился приехать, это дело сначала кажется ему незначительным, но затем, разобравшись на месте, он понимает, что необходимо найти улики и задержать нарушителя.

Изображая в динамике событий драматическое противостояние Мишки и Игната, писатель постепенно дает ответ на вопрос о том, кто является истинным хозяином леса. Заглавие произведения «Лесной хозяин» становится семантическим центром повествования, объединяющим все метафорические средства текста.

В нарративной структуре повести Владимира Корнилова «Лесной хозяин» выявляется образная система речевой выразительности, отражающая авторский взгляд на проблему взаимодействия человека и природы. Ключевые метафоры создаются лексико-фразеологическими и синтаксическими средствами. На лексическом уровне к смысловым доминантам и оппозициям текста относятся: метафорическая пара с корневым повтором, характеризующая противоположных героев: *пень – пенёк*; повторяющаяся лексема *тень*, приобретающая в контексте повести двойную семантическую актуализацию; глаголы *замолк – испугался – дышал – гнал –дохнул –ощетинились –махали –швыряли –покачивал –звал*, создающие олицетворения в изображении природы. Эти метафоры участвуют в создании повествовательной полифонии, способствуют развитию сюжета, продвижению действия в пространстве и времени, динамике образов персонажей, связывают разные субъектно-речевые планы в единое художественное повествование. На фразеологическом уровне писатель активно использует в качестве выразительных метафор устойчивые обороты, которые формируют авторскую модальность, создают психологизм повествования и речевые портреты героев. Нередко фразеологизмы подвергаются творческим трансформациям (*как свою бороду знает; курьего яйца не стоят*), а также передают внутреннее состояние людей (*не выходили из головы; сжалось сердце; как в воду опущенный; в жар кинуло; в глазах потемнело; отлегло от сердца*). На синтаксическом уровне преобладают метафоры, выраженные сравнительными оборотами: *как два гриба; как белка; как прожилки на листьях; как осиновый лист; как ворона; как поваленное дерево на дороге* и др. Компаративные конструкции характеризуют внешние и внутренние качества героев повести. Уподобление людей птицам, животным, деревьям и растениям, а природы – человеку способствует их гармоничному объединению в общий живой мир. Этот выразительный прием передает авторскую идею о бережном, хозяйском отношении людей к природе.

Ключевые образные средства обладают высоким нарративным потенциалом и создают метафорическое поле «Человек и природа», которое эксплицирует концептуальное содержание произведения и занимает центральное место в повествовательной структуре текста.

Список литературы

- Абрамов В.П. Семантические поля русского языка. Москва: Флинта: Наука, 2019. 333 с.
- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Москва: Прогресс, 1990. С. 5–32.
- Балли Ш. Французская стилистика. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1961. 394 с.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. П.С. Косикова. Москва: Прогресс: Универс, 1994. 616 с.

Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. Москва: Флинта: Наука, 2009. 520 с.

Емельянова О.Н. Метафора // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. 2-е изд. Москва: Флинта: Наука, 2009. С. 176–178.

Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. Т. 2. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. С. 60–280.

Кожевникова Н.А. Избранные работы по языку художественной литературы. Москва: Знак, 2009. 896 с.

Кожевникова Н.А. О соотношении типов повествования в художественных текстах // Вопросы языкознания. 1985. № 4. С. 104–114.

Корнилов В. Избранное. Т. 1. Семигорье: Роман. Лесной хозяин: Повесть. Рассказы / вступ. ст. Ю.В. Лебедева. Москва: Современник, 1990. 572 с.

Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. Москва: Школа «Языки русской культуры»: Кошелев, 1998. 822 с.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию. Москва: Изд-во МГУ, 1982. 479 с.

Москвин В.П. Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи. Волгоград: Учитель, 2000. 198 с.

Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие. Москва: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.

Николина Н.А., Петрова З.Ю. Ключевые образные поля в текстах современной русской прозы // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4. С. 93–101.

Падучева Е.В. Семантика нарратива // Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке): науч. монография. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 195–418.

Попова Е.А. Коммуникативные аспекты литературного нарратива: науч. монография. Липецк, 2001. 268 с.

Потебня А.А. Эстетика и поэтика: сб. Москва: Искусство, 1976. 614 с.

Приходько В.К. Выразительные средства языка. Москва: Академия, 2008. 256 с.

Радбиль Т.Б. Лингвопоэтика и нарратология // Радбиль Т.Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения: науч. монография. Москва: Издательский дом ЯСК, 2017. С. 423–559.

Склярская Г.Н. Метафора в системе языка: науч. монография. Санкт-Петербург: Наука, 1993. 152 с.

СРЯ: Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. Москва: Русский язык, 1985–1988.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц: научная монография. Москва: Наука, 1986. 269 с.

Тюпа В.И. Нарратив // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тармарченко. Москва: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. С. 134–135.

Фокина М.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 140 с.

Фокина М.А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX–XX веков: науч. монография. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. 378 с.

Фокина М.А. Язык писателей Костромского края: монография. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2022. 173 с.

ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Фёдоров. Москва: Цитадель, 1997.

Харченко В.К. Функции метафоры. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 88 с.

Чарыкова О.Н. Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте. Воронеж: Истоки, 2000. 194 с.

Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

References

Abramov V.P. *Semanticheskie polia russkogo iazyka* [Semantic fields of the Russian language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka, 2019, 333 p.

Arutiunova N.D. *Metafora i diskurs* [Metaphor and discourse]. *Teoriia metafory* [Theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 5-32.

Balli Sh. *Frantsuzskaia stilistika* [French style]. Moscow, Izd-vo inostranoi literatury Publ., 1961, 394 p.

Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected works: Semiotics: Poetics], transl. from French, comp., ed. by P.S. Kosikova. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 616 p.

Bolotnova N.S. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological analysis of the text]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2009, 520 p.

Emel'ianova O.N. *Metafora* [Metaphor]. *Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo iazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic Dictionary-Reference. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings], ed. by A.P. Skovorodnikov, 2nd ed. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2009, pp. 176-178.

Zhenett Zh. *Povestvovatel'nyi diskurs* [Narrative discourse]. Zhenett Zh. *Figury: v 2 t. T. 2.* [Figures: in 2 vols., vol. 2]. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh Publ., 1998, pp. 60-280.

Kozhevnikova N.A. *Izbrannye raboty po iazyku khudozhestvennoi literatury* [Selected works on the language of fiction]. Moscow, Znak Publ., 2009, 896 p.

Kozhevnikova N.A. *O sootnoshenii tipov povestvovaniia v khudozhestvennykh tekstakh* [On the correlation of types of narration in literary texts]. *Voprosy iazykozna-niia* [Questions of linguistics], 1985, No. 4, pp. 104-114.

Kornilov V. *Izbrannoe. T. 1. Semigor'e: roman. Le-snoi khoziain: povest', rasskazy* [Selected. T. 1. Semi-gorye: a novel. Forest Master: A Tale: stories], intro. article by Yu.V. Lebedev. Moscow, Sovremennik Publ., 1990, 572 p.

Levin Iu.I. *Izbrannye trudy: Poetika. Semiotika* [Selected works: Poetics. Semiotics]. Moscow, Shkola «Iazyki russkoi kul'tury» Publ., Koshelev Publ., 1998, 822 p.

Losev A.F. *Znak. Simvol. Mif: trudy po iazykozna-niiu* [Sign. Symbol. Myth: works on linguistics]. Mos-cow, MGU Publ., 1982, 479 p.

Moskvin V.P. *Stilistika russkogo iazyka: Priemy i sredstva vyrazitel'noi i obraznoi rechi* [Stylistics of the Russian language: Techniques and means of expressive and figurative speech]. Volgograd, Uchitel' Publ., 2000, 198 p.

Nikolina N.A. *Filologicheskii analiz teksta: ucheb. posobie* [Philological text analysis: textbook]. Moscow, Akademiia Publ., 2003, 256 p.

Nikolina N.A., Petrova Z.Iu. *Kliucheveye obraznye polia v tekstakh sovremennoi russkoi prozy* [Key figura-tive fields in the texts of modern Russian prose]. *Verkh-nevolzhskii filologicheskii vestnik* [Upper Volga Philo-logical Bulletin], 2021, No. 4, pp. 93-101.

Paducheva E.V. *Semantika narrative* [Semantics of Narrative]. Paducheva E.V. *Semanticheskie issle-dovaniia (Semantika vremeni i vida v russkom iazyke): nauchnaia monografiia* [Semantic research (Semantics of time and aspect in Russian): scientific monograph]. Moscow, Shkola «Iazyki russkoi kul'tury» Publ., 1996, pp. 195-418.

Popova E.A. *Kommunikativnye aspekty literaturno-go narrativa: nauch. monografiia* [Communicative As-pects of Literary Narrative: Scientific Monograph]. Li-petsk, 2001, 268 p.

Potebnia A.A. *Estetika i poetika: sbornik* [Aesthet-ics and Poetics: Collection]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976, 614 p.

Prikhod'ko V.K. *Vyrazitel'nye sredstva iazyka* [Ex-pressive means of language]. Moscow, Akademiia Publ., 2008, 256 p.

Radbil' T.B. *Lingvopoetika i narratologiya* [Linguis-tic poetics and narratology]. Radbil' T.B. *Iazyk i mir:*

Paradoksy vzaimootrazheniia: nauchnaia monografi-iam [Language and the world: Paradoxes of mutual re-flection: scientific monograph]. Moscow, Izdatel'skii Dom IaSK Publ., 2017, pp. 423-559.

Skliarevskaia G.N. *Metafora v sisteme iazyka: nauchnaia monografiia* [Metaphor in the system of lan-guage: scientific monograph]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1993, 152 p.

Slovar' russkogo iazyka: v 4 t. [Dictionary of the Rus-sian language: in 4 vols.], ed. by A.P. Evgen'eva, 3rd publ. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1985–1988.

Teliia V.N. *Konnotativnyi aspekt semantiki nomina-tivnykh edinits: nauchnaia monografiia* [The connota-tive aspect of the semantics of nominative units: a sci-entific monograph]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 269 p.

Tiupa V.I. *Narrativ* [Narrative]. *Poetika: slovar' aktu-al'nykh terminov i poniatii* [Poetics: a dictionary of cur-rent terms and concepts], ed. by N.D. Tamarchenko. Moscow, Kulaginoi Publ., Intrada Publ., 2008, pp. 134-135.

Fokina M.A. *Filologicheskii analiz teksta: uchebnoe posobie* [Philological text analysis: textbook]. Kostroma, KGU Publ., 2013, 140 p.

Fokina M.A. *Frazeologiya v russkoi povestvovatel'noi proze XIX–XX vekov: nauch. monografiia* [Phraseolo-gy in Russian narrative prose of the 19th–20th centu-ries: a scientific monograph]. Kostroma, KGU Publ., 2007, 378 p.

Fokina M.A. *Iazyk pisatelei Kostromskogo kraia: monografiia* [Language of writers of the Kostroma re-gion: monograph]. Kostroma, Kostroma State Universi-ty Publ., 2022, 173 p.

Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo iazyka: v 2 t. [Phraseological dictionary of the Russian literary language: in 2 vols.], comp. A.I. Fedorov. Mos-cow, Tsitadel' Publ., 1997.

Kharchenko V.K. *Funksii metafory* [Functions of metaphor]. Voronezh, Izd-vo VGU Publ., 1991, 88 p.

Charykova O.N. *Rol' glagola v reprezentatsii indivi-dual'no-avtorskoi modeli mira v khudozhestvennom tek-ste* [The role of the verb in the representation of the in-dividual author's model of the world in a literary text]. Voronezh, Istoki Publ., 2000, 194 p.

Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003, 312 p.

Статья поступила в редакцию 11.04.2023; одоб-рена после рецензирования 12.05.2023; принята к пуб-ликации 15.05.2023.

The article was submitted 11.04.2023; approved after reviewing 12.05.2023; accepted for publication 15.05.2023.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИСТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В МИФОЛОГИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Большакова Наталья Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент, Псковский государственный университет, Псков, Россия, bolshakova55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2038-9565>

Муратова Мая Ильгельдыевна, кандидат педагогических наук, Псковский государственный университет, Псков, Россия, muratova.maya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5218-1294>

Аннотация. Статья посвящена категории реальности в коммуникативном поведении рассказчика в мифологическом нарративе. Проблема исследуется на материале более чем 800 текстов мифологических рассказов из собрания фольклорно-этнографического архива Псковского государственного университета. Путем сплошной выборки нарративных средств репрезентации реальности было выявлено два уровня показателей. Доминирующим маркером зоны реальности первого уровня явилось слово *правда* с его лексико-семантическими, модальными и синтаксическими интенсификаторами, которые создают смысловой контекст для ядерного наименования. Второй уровень показателей событийной реальности выражен с помощью формул заверения: *честное слово*, *ей-богу* и использования фразем альтернативного типа: *правда (или) неправда*, *правда (или) нет*. «Нулевой» показатель реальности иррационального события в дискурсе нарратора может объясняться как эмоционально-психологическим настроением рассказчика, так и коммуникативным поведением слушателя (собиранителя). Выводы по доминированию лексем как репрезентантов зоны реальности верифицированы с помощью применения электронных средств.

Ключевые слова: мифологический нарратив, зона реальности, дискурс рассказчика, правдивость, достоверность.

Благодарности. Исследование подготовлено при финансовой поддержке ПсковГУ в рамках научного проекта 2022–2023 гг. «Электронная база данных как модуль цифрового кластера традиционной вербальной культуры Псковского региона».

Для цитирования: Большакова Н.В., Муратова М.И. Репрезентация мистической реальности в мифологическом нарративе // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 135–140. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-135-140>

Research Article

REPRESENTATION OF MYSTICAL REALITY IN THE MYTHOLOGICAL NARRATIVE

Natalia V. Bolshakova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Pskov State University, Pskov, Russia, bolshakova55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2038-9565>

Maya I. Muratova, Candidate of Pedagogic Sciences, Pskov State University, Pskov, Russia, muratova.maya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5218-1294>

Abstract. The article is devoted to the category of reality in the communicative behaviour of the narrator in the mythological narrative. The problem is investigated on the material of more than 800 texts of mythological stories from the collection of the folklore and ethnographic archive of Pskov State University. Two levels of indicators were identified by a continuous sampling of narrative means of representing reality. The dominant marker of the zone of reality of the first level was the word *truth* with its lexico-semantic, modal and syntactic intensifiers, which create a semantic context for the nuclear name. The second level of indicators of event reality is expressed by means of assurance formulas: *honestly*, *by God*, and the use of alternative type phrases: *(either) true or false*, *(either) truth or not*. The “zero” indicator of the reality of an irrational event in the narrator’s discourse can be explained both by the emotional and psychological mood of the narrator and by the communicative behaviour of the listener (collector of folklore). Conclusions on the dominance of lexemes as representatives of the zone of reality have been verified using electronic means.

Keywords: mythological narrative, reality zone, narrator’s discourse, truthfulness, authenticity.

Acknowledgments. The study was prepared with the financial support of Pskov State University within the framework of the scientific project 2022-2023 “Electronic database as a module of the digital cluster of the traditional verbal culture of Pskov Region”.

For citation: Bolshakova N.V., Muratova M.I. Representation of mystical reality in the mythological narrative. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 135–140 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-135-140>

Введение. Источником исследования стали более 800 текстов мифологических рассказов из собрания фольклорно-этнографического архива Псковского государственного университета, изданные в двух частях [Мифологические рассказы 2021, 2022]. Первое издание текстов регионального характера осуществлено на основе аудиозаписей с расшифровкой, максимально сохраняющей коммуникативные особенности устной диалектной речи, такие как самокомментарии, самоперебивы, возвраты, повторы, незаконченные фразы, паузы хезитации – вокализованные или незаполненные. Исследуемые тексты наполнены различными автокомментариями лингвоэтнографического характера, невербальными реакциями, к которым относятся жесты, а также смех как одна из форм самооценки и, с большой вероятностью, внутренней самозащиты.

При выявлении особенностей рассказа как прозаического жанра в литературе обращено внимание на очевидную адресацию текста, заложенную в самом названии *рассказ* и связанного с ним глагола *рассказывать*, управляющего дательным падежом: *рассказывать (что) кому* [Арутюнова: 6]. Наличие слушателя сообщает рассказу не только адресацию, но и придает ему диалогический характер, даже если повествование оформляется говорящим как монолог.

Рассматривая коммуникативную ситуацию, в которой происходит экспедиционное обследование, можно определить ее как диалог носителей двух культур, причем роль собирателя оценивается скорее как доминирующая, так как именно исследователь, задавая тему разговора и при этом «оставаясь в тени», обеспечивает успешность коммуникативного акта [Большакова]. Исследователи фольклора, правда, отмечают, что такая ситуация не передает естественного бытования мифологических рассказов в традиционной культуре [Левкиевская 2008; Черванева 2016]. Сходная проблема характерна и для диалектологии: собранные в архивах диалектные записи являются результатом научного эксперимента, инициированного диалектологом. Диалектная речь, конечно, существует объективно вне зависимости от факта ее осознания исследователем. Однако научному описанию, как правило, доступны записи, сделанные в экспедициях. В результате в контакте информанта со слушателем формируется дискурс, максимально приближенный к «живой» традиции, репрезентативность которого обеспечивается количественной, временной и ареальной достаточностью. Учитывая специфику материала, в работе мы пользуемся терминами, очерчивающими предмет исследования: *дискурс мифологических расска-*

зов либо нарратив(ы) мифологического характера / мифологический(ие) нарратив(ы).

Как отмечают исследователи, в мифологических рассказах, в отличие от немифологической прозы, изложение всегда осуществляется с точки зрения мнений и оценок рассказчика, нарратора [Черванева 2020]. Мировоззрение рассказчика получает в тексте мифологического повествования развернутую языковую репрезентацию, которая выражается в модальных установках, эмоциональных оценках: «Рассказчик является не только персонифицированным субъектом повествования, но и субъектом оценок, суждений, интерпретаций, а также часто и субъектом действия, выступая как персонаж в нарративах личного опыта» [Черванева 2017: 10].

В работе рассматривается категория реальности и связанные с ней понятия действительности, подлинности [Оводова] как наиболее значимые для мифологических рассказов, ориентированных на «правдивость» повествования.

Цель и задачи исследования. Целью работы является системное представление языковых репрезентантов категории реальности в коммуникативном поведении рассказчика в мифологическом нарративе. Задачи работы: выявление смысловых маркеров, эксплицирующих событийную реальность; раскрытие способов языкового выражения отношения рассказчика как языковой личности к реалиям и событиям мифологического повествования.

Методы исследования. В работе представлен опыт нарративного анализа мифологического текста. Смысловые доминанты дискурса выявляются путем систематизации единиц, репрезентирующих категорию реальности. Методика системного анализа используется в работе для установления коррелятивных связей между репрезентантами (лексемами и устойчивыми сочетаниями). Сходная методика применяется для выявления коннотационных сем, передающих общую модальную оценку содержания, выраженную рассказчиком. Выводы по доминированию лексем как репрезентантов зоны реальности верифицированы с помощью применения специальной компьютерной программы.

Категории реального и воображаемого в дискурсе мифологического рассказа. Достоверность как двойственная категория нарратива. По данным толкового словаря, лексемы *реальный* и *воображаемый* находятся в отношениях противоположности: ср. *реальный* ‘существующий на самом деле, действительный, не воображаемый’ [Словарь III: 690]. В семантический круг этого слова включены также адеквативы *подлинный, достоверный*: ср. *достовер-*

ный 'не вызывающий сомнений; подлинный, реальный' [Словарь I: 437]. Основываясь на параллелизме сем, получаем ряд близких по значению, но не тождественных синонимов *реальный, подлинный, достоверный*, причем последняя лексема в этом ряду коррелирует со словом *правдивый*.

Истории, рассказанные говорящим, с его точки зрения, как правило, являются отражением реальных событий, которые произошли с самим рассказчиком или с другим лицом (со слов говорящего). Речь идет не только о традиционном разделении мифологических рассказов на мемораты и фабулаты, но и о дифференциации роли нарраторов: выделении первичного – нарратора-повествователя – и вторичного (если таковой имеется), со слов которого описывается событие [Черванева 2017]. Итак, используя категорию достоверности, исследователи мифологического нарратива относят ее не столько к событийной сфере повествования, сколько к области интерпретации этой реальности рассказчиком [Веселова; Черванева 2017а].

Оценивая словарные дефиниции и дискурсивные смысловые наращивания адъективных лексем того же семантического ряда, Н.Н. Панченко приходит к заключению о совмещении двух планов в понятии категории достоверности: «соответствие реальному положению вещей в мире и субъективной уверенности человека в адекватной интерпретации данного соответствия» [Панченко: 136]. Действительно, если реальность имеет своим антиподом ее полное отсутствие – ирреальность, то признак достоверности может проявляться в разной степени, что еще более размывает ее границы.

В связи с дуализмом категории достоверности в своей работе мы используем как смысловые маркеры мифологического нарратива понятия событийной реальности (*И действительно, это уже я сама лично видала. // Да, это в самом деле было, в самом деле.*) и правдивости рассказчика-интерпретатора (*Есть, ей-богу есть! // Ай, ну честное слово! // А вот это было с моим дедом. Он рассказывал. Он человек такой был – никогда не врал. // Сам Ванька Кравцов говорил, даже божился, а то подумают, что ложь.*).

Исследование мифологического сознания устанавливает одну из важнейших его задач, проявляющуюся в коммуникации, а именно обеспечение трансляции «социального опыта эмоционально-ценностных отношений, внегенетическую передачу знания, ценностного и духовного опыта» [Пивоев: 47–48]. Действительно, нарратор в мифологическом повествовании осознает свою роль как носителя знания, которое выполняет функцию оберега в ситуации контакта с потусторонней силой или с людьми, наделенными сверхъестественной силой [Христофорова: 121]. Социальная роль быличек как поучительного рассказа обуслов-

ливает готовность носителя традиционной культуры общаться с молодыми (как правило) собирателями в экспедиционных условиях. Дидактический характер мифологических рассказов, «связанный с выработкой возможных форм поведения и системы действий по отношению к обсуждаемому событию» [Левкиевская 2009], обеспечивает этому типу устной коммуникации высокую степень правдивости и искренности, идущую от рассказчика.

Языковые маркеры категории реальности в дискурсе повествователя. Диалогический характер дискурса мифологических рассказов предполагает различные модальные оценки со стороны говорящего. Выделим основные типы показателей, маркирующих зону реальности описываемого в рассказе события.

Основным лексическим показателем зоны реальности в нашем материале выступает слово *правда* ('то, что соответствует действительности; истина' [Словарь III: 351]) – в сочетании с глаголом говорения (*А я правду говорю, какой мне толк выдумывать?*) и в предикативной функции (*Это правда. Я их хорошо знаю.*). В функции оценочного элемента в составе предиката для усиления значения используются определения: *чистая, истинная: Ну, вот это уже чистая правда, это не врёт. Это правда... Ну, это всё истинная правда, конечно, таких случаев – миллион! // А вот ещё со мной было. Чистая правда!* Интенсификаторами выступают также другие дискурсивные средства: повторы (*Вот это правда. Это правда было! // Это было правда. Это было в Репище. Это только правда.*), модальные слова со значением утверждения (*Ну конечно, правда, конечно! // Действительно, правда. Вот так! Клянусь вам!*). На весь массив текстов лишь однажды встретилось слово *истина* с его интенсификатором – в повествовании рассказчицы о личном опыте контакта с предвестником смерти ее брата (в доказательство правдивости рассказа добавляется факт собственного существования): *Это истина. <...> Это исключительно истина. Вот я живая и всё.* Региональный характер материала передает свойственные диалектному дискурсу маркеры правдивости, например: *Это добыльно, я не вру.* Ср. *добыльный* 'истинный, верный': *Эта добыльная правда* [Псковский областной словарь: 96].

Преимущественно в меморатах выражением правдивости рассказанной истории выступают формулы заверения, клятвенные формулы, крепость которым придает обращение к чести (*Ай, ну честное слово!*) или к Богу (*Есть, ей-богу есть! // Лягу – одеяло поднимается и свалится, и душит меня, душит. Ей-богу, так и было! Вот гляну: будто кот.*).

Степень погруженности рассказчика в повествование обусловлена разными «ступенями наррации» [Черванева 2017: 11]. В рассказах о чужом

мистическом опыте реальность события может интерпретироваться рассказчиком с помощью языковых формул альтернативного типа с лексемой *правда*: *Правда это или неправда?.. // А там был он или не был, правда это или нет... // А бог его знает, правда это или нет! // Не знаю, правда это или нет*. Выражения *правда (или) неправда, правда (или) нет*, на наш взгляд, – не просто знак оценки реальности события с модальностью неуверенности. В таких рассказах всегда есть указание на источник, как правило авторитетный (*мама, папаша*): *Ну, так мама говорила, правда это – неправда. // А правда ли это, я даже не знаю. Ну, это вот Надя говорила, что ейный папаша вот был молодой и кинул камушек и в няё попал. И, говорить, вот так было*. Опора на источник, заслуживающий доверия, проявляется в неопределенно-личных конструкциях с предикатом – глаголом говорения (*говорили, говорят*): *А правда это, не правда, я там не была, не видела. Но так вот говорили. // Ну, это уже, говорят, под видом покойника приходит, якобы, как нечистый дух, что ли. Правда это или неправда, не знаю. // Привидения были, видели, а кто знает, правда или неправда. А правда это или нет, а говорили так*. Поскольку интенция рассказчика в мифологическом нарративе по определению ориентирована на достоверность, то пропозицию подобных высказываний можно представить в виде смыслового конструкта: «я единолично не могу судить о правдивости рассказанного, но в том социуме, к которому я принадлежу, об этом достоверно известно».

Заключение. Проведенное исследование показывает, что мифологические тексты регионального характера, представленные в большом объеме (в нашем случае – более 800 единиц), могут служить репрезентативным материалом для выявления основополагающих признаков мифологического нарратива. Выводы, следующие из анализа данного корпуса текстов, могут быть релевантны для текстов мифологических рассказов определенной эпохи других регионов. Более того, именно так, путем соотношения «фольклорных диалектов» [Неклюдов], выявляются универсальные и этноспецифические черты культурных феноменов. Относительно устной фольклорной прозы, сближающейся с разговорной речью в целом, для корректного соотношения требуется использовать материалы, записанные с одинаковой степенью подробности и «расшифрованные» с сохранением дискурсивных свойств устной речи.

Путем сплошной выборки нарративных средств репрезентации реальности было выявлено два уровня показателей. Доминирующим маркером зоны реальности явилось слово *правда* с его лексическими интенсификаторами: *истинная правда, чистая правда, только правда*. Интенсификатором, служащим не только для усиления основного смысла, но и для выражения

экспрессии, выступает также синтаксический повтор и модальные слова со значением утверждения (*действительно, конечно*), которые создают смысловой контекст для ядерного модификатора зоны реальности – лексемы *правда*. Зона реальности маркируется также синонимичным словом *истина* и диалектизмом *добыльню* тоже в предикативной функции.

Существенно представить количественные показатели лексических средств, характеризующих зоны реальности. С помощью программы распознавания PDF-текста (PDF-XChange Editor – ПДФ Эксчендж Эдитор) был выявлен 21 случай использования слова *правда* в предикативной функции (из 48 зафиксированных вхождений были вычтены факты употребления слова *правда* в иных функциях, главным образом в роли уступительного союза либо как вводного слова с модальностью истинности, достоверности, но не по отношению к изучаемому объекту). Другие из отмеченных средств имеют по одному вхождению.

Второй уровень показателей событийной реальности выражен с помощью формул заверения: *честное слово* – два употребления, *ей-богу* – три употребления. Структурное поле семантических отношений включает также квалификаторы на основе принципа противоположности. Антонимические пары *правда – неправда* и *правда – ложь* по-разному представлены в нарративе мифологических рассказов. Первая реализуется исключительно в составе формул альтернативного типа *правда (или) неправда, правда (или) нет*. Слово *ложь* имеет одну фиксацию, отраженную в ранее приведенном высказывании, где, кроме того, клятвенной формуле *ей-богу* соответствует лексема *божиться*: *Сам Ванька Кравцов говорил, даже божился, а то подумают, что ложь*.

Таким образом, в мифологическом нарративе реализована отчетливо выраженная система языковых средств, передающих отношение рассказчика как языковой личности к реалиям и событиям мифологического повествования. Вместе с тем следует подчеркнуть, что далеко не все тексты содержат выявленные признаки. «Нулевой» показатель реальности иррационального (с точки зрения немифологического сознания) события в дискурсе нарратора может объясняться как эмоционально-психологическим настроением самого рассказчика, так и коммуникативным поведением слушающего: его профессионализмом как собирателя либо склонностью его сознания к немифологизму. В любом случае эти проблемы лежат за пределами темы настоящего исследования.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Из наблюдений над адресацией дискурса // Логический анализ языка. Адресация дискурса / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. Москва: Индрик, 2012. С. 5–13.

Большакова Н.В. Взаимодействие дискурсов в диалектном тексте // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2009. № 54. С. 7–10.

Веселова И.С. О степенях достоверности фольклорного рассказа // Фольклор, постфольклор, быт, литература: сб. ст. к 60-летию А.Ф. Белоусова. Санкт-Петербург: СПбГУКИ, 2006. С. 50–58. URL: http://folk.ru/Research/veselova_dostovernost.php

Левкиевская Е.Е. Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: сб. ст. в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. Москва: РГГУ, 2008. С. 341–363. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya5.htm>

Левкиевская Е.Е. Слухи как речевой жанр. URL: https://ruthenia.ru/folklore/ls09_program_levkievskaya.htm

Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья: монография: в 2 ч. Ч. 1: Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение / авт.-сост. Г.И. Плошук; под ред. Н.В. Большаковой. Псков: ЛОГОС, 2021. 382 с.

Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья: монография: в 2 ч. Ч. 2: Тексты. Комментарии. Исследования: аудиоприложение / авт.-сост. Г.И. Плошук; под ред. Н.В. Большаковой. Псков: Конкорд, 2022. 564 с.

Неклюдов С.Ю. Диалектность – региональность – универсальность в фольклоре // Универсалии русской литературы. Воронеж: Научная книга, 2012. Вып. 4. С. 8–38.

Оводова С.Н. Идея реальности в философских понятиях и метафорах // Омский научный вестник. 2013. № 4 (121). С. 101–104.

Панченко Н.Н. Когнитивные категории «истинность» и «достоверность»: общее и различное // Лингвистика и межкультурная коммуникация. Знание. Понимание. Умение. 2009. № 1. С. 132–136.

Пивоев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск: Карелия, 1991. 111 с.

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 9. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1994. 218 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньев. Москва: Русский язык, 1981–1984.

Христофорова О.Б. Дискурс о колдовстве и локальные фольклорные традиции: семантика, прагматика, социальные функции: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2010. 269 с.

Черванева В.А. «Возможные» и «невозможные» миры в фольклоре // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3, № 3. С. 10–13.

Черванева В.А. Границы достоверности мифологического рассказа: делал – видел – слышал – был // Русская речь. 2017а. № 5. С. 112–117.

Черванева В.А. Мифологические рассказы как феномен коммуникации // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2016. № 1. С. 148–152.

Черванева В.А. «Рассуждающий» повествователь в мифологическом нарративе // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 12 (33). С. 9–16.

References

Arutyunova N.D. *Iz nablyudenij nad adresaciej diskursa* [From Observations on Discourse Addressing]. *Logicheskij analiz yazyka. Adresaciya diskursa* [Logical analysis of language. Discourse addressing], ed. by N.D. Arutyunova. Moscow, Indrik Publ., 2012, pp. 5–13. (In Russ.)

Bol'shakova N.V. *Vzaimodejstvie diskursov v dialektnom tekste* [Interaction of discourses in a dialect text]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo* [Bulletin of Yaroslav the Wise Novgorod State University], 2009, № 54, pp. 7–10. (In Russ.)

Chervaneva V.A. «Vozmozhnye» i «nevozmozhnye» miry v fol'klоре [“Possible” and “impossible” worlds in folklore]. *Fol'klор: struktura, tipologiya, semiotika* [Folklore: structure, typology, semiotics], 2020, vol. 3, № 3, pp. 10–13. (In Russ.)

Chervaneva V.A. *Granicy dostovernosti mifologicheskogo rasskaza: delal – videl – slyshal – byl* [The boundaries of the reliability of the mythological story: did – saw – heard – was]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 2017а, № 5, pp. 112–117. (In Russ.)

Chervaneva V.A. *Mifologicheskie rasskazy kak fenomen kommunikacii* [Mythological stories as a phenomenon of communication]. *Vestnik VGU. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of VSU. Series: Philology. Journalism], 2016, № 1, pp. 148–152. (In Russ.)

Chervaneva V.A. «Rassuzhdayushchij» povestvovatel' v mifologicheskom narrativе [The “reasoning” narrator in the mythological narrative]. *Vestnik RGGU. Ser.: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Culturology. Oriental studies], 2017, № 12 (33), pp. 9–16. (In Russ.)

Hristoforova O.B. *Diskurs o koldovstve i lokal'nye fol'klornye tradicii: semantika, pragmatika, social'nye funkcii: dis. ... d-ra filol. nauk* [Discourse on Witchcraft and Local Folklore Traditions: Semantics, Pragmatics, Social Functions: DSc thesis]. Moscow, 2010, 269 p. (In Russ.)

Levkievskaya E.E. *Bylichka kak rechevoj zhanr* [Bylichka as a speech genre]. *Kirpichiki: fol'klорistika i kul'turnaya antropologiya segodnya: sb. st. v chest' 65-letiya S.YU. Neklyudova i 40-letiya ego nauchnoj deyatel'nosti* [Bricks: folkloristics and cultural anthropology today: collection of articles in honor of the 65th anniversary of S. Yu. Neklyudov and the 40th anniversa-

ry of his scientific activity]. Moscow, RGGU Publ., 2008, pp. 341-363. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya5.htm> (In Russ.)

Levkievskaya E.E. *Sluhi kak rechevoj zhanr* [Rumors as a speech genre]. URL: https://ruthenia.ru/folklore/lis09_program_levkievskaya.htm (In Russ.)

Mifologicheskie rasskazy pskovsko-belorusskogo pogranič'ya: monografiya: v 2 ch., ch. 1: Teksty. Kommentarii. Issledovaniya. Audiopriložhenie [Mythological stories of the Pskov-Belarusian borderland: monograph: in 2 parts. Part 1: Texts. Comments. Research. Audio application], author-compiler G.I. Ploshchuk; ed. by N.V. Bol'shakovoj. Pskov, LOGOS Publ., 2021, 382 p. (In Russ.)

Mifologicheskie rasskazy pskovsko-belorusskogo pogranič'ya: monografiya: v 2 ch., ch. 2: Teksty. Kommentarii. Issledovaniya: audiopriložhenie [Mythological stories of the Pskov-Belarusian borderland: monograph: in 2 parts. Part 2: Texts. Comments. Research: audio application], author-compiler G.I. Ploshchuk; ed. by N.V. Bol'shakovoj. Pskov, Konkord Publ., 2022, 564 p. (In Russ.)

Neklyudov S.YU. *Dialektnost' – regional'nost' – universal'nost' v fol'klоре* [Dialectism – regionality – universality in folklore]. *Universalii russkoj literatury* [Universals of Russian literature]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2012, vol. 4, pp. 8-38. (In Russ.)

Ovodova S.N. *Ideya real'nosti v filosofskih ponyatiyah i metaforah* [The idea of reality in philosophical concepts and metaphors]. *Omskij nauchnyj vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2013, № 4 (121), pp. 101-104. (In Russ.)

Panchenko N.N. *Kognitivnye kategorii «istinnost'» i «dostovernost'»: obshchee i razlichnoe* [Cognitive categories “truth” and “reliability”: common and different]. *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. Znanie. Ponimanie. Umenie* [Linguistics and intercultural communication. Knowledge. Understanding. Skill], 2009, № 1, pp. 132-136. (In Russ.)

Pivoev V.M. *Mifologicheskoe soznanie kak sposob osvoeniya mira* [Mythological consciousness as a way of mastering the world]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1991, 111 p. (In Russ.)

Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi [Pskov regional dictionary with historical data]. Saint Petersburg, LGU Publ., 1994, vol. 9, 218 p. (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. [Dictionary of the Russian language: in 4 vols.], ed. by A.P. Evgen'eva. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1981–1984. (In Russ.)

Veselova I.S. *O stepenyah dostovernosti fol'klornogo rasskaza* [On the degrees of authenticity of a folklore story]. *Fol'klor, postfol'klor, byt, literatura: sb. st. k 60-letiyu A.F. Belousova* [Folklore, post-folklore, everyday life, literature: collection of articles dedicated to the 60th anniversary of A.F. Belousov]. Saint Petersburg, SPbGU-KI Publ., 2006, pp. 50-58. URL: http://folk.ru/Research/veselova_dostovernost.php (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.05.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 24.05.2023.

The article was submitted 02.05.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 24.05.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 141–149. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 141–149. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 81'42

EDN VLQTHH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-141-149>

ПОСТФОЛЬКЛОРНЫЙ СЮЖЕТ «ДЕЛАТЬ УРОКИ»: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ильина Лариса Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент, Оренбургская духовная семинария, Оренбург, Россия, nerol2620@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1765-8610>

Аннотация. Прагматический аспект изучения текстов постфольклора обусловлен способностью данных текстов минимальным количеством текстового содержания производить коммуникативный эффект, вызывать у рецептора прагматические отношения к сообщаемому. Цель работы заключается в проведении прагматического анализа постфольклорного текста, включающего определение позиции автора, прагматической установки текста и типов прагматических значений слов. Методами исследования являются лингвосociологический и сравнительно-сопоставительный; для проведения прагматического анализа постфольклорного текста используются семантический, структурный и интерпретационный методы. В ходе исследования дано определение *школьного фольклора и интернетлора*, разработана схема прагматического анализа постфольклорного текста. Материал исследования классифицирован по жанрам. Автор приходит к выводу, что сюжет «делать уроки» осуществляет прагматическое воздействие на получателя информации.

Ключевые слова: постфольклор, школьный фольклор, интернетлор, фольклорный жанр, сюжет «делать уроки», прагматический анализ.

Для цитирования: Ильина Л.Е. Постфольклорный сюжет «делать уроки»: прагматический аспект // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 141–149. <https://doi.org/10/34216/1998-0817-2023-29-2-141-149>.

Research Article

MODERN FOLKLORE PLOT “DOING HOMEWORK”: A PRAGMATIC ASPECT

Larisa E. Ilyina, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor of the Department of Philological Disciplines, Orenburg Theological Seminary, Orenburg, Russia, nerol2620@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1765-8610>

Abstract. The pragmatic aspect of the study of modern folklore texts is due to the ability of these texts to produce a communicative effect with a minimum amount of textual content, to evoke pragmatic attitudes towards the message in the receptor. The purpose of the work is to conduct a pragmatic analysis of the modern folklore text, including the determination of the author's position, the pragmatic setting of the text and the types of pragmatic meanings of words. The research methods are linguo-sociological and comparative; semantic, structural and interpretive methods are used to conduct a pragmatic analysis of a modern folklore text. In the course of the study, the definition of school folklore and Internet lore was given, and a scheme for a pragmatic analysis of a modern folklore text was developed. The research material is classified by genre. The author comes to the conclusion that the plot “to do homework” have a pragmatic effect on the recipient of information.

Keywords: modern folklore, school folklore, Internet lore, folklore genre, “doing homework” plot, pragmatic analysis.

For citation: Ilyina L.E. Modern folklore plot “doing homework”: a pragmatic aspect. Bulletin of the Kostroma State University. 2023, vol. 29, № 2, pp. 141–149 (In Russ.). <https://doi.org/10/34216/1998-0817-2023-29-2-141-149>

Постфольклором [Неклюдов] или современным фольклором называют городские легенды, песни, анекдоты, слухи, другие сюжеты и образы урбанистической мифологии [Грамотчикова: 29]. В нашем исследовании постфольклорный текст – система ментальных, речевых и визуальных конструкций и стереотипов, устоявшихся в сознании общества образов, сюжетов и поведенческих практик, которые связаны с определенными территориями и их сообществами [Лурье].

Теоретические аспекты, связанные с изучением фольклора вообще, детского фольклора, современного фольклора, представлены в работах В.Я. Проппа, С.Ю. Неклюдова, А.Ф. Белоусова, Е.М. Мелетинского, Е.С. Новик, М.П. Чередниковой, Ф.С. Капицы, Т.М. Колядич, С.М. Лойтер, Е.М. Неелова. Детский фольклор стал предметом изучения лингвистов только в конце XX века.

Школьный фольклор есть тексты и традиции, существующие в сообществе учащихся образовательных учреждений как часть детского фольклора, он отражает мировосприятие детей разных возрастов, их социальных опыт и коммуникативные умения. Школьный фольклор мы относим к постфольклорной традиции, поскольку он сохраняет особенности традиционного фольклора: анонимность, вариативность, использование определенных оборотов речи и форм предъявления, но существенно отличается от традиционного фольклора скоростью распространения и интенсивностью появления новых жанров и форм. В XXI веке многие свойства фольклора воспроизводятся в форме текстов сетевых коммуникаций, образующих сферу *интернетлора* [Ильина: 70]. Интенсификация процессов текстообразования затрудняет фиксацию постфольклорных текстов, определение жанровой принадлежности и сферы их функционирования, модификацию сюжетов.

Из всего многообразия школьного фольклора нами был выбран сюжет, связанный с выполнением домашних заданий. *Фольклорный сюжет*, по мнению Б.Н. Путилова, – художественная конструкция и материальное выражение процессов, осмысляемых коллективным сознанием [Путилов: 185].

Материалом исследования послужили тексты школьного фольклора, полученные в результате анкетирования; тесты, собранные автором статьи за годы профессиональной педагогической деятельности; тексты традиционного школьного фольклора и интернетлора, находящиеся в открытых источниках.

Прагматический аспект изучения текстов постфольклора обусловлен способностью данных текстов минимальным количеством текстового содержания производить коммуникативный эффект, вызывать у реципиентов прагматические отношения к сообщаемому, осуществляя прагматическое воздействие

на получателя информации. Люди, использующие в процессе лингвистической коммуникации языковые знаки, не относятся к ним безразлично: они по-разному реагируют на те или иные языковые единицы, а через них – и на сами обозначаемые ими референты и денотаты [Бархударов].

Согласно концепции прагматизации значения, значение высказывания неотделимо от прагматической ситуации, а значения слов определяются через указание на коммуникативные цели речевого акта [Витгенштейн].

В прагматическом аспекте каждое постфольклорное высказывание может быть рассмотрено относительно: социальной ситуации; факта реальности и факта речи (сага – прошлое, поступление в школу – одновременность, гадание – будущее); результатов высказывания, ответной реакции слушателя; а также относительно используемых языковых средств (в широком смысле понимания языка) [Адоньева: 9].

Создание, распространение и непроходящий интерес к школьному фольклору тесно связаны с понятием *системы прочных приобретенных predisposedностей*, или *габитуса* (лат. *habitus* – внешность) [Бурдые: 160].

В данной статье из эстетических соображений примеры текстов школьного фольклора, содержащие сниженную лексику и эвфемизмы, не приводятся.

В советский период школьные фольклорные тексты были ориентированы на пародирование школьной программы. Отдельные выражения строились на ассоциациях с лучшими произведениями мировой литературы или значимыми историческими событиями (А.С. Архипова, А.В. Козьмин): *каникулы – 10 дней, которые потрясли мир; день перед контрольной работой – последний день Помпей; ученик на педсовете – Миклухо-Маклай у людоедов*.

На рубеже веков и сейчас подобные выражения строятся на ассоциациях, связанных с культурой андерграунда, шоу-бизнесом, популярными ток-шоу, высказываниями блогеров, тик-токеров. Так, демо-

Рис. 1. Демотиватор с изображением Добби из фильма «Гарри Поттер и Тайная комната» (2002, реж. К. Коламбус)

тиватор с изображением Добби из фильма «Гарри Поттер и тайная комната» (рис. 1) содержит текст, набранный крупным шрифтом: *Каждый раз, уходя с работы, (далее мелко) радостно проговариваю про себя «Ура, Добби свободен!»* Реакция к демотиватору в учительском чате: *«Конечно, свободен, главное не забыть взять домой тетради для проверки!»*

Постфольклорный сюжет «делать уроки» выделяется из других тем школьного фольклора именно регулярностью повторения и особым драматизмом, с которым обыгрывается сложность программ, нердивность ученика, поведение родителей при выполнении домашних заданий, некомпетентность учителя.

Разработанная нами схема прагматического анализа постфольклорного текста включает определение позиции автора, прагматической установки текста и типов прагматических значений слов. Позиция автора может заключаться в: расширении коммуникативного права читателя; предложении читателю позиции соавтора; ограничении или игнорировании коммуникативного права читателя. Прагматическая установка текста – это своеобразное использование языковых и стилистических средств национального языка, включая сюжетно-композиционное построение речевого произведения. Определение типов прагматических значений всех слов, составляющих постфольклорный текст, нецелесообразно, так как текст может пересказываться (переписываться) другими словами. Мы будем выделять содержательно-прагматические аспекты ключевых слов текста (Л.С. Бархударов), опираясь на работы К.В. Чистова, И.А. Осиповой, S. Rose.

Ключевыми словами мы вслед за S. Rose называем особо важные, общепонятные, ёмкие и показательные для отдельно взятой культуры слова в тексте, набор которых может дать описание его содержания, обеспечив компактное представление и хранение его смысла в памяти [Rose]. Ключевые слова способны «провоцировать» респондента на исполнение текста, в котором это ключевое слово является опорным, и, собственно, благодаря этому слову и происходит узнавание и сохранение текста.

Определение типов прагматических значений слов будет состоять в уточнении стилистической характеристики и регистра слова, его эмоциональной окраски и коммуникативной нагрузки.

Для получения репрезентативного материала было проведено анкетирование среди школьников 5–8 классов (10–14 лет), учителей и родителей города Оренбурга и Оренбургского района. В анкете содержалось предложение вспомнить и написать истории, анекдоты, высказывания о школьных уроках, о заданиях на дом, о выполнении домашних заданий. Отдельно предлагалось проанализировать содержание чатов, в которых респонденты являются участ-

никами, и найти фрагменты диалогов на указанную тему. Анкетирование проводилось на внеклассных мероприятиях, родительских собраниях, методических совещаниях учителей и предварялось беседой о постфольклоре как индикаторе скрытых настроений общества и о школьном фольклоре как явлении, знакомом каждому, но которому уделяется неоправданно мало внимания. В зависимости от состава аудитории сложность изложения менялась. Также использовалась рассылка в родительских / учительских чатах. Было собрано порядка 600 текстов, причем среди текстов в анкетах школьников преобладают тексты юмористического содержания (анекдоты, «приколы», дразнилки), среди текстов в анкетах родителей – демотиваторы и фразы из интернета, рассказы «когда мы учились...». Установлена связь между возрастом/образованием взрослых респондентов и качеством/количеством записанных текстов. Также были использованы результаты анкетирования, проводимого автором ранее по изучению семейных преданий и постфольклорных текстов, среди которых довольно часто встречались тексты школьной тематики.

Кроме анкетирования были изучены материалы, находящиеся в открытом доступе в Интернете: сайты школ, популярных телепередач, каналы блогеров, коллекции демотиваторов и картинок, подборки анекдотов, сценариев школьных праздников, видео на YouTube и комментарии к ним. Из собранных материалов методом сплошной выборки были отобраны тексты, затрагивающие проблему подготовки уроков.

В ходе изучения школьного фольклора мы отобрали 10 текстов, в которых описывается ситуация «делать уроки», и предложили респондентам (5 групп по 20–25 человек) выделить в них ключевые слова. Объем отобранных текстов варьировался от 100 до 1 000 знаков, но респонденты были ориентированы на определение ключевых слов даже в самом коротком тексте. Количество ключевых слов, предложенных респондентами к одному тексту, было прямо пропорционально его объему. В 50 % полученных анкет содержатся аналогичные ответы (глубочайшие извинения / извинения учителям / извинения школьникам учителям). В дальнейшем планируется более подробное изучение объема ключевых слов, их систематизация, распределение по тематическим группам. Дальнейший анализ позволил установить, что ключевые слова образуют в тексте семантические комплексы: вокруг них группируются слова, связанные с ними ассоциативно, однокоренные слова, повтор которых в том или ином контексте, как правило, не случаен. Через ключевые слова выражается не только основная идея текста, но и авторская индивидуальность.

Затем все отобранные тексты были распределены по их жанровой принадлежности. Такие жанры, как *рассказы, частушки, анекдоты, переделки*, со-

храняют признаки жанров традиционного фольклора. К перечисленным жанрам мы добавили жанры пост-фольклора и интернетлора: *демотиваторы и рисунки, тексты из учительских и родительских чатов, тексты разговорного жанра, тексты блогеров*. Далее приведены наиболее яркие примеры, полученные в результате анкетирования или редко встречающиеся в сети. В примерах, полученных в результате анкетирования, исправлены грамматические ошибки.

Рассказы (истории)

Заметки уставшей мамы. Моя мама рассказывала, что когда они учились в школе, по вечерам все сидели в одной комнате за одним столом – дети готовили уроки, мама что-то штопала или вязала, отец мастерил или читал газеты. И никто никому не мешал, дети учились хорошо, все получили высшее образование. Сейчас у каждого своя комната, свой стол, компьютер, всякие штучки-дрючки, и не учатся! (информант 172, 1955 г. р., род. в Оренбурге, медицинское образование).

Частушки

Овердофига уроков,
Достаю решебники,
Мама с папой пусть читают
За меня учебники
(информант 17, 1997 г. р.,
филологическое образование, учитель).

Анекдоты

– Вовочка, а ну, не грызи ручку!
– Не могу, у меня такая привычка: когда я нервничаю, мне надо что-нибудь погрызть...
– Твоя привычка нам дорого обходится! Быстро отойди от двери, сядь и делай уроки!¹

Мысли родителей после ввода дистанционного образования (школьная стенгазета к выпускному вечеру): Приношу свои глубочайшие извинения школьным учителям. После первых дней дистанционного обучения я поняла, что моя дочь просто тупая, а никакая ни талантливая и ранимая натура (информант 59, 1963 г. р., род. в Челябинске, филологическое образование, учитель).

Переделки и сценарии школьных праздников

Ты меня на рассвете разбудишь,
Хоть вчера я пришел полвторого.
И опять на уроки погонишь,
Не жалеешь ты сына родного.
Опоздаю, меня выгоняют,
«Двойки» ставят, к директору ташат!
И я снова не сделал домашку,
Ох, я бедный, совсем я пропащий
(архив автора, сценарий
выпускного вечера, 2008 г.).

Песня черепахи Тортиллы

Юный друг, долой компьютер,
Спрячь айфон свой и айпад!

И работай головою,
Как мы 40 лет назад

(архив автора, сценарий
выпускного вечера, 2020 г.).

Из сценариев:

– складывается впечатление, что современные учебники пишут вчерашние двоечники (информант 125, 1991 г. р., техническое образование, род. в Оренбурге).

– из одиннадцати школьных лет я только и запомнил, как меня мама в первый класс привела, а папа с выпускного унёс (информант 125, 1992 г. р., филологическое образование, род. в Оренбургском районе).

Демотиваторы и рисунки

Господи, помоги мне сделать уроки с ребенком и остаться любящей мамочкой, культурной женщиной, адекватной соседкой².

Уроки сделаны: мать охрипла, дочь оглохла, соседи выучили все наизусть, собака пересказала³.

Чаты

Уважаемые коллеги! Если Вы сдали все отчёты, заполнили электронный журнал, ссылки по контрольным и домашним работам, отчёт по столовой, то ЗАВТРА МОЖЕТЕ ОТДОХНУТЬ ОТ РАБОТЫ ДОМА (информант 207, 1972 г. р., учитель, род. и проживает в Оренбурге).

– Завтра экскурсия, сдаем по 300 рублей.

– Люблю постоянство: на шторы – 300 рублей, на обеды – 300 рублей, на автобус – 300 рублей (информант 213, 1981 г. р., учитель, род. в Башкирии, проживает в Оренбурге).

Тексты разговорного жанра

Stand-up (Алексей Щербаков). ...А с какого... вы задаете задание домой, чтобы они его с родителями делали? Мне это надо? Я дома сижу, лежу... А он приходит такой с портфелем и ко мне: «Па, посмотри, сколько нам всего сегодня задали!...»... И, самое удивительное, у учительницы хватает наглости звонить: «Вы что, дома вообще не занимаетесь?» У меня – тот же самый вопрос: «Вы – школа, вы там что, вообще не занимались?»⁴

КВН

Отец: Сына, я вчера с корпоратива пришел, все нормально было?

Сын: Да, ты мне даже уроки помогал делать! Мне задали написать песню про школу, а ты мне там исправлял, зачеркивал...

Отец: Ну и как, песня понравилась?

Сын: Да-а-а, директору понравилась, участкову понравилась, детский психолог тоже заинтересовался...⁵

Уральские пельмени

Мать: первый землекоп копает траншею со скоростью 5 метров в час, это понятно?

Сын: Я спать хочу.

Мать: Хватит ныть! Второй землекоп...

Сын: Их что – два? Вы меня не любите...

Мать: Что ты несешь? Так, сейчас перерывчик на тортик!⁶

Блоги

Из наблюдений ученицы: о школьном лицемерии (Александра Токтарёва)

Установка учителя перед приездом комиссии: «Когда я задаю вопрос, руки должны поднимать все. Те, кто знает ответ, поднимают правую руку, кто не знает – левую. И только попробуйте поднять правую руку и не ответить, когда я вызову!»

«Вот твари, подонки! Расстрелять их всех, ублюдков!» – реакция учительницы с более чем сорокалетним стажем, заметившей на стене грязные следы от обуви⁷.

Для анализа мы отобрали по 10 текстов каждого жанра, иллюстрирующих бытование сюжета «делать уроки», отдавая предпочтение текстам, имеющим более позднюю дату фиксации. Далее был осуществлен прагматический анализ постфольклорного текста.

Несмотря на то, что в анализируемых текстах используются многозначные слова, мы не можем говорить о расширении коммуникативных прав читателя, поскольку смысл и/или комический эффект строится именно на основе определенных значений слов. Так, после прочтения обращения «Вовочка, а ну, не грызи ручку!» читатель соотносит знак *ручка* с предметом, используемым для письма, тогда как из продолжения диалога явствует, что речь идет о *дверной ручке*.

Особенность текстов ситуации «делать уроки»: автор вступает с читателем в сложную прагматическую игру, расставляет в тексте скрытые подсказки или ловушки, намёки. Фрагменты диалогов родительских и учительских чатов, комментарии демонстрируют возможность участия в порождении текста. Наиболее полно возможность участия в порождении текста предоставляется в текстах разговорного жанра.

Об игнорировании коммуникативных прав читателя мы можем говорить в случаях размещения в сети снимков экрана телефона с диалогами в чате, на которых показаны только несколько реплик, ограниченного поля экрана, то есть границы текстового пространства резко оборваны. Однако понимание ситуации помогает читателю восстановить или додумать детали, поэтому речевое поведение автора не препятствует получению удовольствия от прочтения данного текста.

Так, в примере из КВН на вопрос «...песня понравилась?» ожидаемым ответом является утвердительное «да», так как для членов языкового коллектива у переходного глагола у первую очередь воспроизводится прямое дополнение (что понравилось – «песня»), а потом косвенное (понравилась кому – «директору...»).

Лексические и стилистические средства выразительности широко используются в современном

школьном фольклоре. Рассмотрим лексические средства. *Эпитеты* встречаются в рассказах (историях), а также в учительских и родительских чатах: *глубочайшие извинения, талантливая и ранимая натура, интересные задания*.

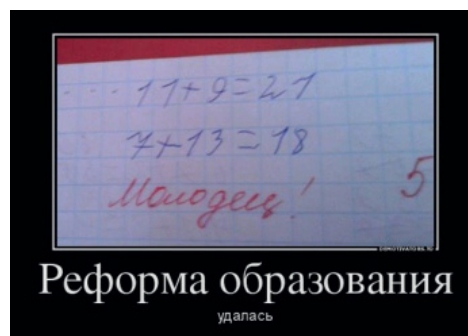
Устоявшиеся *метафоры* чаще встречаются в рассказах, на учительских и родительских чатах, в анекдотах и частушках: *лес рук, море проблем, море слёз, гранит науки, багаж знаний*.

Особо следует отметить скрытые сравнения, которые являются обязательным условием демотиваторов, так как перенос значения с одного слова на другое по сходству признаков происходит на основе понимания смысла изображения демотиватора, которое не всегда формулируется вербально, происходит сравнение некой интенции и предложенного текста (рис. 2 а, б).

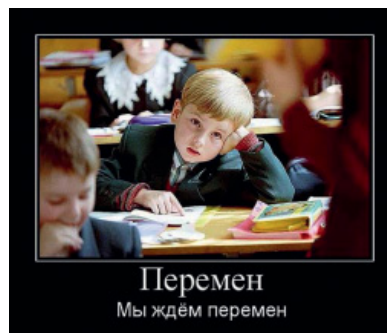
Такое лексическое средство выразительности, как *сравнение* чаще оформляется прямым сопоставлением двух предметов: *Учителя остервенели, как ГАИшники* (родительский чат).

Метонимия встречается достаточно редко: *ударения надо смотреть у Розенталя* (учительский чат).

Случаи *иронии (насмешки)*, когда слова употребляются в переносном смысле – со значением, обратном прямому значению слова, – встречаются достаточно часто: *я до безумия люблю делать уроки с дочерью, особенно после ночной смены, особенно*

а

б

Рис. 2. Демотиваторы на основе скрытого сравнения

Рис. 3. Демотиватор-оксюморон

химию...; *все-то два легоньких параграфа* (родительские чаты), ...*дети приносят нам одни огорчения. А мы им – другие!* (сценарий).

Ряд примеров, где сочетается несочитаемое, можно отнестись к оксюморонам: *Отец – тракторист, мать – прачка, в кого ты debil такой!* (КВН); ...*мама в первый класс привела, а папа с выпускного унёс* (Информант 125); демотиватор – *1 сентября* (рис. 3).

Случаи *гиперболы* выявлены в анкетах родителей: *нам задали тысячу слов написать, выучить английский ценой собственной жизни.*

Олицетворение встречается в историях, переделках (песнях и стихах), сценариях праздников: ...*сердце спит, а надо еще генеалогическое древо рисовать* (Информант 174).

Примером *синекдохи* является фраза: *первоклассник сегодня те тот, что лет 10 назад*, примерами *литоты*: *Почему учителя ставят пятерочки малюсенькие?*; ...*Все-то два легоньких параграфа* (Информант 175), примерами *перифраз*: *Спой, светик, не стыдись!*⁸; *Отвечай, тебе в войну надо было бы немцев пытать...* (Информант 174).

Синтаксические средства выразительности встречаются в произведениях, описывающих ситуацию «делать уроки» достаточно часто, далее приведены некоторые примеры:

– анафора: *Я его и на тренировку, я и в школу, я и на родительское собрание...*;

– анадиплосис: ...*вызывают меня в школу. В школу я ходить не люблю...*;

– антитеза: *наша новая классная и старая – как «стихи и проза, лед и пламень»*;

– градация: *директору понравилась, участковому понравилась, детский психолог тоже заинтересовался...*⁹;

– риторические вопросы: *А что я?*;

– эллипсис, намеренный пропуск слов, не влияющих на смысл высказывания: *А он приходит такой с портфелем – и ко мне (и говорит опущено. – Л. И.): «Па, посмотри»*¹⁰;

– эпифора: *на иторы – 300 рублей, на автобус – 300 рублей* (Информант 118).

Обратимся к анализу сюжетно-композиционного построения анализируемых постфольклорных произведений. Внешнюю композицию мы не рассматриваем ввиду малого объема произведений. Сюжетные элементы внутренней композиции можно условно выделить только в рассказах, чатах, текстах разговорного жанра. В подобных текстах присутствует экспозиция, или завязка, наблюдается развитие действия и кульминация, а в развязке автор сообщения подводит некоторые итоги, делает выводы.

Образные элементы в анализируемых текстах присутствуют в том случае, если это важно для повествования. Речевые элементы представлены монологами (рассказы, тексты разговорного жанра, частушки, переделки), диалогами – тексты разговорного жанра, видео, телевизионные шоу). Вставки и сложные композиционные приемы в примерах, отобранных для анализа, не выявлены.

Определения типов прагматических значений всех слов, составляющих постфольклорный текст, нецелесообразно, так как текст может пересказываться (переписываться) другими словами. Мы будем выделять содержательно-прагматические аспекты ключевых слов текста, при стилистической характеристике которых мы учитывали их принадлежность к одному из функциональных стилей: тексты разговорного жанра – *подготовленная сценическая речь с элементами импровизации*, частушки – *подражание фольклорному стилю*, блоги – *публицистический стиль*, чаты – *разговорный стиль*.

Эмоциональная окраска слов соответствует стилю произведения в целом и используется для создания желаемого эффекта и, далее, для стимулирования выполнения собеседником определённых действий. Эмоциональная окраска слов позволяет продемонстрировать:

– осуждение/неодобрение: *не жалеешь ты сына родного...*;

– пренебрежение: *что ты там намалевал*;

– презрение: *подхалимство у неё всегда приветствовалось*;

– унижительность: *ублюдки*;

– стремление вызвать жалость: *совсем я пропащий*.

Отметим, что слова с яркой эмоциональной окраской – сниженная лексика и эвфемизмы – используются в анализируемых текстах как для усиления выражения эмоционального состояния говорящего, так и для «связывания слов» (классический случай использования русского мата), в последнем случае сниженная лексика и эвфемизмы расцениваются говорящим как фигура украшения речи в маргинальном понимании.

В текстах сюжета «делать уроки» присутствуют слова неофициального и просторечного реестров, сниженная лексика. Эмоциональная окраска лексики на-

кладывается на общепринятое лексическое значение слова, передавая таким образом позицию автора материала, касающуюся описываемой ситуации.

Многозначные слова получают определенную нагрузку при их использовании в качестве метафоры: *Перемен, мы ждем перемен*. Однозначные слова и устойчивые выражения имеют яркое оценочное значение: *В мире нет справедливости – вчера сделали все уроки, а сегодня мороз – сидим дома!*

В текстах присутствуют эмоционально окрашенные слова с положительной и отрицательной оценками. Слова с положительной оценкой выражают одобрение – *приличный*; хорошее отношение, ласку, умиление – *мила*, восхищение – *вайбово!* Слова с отрицательной оценкой выражают неодобрение – *душный*; *страх – кринжовый*; укор – *наколбасила*; презрение – *уроды*. Среди них встречаются также фамильярные выражения (*химичка*) и бранные выражения.

Характеризуя коммуникативную нагрузку ключевых слов, мы отмечаем, что за каждым словом стоит фрагмент действительности, каждое слово имеет тысячи связей в долговременной и оперативной памяти, слова помогают устанавливать связность текста, обеспечивают формулирование умозаключений и контекстные ожидания. Если коммуникативное назначение текста – служить средством общения и сообщения, и текст как речевое произведение служит средством организации отдельного акта речевой коммуникации в виде системы полного (трехчленного) состава, то каждое слово необходимо в данном тексте именно в том значении, в котором оно употреблено/воспринято. Изменение или удаление хотя бы одного слова изменяет весь текст.

Школьный фольклор как неотъемлемая часть школьных будней периода взросления и социализации человека отражает формирование габитуса. По своему генезису фольклор, постфольклор и интернетлор – явления социокультурные, социальная среда стремится сохранить традиции и передать его последующим поколениям. Традиция никогда не бывает застывшей, поэтому фольклорное сознание постоянно генерирует идеи и интерпретирует изменяющийся мир.

Прагматическая установка существенно влияет на языковое оформление текстов школьного фольклора. Тексты, раскрывающие сюжет «делать уроки», способны производить коммуникативный эффект, сообщать реципиенту индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями и их значимости в социальной, экономической, политической жизни общества, тем самым вызывая у реципиента прагматические отношения к сообщаемому. Исследуемые тексты осуществляют прагматическое воздействие на получателя информации, причем прагматическое

содержание текста разрабатывает и развивает прагматическую установку, сообщая ей определенную направленность, и, конкретизируя, доносит содержание до адресата.

Изучение постфольклора вскрывает социальный подтекст произведений, косвенно сообщающий о социальных опасностях, серьезных проблемах, которые трудно (или невозможно) решить. Тексты школьного фольклора, затрагивающие ситуацию «делать уроки», и особенно интернетлор, передают далеко не радостное состояние современного образования. Снижение общего уровня образованности, падение авторитета учителя, неготовность и нежелание учеников много и серьезно трудиться – вот что стоит за каждой строкой изученных текстов.

Ситуация семейного обучения находит отражение в постфольклорных текстах исключительно в положительном качестве – как альтернатива школьному обучению и как решение всех проблем с подготовкой уроков. Мнение автора статьи по этому поводу таково: онлайн-обучение не заменит живого общения с учителем; если ребенок не понимает изучаемую тему, её всё равно придётся объяснять родителям. Погружение в интернет-пространство, исключение общения со сверстниками отрицательно сказываются на психике ребенка и его мировоззрении.

Особо мы отмечаем наличие видеозаписей, размещенных в интернете, в которых показан процесс выполнения домашних заданий. В лучшем случае это удачная видеозапись курьезной ситуации или видеозапись, сделанная по заранее продуманному сценарию. В худшем – это видео, снятое в режиме реального времени, демонстрирующее родителей и детей, находящихся в состоянии истерии из-за завышенных требований школьных программ, а также вследствие патологического неумения выстраивать конструктивный диалог и сложившегося стереотипа, что домашние задания выполняются только на грани нервного срыва.

Примечания

¹ URL: <https://vse-shutochki.ru/anedkot/136462>

² URL: <https://gigi.click/picture/gospodi-pomogimne-sdelat-uroki-s-rebenkom-i-ostatsa-lubasej-mamockoj-kulturnoj-zensinoj-i-OTk3NzE1>

³ URL: <https://demotos.ru/node/2996>

⁴ URL: <https://vimeo.com/367604012>

⁵ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AbcjlUGC70>

⁶ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1lhChAzh2Io>

⁷ URL: <https://mel.fm/blog/aleksandra-toktareva/74861-5-nablyudeny-uchenitsy-o-shkolnom-litsemerii>

⁸ URL: <https://otmetim.info/shkolnyj-yumor/>

⁹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AbcjlIUGC70>

¹⁰ URL: <https://vimeo.com/367604012>

Список литературы

Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. Санкт-Петербург: Амфора, 2004. 312 с.

Бархударов Л.С. Язык и перевод Москва: Libroком, 2018. 240 с.

Бурдые П. Практический смысл. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 562 с.

Витгенштейн Л. Философские работы. Москва: Гнозис, 1994. Ч. 1. 612 с.

Грамматчикова Н.Б., Хоруженко Т.И. Постфольклор и интернетлор. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2017. 62 с.

Ильина Л.Е. Особенности городских легенд, характеризующие их содержание, бытование и динамику изменений // Стратегии общей и частной теории текста / под. ред. Л.Е. Ильиной. Оренбург: ОГУ, 2022. С. 66–108.

Капица Ф.С., Колядич Т.М. Русский детский фольклор: учеб. пособие Москва: Флинта: Наука, 2002. 320 с.

Лойтер С.М., Неелов Е. М. Детские страшные истории («страшилки») как мифологические рассказы // Современный школьный фольклор. Петрозаводск, 1995. С. 5–68.

Лурье М.Л. Анализ фольклорного текста: прагматика, семантика, морфология. URL: https://www.ruthenia.ru/folklore/ls10_program_lurye.htm (дата обращения: 22.03.2023).

Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Статус слова и понятие жанра в фольклоре // Центр типологии и семиотики фольклора РГГУ. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/meletneklgrinc.htm> (дата обращения: 23.05.2023)

Неклюдов С.Ю. Фольклор и его исследования: век двадцатый // Экология культуры. Архангельск. 2006. № 2 (39). С. 121–127.

Осипова И.А. Смысловая структура текста в аспекте существующих концепций ключевых слов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 5. С. 789–792.

Пропн В.Я. Поэтика фольклора // сост., предисл и коммент. А.Н. Мартыновой. Москва: Лабиринт, 1998. 352 с. (Собрание трудов).

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. Санкт-Петербург: Наука, 1994. 464 с.

Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А.Ф. Белоусов. Москва: АСТ: Ладомир, 1998. 752 с.

Чередникова М.П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. Ульяновск: Лаб. культурологии, 1995. 237 с.

Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Ленинград: Наука, 1986. 303 с.

Rose S. Engel D., Cramer N., Cowley W. Automatic keyword extraction from individual documents. Text Min, Appl. Theory, 2010, pp. 1-20.

References

Adon'eva S.B. *Pragmatika fol'klora* [The pragmatics of folklore]. Saint Petersburg, Amfora Publ., 2004, 312 p. (In Russ.)

Barhudarov L.S. *Yazyk i perevod* [Language and translation]. Moscow, Librokom Publ., 2018, 240 p. (In Russ.)

Burd'e P. *Prakticheskij smysl* [Practical meaning]. Saint Petersburg, Aleteyja Publ., 2001, 560 p. (In Russ.)

Cherednikova M.P. *Sovremennaya russkaya detskaya mifologiya v kontekste faktov tradicionnoj kul'tury i detskoj psihologii* [Modern Russian children's mythology in the context of the facts of traditional culture and child psychology]. Ulyanovsk, Lab. kul'turologii Publ., 1995, 237 p. (In Russ.)

Chistov K.V. *Narodnye tradicii i fol'klor* [Folk traditions and folklore]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, 303 p. (In Russ.)

Gramatchikova N.B., Horuzhenko T.I. *Postfol'klor i internetlor* [Modern folklore and netlore]. Ekaterinburg, Ural. un-ta Publ., 2017, 62 p. (In Russ.)

Il'ina L.E. *Osobennosti gorodskih legend, harakterizuyushchie ih sodержание, bytovanie i dinamiku izmenenij* [Features of urban legends that characterize their content, existence and dynamics of changes]. *Strategii obshchej i chastnoj teorii teksta* [Strategies of general and private text theory: under], ed by L.E. Il'ina. Orenburg, OGU Publ., 2022, pp. 66-108. (In Russ.)

Kapica F.S., Kolyadich T.M. *Russkij detskij fol'klor* [Russian children's folklore]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2002, 320 p. (In Russ.)

Lojter S.M., Neelov E.M. *Detskie strashnye istorii («strashilki») kak mifologicheskie rassказы* [Children's scary stories (“horror stories”) as mythological stories]. *Sovremennij shkol'nyj fol'klor* [Modern school folklore]. Petrozavodsk, 1995, pp. 5-68. (In Russ.)

Lur'e M.L. *Analiz fol'klornogo teksta: pragmatika, semantika, morfologiya* [Folk text analysis: pragmatics, semantics, morphology]. URL: https://www.ruthenia.ru/folklore/ls10_program_lurye.htm (access date: 22.03.2023). (In Russ.)

Meletinskij E.M., Neklyudov S.Yu., Novik E.S. *Status slova i ponyatie zhanra v fol'klоре* [The Status of the Word and the Concept of Genre in Folklore]. *Centr tipologii i semiotiki fol'klora RGGU* [Center for Typology and Semiotics of Folklore of the Russian State Humanitarian University]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/meletneklgrinc.htm> (access date: 23.05.2023) (In Russ.)

Neklyudov S.YU. *Fol'klor i ego issledovaniya: vek dvadcatyj* [Folklore and its research: the twentieth century]. *Ekologiya kul'tury* [Ecology of culture], 2006, № 2 (39), pp. 121-127. (In Russ.)

Osipova I.A. *Smyslovaya struktura teksta v aspekte sushchestvuyushchih koncepcij klyuchevyh slov* [Semantic structure of the text in the aspect of existing concepts of keywords]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2010, vol. 12, № 5, pp. 789-792. (In Russ.)

Putilov B.N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and folk culture]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1994, 464 p. (In Russ.)

Propp V.Ya. *Poetika fol'klora* [Poetics of folklore]. Moscow, Labirint Publ., 1998, 352 p. (In Russ.)

Russkij shkol'nyj fol'klor. Ot "vyzyvanij" Pikovoj damy do semejnyh rasskazov [Russian school folklore. From the "callings" of the Queen of Spades to family stories], by A.F. Belousov. Moscow, AST Publ., Ladimir Publ., 1998, 752 p. (In Russ.)

Rose S., Engel D., Cramer N., Cowley W. Automatic keyword extraction from individual documents. *Text Min. Appl. Theory*, 2010, pp. 1-20.

Vitgenshtejn L. *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, vol. 1, 612 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 31.05.2023.

The article was submitted 05.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 31.05.2023.

ЗВУКОВЫЕ ИСКАЖЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Гареева Лилия Махмутовна, кандидат филологических наук, доцент, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия, liliyagareeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8046-9762>.

Аннотация. В статье рассматриваются звуковые искажения фразеологических единиц в современной русской речи и возможные причины их появления. Ошибки в употреблении фразеологизмов возникают по разным причинам и носят различный характер. Это является как результатом незнания их значения и состава, так и отсутствием учета экспрессивных и стилистических свойства фразеологизмов, их сферы применения, уместности употребления в речевом контексте. В результате анализа материалов картотеки были выявлены два преобладающих типа ошибок в употреблении фразеологизмов. Далее подробно описан процесс искажения фразеологизмов, происходящего вследствие неправильного слухового восприятия фразеологизмов (мондегрин), приведены примеры единиц, подвергшихся фонетической трансформации в современном русском языке. Рассмотрен термин «мондегрин», его происхождение и применение в отношении фразеологических единиц. Затронута проблема влияния сети Интернет на массовое распространение ошибок в употреблении уже существующих в языке устойчивых единиц. Приведены примеры трансформации фразеологизмов в плане формы и содержания, не являющиеся ошибочными. В заключение сделан вывод о необходимости сохранения целостности и воспроизводимости фразеологических единиц, их значении для лексико-фразеологического фонда русского языка.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм, звуковое искажение, мондегрин, трансформация, причины ошибок, типы ошибок.

Для цитирования: Гареева Л.М. Звуковые искажения фразеологических единиц в современной русской речи // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 150–153. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-150-153>

Research Article

SOUND DISTORTIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN MODERN RUSSIAN SPEECH

Liliya M. Gareeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow Financial-Industrial University "Synergy", Moscow, Russia, liliyagareeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8046-9762>

Abstract. The article deals with the sound distortions of phraseological units in modern Russian speech and the possible causes of their occurrence. Errors in the use of idioms are due to different reasons and are of a different nature. This is the result of ignorance of their meaning and composition as well as the lack of consideration of the expressive and stylistic properties of idioms, their scope and the appropriateness of their use in a speech context. As a result of the analysis of the card index materials, two predominant types of errors in the use of idioms were identified. Further, a detailed description of the process of phrasal phraseological units the mutation of which, occurs as a result of the wrong aural perception of phraseological units (mondegreens) is given, the examples of the units which have undergone phonetic transformation in the modern Russian language are given. The term "mondegreen", its origin and application to the phraseological units are considered. This article touches upon the problem of the impact of the Internet on the mass spread of errors in the use of stable units already existing in the language. Examples of phraseological transformations in terms of form and content that are not erroneous are given. A conclusion about the necessity of preserving the integrity and reproducibility of phraseological units and their significance for the preservation of the lexical-phraseological fund of the Russian language is made.

Keywords: phraseology, phraseology, sound distortion, mondegreen, transformation, causes of errors, types of errors.

For citation: Liliya M. Gareeva. Sound distortions of phraseological units in modern Russian speech. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 150–153 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-150-153>

Исследованиям фразеологических единиц посвящены работы многих отечественных лингвистов. Основу изучения устойчивых единиц заложил академик В.В. Виноградов, разработавший ключевые понятия фразеологии и определивший ее предмет, проблемы и задачи [Виноградов: 162–189]. Благодаря трудам этого выдающегося русского ученого фразеология получила развитие как самостоятельная научная дисциплина.

Как известно, зарубежные лингвисты не рассматривают фразеологию как отдельную науку. Британские и американские ученые изучают ее при исследовании семантики и грамматики. Даже выдающийся швейцарский лингвист Шарль Балли, который ввел сам термин «фразеология», придерживался мнения, что фразеология – это часть стилистики [Балли: 156].

Значительный вклад в изучение русской фразеологии внесли В.П. Жуков, Е.М. Галкина-Федорук, Б.А. Ларин, А.И. Молотков, А.М. Чепасова, Н.М. Шанский и др.

В монографии А.М. Бабкина читаем: «Лексикографическая разработка фразеологического запаса может отвечать не только диахроническому изучению фразеологических единиц, но и синхроническому их изучению. Для современного фонда русского языка чрезвычайно характерна синонимичность фразеологических единиц. Для выражения таких, например, понятий, как “исчез”, “возник”, “хитер”, “простодушен”, “пьян”, “умер”, “рано” и т. п., употребляются десятки фразеологизмов, семантические оттенки и стилистическая окраска которых могут быть раскрыты лишь сопоставительно, то есть в обширном идеографическом или синонимическом словаре русских фразеологических единиц [Бабкин: 12].

Под фразеологической единицей большинство отечественных языковедов подразумевают устойчивое сочетание слов, постоянную комбинацию словесных знаков, предельную и целостную, воспроизводимую в речи его носителей, основанную на внутренней зависимости его членов, состоящую минимум из двух слов, находящихся в определённой последовательности, обладающую единым значением [Ахманова: 506].

В более поздних работах по фразеологии все чаще говорится о способности фразеологизмов к модификациям, трансформациям на различных уровнях. Современные фразеологи Л.П. Гашева и Н.Ю. Губайдуллина пишут: «Под трансформацией фразеологических единиц понимается необычное, лишённое автоматизма использование фразеологических единиц с изменением формы и содержания (в одном случае семантические изменения являются явными, в другом – изменение формы слегка преобразует семантику фразеологических единиц). При этом происходит приспособление фразеологизма к требованиям контекста» [Гашева, Губайдулина: 20].

В данном исследовании мы рассмотрели особенности употребления русских фразеологизмов в современной речи, их звуковые видоизменения, впервые применили термин «мондегрин» применительно к фразеологическим единицам и привели примеры данного явления в живой разговорной речи.

Сейчас основным способом пополнения фразеологического состава русского языка является язык социальных сетей и других интернет-ресурсов (*не в ресурсе, доброго времени суток, не в Сети, в активном поиске, обратная связь, марафон желаний, под столом* и мн. др.). Фразеологический фонд постоянно пополняется за счет кинофильмов, рекламных роликов, «мемов». Многие новые единицы «уходят в народ» и широко употребляются людьми разных поколений и уровней образования [Гареева: 153].

Благодаря своей многочисленной аудитории интернет-ресурсы способствуют и широкому распространению фразеологических ошибок. С активным употреблением в интернете связаны многочисленные нарушения фразеологических норм: *править балом* (вместо *править бал*), *предоставленные неудобства* (вместо *доставленные неудобства*), *в сравнении от некоторых* (вместо *в сравнении с некоторыми*), *скрипя сердцем* (вместо *скрепя сердце*), *летать в облаках* (вместо *витать в облаках*) и многие другие.

В данной работе были использованы теоретические и практические методы. В теоретической части исследования применялись типологический и описательный методы. В практической части использовался метод сплошной выборки видоизменённых фразеологических единиц из различных интернет-ресурсов, современной российской беллетристики и живой разговорной речи.

В результате материалов картотеки, включающей 285 единиц, были определены два основных типа ошибок в употреблении фразеологизмов:

1. Образование ошибочных форм или неправильное понимание значений фразеологизмов, вызванные трудностью усвоения, недостаточным словарным запасом носителей языка или редким использованием отдельных единиц.

2. Искажения фразеологизмов, происходящие вследствие неправильного слухового восприятия фразеологизмов. Данное явление также называется мондегрин (англ. mondegreen – ослышка). У молодежи в большинстве случаев оно связано с бедностью словарного запаса, дефицитом чтения и недостаточным кругозором.

В рамках нашего исследования мы остановились на рассмотрении второго типа фразеологических ошибок, связанных со звуковым искажением единиц. К ошибкам этого типа относим наиболее распространенные лексические искажения уже существу-

ющих в языке фразеологических единиц по причине их ошибочного слухового восприятия (мондегрин).

Мондегрин (*англ.* mondegreen) – это неправильное толкование фразы, придающее ей новое значение. Американская писательница Сильвия Райт ввела данный термин в 1954 году. Он был связан с детским воспоминанием о том, как ее мать читала шотландскую балладу «The Bonny Earl of Murray» (из книги Томаса Перси «Реликвии древней английской поэзии» 1765 года) и неправильно расслышала слова «положите его на зелень» («And laid him on the green») как «леди Мондегрин».

«Мондегрин» был включен в издание 2000 года словаря колледжа Вебстера Random House и в Оксфордский словарь английского языка в 2002 году. Университетский словарь Merriam-Webster добавил это слово в 2008 году.

Феномен мондегрин обычно упоминается применительно к ослышкам при прослушивании поэтических произведений или песен. Человек, не расслышавший слова песни или стихотворения, вместо плохо слышимого слова подставляет другое, близкое по звучанию и относительно вписывающееся в общий смысл.

По данным различных психологических исследований, мондегрин связан с двухступенчатым процессом обработки информации. Сначала звук через ухо попадает в височную долю мозга – в отдел, отвечающий за восприятие звуковой информации. После этого запускается процесс осмысления услышанного. Мондегрин возникает в тот момент, когда между восприятием и осмыслением происходит сбой, при котором люди слышат один и тот же аудиосигнал, но мозг отдельных людей почему-то выдает неверную интерпретацию. Например, можно не расслышать слова из-за шума или отсутствия визуального контакта с источником звука. В такой ситуации возникает неопределенность: мозг ищет подходящий ответ, но может ошибиться. «Ослышки» могут вызывать и сложносоставные слова. Услышав длинный набор звуков, мозг пытается их сгруппировать и логически разбить на составные, что в итоге приводит к искажению смысла.

Полагаем, что данный термин возможно применять и к «ослышкам», ведущим к неправильному употреблению фразеологических единиц. Например: *кисельная барышня* (вместо *кисейная барышня*), *полный раздрайв* (вместо *полный раздрай*), *не мытьем, так катаньем* (вместо *не мытьем, так катаньем*), *доставить до белого колена* (вместо *до белого каления*), *скрипя сердцем* (вместо *скрепя сердце*), *летать в облаках* (вместо *витать в облаках*), *хоть кол на голове чешуи* (вместо *хоть кол на голове теши*) и др.

Вероятно, такие «ослышки» связаны с редким использованием, малоупотребительностью какого-либо

слова в составе оригинальной фразеологической единицы. То есть лексическая непонятность компонента приводит к невозможности осмыслить оригинальную форму фразеологизма, поэтому отдельные сочетания звуков проецируются на потенциально имеющуюся в сознании слушателя лексему.

Назовем самые распространенные причины подобных звуковых искажений при употреблении фразеологических единиц: а) слабое владение литературными нормами; б) дефицит словарного запаса, бедность грамматического строя речи; в) неразвитость языкового чутья, отсутствия чувства стиля и языковой меры; г) отсутствие навыка речевого самоконтроля; д) неумение или нежелание пользоваться словарями и справочниками для разрешения трудных случаев написания, произношения, словообразования; е) низкая читательская активность, нежелание знакомиться с образцами словоупотребления в произведениях классиков; ж) речевые нарушения (дисграфия и дизорфография, общее недоразвитие речи).

Однако не все случаи трансформации фразеологизмов являются нарушениями фразеологических норм. Многие единицы получили новые значения в соответствии с современными реалиями. При этом многие устойчивые единицы начали употребляться в более широком значении, получили новые смыслы, а также породили большое количество квазифразеологизмов (*или пан, или пропан; а ВОЗ и ныне там; с пенсией по жизни*). Последние особенно часто используются журналистами при создании ярких, запоминающихся заголовков.

По мнению Б.А. Ларина, семантическое обновление наступает обычно в силу все более вольного, переносного употребления: от конкретного значения к абстрактному, от частного случая к обобщению. Новое метафорическое значение имеет тенденцию к слитности, к некоторому упрощению. Параллельно этим семантическим процессам происходит обычно утрата некоторых звеньев фразы, тех слов, например, которые более всего относились к конкретному частному значению первоначальной фразы; далее меняется и грамматическая структура [Ларин: 141].

Трансформационные процессы говорят о том, что русский язык непрерывно развивается: одни единицы видоизменяются, другие постепенно исчезают из языка и вместо них появляются новые, а некоторые из них приобретают вторую жизнь.

Тем не менее, даже с учетом склонности фразеологических единиц к изменчивости и модификациям, для языка важно сохранять их классические форму и содержание, так как основные признаки фразеологизмов – их устойчивость и воспроизводимость – позволяют сберечь богатство фразеологического фонда языка и передавать его следующим поколениям.

Список литературы

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.

Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Москва: Либроком, 2009. 264 с.

Балли Ш. Язык и жизнь. Москва: УРСС, 2003. 230 с.

Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва, 1977. 312 с.

Гареева Л.М. Источники пополнения фразеологического состава современного русского языка // Гуманитарные науки и образование. 2022. Т. 13, № 2 (50). С. 153–156.

Гашева Л.П., Губайдулина Н.Ю. Трансформационные процессы в современной фразеологии на материале художественных текстов // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы II Междунар. науч. конф. (Челябинск, апрель 2013 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2013. С. 19–22. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/79/3691/>

Ларин Б.А. Очерки по фразеологии // История русского языка и общее языкознание. Москва, 1977. С. 125–149.

References

Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Glossary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1966, 608 p. (In Russ.).

Babkin A.M. *Russkaya frazeologiya, ee razvitie i istochniki* [Russian phraseology, its development and sources]. Moscow, Librokom Publ., 2009, 264 p.

Balli Sh. *Yazyk i zhizn'* [Language and life]. Moscow, URSS Publ., 2003, 230 p.

Gareeva L.M. *Istochniki popolneniya frazeologicheskogo sostava sovremennogo russkogo yazyka* [Sources of enrichment of the phraseological composition of the modern Russian language]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [Humanities and education], 2022, vol. 13, № 2 (50), pp. 153-156.

Gasheva L.P., Gubajdulina N.Y. *Transformacionnye processy v sovremennoj frazeologii na materiale hudozhestvennykh tekstov* [Transformational processes in modern phraseology in fiction texts]. *Filologiya i lingvistika: problemy i perspektivy: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (Chelyabinsk, april' 2013 g.)* [Philology and Linguistics: Problems and Prospects: Proceedings of the II Intern. scientific conf. (Chelyabinsk, April 2013)]. Chelyabinsk, Dva komsomol'ca Publ., 2013, pp. 19-22. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/79/3691/>

Larin B.A. *Ocherki po frazeologii* [Essays on Phraseology]. *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie* [History of the Russian Language and General Linguistics]. Moscow, 1977, pp. 125-149.

Vinogradov V.V. *Osnovnye tipy leksicheskikh znachenij slova* [The main types of lexical meanings of a word]. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and lexicography]. Moscow, 1977, 312 p.

Статья поступила в редакцию 20.02.2023; одобрена после рецензирования 06.04.2023; принята к публикации 07.04.2023.

The article was submitted 20.02.2023; approved after reviewing 06.04.2023; accepted for publication 07.04.2023.

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 811.161.1'37

EDN EOYBFP

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-154-159>СЕМАНТИКА СЛОВА *ТЬЮТОР* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Залялова Регина Ренатовна, кандидат филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, zalalova.regina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5447-4493>

Гатауллина Алсу Гайсовна, кандидат филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, mullagalieva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7217-9431>

Аннотация. В конце XX – начале XXI века в терминологическую лексику сферы образования вошли новые наименования лиц, которые можно назвать ключевыми словами эпохи. К одной из таких лексем относится заимствованное слово *тьютор*, которое в настоящее время характеризуется высокой частотностью употребления в связи с активным внедрением профессии тьютора в образовательную систему России. В данной статье рассматриваются особенности семантики слова *тьютор* на материале лексикографических источников, Национального корпуса русского языка, текстов научных статей по педагогической тематике. В ходе исследования было установлено, что в современном русском языке лексема *тьютор* употребляется для наименования широкого круга лиц в российской образовательной системе. При этом в лексикографических источниках отсутствует описание вышеуказанного слова с определением его значения на разных ступенях и формах образовательной системы, в связи с чем складывается размытое понимание его содержания. В работе определяются значения данного наименования лица с учетом особенностей его функционирования в разных речевых сферах. Сделан вывод о трансформации семантики слова *тьютор*, что связано с введением, а в дальнейшем и с расширением тьюторской деятельности в системе образования и воспитания в России. В результате анализа примеров сочетаемости существительного тьютор определены сферы его функционирования.

Ключевые слова: лексика образовательной сферы, заимствование, семантическая история слова, функционально-семантические особенности.

Для цитирования: Залялова Р.Р., Гатауллина А.Г. Семантика слова тьютор в русском языке // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 154–159. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-154-159>

Research Article

SEMANTICS OF THE WORD *TUTOR* IN MODERN RUSSIAN

Regina R. Zalalova, Candidate of philological sciences, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, zalalova.regina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5447-4493>

Alsu G. Gataullina, candidate of philological sciences, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, mullagalieva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7217-9431>

Abstract. In the late 20th – the early 21st century, new names of professions that can be called the key words of the epoch entered the terminological vocabulary of the sphere of education. One of these lexemes is the borrowed word *tutor*, which is currently characterised by a high frequency of use in connection with the active introduction of the tutor profession into the educational system of Russia. This article examines the features of the semantics of the word *tutor* based on lexicographic sources, the National Corpus of the Russian language, texts of scientific articles on pedagogic topics. During the study, it was found that in modern Russian the lexeme *tutor* is used to name a wide range of people in the Russian educational system. At the same time, there is no description of the above-mentioned word in lexicographic sources with the definition of its meaning at different stages and forms of the educational system, in connection with which there is a vague understanding of its content. The paper defines the meanings of this name of a person, taking into account the peculiarities of its functioning in different speech spheres. The conclusion is made about the transformation of the semantics of the word *tutor*, which is associated with the introduction, and later with the expansion of tutor activity in the system of education and upbringing in Russia. As a result of the analysis of examples of the combination of the noun tutor, the spheres of its functioning are determined.

Keywords: educational sphere vocabulary, borrowing, word semantic history, functional & semantic features.

For citation: Zalalova R.R., Gataullina A.G. Semantics of the word tutor in modern Russian. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 154–159 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-154-159>

Современный этап образования – это этап непрерывных изменений самого разного характера. Процессы глобализации и модернизации образовательного пространства служат причиной порождения инновационных форм организации педагогической деятельности. В связи с этим появляется потребность в обозначении разных явлений, процессов, необходимы новые слова и словосочетания для их наименования. В современной терминологии образовательной сферы особенно много иностранных слов. В частности, неологизмами пополнилась лексическая группа наименований лица в образовательной сфере (например, *тьютор, ментор, коуч, эдвайзер* и др.).

В центре внимания данной работы оказалась лексема *тьютор*, которая прочно вошла в лексику современной образовательной системы и стала наименованием новой педагогической должности в российском образовании с 2008 года¹. О том, что наименование *тьютор* актуально, свидетельствует огромное количество научных работ по педагогике. В современных исследованиях рассматривается тьюторская деятельность как особый вид педагогической деятельности [Кежов 2018], история становления профессии тьютора в системе российского образования [Верекина 2019], профессиональная подготовка тьюторов [Рылов, Соловова 2022]. Кроме этого, о профессии тьютора, ее отличии от других педагогических должностей, о схемах тьюторской деятельности много говорят и пишут в СМИ, в связи с чем лексема *тьютор* характеризуется высокой частотностью употребления в газетных текстах, в методических разработках педагогов в Интернете. На основании данных фактов можно определить актуальность темы исследования, которая заключается в том, что в настоящее время слово *тьютор* является ключевым словом в образовательной сфере, его производные активно употребляются в современной письменной и устной речи, однако в лексикографических источниках отмечены не все значения лексемы *тьютор*. В связи с этим необходимым является изучение особенностей функционирования слова *тьютор* в современном русском языке.

Целью данного исследования является изучение и описание функционально-семантических особенностей слова *тьютор* на материале разных словарей, текстов из «Национального корпуса русского языка» с 2010 по 2023 гг. (далее – НКРЯ). Источником сбора языкового материала также были публикации современной прессы, Интернета, тексты научных статей. Научная новизна работы состоит в том, что впервые представлено полное описание семантических особенностей существительного *тьютор*. В работе были поставлены следующие задачи:

1) отметить все значения, входящие в большой семантический объем термина *тьютор*;

2) определить сферы функционирования данной лексемы;

3) описать особенности сочетаемости лексемы в современном русском языке.

В современном русском языке слово *тьютор* является многозначным. В текстах НКРЯ, созданных в период с 2010 по 2023 г., зафиксировано 262 вхождения лексемы *тьютор*, из них 200 примеров в газетных текстах, 20 – в основном подкорпусе, 42 – в подкорпусе текстов из социальных сетей. Слово *тьютор* так крепко укоренилось в современной речи, стало настолько частотным в употреблении, что в языке создались условия для его семантической деривации.

В настоящее время актуальным является вопрос, кого именно называют тьютором. Для ответа на этот вопрос обратимся в первую очередь к лексикографическим источникам, что позволит проследить изменения, которые происходили в семантической истории данного слова.

Как известно, слово *тьютор* является заимствованным из английского языка. По происхождению латинское слово *tutor* «защитник, опекун» – от глагола *tueor* – «заботиться, оберегать». Впервые наименование *тьютор* было зафиксировано в 1998 году в «Толковом словаре иностранных слов» Л.П. Крысина, в котором находим следующее значение данного слова: «В системе школьного и университетского образования Великобритании: наставник, воспитатель; куратор студенческой группы» [Крысин: 801]. В «Современном толковом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой на первом месте указано значение «индивидуальный научный руководитель учащихся колледжа или университета, помогающий им наиболее разумно организовать учебный процесс, на втором – «куратор, воспитатель в учебном заведении» [Ефремова 2000].

Прежде всего следует отметить, что слово *тьютор* получило широкое распространение в школьном образовании. Именно в этой сфере тьютором начали обозначать должность педагогического работника. Первоначально тьютором именовали «должность, соответствующую должности классного руководителя, но с функциями обеспечения благоприятных условий деятельности для каждого учащегося с целью их подготовки к выбору профессии на основе выявления способностей путем тестирования» [Современный образовательный процесс: 152]. Однако со временем содержание данного термина изменилось.

С 2017 года тьютором стали называть педагогического работника в дошкольном, начальном школьном и среднем школьном образовании (Приказ от 2017 г.²). Слово *тьютор* приобрело в данной сфере значение «специалист в области воспитания, который занимается организацией образовательной среды для реализации обучающимися индивидуальных

образовательных маршрутов, проектов». Кроме этого, специалистов, которые организуют образовательный процесс в рамках организации индивидуально-ориентированной помощи ребенку с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью в детском саду и в школе, также стали именовать *тьютором*: *Но большей проблемой является то, что в школах не хватает тьюторов – специалистов, которые дополнительно индивидуально работают во время уроков с детьми с ОВЗ*³. Как видим, слово *тьютор* в сфере школьного образования имеет несколько значений.

В системе высшего образования лексема *тьютор*, во-первых, функционирует со значением «наставник для первокурсников». Таким куратором может быть как педагог, так и студент старших курсов: *Если тьюторы-студенты чаще всего заняты вопросами адаптации первокурсников, то деятельность тьюторов-преподавателей направлена на помощь в формировании образовательных траекторий обучающихся* [Тьюторы для студентов 2020]. Во-вторых, *тьютор* противопоставляется лектору, также так могут называть преподавателя-консультанта: *Заметную роль в процессе обучения играет также преподаватель-консультант (тьютор), который закрепляется за группой студентов. Преподавание осуществляется по принципу супервизии: лектор проводит занятия, формирует наполнение курса, а тьютор осуществляет коммуникацию со студентами, отвечает на вопросы, помогает с решением задач*⁴.

Развитие цифровых технологий обучения привело к необходимости появления специалистов, которые могут оказывать методическую и организационную помощь в формировании самостоятельной работы учащихся, создавать учебное взаимодействие между ними в условиях электронного обучения (включая электронное дистанционное). С внедрением в образовательный процесс дистанционной формы обучения происходит расширение семантики слова *тьютор*. Так, в «Самом новейшем толковом словаре русского языка XXI века», кроме исходного значения «куратор, опекун, воспитатель в учебном заведении», обнаруживаем значение «преподаватель-консультант в системе дистанционного обучения» [Шагалова: 324]. А «Словарь терминов и понятий цифровой дидактики» так объясняет значение лексемы *тьютор*: *тьютор в условиях цифрового обучения – это педагог, который сопровождает индивидуальное развитие учеников в рамках дисциплин, формирующих образовательную программу* [Словарь терминов и понятий: 28]: *Мы предлагаем интерактивную площадку для дистанционного общения, чтобы в любое время можно было связаться со своим тьютором и задать вопрос*⁵. Интересно, что в лексике современного английского языка уже функционируют такие неологизмы, как *zoom tutor*, *online tutor* или *Skype tutor*, которые осу-

ществляют преподавание с помощью различных информационных онлайн платформ [Astapenko: 38].

С появлением в российском образовании тьюторинга как новой формы повышения квалификации педагогов слово *тьютор* стало употребляться и в данной сфере. В системе повышения квалификации под термином *тьютор* понимается консультант, обучающий взрослых, обеспечивающий сопровождение индивидуальной траектории образования и развития педагога в системе повышения квалификации, то есть «тьютор помогает решать рабочие проблемы и поддерживает начинающих педагогов» [Даммерер, Циглер, Бартошек: 61].

В связи с тем, что в настоящее время популярным стало обучение детей в домашних условиях, лексика, обслуживающая сферу частного образования, также претерпевает изменения [Гатауллина, Залялова 2019]. В указанной сфере появились новые наименования лиц, в частности слово *тьютор*: *К тому же до этого мы были вынуждены оплачивать детям няню-тьютора, которая помогла им делать уроки*⁶. В сфере домашнего образования *тьютор* имеет значение «няня, воспитатель, домашний учитель, опекун». Можно отметить, что в НКРЯ данное значение особенно актуализировано в сообщениях социальных сетей. Как правило, это объявления о работе и вакансиях. Например: *Гувернантка – педагог, тьютор, няня, для детей от 4 лет*⁷.

Особенности сочетаемости существительного *тьютор* с определенными словами позволяют уточнить и лучше понять значения, которые присущи данному слову. Так, лексема *тьютор* употребляется в сочетании с прилагательными *опытный, федеральный, зарубежный, профессиональный, домашний, сертифицированный*. Словосочетания *тьютор школы, тьютор студенческой группы, тьютор курса, тьютор отделения, тьюторы ассоциации электронного образования* указывают на сферы его функционирования. Глагольные словосочетания *пригласить тьютора, назначить тьютора, подготовить тьютора, дать тьютора (кому), приставить тьютора (к кому)* говорят об особенностях деятельности тьютора.

Синонимами слова *тьютор* являются лексемы *репетитор, преподаватель-консультант, консультант, куратор, опекун, опытный специалист, учитель*. Компоненты, используемые в образовании сложных слов (*тьютор-наставник, тьютор-ассистент, учитель-тьютор, студент-тьютор, педагог-тьютор*), указывают на характер деятельности тьютора. Появление подобных композитов в языке свидетельствует о семантической адаптации заимствованного слова в языке.

Примеры функционирования слова *тьютор* в текстах НКРЯ также демонстрируют сочетаемость его со

словами, обозначающими предмет изучения, например: *тьютор по биологии, тьютор по химии, тьютор по английскому языку* и т. д. В этих случаях тьютором называют преподавателя-тренера по учебному курсу. Обычно данные словосочетания функционируют, когда речь идет о домашнем образовании, о домашних тьюторах. Слово *тьютор* часто функционирует и в конструкции *тьютор какой-либо программы: сертифицированный тьютор программы Intel*. Здесь актуализируется значение тьютора как специалиста, проводящего мастер-классы, которые являются формой повышения педагогического мастерства.

Многочисленные сочетания лексемы *тьютор* с существительными с абстрактным, процессуальным значением указывают на актуальность и популярность тьюторской деятельности: *нехватка тьюторов, подготовка тьюторов, поддержка тьюторов, конкурсный набор тьюторов, компетенции тьютора, деятельность тьютора, занятие с тьютором, необходимость в тьюторах, профессионализм тьютора, институт тьюторов, система тьюторов, команда тьюторов, программа тьюторов, повышение квалификации тьюторов*.

Кроме проанализированных семантических и функциональных особенностей, следует отметить, что наблюдается процесс расширения сочетаемости слова *тьютор* и проникновения его для наименования новых специалистов в другие сферы деятельности: в кадровый менеджмент, социальную сферу, психологию. Так, например, зафиксированы случаи употребления этого слова для наименования специалиста в сфере социальных услуг: *«Предприятию, особенно на первых порах, надо предоставлять своего рода социального тьютора от государства, который помог бы создать в компании здоровую атмосферу и помочь людям адаптироваться в коллективе», – отметил Карамышев⁸*. Популярными стали так называемые *карьерные тьюторы* – специалисты, обеспечивающие сопровождение карьеры, помогающие развивать профессиональную и деловую карьеру людей. В сфере управления персоналом все чаще встречается употребление слова *тьютор* для наименования специалиста, который оказывает помощь в обучении и развитии сотрудников в компании: *тьютор для сотрудников компании*. В сфере оказания психологических услуг также употребляют слово *тьютор*: *тьютор в психологической помощи, тьютор развития эмоционального состояния*.

Таким образом, проведенное исследование позволяет получить полное представление о заимствованном слове *тьютор*, описать значения этого семантически емкого слова и определить особенности его употребления в речи. Лексема *тьютор* называет достаточно широкий круг лиц в сфере образования, оно проникло во все системы образования:

дошкольную, школьную, высшую, в систему дополнительного профессионального образования, а также используется в разных видах обучения (в дистанционном, домашнем). В настоящее время слово *тьютор* находится в ряду лексем, называющих лиц, обучающих кого-либо чему-либо, то есть называющих разные педагогические профессии: преподаватель, лектор, консультант, педагог-организатор, методист. Нередко *тьютор* является синонимом к слову консультант, преподаватель-тренер. Как видно, слово *тьютор* постепенно закрепились в качестве отдельной педагогической должности. Поскольку явление тьюторизации (индивидуализации образования) и процесс тьюторства (сопровождения обучающихся) являются актуальными и социально значимыми для всей системы российского образования (о чем говорят примеры *тьюторизация страны, тьюторизация образования*), лексема *тьютор* часто встречается в текстах разных жанров (публицистических, научных, учебно-методических). Слово *тьютор* используется как общеупотребительное «воспитатель, консультант, наставник» и как профессионально маркированное, так как входит в состав терминологии, в частности оно зафиксировано в педагогическом терминологическом словаре, в словаре бизнес-терминов, в словаре методических терминов и понятий. Многообразие определений исследуемой лексемы свидетельствует о том, что ее значения трансформируются и эволюционируют. Приведенные в работе примеры функционирования слова *тьютор* позволяют наметить пути его дальнейшей семантической эволюции: тьютор в семейном (домашнем) образовании, в цифровой среде, в социальной сфере, в менеджменте.

Перспективы дальнейшего исследования возможны в изучении словообразовательного потенциала заимствованного слова *тьютор*, поскольку оно выступает производящей базой для образования ряда производных слов (*тьюторский, тьюторство, тьюторша* и др.).

Примечания

¹ Об утверждении профессиональных квалификационных групп должностей работников образования: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 5 мая 2008 г. № 216н. URL: <https://base.garant.ru/193313/?ysclid=lgzfexcyed517402706> (дата обращения: 28.04.2023).

² Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области воспитания»: Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 10 января 2017 г. № 10н. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71495630/?ysclid=lgzfjwzzh0827726104> (дата обращения: 28.04.2023).

³ Инклюзивное образование набирает обороты // Парламентская газета. 05.2019. Доступ из «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru>

⁴ Баева Л.В. Проблемы и перспективы развития открытого дистанционного образования в условиях электронной культуры // Информационное общество. 2017. Доступ из НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru>

⁵ Свежий взгляд на кадры // Эксперт. 2015. Доступ из НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru>

⁶ Наталья Гранина. Учитель стал его гнобить // lenta.ru. 2017.03. Доступ из НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru>

⁷ СурРус Helpers. telegram СурРус Helpers. 17.09.2022. Доступ из НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru>

Список литературы

Веревкина И.Н. Тьюторство в системе образования: опыт России // Молодой ученый, 2019. № 21. С. 492–493.

Гатауллина А.Г., Залялова Р.Р. Семантические изменения в лексике сферы частного образования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12, вып. 12. С. 135–138.

Даммерер Й., Циглер В., Бартонек С. Тьюторство и коучинг как особые формы наставничества при вхождении в профессию молодых учителей / пер. с нем. Л.Н. Даниловой // Ярославский педагогический вестник. № 1 (106). 2019. С. 56–69. ic

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Москва: Русский язык, 2000.

Кежов А.А. Тьюторство в образовательном процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 211–213.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. Москва: Рус. яз., 1998. 846 с.

Национальный корпус русского языка. 2003–2023. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 28.04.2023).

Рылов А.Н., Соловова Н.В. Тьюторская деятельность в системе образования // Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Филология. Т. 28, № 4. 2022. С. 71–77.

Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1 500 слов / Е.Н. Шагалова. Москва: АСТ: Астрель, 2011. 413 с.

Словарь терминов и понятий цифровой дидактики / Рос. гос. проф.-пед. ун-т; авт.-сост. Ломовцева Н.В., Заречнева К.М., Ушакова О.В. и др. Екатеринбург: РГППУ: Ажур, 2021. 84 с.

Современный образовательный процесс: основные понятия и термины / М.Ю. Олешков, В.М. Уваров. Москва: Компания Спутник+, 2006. 143 с.

Тьюторы для студентов: (от 03.08.2020) // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/21463/> (дата обращения: 01.05.2023).

center/news/novosti-ministerstva/21463/ (дата обращения: 01.05.2023).

Astapenko E.V. Updating the synonyms of the term “teacher” un the vocabulary of modern English (from missionary to zoom tutor). Russian Linguistic Bulletin, № 1 (25), 2021, pp. 38-43. <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.18>

Reference

Gataullina A.G., Zaljalova R.R. *Semanticheskie izmeneniya v leksike sfery chastnogo obrazovaniya* [Semantic changes in the vocabulary of private education]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. Tambov, Gramota Publ., 2019, vol. 12, iss. 12, pp. 135-138. (In Russ.)

Dammerer J., Cigler V., Bartonek S. *T'jutorstvo i kouching kak osobyje formy nastavnichestva pri vhozhenii v professiju molodyh uchitelej: per. s nem. L.N. Danilovoj* [Tutoring and coaching as special forms of mentoring when entering the profession of young teachers (translated from German by L.N. Danilova)]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2019, № 1 (106), pp. 56-69. (In Russ.)

Efremova T.F. *Novyj slovar' russkogo jazyka: Tolko-vo-slovoobrazovatel'nyj* [New dictionary of the Russian language: Explanatory-word-formation]. Moscow, Russian language Publ., 2000. (In Russ.)

Kezhov A.A. *T'jutorstvo v obrazovatel'nom processe* [Tutoring in the educational process]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, № 2 (78), pp. 211–213. (In Russ.)

Krysin L.P. *Tolkovyj slovar' inozazychnyh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, Russian language Publ., 1998, 846 p. (In Russ.)

Nacional'nyj korpus russkogo jazyka, 2003–2023 [National Corpus of the Russian language]. URL: ruscorpora.ru (date of application: 28.04.2023).

Rylov A.N., Solovova N.V. *T'jutorskaja dejatel'nost' v sisteme obrazovaniya* [Tutor activity in the education system]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija. Pedagogika. Filologija* [Bulletin of Samara University. History. Pedagogy. Philology], vol. 28, № 4, 2022, pp. 71-77. (In Russ.)

Samyj novejsij tolkovyj slovar' russkogo jazyka XXI veka: ok. 1500 slov [The newest explanatory dictionary of the Russian language of the XXI century: approx. 1500 words], E.N. Shagalova. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., 2011, 413 p. (In Russ.)

Slovar' terminov i ponjatij cifrovoj didaktiki [Dictionary of Terms and concepts of digital Didactics], Russian State prof.-ped. university; aut.-comp.: N.V. Lomovceva, K.M. Zarechneva, O.V. Ushakova et al. Ekaterinburg, RSVPU Publ., Azhur Publ., 2021, 84 p. (In Russ.)

Sovremennyy obrazovatel'nyj process: osnovnye ponjatija i terminy [Modern educational process: basic concepts and terms], M.Ju. Oleshkov, V.M. Uvarov. Moscow, Sputnik Company+ Publ., 2006, 143 p. (In Russ.)

Verevkina I.N. *T'jutorstvo v sisteme obrazovanija: opyt Rossii* [Tutoring in the education system: the experience of Russia]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist], 2019, №21, pp. 492–493. (In Russ.)

Astapenko E.V. Updating the synonyms of the term “teacher” in the vocabulary of modern English (from

missioner to zoom tutor). *Russian Linguistic Bulletin*, № 1 (25), 2021, pp. 38-43. <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.18>

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 21.05.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 21.05.2023; accepted for publication 22.05.2023.

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ИДЕИ О ВАЖНОСТИ ВЗВЕШЕННОСТИ СЛОВА В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ НА ФОНЕ КИТАЙСКИХ

Сюй Яо, аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, YYyaoyao@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4062-948X>

Селиверстова Елена Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e.seliverstova@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2020-0061>

Аннотация. Признаваемая носителями любых языков неоспоримая ценность речи широко отразилась в выражениях народного происхождения – поговорах и пословицах. Высказывая в краткой выразительной форме мысли о разных сторонах речи, говорящие вербализуют целый спектр прескрипций, связанных с данным видом деятельности. Большую группу составляют в русском языке поговорки, подчеркивающие важность разумного подхода к речи. При анализе поговорок с компонентом *слово*, где оно наиболее часто выступает в значении ‘речь (фрагмент речи, фраза, реплика)’, удается выявить стереотипные представления о важности проявления субъектом речи серьезности, осознанности, о позитивной оценке взвешенной, неспешной, продуманной, лаконичной речи, о необходимости соблюдения некоторых правил осуществления коммуникации, таких как уважительное отношение к собеседнику и т. д. Использование методов семантического, лингвокультурологического и сравнительно-сопоставительного анализа 404 поговорок русского и 360 поговорок китайского языков позволяет увидеть универсальные установки, совпадающие у русских и китайцев, и национально-окрашенные представления, выражаемые в поговорке только одного из языков. Русская и китайская лингвокультуры обнаруживают немало совпадающих установок (значимость дела по сравнению со словом; невозможность вернуть сказанное; необходимость осторожности в выборе слов и др.). Однако способы их вербализации могут отличаться у русских и китайцев. В китайских поговорах отмечается акцент на важности большего внимания к собеседнику.

Ключевые слова: поговорка, стереотип, речь, русский и китайский языки, лингвокультурологический аспект, правила коммуникации, универсальные и этномаркированные представления.

Для цитирования: Сюй Яо, Селиверстова Е.И., Особенности вербализации идеи о важности взвешенности слова в русских поговорках на фоне китайских // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 160–166. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-160-166>

Research Article

FEATURES OF THE VERBALISATION OF THE IDEA ABOUT THE IMPORTANCE OF THE WORDS' BALANCE IN RUSSIAN PROVERBS AGAINST THE BACKGROUND OF CHINESE ONES

Xu Yao, Post-graduate Student, Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Teaching, Saint Petersburg State University, YYyaoyao@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4062-948X>

Elena I. Seliverstova, Doctor of Philology, Professor, Acting Head, Department of Russian for the Humanities & Sciences, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e.seliverstova@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2020-0061>

Abstract. All language users recognize the undeniable value of speech, which is widely reflected in the expression of national ancestry – proverbs and sayings. By briefly and expressively expressing their thoughts on different aspects, the speakers express various predicates related to these activities. In Russian, proverbs that emphasise the importance of a reasonable approach to speech make up a large group. When analysing proverbs with the component “word”, where it most often appears in the meaning of “speech (a fragment of speech, phrase, remark)”, it is possible to identify stereotypical ideas about the importance of the manifestation of seriousness, discretion by the subject of speech, about a positive assessment of balanced, leisurely, thoughtful, concise speech, about the need to follow some rules for communication – such as respectful attitude towards the interlocutor, etc. Using the methods of semantics, language culture, and comparative analysis of

404 Russian proverbs and 360 Chinese proverbs, we can see universal attitudes that coincide among Russians and Chinese, as well as nationally coloured ideas expressed in proverbs of only one of the languages. Russian and Chinese linguocultures reveal a lot of similar attitudes (the importance of the case, when comparing to the word; the impossibility of taking back what was said; the need to be careful when choosing words, etc.). However, the ways of their verbalisation may differ between Russians and Chinese. Chinese proverbs emphasise the importance of paying more attention to interlocutors.

Keywords: proverb, stereotype, speech, Russian vs. Chinese, linguoculturological aspect, communication rules, universal and ethnomarked representations.

For citation: Xu Yao, Seliverstova E.I. Features of the verbalisation of the idea about the importance of the words' balance in Russian proverbs against the background of Chinese ones. *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, № 2, pp. 160–166. (In Russ). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-160-166>

Введение. Лингвокультурология – направление в языкознании, «нацеленное на изучение культуры в языке и языка в культуре» [Карасик: 4] и занятое поиском закономерностей языкового преобразования действительности, – во многом опирается на массив устойчивых единиц языка. По мнению В.Н. Телия, для лингвокультурологии базовым является понятие культурной коннотации как способа воплощения культуры в языковой знак [Телия 1999: 16]. Это мнение разделяет М.Л. Ковшова, определяя коннотацию как извлечённую из сознания культурную информацию, которая «соединяется со словесными знаками языка и фольклора – идиомами и паремиями, добавляется в их семантику в виде особого категориального компонента» [Ковшова 2019: 173]. Паремии как весьма своеобразные знаки языка, фиксирующие не только разнообразные жизненные ситуации, но и способы их осмысления коллективным этномаркированным сознанием, активно и плодотворно изучаются в лингвокультурологическом аспекте – это подтверждается трудами таких исследователей, как Н. Ф. Алефиренко, Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова [2013], В.В. Красных [2001], В.А. Маслова [2020], Е.И. Селиверстова [2020], В.Н. Телия [1996] и др.

Культура воспринимается человеком по-разному: это зависит от того, как она фиксируется в языке и как хранится в его сознании и в коллективном языковом сознании, как проявляется в поведении социума – в том числе в речевом, как вербализуется в дискурсе, обуславливая его национально-культурную специфику. Зачастую это «культурное содержание» не осознаётся и не рефлексится самим представителем определенной культуры [Красных 2001: 5], оно хранится на глубинных уровнях человеческого сознания и передается носителями культуры неосознанно, в том числе через паремии.

Фразеопаремииологический фонд языка – это та область, где язык и культура взаимодействуют очень активно: эти единицы относятся к разряду «наиболее культуриноносных сущностей» [Маслова 2014: 79]. Паремииологические единицы (ПЕ) ценны тем, что, формируясь в процессе развития культуры народа, они фиксируют и передают «установки куль-

туры и стереотипы, эталоны и архетипы» [Маслова 2004: 82]. Под установкой культуры понимаются «ментальные образцы, играющие роль прескрипций для жизненных практик» [Телия 1999: 18], являющиеся продуктом взаимодействия членов социума. Они могут выступать в качестве констатации некоего осознаваемого и признанного закономерным порядка вещей (ср., например, идею «Молчаливого скорее сочтут умным, нежели болтуна», реализованную ПЕ *Промолчи – за умного сойдешь*) либо, наоборот, отступлений от него, также привлекающих внимание говорящих и поэтому вербализуемых.

Языковое воплощение идей в ПЕ разных народов может обнаруживать как точки схождения, близости, «общечеловеческие конденсированные смыслы» (В.А. Маслова), обусловленные сходством предметов и явлений окружающего мира и общностью законов человеческого мышления, так и национально-специфические черты, объясняемые ходом истории, культурным своеобразием, различиями в бытовой и производственной сферах и т. д.

Тем более интересно обращение к устойчивым выражениям неродственных языков – русского и китайского, позволяющее выявить, с одной стороны, универсальное, а с другой – национально-специфическое в представлениях русских и китайцев о языке и речи и их роли в жизни человека.

Язык есть определяющее свойство культуры и человека как её представителя. По этой причине важным видится изучение языковой картины мира, репрезентирующей с разных позиций восприятие и оценку носителями культуры важнейшего вида человеческой деятельности, а именно – речи. Паремии, вербализующие представления о речи, присутствуют во всех языках, а их национальная специфика проявляется в различии идей и стереотипов, выражаемых ПЕ в определённой культуре, а также используемых для этого эталонов и образов. Не случайно процесс говорения и восприятия речи неоднократно становился предметом изучения на материале разных языков, в частности Е.С. Яковлевой [Яковлева], А.Б. Татиевой [Татиева], М.С. Гutowской [Гutowская], С.А. Николаевой [Николаева], Лю Синь [Лю Синь] и др.

До сих пор, однако, подробное изучение стереотипных представлений, вербализуемых русскими паремиями, говорящими о должной взвешенности речи, правильности ее формы и содержания, на фоне китайских не проводилось.

Речь представлена в паремиологической картине мира очень широко, поскольку это достаточно ёмкое понятие, охватывающее механизм для производства и восприятия речи, речевой акт и речевое произведение, речевое взаимодействие и языковое сознание [Гутовская: 65–67]. Речь способна передавать многообразие прагматических смыслов и характеризовать языковую личность.

Не имея возможности максимально охватить в рамках данной статьи стереотипные представления и лингвокультурные установки, вербализованные русскими и китайскими пословицами о речи, остановимся на тех единицах, которые реализуют различные аспекты важной идеи о необходимости взвешенного отношения к речи – как к процессу и особенностям ее осуществления, так и, безусловно, к содержанию. Формальным критерием отбора русского материала послужили компоненты *слово*, *словоцо*, *слова*, *словечко*, однако в китайских паремиях более важным при отборе материала оказался критерий аналогичности, то есть соответствия в целом русским выражениям по смыслу, передаваемой идее. Не всегда при этом в состав китайской ПЕ входит компонент с именной семантикой; ср., например, китайскую ПЕ, в которой этого компонента нет: 没有调查就没有发言权 – букв. «Не будучи знатоком, не имеешь права высказываться», то есть ‘не имеешь права слова’.

Материалом для нашего исследования послужили 180 русских пословиц, почерпнутых из словаря «Пословицы русского народа» В.И. Даля, и 126 единиц из «Большого словаря китайских пословиц» Уэнь Дуаньчэна.

Пословицы с компонентом *слово* направлены в первую очередь на регламентацию речевого поведения человека. Речь дана человеку для осуществления коммуникации, и неслучайно поэтому одну из наиболее многочисленных групп ПЕ о речи составляют изречения, содержащие рекомендации по взаимодействию с собеседником. Они способны указать на определенные нормы речевого поведения, удерживать от совершения коммуникативных ошибок.

Лексема *слово* имеет в языке несколько значений (‘обещание’, ‘публичное выступление’, ‘беседа’ и др.), однако в пословицах, регулирующих речевое поведение, компонент *слово* выступает преимущественно в значении ‘речь, нечто сказанное, произнесенное; реплика’.

В содержании русских и китайских пословиц с компонентом «слово» обнаруживаются многочисленные и весьма разнообразные установки культуры.

1. Наиболее часто выражается в анализируемых паремиях мысль о *важности и приоритетности дела по сравнению со словами* – от них мало пользы. Эта установка представлена во многих единицах в общем виде: *Поменьше бы слов, да побольше дела; Дела сильнее слов; Большие дела – меньше слов; Словом дела не заменишь* и др. Паремиями отмечается и тенденция частого несоответствия скорости в делах и разговорах: *Кто словом скор, тот в делах редко спор.*

В китайских ПЕ также обнаруживается установка, в вербализации которой участвуют различные компоненты с семантикой ‘речь’: *说话容易做事难 – Легко слова сказываются, да не скоро дело делается; 漂亮话好说, 漂亮事难做 – Красивые слова легко произнести, а осуществить красивые дела трудно; 说时只一句, 做时不容易 – Говорить только одни слова, а делать нелегко.*

Неоднократно в китайских ПЕ подчеркивается, что давать советы, обучать, рассказывая о ходе выполнения действий может лишь тот, кто сам способен показать это на деле, поскольку личный пример доказательнее, нагляднее: *言教不如身教 – Учить надо показом, а не рассказом; 没有调查就没有发言权 – Кто не исследовал (‘не знаток’), тот не имеет права высказываться* и др.

Отдельные ПЕ могут акцентировать праздность, бесполезность слов, в то время как «дело», то есть работа, усилия по ее осуществлению, реализация планов и обещаний, в комментариях не нуждается. Эта идея реализуется в ПЕ и с привлечением иных компонентов с семантикой говорения: *Дело знай, а попусту не бай.* В китайской ПЕ эффективность работы, дела – в сравнении с разговорами – представлена образно: *说话是虚, 落笔为踪 – После слова ничего не остаётся, после кисти остаётся след.*

Идея неэффективности слова по сравнению с делом в русских ПЕ также часто вербализуется с использованием образа приготовления пищи как самого необходимого для выживания: *Брюхо не насыщается словами; Брюхо глухо: словом не уймешь; Голодного словами не накормишь* и др. ИмPLICITно и здесь скрыта лингвокультурная установка: на еду следует заработать, то есть нужна активная практическая деятельность: *Из слов щей не сварить – нужны капуста и мясо; Из слов блинов не напечешь и полушубка не сошьешь* – как видим, в сферу результатов акционального подхода вовлекаются не только продукты питания.

2. На *необходимость неспешно, вдумчиво подходить к тому, что говоришь, – к содержанию речи*, указывается во многих русских ПЕ. Это одна из наиболее часто выражаемых установок. Ср.: *Сначала пожуи слово, а потом скажи; Прожуй слово, да и молви! Разжевав слова, да выплюнь; Не болтай наугад, клади слово в лад.*

Об этом предупреждают и китайские ПЕ: 说话细思考, 吃饭细咬嚼 – *Когда говоришь – хорошенько думай, когда ешь – как следует жуи*; 手稳口也稳, 到处好安身 – *Руки осторожны и слова осторожны – всюду будет легко найти ночлег*.

Русские и китайские пословицы также выражают идею о **необходимости осторожно подбирать слова**, так как никогда не знаешь, кто тебя может услышать. Пословицы предупреждают говорящего о соблюдении осторожности при разговоре, необходимости быть предусмотрительным: *Сказал бы словечко, да у стен уши есть; Сказал бы словцо, да сучок в избе есть (глаз); Выпустишь словечко, не догонишь и на крыльчке*. 草里说话, 路上有人听 – *В траве говорят, а на дороге слушают*; 附耳之言, 闻于千里 – *Слово, сказанное шёпотом, могут услышать и за тысячу ли*.

Некоторые пословицы прямо указывают на то, как правильно подходить к построению высказывания – **необходимо обдумать собственные слова, а только потом произносить их**: *Сначала пожуй слово, а потом скажи; Прожуй слово, да и молви!; Разжевав слова, да выплюнь; Он спроста не говорит: растопырит слово да и молчит; Не болтай наугад, клади слово в лад* и др.

Китайскими паремиями также поддерживается эта мысль: 说话细思考, 吃饭细咬嚼 – *Когда говоришь – хорошенько думай, когда ешь – хорошенько жуи*. Не всегда можно предугадать ход разговора, поэтому во время беседы, считают китайцы, не следует спешить с ответом: 敏于事而慎于行 – *Следует быть быстрым в деле и осторожным в высказываниях*.

3. Значительный пласт паремий рассматриваемой группы вербализует идею о том, что **сказанного невозможно вернуть** – в наиболее общем виде идея невозвратности сказанного представлена в ПЕ *Сорвалось словцо – не схватишь; Выпустишь словцо – не ухватишь за кольцо; И дорого б дал за словечко, да не выкупишь*. Говорящие вербализовали эту идею с помощью разных метафорических образов: «слово, реплика» сравнивается с шустрым воробьем (*Слово не воробей, а выпустишь – не схватишь (вылетит – не поймаешь); Слово не воробей, не поймаешь за хвост* и др.). Паремика предлагает и иные образные решения для реализации идеи невозвратности: сопоставление с пулей (*Выстрелив, пулю не схватишь, а слово сказав, не поймаешь; Выпалишь, пули не поймаешь*), с конем (*Коня на вожжах удержишь, а слово не воротишь (а слова с языка не воротишь)*).

С плевком речь связывает, вероятно, рот как «источник», способный произвести то и другое: *Плевка не перехватишь, слово (слова) не воротишь; Плюнешь – не воротишь*. Этим объясняется и использование в ПЕ глаголов *слизать, слизнуть, подлизать*: *Слово выронишь, не подлижешь; Оброненное слово*

языком не слизнешь. Нельзя не отметить и семантики случайности, реализуемой за счет компонентов *выронить, обронить*.

Невозможно вернуть сказанное даже с приложением значительных усилий: *Слово выпустишь, так и вилом (и крюком) не втащишь*. Пословицы, как видим, избирательны в отборе образных элементов, за которыми стоят предметы и явления окружающего мира, актуальные для определенного народа.

Китайцы также придерживаются идеи о невозможности исправить прозвучавшие слова: *路走错了回里拐, 话说出口收不回 – Если ошибся дорогой, то можно вернуться; если ошибся словом – ничего нельзя исправить*.

4. Носители русского и китайского языков уделяют **внимание проявлению такта и манерам, демонстрируемым во время беседы**¹. Так, приветствуется в ПЕ **внимание к собеседнику, умение слушать, не перебивая**: *Чужих слов не перебивай*. Ср. также реализацию этой идеи в ПЕ *Кушать кушайте, а балы наши слушайте (балы – ‘слова, разговоры’; от слова балакать); Красна беседа слушанием*.

Это правило осуществления диалога свойственно и китайской паремике: *话到舌尖留半句, 事从礼上让三分 – Человек должен быть сдержанным и вежливым в разговоре и поступках, оставляя место для себя и собеседника*. Здесь, на наш взгляд, проявляется особое отношение, характерное для китайской культуры, к возможности и необходимости «соблюдения лица».

В китайских ПЕ акцент делается и на содержании разговора. **Следует соотносить тему беседы и состав ее участников**: *里言不出, 外言不入 – букв. Не рассказывайте о семейных делах при посторонних и не говорите об общественных делах дома небрежно*.

5. В китайских пословицах делается особый акцент на том, что, **не будучи тщательно продуманным и подобранным, слово может не достичь цели и обесценить все сказанное**: – *言不中, 千言无用 – Одно слово не попадет в цель, тысяча слов смысл потеряют*. Еще более опасным является неточное слово, которое может быть воспринято как ложь и испортить отношения между людьми: – *言不实, 百事皆虚 – Одно слово не соответствует действительности, и много других становятся ложью*; – *句非言, 折尽平生之福 – Одно неверное слово может разрушить благословенную жизнь*.

Таким образом, потребность в коммуникации, в ходе которой носители языка и культуры осуществляют обмен мыслями, сформулированными с помощью языковых средств, привела говорящих к формированию ряда представлений относительно того, как и что стоит говорить, а от чего следует в разговоре воздержаться, на что особенно следует об-

ращать внимание. Ограничение материала только паремиями с компонентом *слово* и производными от него не помешало нам обнаружить разнообразие лингвокультурных установок, объединенных общим представлением о целесообразности взвешенного, продуманного, неспешного подхода к произносимому в беседе – это один из важных принципов построения коммуникации. Предложенная нами типология стереотипных представлений демонстрирует значительную долю универсальных для двух языков установок: приоритетность дела по отношению к слову, необходимость осторожности в выборе слов, невозможность исправить сказанное, важность проявления при общении такта и вежливости и др. Однако данные установки вербализуются с привлечением образов и метафор, различающихся в русской и китайской культурах. В китайских паремиях уделяется больше внимания собеседнику, учету его положения и проявлению уважения к нему; отмечается также, чем чреваты неточности и недоговоренности. Стоит также отметить высокую метафоричность русских пословиц (слово сравнивается с птицей, пулей, плевком). Подобные различия отображают национально-специфические черты русских и китайских паремий.

Примечание

¹ Интересно в этом смысле исследование, проведенное Лиин Юань относительно правил, касающихся проявлений воспитанности/невоспитанности в речевой коммуникации. Так, по результатам опроса и анализа контекстов из Национального корпуса русского языка, воспитанный человек не повышает голоса, не перебивает собеседника, не поддерживает пустых (праздных) разговоров, не говорит при всех о вещах интимных, не говорит за глаза неприятного о человеке и т. д. [Юань Лиин: 59].

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф.* Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синэргетика слова: монография. Волгоград: Перемена, 2006. 228 с.
- Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. Москва: Гнозис, 2002. 284 с.
- Гутовская М.С.* Концепт «Речь» в русской языковой картине мира и его место среди других понятий «народной лингвистики» // *Вестник БДУ. Сер. 4.* 2007. № 2. С. 63–70.
- Даль В.И.* Пословицы русского народа. Москва: Гос. изд. худ. литературы, 1957. 992 с.
- Карасик В.И.* Языковая матрица культуры. Москва: Гнозис, 2013. 320 с.
- Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропони-мический код культуры. Москва: Ленанд, 2019. 400 с.
- Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. 2-е изд. Москва: Книжный дом «Либроком», 2013. 456 с.
- Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Москва: Гнозис, 2002. 284 с.
- Красных В.В.* Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // *Язык, сознание, коммуникация: сб.ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов.* Москва: МАКС Пресс, 2001. С. 5–19.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология – провидческий проект В.Н. Телия // *Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения: сб. науч. статей к 90-летию проф. В.Н. Телия / отв. ред. И.В. Зыкова, В.В. Красных.* Москва: Гнозис, 2020. С. 689–698.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология как наука о наиболее культураносных языковых сущностях // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики.* 2014. № 16. С. 78–90.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология. Москва: Академия, 2004. 202 с.
- Николаева С.А.* Правила речевого поведения в русских паремиях: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1999. 211 с.
- Селиверстова Е.И.* Уровни проявления типологического сходства в пословицах различных языков // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика.* 2020. Т. 11. № 2. С. 198–212.
- Татиева А.Б., Суюнова Г.С.* Концепт «РЕЧЬ» в русской паремииологии // *Актуальные проблемы лингвистики: сб. тр. конф. Павлодар: Павлодарский гос. пед. ин-т,* 2015. С. 323–328.
- Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методические исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // *Фразеология в контексте культуры.* Москва, 1999. С. 16–18.
- Телия В.Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Юань Лиин.* Русские пословицы о воспитанности/невоспитанности на фоне аналогичных паремий китайского языка (лингвокультурологический аспект): дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2016. 243 с.
- Яковлева Е.С.* К описанию русской языковой картины мира // *Русский язык за рубежом.* Москва, 1996. № 1–3. С. 47–57.
- 刘新义. 从一组有关言语的谚语看人类共同的言语观[J]. *济南大学学报(社会科学版)*, 2001, No. 5, pp. 50-55 (Лю Синьи. Окинем взором взгляды человека на язык, отраженные пословицами // *Журнал Цзинаньского университета (издание социальных наук)*, 2001, № 5. С. 50–55).
- 温端政. *中国谚语大辞典* 上海辞书出版社 2011年 638页 (Уэнь Дуаньчэн. Большой словарь китайских

пословиц. Шанхай: Шанхайское словарное изд-во, 2011. 638 с.).

References

- Alefrenko N.F. *Iazyk, poznanie i kul'tura, Kognitivno-semiologicheskaja sinergetika slova, monografiia* [Language, cognition and culture: Cognitive-semiotic synergetics of words: monograph]. Volgograd, Peremena Publ., 2006, 228 p. (In Russ.)
- Gudkov D.B. *Teoriia i praktika mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2002, 284 p. (In Russ.)
- Gutovskaia M.S. *Kontsept «Rech'» v russkoi iazykovoj kartine mira i ego mesto sredi drugikh poniatii «narodnoi lingvistiki»* [Concept "Speech" in Russian language picture of the world and its place among other concepts of "folk linguistics"]. *Vesnik BDU* [Bulletin of BSU], ser. 4, 2007, No. 2, pp. 63-70. (In Russ.)
- Dal' V.I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of Russian people]. Moscow, Gos. izd. khud. literatury Publ., 1957, 992 p. (In Russ.)
- Iuan' Liin. *Russkie poslovitsy o vospitannosti, nevospitannosti na fone analogichnykh paremii kitaiskogo iazyka (lingvokul'turologicheskii aspekt), dis. ... kand. filol. nauk* [Russian proverbs about politeness/unbiasedness on the background of the similar paremics in Chinese (linguocultural aspect): Ph. D. in Philology]. Sankt-Peterburg, 2016, 243 p. (In Russ.)
- Iakovleva E.S. *K opisaniiu russkoi iazykovoj kartiny mira* [To the description of the Russian language picture of the world]. *Russkii iazyk za rubezhom* [Russian language abroad]. Moscow, 1996, No. 1-3, pp. 47-57. (In Russ.)
- Karasik V.I. *Iazykovaia matritsa kul'tury* [Linguistic matrix of culture]. Moscow, Gnozis Publ., 2013, 320 p. (In Russ.)
- Kovshova M.L. *Lingvokul'turologicheskii analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok, Antroponimicheskii kod kul'tury* [Linguocultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: The anthroponymic code of culture]. Moscow, Lenand Publ., 2019, 400 p. (In Russ.)
- Kovshova M.L. *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii, kody kul'tury* [Linguocultural method in phraseology: codes of culture], 2-e izd. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom» Publ., 2013, 456 p. (In Russ.)
- Krasnykh V.V. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiia* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology]. Moscow, Gnozis Publ., 2002, 284 p. (In Russ.)
- Krasnykh V.V. *Kody i etalony kul'tury (priglasenie k razgovoru)* [The codes and etalons of culture (invitation to conversation)]. *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia*, sb. st. [Language, consciousness, communication: Collection of articles], ed. by V. Krasnikh, A.I. Izotov. Moscow, MAKS Press Publ., 2001, pp. 5-19. (In Russ.)
- Maslova V.A. *Lingvokul'turologiia – providcheskii projekt V.N. Teliia* [Linguoculturology - the visionary project of V.N. Teliia]. *Iazyk, kul'tura, tvorchestvo. Miroye praktiki izucheniia: sb. nauch. st. k 90-letiiu prof. V.N. Teliia* [Language, culture, creativity: World practices of study. Collection of scientific articles to the 90-th anniversary of prof. V.N. Teliia], ed. by I.V. Zykhova, V.V. Krasnykh. Moscow, Gnozis Publ., 2020, pp. 689-698. (In Russ.)
- Maslova V.A. *Lingvokul'turologiia kak nauka o naibolee kul'turonosnykh iazykovykh sushchnostiakh* [Linguoculturology as a science of the most culturally-bearing linguistic entities]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* Publ. [Actual problems of philology and pedagogical linguistics], 2014, No. 16, pp. 78-90. (In Russ.)
- Maslova V.A. *Lingvokul'turologiia* [Linguoculturology]. Moscow, Akademiia Publ., 2004, 202 p. (In Russ.)
- Nikolaevna S.A. *Pravila rechevogo povedeniia v russkikh paremii, dis. ... kandidata filologicheskikh nauk* [Rules of speech behaviour in Russian paremics: Ph. D. in Philology]. Krasnoarsk, 1999, 211 p. (In Russ.)
- Seliverstova E.I. *Urovni proiavlennii tipologicheskogo skhodstva v poslovitsakh razlichnykh iazykov* [Levels of typological similarity in proverbs of different languages]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics], 2020, vol. 11, No. 2, pp. 198-212. (In Russ.)
- Tatieva A.B., Suiunova G.S. *Kontsept "RECh" v russkoi paremiologii* [The concept "Speech" in Russian paremiology]. *Aktual'nye problemy lingvistiki: sb. tr. konf.; Pavlodar, Pavlodarskii gos. ped. in-t* [Actual problems of linguistics; Pavlodar, Pavlodar State Pedagogical Institute], 2015, pp. 323-328. (In Russ.)
- Teliia V.N. *Pervoocherednye zadachi i metodicheskie issledovaniia frazeologicheskogo sostava iazyka v kontekste kul'tury* [The primary tasks and methodological research of the phraseological composition of the language in the context of culture]. *Frazeologiia v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture]. Moscow, 1999, pp. 16-18. (In Russ.)
- Teliia V.N. *Russkaia frazeologiia, semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ. [Languages of Russian culture], 1996, 288 p. (In Russ.)
- 刘新义. 从一组有关言语的谚语看人类共同的言语观[J]. 济南大学学报(社会科学版), 2001(05), pp. 50-55. Liu Sin'i. *Okinem vzorom vzgliady cheloveka na iazyk, otrazhennye poslovitsami* [Let's take a look at man's views on language as reflected by proverbs]. *Zhurnal Tszinan'skogo universiteta (izdanie sotsial'nykh nauk)* [Jinan University Journal (Social Science Publication)], 2001, No. 5, pp. 50-55. (In Russ.)

温端政 中国谚语大辞典 上海辞书出版社 2011年
638页 (Uen' Duan'chen. *Bol'shoĭ slovar' kitaiskikh poslo-
vits* [A large dictionary of Chinese proverbs]. Shankhai,
Shankhaiskoe slovarnoe izd-vo Publ., 2011, 638 p.). (In
Russ.)

*Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одоб-
рена после рецензирования 10.05.2023; принята
к публикации 11.05.2023.*

*The article was submitted 04.04.2023; approved after
reviewing 10.05.2023; accepted for publication 11.05.2023.*

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ЧАСТИЦ-ДИСКУРСИВОВ В АНГЛО-, ИСПАНО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Купцов Александр Евгеньевич, кандидат филологических наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, kupcov.a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9251-3214>

Аннотация. *Дискурс* – связный монологический или диалогический текст, который представляет собой семантически и грамматически связанную последовательность предложений-высказываний в устной или письменной форме, обращенный к слушателю/читателю, отражающий целостную коммуникативно-речевую ситуацию и учитывающий в качестве экстралингвистических факторов всех её участников. В настоящей работе рассматривается проблема художественного дискурса, поскольку в ней изучаются частицы-дискурсивы в составе предложений-высказываний дискурса англо-, испано- и русскоязычных произведений художественной литературы. Художественный дискурс является воплощением вербального сообщения, способным передавать эстетическую, эмоциональную, образную, а также оценочную информацию, которая объединена в идейно-художественном содержании текста. Частицы-дискурсивы в английском, испанском и русском языках способны акцентировать внимание слушателя/читателя (адресата) как на отдельных компонентах предложения-высказывания, так и на всем предложении-высказывании в целом. В англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе данные лексические единицы вносят в высказывание различные оттенки дополнительных значений (смыслов), влияя на значение высказывания в целом, тем самым формируя прагматический эффект акта коммуникации (дискурса). Коммуникативно-прагматическая функция частиц-дискурсивов в художественном дискурсе состоит в их способности фокусировать внимание реципиента / читателя (адресата) на последующей новой информации в высказывании, доносить до читателя (адресата) квалификативные смыслы высказывания, вносить в высказывание большую интенсивность, усиливать то или иное значение акцентируемого ими компонента (члена) предложения-высказывания. Таким образом, частицы-дискурсивы усиливают выразительность речи и способны влиять на эмоционально-экспрессивную окраску высказывания.

Ключевые слова: дискурс, художественный дискурс, частицы-дискурсивы, коммуникативно-прагматические функции.

Для цитирования: Купцов А.Е. Реализация коммуникативно-прагматических функций частиц-дискурсивов в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 167–174. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-167-174>

Research Article

IMPLEMENTATION OF COMMUNICATIVE-PRAGMATIC FUNCTIONS PARTICLE-DISCURSIVES IN ENGLISH, SPANISH AND RUSSIAN ARTISTIC DISCOURSE

Alexandr Ye. Kuptsov, Candidate of Philology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia, kupcov.a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9251-3214>

Abstract. Discourse is a coherent monological or dialogical text, which is a semantically and grammatically related sequence of sentences-utterances in oral or written form, addressed to the listener/reader, reflecting an integral communicative-speech situation and taking into account all its participants as extralinguistic factors. In this paper, the problem of fictional discourse is considered, since it studies the particles-discourse markers in the composition of sentences-utterances of the discourse of English-, Spanish- and Russian-language works of fiction. Fictional discourse is the embodiment of a verbal message capable of conveying aesthetic, emotional, imaginative, as well as evaluative information, which is combined in the ideological and fictional content of the text. Particles-discourse markers in English, Spanish and Russian are able to focus the attention of the listener/reader (addressee) both on the individual components of the sentence-utterance, and on the entire sentence-utterance as a whole. In English-, Spanish- and Russian-language fictional discourse, these lexical units introduce various shades of additional meanings into the utterance, influencing the meaning of the utterance as a whole, thereby forming

the pragmatic effect of the act of communication (discourse). The communicative and pragmatic function of particles-discourse markers in fictional discourse consists in their ability to focus the recipient/reader's (addressee's) attention on the subsequent new information in the utterance, to convey to the reader (addressee) the qualifying meanings of the utterance, to bring greater intensity into the utterance, to strengthen one or another meaning of the component (member) of the sentence-utterance they emphasize. Thus, particles-discourse markers enhance the expressiveness of speech and are able to influence the emotional and expressive coloring of the utterance.

Keywords: discourse, fictional discourse, particles-discourse markers, communicative-pragmatic functions.

For citation: Kuptsov A. Ye. Implementation of communicative and pragmatic functions of particles-discourse markers in English, Spanish and Russian-language fictional discourse. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 167–174. (In Russ). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-167-174>

Сравнительный анализ различных подходов к изучению и описанию частиц демонстрирует их важность в структуре каждого языка. Из-за различных внешних и внутренних факторов, влияющих на развитие английского, испанского и русского языков, формирование частиц как класса слов в исследуемых языках различно. В английском и испанском языках частицы не выделяются как отдельный лексико-грамматический класс слов и функционируют в зависимости от семантической и синтаксической среды. В русском языке частицы являются функциональным классом, так как без их участия невозможно выразить коммуникативное значение высказывания и различные коммуникативные характеристики, а также отношение говорящего/пишущего (адресанта) к содержанию высказывания [Купцов 2022б: 7–8].

Зарубежные исследователи английского языка, как правило, не выделяют класс частиц в том понимании, в каком они трактуются в русском языкознании, и относят данные лексические единицы к наречиям или к служебным частям речи либо объединяют слова, у которых отсутствуют грамматические категории.

Такие зарубежные исследователи, как Д. Болинджер, С. Гринбаум, Р. Кверк, Дж. Лич, Б. Фрейзер и др. подчеркивают идею о том, что в современном английском языке термин «частица» (англ. *particle*) представляет собой неизменяемый компонент высказывания, который присоединяется к полнозначным словам. Данные исследователи считают, что послелог, входящий в состав фразовых глаголов английского языка (*drink up, get away, walk up*), является частицей [Bolinger 1971; Fraser 1976; Quirk 1982]. Следует отметить, что своеобразием современного английского языка является отсутствие в нем модальных частиц, в отличие от других германских языков, где они довольно активно используются в речи. Таким образом, модальные слова в английском языке способны передавать разнообразные лексические оценки высказывания, выражаемые модальными частицами.

Что касается испанского языка, то среди испанских лингвистов Р. Ленц первый указал на необходимость включения в классификацию частей речи таких лексем, как *pues, conque, tan sólo, sin embargo, sí, verdad que, vatos, vaya, oye*, и предложил назвать их эмфати-

ческими частицами. Однако отметим, что многие испанские исследователи (А. Бельо, Р.Х. Куэрво, Х. Рока Понс, Р. Секо, С. Хили-и-Гайа и др.) не считают частицы самостоятельной частью речи и обычно включают их в разряд наречий. Класс частиц как отдельную часть речи в испанском языке выделяют в основном отечественные лингвисты (В.С. Виноградов, С.И. Канонич, А.Е. Купцов, Т.Ж. Олтиев и др.), причем в него обычно, как и в современном английском языке, включается не более двадцати слов, инвентарь которых у разных авторов различен. С.И. Канонич отмечает, что лексические частицы выражают различные модальные значения, уточняют логическую связь между частями высказывания, усиливают, ограничивают значение отдельного слова или словосочетания, высказывания в соответствии с их значением. С.И. Канонич выделяет следующие классы лексических частиц в современном испанском языке: *модальные лексические частицы, логические частицы, усилительные частицы и ограничительные частицы* [Канонич 1991: 132].

Таким образом, можем сделать вывод о том, что частицы в современном испанском языке представляют собой самостоятельный класс служебных слов, которые выражают разнообразные значения и могут одновременно входить в несколько классификаций, отражая коммуникативно-прагматические функции.

Что касается таксономического разнообразия рядов частиц в русском языке, в рамках настоящего исследования представляется наиболее релевантным определение функционального статуса частиц в современном русском языке Т.М. Николаевой:

- 1) *эмфатические*, которые передают интерес, удивление, симпатию и т. д.;
- 2) *усилительные*, которые являются показателями смыслового веса слова или высказывания;
- 3) *актуализирующие*, которые конкретизируют слово в контексте;
- 4) *частицы-ремагизаторы*, которые усиливают, подчеркивают слово или высказывание [Николаева 2005: 77–81].

Из вышеприведенной классификации частиц видно, что исследуемый лексико-грамматический класс слов в современном русском языке выполняет многообразные функции, а границы самого класса частиц не опре-

делены. Подобная размытость семантики исследуемых лексических единиц языка является их особенностью, так как они обозначают отношения, характер которых неоднороден, а факторы, формирующие эти отношения, так разнообразны, что раскрытие семантики частиц представляется довольно трудной задачей.

Таким образом, можно сделать вывод, что сложность решения вопроса о возможности выделения частиц как отдельной части речи связана со следующими особенностями:

- 1) частицы не имеют денотативного значения;
- 2) частицы морфологически не изменяются;
- 3) частицы не являются членами предложения [Купцов 2022б: 7].

Следует отметить, что отсутствие того или иного признака отражает уникальность данного класса слов по сравнению с другими частеречными категориями и свидетельствует об отличии частиц от других классов слов. Так, Н.А. Кобрин указывает на тот факт, что каждая часть речи обладает характерными для неё коммуникативными задачами, что и обуславливает её индивидуальность, то есть «непохожесть» на другие части речи. Таким образом, учет признака или набора признаков, которыми обладает только данный класс слов, является единым принципом классификации частей речи [Кобрин: 2007]. Таким образом, феномен частиц заключается в своеобразном коммуникативном аспекте языковой системы, так как язык как динамическое явление постоянно развивается и не исчерпывает свои возможности.

Итак, из всего вышеизложенного можем заключить, что интерес к изучению частиц объясняется тем, что они выражают различные логические и грамматические значения в целом и характеризуются полифункциональностью. Способность частиц «кодировать» все многообразие прагматических значений, связывать высказывание с отношением адресанта к адресату и к описываемой ситуации, с намерениями и эмоциями говорящего, «соотносить его с ситуацией непосредственного действия» требует многоаспектного описания их функциональной семантики [Николаева 2005: 3–7]. По мнению В.Г. Гака, частицы служат достижению коммуникативной адекватности высказывания, а их употребление связано с прагматической ситуацией. Частицы выражают различные логические и грамматические значения в высказывании и в целом характеризуются полифункциональностью [Гак: 2004].

Т.М. Николаева также отмечает, что частицы обладают способностью передавать самые разнообразные коммуникативные характеристики сообщения: они могут быть акцентирующими, выделительными, экспрессивными. Кроме того, частицы способны выражать отношение адресанта к адресату и к описываемой ситуации, намерения и эмоции говорящего, то есть передавать несколько коммуникативных ли-

ний одновременно в различных видах дискурса [Николаева: 2005].

По мнению ряда исследователей, дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее в себя экстралингвистические факторы, такие как знания о мире, интересы, цели коммуникатора [Арутюнова: 1999; Бабаян: 2006; Бабаян: 2017; Григорян: 2005; Дейк: 1989; Денисов: 2012; Карасик: 2002; Шилова: 2022а; Шилова 2022б]. Дискурс является отражением языковой и социокультурной реальности. Он является особым способом использования языка для выражения ментальности, что отражается в особой грамматике и правилах лексики и в конечном счете создает особый «ментальный мир».

Важно подчеркнуть, что в рамках предпринятого исследования наиболее целесообразным и релевантным, на наш взгляд, представляется определение понятия «дискурс» как сложного коммуникативного явления, приведенное В.Н. Бабаяном, который детерминирует *дискурс* как связный монологический или диалогический текст, который представляет собой семантически и грамматически связанную последовательность предложений-высказываний (высказываний-реплик) в устной или письменной форме, обращенный к слушателю/читателю (адресату), отражающий целостную коммуникативно-речевую ситуацию и учитывающий в качестве экстралингвистических факторов всех её участников [Бабаян: 2006].

Следует отметить, что, на наш взгляд, определение понятия «дискурс», которое приводит В.Н. Бабаян, отражает и объединяет как собственно языковой, так и коммуникативно-социолингвистический подходы, так как в данном определении исследователем учитываются все – активные и пассивные – участники-продуценты дискурса, форма дискурса, коммуникативно-речевая ситуация в целом, языковые и собственно лингвистические особенности дискурса, а также выделяются предложения-высказывания (реплики) в качестве основных единиц такого сложного коммуникативного феномена, как дискурс, что способствует проведению комплексного анализа высказываний адресанта и адресата как участников определенного акта коммуникации.

Исследуя различные типы дискурса, приходим к выводу о том, что у каждого типа есть свои специфические когнитивные, прагматические, идеологические и культурные мотивы, у которых наблюдается различие в их реализации. Одни из перечисленных типов дискурса существуют в реальном мире, а другие нет, так как полагаются только на воображение писателя. Так, художественный дискурс является разновидностью дискурса, связанного с созданием и интерпретацией художественных произведений и включающего в себя использование литературных приемов, стилей и жанров для создания жанров, которые обла-

дают эстетической ценностью. Художественный дискурс содержит в себе след культуры, преобладающей на определенном этапе развития общества, подразумеваемая взаимодействие между писателем (адресантом) и читателем (адресатом) [Купцов: 2022a].

Несмотря на значительное число работ, посвященных проблематике художественного дискурса, целый ряд вопросов до сих пор не получил достаточно полного и однозначного освещения. Так, неоднозначно истолковываются вопросы, связанные с содержательной интерпретацией частиц-дискурсивов в английском, испанском и русском художественном дискурсе, так как отсутствуют ясные и четкие критерии разграничения признаков данных коммуникативно-прагматических единиц. Разнообразие существующих теорий данных единиц обусловлено не только возможностями языка как системы, но и многообразием речевых ситуаций употребления данных лексем в различных экстралингвистических условиях. Таким образом, частицы-дискурсивы используются для связывания и организации текста в определенную структуру. Они помогают выразить связь между предложениями и идеями, а также указывают на различные отношения между ними, организуя информацию в логическую последовательность идей и связность, то есть использование данных лексических единиц является одним из способов создания когерентности художественного текста [Леонтьев 1995; Макаров 2003]. Необходимо отметить, что когерентность текста также достигается путем использования связующих слов и выражений, повторов и синонимов, а также правильного порядка слов и фраз в предложениях.

В рамках настоящего исследования под частицами-дискурсивами понимаются слова или фразы, которые используются для связывания предложений и идей в коммуникации или тексте, что делает речь более естественной и плавной. Анализ лингвистической литературы позволил выявить, что почти во всех грамматиках современных европейских языков традиционно неизменяемые части речи: наречия, предлоги, союзы, частицы, а также другие лексико-грамматические элементы – могут выполнять в определенных контекстах функции, которые не соответствуют тем, которые они обычно выполняют в рамках предложения-высказывания. Таким образом, то, что мы сегодня называем «дискурсивами», должным образом не признается, оно приписывается частицам, которые могут иметь дискурсивное употребление и различные семантические денотативно-коннотативные значения [Купцов: 2022a].

Эмпирическим материалом исследования являются прозаические тексты английской, испанской, латиноамериканской и русской художественной литературы XX и XXI вв., а также национальные корпуса языков. В ходе исследования методом сплошной вы-

борки выделены для комплексного анализа лексемы, способные выступать в исследуемых языках в качестве частиц-дискурсивов.

Как свидетельствует анализ фактического материала, в качестве однозначных актуализаторов коммуникативного центра высказывания в английском предложении выступают усилительные частицы *even*, *just*, в испанском предложении – частицы *hasta*, *sobre todo*, *siquiera* и в русском предложении – частицы *даже*, *даже и*. Выбор данных частиц в качестве объекта исследования обусловлен тем, что, как показал анализ фактического материала, данные частицы-дискурсивы являются наиболее эффективными и сравнительно чаще употребляемыми в художественном дискурсе.

В ходе предпринятого исследования установлено, что частица-дискурсив *even* в английском языке находится в препозиции и выполняет функцию формулирования мысли и фокусирования внимания реципиента (адресата) на последующей новой для него информации.

*But then there was the espionage. **Even Ashenden** with all his tolerance for human frailty could not but feel that to betray your country for money is not a very pretty proceeding (Maugham).*

Приведенный выше пример предложения-высказывания англоязычного художественного дискурса показывает, что частица *even* в английском языке является средством интенсификации высказывания, так как данная лексическая единица в какой-то степени оказывает влияние на формирование у читателя (адресата) определённого мнения.

Проведенное исследование позволило установить, что в испанском языке – частицы-дискурсивы *hasta*, *sobre todo*, *siquiera* и в русском языке – частицы-дискурсивы *даже*, *даже и* указывают на крайнюю степень проявления признака, обозначенного в предикате:

*(ucn.) Así que Ambrosio le había hablado a don Cayo, don, para que pusiera a Ludovico en vez de Hinostriza, y don Cayo se había reído: ahora **hasta tú** tienes: tus recomendados, negro (Llosa);*

*(ucn.) Le había sentado entre los dos candelabros y don Néstor parpadeaba contrariado, lamentando que **ni siquiera la silla flamenca** hubiera podido evitar la desgracia. Pero como buen comerciante encontró enseguida la salida pertinente (Delibes).*

Данные примеры позволяют говорить о том, что частицы-дискурсивы в испанском языке отражают исключительность факта, выдвигая на передний план информацию, которая обладает наибольшей ценностью. Следует отметить, что в ходе анализа предложений-высказываний испаноязычного художественного дискурса выявлено, что частица-дискурсив *siquiera* употребляется вместе с отрицательной частицей *ni*, которая придает всему предложению повышенную экспрессивность, тем самым подчеркивая функцию уси-

ления лексемы *siquiera* в высказывании, что, в свою очередь, позволяет реципиенту (адресату) сконцентрировать внимание на существенной информации.

Что касается русскоязычного художественного дискурса, то частицы-дискурсивы *даже*, *даже* и придают высказыванию специфический оттенок и выделяют его фрагмент, а также направляют содержание акцентированного компонента к предикативной части высказывания, тем самым расширяя её содержание:

(рус.) *Опускает, как клоп, под глазами вот такие водяные мозоли, ноги слоновые – подавишь – ямина – идет, шатается. А ведь профессор, а может, даже и академик* (Домбровский).

В ходе исследования было выявлено, что в англо-, испано- и русскоязычных художественном дискурсе частицы-дискурсивы, прикрепляясь к сказуемому, отражают его отношение к содержанию предикативной части высказывания, при этом в центре предикативной части высказывания находится сам предикат:

(англ.) *“Message just come through for you from headquarters, sir. Labourer reported this morning saw glare as of fire. Half an hour ago they found a burnt-out car in a quarry. Venn’s Quarry – about two miles from here. Traces of a charred body inside”* (Christie);

(исп.) *Había cuatro o cinco cafés, de clásico prestigio, en los cuales, sin que nadie lo supiera (ni siquiera Albertina, que por lo general a esas horas ensayaba), se refugiaba en alguna mesa de un rincón, y allí leía y sobre todo meditaba: sobre un caótico mundo a ajustar, sobre el Dios que seguramente no existía, sobre la vaga posibilidad de tener un hijo, y varios etceteras de menor cuantía* (Benedetti);

(рус.) *И сам он, можно не сомневаться, ни разу в жизни не произнес доброго слова, зато постоянно грубые проклятия, не умеет жалеть, пожалуй, даже и ненавидеть не умеет* (Тендряков).

При помощи данных лексических единиц авторы усиливают языковое выражение и подчёркивают действие; частицы, соотнося сказуемое с предикативной частью, определяют содержательные границы предикативной части: *Message just come through*; *y allí leía y sobre todo meditaba*; *даже и ненавидеть не умеет*.

Анализ позволил выявить, что авторы используют частицы-дискурсивы для акцентирования дополнения в предложении-высказывании, так как данные лексемы вносят оттенок усиления в высказывания. Акцентированный компонент предложения может находиться в сильной и слабой связи с господствующим словом:

(англ.) *The pen was an archaic instrument, seldom used even for signatures, and he had procured one, furtively and with some difficulty, simply because of a feeling that the beautiful creamy paper deserved to be written on with a real nib instead of being scratched with an ink-pencil* (Orwell);

(исп.) *Hazlo por la Teté y sobre todo por tu viejo – insistía Popeye. Tú sabes cómo te quiere, flaco. Y hasta el Chispas, hombre. Esta misma tarde me dijo que el supersabio se deje de mariconadas y venga* (Llosa);

(рус.) *Представляешь, Саша – с его-то способностями! – не закончит школу. Ты соображаешь, какая это потеря для всех нас, а может быть, даже для всей страны!* (Васильев).

Анализ позволил установить, что англоязычное предложение-высказывание отражает слабую связь с господствующим словом: *The pen was an archaic instrument, seldom used even for signatures*. Испаноязычный пример предложения-высказывания художественного дискурса *Hazlo por la Teté y sobre todo por tu viejo* и русскоязычный пример *Ты соображаешь, какая это потеря для всех нас, а может быть, даже для всей страны!* отражают сильную связь с господствующим словом. Таким образом, как видим, семантика частиц-дискурсивов проявляется на определённом фоне, выражая конкретные смысловые отношения.

Следующие примеры показывают, что коммуникативно-прагматическая функция частиц-дискурсивов – сосредоточить внимание читателя (адресата) сообщения на главной реалии в высказывании, придавая дополнительные оттенки значений акцентированному компоненту предложения:

(англ.) *They thought she was going out of her mind. She would scream for hours on end. There were no doctors to be got. The village doctor had been called to the colours. Even in Soissons there were only two doctors left, old men both of them, and how could they get to the farm even if it had been possible to send for them?* (Maughan);

(исп.) *La torre del faro fue siempre un refugio afortunado que él evocaba con nostalgia cuando ya tenía todo resuelto en los albores de la vejez, porque era un sitio bueno para ser feliz, sobre todo de noche, y pensaba que algo de sus amores de aquella época les llegaba a los navegantes en cada vuelta de los destellos* (Márquez);

(рус.) *Фигура под руками Зубра как бы вырастает в матерую четвероногую сутулую махину весом чуть ли не в тонну, с мохнатым загривком, горбоносой мордой. Даже в заповеднике они не подпускают к себе человека ближе чем на тридцать метров* (Гранин).

Приведенные выше примеры предложений-высказываний англо-, испано- и русскоязычного художественных дискурсов указывают на тот факт, что авторы при помощи частиц-дискурсивов выдвигают на передний план наиболее важную, ценную информацию в высказывании, так как данные лексемы способны выделить информативную значимость определенного синтаксического компонента. Частицы-дискурсивы в приведенных примерах англо-, испано- и русскоязычных предложений-высказываний

художественного дискурса выражают значение *исключительности*, соотнося его с общим фактом.

Итак, проведенный в настоящей работе анализ фактического материала показал, что коммуникативно-прагматические функции частиц-дискурсивов связаны с выдвиганием на передний план информации, которая обладает наибольшей ценностью. Являясь средством усиления смысловой нагрузки слова, словосочетания или всего высказывания в целом, частицы-дискурсивы подчеркивают информативно-семантическую значимость акцентируемого компонента, а также несут дополнительную композиционно-смысловую нагрузку в художественном дискурсе. Необходимо отметить, что основной коммуникативно-прагматической функцией изучаемых частиц-дискурсивов в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе является их способность фокусировать внимание реципиента/читателя (адресата) на последующей новой информации в высказывании, доносить до читателя (адресата) квалификативные смыслы высказывания, вносить в высказывание большую интенсивность, усиливать то или иное значение акцентируемого ими компонента (члена) предложения-высказывания. Частицы-дискурсивы в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе способны вносить в высказывание различные оттенки дополнительных значений (смыслов), при этом, несомненно, влияя на значение высказывания в целом, тем самым формируя прагматический эффект акта коммуникации (дискурса). Они способны усиливать выразительность речи (высказывания), оказывать влияние на эмоционально-экспрессивную окраску, которая создается за счёт различных оттенков коннотативного характера.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Бабаян В.Н. Дискурс как сложный коммуникативный феномен. Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2006. Т. 12. С. 127–129.

Бабаян В.Н. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики // Верхневолжский филологический вестник: науч. журнал. Ярославль, 2017. № 1. С. 76–81.

Бабаян В.Н., Купцов А.Е., Шилова Н.В. Семантические и коммуникативно-прагматические особенности дискурсивных маркеров в испаноязычном художественном дискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31). С. 86–92. https://doi.org/10.20323/2499_9679_2022_4_31_86_92.

Васильев Б.Л. Завтра была война: роман. Москва: Вагриус, 2007. 302 с.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Москва: Добросвет, 2004. 864 с.

Гранин Д.А. Зубр: роман. Москва: Эксмо, 2005. 735 с.

Григорян А.А. Дискурс и текст // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе; Орел, 26–27 февраля 2005 г. / отв. ред. А.Г. Пастухов. Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры, 2005. С. 16–22.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Москва: Прогресс, 1989. 310 с.

Денисов К.М. Терминология когнитивной парадигмы англоязычного политического дискурса // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. Иваново: Ивановский государственный университет, 2012. С. 9–16.

Домбровский Ю.О. Факультет ненужных вещей. Москва: АСТ: Астрель, 2011. 733 с.

Канонич С.И. Справочник по грамматике испанского языка. Москва: Высшая школа, 1991. 191 с.

Карасик В.И. Язык социального статуса. Москва: Гнозис, 2002. 333 с.

Кобрин О.А. Модусные категории, их выражение и значимость в структуре предложения // Язык и мысль: традиции и новые парадигмы в лингвистике и лингводидактике. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2007. С. 220–227.

Купцов А.Е. Основные общеинформативные типы предложения с частицами (на материале испанского языка) // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 139–142.

Купцов А.Е. Эмфатические конструкции и частицы как средство актуализации ремы в испанском предложении // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 438–441.

Купцов А.Е., Шилова Н.В. Дискурсивы и синтаксические конструкции как средства формирования прагматического эффекта акта коммуникации в англо- и испаноязычном художественном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 269–273.

Купцов А.Е. Дискурсивные частицы в художественном тексте: коммуникативно-прагматический и лингвокультурный аспекты. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2022. 183 с.

Леонтьев А.А. Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста: материалы науч. конф. Москва: Изд-во МГУ, 1995. Ч. 1. С. 45.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. Москва: Гнозис, 2003. С. 190.

Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). Москва: Едиториал УРСС, 2005. 168 с.

Тендряков В.Ф. Покушение на миражи: роман, повесть, рассказы. Москва: Советский писатель, 1988. 397 с.

Шилова Н.В., Купцов А.Е. Преимущества и недостатки использования Интернета на занятиях по иностранному языку в вузе // Современные тенденции

в преподавании иностранных языков в неязыковом вузе: сб. ст. XVI Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 19 мая 2022 года. Красноярск: Сибирский гос. ун-т науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева, 2022. С. 122–124.

Шилова Н.В., Купцов А.Е. Дидактические игры как средство обучения иностранному языку в высших учебных заведениях // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы: сб. науч. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф., Ярославль, 20–21 мая 2022 года. Ярославль: Ярославский гос. тех. ун-т, 2022б. С. 62–65.

Шилова Н.В. Игра как средство повышения мотивации учащихся к изучению иностранного языка // Проблемы современного педагогического образования. 2022в. № 77-4. С. 341–344.

Шилова Н.В. Интернет-технологии на занятиях по иностранному языку в вузе // Язык и общество. Диалог культур и традиций: сб. материалов науч. конф.; Ярославль, 1–31 марта 2022 г. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2022. С. 296–301.

Benedetti M. El provenir de mi pasado. Destino, Punto de Lectura, 2010, 221 с.

Bolinger D. The Phrasal Verb in English. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1971, pp. 99–104.

Christie A. The Body in the Library. London, Pan Books, 1979, 164 p.

Delibes M. El Hereje. Barcelona, Destino, 1999, 501 p.

Fraser B. The Verb-Particle Combination in English. New York, Academic Press, 1976.

Llosa M.V. Conversación en la Catedral. Madrid, Punto de Lectura, 2011, 736 p.

Márquez G.G. El amor en los tiempos del cólera. Barcelona, Mondadori, 1999, 508 p.

Maugham W.S. The Painted Veil. London, Allen, 2004, 258 p.

Maugham W.S. Sixty-Five Short Stories. London, Heinemann, Octopus Books, 1976, 952 p.

Orwell G. Nineteen eighty-four. Harlow, Longman; Beirut: York Press, 1983, 76 p.

Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A university grammar of English. English Language Book Society and Longman Group, 1982, 484 p.

References

Arutiunova N.D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, 896 p. (In Russ.)

Babaian V.N. *Diskurs kak slozhnyi kommunikativnyi fenomen* [Discourse as a complex communicative phenomenon]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [Vestnik Kostroma State University], 2006, vol. 12, pp. 127–129. (In Russ.)

Babaian V.N. *Razlichnye podkhody k opredeleniiu poniatii «diskurs» i ego osnovnye kharakteristiki* [Dif-

ferent approaches to the definition of the concept of “discourse” and its main characteristics]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik: nauchnyi zhurnal* [Upper Volga Philological Bulletin: scientific journal], 2017, № 1, pp. 76–81. (In Russ.)

Babaian V.N., Kuptsov A.E., Shilova N.V. *Semanticheskie i kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti diskursivnykh markerov v ispanioazychnom khudozhestvennom diskurse* [Semantic and communicative-pragmatic features of discursive markers in Spanish-language artistic discourse]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin], 2022, № 4 (31), pp. 86–92. https://doi.org/10.20323/2499_9679_2022_4_31_86-92. (In Russ.)

Gak V.G. *Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazyka* [Theoretical grammar of the French language]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2004, 864 p.

Granin D.A. *Zubr: roman* [Wisent: a novel]. Moscow, Eksmo Publ., 2005, 735 p.

Grigorian A.A. *Diskurs i tekst* [Discourse and text]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediinom diskurse. Orel, 26–27 fevralia 2005 g.* [Genres and types of text in scientific and media discourse. Orel, February 26–27, 2005], ed. by A.G. Pastukhov. Orel, Orlovskii gos. in-t iskusstv i kul'tury Publ., 2005, pp. 16–22. (In Russ.)

Deik T.A. van. *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress Publ., 1989, 310 p. (In Russ.)

Denisov K.M. *Terminologiya kognitivnoi paradigmy angloazychnogo politicheskogo diskursa* [Terminology of the cognitive paradigm of the English political discourse]. *Teoriia i praktika inostrannogo iazyka v vysheishkole* [Theory and practice of a foreign language in higher education]. Ivanovo, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2012, pp. 9–16. (In Russ.)

Dombrovskij Y.O. *Fakul'tet nenuzhnykh veshchej* [Faculty of unnecessary things]. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., 2011, 733 p.

Kanonich S.I. *Spravochnik po grammatike ispansko-goyazyka* [Spanish grammar guide]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991, 191 p.

Karasik V.I. *Iazyk sotsial'nogo statusa* [The language of social status]. Moscow, Gnozis Publ., 2002, 333 p. (In Russ.)

Kobrina O.A. *Modusnye kategorii, ih vyrazhenie i znachimost' v strukture predlozheniya* [Modus categories, their expression and significance in the sentence structure]. *Iazyk i mysl': tradicii i novye paradigmy v lingvistikе i lingvodidaktike* [Language and thought: traditions and new paradigms in linguistics and linguodidactics]. Yaroslavl', Izd-vo YAGPU im. K.D. Ushinskogo Publ., 2007, pp. 220–227.

Kuptsov A.E. *Osnovnye obshcheinformativnye tipy predlozheniia s chastitsami (na materiale ispanskogo iazyka)* [The main general informative types of sentences with particles (on the material of the Spanish language)].

Kognitivnye issledovaniia iazyka [Cognitive Language Studies], 2016, № 26, pp. 139-142. (In Russ.)

Kuptsov A.E. *Emfaticheskie konstruksii i chastitsy kak sredstvo aktualizatsii remy v ispanskom predlozhenii* [Emphatic constructions and particles as a means of updating the rheme in a Spanish sentence]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka* [Cognitive Language Studies], 2017, № 30, pp. 438-441. (In Russ.)

Kuptsov A.E., Shilova N.V. *Diskursivny i sintaksicheskie konstruksii kak sredstva formirovaniia pragmaticheskogo efekta akta kommunikatsii v anglo- i ispano-iazыchnom khudozhestvennom diskurse* [Discursives and syntactic constructions as a means of forming the pragmatic effect of an act of communication in English and Spanish-language artistic discourse]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka* [Cognitive Language Studies], 2022, № 3 (50), pp. 269-273. (In Russ.)

Kupcov A.E. *Diskursivnye chasticy v khudozhestvennom tekste: kommunikativno-pragmaticheskij i lingvokul'turnyj aspekty* [Discursive particles in a literary text: communicative-pragmatic and linguocultural aspects]. Yaroslavl', Yaroslavskij gos. ped. un-t im. K.D. Ushinskogo, 2022b, 183 p.

Leont'ev A.A. *Priznaki svyaznosti i tsel'nosti teksta* [Signs of coherence and integrity of the text]. *Lingvistika teksta: materialy nauch. konf.* [Linguistics of the text: Proceedings of the scientific. conf. Part 1]. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1995, ch. 1, p. 45. (In Russ.)

Makarov M.L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2003, 190 p. (In Russ.)

Nikolaeva T.M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavianskikh iazykov)* [Functions of Particles in the Statement (Based on the Material of Slavic Languages)]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2005, 168 p. (In Russ.)

Tendryakov V.F. *Pokushenie na mirazhi* [Attempt on mirages]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1988, 397 p.

Shilova N.V., Kuptsov A.E. *Preimushchestva i nedostatki ispol'zovaniia Interneta na zaniatiiakh po inostrannomu iazyku v vuze* [Advantages and disadvantages of using the Internet in a foreign language class at a university]. *Sovremennye tendentsii v prepodavanii inostrannykh iazykov v neiazыkovom vuze: sb. st. XVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.; Krasnoarsk, 19 maia 2022 goda* [Modern trends in teaching foreign languages in a non-linguistic university: collection of articles of the XVI International Scientific and Practical Conference; Krasnoyarsk, May 19, 2022]. Krasnoyarsk, Sibirskii gos. un-t nauki i tekhnologii im. akad. M.F. Reshetneva Publ., 2022, pp. 122-124. (In Russ.)

Shilova N.V., Kuptsov A.E. *Didakticheskie igry kak sredstvo obucheniia inostrannomu iazyku v vysshikh uchebnykh zavedeniakh* [Didactic games as a means of teaching a foreign language in higher educational institutions]. *Lingvodidaktika i lingvistika v vuze: traditsion-*

nye i innovatsionnye podkhody: sb. nauch. st. po materialam IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Iaroslavl', 20-21 maia 2022 goda [Linguodidactics and linguistics at the university: traditional and innovative approaches: Collection of scientific articles based on the materials of the IV International Scientific and Practical Conference, Yaroslavl, May 20-21, 2022]. Iaroslavl', Iaroslavskii gos. tekhn. un-t Publ., 2022, pp. 62-65. (In Russ.)

Shilova N.V. *Igra kak sredstvo povysheniia motivatsii uchashchikhsia k izucheniiu inostrannogo iazyka* [Game as a means of increasing students' motivation to learn a foreign language]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia* [Problems of modern pedagogical education], 2022, № 77-4, pp. 341-344. (In Russ.)

Shilova N.V. *Internet-tekhnologii na zaniatiiakh po inostrannomu iazyku v vuze* [Internet technologies in foreign language classes at the university]. *Iazyk i obshchestvo. Dialog kul'tur i traditsii: sb. materialov nauch. konf., Iaroslavl', 1-31 marta 2022 goda* [Language and Society. Dialogue of cultures and traditions: Proceedings of the scientific conference, Yaroslavl, March 1-31, 2022]. Iaroslavl', Iaroslavskii gos. ped. un-t im. K.D. Ushinskogo Publ., 2022, pp. 296-301. (In Russ.)

Vasil'ev B.L. *Zavtra byla vojna: roman* [Tomorrow Was War: a novel]. Moscow, Vagrius Publ., 2007, 302 p.

Benedetti M. *El provenir de mi pasado. Destino*, Punto de Lectura Publ., 2010, 221 c.

Bolinger D. *The Phrasal Verb in English*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press Publ., 1971, pp. 99-104.

Christie A. *The Body in the Library*. London, Pan Books Publ., 1979, 164 p.

Delibes M. *El Hereje*. Barcelona, Destino Publ., 1999, 501 p.

Fraser B. *The Verb-Particle Combination in English*. New York, Academic Press Publ., 1976.

Llosa M.V. *Conversación en la Catedral*. Madrid, Punto de Lectura Publ., 2011, 736 p.

Márquez G.G. *El amor en los tiempos del cólera*. Barcelona, Mondadori Publ., 1999, 508 p.

Maugham W.S. *The Painted Veil*. London, Allen Publ., 2004, 258 p.

Maugham W.S. *Sixty-Five Short Stories*. London, Heinemann, Octopus Books Publ., 1976, 952 p.

Orwell G. *Nineteen eighty-four*. Harlow, Longman Publ.; Beirut, York Press Publ., 1983, 76 p.

Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. *A university grammar of English*. English Language Book Society and Longman Group, 1982, 484 p.

Статья поступила в редакцию 25.04.2023; одобрена после рецензирования 12.06.2023; принята к публикации 15.06.2023.

The article was submitted 25.04.2023; approved after reviewing 12.06.2023; accepted for publication 15.06.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 175–181. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 175–181. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 811.161.1'42

EDN TLJSPN

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-175-181>

ОСНОВНЫЕ ПРИЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ЭЛЬЗАСА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Каплина Маргарита Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, kaplinamm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8895-0083>

Жезлова Светлана Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия zhezlova11@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9354-6114>

Аннотация. Современная наука в последние десятилетия уделяет достаточное внимание изучению гастрономической терминологии и кулинарной картины мира носителей разных языков и культур. Настоящая статья посвящена исследованию кулинарных исторической области Эльзас, кухня которой как значимый культурный феномен позволяет проследить особенности функционирования и трансформации языковых явлений. Авторы проанализировали лексические единицы французского языка, немецкого языка и эльзасского диалекта, относящиеся к концепту «еда». Накопленный эмпирический материал позволил провести категоризацию соответствующих слов и словосочетаний, а также описать наиболее распространенные виды преобразования эльзасских кулинарных терминов под влиянием французского языкового пространства и культуры. К таким видам следует отнести калькирование, подбор дубликата в языке-реципиенте, полноценные заимствования, описательный перевод, фонетическую и морфологическую ассимиляцию понятия и др. Исследователи приходят к следующему выводу: региональные кулинарные термины представляют собой заслуживающий особого внимания материал для исследования этнокультурной составляющей гастрономического дискурса. Гастрономическая терминология как часть культуры претерпевает постоянные преобразования в силу своей динамичности и предрасположенности к лингвоэтническим скрещиваниям. Наложение культур в приграничных регионах создает особую лингвокультурологическую модель, которая отражает границы межязыкового взаимодействия.

Ключевые слова: лингвистическая терминология, кулинарные термины Эльзаса, приграничные территории, гастрономическая терминология, калькирование, дубликаты, заимствования

Для цитирования: Каплина М.М., Жезлова С.А. Основные приемы трансформации гастрономической терминологии Эльзаса: лингвокультурологический аспект // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 175–181. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-175-181>

Research Article

TRANSFORMATION TECHNIQUES IN GASTRONOMIC TERMINOLOGY OF ALSACE (LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT)

Margarita M. Kaplina, Candidate of Philological Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, kaplinamm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8895-0083>

Svetlana A. Zhezlova, Candidate of Pedagogic Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, zhezlova11@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9354-6114>

Abstract. In recent decades, modern science has paid sufficient attention to the study of gastronomic terminology and the culinary worldview of speakers of different languages and cultures. This article is devoted to the study of culinary names of the historical region of Alsace, whose cuisine as a significant cultural phenomenon allows us to trace the functional peculiarities of linguistic units and their transformations. The authors analyse the lexical units of the French language, the German language and the Alsatian dialect related to the concept of “food”. The accumulated empirical material makes it possible to categorise the corresponding words and phrases, as well as to describe the most common types of transformation of Alsatian culinary names under the influence of the French language and culture. These types include calquing, selection of a duplicate in the recipient language, loan-words, descriptive translation, phonetic and morphological assimilation of

the notion, etc. The researchers come to the following conclusion – regional culinary names represent language material which deserves special attention for the study of the ethno-cultural component of the gastronomic discourse. Gastronomic terminology as a part of culture is undergoing constant transformation due to its dynamism and predisposition to language crossing. The overlap of cultures in the border regions creates a special linguocultural model that reflects the boundaries of interlingual interaction.

Keywords: linguistic limology, culinary names of Alsace, border areas, gastronomic terminology, calquing, loan word.

For citation: Kaplina M.M., Zhezlova S.A. Transformation Techniques in Gastronomic Terminology of Alsace (Linguoculturological Aspect). *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, № 2, pp. 175–181. (In Russ). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-175-181>

Статья посвящена изучению концепта «еда» с точки зрения лингвистической лимологии. Предлагается анализ репертуара гастрономической терминологии исторической области Эльзас, которая демонстрирует разнообразные способы заимствований и их адаптации, а также феномены лингвистической интерференции. Корпус фактического материала был отобран методом сплошной выборки из словарей и меню ресторанов эльзасской кухни городов Страсбург, Кольмар и Мюлуз.

Исследование направлено на выявление и категоризацию лексических, словообразовательных и семантических типов развития сферы кулинарных наименований в условиях непосредственного взаимодействия национальных языков, местных диалектов и культурных традиций.

Терминология определенной области знания или профессиональной деятельности всегда имела большое значение, поскольку позволяла идентифицировать и понять суть и значение вещей. Кулинарное искусство (в техническом смысле) упоминается реже, поскольку кулинария не часто воспринимается как серьезная научная тема и является частью повседневной деятельности, однако она включает в себя особый аспект, а именно профессиональную кухню [Tsai: 117]. Гастрономическая терминология, на наш взгляд, отражает в полной мере социокультурные, политические, антропологические, исторические и религиозные реалии и считается одним из главных маркеров культурной идентичности.

Концепты, относящиеся к сфере «пища» («еда»), закреплены в национальном языковом сознании. По мнению С.Г. Воркачева, множество концептов составляет национальную картину мира, представляет языковое сознание, формирует этнический менталитет, определяет тип языковой личности. Признавая концепт планом содержания языкового знака, он включает в него помимо предметной отнесенности всю коммуникативно значимую информацию [Воркачев: 79–95].

В настоящее время изучение концептосфер языков проводится на основании разных подходов (философский, лингвокогнитивный, лингвокультурологический). Лингвокультурологический подход предполагает анализ взаимопроникновения языка и культуры. Неоспоримость данного явления отмечал Д.С. Лихачев,

когда писал, что в целом национальный язык – это не только средство общения, знаковая система для передачи сообщений. Национальный язык в потенции – как бы «заместитель» культуры, показатель ее богатства [Лихачев: 148].

Концепты как феномены культуры отличаются неоднородностью. Ядро этноязыкового сознания, отмечает Н.Ф. Алефиренко, составляют феномены, которыми обладают все члены лингвокультурного сообщества. Те же представления, которые являются достоянием только отдельного человека или небольшого круга людей, образуют периферию лингвокультурного пространства. Язык, считает автор, можно рассматривать как канал, по которому внешние и внутренние практики сливаются в единое лингвокультурное образование. Языковые знаки как средство социального взаимного воздействия развивают общее для всех членов данного этнокультурного сообщества значение, становясь средством общения [Алефиренко: 87–88].

Гастрономические термины представляют собой номинативные единицы «повышенной этнокультурной значимости» [Алефиренко: 216]. Данный концепт можно рассматривать как универсальный, принадлежащий общечеловеческой концептосфере с неодинаковыми планами его выражения, в том числе и языкового, в различных культурах [Марушкина: 23].

Исследование гастрономического фонда языков отличается многообразием методологических подходов и аспектов изучения. Так, анализу подвергается концептосфера «еда» в отдельно взятых культурах, выявляются ее универсальные и отличительные признаки (Н.В. Марушкина). Проводится интенсивное изучение лексико-семантических, когнитивно-прагматических аспектов и этнокультурных особенностей формирования тематико-когнитивных блоков (О.Г. Савельева). Ряд научных трудов посвящен анализу гастрономического дискурса в его культурологическом и переводческом аспекте (Т.Ю. Загряжская, А.В. Олянич, Д.Ю. Гулинов).

Изучение концепта «еда» в аспекте лингвистической лимологии представляет большой интерес для языковедов и культурологов. Данный подход позволяет рассмотреть взаимовлияние языков и культурных традиций, а также особенности функ-

ционирования и трансформации языковых явлений в полиэтничном приграничном социуме [Каплина, Жезлова 2016: 192–193].

Регион Эльзас на карте Европы всегда привлекал внимание исследователей своей историей и особой языковой ситуацией. Сосуществование двух сменяющих друг друга литературных языков (немецкого и французского) и местного эльзасского диалекта, широко употребляемого в быту, привели к тому, что данные языковые образования стали частью лингвистического и культурного достояния проживающих здесь народов [Каплина, Жезлова 2021: 153]. Гастрономическая терминология как часть культуры становится в данных условиях не только одним из важных идентификаторов национальной принадлежности, но и претерпевает постоянные преобразования при взаимодействии с другими культурами в силу своей динамичности и предрасположенности к лингвоэтническим скрещиваниям.

Начиная с конца XIX века Эльзас называют «гастрономическим регионом». Кухня этой части Европы известна во всем мире и имеет разнообразные корни. Жан-Луи Шлингер, занимавшийся изучением истории эльзасской кухни, подчеркивает: «Перекрыт разнообразных особенностей, рождённых изобилием, эльзасская кухня черпает свою оригинальность из своей верности земле и противостояния экспансионизму французской гастрономии. Так же, как у Эльзаса есть свой язык и литература, у него есть своя кухня...» [Schlienger, Braun, Orth: 38]. Профессор Страсбургского университета И. Кун пишет в том же ключе: эльзасской кухне присущи французские и немецкие составляющие, которые гармонично сочетаются на протяжении веков. Кулинария – это язык, а любой язык – это генератор и носитель идентичности. Однако общество изменяется в ходе своего исторического развития. Если язык отмечен миграционными движениями, связанными с его историей, его кулинарный язык обязательно будет нести на себе отпечаток или станет его переводом [Kuhn: 73].

Действительно, эльзасская кухня имеет глубокие корни и богатый кулинарный словарь. Однако наименования продуктов и блюд на местном диалекте, родственном скорее немецкому языку, чем французскому, варьируются даже в разных округах одного региона. И не менее поразительным является тот факт, что определенное количество эльзасских гастрономических терминов остаются без французских аналогов и имеют широкое хождение даже среди людей, не владеющих диалектом [Erhart: 269–270]. Французский язык в подобных условиях билингвизма не только находит механизмы освоения лексико-семантической системы местной гастрономии, но, что не менее важно, обогащает ее, видоизменяя тем самым культурный контекст исторической области.

Анализ лексического материала (названия ресторанов Эльзаса, кулинаронимы, зафиксированные в кулинарных книгах, онлайн-словарях, меню) показал, что в условиях развитого двуязычия первостепенным видом французской интерференции стало калькирование. Известно, что сущность калькирования состоит в том, что для выражения понятия, неизвестного в том или ином языке, используется иноязычное слово как образец [Шмелев: 175].

Примеры калькирования семантической структуры слов лексическими средствами французского языка являются в большинстве случаев единственным реальным способом перевода. Такой способ используется для адаптации наиболее известных кулинарных наименований эльзасской кухни, которые представляют собой сложные слова или словосочетания с прозрачной мотивированностью компонентов:

Ziwelkueche, Zwiebelkuchen – tarte à l'oignon – луковый пирог;

Elsässer Sauerkraut – choucroute – тушеная капуста со специями;

Gebackener oder gebratener Karpfen – carpe frite – запеченный или жареный карп;

Huhn in Riesling – coq au Riesling – курица в рислинге;

Hasepfeffer – civet de lièvre – тушенный кролик (заяц);

Ganzlewer – foie gras – гусиная печень;

Gezalzene Rüben – navet salé – эльзасская соленая репа;

Elsässer Apfelkuchen – tarte aux pommes – яблочный пирог;

Apfelstrudel – strudel aux pommes – яблочный штрудель;

Kochsalami – salami cuit – вареная салями.

Обобщенное наименование мясных и колбасных изделий «*Fleisch- und Wurstwaren*» переводится на французский язык как «*charcuterie*», однако ассимиляцию отдельных гастрономических терминов можно идентифицировать как кальки диалектных и немецких составляющих с опорой на лингвистические и экстралингвистические признаки:

Biarwurscht – la saucisse à la bière – пивная колбаса;

Bluatwurscht – le boudin noir – кровяная колбаса;

Dickwurscht – la saucisse de viande – мясная колбаса;

Knowligwurscht – la saucisse à l'ail – чесночная колбаса;

Schwarzwurscht – la saucisse noire – черная колбаса;

Schabungwurscht – la saucisse au jambon – колбаса с ветчиной;

Zungenwurscht – la saucisse avec des morceaux de langue de porc – колбаса с кусочками свиного языка.

Отдельного внимания заслуживает одно из символических блюд французской кухни «*pot-au-feu*». Согласно французской этимологии, оно получило

свое название от котла, в котором когда-то готовили пищу и ставили на огонь в камине. В. Гёте описывает данное блюдо, обнаруженное им в доме крестьянина в Арденнах, как национальную похлебку. А само слово «*pot-au-feu*», переведенное им как *gekochtes Rindfleisch*, действительно употребляется во французском языке в оригинальном тексте и дает свое название по метонимии блюду, которое готовится в котле [de Rubercy: 82–86]. В свою очередь, Словарь эльзасской гастрономии трактует французский термин как *Suppefleisch* [Abécédaire de la gastronomie alsacienne: 62]. Несмотря на сохранение смысловой эквивалентности при переводе, способ приготовления этого известного блюда имеет свои характерные особенности в зависимости от региона.

Другим способом интегрирования в современный французский язык гастрономических эльзасских терминов является подбор дубликата из уже имеющихся лексических единиц в языке-реципиенте:

Mendant – Bettelmann – «нищим» в Эльзасе называют также своего рода французский тост с яблоками, цукатами и корицей.

Chinois – Schnekekueche – торт с расположением спиралей, напоминающих моллюска. Название «китайский» обозначает, по одной из версий, трудность произнесения немецкой лексемы для французов.

Nid d'abeilles – Bienenstich – немецкий торт в виде сот, название которого означает пчелиный укус. Французский вариант – соты (торт), пчелиное гнездо.

Bouchée à la reine – als. Suppepaschtette – волон с начинкой.

Для передачи иноязычных реалий иногда используют перевод даже при наличии соответствующего эквивалента и аналога, однако в данном случае речь, как правило, идет о наименованиях отдельных продуктов или их ингредиентов: *als. Sparichle/Spargel – asperge* – спаржа; *als. Schnacka/Schnecke – escargot* – улитка; *als. Forrel – truite* – форель; *als. Heri – hareng* – сельдь.

Несмотря на трудности произношения лексем германского происхождения, французская гастрономическая культура нередко принимает в свое пространство иноязычные термины, сохраняя семантический и орфографический вариант языка-источника. При этом передача традиционных эльзасских наименований осуществляется при помощи фонетических средств французского языка, например:

Kougelhopf – le kouglof (kougloff, kougeloff, kugelhof) – эльзасский пирог;

Baেকেoffe – le baেকেoffe (baেকেofe) – эльзасское блюдо из смеси нарезанного картофеля, лука, баранины, говядины и свинины, замаринованных в эльзасском белом вине и ягодах можжевельника;

Bibeleskäs – le bibeleskäs – традиционное блюдо эльзасской и мозельской кухни, приготовлен-

ное из белого сыра, чеснока, лука-шалота и зеленого лука;

Quetsche – la quetsche – разновидность синей сливы эльзасского региона;

Kassler – le kassler – рулет из свинины.

Следует отметить, что такой тип адаптации заимствований отражает своеобразие приграничных территорий, что позволяет сохранить богатое наследие гастрономической культуры региона. Вместе с тем подобные заимствования представляют собой региональный французский язык как вариант французского языка и функционируют в ограниченном языковом пространстве.

При передаче гастрономических реалий также используется описательный перевод при сохранении исходного эквивалента, которому французский язык находит фонетический вариант, исходя из произносительной нормы языка-реципиента. Такой подход к иноязычному слову позволяет сохранить самобытный гастрономический термин, а также передать региональный колорит и объяснить суть передаваемого понятия:

Berewecke – le berewecke – pain aux fruits secs alsacien – пирог с сухофруктами;

Schenkele – le schenkele – gâteau de carnaval alsacien – эльзасские пончики, которые готовят во время карнавала;

Lämmele – le lamelle (lamele, lammala) – agneau pascal – пасхальный ягненок;

Knack – la knack d'Alsace, ou saucisse de Strasbourg – страсбургские колбаски;

Spaetzle – les spaetzeles – petites pâtes traditionnelles alsaciennes – шпецле, эльзасская паста, лапша;

Grumbeerekiechle – galettes de pommes de terre – картофельные оладьи;

Presskopf – le presskopf – fromage de tête – паштет из вареного свиного фарша.

Известно, что одним из аспектов многопланового процесса ассимиляции иноязычного слова является его подчинение морфологическим нормам заимствующего языка. Особое внимание всегда обращается на законы оформления категории рода и числа. Французский язык, как правило, импортирует множественное число иностранных слов через добавление *s* в конце слова. При вхождении в систему принимающего языка, отмечают исследователи, заимствования могут либо встраиваться в эту систему, становясь «своими», либо изменяют систему, надеясь ее нетипичными для нее свойствами [Медведева: 96]. Известным является лингвистический спор о наличии показателя множественного числа гастрономического термина *Bredele*. Слово зафиксировано в словаре Larousse в 2018 году как неизменяемое имя существительное мужского рода с производительным вариантом [brœ'dœl]. Историки эльзасской кух-

ни отмечают, что существует почти столько же лингвистических вариантов, сколько и вкусовых: *Bredle*, *Bredele*, *Bredala*, *Bredler*, *Bredalé* и даже *Brädalé* (вариант *Sundgauvian*). Этимологически термин восходит к эльзасскому *Brot* – «хлеб» и является его уменьшительным вариантом, а в региональной гастрономии обозначает эльзасский рождественский кекс. Некоторые лингвисты принимают только написание *Bredel* (единственное число) и *Bredle* (множественное число), другие даже не представляют себе, что может быть только один кекс, и неизменно используют термин *Bredele* (или *Bredala*) во множественном числе. Однако абсолютное большинство категорически не принимают написание *Bredeles* для обозначения множественного числа и считают, что такие попытки не заслуживают дальнейшего обсуждения, поскольку предпринимаются с одной целью – смешать французскую грамматику с диалектом. Тем не менее даже самые активные защитники региональной культуры и языка заявляют, что язык, который эволюционирует, – это язык, который не умер [Wehrung]. Действительно, в кулинарных книгах достаточно редко, но всё же встречаются французские формы множественного числа диалектных гастрономов: *2 grands Kougelhopfs*, *10 recettes savoureuses à base de Spätzles*, *les Käsknepfles au fromage blanc*.

Многочисленные рестораны и кафе региона также способствуют сохранению гастрономических ценностей Эльзаса. В меню ресторанов остаются исконные термины, однако, как правило, по возможности даётся французский эквивалент, как, например: *Waedele / Jambonneau* – свиная рулька; *Flammkuchen / Tartes flambées* – эльзасская пицца; *Kassküche / Tarte au fromage blanc* – пирог с творогом; *Presskopf / Fromage de Tête à L'Alsacienne*, *Bargkas / Fromage* – твердый сыр, который можно использовать для приготовления раклета или сырной начинки.

Нередко встречается помета «типичное эльзасское блюдо» или просто представлен диалектный эквивалент, например: *Bibeleskäs typique alsacienne / Fromage* – белый сыр, украшенный зеленью, подается с жареным или отварным картофелем); *Escargots (elsässisch: Schnecke, Schnacka)* – типичное эльзасское блюдо с улитками, запеченными в духовке на специальных сковородках с чесноком, маслом и петрушкой; *Foie gras (elsässisch: Ganzlewer)* – фуа-гра или утиная печень.

Особый интерес вызывают также наименования самих ресторанов и кафе, предлагающих традиционные блюда Эльзаса. Из представленных в трёх городах региона ресторанов большинство носят французские названия, что вполне объяснимо тем, что Эльзас является регионом Франции и большинство населения говорит на французском как родном языке, например, *Chez Yvonne*, *La Rotonde*, *Les Deux Gourmandes*,

Au Bon Vivant, *Au Vieux Strasbourg*. Представлены также заведения с названиями на эльзасском диалекте, например, *Lohkäs*, *Sandkischt Bierstub*, *Winstub Meiseloeker*, *Pfifferbriader*. Но отдельно следует отметить грамматически и орфографически адаптированные региональным французским языком немецкие лексемы: *La Lorelei*, *Chez Tante Liesel*, *La Stub*, *Au Schnockeloch*.

Описанные выше гастрономические реалии региона наглядно отражают постоянно изменяющиеся границы межязыкового взаимодействия. Анализ языкового материала позволил выделить разнообразные виды адаптации диалектных гастрономических терминов в вербальной практике французского региона: калькирование семантической структуры термина как способ перевода, поиск соответствующего эквивалента, описательный перевод. С другой стороны, данный процесс нельзя назвать односторонним, скорее, он представляет собой активный обмен гастрономическими реалиями, а эльзасский диалект остается значимой составляющей языковой картины мира данной территории. Несмотря на сильное влияние франкоязычного окружения, аутентичная гастрономия Эльзаса не только не исчезает, но и обогащает гастрономический тезаурус, французскую культуру и углубляет многообразие французской идентичности. Типичная ситуация наложения культур и варьирования языков в приграничных регионах создает особую лингвокультурологическую модель, подверженную постоянным трансформациям на протяжении своей истории.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. Москва: Флинта: Наука, 2010, 225 с.
- Воркачев С.Г.* Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Воронеж, 2002. Вып. 3. С. 79–95.
- Гулинов Д.Ю.* Национальная специфика французской лингвокультурной сферы «Гастрономия» (переводческий аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 22 с.
- Загряжкина Т.Ю.* Коды французской кухни в контексте нарративных текстов // Вестник Московского университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 51–76.
- Каплина М.М., Жезлова С.А.* К истории развития языковых и культурных контактов Франции и Германии // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 3. С. 192–194.
- Каплина М.М., Жезлова С.А.* Топонимика Эльзаса как объект лингвистической лимологии // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 151–157.

Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. Российская академия наук, Институт русского языка (Пушкинский дом). Санкт-Петербург: БЛИЦ, 1996. 160 с.

Марушкина Н.В. Концепт «Еда» в контексте диалога культур: автореф. ... канд. культурологии. Иваново, 2014. 25 с.

Медведева Н.П. Адаптация заимствований как процесс совершенствования и развития языка на примере вхождения англоязычной экономической терминологии в систему русского языка // Вопросы современной науки: коллектив. науч. монография; под ред. Н.Р. Красовской. Москва: Интернаука, 2021. Т. 65. С. 95–111.

Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.

Савельева О.Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты: (На материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 270 с.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык: лексика. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 336 с.

Abécédaire de la gastronomie alsacienne INFRA.FR édition Mai 2013, 82 P. URL: <https://docplayer.fr/23267619-Gastronomie-alsacienne.html> (access date: 20.01.2023).

Erhart P. Les dialectes dans les médias: quelle image de l'Alsace véhiculent-ils dans les émissions de la télévision régionale? Linguistique. Université de Strasbourg, 2012, 338 p.

Kuhn I. Une (petite) histoire franco-allemande ou le dilemme du mangeur alsacien. Migration et identité L'exemple de l'Allemagne aux XIXe et XXe siècle. Presses universitaires du Septentrion Année d'édition, 2009, pp. 73-82.

Larousse. Dictionnaire de la langue française. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (access date: 11.01.2023).

Rubercy de E. Goethe et la France du pot-au-feu. Revue des deux mondes, décembre 2022 – janvier 2023, pp. 82-86.

Schlienger J.-L., Braun A., Orth M. Le mangeur alsacien. Deux mille ans de gastronomie, La Nuée Bleue – Dernières Nouvelles d'Alsace, 2000, 288 p.

Tsai C. Analyse lexicale des verbes culinaires dans les dictionnaires spécialisés. Revue française de linguistique appliquée, 2017/1, vol. XXII, pp. 117-129.

Wehrung S. Querelle Linguistique Bredele, Bredala et autres Bredle. Dernières nouvelles d'Alsace, Edition Strasbourg, 2013. URL: <https://www.dna.fr/culture/2013/12/25/bredele-bredala-et-autres-bredle> (access date: 20.01.2023).

References

Alefirenko N.F. *Lingvokul'turologiia: tsennostno-smyslovoe prostranstvo iazyka: ucheb. posobie* [Linguo-

culturology: value-semantic space of language: textbook.]. Moscow, Flinta Nauka Publ., 2010, 225 p. (In Russ.)

Gulinov D.Iu. *Natsional'naiia spetsifika frantsuzskoi lingvokul'turnoi sfery «Gastronomiia» (perevodcheskii aspekt): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [National specificity of the French linguocultural sphere "Gastronomy" (translational aspect): DSc thesis, summary]. Volgograd, 2004, 22 p. (In Russ.)

Kaplina M.M., Zhezlova S.A. *K istorii razvitiia iazykovykh i kul'turnykh kontaktov Frantsii i Germanii* [On the historic and cultural development of the French-German contacts]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2016, No. 3, pp. 192-194. (In Russ.)

Kaplina M.M., Zhezlova S.A. *Toponimika El'zasa kak ob"ekt lingvisticheskoi limologii* [Toponymy of Alsace As an Object of Linguistic Limology]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin], 2021, No. 3 (26), pp. 151-157. (In Russ.)

Likhachev D.S. *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva* [Essays on the Philosophy of Artistic Creation], Rossiiskaia akademiia nauk, Institut russkogo iazyka (Pushkinskii dom). Sankt-Peterburg, BLITs Publ., 1996, 160 p. (In Russ.)

Marushkina N.V. *Kontsept «Eda» v kontekste dialoga kul'tur: avtoref. ... kand. kul't.* [The concept "Food" in the context of the dialogue of cultures: DSc thesis, summary]. Ivanovo, 2014, 25 p. (In Russ.)

Medvedeva N.P. *Adaptatsiia zaimstvovaniia kak protsess sovershenstvovaniia i razvitiia iazyka na primere vkhozhdeniia angloiazychnoi ekonomicheskoi terminologii v sistemu russkogo iazyka* [Adaptation of borrowings as a process of improving and developing the language on the example of the entry of English-language economic terminology into the Russian language system]. *Voprosy sovremennoi nauki: kollektiv. nauch. monografiia*, ed. by N.R. Krasovskaiy. Moscow, Izd. Internauka Publ., 2021, vol. 65, pp. 95-111. (In Russ.)

Olianich A.V. *Prezentatsionnaia teoriia diskursa: monografiia* [Presentation Theory of Discourse: monograph]. Volgograd, Paradigma Publ., 2004, 507 p. (In Russ.)

Savel'eva O.G. *Kontsept "eda" kak fragment iazykovo kartiny mira: leksiko-semanticheskii i kognitivno-pragmaticheskii aspekty: (Na materiale russkogo i angliiskogo iazykov): dis. ... kand. filol. nauk* [The concept of "food" as a fragment of the language picture of the world: lexical-semantic and cognitive-pragmatic aspects: (On the basis of Russian and English languages): DSc thesis]. Krasnodar, 2006, 270 p. (In Russ.)

Shmelev D.N. *Sovremennyi russkii iazyk: leksika* [Modern Russian language: Vocabulary]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 336 p. (In Russ.)

Vorkachev S.G. *Metodologicheskie osnovaniia lingvokontseptologii* [Methodological foundations of linguo-

conceptology]. *Teoreticheskaia i prikladnaia lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. Voronezh, 2002, vol. 3, pp. 79-95. (In Russ.)

Zagriazkina T.Iu. *Kody frantsuzskoi kukhni v kontekste narrativnykh tekstov* [French Cuisine Codes in the Context of Narrative Texts]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Bulletin of Moscow University. Ser.: Linguistics and Intercultural Communication], 2015, № 2, pp. 51-76. (In Russ.)

Abécédaire de la gastronomie alsacienne INFRA. FR édition, Mai 2013, 82 p. URL: <https://docplayer.fr/23267619-Gastronomie-alsacienne.html> (дата обращения: 20.01.2023).

Erhart P. Les dialectes dans les médias: quelle image de l'Alsace véhiculent-ils dans les émissions de la télévision régionale? *Linguistique*. Université de Strasbourg Publ., 2012, 338 p.

Kuhn I. Une (petite) histoire franco-allemande ou le dilemme du mangeur alsacien. Migration et identité L'exemple de l'Allemagne aux XIXe et XXe siècle. Presses universitaires du Septentrion Année d'édition Publ., 2009, pp. 73-82.

Larousse. Dictionnaire de la langue française. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-mono-lingue> (дата обращения: 11.01.2023).

Rubercy de E. Goethe et la France du pot-au-feu. *Revue des deux mondes*, décembre 2022 – janvier 2023, pp. 82-86.

Schlienger J.-L., Braun A., Orth M. Le mangeur alsacien. Deux mille ans de gastronomie, La Nuée Bleue – Dernières Nouvelles d'Alsace, 2000, 288 p.

Tsai C. Analyse lexicale des verbes culinaires dans les dictionnaires spécialisés. *Revue française de linguistique appliquée*, 2017/1, vol. XXII, pp. 117-129.

Wehrung S. Querelle Linguistique Bredele, Bredala et autres Bredle. *Dernières nouvelles d'Alsace*, Edition Strasbourg, 2013. URL: <https://www.dna.fr/culture/2013/12/25/bredele-bredala-et-autres-bredle> (дата обращения: 20.01.2023).

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 19.04.2023; принята к публикации 20.04.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 19.04.2023; accepted for publication 20.04.2023.

ТИПОЛОГИЯ ЭВФЕМИЗМОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ОТДЕЛЬНЫЕ КЛАССЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ НАСЕЛЕНИЯ (на материале французской публицистики)

Слепцова Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Белгородский государственный научный исследовательский университет, Белгород, Россия, sleptsova@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9152-6937>

Акиншина Инна Брониславовна, кандидат педагогических наук, доцент, Белгородский государственный научный исследовательский университет, Белгород, Россия, akinshina@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9433-8333>

Свищев Геннадий Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, Белгородский государственный научный исследовательский университет, Белгород, Россия, svishchev@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2056-8720>

Аннотация. Статья посвящена анализу эвфемизмов, функционирующих в языке современной французской письменной прессы. Материалом исследования послужили французские газеты, рассчитанные на массового читателя. Проведен более детальный анализ эвфемизмов на материале французской публицистики. Определены семь типов эвфемизмов, характеризующих отдельные классы и социальные группы населения по следующим показателям: 1) социальный статус людей; 2) возрастные категории; 3) расовые и этнические признаки; 4) физические недостатки людей; 5) умственные недостатки людей; 6) проблемы с законом; 7) группы людей, выпадающие из устойчивой социальной структуры. Каждый тип эвфемизмов имеет свои характерные особенности. Выявленные эвфемизмы в языке французской публицистики представлены: лексическими единицами; словосочетаниями с предлогами и без них; фразеологическими оборотами; сложными словами; телескопными единицами; описательными оборотами; эвфемизмами, объединенными словом «âge» – «возраст»; эвфемизмами, образованными на основе наречия «mal» или прилагательного «handicapé»; терминами, обозначающими название болезни, либо словосочетаниями, содержащими слова: «maladie» – «болезнь», «malade» – «больной», «mental» – «умственный, душевный, психический»; эвфемизмами, объединенными предлогом «sans» – «без». Исследованные эвфемизмы, относящиеся к отдельным классам людей и социальным группам населения, позволяют расширить базу имеющихся знаний об их использовании в языке французских письменных средств массовой информации.

Ключевые слова: эвфемизм, эвфемизация, эвфемистическое словосочетание, типология эвфемизмов, публицистика, средства массовой информации, язык публицистики.

Для цитирования: Слепцова С.В., Акиншина И.Б., Свищев Г.В. Типология эвфемизмов, характеризующих отдельные классы и социальные группы населения (на материале французской публицистики) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 182–188. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-182-188>

Research Article

TYPOLOGY OF EUPHEMISMS CHARACTERISE SPECIFIC CLASSES AND SOCIAL GROUPS (in French journalism)

Svetlana V. Sleptsova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Belgorod State University, Belgorod, Russia, sleptsova@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9152-6937>

Inna B. Akinshina, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Belgorod State University, Belgorod, Russia, akinshina@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9433-8333>

Guennady V. Svishchev, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Belgorod State University, Belgorod, Russia, svishchev@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2056-8720>

Abstract. The article analyses the use of euphemisms in the language of modern French journalism. French newspapers aimed at a general readership were used as the primary materials for the study. The analysis identifies seven types of euphemisms that relate to specific classes and social groups in the population, based on indicators such as social standing, age, race and ethnicity, physical and mental deficiencies, legal problems, and individuals outside stable social structures. Each type

of euphemism has its unique characteristics and is presented through lexical units, phrases with and without prepositions, phraseological turns, compound words, telescoped units, descriptive phrases, euphemisms related to age, euphemisms based on the adverb “mal” or phrases containing the words: “maladie” – “disease”, “malade” – “sick”, “mental” – “mental, spiritual, mental” or the adjective “handicap”, terms denoting diseases, and euphemisms united by “sans” meaning “without”. This study expands on existing knowledge of the use of euphemisms in the language of French mass media and their association with specific classes and social groups.

Keywords: euphemism, euphemisation, euphemistic phrase, euphemisms typology, journalism, mass media, journalism language.

For citation: Sleptsova S.V., Akinshina I.B., Svishchev G.V. Typology of euphemisms characterise specific classes and social groups (in French journalism). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 182–188. (In Russ). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-182-188>

Язык средств массовой информации (СМИ) всегда привлекал ученых-лингвистов, поскольку именно он оказывает огромное влияние на развитие литературного языка в целом. Особый интерес у лингвистов вызывает лексический состав языка. В языке СМИ происходит своего рода отбор новой лексики, которая, впервые появившись в СМИ, либо исчезает через какое-то время, либо за счет своей частоты использования регистрируется в словаре, таким образом попадая в литературный язык. Особая роль в этом отводится печатным СМИ, в основе которых лежит, по определению Т.Г. Добросклонской, «синкретический язык прессы». Соединяя размер шрифта, иллюстрации, цветовую гамму, расположение самого информационного материала и т. д. на странице в одно целое с неординарным словесным рядом [Добросклонская: 21], публицистика привлекает читателей, выполняя роль не только пропаганды, но и просвещения различных видов социума [Тяупова, Бычковская: 610]. Язык публицистики неоднороден по своему составу. Нередко на страницах газет и журналов употребляется лексика, которая выполняет роль дискурсивного «украшения». Такие слова и выражения называются эвфемизмами [Курделяс: 23]. Под эвфемизмом в данной статье понимается «Слово (или выражение), употребленное для непрямого, прикрытого обозначения какого-нибудь предмета или явления, называть которое его прямым именем в данной обстановке неудобно, неприлично, не принято» [Толковый словарь Ушакова].

Эвфемизация на протяжении нескольких лет изучается отечественными и зарубежными учеными: А.Ю. Миронина исследует эвфемизацию в политическом дискурсе на материале английского языка [Миронина: 99]; Сюй Минюань изучает «сферы и цели приоритетного использования эвфемизмов в системе современного русского языка» [Сюй: 170]; Л.А. Горшкова, Н.В. Прядильникова рассматривают некоторые аспекты функционирования эвфемизмов в русском и французском языках [Горшкова, Прядильникова: 48]; хедж-эвфемизмы в экономическом дискурсе на материале немецкого языка изучают Э.Л. Шубина и А.В. Седова [Шубина, Седова: 183]. Прделана определенная работа исследовате-

лей на предмет классификации эвфемизмов с учетом тематических групп: «1) человек и его восприятие; 2) устройство общества и отношения внутри него; 3) власть и политика» [Саммани: 647; Акиншина, Слепцова: 82]. Несмотря на многочисленные исследования в этой области, некоторые вопросы все же остаются открытыми, другие же требуют более детального анализа, что обуславливает актуальность данной работы.

Цель данной статьи – провести анализ эвфемизмов, характеризующих отдельные классы и социальные группы населения на материале французской публицистики.

Выбор темы определил следующие задачи: 1) составить типологию эвфемизмов с учетом их общих признаков в рамках исследуемой темы; 2) провести лексический анализ эвфемизмов согласно полученной типологии.

Источниками исследования послужили французские газеты, рассчитанные на широкую читательскую аудиторию: Le Monde, Le Monde diplomatique, Le Figaro.

В ходе исследования применялись: сопоставительный, описательный методы, метод компонентного анализа. Эмпирическая база исследования формировалась с помощью приема произвольной выборки.

Анализ фактического материала современной французской публицистики позволил выделить несколько типов эвфемизмов с учетом их общих признаков. Выявленные эвфемизмы заменяют прямые номинации, которые относятся к отдельным классам людей и социальным группам населения. В первый тип вошли **эвфемизмы, характеризующие социальный статус людей**. Так, для упоминания людей небогатых, относящихся к нижнему классу в системе общественного производства, в языке французской публицистики были отмечены случаи употребления эвфемистического словосочетания «bouillabaisse sociale». «Bouillabaisse» – это «рыбная похлебка с чесноком и пряностями, распространенная на юге Франции» [Le Robert dictionnaire d'aujourd'hui]. Изначально такой суп варили французские крестьяне, а в настоящее время он является довольно дорогостоящим блюдом. Например:

C'est de cette bouillabaisse sociale pleine de vitalité qu'émerge le personnage de Jack Dawson (Monde diplomatique, août 1998). – Именно из этого социального буйабеса, полно жизнненной силы, возникает персонаж Джека Дюсона.

Политические и экономические события, происходящие во всем мире, оказывают огромное влияние на язык публицистики. В последнее время все чаще приходится встречать слова «беженец», «иммигрант». На страницах французских газет журналисты стараются употреблять вместо «réfugié», «immigrant» или «immigré» эвфемистическое словосочетание «nouveaux venus» – «новоприбывшие, новички»:

Dans ce pays d'émigration, longtemps rétif à l'immigration, les nouveaux venus ont accès au marché du travail et à l'éducation (Le Monde diplomatique, janvier 2023). – В этой иммиграционной стране, которая долгое время сопротивлялась процессу иммиграции, новоприбывшие имеют доступ к рынку труда и образованию.

Необходимо отметить, что первый тип эвфемизмов включает словосочетания, образованные в основном из существительных и относящихся к ним определений.

Во второй тип вошли эвфемизмы, указывающие на возрастную дискриминацию людей.

Вопрос о том, какой термин употреблять, говоря о возрасте, в разных странах решается по-разному. В России, например, наступление пожилого возраста связано с выходом человека на пенсию, а за ним, как правило, следует старость. Французы же, наоборот, полагают, что с выходом на пенсию они могут жить полноценной активной жизнью и стараются не употреблять термины «старость», «старый», а предпочитают «personnes âgées» – «люди пожилого возраста» [Бельцова: 140–141] или «sans âge» – «неопределенного возраста; любого возраста». Например:

La Chine accélère la vaccination des personnes âgées ... (Le Monde, novembre 2022). – Китай ускоряет вакцинацию пожилых людей...

Le vélo ... peut servir aussi de passerelle entre les générations. C'est le but de l'association «À Vélo sans âge» (Le Monde diplomatique, janvier, 2023). – Велосипед... также может связывать разные поколения. В этом цель ассоциации «на велосипеде в любом возрасте».

В связи с увеличением продолжительности жизни во Франции пожилой возраст людей принято делить на две категории, поэтому в языке французских СМИ можно встретить эвфемистические выражения «troisième âge» – «третий возраст» и «quatrième âge» – «четвертый возраст», например:

...Celle-ci distinguait la jeunesse, l'âge adulte et la vieillesse, qui était alors le «troisième âge». A noter que la notion de «quatrième âge» se développe de plus en

plus, en conséquence de l'allongement de la durée de vie (Le Figaro, juin 2022). – ...Она (возрастная категория) выделяла молодость, зрелость и старость, которая в то время считалась «третьим возрастом». Следует отметить, что понятие «четвертый возраст» расширяется все больше и больше благодаря увеличению продолжительности жизни.

Итак, во втором типе в основном употребляются эвфемистические выражения, построенные на базе слова «âge» – «возраст». Как правило, к этому слову примыкает либо существительное, либо порядковое числительное, либо предлог.

Третий тип эвфемизмов, распространенных на страницах французских газет, объединен в группу: **слова и выражения, обозначающие дискриминацию людей по расовым и этническим признакам.**

В ходе анализа практического материала было выделено выражение «personnes de couleur» – «люди разного цвета кожи», которое часто применяется с целью избежать конфликтов между людьми той или иной расовой (этнической) группы, например:

La terminologie officielle relative aux «personnes de couleur» ... a considérablement varié au cours de ce siècle en Afrique du Sud (Le Monde diplomatique, janvier 1984). – Официальная терминология, относящаяся к «людям с разным цветом кожи»... за это столетие в Южной Африке значительно изменилась.

Для обозначения выходцев из Алжира, Марокко и Туниса (арабов и берберов) в языке французской публицистики отмечены случаи употребления эвфемизма «Franco-Maghrébins» – «Франко-Магрибинцы», например:

Grandes manœuvres politiques autour des Franco-Maghrébins (Le Monde diplomatique, octobre 2003). – Крупные политические маневры вокруг Франко-Магрибинцев.

Для французов африканского происхождения в языке публицистики регулярно употребляется эвфемизм «Françafricain». Это телескопное слово, образованное путем сращения двух слов с усечением второго элемента первого компонента «franç[is] + africain»:

Ce sont les relations du groupe avec des régimes locaux peu scrupuleux – tel celui de M. Charles Taylor au Liberia, ou celui du «Françafricain» Paul Biya au Cameroun – qui l'ont mis sous le feu de la critique (Le Monde diplomatique, avril 2009). – Именно отношения группы людей с недобросовестными режимами правления – таких как 2-н Чарльз Тейлор в Либерии или «французский африканец» Поль Бийя в Камеруне – послужили поводом для ее критики.

Еще один эвфемизм, характеризующий людей с черной кожей, можно чаще других встретить в языке французской публицистики – «Africain-Américain» или «Afro-Américain» – «афроамериканец». Таким эвфемизмом характеризуются выходцы из США:

Sanford Biggers, *Africain-Américain de 47 ans, fait partie de ces artistes qui contribuent à repenser les relations de race et l'histoire* (*Le Monde diplomatique*, février 2019). – Сэнфорд Биггерс, 47-летний **афро-американец**, является одним из тех художников, которые помогают переосмыслить расовые отношения и историю.

В результате анализа исследуемого материала была отмечена лексическая единица «ghetto» – «гетто». Так назывался «литейный завод в Венеции, возле которого находился еврейский квартал» [Dauza: 400]. Позже этим словом стали именовать еврейские кварталы во всех крупных средневековых городах. В языке французской письменной прессы слово «ghetto» нередко используется для обозначения кварталов, где проживают африканские иммигранты, например:

Elles s'ajoutent aux discriminations sociales et aux quartiers ghettos dans lesquels demeurent une partie des populations issues de l'immigration récente, notamment maghrébine et africaine... (*Le Monde diplomatique*, octobre 2003). – Они (этнические сегрегации) усугубляются социальной дискриминацией и районами **гетто**, в которых проживает часть населения, прибывшая в результате недавней иммиграции, особенно из Магриба и Африки...

Необходимо отметить, что эту группу составили: самостоятельные лексические единицы; сложные слова, образованные из двух полноценных слов либо с усечением первого из них; телескопные слова; словосочетания с предлогом «de».

Четвертый тип эвфемизмов в нашем исследовании представлен **словами и словосочетаниями, указывающими на физические недостатки людей**. Примером этого типа может служить слово «malvoyant» в значении «слабовидящий, с нарушением зрения» вместо «aveugle» – «слепой, незрячий» и «malentendant» – «слабослышащий» вместо «sourd» – «глухой», например:

«C'est comme être malvoyant ou malentendant», concède-t-il (*Le Monde diplomatique*, octobre 2019). – «Это все равно, что быть **слабовидящим** или **слабослышащим**», – признает он.

Нередко в языке французской письменной прессы употребляется эвфемистическое словосочетание «les enfants (personnes) handicapés» – «дети (люди) с ограниченными возможностями» вместо слов «invalide» – «инвалид» или «infirmes» – «немогущий, слабый, калека», например:

...Le droit à une protection et à une prise en charge adaptée pour les enfants handicapés (*Le Monde diplomatique*, novembre 2015). – ...Право на **защиту и надлежащий уход за детьми с ограниченными возможностями**.

В этот тип эвфемизмов вошли слова, образованные на основе наречия «mal», которое сливается

с причастием настоящего времени, а также словосочетаний, в состав которых входит прилагательное «handicapé», обозначающее «имеющий физические недостатки».

В пятый тип эвфемизмов вошли **слова и словосочетания, подчеркивающие умственные недостатки людей**. Например, для обозначения синдрома Дауна в языке французской публицистики используется эвфемизм «trisomy 21» или «enfant (personne) trisomique» – «ребенок (человек) с добавочной хромосомой (с синдромом Дауна)», например:

Un traitement prometteur pour la trisomie 21 (*Le Figaro*, septembre 2022). – Многообещающее лечение **трисомии 21**.

Нередко при упоминании этого заболевания журналисты используют выражение с нейтральной стилистической окраской «maladie héréditaire» – «наследственное заболевание»:

...Utiliserez-vous des techniques génétiques liées à la reproduction afin d'éviter à votre enfant une maladie héréditaire? (*Le Monde diplomatique*, janvier 2020). – ...Вы бы использовали генетические методы репродуктивных технологий, чтобы спасти своего ребенка от **наследственного заболевания**?

Для указания такого психического недуга, как «умопомешательство» в языке французских СМИ вместо «folie», «démence», «aliénation» употребляются эвфемизмы «handicap mental» или «maladie mentale» – «умственная отсталость, психическое расстройство», а для человека, страдающего таким заболеванием, принято употреблять «malade mental» – «душевнобольной»:

La victime ... souffrait d'un handicap mental (*Le Figaro*, septembre 2022). – **Потерпевший... страдал психическим расстройством**.

Les changements entrepris par M. Nicolas Sarkozy font de tout malade mental un individu dangereux ... (*Le Monde diplomatique*, décembre 2009). – Поправки, предложенные 2-м Николя Саркози, превращают любого **душевнобольного** человека в опасную личность...

Необходимо отметить, что этот тип эвфемизмов в основном состоит из одиночных существительных, обозначающих название болезни, или из словосочетаний, образованных по схеме «существительное + прилагательное».

Шестой тип эвфемизмов объединил **слова и выражения, относящиеся к людям, имеющим проблемы с законом**. Например, когда вместо «violation de la loi» – «нарушение закона» употребляется «pratiques illégales» – «незаконные действия», а вместо «crime» – «преступление» употребляется «actes de délinquance» – «правонарушение»:

...Ce déséquilibre augmente son niveau d'injustice et de violence, laissant se propager une tolérance générale

à l'égard des **pratiques illégales** (le Monde diplomatique, février 2020). – Этот дисбаланс... увеличивает уровень несправедливости и насилия, распространяя общую терпимость по отношению к **незаконным действиям**.

...Celles-ci sont davantage victimes d'**actes de délinquance** – elles sont ... trois fois plus exposées aux violences sexuelles ... (le Monde diplomatique, février 2020). – ...Последние чаще становятся жертвами **правонарушений** – они... в три раза больше подвергаются сексуальному насилию...

К этому типу также относятся эвфемизмы, заменяющие слово «prison» – «тюрьма». Например, фразеологический оборот «se trouver derrière les barreaux» – «оказаться (находиться) за решеткой»:

Dans nombre de pays, Jeffrey Epstein se serait **retrouvé derrière les barreaux** dès 2007 ... (Le Monde diplomatique, octobre 2019). – Во многих странах Джеффри Эпштейн **оказался бы за решеткой еще в 2007 году**...

Шестой тип эвфемизмов в нашем исследовании включает словосочетания, образованные с помощью существительных и прилагательных, двух существительных, соединенных предлогом «de», и фразеологических оборотов.

В результате анализа фактического материала был выявлен еще один, седьмой, тип, состоящий из **слов и выражений, характеризующих людей, которые выпадают из устойчивой социальной структуры**. В этот тип вошли эвфемизмы, заменяющие обозначения люмпенов, маргиналов, алкоголиков, наркоманов и проституток.

Так, например, для обозначения бродяги, бомжа в языке французской публицистики используется выражения «sans-domicile fixe (SDF)» – «без определенного места жительства», «sans abri» или «sans domicile» – «бездомный», например:

...Tous les experts s'accordent aujourd'hui pour dire qu'en France 30 % des **sans-domicile fixe (SDF)** sont des psychotiques ... (Le Monde diplomatique, décembre 2009). – ...Все эксперты сегодня согласны с утверждением, что во Франции 30 % людей **без определенного места жительства (БОМЖ)** страдают психозами...

Un sans abri tué par balles par la police à Paris ... (Le point, janvier 2023). – **Бездомный застрелен полицией в Париже**...

В языке французской прессы было зарегистрировано выражение «vivre sous le seuil de pauvreté» – «жить за чертой бедности», например:

En France, un enfant sur cinq vit sous le seuil de **pauvreté**; 30 000 sont sans domicile ... (Le Monde diplomatique, novembre 2015). – Во Франции каждый пятый ребенок **живет за чертой бедности**; 30 000 **бездомных**...

На страницах французской прессы часто используется эвфемистическое выражение «être issues de milieux très précaires» – «быть из неблагополучной семьи». Как правило, это выражение объединяет людей, в семьях которых есть страдающие наркозависимостью, алкозависимостью, а также женщины, занимающиеся проституцией:

Dans leur grande majorité, les jeunes filles sont issues de **milieux très précaires** ... (Le Monde diplomatique, novembre 2018). – Подавляющее большинство молодых девушек **из очень неблагополучных семей**...

Итак, седьмой тип эвфемизмов включает словосочетания с предлогом «sans» – «без», после которого следует существительное, часто сопровождающееся определением. Кроме того, чтобы смягчить неблагоприятные моменты, в эту группу вошли целые описательные обороты.

В результате анализа фактического материала было выявлено, что у каждого типа эвфемизмов есть свои особенности. Первый тип объединил эвфемизмы, которые представлены в виде словосочетаний и относятся к социальному статусу людей. Спецификой второго типа являются эвфемизмы, образованные на базе слова «âge» – «возраст». Третий тип, представляющий расовые или этнические признаки, содержит эвфемизмы в виде сложных слов, телескопных слов, словосочетаний с предлогом, а также самостоятельных лексических единиц. Большинство эвфемизмов четвертого типа, указывающие на физические недостатки людей, созданы на основе наречия «mal» или прилагательного «handicapé». Пятый тип включает либо название болезни, либо слова «maladie» – «болезнь», «malade» – «больной», «mental» – «умственный, душевный, психический». Своеобразием шестого типа, объединенного категорией «проблемы с законом», являются эвфемистические словосочетания, включающие либо существительные и прилагательные, либо два существительных с предлогом «de» между ними и фразеологические обороты. Седьмой тип, характеризующий людей, не относящихся к устойчивой социальной структуре, содержит эвфемизмы с предлогом «sans» – «без» и описательные обороты.

Исследованные эвфемизмы, использующиеся для обозначений отдельных классов людей и социальных групп населения, позволяют резюмировать, что выявленная типология дополняет уже имеющиеся результаты исследований в области функционирования эвфемизмов в языке французской публицистики.

Список литературы

Акинишина И.Б., Слепцова С.В. Политкорректность в общественно-политических текстах посредством эвфемизации (на материале французской публицистики).

стики) // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика: сб. науч. ст. IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Москва, 2022. С. 82–88.

Бельцова И.А. Термины, используемые для обозначения категории пожилых людей в СМИ и повседневной жизни как индикатор социальных стереотипных установок // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2014 г.). Москва: Буки-Веди, 2014. Т. 0. С. 140–142.

Горшкова Л.А., Прядильникова Н.В. Функционирование эвфемизмов в русском и французском языках (некоторые аспекты) // Поволжский педагогический вестник. 2020. Т. 8, № 1 (26). С. 48–53.

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): учеб. пособие. Москва: Флинта, 2008. 263 с.

Курделяс А.А. Эвфемизация в современных СМИ (на материале газетных заголовков) // Сибирский филологический форум. 2020. № 1 (9). С. 23–31.

Минюань С. Эвфемизация как актуальный процесс в современном русском языке // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 3А. С. 169–177.

Миронина А.Ю. Война как объект эвфемизации в политическом дискурсе // Вестник Вятского государственного университета. 2017. С. 99–105.

Саммани М.Х. Семантические особенности эвфемизмов в русском языке // Молодой ученый. 2014. № 6 (65). С. 643–649.

Таяупова О.И., Бычковская Н.В. Медиалингвистика как современное научное направление // Российский гуманитарный журнал. 2014. Т. 3, № 1. С. 610–616.

Толковый словарь Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1095558?ysclid=leixwj62k473588824> (дата обращения: 05.03.2023)

Шубина Э.Л., Седова А.В. Хедж-эвфемизмы как инструменты экономического дискурса // Научный диалог. 2021. № 11. С. 183–200.

Dauza A. Dictionnaire étymologique de la langue française, 1938. URL: <https://archive.org/details/dictionnairety00cluoft/page/98/mode/2up> (дата обращения: 05.03.2023).

Le Robert dictionnaire d'haujourd'hui: Langue française, histoire, géographie, culture générale. Red. dirigée par A. Rey. Paris, 1993, 1701 p.

References

Akinshina I.B., Slepčova S.V. *Politikorrektnost' v obshhestvenno-politicheskikh tekstax posredstvom e'vfemizacii (na materiale francuzskoj publicistiki)* [Political correctness in socio-political texts through euphemization (based on French journalism)]. *Aktual'ny'e vo-*

prosy' gumanitarny'x nauk: teoriya, metodika, praktika: sb. nauch. st. IX Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem [Topical issues of the humanities: theory, methodology, practice: collection of scientific articles of the IX All-Russian scientific and practical conference with international participation]. Moscow, 2022, pp. 82–88. (In Russ.)

Bel'czova I.A. *Terminy', ispol'zuemy'e dlya oboznacheniya kategorii pozhily'x lyudej v SMI i povsednevnoj zhizni, kak indikator social'ny'x stereotipny'x ustanovok* [Terms used to designate the category of older people in the media and everyday life, as an indicator of social stereotypical attitudes]. *Filologiya i lingvistika v sovremennom obshhestve: materialy' II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, fevral' 2014 g.)* [Philology and Linguistics in Modern Society: Proceedings of the II International Scientific Conference (Moscow, February 2014)]. Moscow, Buki-Vedi Publ., 2014, vol. 0, pp. 140–142. (In Russ.)

Gorshkova L.A., Pryadilnikova N.V. *Funkcionirovanie e'vfemizmov v russkom i francuzskom yazy'kax (nekotory'e aspekty')* [Some aspects of euphemisms functioning in Russian and French]. *Povolzhskij pedagogicheskij vestnik* [Povolzhsky Pedagogical Bulletin], 2020, vol. 8, № 1 (26), pp. 48–53. (In Russ.)

Dobrosklonskaya T.G. *Medialingvistika: sistemny'j podhod k izucheniyu yazy'ka SMI (sovremennaya anglijskaya mediarech')*: *ucheb. posobie* [Media linguistics: a systematic approach to the study of the language of the media (modern English media speech): textbook]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2008, 263 p. (In Russ.)

Kurdelyas A.A. *E'vfemizaciya v sovremenny'x SMI (na materiale gazetny'x zagolovkov)* [Euphemization in modern media (on the basis of newspaper headlines)]. *Sibirskij filologicheskij forum* [Siberian Philological Forum], 2020, 1 (9), pp. 23–31. (In Russ.)

Minyuan' S. *E'vfemizaciya kak aktual'ny'j process v sovremennom russkom yazy'ke* [Euphemization as an actual process in modern Russian]. *Kul'tura i civilizaciya* [Culture and civilization], 2017, vol. 7, № 3А, pp. 169–177. (In Russ.)

Mironina A.Yu. *Vojna kak ob'ekt e'vfemizacii v politicheskom diskurse* [War as an object of euphemism in political discourse]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University], 2017, pp. 99–105. (In Russ.)

Sammani M.X. *Semanticheskie osobennosti e'vfemizmov v russkom yazy'ke* [Semantic features of euphemisms in Russian]. *Molodoj ucheny'j* [Young scientist], 2014, № 6 (65), pp. 643–649. (In Russ.)

Tayupova O.I., By'chkovskaya N.V. *Medialingvistika kak sovremennoe nauchnoe napravlenie* [Medialinguistics as a modern scientific direction]. *Rossijskij gumanitarny'j zhurnal* [Russian Humanitarian Journal], 2014, vol. 3, № 1, pp. 610–616. (In Russ.)

Tolkovyj slovar` Ushakova [Explanatory Dictionary of Ushakov]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1095558?ysclid=leixwj62k473588824> (access date: 05.03.2023). (In Russ.)

Shubina E`L., Sedova A.V. *Xedzh-e`vfemizmy` kak instrumenty` e`konomicheskogo diskursa* [Medialinguistics as a modern scientific direction]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2021, № 11, pp. 183-200. (In Russ.)

Dauza A. Dictionnaire étymologique de la lanque française, 1938. URL: <https://archive.org/details/>

[dictionnairety00cluoft/page/98/mode/2up](#) (access date: 05.03.2023). (In French)

Le Robert dictionnaire d'haujourd'hui: Langue française, histoire, géographie, culture générale. Red. dirigée par A. Rey. Paris, 1993, 1701 p. (In French)

Статья поступила в редакцию 09.03.2023; одобрена после рецензирования 01.04.2023; принята к публикации 04.04.2023.

The article was submitted 09.03.2023; approved after reviewing 01.04.2023; accepted for publication 04.04.2023.

СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В МОТИВИРОВАННЫХ ВОПРОСАХ ЖУРНАЛИСТА (на материале современных британских интервью)

Щербатых Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия, El.Ryabinina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей выражения оценки в мотивированных вопросах журналиста на материале текстов интервью, опубликованных в британском издании “The Observer”. Под мотивированным вопросом понимается реплика, в которой вопрос предваряется повествовательной частью, содержащей фактическую информацию или оценочный компонент. Выражение оценки в асертивной части мотивированного вопроса рассматривается в контексте реализации коммуникативных стратегий журналиста в условиях двуадресности интервью. Одной из таких стратегий является стратегия соблюдения нейтралитета, которая на языковом уровне реализуется тремя способами: при помощи ссылки на оценку, произведенную интервьюируемым либо другим лицом при помощи использования глагола в пассивном залоге, а также благодаря использованию формального подлежащего *there*. Однако, если в первом случае журналист подчеркивает субъективность произведенной оценки, две последних конструкции позволяют журналисту представить ситуацию как объективный факт или широко распространенное мнение. В выражении журналистом собственной оценки наблюдается тенденция к ее деинтенсификации, свидетельствующей о стремлении журналиста снизить категоричность своего высказывания в целях оптимизации общения с непосредственным собеседником.

Ключевые слова: оценка, интервью, журналист, интервьюируемый, мотивированный вопрос, высказывание, коммуникативная стратегия.

Для цитирования: Щербатых Е.Ю. Специфика выражения оценки в мотивированных вопросах (на материале современных британских интервью) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 189–194. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-189-194>

Research article

SPECIFICS OF EXPRESSING EVALUATION IN MOTIVATED QUESTIONS OF THE JOURNALIST (on the material of modern British interviews)

Yelena Yu. Shcherbatykh, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Foreign Languages of Humanitarian Faculties, Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, El.Ryabinina@yandex.ru

Abstract. The article describes the peculiarities of expressing evaluation in motivated questions of the journalist on the material of the interviews from the British newspaper “The Observer”. The term “motivated question” is used to denote an utterance where the question-part is preceded by an affirmative part containing facts or evaluation. Evaluation expression in the assertive part is analysed in the context of communicative strategies of the journalist. One of the strategies is the strategy of maintaining neutrality which on the language level is realised in three ways. Firstly, the journalist can refer to the evaluation expressed by the interviewee or another person; secondly, the passive verb-form can be used; thirdly, the interviewer can use the formal subject “there”. However, if in the first case the journalist emphasises the subjective character of the expressed evaluation, the latter techniques let the journalist present the situation as an objective fact or a widespread opinion. Expressing its personal evaluation, the journalist tends to weaken intensity of the said, thus making the utterance sound less categorical in order to optimise the process of communication with the immediate interlocutor.

Keywords: evaluation, interview, journalist, interviewee, motivated question, utterance, communicative strategy.

For citation: Shcherbatykh Ye. Yu. Specifics of expressing evaluation in motivated questions of the journalist (on the material of modern British interviews). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 189–194. (In Russ). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-189-194>

В последние десятилетия интервью оказались в центре лингвистических исследований, при этом направления изучения интервью достаточно многообразны и зачастую требуют междисциплинарного подхода. В теории журналистики признается «бинарность» понятия интервью: интервью как вопросно-ответного способа получения информации и интервью – самостоятельного публицистического жанра, характеризующегося диалогической формой построения [Ким: 121; Лукина: 7]. В рамках медиалингвистики тексты интервью рассматриваются как одна из разновидностей текстов средств массовой информации [Добросклонская: 39]. Диалогическая природа интервью делает возможным его изучение как разновидности диалогического дискурса в контексте коммуникативных стратегий и тактик собеседников [Юрина: 12].

Многие исследователи в качестве одной из особенностей дискурса интервью отмечают специфическую оценочную маркированность речи его участников [Попова; 14, Капичникова: 12]. Исследователи отмечают, что в текстах интервью создаются определенные прагматические условия для выражения оценочной модальности. По мнению исследователя телевизионных интервью Т.И. Поповой, запрос на оценку в интервью связан с тем, что «изменения в обществе – в первую очередь изменение массового сознания – выдвинули на первый план не объективную реальность, а самого познающего субъекта, с его субъективными эмоциями о мире, мнениями и оценками» [Попова: 14]. И.Ю. Капичникова, рассматривая модально-оценочную структуру интервью в современном немецком языке, приходит к выводу, что для него характерна «своеобразная модальная конфигурация», определяемая автором как «интерсубъективно-аксиологическая модальность» и являющаяся одним из средств реализации массово-информационной направленности интервью [Капичникова: 12].

Обладая диалогической природой, интервью отличается от свободного диалога, прежде всего, наличием второго адресата, а также фиксированным характером распределения ролей между коммуникантами. Изначально заданная асимметрия коммуникативных ролей участников интервью подразумевает, что коммуникативная инициатива, как правило, принадлежит журналисту. Реплики журналиста, преимущественно вопросительные по своей природе, обладают более высоким коммуникативным суверенитетом и являются «сигналом речевой стратегии», предлагаемой собеседнику [Голубева-Монаткина: 39; Ключев: 188]. Однако, несмотря на определяющую роль реплик журналиста для организации интервью, содержательная сторона интервью в большей степени зависит от реплик интервьюируемого.

Асимметричный характер коммуникативных ролей участников интервью предполагает, что прерогатива выражать оценку в интервью принадлежит интервьюируемому, журналист же в своих репликах, как правило, делает запрос об оценке либо производит определенное действие с уже высказанной оценкой (обобщает, уточняет, выражает удивление, несогласие и т. д.). Однако существует особый тип реплик журналиста, в которых допускаются оценочные суждения, при этом, как показывает исследуемый материал, выражение оценки происходит в рамках определенных повторяющихся конструкций.

Для обозначения подобных реплик М.Б. Бергельсон использует термин «мотивированный вопрос», подчеркивая, что «реплика, соответствующая мотивированному вопросу, состоит из двух частей. Первая часть представляет собой ассертив, в котором сообщается некоторая информация, за ним следует интеррогатив в связи с этой информацией» [Бергельсон: 48]. М.Б. Бергельсон подчеркивает, что «обычно такого рода мотивировки появляются, когда в диалоге возникает новая тема и собеседник переходит к реализации следующего локального коммуникативного намерения» [Бергельсон: 49].

Как показывает исследуемый материал, повествовательная часть мотивированного вопроса может и не выражать оценки, а лишь сообщать читателю определенные фактические сведения об интервьюируемом. В условиях двуадресности интервью подобные сведения обеспечивают тот минимум информации, который необходим для успешного восприятия интервью. По мнению Т.И. Поповой, «успешность телеинтервью как особого типа диалога, который происходит между говорящими в присутствии третьих лиц – телезрителей, зависит не только от совмещения индивидуальных когнитивных пространств ведущего и собеседника в режиме межличностного общения, но и от наличия данных представлений и знаний в когнитивном пространстве телезрителей» [Попова: 136]. Таким образом, мотивированные вопросы с фактической информацией в ассертивной части ориентированы, прежде всего, на второго адресата, а также позволяют журналисту, сообщая необходимые сведения в первой части, семантически и структурно не перегружать вопрос.

В контексте настоящего исследования интерес представляет рассмотрение мотивированных вопросов с оценочным компонентом в ассертивной части, который предопределяет дальнейшее развитие беседы в аксиологическом ключе. Т.И. Попова относит подобные вопросы к «имплицитным способам стимулирования оценочных суждений» [Попова: 82]. По мнению исследователя неформальных англоязычных интервью Т.С. Шишкиной, «отношение интервьюера к объекту является мощным стиму-

лом вовлечения интервьюируемого в спонтанный диалог» [Шишкина: 14]. В проанализированных нами текстах интервью оценка в мотивированных вопросах выражается в рамках определенных повторяющихся моделей, которые соответствуют определенным коммуникативным намерениям интервьюера.

Одним из таких намерений является стремление журналиста дистанцироваться от выражаемой оценки, которое на языковом уровне осуществляется тремя основными способами. Первый способ представляет собой ссылку на оценку, произведенную интервьюируемым либо другим лицом с использованием глаголов, позволяющих передавать чужую речь (say, speak, describe, write, admit, argue, emphasize, state, deem, think). Например:

A few years ago, you wrote an essay for the New York Times about how women's fiction is often taken less seriously than men's. Do you think anything has changed? (The Observer)

В данном примере журналист, беседуя с американской писательницей Мег Волитцер, ссылается на ее мнение о том, что женская литература часто воспринимается менее серьезно, чем мужская. Данное суждение был высказано интервьюируемой на страницах издания "The New York Times" несколько лет назад, поэтому вполне логично, что во второй части мотивированного вопроса журналист уточняет, произошли ли какие-либо изменения в этом отношении.

Подобное развитие вопроса мы наблюдаем и в следующем примере, в котором журналист упоминает высказывание английской художницы Рейчел Уайтред о том, что некоторые галереи пользуются незаслуженной популярностью. В вопросительной части журналист уточняет, придерживается ли его собеседница такой точки зрения в настоящий момент.

You once said that some galleries are now just too popular. Do you stand by that? (The Observer)

Таким образом, ссылка на оценку, произведенную интервьюируемым, позволяет журналисту не только дистанцироваться от упоминаемой оценки, но и выяснить, насколько изменились оценочные суждения собеседника с течением времени. В тех случаях, когда упоминаемая оценка явно не соответствует сегодняшним действиям и высказываниям интервьюируемого, подобные вопросы могут иметь провокационный характер и использоваться в рамках стратегии манипулирования собеседником. Так, в следующем примере журналист выражает сомнение, что английский актер, писатель и режиссер Саймон Кэллоу действительно является «человеком без секретов», как он утверждал в одном из своих более ранних интервью.

You once said you were a person without secrets. But are you really secretless? (The Observer)

В ответной реплике собеседник противостоит манипуляции, подтверждая, что он – очень открытый

человек, хотя иногда и сожалеет об этом. Но, независимо от того, является ли манипуляция журналиста успешной, подобное столкновение оценок делает беседу более острой и динамичной.

Впрочем, журналист может ссылаться не только на оценку, произведенную его непосредственным собеседником, но и на высказывания третьих лиц. Исследователи отмечают, что «прием перенесения центра тяжести в высказывании с себя на третьих лиц» может быть использован в рамках реализации стратегии «принятия нейтралитета», так как позволяет говорящему не отождествлять себя с автором мнения [Юрина: 12]. Более того, появление известного имени, значимого как для массового, так и для непосредственного адресата, придает обсуждению более эмоциональный и лично ориентированный характер. Так, в следующем примере журналист ссылается на высказывание американского сенатора Марко Рубио, известного своими неоднозначными и категоричными оценками.

Republican senator Marco Rubio raised a stink about you not showing the US flag being planted on the moon. Were you anticipating that reaction? (The Observer)

Обсуждая с франко-американским режиссером Дэмьеном Шазеллем его фильм «Человек на луне», журналист упоминает, что Марк Рубио раскритиковал фильм, в частности из-за отсутствия в нем сцены с водружением американского флага на поверхности Луны. Спрашивая режиссера о том, предвидел ли тот подобную реакцию, журналист подразумевает, что оценка Марко Рубио отражает настроения определенной части американского общества.

Следует отметить, что в подобных мотивировках журналист не всегда ссылается на мнение конкретного лица, в ряде случаев это могут быть предложения с неопределенно-личным или обобщенно-личным субъектом в качестве подлежащего. Например:

Younger women have acclaimed you as a feminist writer. Is this how you see yourself? (The Observer)

В данном примере обобщенным субъектом оценки являются молодые женщины, которые считают американскую писательницу Крис Краус феминисткой. Ссылаясь на оценку обобщенного субъекта, журналист избавлен от необходимости выражать собственное мнение, оставаясь в рамках коммуникативной стратегии принятия нейтралитета.

Вторым распространённым способом, позволяющим журналисту дистанцироваться от производимой оценки, является использование конструкции, в которой подлежащим предложения становится объект оценки, а сказуемое выражено глаголом в форме пассивного залога (субъект оценки при этом, как правило, не упоминается). По мнению исследователей, использование пассивного залога «ведет к передаче ответ-

ственности третьим лицам» [(Стойкович, Ключина: 32]. Со стилистической точки зрения использование пассивного залога выполняет такие функции, как «предельное обобщение» и «деперсонализация» [Знаменская: 107]. Так, в следующем примере использование глагола в пассивном залоге позволяет журналисту говорить о политической ангажированности художника Роба Смита, не называя при этом субъекта оценки.

You are referred to in the press as a “slogan artist” or “a political artist”. Do you find those terms reductive? (The Observer)

Таким образом, использование в мотивированных вопросах глаголов в пассивном залоге позволяет журналисту действовать в рамках стратегии «снятия ответственности за информацию» [Бергельсон: 49]. Однако прагматические возможности пассивного залога не исчерпываются перечисленными функциями. Исследователи средств выражения пассивности в английском дискурсе Г.В. Стойкович и А.М. Ключина пришли к выводу, что пассивная конструкция позволяет «усилить утверждение и, таким образом, представить предложение как широко распространенное мнение» [Стойкович, Ключина: 32]. С данным мнением созвучна позиция В.Е. Чернявской, которая подчеркивает, что «исключение субъекта как источника информации усиливает объективный, «как если бы» нейтральный характер изложения» [Чернявская: 60]. Так, в следующем примере использование пассивного залога позволяет журналисту представить утверждение о том, что британская актриса Шарлотта Рэмплинг является культовой актрисой согласно широко распространенному мнению:

You've been called iconic on many occasions ... (The Observer)

Таким образом, у читателя возникает иллюзия объективного и беспристрастного характера изложения. В данном контексте использование пассивного залога может быть отнесено к одному из «грамматико-синтаксических средств лингвистической демагогии», используемому говорящими при необходимости «перестроения оценок и мнений» [Чернявская: 60].

Третий способ, применяемый журналистами в рамках коммуникативной стратегии «принятия нейтралитета», – это использование конструкций с нереперентным, формальным или семантически опустошенным подлежащим *there*, которые представляют собой особую модель предложения со значением «экзистенциальности» [Кобрина, Болдырев, Худяков, 241]. Например:

There is a feeling in among creative people that the BBC people would rather say “no” than “maybe”. People have no idea how decisions are made. Is this something you recognize? (The Observer)

Беседа с британским медиаменеджером Ким Шиллинглоу, журналист приводит бытующее в твор-

ческой среде представление о том, что руководство канала BBC не заинтересовано в появлении новых проектов. Использование нереперентного подлежащего *there* позволяет журналисту представить ситуацию как объективно существующую. В этом же интервью журналист приводит оценочное суждение известного английского телеведущего Мелвина Брега о том, что канал BBC стал слишком популистским, при этом используя нереперентное подлежащее *there*, что придает утверждению характер объективного факта.

There are some people – Melvyn Bragg, for instance – who believe BBC has become too populist. Are they right? (The Observer)

В то же время использование в реплике ссылки на высказывание известной персоны позволяет журналисту привлечь внимание массовой аудитории и одновременно дистанцироваться от оценки.

Однако не следует полагать, что журналист никогда не выражает собственных оценочных суждений в асертивной части мотивированного вопроса. Примечательно, что в таких репликах, как правило, содержатся элементы, производящие деинтенсификацию оценки и тем самым способствующие снижению категоричности высказывания. К данным элементам относятся аксиологические предикаты группы «казаться» (*seem, appear, tend*) и модальные глаголы со значением предположения (*might, can, must*). Например:

Parents in your fiction tend to be slightly floundering and less sophisticated than their teenagers (The Observer)

В данной реплике из интервью с американским писателем Джоном Грином журналист, давая характеристику персонажам произведений данного автора, использует глагол ‘*tend*’, что способствует снижению категоричности высказывания.

В следующем примере в интервью с британским журналистом и радиоведущим Джоном Ронсом журналист, говоря о жестокости в социальных медиа, использует выражение “*It seems to me*”, тем самым представляя данное утверждение как свое субъективное мнение.

It seems to me that the harshness of the tone of social media is having a direct effect on politics and public life, increasing polarities (The Observer)

Еще один пример использования глагола “*seem*” взят из интервью с американской писательницей Полой Хокинс – в данном случае журналист использует данный глагол в утверждении о чрезвычайной популярности психологических триллеров, тем самым несколько снижая интенсивность производимой оценки.

Psychological thrillers, often with a domestic setting, seem to be enormously successful at the moment (The Observer)

Представляется, что в таких случаях журналист действует в рамках принципа вежливости, сформули-

рованного британским лингвистом Дж. Личем в его исследовании «Принципы прагматики» [Leech: 81–83]. Соблюдение основных постулатов данного принципа является необходимым условием для обеспечения успеха интервью. Очевидно также, что используя модальные глаголы в оценочной конструкции, журналист вносит в данную оценку оттенок предположения, тем самым подчеркивая её субъективный характер.

Таким образом, мотивированные вопросы представляют собой особый тип реплик журналиста, которые ориентированы, прежде всего, на второго адресата и сообщают ему необходимую для адекватного восприятия интервью информацию как фактического, так и оценочного характера. Дистанцируясь от оценки, выражаемой в ассертивной части мотивированного вопроса, журналист в первую очередь действует в рамках стратегии «принятия нейтралитета», стремясь одновременно снять с себя ответственность за сообщаемую информацию и придать данной информации более объективный и весомый характер. Использование журналистами оценочных конструкций, в которых не назван либо обобщен субъект оценки, а также элементов, позволяющих снизить категоричность высказываемой оценки, свидетельствует о необходимости корректировки коммуникативных намерений журналиста в целях оптимизации общения с непосредственным собеседником.

Список литературы

Бергельсон М.Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы. Москва: Университетская книга, 2007. 320 с.

Голубева-Монаткина Н.И. Вопросы и ответы диалогической речи: классификационное исследование. Москва: Книжный дом «Либроком», 2013. 200 с.

Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. Опыт исследования современной английской медиаречи. Москва: Красанд, 2010. 288 с.

Знаменская Т.А. Стилистика английского языка. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.

Капичникова И.Ю. Модально-оценочная структура интервью в массово-информационном дискурсе в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 17 с.

Ким М.Н. Основы творческой деятельности журналиста: учебник для вузов. Санкт-Петербург: Питер, 2010. 400 с.

Клюев Е.В. Речевая коммуникация: Успешность речевого взаимодействия. Москва: РИПОЛ Классик, 2002. 316 с.

Кобрина Н.А., Болдырев Н.Н., Худяков А.А. Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. пособие. Москва: Высшая школа, 2007. 368 с.

Лукина М.М. Технология интервью: учеб. пособие для вузов. Москва: Аспект Пресс, 2008. 192 с.

Попова Т.И. Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте. Санкт-Петербург: Филол. фак-т СПб. гос. ун-та, 2002. 220 с.

Стойкович Г.В., Ключина А.М. Категориальные и некатегориальные средства выражения пассивности в английском научном, художественном и политическом дискурсах. Чебоксары: Экспертно-методический центр, 2014. С. 30–33.

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. Москва: Флинта, 2006. 136 с.

Шишкина Т.С. Прагматические особенности констативного речевого акта в функции иницилирующей реплики неформального интервью: на материале англоязычной прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 18 с.

Юрина М.В. Коммуникативные стратегии партнеров в политическом интервью: на материале современной прессы ФРГ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 22 с.

Leech G. Principles of Pragmatics. New York, Longman, 1983, 250 p.

The Observer. URL: <https://www.theguardian.com/observer> (access date: 14.04.23).

References

Bergel'son M.B. *Pragmaticheskaja i sotsiokul'turnaia motivirovannost' iazykovoï formy* [Pragmatic and socio-cultural motivation of language form]. Moscow, Universitetskaja kniga Publ., 2007, 320 p. (In Russ.)

Cherniavskaja V.E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdeistviia* [Discourse of power and power of discourse. Problems of speech influence]. Moscow, Flinta Publ., 2006, 136 p. (In Russ.)

Golubeva-Monatkina N.I. *Voprosy i otvety dialogicheskoi rechi: klassifikatsionnoe issledovanie* [Questions and answers of dialogical speech; classification research]. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom» Publ., 2013, 200 p. (In Russ.)

Dobrosklonskaia T.G. *Voprosy izucheniia mediatekstov. Opyt issledovaniia sovremennoi angliiskoi mediarечи* [Problems of mediatext research. Experience of studying modern English mediaspeech]. Moscow, Krasand Publ., 2010, 288 p. (In Russ.)

Jurina M.V. *Kommunikativnye strategii partnerov v politicheskom interv'iu: na materiale sovremennoi pressy FRG: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Communicative strategies of partners in political interview: on the material of modern press of FRG: CSs thesis, summary]. Samara, 2006, 22 p. (In Russ.)

Kapichnikova I.Iu. *Modal'no-otsenochnaia struktura interv'iu v massovo-informatsionnom diskurse v sovremenном nemetskom iazyke: avtoref. dis. ... kand.*

filol. nauk [Modal-evaluative structure of the interview in mass-media discourse in modern German: CSs thesis, summary]. Irkutsk, 2004, 17 p. (In Russ.)

Kim M.N. *Osnovy tvorcheskoi deiatel'nosti zhurnalista: uchebnik dlia vuzov*. [Foundations of creative work of the journalist]. Saint-Petersburg, Piter Publ., 2010, 400 p. (In Russ.)

Kliuev E.V. *Rechevaia kommunikatsiia: Uspeshnost' rechevogo vzaimodeistviia* [Verbal communication: Success of speech interaction]. Moscow, RIPOL Klassik Publ., 2002, 316 p. (In Russ.)

Kobrina N.A., Boldyrev N.N., Khudiakov A.A. *Teoreticheskaia grammatika sovremennogo angliiskogo iazyka: ucheb. posobie* [Theoretical grammar of the English Language]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 2007, 368 p. (In Russ.)

Lukina M.M. *Tekhnologiia interv'iu: ucheb. posobie dlia vuzov* [Technology of the interview]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2008, 192 p. (In Russ.)

Popova T.I. *Teleinterv'iu v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte* [TV interview in communicative and pragmatic aspect]. Saint-Petersburg, Filol. fak-t SPb. gos. un-ta, 2002, 220 p. (In Russ.)

Stoikovich G.V., Kliushina A.M. *Kategorial'nye i nekategorial'nye sredstva vyrazheniia passivnosti v an-*

gliiskom nauchnom, khudozhestvennom i politicheskom diskursakh [Categorial and non-categorial means of expressing passive meaning in English scientific, literary and political discourse]. Cheboksary, Ekspertno-metodicheskii tsentr Publ., 2014, pp. 30-33. (In Russ.)

Shishkina T.S. *Pragmaticheskie osobennosti konstativnogo rechevogo akta v funktsii initsiiruiushchei repliki neformal'nogo interv'iu: na materiale angloiazychnoi pressy: avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk* [Pragmatic peculiarities of informative speech act in the function of utterance-stimuli of informal interview: on the material of English-language press]. Rostov-on-Don, 2010, 18 p. (In Russ.)

Znamenskaia T.A. *Stilistika angliiskogo iazyka* [Stylistics of the English language]. Moscow, Izd-vo LKI Publ., 2008, 224 p. (In Russ.)

Leech G. *Principles of Pragmatics*. New York, Longman Publ., 1983, 250 p.

The Observer. URL: <https://www.theguardian.com/observer> (access date: 14.04.23).

Статья поступила в редакцию 16.04.23; одобрена после рецензирования 02.05.23; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 16.04.23; approved after reviewing 02.05.23; accepted for publication 05.05.2023.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 195–204. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 195–204. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.4. Уголовно-правовые науки

УДК 340.6

EDN BELNIZ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-195-204>

ЖЕСТЫ-АДАПТОРЫ У ПРИЧАСТНЫХ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ ЛИЦ В БЕЗЫНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ ДЕТЕКЦИИ ЛЖИ

Гончаренко Елена Вячеславовна, медицинский психолог, Областная детская клиническая больница им. Н.Н. Силищевой, Астрахань, Россия, lanovaya.s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6410-4170>

Аргун София Нодаровна, младший научный сотрудник, Институт экспериментальной патологии и терапии Академии наук Абхазии, Сухум, Абхазия, argun_sofiya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7885-7580>

Миквабия Зураб Ясонович, доктор медицинских наук, профессор, Институт экспериментальной патологии и терапии Академии наук Абхазии, Сухум, Абхазия, primat.ana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0729-6516>

Тайсаева Светлана Борисовна, кандидат психологических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, taisaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6947-8606>

Мурзова Ольга Анатольевна, кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры госпитальной педиатрии с курсом последипломного образования, Астраханский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Астрахань, Россия, olgamurazova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0252-8872>

Джокуа Анна Арсеновна, кандидат биологических наук, доцент, заведующая лабораторией физиологии и патологии ВНД, Институт экспериментальной патологии и терапии Академии наук Абхазии, Сухум, Абхазия, primat.ana@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3163-7350>

Молев Дмитрий Андреевич, заведующий отделением анестезиологии-реанимации с палатами интенсивной терапии № 3, Областная детская клиническая больница им. Н.Н. Силищевой, Астрахань, Россия, dimamolev@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1196-6631>

Новикова Елена Александровна, заведующая отделением дневного стационара, Областная детская клиническая больница им. Н.Н. Силищевой, Астрахань, Россия, eanovikova2015@mail.ru

Семенова Дарья Сергеевна, врач-неонатолог, заведующая отделением патологии новорожденных и недоношенных, Областная детская клиническая больница им. Н.Н. Силищевой, Астрахань, Россия, Odkb30_pat2@mail.ru

Аннотация. Для верификации особый интерес представляет пантомимическая продукция опрашиваемых лиц. При обмане снижается количество жестов-иллюстраторов и эмблем, которые сопровождают человеческую речь. Страх разоблачения продуцирует в моторной продукции адаптивную и ресурсную жестикуляцию, которая направлена на удовлетворение потребности в самосохранении и восстановление психического гомеостаза при стрессе. Авторский коллектив относит жесты-адапторы к группе ресурсных жестов при умышленном сокрытии информации. Они включают в себя поглаживания и прикосновения к собственному телу. Авторы анализируют этологические, психологические и антропологические аспекты тактильной кинесики гоминид, приматов и homo sapiens. В исследовании приняли участие 20 лиц, причастных к сексуальным преступлениям против несовершеннолетних, и 20 непричастных к преступлению респондентов в возрасте 18–65 лет. Сравнительный анализ выявил, что у непричастных лиц быстро формировался раппорт, снижалось эмоциональное напряжение, срабатывал механизм психологической адаптации к проверке. Причастные лица диссоциировались от верификатора, у них возрастал уровень физиологического стресса, возникали вербальные и невербальные «утечки» информации. Ресурсная пантомимика (транс-жесты, жесты-манипуляторы, жесты самоочищения, груминг, жесты-адапторы) наблюдалась у 95 % испытуемых. Адапторы при обмане фиксировались в 40 % горизонтальных и вертикальных поглаживаниях и 30 % прикосновениях к себе. Телодвижения были направлены на восстановление психического гомеостаза и саморегуляцию нервно-психического напряжения и бессознательно воспроизводили тактильный контакт диады «мать и дитя».

Ключевые слова: невербальное поведение, жесты-адапторы, преступление, стресс, приматы, безынструментальная детекция лжи, филогенез.

Благодарности. Авторский коллектив выражает благодарность и признательность за консультации по пантомимике гоминид профессору поведения приматов Ф. Де Валу из Университета Эмори (США), профессору Р. Сапольски из Стенфордского университета (США).

Для цитирования: Гончаренко Е.В., Аргун С.Н., Миквабия З.Я., Тайсаева С.Б., Мурзова О.А., Молев Д.А., Новикова Е.А., Семенова Д.С. Жесты-адапторы у причастных к преступлению лиц в безынструментальной детекции лжи // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 195–204. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-195-204>

Research Article

GESTURES-ADAPTERS FOR PERSONS INVOLVED IN THE CRIME IN NON-INSTRUMENTAL LIE DETECTION

Elena V. Goncharenko, medical psychologist, Silishcheva Regional Children's Clinical Hospital, Astrakhan, Russia, lanovaya.s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6410-4170>

Sofia N. Argun, junior researcher, Institute of Experimental Pathology and Therapy, Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhumi, Abkhazia, argun_sofiya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7885-7580>

Zurab Ya. Mikvabiya, Doctor of Medical Sciences, Professor, Institute of Experimental Pathology and Therapy of the Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhumi, Abkhazia, primat.ana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0729-6516>

Svetlana B. Taisaeva, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, taisaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6947-8606>

Olga A. Murzova, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Hospital Pediatrics with a Postgraduate Education Course, Astrakhan State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Astrakhan, Russia, olgamurzova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0252-8872>

Anna A. Jokua, Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of Physiology and Pathology of the Brain, Institute of Experimental Pathology and Therapy of the Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhumi, Abkhazia, primat.ana@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3163-7350>

Dmitry A. Molev, head of the Department of Anesthesiology and Intensive Care with Intensive Care Units No. 3, Silishcheva Regional Children's Clinical Hospital, Astrakhan, Russia, dimamolev@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1196-6631>

Elena A. Novikova, head of the Department of the Day Hospital, Silishcheva Regional Children's Clinical Hospital, Astrakhan, Russia, eanovikova2015@mail.ru

Daria S. Semenova, neonatologist, head of the department of pathology of newborns and premature infants, Silishcheva Regional Children's Clinical Hospital, Astrakhan, Russia, Odkb30_pat2@mail.ru

Abstract. For verification, the pantomimic production of the interviewed persons is of particular interest. When deceiving, the number of illustrative gestures and emblems that accompany human speech is reduced. Fear of exposure produces adaptive and resourceful gestures in motor production, which is aimed at satisfying the need for self-preservation and restoring mental homeostasis under stress. The team of authors classifies adaptive gestures as resource gestures in case of deliberate concealment of information. They include stroking and touching their own body. The authors analyse the ethological, psychological and anthropological aspects of the tactile kinesics of hominids, primates and *Homo sapiens*. The purpose of the work is a differentiated study of gestures-adapters in case of deliberate concealment of information from persons involved in the crime on the control questions of a structured survey conversation. The study involved 20 persons involved in sexual crimes against minors and 20 respondents aged 18 to 65 who were not involved in the crime. A comparative analysis revealed that rapport was quickly formed among uninvolved persons, emotional stress decreased, and the mechanism of psychological adaptation to the test was triggered. The persons involved dissociated from the verifier, their level of physiological stress increased, verbal and non-verbal "leaks" of information arose. Resource pantomime (trance gestures, manipulator gestures, self-cleansing gestures, grooming, adapter gestures) was observed in 95 % of the subjects. During deception, adapters were fixed in 40 % of horizontal and vertical strokes and 30 % of self-touches. Body movements were aimed at restoring mental homeostasis and self-regulation of neuropsychic stress and unconsciously reproduced the tactile contact of the mother-child dyad.

Keywords: nonverbal behaviour, adaptive gestures, crime, stress, primates, instrumentless lie detection, phylogenesis.

Acknowledgments. The team of authors would like to express their gratitude and recognition for consultations on hominine pantomime to Professor of Primate Behaviour Dr. Frans B. M. de Waal from Emory University (USA), Professor Robert Morris Sapolsky from Stanford University (USA).

For citation: Goncharenko E.V., Argun S.N., Mikvabiya Z.Ya., Taisaeva S.B., Murzova O.A., Molev D.A., Novikova E.A., Semenova D.S. Gestures-adapters for persons involved in the crime in non-instrumental lie detection. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 195–204 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-195-204>

Введение. Психолог в следственных мероприятиях оказывает помощь следователю не только в опросе несовершеннолетних, но и содействует расследованию преступления. Специалист может обратить внимание на психологические обстоятельства, имеющие значение для психологии обвиняемого, вести наблюдение за поведением участников следственного действия, интерпретировать факты, составлять психологические портреты потерпевших и обвиняемых [Ситковская: 64]. Особый интерес для сотрудников правоохранительных и надзорных органов имеет верификация показаний опрашиваемых лиц. Специалист-психолог при установленном раппорте на нейтральных, проективных и контрольных вопросах оценивает аудиальную продукцию, пантомимику, физиологические и эмоциональные реакции субъекта. При умышленном сокрытии информации целью респондента является ложь и дезинформация с помощью вербальных или невербальных средств коммуникации [Романова, Кузнецова: 34]. Речь играет более важную роль в человеческом общении, чем его поведение. Люди больше отслеживают и контролируют сказанное, чем свою пантомимику, поэтому телодвижения являются важным маркером нервно-психической деятельности человека. При страхе разоблачения (стрессе) кинесика причастных и не причастных лиц имеет различие. Жесты-иллюстраторы, которые сопровождают слова и фразы, при обмане сменяются адаптивной и ресурсной жестикуляцией.

Адаптивные жесты (жесты закрытия, рес-жесты) обусловлены эволюционно запрограммированными рефлекторными реакциями на отрицательный стимул. Убегание от потенциально опасного объекта наблюдаются у человека и всех видов приматов [Гончаренко, Тайсаева и др. 2022а: 67]. Автоматическое закрытие/прикрытие головы, вентральных зон и паховой области тела руками и ногами является моторной иллюстрацией физиологической реакции замирания [Гончаренко, Аргун и др. 2022: 352].

Ресурсная жестикуляция связана с психическим регрессом в сенситивный период онтогенеза человека и воспроизводит тактильный контакт матери и ребенка. Транс-жесты, жесты самоочищения, жесты-манипуляторы снижают возбуждение симпатического отдела нервной системы и восстанавливают психический гомеостаз в стрессе [Гончаренко, Тайсаева и др. 2022б: 258]. Филогенез пантомимики был исследован нами у приматов. Цепляние, груминг, транс-овые телодвижения, на которых базируются вышеперечисленные жесты, обнаружены как этологические паттерны у разных групп обезьян в Сухумском питомнике [Гончаренко, Миквабия и др. 2022: 46]. В ресурсную жестикуляцию входят и жесты-адапторы – это поглаживания и прикосновения к собственному телу. П. Экман и У. Фризен считают, что они спо-

собствуют снятию внутреннего напряжения [Ekman, Friesen 1969: 56].

Природа поглаживаний и прикосновений имеет архаичное и эволюционное происхождение не только у *homo sapiens*, но и у различных видов млекопитающих. Дельфины плавниками прикасаются друг к другу [Авимова, Сандаков: 49], хобот африканских слонов является главным органом для физического и тактильного контакта, шиншиллы, полевки, мыши активно грумингуют, проявляя заботу [Зыков, Васильева: 43]. Человекообразные обезьяны иллюстрируют поглаживающие движения и прикосновение рук в естественных условиях и в неволе. Все приматы активно дотрагиваются и прижимаются. Пантомимическая продукция в виде горизонтальных и вертикальных движений рук есть у шимпанзе, бонобо, горилл, орангутангов. Жесты наблюдаются не только у самок к детенышам, но и являются тактильным взаимодействием друг с другом. Поглаживания и прикосновения как проявление ласки описаны Дж. Гудолл у диких шимпанзе в национальном парке Гомбе-Стрим в Танзании. Проявляя доброту, признательность, ухаживание и сочувствие, они обнимают, целуют и гладят друг друга [Гудолл: 207]. Шимпанзе Йони нежно обхватывал подбородок и дотрагивался пальцем до лица Н. Ладыгиной-Котс, когда она изображала плач [Ладыгина-Котс: 134]. Франс де Валь наблюдал большое количество ласкательных движений у шимпанзе и макак-резусов [Де Валь: 134]. Антрополог З. Клей исследовала уровень эмпатии у сирот бонобо после драк и потасовок в колонии. При наблюдении выявилось, что уровень эмпатии у отказников достигает среднего, а выращенные собственными матерями детеныши больше обнимали обеими руками за плечи, нежно прижимали и поглаживали пострадавших. Телесный контакт обладает успокаивающим воздействием и типичен при близких социальных отношениях [Фридман: 244]. Реципрокный альтруизм и эмпатия друг к другу являлись важными в естественном отборе гоминид, так как эгоизм и индивидуальность не способствуют выживанию социального вида с развитым головным мозгом. На эмпатии возникает общество, которое основано на сотрудничестве, где каждый может положиться на окружающих [Боулби: 186].

Практический пример 1. Научными работниками лаборатории физиологии и патологии высшей нервной деятельности проводились наблюдения за тактильными манипуляциями макак (лапундры, резусы, яванские, японские), павианов (анубисы и гамадрилы), мартышек (зеленые, черные мангобеи), цепкохвостых обезьян (капуцины) в Сухумском питомнике обезьян ГНУ «Институт экспериментальной патологии и терапии Академии наук Абхазии». Приматы в количестве 594 особей содержатся в во-

льерах, распределены семьями или большими и маленькими группами. В течение первых дней жизни для детенышей обезьян мать остается центральной фигурой жизни. При любой опасности или отрицательном стимуле самка прижимает к себе малыша либо он крепко обхватывает ее. Наблюдения показали, что тактильная привязанность и ласка между детенышем и самкой позволяют лучше приспособиться к условиям изменяющейся среды, отреагировать на угрозу, способствуют лучшему обучению и развитию. Сотрудничество между взрослыми приматами в группе также базируется на физическом контакте. Прикосновение, прижимание, группирование «тело к телу» выполняют коммуникативную функцию. Способность делиться своими намерениями положительно относиться к соплеменнику позволяет обезьянам использовать тактильные сигналы как передачу эмоциональной информации.

У людей ласковые движения рук и прикосновение к другому человеку являются самым распространенным видом тактильного контакта. Кинесика ласки наблюдается в культуре поведения и в межличностном общении. Сочувствие и симпатия, утешение и одобрение базируются не только на эмоциональной экспрессии. Проявление чувств и эмоций выражаются пантомимикой и физическим сближением тел между субъектами. Археологические раскопки в пещере Ромито (Италия) обнаружили захоронения людей верхнего палеолита. Умерший юноша при жизни страдал акромезалической дисплазией и был погребен с девушкой, которая обнимала и прижималась к нему. Антропологи сделали выводы, что соплеменники относились к молодому человеку терпимо и поддерживали его социальную ценность в племени [Дробышевский: 348]. Положение тел у *sapiens* ромито 1 и ромито 2 является наиболее архаичной позой объятий в антропогенезе.

Физический, подкрепленный положительными эмоциями, контакт берет начало в самом раннем сенситивном периоде жизни новорожденного. Матерям и младенцам не нужно учиться любить друг друга, они привязываются инстинктивно, потому что это прямое выражение генетического наследия нашего вида млекопитающих. Дж. Браун утверждает, что люди, которые больше получают физических и словесных выражений привязанности со стороны близких, пользуются жизненно важным социальным активом, защищающим их от депрессии и невротических расстройств [Браун: 201]. Важным условием развития ребенка является уверенность в поддержке, его активное и доверительное отношение к миру, что позволяет ощущать эмоциональный комфорт. В первый год жизни новорожденного формируется привязанность к матери, ее физическая и психологическая доступность обеспечивают стратегическое

отношение к миру и своему месту в нем. По мнению Н. Бергмана, естественной средой обитания для человеческого младенца является телесный контакт «кожа к коже» [Bergman, Linley: 780]. Здорового ребенка после родов кладут на живот матери, что, по мнению неонатологов, является важным процессом для установления связи и формирования взаимной любви [Сидоров, Чумакова: 97]. Грудное вскармливание после родов играет важную роль в установлении психоэмоциональной связи диады «мать – дитя». Наблюдая за поведением ребенка в процессе кормления, мать учится адекватно распознавать сигналы, подстраиваться и удовлетворять его базовые потребности [Сагитова, Антонова: 63]. Тактильный контакт в виде поглаживаний, прикосновений матери к телу младенца увеличивают уровень плазменного окситоцина [Терещенко, Смольникова: 151]. У ребенка вырабатывается нейропептид бета-эндорфин, который вызывает успокоительный и антистрессовый эффект [Прохорова, Олина: 109]. Медиаторы дофамин, энкефалин поддерживают приятные ощущения от материнских рук [Дубынин: 371].

Практический пример 2. Врачами ГБУЗ АО «Областная детская больница имени Н.Н. Силищевой» была проведена методика тактильного контакта матери с ребенком. Участие принимали пациенты, поступившие на госпитализацию в отделение анестезиологии-реанимации с палатами интенсивной терапии и отделение патологии новорожденных и недоношенных. При поступлении в больницу врачи измеряли вес и рост детей, а также измерение проводилось при выписке, среднее время пребывания пациента было около двух-трех недель. Методика применялась к доношенным и недоношенным детям с перинатальным поражением центральной нервной системы, низкой массой тела, нарушениями жизненно важных функций. На первом этапе матери поглаживали их вертикальными и горизонтальными движениями рук три раза в день по 15–20 минут. На втором этапе законным представителям предлагалось продолжить тактильный контакт дома. Через 30–40 дней после выписки в кабинете катамнеза врач-невролог измерял показатели роста и массы тела. С помощью анкеты тактильного контакта законные представители оценивали эффективность методики. У родителей сложилось мнение, что движения рук вызывали приятные эмоции у детей. Поглаживания воспринимались как комфортные, успокоительные действия, которые положительно влияли на психическое и соматическое здоровье новорожденных.

Депривация материнской заботы и ласки является источником страха у младенца [Коплик, Бахмет: 152]. Разлука с матерью формирует психотравму и хронический стресс. Лишенный контакта ребенок вынужден использовать ресурсы защиты от тревоги и оди-

ночества. А. Стивенс установил, что воспитанники детских домов привязывались к медицинским сестрам, которые обнимали и играли с ними [Стивенс, Прайс: 197]. Исследования Ван дер Колка и его коллег указывают на то, что психотравмирующие события в раннем детском возрасте разрушительно влияют на мозг [Van der Kolk: 406]. Стресс провоцирует изменения в гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковых системах. Клеточные и молекулярные нарушения в развивающемся гиппокампе влияют на нейроповеденческие изменения в онтогенезе [Гуляева: 113]. Страдают префронтальная кора и мозолистое тело головного мозга, связанные с эмоциональной регуляцией. Психологическая травма вызывает усиленное образование синапсов и рост дендритов в базолатеральной миндалине, что влияет на стрессоустойчивость и деформирует эмоциональное реагирование на любое негативное событие в будущем [Сапольски: 356].

При взрослении ребенок сам продуцирует поглаживания и прикасания к любому приятному одушевленному/неодушевленному объекту. Из нашего клинического опыта, дошкольники активно дотрагиваются двумя ладонями до щек матери и вытягивают губы в поцелуе, что является гомологичным паттерном человекообразных обезьян при проявлении любви друг к другу. Дети школьного и раннего подросткового возраста при стрессе и волнении начинают смещаться на собственное тело, жестикулируют менее выразительно. При волнении продуцируют горизонтальные и вертикальные движения руками, кладут ладони на открытые участки тела, совершают потирающие круговые движения. У взрослых и старших подростков эти моторные акты маскируются и смещаются до жестов-адапторов.

Поглаживания, прикасание к собственному телу бессознательно воспроизводят тактильные манипуляции рук матери по коже новорожденного. При страхе разоблачения человек бессознательно продуцирует эти движения, чтобы снизить или нейтрализовать стрессовое состояние.

Цель работы – дифференцированное исследование жестов-адапторов при умышленном сокрытии информации у причастных к преступлению лиц на контрольных вопросах структурированной опросной беседы.

Методика проведения исследования. В исследовании использовались методы верификации (безынструментальной детекции лжи):

1. Структурированная опросная беседа состояла из нейтральных, контрольных и проективных вопросов [Лукин: 36].

Примерный перечень контрольных вопросов для опрашиваемых лиц:

– Вы дотрагивались до половых органов несовершеннолетнего?

– У Вас возникало сексуальное влечение к несовершеннолетнему?

– У Вас были сексуальные отношения с несовершеннолетним?

– Вы вступали в интимные отношения с ребенком?

2. Исследования пантомимики с помощью метода наблюдения.

3. Исследования лицевого поведения с помощью методики «Системы кодирования лицевых движений FACS» (Facial Action Coding System – это система классификации выражений лица человека (микровыражений)) [Ekman, Friesen 2002: 276].

4. Аудиальный анализ вербальной продукции. Ложь вербализируется тремя речевыми формами искажения информации: умолчание, искажение, обобщение [Тарасов: 190].

5. Исследование реакций визуального стресса во внешнем рисунке поведения с помощью метода наблюдения.

Результаты исследования. Исследование проводилось у взрослых респондентов от 18 до 65 лет. Экспериментальная группа состояла из 20 причастных лиц, контрольная группа – из 20 не причастных к преступлению лиц.

Данные по вербальному/невербальному поведению экспериментальной и контрольной групп представлены в таблице 1.

В опросной беседе во внешнем рисунке поведения у всех респондентов экспериментальной группы отмечались маркеры стресса. Физиологические изменения появлялись как единично, так и чередовались друг с другом. Ксеростомия на контрольных вопросах наблюдалась в виде дескрипторов, облизываний губ, прокашливаний, слатываний слюны – 80 %. Причастные лица демонстрировали изменение дыхания в 45 % случаях: неровное, неглубокое дыхание, гипервздохи/гипервыдохи. Физиологическая реакция замирания в виде ТОЗ (точки ориентировочного замирания) длительностью до 5 секунд перед ответами и паузы hesitation (нефонологические вокальные образования) появлялись у 65 % респондентов на отрицательный стимул. Нарушение терморегуляции в виде гипергидроза ладоней, оттягивания одежды, обмахивания себя, вытирания рук обнаружено 55 % в экспериментальной группе. При этом исследуемые оправдывались фразами: «плохо проветривается помещение», «душно», «жарко». Побледнение кожных покровов, красные неровные пятна во время стресса наблюдались у 35 % испытуемых. Не причастные лица испытывали стресс в начале беседы при формировании раппорта, на контрольных вопросах срабатывал механизм адаптации к проверке. Показатели стресса были единичными при ответе на один контрольный вопрос. На проверочных темах через серию нейтральных вопросов психоэмоциональное напряжение исчезало, стрессовые реакции отсутствовали.

Вербальное и невербальное поведение на контрольных вопросах у опрошиваемых лиц

Вербальное и невербальное поведение	Экспериментальная группа	Контрольная группа
<i>Маркеры физиологического стресса во внешнем рисунке поведения:</i>		
ксеростемия	80 %	–
изменение дыхания	45 %	5 %
замирание	65 %	10 %
терморегуляция	55 %	–
побледнение лица	35 %	–
<i>Аудиальные маркеры:</i>		
обобщение	55 %	–
искажение	45 %	–
<i>Мимические маркеры:</i>		
легкое	45 %	5 %
умеренное	35 %	–
выраженное	15 %	–
«рокет face»	5 %	–
другие микровыражения	–	95 %
<i>Пантомимические маркеры:</i>		
иллюстраторы, эмблемы	10 %	95 %
адаптивные жесты	100 %	–
ресурсные жесты	95 %	15 %
поглаживания	40 %	5 %
прикосновения	30 %	5 %

Вербальная продукция причастных лиц содержит обобщающие и искажающие конструкции речи. Умолчания как формы лжи не присутствовало, все опрошиваемые лица формулировали ответы на контрольные вопросы. Обобщение вербализировалось с помощью неконкретных существительных, местоимений, глаголов и универсальных количественных числительных и отмечалось в 55 % случаев. Искажение содержало такие формы обмана, как «атака вопросами», «эмфазы», «давление на жалость», «философский ответ», «комплименты», «амнезия» и прочее. Всего «речевые увертки» выявлены у 45 % обследуемых лиц. Продукция речевой деятельности непричастных лиц меньше детализировалась, содержала модальные слова, обозначающие возможность, имела меньший объем, содержала больше лексики, относящейся к кинестетике и визуальному каналу восприятия действительности. Респонденты излагали жесткие и обвинительные формулировки в отношении расследуемых событий. Умышленного сокрытия информации в контрольной группе выявлено не было.

На отрицательный стимул у всех испытуемых диагностирована эмоция страха. На контрольных вопросах мимическая лицевая активность чередовалась легкими – 45 %, умеренными – 35 %, выраженными – 15 % микровыражениями по FACS. Непроницаемое выражение лица, или «rocket face», зафиксировано в одном случае, на остальных вопросах у субъекта ис-

следования наблюдался страх. В контрольной группе в основном фиксировались микровыражения удивления и гнева – 95 %. 5 % испытуемых продемонстрировали эмоцию страха на первом контрольном вопросе. С помощью дополнительных вопросов выяснилось, что у респондента имеется психотравмирующий опыт с сексуальным насилием в детстве, на остальных вопросах фиксировались мимические выражения удивления и печали по FACS.

Полного отсутствия кинесики на контрольных вопросах у опрошиваемых лиц не было. Адаптирующие движения (рес-жесты, жесты закрытия) отмечены в 100 % случаях. Ресурсная пантомимика (транс-жесты, жесты-манипуляторы, жесты самоочищения, груминг, жесты-адапторы) появилась у 95 % испытуемых. Моторные акты возникали совместно либо следовали друг за другом. Иллюстрирующие жесты у причастных лиц практически отсутствовали. Эмблемы «да», «нет», «не знаю» являлись неполными, незавершенными. Причастные лица активно продуцировали жесты-адапторы: самопоглаживание, прикосновение к телу. При искажении информации наблюдалось 40 % горизонтальных и вертикальных поглаживаний и 30 % прикосновений к себе. Непричастные лица демонстрировали ресурсную кинесику в начале беседы при повышенном уровне стресса. При сформированном раппорте на контрольных вопросах у них наблюдались жесты-иллюстраторы и полные жесты-эмбле-

мы, которые сопровождали вербальную продукцию в 95 % случаях. Единичные жесты-адапторы обнаружены у одного испытуемого с психотравмой. Трое респондентов на отдельных контрольных вопросах демонстрировали трансовые покачивания телом и ногами и цепляние за одежду. На проверочных вопросах после серии нейтральных вопросов ресурсной жестикуляции зафиксировано не было.

Обсуждение результатов. В межличностном общении коммуникаторы обращают внимание на речь, игнорируют или не передают значение пантомимике. Речь играет более важную роль в обмене информацией, чем поведенческие проявления. В диагностике обмана невербальное поведение является важным маркером искренности/неискренности субъекта. Жесты, в отличие от речевой продукции контролировать и фальсифицировать сложнее. Телодвижения являются универсальной и интернациональной моторной продукцией всех расовых групп и этносов.

Изучение невербального поведения при умышленном сокрытии информации испытуемых показало, что в состоянии стресса и страха разоблачения все испытуемые экспериментальной группы демонстрировали маркеры визуального стресса, испытывали страх, искажали и обобщали речевую продукцию. В пантомимике причастных лиц появлялись физиологические реакции на угрозу «замри» и «бегги» – на отрицательный стимул. Иллюстраторы и эмблемы, которые сопровождают речь, резко снижались, амплитуда, сила и траектория движений изменялась. Ресурсная жестикуляция сопровождала ответы причастных лиц, они раскачивали корпус тела, отряхивали «невидимую пыль» с одежды, цеплялись за украшения, одежду и предметы либо демонстрировали груминг. Жесты-адапторы продуцировались участниками опросной беседы в 70 % случаев.

Заключение. Сравнительный анализ пантомимической продукции на контрольных вопросах причастных и непричастных к преступлению лиц показал различие кинесики в группах. У непричастных респондентов быстро формировался раппорт, снижалось эмоциональное напряжение, срабатывал механизм психологической адаптации к проверке. Причастные лица диссоциировались от контрольных тем, у них возрастал уровень физиологического стресса, возникали вербальные и невербальные «утечки» информации. Жесты-адапторы, которые возникали у респондентов экспериментальной группы, были направлены на восстановление психического гомеостаза и саморегуляцию нервно-психического напряжения. Причастные лица бессознательно воспроизводили телодвижения (смещенные формы) тактильного контакта матери и ребенка.

Предложенный анализ и классификация невербального поведения рекомендуется специалистам

психологам правоохранительных и надзорных органов, полиграфологам.

Список литературы

- Авимова К.П., Сандаков Д.Б.* Влияние стереотипных форм активности на параметры поведения мышей в стандартных поведенческих тестах // Журнал Белорусского государственного университета. Биология. 2021. № 3. С. 47–58. <https://doi.org/10.33581/2521-1722-2021-3-47-58>
- Боулби Дж.* Привязанность. Москва: Гардарики, 2003. 477 с.
- Браун Дж., Кристенсен Д.* Теория и практика семейной психотерапии. Санкт-Петербург: Питер, 2001. 352 с.
- Гончаренко Е.В., Аргун С.Ф., Тайсаева С.Б., Джокуа А.А., Полякова Е.В., Стус Е.А.* Жесты закрытия в психологической практике и безынструментальной детекции лжи // Евразийский юридический журнал. 2022. № 11. С. 351–353. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2022-11-174-351-353>
- Гончаренко Е.В., Миквабия З.Я., Аргун С.Ф., Тайсаева С.Б., Джокуа А.А., Полякова Е.В., Молев Д.А.* Генезис и психологическая роль жестов самоочищения и груминга в пантомимической продукции человека // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2022. Т. 28, № 4. С. 44–51. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2022-28-4-44-51>
- Гончаренко Е.В., Тайсаева С.Б., Полякова Е.В.* Res-жесты в пантомимике лиц, скрывающих правду // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Педагогика, психология. 2022а. № 3 (50). С. 61–68. <https://doi.org/10.18323/2221-5662-2022-3-61-68>
- Гончаренко Е.В., Тайсаева С.Б., Полякова Е.В.* Транс-жесты в пантомимике жертв сексуального насилия и причастных лиц // Казанский педагогический журнал. 2022б. № 3. С. 257–261. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.153.3.033>
- Гудолл Д.* В тени человека. Москва: Колибри: Азбука-Аттикус, 2020. 320 с.
- Гуляева Н.В.* Нейрохимия стресса: химия стрессреактивности и чувствительности к стрессу // Нейрохимия. 2018. Т. 35, № 2. С. 111–114. <https://doi.org/10.7868/S1027813318020012>
- Де Валь Ф.* Политика у шимпанзе. Власть и секс приматов. Москва: Высшая школа экономики, 2022. 272 с.
- Дробышевский С.* Достающее звено. Кн. 2. Люди. Москва: Аст: CORPUS, 2023. 592 с.
- Дубынин В.А.* Мозг и его потребности: от питания до признания. Москва: Альпина нон-фикшн, 2022. 572 с.
- Зыков А.А., Васильева А.Е., Давыдова Е.Ю.* Методологическая разработка содержания и оценки

влияния курса «Адаптивное плавание с дельфинами» на детей с РАС // Аутизм и нарушения развития. 2021. Т. 19, № 4. С. 40–49. <https://doi.org/10.17759/autdd.2021190405>

Коплик Е.В., Бахмет А.А., Ключева Л.А., Ключкова С.В. Участие базолатеральных отделов миндалины мозга в механизмах устойчивости крыс к эмоциональному стрессу: роль олигопептидов // Нейрохимия. 2019. Т. 36, № 2. С. 149–154. <https://doi.org/10.1134/S1027813319020043>

Ладыгина-Котс Н.Н. Дитя шимпанзе и дитя человека. Москва: Государственный дарвинский музей, 1935. 798 с.

Лукин А.В. Психология эффективного полицейского допроса: практическое пособие по опросу подозреваемого. Ярославль: ИПК «Индиго»: Центр детекции лжи Sekretov.NET, 2019. 186 с.

Прохорова О.В., Олина А.А., Толибова Г.Х., Траль Т.Г. Окситоцин: физиологические и патопсихологические детерминанты (обзор литературы) // Журнал акушерства и женских болезней. 2021. Т. 70, № 6. С. 105–116. <https://doi.org/10.17816/JOWD63825>

Романова Н.М., Кузнецова Е.А. Основы психологии лжи и полиграфологии. Саратов: Наука, 2017. 116 с.

Сагитова Г.Р., Антонова А.А., Давыдова О.В., Середя В.М., Шульдайс В.А., Ключева Н.В. Естественное вскармливание детей первого года жизни // Астраханский медицинский журнал. 2022. Т. 17, № 3. С. 60–65. <https://doi.org/10.48612/agmu/2022.17.3.60.65>

Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. Москва: Альпина нон-фикшн, 2021. 776 с.

Сидоров П.И., Чумакова Г.Н., Щукина Е.Г. Перинатальная психология. Санкт-Петербург: СпецЛит, 2022. 159 с.

Ситковская О.Д., Андрианов М.С., Кроз М.В., Растинова Н.А. Криминальная психология. Москва: Проспект, 2021. 144 с.

Стивенс Э., Прайс Дж. Эволюционная психиатрия: новое начинание. Москва: Касталия, 2022. 338 с.

Тарасов А.Н. Теоретико-множественный анализ экстремальных результатов феноменологии лжи // Вестник университета. 2018. № 6. С. 188–192. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-6-188-192>

Тереженко С.Ю., Смольникова М.В. Окситоцин – нейрого르몬 доверия и эмоциональной привязанности: влияние на поведение у детей и подростков // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2019. Т. 119, № 12. С. 148–153. <https://doi.org/10.17116/jnevro2019119121148>

Фридман Э. Моя энциклопедия приматов. Москва: Бослен, 2009. 352 с.

Bergman N.J., Linley L.L., Fawcus S.R. Randomized controlled trial of skin-to-skin contact from birth versus conventional incubator for physiological stabili-

zation in 1200- to 2199-gram newborns. *Acta Paediatrica*, 2004, vol. 93 (6), pp. 779–785. <https://doi.org/10.1111/j.1651-2227.2004.tb03018.x>

Ekman P., Friesen W.V. The repertoire of nonverbal behavior: categories, origins, usage and coding. *Semiotica*, 1969, vol. 1, pp. 49–98. <https://doi.org/10.1515/SEMI.1969.1.1.49>

Ekman P., Friesen W.V., Hager J.C. *Facial Action Coding System*, 2th ed. Salt Lake City, Research Nexus eBook, 2002, 527 p.

Van der Kolk B.A. Developmental trauma disorder: Toward a rational diagnosis for children with complex trauma histories. *Psychiatric Annals*, 2005, vol. 35, No. 5, pp. 401–408. <https://doi.org/10.3928/00485713-20050501-06>

References

Avimova K.P., Sandakov D.B. *Vliyaniye stereotipnykh form aktivnosti na parametry povedeniya myshey v standartnykh povedencheskikh testakh* [Influence of stereotyped forms of activity on behavioral parameters of mice in standard behavioral tests]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya* [Journal of the Belarusian State University. Biology], 2021, No. 3, pp. 47–58. <https://doi.org/10.33581/2521-1722-2021-3-47-58>. (In Russ.)

Bowlby J. *Privyazannost'* [Attachment]. Moscow, Gardariki Publ., 2003, 477 p. (In Russ.)

Brown J., Christensen D. *Teoriya i praktika semeynoy psikhoterapii* [Theory and practice of family psychotherapy]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001, 352 p. (In Russ.)

Goncharenko E.V., Argun S.F., Taisaeva S.B., Jokua A.A., Polyakova E.V., Stus E.A. *Zhesty zakrytiya v psikhologicheskoy praktike i bezynstrumental'noy detektsii lzhi* [Closing gestures in psychological practice and non-instrumental lie detection]. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurna* [Eurasian legal journal], 2022, No. 11, pp. 351–353. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2022-11-174-351-353>. (In Russ.)

Goncharenko E.V., Mikvabiya Z.Ya., Argun S.F., Taisaeva S.B., Jokua A.A., Polyakova E.V., Molev D.A. *Genezis i psikhologicheskaya rol' zhestov samoochishcheniya i gruminga v pantomimicheskoy produktsii cheloveka* [Genesis and psychological role of self-cleansing and grooming gestures in human pantomimic production]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Bulletin of the Kostroma State University. Ser.: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2022a, vol. 28, No. 4, pp. 44–51. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2022-28-4-44-51>. (In Russ.)

Goncharenko E. V., Taisaeva S.B., Polyakova E.V. *Pes-zhesty v pantomimike lits, skryvayushchikh pravdu* [Pes-gestures in pantomime of persons hiding the truth]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo*

universiteta. Ser.: *Pedagogika, psikhologiya* [Vector of Science of Togliatti State University. Ser.: Pedagogy, psychology], 2022, No. 3 (50), pp. 61-68. <https://doi.org/10.18323/2221-5662-2022-3-61-68>. (In Russ.)

Goncharenko E.V., Taysaeva S.B., Polyakova E.V. *Trans-zhesty v pantomi-mike zhertv seksual'nogo nasiliya i prichastnykh lits* [Trans-gestures in the pantomime of victims of sexual violence and those involved]. *Kazanskiy pedagogicheskii zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal], 2022b, No. 3, pp. 257-261. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.153.3.033>. (In Russ.)

Goodall D. *V teni cheloveka* [In the shadow of man]. Moscow, Hummingbird Publ., Azbuka-Atticus Publ., 2020, 320 p. (In Russ.)

Gulyaeva N.V. *Eyrokhiimiya stressa: khimiya stress-reaktivnosti i chuvstvi-tel'nosti k stress* [Neurochemistry of stress: chemistry of stress reactivity and sensitivity to stress] *Neyrokhiimiya* [Neurochemistry], 2018, vol. 35, No. 2, pp. 111-114. <https://doi.org/10.7868/S1027813318020012>. (In Russ.)

De Wahl F. *Politika u shimpanze. Vlast' i seks primatov* [Chimpanzee Politics. Power and sex in primates]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2022, 272 p. (In Russ.)

Drobyshevsky S. *Dostayushcheye zveno. Kniga vtoraya: lyudi* [Retrieving link. Book two: people]. Moscow, Ast Publ., Corpus Publ., 2023, 592 p. (In Russ.)

Dubynin V.A. *Mozg i yego potrebnosti: ot pitaniya do priznaniya* [The brain and its needs: from nutrition to recognition]. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2022, 572 p. (In Russ.)

Friedman E. *Moya entsiklopediya primatov* [My Encyclopedia of Primates]. Moscow, Boslen Publ., 2009, 352 p. (In Russ.)

Koplik E.V., Bakhmet A.A., Klyueva L.A., Klochko S.V. *Uchastiye bazola-teral'nykh otdelov mindaliny mozga v mekhanizmax ustoychivosti krysa k emotsional'nomu stressu: rol' oligopeptidov* [Participation of the basolateral parts of the amygdala of the brain in the mechanisms of resistance of rats to emotional stress: the role of oligopeptides]. *Neyrokhiimiya* [Neurochemistry], 2019, vol. 36, No. 2, pp. 149-154. <https://doi.org/10.1134/S1027813319020043>. (In Russ.)

Ladygina-Kots N.N. *Ditya shimpanze i ditya cheloveka*. [Chimpanzee baby and human baby]. Moscow, State Darwin Museum Publ., 1935, 798 p. (In Russ.)

Lukin A.V. *Psikhologiya effektivnogo politseyskogo doprosa. Prakticheskiye posobiye po oprosu podozrevayemogo* [Psychology of effective police interrogation. A practical guide to interviewing a suspect]. Yaroslavl, IPK "Indigo", Lie detection center Sekretov. NET Publ., 2019, 186 p. (In Russ.)

Prokhorova O.V., Olina A.A., Tolibova G.Kh., Tral T.G. *Oksitotsin: fi-ziologicheskkiye i patopsikhologicheskkiye determinanty (obzor literatury)* [Oxytocin: physiological and

pathopsychological determinants (literature review)]. *Zhurnal akusherstva i zhenskikh bolezney* [Journal of Obstetrics and Women's Diseases], 2021, vol. 70, No. 6, pp. 105-116. <https://doi.org/10.17816/JOWD63825>. (In Russ.)

Romanova N.M., Kuznetsova E.A. *Osnovy psikhologii lzhi i poligrafo-logii* [Fundamentals of the psychology of lies and polygraphology]. Saratov, Nauka, 2017, 116 p. (In Russ.)

Sagitova G.R., Antonova A.A., Davydova O.V., Sereda V.M., Shuldais V.A., Klyueva N.V. *Yestestvennoye vskarmlivaniye detey pervogo goda zhizni* [Natural feeding of children of the first year of life]. *Astrakhan'skiy meditsinskiy zhurnal* [Astrakhan Medical Journal], 2022, vol. 17, No. 3, pp. 60-65. <https://doi.org/10.48612/agmu/2022.17.3.60.65>. (In Russ.)

Sapolsky R. *Biologiya dobra i zla. Kak nauka ob'yasnyayet nashi postupki* [Biology of Good and Evil. How science explains our actions]. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2021, 776 p. (In Russ.)

Sitkovskaya O.D., Andrianov M.S., Kroz M.V., Ratinova N.A. *Kriminal'naya psikhologiya* [Criminal psychology]. Moscow, Prospekt Publ., 2021, 144 p. (In Russ.)

Stevens E., Price J. *Evolyutsionnaya psixhiatriya: novoye nachinaniye* [Evolutionary Psychiatry: A New Beginning]. Moscow, Kastalia Publ., 2022, 338 p. (In Russ.)

Tarasov A.N. *Teoretiko-mnozhestvennyy analiz ekstremal'nykh rezul'tatov fenomenologii lzhi* [Set-theoretic analysis of extremal results of the phenomenology of lies]. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University], 2018, No. 6, pp. 188-192. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-6-188-192>. (In Russ.)

Tereshchenko S.Yu., Smolnikova M.V. *Oksitotsin – neyrogormon doveriya i emotsional'noy privyazannosti: vliyaniye na povedeniye u detey i podrostkov* [Oxytocin is a neurohormone of trust and emotional attachment: influence on behavior in children and adolescents]. *Zhurnal nevrologii i psixhiatrii im. C.C. Korsakova* [Journal of Neurology and Psychiatry named after C.C. Korsakov], 2019, vol. 119, No. 12, pp. 148-153. <https://doi.org/10.17116/jnevro2019119121148>. (In Russ.)

Zykov A.A., Vasilyeva A.E., Davydova E.Yu. *Metodologicheskaya razra-botka sodержaniya i otsenki vliyaniya kursa «Adaptivnoye plavaniye s del'fina-mi» na detey s RAS* [Methodological development of the content and evaluation of the impact of the course "Adaptive swimming with dolphins" on children with ASD]. *Autizm i narusheniya razvitiya* [Autism and developmental disorders], 2021, vol. 19, No. 4, pp. 40-49. <https://doi.org/10.17759/autdd.2021190405>. (In Russ.)

Bergman N.J., Linley L.L., Fawcus S.R. Randomized controlled trial of skin-to-skin contact from birth versus conventional incubator for physiological stabilization in 1200- to 2199-gram newborns. *Acta Paediatrica*, 2004, vol. 93 (6), pp. 779-785. <https://doi.org/10.1111/j.1651-2227.2004.tb03018.x>

Ekman P., Friesen W.V. The repertoire of nonverbal behavior: categories, origins, usage and coding. *Semiotica*, 1969, vol. 1, pp. 49-98. <https://doi.org/10.1515/SEMI.1969.1.1.49>.

Ekman P., Friesen W.V., Hager J.C. *Facial Action Coding System*, 2th ed. Salt Lake City, Research Nexus eBook Publ., 2002, 527 p.

Van der Kolk B.A. *Developmental trauma disorder: Toward a rational diagnosis for children with com-*

plex trauma histories. *Psychiatric Annals*, 2005, vol. 35, No. 5, pp. 401-408. <https://doi.org/10.3928/00485713-20050501-06>

Статья поступила в редакцию 02.05.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 24.05.2023.

The article was submitted 02.05.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 24.05.2023.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, СОЗДАННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Титов Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, Ульяновск, Россия, s.n.titov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-5855-673X>

Аннотация. Статья посвящена вопросам уголовно-правовой охраны объектов, созданных искусственным интеллектом.

В настоящее время наблюдается законодательный вакуум как в регулировании деятельности искусственного интеллекта в целом, так и в вопросах уголовной ответственности за использование указанных объектов. Автором выделяется два аспекта обозначенной проблемы. Во-первых, необходимо решение относительно возможности признания алгоритма автором создаваемого им произведения и, соответственно, закрепления авторских прав на этот объект. Во-вторых, требуется исследование особенностей объективных и субъективных признаков преступных деяний в отношении таких произведений. Рассматривая проблему в контексте теории интеллектуальной собственности и социальной обусловленности уголовно-правовой охраны объектов интеллектуальной собственности, автор приходит к выводу о том, что в настоящее время не имеется оснований для признания систем искусственного интеллекта авторами произведений. Однако исключительные права на такие объекты должны принадлежать правообладателям алгоритмов. Соответственно, такие результаты работы искусственного интеллекта могут признаваться предметом преступлений против интеллектуальной собственности. Основываясь на такой позиции, автор описывает особенности уголовно-правовой характеристики преступлений против объектов, созданных искусственным интеллектом, и определяет эти преступления как совершаемые с прямым умыслом в крупном размере незаконное использование объекта интеллектуальной собственности либо разглашение сущности объекта промышленной собственности, созданных с использованием информационных технологий и технологии искусственного интеллекта.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, авторские права, результаты интеллектуальной деятельности, уголовная ответственность.

Для цитирования: Титов С.Е. Уголовно-правовая оценка посягательств на объекты интеллектуальной собственности, созданные с использованием технологии искусственного интеллекта // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 205–211. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-205-211>

Research Article

CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT OF INFRINGEMENT ON INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS CREATED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY

Sergey N. Titov, Candidate of Jural Sciences, Ulyanovsk State Pedagogic University, Ulyanovsk, Russia, s.n.titov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-5855-673X>

Abstract. The article is devoted to the issues of criminal law protection of objects created by artificial intelligence. Currently, there is a legislative vacuum both in regulating the activities of artificial intelligence in general, and in matters of criminal liability for the use of these objects. The author highlights two aspects of the designated problem. First, a decision is needed regarding the possibility of recognising the algorithm as the author of the work it creates and, accordingly, fixing the copyright on this object. Secondly, it is required to study the features of objective and subjective signs of criminal acts in relation to such works. Considering the problem in the context of the theory of intellectual property and the social conditionality of the criminal law protection of intellectual property objects, the author comes to the conclusion that at present there are no grounds for recognising artificial intelligence systems as authors of works. However, the exclusive rights to such objects should belong to the owners of the algorithms. Accordingly, such results of the work of artificial intelligence can be recognised as the subject of crimes against intellectual property. Based on this position, the author

describes the features of the criminal law characteristics of crimes against objects created by artificial intelligence, and defines these crimes as committed with direct intent on a large scale, illegal use of an intellectual property object or disclosure of the essence of an industrial property object created using information technologies and artificial intelligence technologies.

Keywords: intellectual property, artificial intelligence, copyright, results of intellectual activity, criminal liability.

For citation: Titov S.N. Criminal legal assessment of infringement on intellectual property objects created using artificial intelligence technology. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 205–211. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-205-211>

В настоящее время законодательство не предусматривает возможности признания автором произведения кого-либо и чего-либо, кроме человека (ст. 1228, 1257 ГК РФ). Произведение создается творческим трудом, на который способен только человек. Последний может использовать любые инструменты, в том числе программные продукты, но исходного правила это не меняет.

Подобный подход характерен не только для отечественного права, но и для зарубежного. В законах по-разному сформулированы требования к произведениям, которым предоставляется правовая охрана: в Германии это личный характер¹, в Испании оригинальность², в Италии творческий характер³ и т. п. Но объединяет эти требования относимость результата творчества к человеку.

Подтверждение данной позиции находим и в судебной практике – как российской, так и зарубежной⁴.

Между тем системы искусственного интеллекта в настоящее время развиваются стремительно. Можно сказать, что они становятся одним из направлений работы, определяющих успех экономики. Об этом говорят и правительственные документы, прямо указывающие на приоритетную задачу стимулирования разработки и внедрения систем искусственного интеллекта, которые могут способствовать экономическому росту и повышению благосостояния граждан⁵.

Сегодня алгоритмы проявляют себя в разных сферах – на транспорте, в обработке информации, в играх и проч. Значительными являются их результаты в области создания изображений, музыки, видео – в том, что среди людей называется творчеством или искусством. Создаваемые роботами объекты в настоящее время имеют настолько высокое качество, что порой отличить их от созданных людьми не под силу даже профессионалам [Ruiperez et al.: 296; Kaur: 47; Ginsburg: 135].

В связи с этим нельзя считать приемлемой ситуацию законодательного вакуума – в области искусственного интеллекта в целом и в сфере производимых им объектов в частности. Игнорировать это сложно и опасно, что признается и на правительственном⁶, и на международном⁷ уровнях.

В связи с этим все большую злободневность приобретает вопрос о правовом режиме объектов, соз-

даваемых системами искусственного интеллекта без прямого вмешательства человека.

Мы не будем подробно описывать существующие в науке предложения на этот счет. Кратко отметим, что они весьма разнообразны и сводятся к отрицанию возможности правовой охраны этих объектов [Legal regime: 328], признанию их общественным достоянием [Yu: 1265], собственностью общества и государства [Yanisky-Ravid, Shlomit et al.: 2232], объектами смежных прав [Савина: 316] или служебными произведениями [Bridy: 27].

Представляется, что данный вопрос должен быть рассмотрен в контексте теории интеллектуальной собственности в целом. Пожалуй, наиболее распространенная в настоящее время из таких теорий – утилитарная. Суть ее заключается в том, что правовая охрана результатов творческого труда должна быть выстроена таким образом, чтобы обеспечить наибольшую пользу для наибольшего числа людей [Margot E. Kaminski et al.: 255, 259, 265].

Если представить ситуацию в самом общем виде, получится следующая картина. Результаты творчества способны удовлетворить духовные потребности людей и развитие инновации, производства, экономики. В связи с этим общество заинтересовано в открытости и общедоступности этих результатов, в их свободном использовании. Автор же или иной правообладатель заинтересован в продаже своих трудов и получении прибыли. Отсутствие системы патентования и запретов на свободное использование объектов интеллектуальной собственности лишит авторов их интереса и в итоге пострадает вся система инноваций, а значит, и общество в целом.

Идея заключается в компромиссе – общество получает произведения и изобретения, но на условиях, стимулирующих авторов к их созданию.

Следует сформировать такую иерархию приоритетов в сфере социальной политики, которая способствовала бы сохранению существующей системы авторского права и ставила бы во главу угла интересы человеческого творчества, прежде всего, рассчитывая на поощрение инноваций в сфере искусственного интеллекта для усиления человеческих возможностей [Оморев: 47].

Охрана произведений, созданных искусственным интеллектом, соответствует обозначенным в настоя-

щей работе факторам социальной обусловленности уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности, поскольку эти произведения:

– символизируют переход к информационному обществу, цифровой экономике и возрастанию роли интеллектуальной собственности в мировой и национальной экономиках (социально-экономический фактор);

– соответствуют тенденции расширения круга провозглашаемых прав на результаты интеллектуальной деятельности по мере развития промышленного производства, торговли и экономики в целом (исторический фактор);

– способствуют достижению целей развития цифровой экономики и обеспечения национальной интеллектуальной безопасности государства, закрепленных в документах стратегического планирования (политический фактор);

– являются воплощением технологического фактора, который и заключается в приобретении объектами, созданными искусственным интеллектом, характеристик интеллектуальной собственности и социально-экономического значения, предполагающие их правовую охрану.

В свете сказанного наиболее рациональным, социально обусловленным решением представляется не признавать системы искусственного интеллекта авторами произведений, но закреплять исключительные права на последние. Обладателями этих исключительных прав следует признавать правообладателей систем искусственного интеллекта, производящих эти объекты. При такой конструкции понятным становится предмет преступления для целей судопроизводства.

Приступая к характеристике особенностей объективных признаков преступлений, посягающих на объекты интеллектуальной собственности, созданные с использованием информационных технологий и технологии искусственного интеллекта, приведем варианты описания преступного деяния в преступлениях против интеллектуальной собственности:

1) присвоение авторства (ч. 1 ст. 146, ч. 1 ст. 147 УК РФ);

2) принуждение к соавторству (ч. 1 ст. 147 УК РФ);

3) незаконное использование объекта интеллектуальной собственности (ч. 2 ст. 146, ч. 1 ст. 147, ч. 1 и ч. 2 ст. 180, ч. 2 ст. 183 УК РФ);

4) приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров объектов интеллектуальной собственности (ч. 2 ст. 146 УК РФ);

5) разглашение сущности объекта промышленной собственности (ч. 1 ст. 147 УК РФ);

6) незаконное собирание сведений, составляющих коммерческую тайну (ч. 1 ст. 183 УК РФ);

7) незаконное разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну (ч. 2 ст. 183 УК РФ).

Первые два деяния представляют собой незаконные действия, направленные на авторство. В случае с традиционными объектами интеллектуальной собственности они заключаются в объявлении преступником себя автором результата интеллектуальной деятельности вопреки воле автора либо в насильственных или иных подобных действиях, направленных на преодоление воли автора для включения преступника или иного лица в число авторов такого результата.

В любом случае такое деяние предполагает наличие автора произведения и наличие у этого автора связи со своим произведением в виде авторства, на которое и посягает преступник.

Особенностью такого деяния в отношении произведений, созданных искусственным интеллектом, заключается в том, что последние не имеют автора в традиционном понимании. В связи с этим требует отдельного рассмотрения вопрос о возможности плагиата в отношении таких произведений.

Присвоение авторства в данном случае может заключаться в объявлении виновным себя автором произведения, в действительности не имеющего автора, а созданного юнитом искусственного интеллекта.

Для решения вопроса о целесообразности криминализации данного деяния обратимся к структуре объекта преступлений против интеллектуальной собственности.

Объект преступного присвоения авторства представляет собой общественные отношения, предметом которых выступает интерес правообладателя, в данном случае автора. Этим предметом является именно авторство. В его нарушении заключается общественная опасность плагиата.

Разумеется, присвоение авторства в отношении произведений, созданных искусственным интеллектом, способно нести вредные последствия. Оно открывает прямую дорогу к получению необоснованной финансовой выгоды, приводит к обману потребителей и т. д. Однако все эти последствия являются, во-первых, вероятными и могут не наступить, а во-вторых, для причинения прямого ущерба кому бы то ни было требуются дополнительные действия.

В свете сказанного присвоение авторства в отношении произведений, созданных юнитами искусственного интеллекта, не несет общественной опасности и по этой причине не подлежит криминализации.

Следующий вид незаконных действий в отношении интеллектуальной собственности – незаконное использование. Пункт 1 ст. 1229 ГК РФ закрепляет право автора или иного правообладателя использовать объект интеллектуальной собственности любым не запрещенным законом способом. Иными словами, использование предполагает любые возможные

действия при условии, что они прямо не запрещены законом. Пленум Верховного суда Российской Федерации отмечает, что такими действиями могут являться совершаемые без согласия автора или обладателя смежных прав воспроизведение (изготовление одного или нескольких экземпляров произведения либо его части в любой материальной форме, в том числе запись произведения или фонограммы в память ЭВМ, на жесткий диск компьютера), продажа, сдача в прокат экземпляров произведений или фонограмм, публичный показ или публичное исполнение произведения, обнародование произведений, фонограмм, исполнений, постановок для всеобщего сведения посредством их передачи по радио или телевидению (передача в эфир), распространение в сети Интернет, перевод произведения, его переработка, переработка фонограммы, модификация программы для ЭВМ или базы данных, а также иные действия, совершенные без оформления в соответствии с законом договора либо соглашения⁸.

Право автора или иного правообладателя использовать объект по своему усмотрению любым законным способом представляет собой исключительное право. Именно оно становится объектом посягательства и разрушительного воздействия преступления. В рамках описанной нами концепции на объекты, созданные искусственным интеллектом, устанавливаются исключительные права. Только обладателем их становится не искусственный интеллект, а человек или юридическое лицо. В плане перечня правомочий, правовой природы, наполнения этих прав, возможных действий в отношении объекта эти исключительные права не отличаются от тех, что установлены в отношении традиционных, созданных творческой деятельностью человека объектов.

В связи с этим незаконное использование – это первый вариант преступных деяний в отношении объектов, созданных искусственным интеллектом. Он представляет собой активные поведенческие акты, то есть действия, заключающиеся в использовании таких объектов любым способом без согласия правообладателя.

Разглашение сущности объекта промышленной собственности (изобретения, полезной модели, промышленного образца), согласно п. 12 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14, предполагает предание сведений об этих объектах огласке любым способом (например, путем публикации основных конструктивных положений изобретения в средствах массовой информации, передачи другому лицу формулы полезной модели посредством телефонной связи).

Патентование (регистрация) объектов промышленной собственности имеет своей целью монополизацию их использования правообладателем. Однако эта монополизация возможна исключительно

при условии выполнения автором соответствующих процедур регистрации. Предание огласке сущности этих объектов ставит под угрозу возможность регистрации и получения автором ожидаемого экономического эффекта создания изобретения, промышленного образца или полезной модели.

Признание охраноспособности произведений, созданных искусственным интеллектом, не предполагает изменения системы патентования объектов промышленной собственности. Представляется, что для таких произведений не должно быть исключений. В связи с этим опасность разглашения сохраняется независимо от авторства изобретения, полезной модели или промышленного образца. Эта опасность напрямую зависит лишь от ценности указанных объектов, их потенциальной коммерциализации.

В связи с этим разглашение сущности объекта до его регистрации – второе из возможных преступных действий в отношении объектов, созданных искусственным интеллектом.

Общественная опасность подобных преступлений несколько отличается от опасности посягательства на объекты, созданные человеком. Права человека на результаты интеллектуальной деятельности характеризуются двойственностью. В них присутствуют и личная («моральная»), и экономическая составляющие. Вследствие отсутствия характеристик личности у систем искусственного интеллекта первая из названных составляющих для них неактуальна. В связи с этим опасность преступных посягательств на соответствующие объекты в большей степени носит экономический характер.

В связи с этим конструктивный размерный признак преступления в виде размера деяния в данном случае является даже более подходящим, чем для составов преступлений против традиционных объектов интеллектуальной собственности, поскольку в полной мере отражает антиобщественную природу деяния.

Квалифицирующий признак «совершение деяния с использованием своего служебного положения» в случае с нарушением прав на объекты, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта, получает дополнительное значение. Дело в том, что создание таких объектов предполагает серьезный технологический процесс, в котором задействованы значительные коллективы специалистов. Доступ к этим технологиям и к конечному продукту может облегчить совершение деяний, связанных с незаконным использованием объектов, созданных искусственным интеллектом. Последнее обстоятельство способно повысить общественную опасность таких деяний, что добавляет актуальности данному квалифицирующему признаку в описываемом составе.

С субъективной стороны преступление характеризуется прямым умыслом. Виновный осозна-

ет фактическую сторону нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности, которые ему не принадлежат, и желает совершения такого деяния. В виду формальной конструкции состава вредные последствия деяния могут не охватываться умыслом виновного. По этой же причине исключено совершение преступления с косвенным умыслом.

В силу специфики предмета преступления в рассматриваемых составах возникает вопрос, должно ли охватываться умыслом виновного происхождение объекта интеллектуальной собственности. Иными словами, имеет ли значение для квалификации деяния то, был ли осведомлен виновный на момент совершения деяния о том, что объект, который он незаконно использует, создан с применением технологий искусственного интеллекта.

Представляется, что для квалификации подобная осведомленность не должна иметь значения. По канонам науки о квалификации преступлений, виновный вовсе не обязательно должен быть осведомлен обо всех деталях совершаемого преступления, а лишь о тех, которые имеют уголовно-правовое значение. В рамках описываемой нами концепции уголовно-правовой охраны объектов, создаваемых искусственным интеллектом, за последними признается охраноспособность. Это не означает, что они должны быть вовсе приравнены к объектам, созданным человеком. Однако в рамках тех видов преступных деяний, о которых идет речь в настоящей статье, их уголовно-правовое значение должно быть признано наравне с последними.

В свете сказанного умыслом виновного должна охватываться не принадлежность объекта конкретному субъекту и не процесс его создания, а отсутствие у него самого прав на этот объект и наличие прав на этот объект у другого (не обязательно известного ему) субъекта.

С учетом описанных особенностей уголовно-правовой характеристики преступлений, посягающих на объекты интеллектуальной собственности, созданные с использованием информационных технологий и технологии искусственного интеллекта, последние можно определить как совершаемое с прямым умыслом в крупном размере незаконное использование объекта интеллектуальной собственности либо разглашение сущности объекта промышленной собственности, созданного с использованием информационных технологий и технологии искусственного интеллекта.

Примечания

¹ Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte (Urheberrechtsgesetz). Сайт Федерального министерства юстиции ФРГ. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/urhg/BJNR012730965.html> (дата обращения: 21.04.2023).

² Real Decreto Legislativo, № 1, 1996, de 12 de abril de 1996, por el que se aprueba el texto refundido de la Ley de Propiedad Intelectual, regularizando, aclarando y armonizando las disposiciones legales vigentes sobre la materia. Сайт Министерства президиума по связям с судами и демократической памяти. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOEA-1996-8930> (дата обращения: 21.04.2023).

³ Protezione del diritto d'autore e di altri diritti connessi al suo esercizio: Legge del 22 aprile 1941, No. 633. Историко-систематический указатель InterLex. URL: http://www.interlex.it/testi/141_633.htm (дата обращения: 21.04.2023).

⁴ О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 23.04.2019. Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrp.ru/files/27771/> (дата обращения: 21.04.2023); Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав. П. 3: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015. Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=10333 (дата обращения: 21.04.2023); *Burrow-Giles Lithographic Co v Sarony*. 111 U.S. 53, 4 S. Ct. 279 28 L. Ed. 349 (1884). Сайт Информационного центра Верховного Суда США. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/111/53/case.html> (дата обращения: 21.04.2023); *Bridgeman art library, LTD. v. Corel corp.*, 36 F. Supp. 2d 191 (SDNY 999). United States District Court for the Southern District of New York. Сайт Корнельского университета. URL: https://www.law.cornell.edu/copyright/cases/36_FSupp2d_191.htm (дата обращения: 21.04.2023); *Naruto v. David John Slater et al.* Decision of the United States District Court of Northern District of California of 2016. Сайт Информационного центра Верховного Суда США. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/districtcourts/california/candce/3:2015cv04324/291324/45/> (дата обращения: 21.04.2023); *Acohs Pty Ltd v Ucorp Pty Ltd* [2012] FCAFC 16. Judgment of the Federal Court of Australia, 02.02.2012. Сайт Федерального Суда Австралии. URL: <http://www8.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/FCAFC/2012/16.html> (дата обращения: 21.04.2023); *Telstra Corporation Limited v Phone Directories Company Pty Ltd* [2010] FCAFC 149. Judgment of the Federal Court of Australia, 15.12.2010. Сайт Федерального Суда Австралии. URL: <http://www.austlii.edu.au/cgi-bin/sinodisp/au/cases/cth/FCAFC/2010/149.html> (дата обращения: 21.04.2023); *Infopaq International A/S v. DanskeDagblades Forening*. Judgment of the Court of Justice (Fourth Chamber) of 16 July 2009. Сайт Европейского Суда Справедливости. URL: <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-5/08> (дата обращения: 21.04.2023).

⁵ Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-п // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.08.2020).

⁶ Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-п // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.08.2020).

⁷ Report of the European Parliament with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103 (INL)) dated as of 27th of January, 2017. Сайт Европейского Парламента. 27.01.2017. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+REPORT+A8-2017-0005+0+DOC+XML+V0//EN> (дата обращения: 21.04.2023); European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). Сайт Европейского Парламента. 16.02.2017. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0051+0+DOC+XML+V0//EN> (дата обращения: 21.04.2023); Отчёт о правах интеллектуальной собственности на развитие технологий искусственного интеллекта. Сайт Европейского Парламента. 02.10.2020. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2020-0176_EN.html (дата обращения: 21.04.2023); Пересмотренный концептуальный документ по вопросам, касающимся политики в области интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта WIPO/IP/AI/2/GE/20/1 REV. 21.05.2020. С. 5–6. Материалы дискуссии ВОИС на тему «Интеллектуальная собственность (ИС) и искусственный интеллект (ИИ)». Второй раунд. Сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. 21.05.2020. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/ru/wipo_ip_ai_2_ge_20/wipo_ip_ai_2_ge_20_1_rev.pdf (дата обращения: 21.04.2023).

⁸ О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14. Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/8171/> (дата обращения: 22.04.2023).

Список литературы

Оморов Р.О. Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект // E-Management. 2020. Т. 3, № 1. С. 43–49.

Савина В.С. Развития права интеллектуальной собственности в современном информационном обществе // Пермский юридический альманах. 2019. С. 315–316.

Bridy A. Coding Creativity: Copyright and the Artificially Intelligent Author. Stanford Technology Law Review, 2012, vol. 5, pp. 1-28.

Ginsburg J.C. People Not Machines: Authorship and What It Means in the Berne Convention. IIC: international review of industrial property and copyright law, 2018, No. 2 (49), pp. 131-135.

Kaur J. Intellectual Property Law in times of artificial intelligence: is it a misnomer to consider the Bot a possible IP right holder? Journal of legal studies and research, 2016 (December), vol. 2, iss. 6, pp. 45-47.

Legal regime of the results of intellectual activity created by self-developing programs, ed. by O.A. Kuznetsova, V.G. Golubtsova, G.Ya. Borisevich, L.V. Borovykh et al. Perm legal almanac. Annual scientific journal, 2019, No. 1, pp. 320-328.

Margot E. Kaminski and Shlomit Yanisky-Ravid. The Marrakesh Treaty for Visually Impaired Persons: Why a Treaty Was Preferable to Soft Law, 75 U. PITT. L. REV, 2014, pp. 254-300.

Ruiperez C., Gutierrez E., Puente C., Olivas J.A. New Challenges of Copyright Authorship in AI. Proceedings of the 2017 International Conference on Artificial Intelligence. Las Vegas, 2017, pp. 291-296.

Yanisky-Ravid, Shlomit and Liu, Xiaoqiong (Jackie). When Artificial Intelligence Systems Produce Inventions: The 3A Era and an Alternative Model for Patent Law. 39 Cardozo Law Review, 2018, pp. 2239-2245.

Yu R. The machine author: what level of copyright protection is appropriate for fully independent computer-generated works. University of Pennsylvania Law Review, 2017, vol. 165, pp. 1241-1270.

References

Omorov R.O. *Intellektual'naja sobstvennost' i iskusstvennyj intellekt* [Intellectual Property and Artificial Intelligence]. E-Management, 2020, vol. 3, № 1, pp. 43-49. (In Russ).

Savina V.S. *Razvitija prava intellektual'noj sobstvennosti v sovremennom informacionnom obshchestve* [Development of intellectual property law in the modern information society]. *Permskij juridicheskij al'manah* [Perm legal almanac], 2019, pp. 315-316. (In Russ).

Bridy A. Coding Creativity: Copyright and the Artificially Intelligent Author. Stanford Technology Law Review, 2012, vol. 5, pp. 1-28.

Ginsburg J.C. People Not Machines: Authorship and What It Means in the Berne Convention. IIC: international review of industrial property and copyright law, 2018, No. 2 (49), pp. 131-135.

Kaur J. Intellectual Property Law in times of artificial intelligence: is it a misnomer to consider the Bot a possi-

ble IP right holder? *Journal of legal studies and research*, 2016 (December), vol. 2, iss. 6, pp. 45-47.

Legal regime of the results of intellectual activity created by self-developing programs, ed. by O.A. Kuznetsova, V.G. Golubtsova, G.Ya. Borisevich, L.V. Borovykh et al. *Perm legal almanac. Annual scientific journal*, 2019, No. 1, pp. 320-328.

Margot E. Kaminski and Shlomit Yanisky-Ravid. The Marrakesh Treaty for Visually Impaired Persons: Why a Treaty Was Preferable to Soft Law, 75 *U. PITT. L. REV.*, 2014, pp. 254-300.

Ruiperez C., Gutierrez E., Puente C., Olivas J.A. New Challenges of Copyright Authorship in AI. *Proceedings of the 2017 International Conference on Artificial Intelligence*. Las Vegas, 2017, pp. 291-296.

Yanisky-Ravid, Shlomit and Liu, Xiaoqiong (Jackie). When Artificial Intelligence Systems Produce Inventions: The 3A Era and an Alternative Model for Patent Law. 39 *Cardozo Law Review*, 2018, pp. 2239-2245.

Yu R. The machine author: what level of copyright protection is appropriate for fully independent computer-generated works. *University of Pennsylvania Law Review*, 2017, vol. 165, pp. 1241-1270.

Статья поступила в редакцию 24.04.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 24.04.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 05.05.2023.

ПРОФИЛАКТИКА БУЛЛИНГА СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ШКОЛЕ

Кара Игорь Степанович, кандидат юридических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия, kara-igor2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6584-9588>

Аннотация. В обществе довольно активно обсуждаются проблемы насилия среди несовершеннолетних, которое принимает формы буллинга – травли. Причины девиантного насильственного поведения детей в отношении сверстников в подавляющем большинстве связаны с проблемами семейного воспитания как правонарушителей, так и их жертв. Отсутствие адекватного реагирования на проявление агрессии часто приводит к криминализации личности подростков и одновременно к виктимизации потенциальных жертв травли. Проведенные исследования показали, что с травлей несовершеннолетние чаще всего сталкиваются в школе и на улице. Для подросткового возраста ведущей сферой деятельности является учеба. Образовательные учреждения, призванные наделять учеников определенным объемом знаний, должны больше внимания уделять воспитанию школьников и профилактике девиантного поведения. В статье рассмотрены принятые в последнее время нормативные акты, направленные на активизацию воспитательной деятельности общеобразовательных учреждений, в том числе по профилактике насилия, травли среди несовершеннолетних. Необходимо наладить подготовку учителей к проведению воспитательной работы, управлению детским коллективом, реализации профилактической деятельности в современных условиях общественного развития. Для повышения воспитательной роли общеобразовательных учреждений необходимо пересмотреть нормы трудовой нагрузки учителей и критериев оплаты воспитательной работы. Также в статье рассмотрены вопросы целесообразности внесения в Госдуму законопроекта, направленного на борьбу с травлей в школах и профилактику буллинга, с последующей разработкой Министерством просвещения Государственной программы профилактики травли и создания Единого стандарта профилактики травли и административной ответственности школ за их неисполнение. Сделан вывод, что чрезмерная унификация воспитательной работы общеобразовательных учебных заведений с составлением отчетности и применением мер административной ответственности в случае невыполнения мероприятий, направленных на профилактику буллинга, нецелесообразны.

Ключевые слова: насилие, несовершеннолетние, семейное неблагополучие, буллинг (травля), школьники, воспитательная деятельность, учителя.

Для цитирования: Кара И.С. Профилактика буллинга среди несовершеннолетних в школе // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 212–219. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-212-219>

Research Article

PREVENTION OF BULLYING AMONG MINORS AT SCHOOL

Igor S. Kara, Candidate of Jural Sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia, kara-igor2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6584-9588>

Abstract. The problems of violence among minors, which takes the form of bullying, are quite actively discussed in society. The causes of deviant violent behaviour of children against their peers are overwhelmingly related to the problems of family bonding of perpetrators and their victims. The lack of an adequate response to aggression often leads to the criminalisation of adolescents' personalities and, at the same time, to the victimisation of potential victims of bullying. Investigations have shown that minors most often experience bullying at school and in the street. What is the leading area of activity for adolescence, is schooling. Educational institutions, whose vocation is to equip pupils with a certain amount of knowledge, should pay more attention to the upbringing of pupils and the prevention of deviant behaviour. Recently adopted normative acts aimed at intensifying the upbringing activity of general educational institutions, including the prevention of violence, bullying among minors, are considered in the article. It is necessary to establish the training of teachers to carry out the work of upbringing, to manage children's collective, to implement preventive activities in modern conditions of social development. In order to increase the role of upbringing of general education institutions, it is necessary to revise the norms of teachers' labour load and criteria for payment of upbringing work. Also, the issues of expediency of introducing a draft law, which would

be aimed at combating bullying in schools and bullying prevention, submitted to the State Duma of Russia and subsequently developed by the Ministry of Education as the State Bullying Prevention Programme and creation of the Unified Bullying Prevention Standard and administrative responsibility of schools for their non-fulfilment, are considered in the article. The conclusion is that excessive unification of bullying prevention work of general education institutions with reporting and administrative liability measures in case of non-fulfilment of measures aimed at bullying prevention is not appropriate.

Keywords: violence among minors, family problems, harassment (bullying) among schoolchildren, upbringing activity of teachers.

For citation: Kara I.S. Prevention of bullying among minors at school. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 212–219. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-212-219>

Проблема увеличения насилия между несовершеннолетними в наше время стала особо острой. Пространство современной подростковой жизни наполнено двумя активностями: с одной стороны, учебной активностью школьников, занятием в кружках и секциях, с другой – силовой активностью, направленной на завоевание статуса и авторитета различными, но, прежде всего, силовыми методами. В таких условиях происходит нерегулируемое расслоение детей и примитивизация их взаимоотношений, нередко выражающаяся в том, что сплетни, манипуляции, насилие и угрозы применения насилия, выяснение «кто сильнее», «с кем и против кого дружить», «клеймение» изгоев, травля (преследование, издевательство, систематическое вербальное и физическое унижение одноклассников со стороны сильных и агрессивных детей и растянутое во времени психологическое подавление, ущемление достоинства, особенно слабых) определяют направление социализации части обучающихся¹. Травля сверстников, сопровождаемая насильственными проявлениями, присуща подросткам с низкими интеллектуальными способностями или педагогической и нравственной запущенностью. Не имея каких-либо отличительных умственных или физических способностей, чтобы показать себя в другом, более «героическом» виде, подростки начинают унижать и издеваться над другими детьми, повышая, как им кажется, собственную самооценку. Снятые на мобильный телефон видеоролики со сценами насилия, избияния, издевательства без согласия жертв размещаются в сети Интернет [Нечевин, Колодкин: 57].

В настоящее время в средствах массовой информации активно обсуждается проблема буллинга (травли) среди школьников. Законодательное определение буллинга Минобнауки закрепило в 2016 г. «буллинг – запугивание, физический или психологический террор, направленный на то, чтобы вызвать у другого страх и тем самым подчинить его себе². Министерство просвещения России в 2019 г. относительно травли школьников предложило иное, по нашему мнению, более точное определение: «буллинг – проявление агрессии, в том числе физическое насилие, унижение, издевательства в отношении обучающегося образовательной организации со стороны других обучающихся и/или учителей. Одна

из современных разновидностей буллинга – кибербуллинг, травля в социальных сетях»³.

Нами был проведен анкетный опрос школьников 7–8 классов и частично 9-го класса о буллинге среди их сверстников, о его причинах и помощи преодоления травли детей. К анкетному опросу были привлечены ученики из различного уровня школ г. Брянска: элитного лицея № 1 имени А.С. Пушкина, обычной школы – Центра образования «Перспектива», пригородной школы – Супоневской средней школы № 2. Всего опросом было охвачено 430 школьников.

Около 95 % опрошенных школьников знают, что означает термин буллинг. При этом 20 % опрошенных были сами участниками травли как наблюдатели и почти 19 % стали жертвами и наблюдателями издевательств. Однако более 58 % опрошенных детей указало, что они лично не участвовали в травле, издевательствах подростков. В силу того, что ведущей сферой деятельности подростков является учеба, то и с фактами травли более 36 % опрошенных несовершеннолетних столкнулось в школе, около 29 % – в социальных сетях, а почти 17 % – в школе и социальных сетях. Более 53 % опрошенных учеников указали, что они редко, но встречали ситуацию травли школьников педагогами, и около 3 % опрошенных такую травлю наблюдают постоянно. Около 46 % проанкетированных школьников сталкивались с ситуацией издевательств в форме словесного унижения, 14 % – с сочетанием словесного унижения и физического насилия, более 11 % – с сочетанием словесного унижения, физического насилия, игнорирования, и чуть больше 4 % школьников отметили, что сталкивались только с физическим насилием. Травлю в образовательной организации, по мнению более 23 % опрошенных, способен прекратить педагогический коллектив, более 15 % – родители и около 11 % – педагогический коллектив совместно с родителями. Следовательно, около половины учеников уповают на помощь взрослых в пресечении травли и только чуть больше 31 % – надеются на помощь сверстников.

Жертвами травли чаще становятся психологически неустойчивые, не способные себя защитить подростки либо не знающие, как выйти из конфликтной ситуации. Они выбиваются из нормального эмоционального, психического равновесия, что и приводит их к некоему психологическому кризису, выход

из которого подростки находят часто в самоубийстве, в расправе с обидчиками, порой и вооруженной, где ее жертвами становятся и случайные лица.

Проявляя озабоченность распространённостью буллинга в образовательных организациях, в середине октября 2022 г. первый замглавы думского комитета по просвещению Яна Лантратова анонсировала, что группа депутатов в конце 2022 г. планирует внести в Госдуму РФ законопроект, направленный на борьбу с травлей в школах и профилактику буллинга. Для профилактики травли в российских школах авторы будущего законопроекта предлагают Министерству просвещения России принять Госпрограмму профилактики травли [Одоевцева], которая определит государственную политику в области профилактики буллинга, и далее на основе Госпрограммы разработать Единый стандарт профилактики травли, содержащий набор конкретных практик и инструментов для достижения поставленных программой целей [Моторина, Копылова]. Школы и другие образовательные организации должны будут принять свой локальный нормативный акт с перечнем мероприятий по реализации Государственной программы и Единого стандарта профилактики травли [Дергунова]. Также предполагается из числа педагогов, психологов, службы школьной медиации, представителей родительских комитетов создать в школах специальное подразделение по рассмотрению случаев травли, подбору мер реагирования и профилактики, контролю за поведением выявленных зачинщиков, участников травли и отслеживанием психологической обстановки в классах и в школьном коллективе в целом [Дергунова]. В случае непринятия школой локального нормативного акта по реализации Государственной программы и единого стандарта профилактики травли предлагается школу и учителей привлекать к административной ответственности в виде штрафа [Ушакова]. Профилактика буллинга, по мнению разработчиков законопроекта, должна стать не обособленным автономным мероприятием, а частью системы воспитания и обучения детей в образовательных организациях [Моторина, Копылова].

В целом соглашаясь с тем, что необходимо уделить более пристальное внимание профилактике буллинга в школе, важно понять причины повышенной агрессивности, переходящей в жестокость, нынешней молодежи и исследовать, что уже делается для устранения либо нейтрализации этих причин и какие меры необходимо еще принять.

Думается, что молодежная агрессивность и склонность к насилию вызвана, прежде всего, упущениями семейного воспитания, недостатками учебно-воспитательной работы с детьми в образовательных учреждениях. С.М. Иншаков к 12 факторам насильственных преступлений в первую очередь относит такие

обстоятельства, как пороки семейного воспитания и пороки школьного воспитания [Иншаков]. В последние десятилетия деятельность российской школы в основном была сведена к трансляции знаний ученикам, а воспитательная ее роль отошла на задний план. Однако еще в начале 90-х гг. прошлого века академик Д.С. Лихачев отмечал, что школа – «это, прежде всего, воспитательное учреждение... воспитательное, а не просто учебное. И знания не должны сыпаться на ученика этаким бесконтрольным потоком, прямо-таки водопадом... В связи с ростом уровня знаний, развития науки постоянно усложняются и те предметы, которые изучаются... Но знания быстро устаревают... Выход один – выпускник школы должен обладать научным мышлением, которое едино для всех наук. Школа, как известно, формирует людей, закладывает основы структуры личности... То, что не привито в школе, упущено, позднее наверстывать и исправлять очень трудно. Как будто это прописная истина. Но ее очень часто признают, но не осознают» [Лихачев]. А ведь еще в начале новой эры древнегреческий писатель и философ Плутарх утверждал, что «ученик – это не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь» [Плутарх]. Иными словами, школе в первую очередь нужно сконцентрировать усилия по воспитанию учеников, формированию позитивных общественно приемлемых качеств личности, а потом уж наполнять их знаниями. При этом необходимо прививать навыки научного мышления, получения и использования научной информации.

Отрадно, что в последние годы в нашей стране стали уделять повышенное внимание вопросам правовой защиты семьи и детей, развитию социальных институтов воспитания, обновлению воспитательного процесса в системе образования, поддержке деятельности педагогических работников. В мае 2015 г. Правительство РФ утвердило Стратегию развития воспитания в РФ на период до 2025 г.⁴, закрепляющую положение о том, что воспитание детей рассматривается как стратегический общенациональный приоритет, требующий консолидации усилий различных институтов гражданского общества и ведомств на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

В ноябре 2018 г. был создан Совет при Президенте РФ по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей⁵. По итогам заседания этого Совета, состоявшегося 4 июля 2019 г., Президент РФ В.В. Путин утвердил перечень поручений, в частности: предусмотреть при планировании мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, включение в них с 2021 г. мероприятий, направленных на формирование системы воспитания подрастающего поколения; разработать комплекс

мер, направленных на повышение статуса учителя; Правительству РФ совместно с высшими исполнительными органами государственной власти субъектов РФ представить предложения по созданию системы мотивации классных руководителей в целях повышения эффективности воспитательной работы и социализации обучающихся в общеобразовательных организациях⁶. О важности роли классного руководителя в деле воспитания школьников Президент РФ в своем Послании Федеральному собранию 15 января 2020 г. отметил, что «ближе всего к ученикам – их классные руководители. Такая постоянная каждодневная работа, связанная с обучением, воспитанием детей, – это огромная ответственность, и она, конечно, требует особой подготовки наставников и их особой поддержки»⁷.

В мае 2020 г. Министерство просвещения РФ направило органам исполнительной власти субъектов РФ, осуществляющим государственное управление в сфере образования, для использования в работе методические рекомендации по организации деятельности педагогических работников, осуществляющих классное руководство в общеобразовательных организациях. В числе приоритетных задач деятельности педагогических работников, связанной с классным руководством в области воспитания и социализации обучающихся, было обозначено «формирование внутренней позиции личности обучающегося по отношению к негативным явлениям окружающей социальной действительности, в частности по отношению к кибербуллингу, деструктивным сетевым сообществам, употреблению различных веществ, способных нанести вред здоровью человека; культуре насилия, жестокости и агрессии; обесцениванию жизни человека и др.; выявление и своевременная коррекция деструктивных отношений, создающих угрозы физическому и психическому здоровью обучающихся; профилактика девиантного и асоциального поведения обучающихся, в том числе всех форм проявления жестокости, насилия, травли в детском коллективе; формирование способности обучающихся реализовывать свой потенциал в условиях современного общества за счет активной жизненной и социальной позиции...»⁸.

В июле 2020 г. в Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в РФ» были внесены изменения, касающиеся усиления доли воспитания обучающихся при освоении ими основных образовательных программ в образовательных организациях. Примерные основные образовательные программы: общеобразовательные, среднего профессионального образования, высшего образования (программы бакалавриата и программы специалитета) – уже должны включать в себя примерную рабочую программу воспитания и примерный календарный

план воспитательной работы. При этом в разработке рабочих программ воспитания и календарных планов воспитательной работы имеют право принимать участие советы обучающихся, советы родителей, представительные органы обучающихся⁹.

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» Министерства просвещения РФ в марте 2022 г. разработало «Примерную основную образовательную программу начального общего образования» и «Примерную основную образовательную программу основного общего образования»¹⁰, включающие рабочую программу воспитания и календарный план воспитательной работы. В июле 2022 г. Министерство просвещения России утвердило «Примерную рабочую программу воспитания для общеобразовательных организаций»¹¹, которая может быть актуализирована, и разработка новых рабочих программ воспитания не требуется.

Возникает закономерный вопрос: новые рабочие программы воспитания школьников разработают и в них наверняка будут предусмотрены меры профилактики буллинга (травли) школьников, но сможет ли современный учитель успешно реализовать эти меры профилактики? Понятно, что вопросы, связанные с травлей, почему она возникла и как ее победить, могут и должны решать только сами учителя и классные руководители, так как именно они работают с классом, все видят и могут предотвратить травлю. Они должны отличать ситуации, когда дети из-за чего-то не ладят, от буллинга (травли). Учитель должен разобраться в конфликте, выслушать обе стороны и поддержать ребенка, которого обижают. Позиция учителя критически важна. Он вообще должен занять четкую позицию даже не против обидчиков, а против самой практики травли – и сам не поддерживать ее: не подтрунивать над ребенком, не наказывать его зря, помогать ему: во-первых, оказать эмоциональную поддержку, во-вторых, у такого ребенка часто под удар ставится самооценка и самоотношение – и учитель может поставить его в ситуацию успеха, например выбирая задания, с которыми ребенок хорошо справится. Он может даже организовать группу поддержки среди детей и предложить детям сделать для одноклассника что-то хорошее [Лукьянова]. Нужно повышать квалификацию учителей, заключающуюся не только в профессиональной переподготовке по предмету, но и в том, чтобы они знали, как поступать в ситуации, требующей тонкого психологического подхода [Цветкова Роза].

По мнению Людмилы Петрановской, педагога-психолога, специалиста по семейному устройству, в своем большинстве школьные педагоги просто не знают, что делать, их этому не учат, и от бессилия они пускают все на самотек. Учителей же надо учить

работать с группой, а не просто преподавать предмет. Управление коллективом – это не какой-то редкий дар. Это технологии, которым учатся так же, как учатся и всему остальному. Сегодня курсы повышения квалификации преподавателей часто скучны и бессмысленны. Проводимые лекции устарели содержательно и методически [Цветкова].

Правда, Министерство просвещения России для повышения профессионального мастерства педагогических работников предполагает внедрять и развивать систему наставничества¹². Наставничество является одной из универсальных технологий передачи опыта, знаний, формирования навыков, компетенций и ценностей через неформальное взаимообогащающее общение, основанное на доверии и партнерстве. Ведомственным проектным офисом национального проекта «Образование» разработаны рекомендации для методической поддержки внедрения в России целевых моделей разнообразных форм наставничества, включающих множественные вариации, например: ученик – ученик, учитель – учитель, студент – ученик и т. д.¹³

Однако повышение доли воспитательной составляющей в обучающей деятельности учителей требует дополнительных усилий и наличия большего количества времени. Учителя жалуются на перегруженность, на большие объемы бумажно-компьютерных отчетов, а им еще отвечать за психологический климат в классе? В связи с этой проблемой назрела необходимость сокращения нагрузки учителей и пересмотра критериев оплаты воспитательной работы. Ведь самые эффективные организационные и финансовые вложения – это вложения не в технологические усовершенствования школьного процесса, не в количество и качество технических средств обучения. Самым эффективным оказывается вложение в самого учителя, в его квалификацию, в престиж этой профессии в стране [Цветкова Роза].

Требуется также изменение подхода к работе школы с родителями. Если у ребенка возникают проблемы, когда он попадает в коллектив, то корень этих проблем нужно искать внутри семьи. Жестокость, авторитарность в семье транслируется детьми дальше – на младших, слабых, потом на своих детей. Правда, большинство родителей любят своих детей. Но, к сожалению, они далеко не всегда проявляют свою любовь, главным образом потому, что просто не знают, как это сделать. Поэтому многие дети сегодня не чувствуют, что их искренне, безусловно, безоговорочно любят и принимают такими, какие они есть. Если у родителей нет с ребенком близких, проникнутых любовью отношений, все остальное (дисциплина, взаимоотношения со сверстниками, с учителями, успехи в школе) строится на неверной основе, и тогда неизбежно возникают проблемы. Но многие

родители не считают возможным чему-то учиться в области подростковой психологии, воспитания детей. И здесь как раз школа могла бы воздействовать на родителей: изменить их подходы в деле воспитания детей. Ведь порой взрослые не признают право ребенка на собственную жизнь, а для него это крайне важно. Он должен сам набивать свои шишки и учиться на собственных ошибках. Никакого роста не бывает без страданий – ни физического, ни духовного. И когда родители хотят оградить от них своего ребенка, они, по сути, пытаются оградить его от жизни. Тогда как их задача – находиться рядом, давать поддержку, тепло, любовь и понимание, а вовсе не жить за своего ребенка [Сычева].

Согласно Федеральному закону от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в перечень органов и учреждений этой системы профилактики входят и органы, осуществляющие управление в сфере образования, и организации, осуществляющие образовательную деятельность. Одним из основных направлений их профилактической деятельности является разработка, внедрение в практику работы, осуществление реализации программ и методик, направленных на формирование законопослушного поведения несовершеннолетних (п. 5, ч. 1 и 2 ст. 14)¹⁴. Следовательно, изложенные выше нормативные акты по усилению воспитательной составляющей в деятельности образовательных организаций с обучающимися содержательно наполняют их профилактическую роль, рамочно обозначенную Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ.

Итак, образовательные учреждения и в первую очередь средняя школа призваны бороться с проявлениями буллинга (травли) между детьми, появления в детских коллективах изгоев. Школа должна помочь детям развить свои лучшие душевные качества, обучить правильному межличностному общению. Ведь именно в школе происходит основная тренировка навыков социального взаимодействия. Очень важно, чтобы учителей научили пресекать травлю на начальных стадиях и не давали ей закрепиться [Лукьянова]. Как справедливо отметил В.В. Лунев, «полученный в подростковом возрасте опыт насильственного, корыстного и анархического поведения у многих субъектов сохраняется долгие годы, а у некоторых – всю жизнь» [Лунев].

Необходимо изменить и сам подход к образовательной деятельности школы – приоритет должен быть отдан воспитанию учеников, а потом уже наполнению их знаниями, для того чтобы ученики приучились научному мышлению получения и использования научной информации. В этом и реализуется профилактическая роль школы, являющейся главным институтом социализации личности.

Примечания

¹ О направлении методических рекомендаций (вместе с «Методическими рекомендациями по внедрению восстановительных технологий (в том числе медиации) в воспитательную деятельность образовательных организаций»): Письмо Минобрнауки России от 26 декабря 2017 г. № 07-7657 // Вестник образования. 2018. № 9 (май).

² Приложение 1. О направлении методических рекомендаций (вместе с «Методическими рекомендациями по работе с детьми, самовольно ушедшими из семей и государственных организаций, и профилактике таких уходов»): Письмо Минобрнауки России от 26 февраля 2016 г. № 07-834 [документ опубликован не был]. URL: <https://www.consultant.ru>

³ Об утверждении методологии (целевой модели) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным и программам среднего профессионального образования, в том числе с применением лучших практик обмена опытом между обучающимися: Распоряжение Минпросвещения России от 25 декабря 2019 г. № Р-145 // Официальные документы в образовании. 2020 (февраль). № 5.

⁴ Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 29 Мая 2015 г. № 996-р // Собрание законодательства РФ. 08.06.2015. № 23. Ст. 3357.

⁵ О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей (вместе с «Положением о Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей»): Указ Президента РФ от 19 Ноября 2018 г. № 662 (ред. от 21 июня 2022) // Собрание законодательства РФ. 26.11.2018. № 48. Ст. 7393.

⁶ Перечень поручений по итогам заседания Совета по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей: Утв. Президентом РФ 14.10.2019 № Пр-2132 // Вестник образования России. 2019 (ноябрь). № 22.

⁷ Послание Президента Федеральному Собранию: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // Российская газета. 16.01.2020. № 7.

⁸ О методических рекомендациях (вместе с «Методическими рекомендациями органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющим государственное управление в сфере образования, по организации работы педагогических работников, осуществляющих классное руководство в общеобразовательных организациях»): Письмо Минпросвещения России от 12 мая 2020 г. № ВБ-1011/08 // Официальные документы в образовании. 2020 (июнь). № 16.

⁹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.08.2020. № 31 (часть 1). Ст. 5063.

¹⁰ Примерная основная образовательная программа начального общего образования: одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию, протокол от 18.03.2022 № 1/22. URL: <http://fgosreestr.ru>

¹¹ Об актуализации примерной рабочей программы воспитания (вместе с «Примерной рабочей программой воспитания для общеобразовательных организаций»): одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию, протокол от 23.06.2022 № 3/22: Письмо Минпросвещения России от 18 июля 2022 г. № АБ-1951/06 // Официальные документы в образовании. 2022 (сентябрь). № 26.

¹² О направлении Методических рекомендаций (вместе с «Методическими рекомендациями по разработке и внедрению системы (целевой модели) наставничества педагогических работников в образовательных организациях», «Методическими рекомендациями для образовательных организаций по реализации системы (целевой модели) наставничества педагогических работников»): Письмо Минпросвещения России № АЗ-1128/08, Профсоюза работников народного образования и науки РФ № 657 от 21 декабря 2021 г. // Официальные документы в образовании. 01.06.2022. № 16.

¹³ О направлении целевой модели наставничества и методических рекомендаций (вместе с «Методическими рекомендациями по внедрению методологии (целевой модели) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным и программам среднего профессионального образования, в том числе с применением лучших практик обмена опытом между обучающимися»): Письмо Минпросвещения России от 23 января 2020 г. № МР-42/02.

¹⁴ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Собрание законодательства РФ. 28.06.1999. № 26. Ст. 3177.

Список литературы

Дергунова В. Школа без травли: о чем антибуллинговый законопроект, который готовят депутаты. URL: <https://www.novochag.ru/obshchestvo/mnenie/shkola-bez-travli-o-chem-antibullingovyy-zakonoproekt-kotoryy-gotovyat-deputaty/> (дата обращения: 17.10.2022).

Инишаков С.М. Криминология. Москва: Юриспруденция, 2000. 432 с.

Лукьянова И. Если ребенка травят в школе. Азбука воспитания. URL: <https://azbyka.ru/deti/esli-rebenka-travyat-v-shkole> (дата обращения: 18.02.2023).

Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник: в 2 т. Т. 2. Особенная часть. Москва: Юрайт, 2011. 872 с. (Сер.: Магистр).

Моторина С., Копылова А. Дать в руки знания: как могут измениться школы с новым законом о профилактике травли. Forbes Life, 19.10.2022. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/479961-dat-v-ruki-znania-kak-mogut-izmenit-sa-skoly-s-novym-zakonom-o-profilaktike-travli> (дата обращения: 19.10.2022).

Нечевин Д.К., Колодкин Л.М. Молодежный экстремизм и превентивные возможности этики ненасилия. Административное право и процесс. 2019. № 7. С. 53–60.

Одоевцева С. В России создадут единый «стандарт травли» школьников: проблему назвали «острой» // МК. URL: <https://www.mk.ru/social/2022/10/12/v-rossii-sozhdadut-edinyu-standart-travli-shkolnikov-problemu-nazvali-ostroy.html> (дата обращения: 12.10.2022).

Плутарх Херонейский. Плутарх – афоризмы, цитаты и высказывания. URL: <https://aforisimo.ru/autor/Plutarh> (дата обращения: 19.10.2022).

Сычева Ю. Размышления на пороге школы. Азбука воспитания. URL: <https://azbyka.ru/deti/razmy-shleniya-na-poroge-shkoly> (дата обращения: 22.10.2022).

Ушакова А. В России может появиться закон о борьбе с травлей в школе // Учительская газета. 12.10.2022. URL: <https://ug.ru/v-rossii-mozhet-poyavitsya-zakon-o-borbe-s-travlej-v-shkole/> (дата обращения: 12.10.2022).

Цветкова Р. Та же травля. Из беседы с Людмилой Петрановской (педагога-психолога, специалиста по семейному устройству). Я очень боюсь, что скоро школьники будут макать сверстников в унитаз со словами: «Это у нас буллинг» // Ежедневный «Ъ» – Коммерсантъ. 24.02.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3557397> (дата обращения: 25.02.2018).

Цветкова Роза. Та же травля. Из беседы с уполномоченным по правам ребенка в городе Москве Евгением Бунимовичем. «Буллинг» – слово для русского языка новое, а понятие – нет // Ежедневный «Ъ» – Коммерсантъ. 24.02.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3557397> (дата обращения: 24.02.2018).

References

Dergunova V. *Shkola bez travli: o chem antibullingo-vyi zakonoproekt, kotoryi gotoviat deputaty* [School without bullying: what is the anti-bullying bill that deputies are preparing on]. URL: <https://www.novochag.ru/obshchestvo/mnenie/shkola-bez-travli-o-chem-antibullingo->

[vyy-zakonoproekt-kotoryu-gotovyat-deputaty](https://www.novochag.ru/obshchestvo/mnenie/shkola-bez-travli-o-chem-antibullingo-) (access date: 17.10.2022). (In Russ.)

Inshakov S.M. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Jurisprudence Publ., 2000, 432 p. (In Russ.)

Luk'ianova I. *Esli rebenka traviat v shkole* [If a child is bullied at school]. *Azbyka vospitaniia* [The ABC of education]. URL: <https://azbyka.ru/deti/esli-rebenka-travyat-v-shkole> (дата обращения: 18.02.2023). (In Russ.)

Luneev V.V. *Kurs mirovoi i rossiiskoi kriminologii: uchebnik: v 2 t. Vol. 2. Osobennaiia chast'* [Course of world and Russian criminology: textbook, in 2 vols. Vol. 2. Special part]. Moscow, Yurayt Publishing House Publ., 2011, 872 p. (Series, Master). (In Russ.)

Motorina S., Kopylova A. *Dat' v ruki znaniia: kak mogut izmenit'sia shkoly s novym zakonom o profilaktike travli* [To give knowledge into the hands: how schools can change with the new law on bullying prevention]. Forbes Life. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/479961-dat-v-ruki-znania-kak-mogut-izmenit-sa-skoly-s-novym-zakonom-o-profilaktike-travli> (access date: 19.10.2022). (In Russ.)

Nechevin D.K., Kolodkin L.M. *Molodezhnyi ekstremizm i preventivnye vozmozhnosti etiki nenasiliia* [Youth extremism and preventive possibilities of ethics of non-violence]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law], 2019, No. 7, pp. 53-60. (In Russ.)

Odoevtseva S.V. *Rossii sozhdadut edinyi «standart travli» shkol'nikov: problemu nazvali «ostroi»* [In Russia, a single “standard of bullying” of schoolchildren will be created: the problem was called “acute”] // МК. URL: <https://www.mk.ru/social/2022/10/12/v-rossii-sozhdadut-edinyu-standart-travli-shkolnikov-problemu-nazvali-ostroy.html> (access date: 12.10.2022). (In Russ.)

Plutarkh Kheroneiskii. *Plutarkh – aforizmy, tsitaty i vyskazyvaniia*. [Plutarch – aphorisms, quotes and sayings]. URL: <https://aforisimo.ru/autor/Plutarkh/> (access date: 19.10.2022). (In Russ.)

Sycheva Iu. *Razmyshleniia na poroge shkoly* [Reflections on the threshold of school]. *Azbyka vospitaniia*. [The ABC of education]. URL: <https://azbyka.ru/deti/razmy-shleniya-na-poroge-shkoly> (access date: 22.10.2022). (In Russ.)

Ushakova A.V. *Rossii mozhet poiavit'sia zakon o borbe s travlei v shkole – Uchitel'skaia gazeta* [A law on combating bullying at school may appear in Russia – Uchitelskaya Gazeta]. URL: <https://ug.ru/v-rossii-mozhet-poyavitsya-zakon-o-borbe-s-travlej-v-shkole/> (access date: 12.10.2022). (In Russ.)

Tsvetkova R. *Ta zhe travlia. Iz besedy s Liudmiloi Petranovskoi (pedagoga-psikhologa, spetsialista po semeinomu ustroistvu). Ia ochen' boiis', chto skoro shkol'niki budut makat' sverstnikov v unitaz so slovami: «Eto u nas bulling»* [The same harassment. From a conversation with Lyudmila Petranovskaya (a teacher-psychologist, a specialist in family structure). I am very afraid

that soon schoolchildren will dip their peers into the toilet with the words: “This is bullying”. *Ezhenedel'nyi «Б» – Kommersant* [Weekly «Б» – Kommersant]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3557397> (access date: 24.02.2018). (In Russ.)

Tsvetkova Roza. *Ta zhe travlia. Iz besedy s upolnomochennym po pravam rebenka v gorode Moskve Evgeniem Bunimovichem. «Bulling» - slovo dlia russkogo iazyka novoe, a poniatie - net»* [The same harassment. From a conversation with the Commissioner for Children's Rights in Moscow, Evgeny Bunimovich. “Bullying” is

a new word for the Russian language, but the concept is not.”]. *Ezhenedel'nyi «Б» – Kommersant* [Weekly “Б” – Kommersant]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3557397> (access date: 24.02.2018). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.04.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 14.04.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 05.05.2023.

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БАНКОВСКИХ ЭКОСИСТЕМ

Михеева Ирина Евгеньевна, кандидат юридических наук, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, ya.miheeva@yandex.ru, <https://orhid.org/0000-0002-5935-4722>

Аннотация. В работе исследованы основные признаки современных банковских экосистем в России. В качестве основных признаков банковской экосистемы автор указывает: использование ее участниками предоставленной кредитной организацией информационно-технической инфраструктуры; объединение участников экосистемы одним или несколькими договорами, направленными на создание указанного объединения, и общим «брендом»; использование базы данных банка о его клиентах и доверия, которое оказано клиентами банку. В работе сделан вывод, что банковские экосистемы являются объединениями юридических лиц холдингового типа. В развитие сформированной теоретиками права позиции о том, что меры специального регулирования должны применяться ко всем участникам группы лиц, автор считает, что признание экосистемы объединением юридических лиц холдингового типа позволяет распространить на всех ее членов единые условия применения гражданско-правовой ответственности перед клиентами, а также обосновать возможность привлечения банка к ответственности за неисполнение обязательств другими участниками банковской экосистемы.

Ключевые слова: банковские экосистемы, банки, компании холдингового типа, информационные системы, агрегатор, бренд, доверие.

Благодарности. Работа подготовлена в рамках деятельности Центра компетенций «Киберправо» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в целях реализации программы развития «Приоритет 2030».

Для цитирования: Михеева И.Е. Правовые особенности банковских экосистем // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 220–226. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-220-226>

Research Article

LEGAL FEATURES OF BANKING ECOSYSTEMS

Irina E. Mikheeva, Candidate of Jural Sciences, Kutafin Moscow State Law University (MGUA), ya.miheeva@yandex.ru, <https://orhid.org/0000-0002-5935-4722>

Annotation. The paper examines the main features of modern banking ecosystems in Russia. The author points out the main features of the banking ecosystem as the use by its participants of the information and technical infrastructure provided by the credit institution; the association of ecosystem participants with one or more agreements aimed at creating this association and a common “brand”; the use of the bank’s database about its customers and the trust that customers have placed in the bank. The paper concludes that banking ecosystems are associations of holding-type legal entities. In the development of the position formed by legal theorists that special regulatory measures should be applied to all participants of a group of persons, the author believes that the recognition of the ecosystem by an association of holding-type legal entities allows to extend to all its members uniform conditions for the application of civil liability to customers, as well as to justify the possibility of holding the bank liable for non-fulfillment of obligations other participants of the banking ecosystem.

Keywords: banking ecosystems, banks, holding type companies, information systems, aggregator, brand, trust

Acknowledgements. The work was prepared within the framework of the activities of the Competence Centre “Cyber Law” of Kutafin University (MSLA) in order to implement the development programme “Priority 2030”.

For citation: Mikheeva I.E. Legal Features of Banking Ecosystems. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 220–226 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-220-226>

Несмотря на успешное развитие в России «банковских экосистем», в действующем российском законодательстве отсутствует легальное определение указанного понятия.

При этом в литературе широко обсуждаются понятия «экосистема», «цифровая экосистема», «информационная система», «экосистема цифровой экономики», «бизнес-экосистема», «банковская экосистема» и т. д. Анализ показал, что ряд авторов часто даже не разграничивают указанные дефиниции. Это объясняется тем, что общая теория экосистем в настоящий момент находится в стадии зарождения, и работы, в которых систематизируются подходы к исследованию экосистем, стали публиковаться только в последние годы¹.

Для всестороннего раскрытия понятия «банковская экосистема» необходимо выделение и раскрытие ее признаков.

В банковской деятельности широко внедряются экосистемные подходы ведения бизнеса, поскольку банковское сообщество активно реагирует на процессы развития новых цифровых технологий [Ефимова, Михеева: 4].

В литературе выделяют различные признаки экосистем². Ряд авторов считают, что экосистема представляет собой комплекс, состоящий из четырех компонентов: кластера, платформы, сети и бизнес-инкубатора, не исключает участия в экосистеме нескольких банков [Клейнер, Рыбачук, Карпинская: 9]. С.Н. Гаврилов полагает, что информационная (цифровая) экосистема включает следующие свойства: целостность, адаптивность, саморегуляция, устойчивость, развитие (эволюционирование/сукцессия), синергия/эмерджентность [Гаврилов: 160]. По мнению Ш.Ш. Узденова, в отношении банковских экосистем выделяют следующие элементы, используемые в рамках банковских экосистем: данные в цифровом виде (электронные данные, информационные ресурсы; информационная (информационно-телекоммуникационная) инфраструктура; информационные технологии, на базе которых создаются сервисы и платформенные решения) [Узденов: 46]. Однако данные характеристики не раскрывают правовую природу банковских экосистем, в этой связи существует необходимость исследования признаков (элементов) экосистем, наиболее специфичные из них – именно для банковской деятельности.

Во-первых, банковская экосистема представляет собой объединение нескольких юридических лиц. Действующим законодательством не предусмотрен правовой статус банковских экосистем. Экосистемы пока не выделяются в качестве отдельного субъекта финансовых правоотношений [Чистюхин: 11].

В этой связи вопрос о правовом положении банковских экосистем является дискуссионным.

Как отмечено в докладе регулятора, «в России, равно как и в мире, пока не сформировались законченные организационные формы – наиболее часто упоминаемые в контексте экосистем компании (группы компаний) находятся на разных этапах создания/формирования цепочек добавленной стоимости в рамках своих индивидуальных бизнес-моделей»³.

Придерживаясь мнения, что банковские экосистемы являются объединением субъектов права, рассмотрим соответствующие позиции. Так, Узденов пишет, что банковская экосистема представляет собой партнерство, в которое входит кредитная организация и иные лица, между которыми имеется взаимодействие в информационном пространстве в целях повышения эффективности хозяйственной деятельности» [Узденов: 46]. Банковская (финансовая) экосистема, считает В. Кинсбургская, – это следующий этап интеграции финансовых услуг, когда вокруг банка как платежного центра объединяются различные финансовые и нефинансовые компании. [Кинсбургская: 41].

При этом авторы не квалифицируют правовую природу объединения юридических лиц в рамках экосистемы.

Практика создания в России банковских экосистем свидетельствует, что они представляют собой объединение кредитной организации с другими юридическими лицами. [Михеева: 43]. Основываясь на данной позиции, рассмотрим правовое основание такого объединения.

Полагаем необходимым согласиться с тем, что участники экосистемы зависят от той роли, которую банк играет в экосистеме. В наиболее оптимистичном сценарии, как отмечается рядом авторов, банк будет центральным игроком в экосистеме, а финтех-компании будут конкурировать друг с другом за доступ к клиентской базе банка» [Косарев, Иараджули: 58].

Не являющееся юридическим лицом объединение юридических лиц, в котором одно юридическое лицо или несколько юридических лиц находятся под контролем либо значительным влиянием одной кредитной организации признается банковской группой (ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»).

Вопрос о банковских экосистемах, действующих по типу банковской группы, обсуждается в литературе. Так, например, К.В. Трушина и А.В. Смагина пишут, что «экосистемы нужно трактовать в рамках создания и развития банковской группы, включающей в себя различные компании (финансовые и нефинансовые), предлагающие клиентам кредитных организаций разнообразные финансовые и нефинансовые услуги и товары с целью удовлетворения как можно большего объема их потребностей» [Трушина, Смагина: 8], с чем нельзя не согласиться. Однако приво-

димые авторами признаки банковской экосистемы как банковской группы раскрывают только внешнюю сторону, но не позволяют определить правовые связи между такими компаниями.

На практике кредитные организации не только создают экосистемы, то есть являются ее организатором, но и осуществляют деятельность исполнителя, участника экосистемы. Кредитная организация, являющаяся организатором, привлекает другие компании для оказания клиенту как банковских, так и небанковских услуг. Банк предоставляет другим участникам информационную платформу-агрегатор, через которую осуществляется распространение услуг.

Выделяют различные основания объединения компаний.

По смыслу российского законодательства, считает В.Э. Полякова, юридические лица, объединенные в группу компаний, связаны между собой отношениями значительного влияния или контроля [Полякова]. При всем многообразии возможных вариантов холдинговых отношений классическим холдингом является совокупность основного общества (товарищества) – головной организации или холдинговой компании – и подконтрольных, дочерних хозяйственных обществ [Шиткина: 178].

Вместе с тем на практике компании часто скрывают связи между собой, влияние и контроль.

Несмотря на то, что юридические лица, входящие в группу или холдинг, выступают формально самостоятельными субъектами и скрывают связи, суды формируют позиции об основаниях зависимости компаний, входящих в группу, определяют критерии связанности таких компаний, а также влияние на них так называемой «головной» компании – даже в том случае, если компании юридически не связаны.

Так, например, в своем судебном акте ВС РФ⁴ согласился с тем, что использованные предприятиями механизмы ранжирования ответственности между собой, формального придания каждой из организаций, входящих в одну группу аффилированных лиц, статуса независимого, осуществляется при сохранении возможности скрытого (непубличного), но непосредственного влияния на деятельность всего холдинга действительным собственником бизнеса (конечным бенефициаром).

Таким образом, суды выявляют различные основания аффилированности компаний (экономические связи, наличие одного бенефициара, договорные отношения, иные основания возможного влияния на другие компании) в рамках холдинга группы. Взаимосвязь компаний, как правило, в указанных случаях выясняют с целью выявления последствий такого объединения.

Применение единых последствий для компаний, объединенных в рамках холдинга, группы, объясня-

ется теми неблагоприятными факторами, которые может вызвать их деятельность.

По мнению С.А. Карелиной, меры специального регулирования деятельности холдинга должны применяться не только к отдельному участнику, а ко всем участникам группы [Карелина: 41].

Обоснованно отмечается, что «деятельность экосистем несет риски для клиентов, так как «выбор поставщиков может происходить не только по критерию качества товара, но, например, по условиям партнерства, что в перспективе негативно скажется на потребителе»⁵. При этом, учитывая, что компании в рамках экосистемы часто действуют под «брендом» банка, клиенты, выбирая их услуги, ориентируются именно на банк, к которому у них есть доверие, и оно распространяется на эти компании. Целью же банка является получение максимальной выгоды за счет комиссионного вознаграждения от дополнительных услуг.

Объединяемые в рамках банковской экосистемы юридические лица являются зависимыми от создаваемой ими кредитной организации, даже если такая зависимость на первый взгляд не является явной.

Представляется, что признание банковской экосистемы особым объединением юридических лиц, которое представляет собой разновидность банковской группы, и делает возможным распространить на деятельность ее членов все выработанные в теории права и на практике позиции относительно деятельности групп компаний, в частности требования о гражданско-правовой ответственности за других участников банковской группы, за их недобросовестное поведение и нарушение обязательств.

Во-вторых, основой любой экосистемы являются новые, в том числе цифровые, технологии. В банковской деятельности широко используются новые, в том числе цифровые, технологии. К основным элементам, применяемым в рамках банковских экосистем, по мнению Ш.Ш. Узденова, относятся информационная (информационно-телекоммуникационная) инфраструктура и информационные технологии, на базе которых создаются сервисы и платформенные решения [Узденов: 46].

Банковские экосистемы, как и все другие бизнес-экосистемы, основаны на использовании современных информационных платформ, что обусловлено, прежде всего, развивающимися дистанционными способами взаимодействия с клиентами.

Действующее российское законодательство предусматривает использование при оказании услуг информационных платформ.

Указанный закон связывает предоставление услуг с наличием программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта и (или) страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Экосистема состоит из совокупности нескольких платформ, на которых клиенту предоставляются различные продукты и услуги⁶. Как отмечено в докладе Банка России об экосистемах, объединение нескольких платформ в экосистему в сочетании с дополняющими их офлайн-сервисами дает человеку новое качество клиентского опыта. Как считает регулятор, именно экосистемный подход позволит клиенту экономить время, затрачиваемое на поиск и покупку товаров и услуг⁷.

Под «информационной системой» в п. 3 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁸ понимается совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств.

Представляется, что указанное определение является достаточно общим и не отражает специфику финтех, поскольку может применяться к любой совокупности правил и устройств, в том числе не основанных на современных технологиях. Законодатель не раскрыл признаки, которым должна отвечать информационная система, позволяющая разграничивать цифровые права от иных имущественных прав (за исключением условия об их независимости от третьих лиц).

В этой связи требуется выявление таких признаков. Одним из основных признаков информационной системы является ее формирование на базе цифровых технологий [Михеева: 18].

В-третьих, в рамках банковской экосистемы оказываются как банковские, так и небанковские услуги. В России «создаются так называемые экосистемы, где современные, передовые решения используются буквально на каждом этапе работы с клиентами, охватывают как традиционные банковские сервисы, так и новые, перспективные направления. Такие действительно кардинальные изменения ведут к трансформации банковского сектора»⁹.

Как показывает практика, в рамках банковских экосистем кредитные организации занимаются предоставлением не только банковских, но и различных небанковских услуг.

Реализация банками небанковских услуг имеет положительный эффект для потребителя и банковской системы. Компании, объединяемые в рамках экосистем, предлагают клиентам кредитных организаций разнообразные финансовые и нефинансовые услуги и товары с целью удовлетворения как можно большего объема их потребностей [Трушина, Смагин: 8].

В-четвертых, все участники экосистемы объединены общим брендом. Особенностью банковских экосистем признают создание их «вокруг собственных брендов» [Косарев, Иараджули: 58].

Бренд банка широко используется в деятельности банковских экосистем и, как показывает практика, имеет определяющее значение для выбора потребителей.

Кредитным организациям (их дочерним компаниям) часто принадлежит исключительное право на товарный знак, схожий с их фирменным наименованием, который они используют в отношении создаваемых ими непосредственно или через дочерние компании юридические лица.

При этом на практике такой товарный знак уже давно воспринимается как «бренд» для обозначения не товаров и услуг, а самого банка.

В п. 2.1.3. ГОСТ Р 57881-2017 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система защиты от фальсификаций и контрафакта» содержится определение понятия «бренд (brand)»: связанный с рыночными отношениями нематериальный актив, направленный на индивидуализацию товара, услуги или организации либо их комбинации, создающий однозначное восприятие данных товара, услуги или организации у любой заинтересованной стороны, что приводит к возникновению экономической ценности»¹⁰.

Следует согласиться с тем, что «бренд эволюционирует, он трансформировался из товарной в институциональную сферу, стал применимым по отношению не только к «образу» товара, но и к «образу» организации в целях установления их отличительных особенностей от конкурирующих предложений» [Клименко: 10]. Деятельность банковских экосистем с использованием брендов является этому подтверждением, поскольку участники экосистемы часто объединяются именно под брендом банка.

Таким образом, следует согласиться с тем, что понятие «бренд» шире понятия «товарный знак» и имеет свои особенности, которые отличают его от товарного знака.

В-пятых, клиенты часто доверяют банкам. Авторами исследовались вопросы лично-доверительно-го характера отношений сторон отдельных договоров. В банковской деятельности доверие – основополагающий ресурс, недостаток или отсутствие которого затрудняет или пресекает развитие отношений клиента с банком¹¹.

Под доверительным отношением клиента банка следует понимать сложившееся в силу ряда как объективных, так и субъективных причин отношение клиента к кредитной организации, в результате которого такой клиент уверен в существовании дополнительных гарантий, минимизирующих существующую информационную диспропорцию, а также риски при заключении и реализации банковских договоров.

Таким образом, банковская деятельность в силу своей специфики если и не всегда имеет доверитель-

ный характер, то в любом случае вызывает у клиентов больше доверия, чем деятельность многих других юридических лиц в России.

В-шестых, кредитная организация использует в рамках экосистемы персональные данные своих клиентов.

В платформенной экономике данные становятся ключевой ценностью¹².

Как пишет З.Н. Ашурбекова, «концентрации на клиенте способствует цифровизация экономики, в частности таргетирование услуг благодаря технологиям больших данных. Это делает клиентские сервисы доступнее, быстрее и комфортнее» [Ашурбекова: 19].

Персональные данные о клиентах, имеющиеся у кредитных организаций в связи с заключаемыми банковскими договорами, являются основой и инструментом расширения деятельности экосистем.

Поскольку банковская деятельность предполагает идентификацию клиентов, в том числе в силу требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, каждая кредитная организация имеет информацию о своих клиентах, их персональные данные.

Владение персональными данными клиентов, которые называют «большими данными», и их использование в рамках экосистем уже не вызывает сомнений. Так, например, на официальном сайте «Сбера» указано, что в его экосистеме 101,5 млн активных розничных клиентов¹³.

Как отмечено в отчетном документе Роскомнадзора, подавляющее количество жалоб, поступивших в данный орган от граждан, традиционно касалась защиты персональных данных в связи с их размещением в сети Интернет, организацией деятельности банков и передачей персональных данных граждан коллекторским агентствам. В частности, в отношении кредитных организаций распространены жалобы на передачу персональных данных без согласия граждан, а в отношении коллекторских агентств – на обработку персональных данных граждан без их согласия¹⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что вопрос о защите персональных данных в банковской деятельности является одним из ключевых и приобретает еще большую актуальность в связи с активным внедрением банками новых цифровых технологий.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующее определение, которое предлагается закрепить нормативно. Банковская экосистема представляет собой не имеющее юридической личности объединение юридических лиц, которое является разновидностью банковской группы [Михеева: 45] и отвечает следующим признакам:

– в рамках банковской экосистемы оказываются как банковские, так и небанковские услуги, объеди-

ненные единой информационной платформой и единым брендом;

– участники экосистемы пользуются предоставленной кредитной организацией информационно-технической инфраструктурой, поскольку основой любой экосистемы являются новые, в том числе цифровые, технологии;

– все участники экосистемы объединены одним или несколькими договорами, направленными на создание указанного объединения;

– участники экосистемы объединены общим «брендом»;

– участники экосистемы пользуются базой данных кредитной организации о ее клиентах, включая их персональные данные;

– участники экосистемы пользуются доверием, которое оказано клиентами банку.

Используя свой бренд, доверие клиентов, банки должны обеспечивать защиту их интересов, в этой связи представляется необходимым возложение на банки ответственности за неисполнение обязательств и недобросовестное поведение этих компаний перед потребителями, что позволит минимизировать существующие (договорную и информационную) диспропорции. С учетом указанного предлагаем дополнить действующее законодательство положением об ответственности банков в случае нарушения обязательств другими участниками экосистемы.

Примечание

¹ Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А., Карпинская В.А. Развитие экосистем в финансовом секторе России // Управленец. 2020. Т. 11, № 4. С. 2.

² Следует еще раз обратить внимание на то, что в литературе используются понятия «экосистема», «банковская экосистема», «цифровая экосистема» и т. д. (Прим. авт. – И. М.)

³ Доклад для общественных консультаций. Экосистемы: подходы к регулированию. Банк России. Апрель 2021 г. URL: https://www//cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf. С. 7 (дата обращения: 15.03.2023) (далее – Доклад Банка России об экосистемах).

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 06.04.2021 № 304-ЭС20-2349(2) по делу № А46-10789/2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>

⁵ Доклад Банка России об экосистемах. С. 20.

⁶ Доклад Банка России об экосистемах. С. 15.

⁷ Доклад Банка России об экосистемах. С. 8.

⁸ СЗ РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

⁹ Совещание о ситуации в банковской сфере. URL: <https://mail.yandex.ru/?uid=78464190#message/175077435514102485> (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁰ ГОСТ Р 57881-2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Система защиты от фальсификаций и контрафакта. Термины и определения: (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 31.10.2017 № 1606-ст.). URL: <https://www.consultant.ru/law/podborki/brend/> (дата обращения: 14.04.2023).

¹¹ Психология объясняет наши отношения с банками. URL: https://www.finance.rambler.ru/other/43097131/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 15.03.2023).

¹² Доклад Банка России об экосистемах. С. 3.

¹³ Экосистема Сбера. URL: <https://spec.tass.ru/sber180/ekosistema-sbera> (дата обращения: 15.01.2023).

¹⁴ URL: <https://spec.tass.ru/sber180/ekosistema-sbera> (дата обращения: 14.03.2023).

Список литературы

Аишурбекова З.Н. Банковские экосистемы как новое направление трансформации банковского сектора России // Теория и практика мировой науки. 2021. № 5. С. 19–22.

Гаврилов С.Н. Информационная (цифровая) экосистема адвокатуры в контексте экосистемы цифровой экономики России // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 160–165.

Карелина С.А. Правовые проблемы несостоятельности (банкротства) корпораций: новеллы и тенденции // Право и бизнес: Приложение к журналу «Предпринимательское право». 2018. № 2. С. 41–45.

Кинсбургская В.А. Блокчейн как технологическая основа развития банковских экосистем // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 3 (246). С. 41–42.

Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А., Карпинская В.А. Развитие экосистем в финансовом секторе России // Управление. 2020. Т. 11, № 4. С. 9–12.

Клименко А.А. Развитие брэндинга в системе потребительской кооперации: автореф. ... канд. экон. наук. Белгород, 2009. С. 25.

Косарев В.Е., Иараджули Г.М. Экосистема как новая модель развития банка // Финансовые рынки и банки. 2020. № 1. С. 58–62;

Корпоративное право: учебник / отв. ред. И.С. Шиткина. Москва: Статут, 2019. С. 178.

Михеева И.Е. Отдельные правовые особенности залога цифровых прав // Право и экономика. 2022. № 10 (416). С. 18–23.

Полякова В.Э. Группа компаний: понятие, особенности правового положения. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». 2022. URL: <https://www.consultant.ru/>

Трушина К.В., Смагин А.В. Тренд на развитие крупнейших банков в парадигме экосистемы (к вопросу о понятии «экосистема») // Банковские услуги. 2019. № 12. С. 8–13.

Узденов Ш.Ш. Понятие «банковская экосистема» // Банковское право. 2022. № 3. С. 46–49.

Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект: монография / под ред. Л.Г. Ефимовой. Москва: Проспект, 2021. С. 416.

Чистюхин В.В. Правовое регулирование финансового контроля за деятельностью некредитных финансовых организаций в Российской Федерации: автореф. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. С. 35.

References

Ashurbekova Z.N. *Bankovskie ekosistemy kak novoe napravlenie transformatsii bankovskogo sektora Rossii* [Banking ecosystems as a new direction of transformation of the Russian banking sector]. *Teoriia i praktika mirovoi nauki* [Theory and practice of world science], 2021, No. 5, pp. 19-22. (In Russ.)

Gavrilov S.N. *Informatsionnaia (tsifrovaia) ekosistema advokatury v kontekste ekosistemy tsifrovoi ekonomiki Rossii* [Informational (digital) ecosystem of advocacy in the context of the ecosystem of the digital economy of Russia]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. [Actual problems of Russian law], 2019, No. 6 (103), pp. 160-165. (In Russ.)

Karelina S.A. *Pravovye problemy nesostoiatel'nosti (bankrotstva) korporatsii: novelly i tendentsii* [Legal problems of insolvency (bankruptcy) of corporations: novelties and trends]. *Pravo i Biznes (prilozhenie): Predprinimatel'skoe pravo* [Law and Business (the application): Entrepreneurial law], 2018, No. 2, pp. 41-45. (In Russ.)

Kinsburskaia V.A. *Blokchein kak tekhnologicheskaia osnova razvitiia bankovskii ekosistem* [Blockchain as a technological basis for the development of banking ecosystems]. *Imushchestvennyye otnosheniia v Rossiiskoi Federatsii*. [Property relations in the Russian Federation], 2022, No. 3 (246), pp. 41-42. (In Russ.)

Kleiner G.B., Rybachuk M.A., Karpinskaia V.A. *Razvitie ekosistem v finansovom sektore Rossii* [Development of ecosystems in the financial sector of Russia]. *Upravlenets* [Manager], 2020, vol. 11, No. 4, pp. 9-12. (In Russ.)

Klimenko A.A. *Razvitie brendinga v sisteme potrebitel'skoi kooperatsii: avtoref. ... d-ra ekon. nauk* [Branding development in the system of consumer cooperation DSc thesis, summary]. Belgorod, 2009, 25 p. (In Russ.)

Kosarev V.E., Iaradzhuli G.M. *Ekosistema kak novaia model' razvitiia banka* [Ecosystem as a new model of bank development]. *Finansovye rynki i banki*. [Financial markets and banks], No. 1, 2020, pp. 58-62. (In Russ.)

Korporativnoe pravo [Corporate law]: учебник, ed. by I.S. Shitkina. Moscow, Statut Publ., 2019, p. 178. (In Russ.)

Mikheeva I.E. *Otdel'nye pravovye osobennosti zaloga tsifrovyykh prav* [Separate legal features of the pledge

of digital rights]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 2022, No. 10 (416), pp. 18-23. (In Russ.)

Poliakova V.E. *Gruppa kompanii: poniatie, osobennosti pravovogo polozheniia* [Group of companies: concept, features of the legal situation]. Dostup iz SPS «Konsul'tantPlus», 2022. URL: <https://www.consultant.ru> (In Russ.)

Trushina K.V., Smagin A.V. *Trend na razvitie krupneishikh bankov v paradigme ekosistemy (k voprosu o poniatii «ekosistema»)* [The trend for the development of the largest banks in the ecosystem paradigm (on the question of the concept of “ecosystem”)]. *Bankovskie uslugi* [Banking services], 2019, No. 12, pp. 8-13. (In Russ.);

Uzdenov Sh.Sh. *Poniatie «bankovskaia ekosistema»* [The concept of “banking ecosystem”]. *Bankovskoe pravo* [Banking law], 2022, No. 3, pp. 46-49. (In Russ.)

Tsifrovoe pravo v bankovskoi deiatel'nosti sravnitel'no-pravovoi aspekt: monografiia [Digital law in banking comparative legal aspect]: monografiia, ed. by L.G. Efimova. Moscow, Prospekt Publ., 2021, 416 p. (In Russ.);

Chistiukhin V.V. *Pravovoe regulirovanie finansovogo kontroliia za deiatel'nost'iu nekreditnykh finansovykh organizatsii v Rossiiskoi Federatsii: avtoref. ... kand. iurid. nauk.* [Legal regulation of financial control over the activities of non-credit financial organizations in the Russian Federation: DSc thesis, summary]. Moscow, 2022, 35 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.05.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 24.05.2023.

The article was submitted 02.05.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 24.05.2023.

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВКИ СИСТЕМЫ КОНДИЦИОНИРОВАНИЯ И ВЕНТИЛЯЦИИ НА ФАСАДЕ МНОГОКВАРТИРНОГО ДОМА

Шмелев Константин Викторович, кандидат юридических наук, доцент, Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Нижний Новгород, Россия, pfrap-kafedragpd@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7580-3023>

Моисеева Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Нижний Новгород, Россия, pfrap-kafedragpd@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1880-9408>

Аннотация. В статье рассматривается правовое регулирование порядка установки внешнего блока системы кондиционирования и вентиляции на фасаде многоквартирного дома. В связи с отсутствием необходимости получения специального разрешения на монтаж системы кондиционирования в федеральном законодательстве, разнообразной судебной практикой по данному вопросу, у собственников жилых помещений возникают проблемы реализации жилищных прав на подобное улучшение жилого помещения. В ходе исследования было установлено, что данные правоотношения в настоящее время регулируются, в частности, региональным законодательством, но оно не определяет вопрос согласования установки внешнего блока системы кондиционирования с иными собственниками общего имущества многоквартирного дома. Актуальным является вопрос о возможности определения технических условий установки системы кондиционирования в договоре управления многоквартирным домом, необходимости получения разрешения на установку от управляющей организации. По результатам проведенного анализа действующего законодательства и материалов судебной практики сделан вывод о необходимости определения требований к согласованию установки внешнего блока системы кондиционирования с иными собственниками общего имущества многоквартирного дома.

Ключевые слова: система кондиционирования, кондиционер, управление, многоквартирный дом, общая собственность, осуществление жилищных прав, общее собрание собственников.

Для цитирования: Шмелев К.В., Моисеева О.В. Проблемы установки системы кондиционирования и вентиляции на фасаде многоквартирного дома // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 227–232. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-227-232>

Research Article

PROBLEMS OF INSTALLATION OF AN AIR-CONDITIONING AND VENTILATION SYSTEM ON A FACADE OF THE APARTMENT HOUSE

Konstantin V. Shmelev, Candidate of jural sciences, Associate Professor, Volga branch of the federal state budgetary educational institution of higher education "Russian State University of Justice", Nizhny Novgorod, Russia, pfrap-kafedragpd@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7580-3023>

Olga V. Moiseeva, Candidate of legal sciences, Associate Professor, Volga Branch of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice", Nizhny Novgorod, Russia, pfrap-kafedragpd@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1880-9408>

Abstract. The article deals with the legal regulation of the order of installation of external unit of air conditioning and ventilation system on the façade of an apartment building. In connection with the absence of the necessity to obtain a special permit for installation of air-conditioning system in the federal legislation and the diverse judicial practice on this question there are problems of housing owners' rights realisation for such improvement of dwelling premises. During the study it was found that these legal relations are currently regulated, including by regional legislation, but it does not define the issue of approval of the installation of an external air conditioning system unit with other owners of the common property of the apartment building. Relevant is also the question of the possibility of defining the technical conditions for the installation of air conditioning system in the management contract of the apartment building, the need to obtain permission for the installation

from the managing organisation. As a result of the analysis of the current legislation and materials of the judicial practice the conclusion on necessity of establishment of requirements to coordination of installation of the external block of the air conditioning system with other owners of the general property of the apartment house is made.

Keywords: air-conditioning system, air conditioner, management, apartment building, common property, exercise of housing rights, general meeting of owners.

For citation: Shmelev K.V., Moiseeva O.V. Problems of installation of an air-conditioning and ventilation system on a facade of the apartment house. *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, No. 2, pp. 227–232. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-227-232>

Проблемы осуществления жилищных прав, связанных с использованием общего имущества многоквартирного дома гражданами – собственниками жилых помещений, не всегда получают достаточно полное освещение в юридической литературе. Как правило, исследуется сам институт общей долевой собственности [Филатова: 5–7], содержание права собственности на общее имущество многоквартирного дома [Кудина: 86]. Однако отдельного изучения требуют и вопросы, связанные с особенностями реализации собственниками помещений закрепленных в законе правомочий по владению, пользованию и распоряжению общим имуществом в многоквартирном доме.

Следует отметить, что значительную часть жилищных прав, в том числе связанных с перепланировкой, переустройством, реконструкцией жилого помещения, собственник жилого помещения может осуществить только с учетом мнения иных собственников, так как лицо, обладающее равными с другими собственниками правами по владению, пользованию и распоряжению общим имуществом многоквартирного дома, вправе реализовать данное право лишь в случае достижения соглашения между всеми участниками долевой собственности¹. Одной из проблем, связанных с реализацией собственниками подобных жилищных прав, является установка внешнего блока системы кондиционирования на стенах многоквартирных домов. Основным катализатором, способствующим возникновению юридических споров в связи с установкой кондиционеров в многоквартирных домах, является правовая неопределенность в этом вопросе. Исследования, посвященные правовому регулированию отношений, связанных с установкой систем кондиционирования и вентиляции на фасаде многоквартирного дома, немногочисленны и практико-ориентированны [Жиров: 41–48, Чистов: 30–33]. Тем не менее рассматриваемые вопросы порождают проблему реализации прав собственников помещений в отношении общего имущества многоквартирного дома. Правомочность и пределы использования внешней стены – ограждающей несущей конструкции многоквартирного дома – для установки системы кондиционирования поднимают аналогичные вопросы по использованию той же стены многоквартирного дома с внутренней стороны помещений, напри-

мер для крепления мебели, оборудования, освещения, предметов интерьера и пр.

Таким образом, отдельная проблема реализации правомочий собственника на общее имущество многоквартирного дома, связанная с установкой системы кондиционирования, демонстрирует наличие проблем в использовании общего имущества, а также в целом касается содержания права собственности на помещение в многоквартирном доме, так как ограждающие несущие (включая фундаменты, несущие стены, плиты перекрытий, балконные и иные плиты, несущие колонны и иные ограждающие несущие конструкции) и несущие конструкции многоквартирного дома, обслуживающие более одного жилого и (или) нежилого помещения (включая окна и двери помещений общего пользования, перила, парапеты и иные ограждающие несущие конструкции) относятся к общему имуществу¹⁵.

Анализ действующего законодательства и материалов судебной практики показывает, что можно выделить две точки зрения по вопросу правомерности установления внешнего блока кондиционера на фасаде многоквартирного дома. Согласно первой, установка системы кондиционирования и вентиляции требует обязательного разрешения со стороны органов власти и согласия общего собрания собственников помещений многоквартирного дома. Организации по обслуживанию жилищного фонда обязаны осуществлять контроль за тем, чтобы на стенах многоквартирных домов не размещались растяжки, вывески, указатели, спутниковые антенны и кондиционеры. Установку кондиционера на стену дома можно рассматривать как переустройство или переоборудование помещения². Кроме того, стена многоквартирного дома является ограждающей несущей конструкцией, поэтому она относится к общей собственности, вопросы использования которой отнесены к компетенции общего собрания собственников помещений многоквартирного дома³. С другой стороны, действующее законодательство не содержит прямых предписаний об обязательном разрешении на установку кондиционера, так как установка не представляет собой перепланировку жилого помещения и не требует изменения технической документации, не влечет изменения состава и статуса общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме.

Кроме того, защита прав собственников помещений при несогласованной с общим собранием собственников помещений установкой кондиционера является правом самих собственников помещений, в то время как управляющая организация может обращаться в суд по данным вопросам только при наличии у нее специальных полномочий, предоставленных ей собственниками помещений. Так, судом определено, что никаким решением общего собрания собственников помещений многоквартирных домов право на защиту в рамках спорных правоотношений общих интересов собственников помещений как участников определенного гражданско-правового сообщества, в том числе право на обращение в суд с настоящими исками в объединенных интересах собственников помещений, управляющей организации делегировано не было. В рамках полномочий управляющей организации, следуемых из нормативных правовых предписаний ст. 161 ЖК РФ, управляющая организация вправе требовать устранения недостатков (дефектов), влияющих на благоприятные и безопасные условия проживания граждан либо препятствующих надлежащему содержанию общего имущества в многоквартирном доме. Вместе с тем правом требовать демонтажа внешних блоков кондиционеров по основаниям их установки без согласия остальных собственников помещений в многоквартирном доме управляющая организация согласно закону изначально не наделена.

Судебная коллегия отмечает, что право свободного и беспрепятственного владения и пользования общим имуществом многоквартирного дома принадлежит собственникам помещений в этом многоквартирном доме в силу прямого предписания закона (ст. 36 ЖК РФ) и само по себе не требует какого-либо специального либо отдельного подтверждения на общем собрании собственников помещений многоквартирного дома. Как следствие, размещение внешних блоков кондиционеров на фасаде многоквартирного дома может производиться собственниками помещений без получения предварительного согласия на такое размещение со стороны общего собрания собственников⁴. Последний вывод суда представляется неоднозначным, так как к компетенции общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме отнесены вопросы о пользовании общим имуществом.

Таким образом, вопросы о праве организаций по обслуживанию жилищного фонда на подачу исковых заявлений о демонтаже внешних блоков систем кондиционирования, выдаче разрешений на установку систем кондиционирования на сегодняшний день весьма неоднозначны и требуют уточнения.

Наружные блоки систем кондиционирования и вентиляции, являясь системами технического обеспечения внутренней эксплуатации, относятся к до-

полнительному оборудованию, элементам и устройствам, размещаемым на фасадах зданий⁵, то есть их установка требует использования общего имущества многоквартирного дома. Исковые заявления о демонтаже установленных на фасадах многоквартирных домов блоков систем кондиционирования, как правило, подают организации по обслуживанию жилищного фонда, а также соседи – иные собственники общего имущества многоквартирного дома в связи с нарушением их прав и необходимостью устранения препятствий в пользовании имуществом, органы по охране объектов культурного наследия. Объективно и фактически нарушать права других собственников помещений установка кондиционера может в случаях шума, издаваемого механизмом, конденсата, портящего внешний вид фасада дома или попадающего на балконы других жильцов, перекрытия обзора из окон других квартир, трещин на стенах дома, угрозы короткого замыкания или самовоспламенения из-за несоблюдения правил пожарной безопасности и т. д.

В связи с тем, что жилищное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, в настоящее время нет единообразного подхода к правовому регулированию вопроса по установке систем кондиционирования в различных субъектах Российской Федерации, отсутствуют четкие, единые требования к оформлению монтажа и установке подобного оборудования собственниками помещений в многоквартирных домах.

Примерами различного подхода к регулированию данных отношений являются Постановление правительства Санкт-Петербурга от 09.11.2016 № 961 «О правилах благоустройства территории Санкт-Петербурга и о внесении изменений в некоторые постановления правительства Санкт-Петербурга», которое закрепляет жесткую разрешительную систему к установке внешних блоков кондиционеров на фасадах многоквартирных домов⁶ и Постановление правительства Москвы от 25 октября 2011 года № 508-ПП «Об организации переустройства и (или) перепланировки помещений в многоквартирных домах», в соответствии с которым предусмотрены ограничения на установку кондиционеров только на объектах культурного наследия или выявленных объектах культурного наследия (на которых допускается установка кондиционеров при условии их размещения на дворовых фасадах, а также в случаях, когда их установка предусмотрена проектом)⁷.

Постановлением администрации города Тюмени от 30 августа 2019 года № 162-пк установлены требования по согласованию установки наружных блоков систем кондиционирования размерами от 900 × 700 × 350 мм и более, наружных блоков систем вентиляции на фасадах зданий, строений, сооружений,

а также условия размещения данного дополнительного оборудования, к которым относится необходимость соблюдения:

а) единого архитектурного и цветового решения фасадов;

б) соответствия архитектурному решению фасадов, предусмотренному проектной документацией;

в) учет и сохранение характера сложившейся застройки территории, прилегающей к зданию, строению, сооружению. Установлен запрет на размещение наружных блоков систем кондиционирования над пешеходными тротуарами, а также на высоте менее 3,0 м от поверхности земли⁸.

Согласно п. 3.5.8 Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда, крепление к стенам зданий различных растяжек, подвесок, вывесок, указателей (флагштоков и других устройств), установка кондиционеров и спутниковых антенн без соответствующего разрешения недопустимы¹⁴. Тем не менее вопрос о «соответствующем разрешении» в настоящее время является открытым, так как федеральное законодательство не содержит указания, у кого и в каком порядке необходимо получать данное разрешение.

Так, органами местного самоуправления может определяться порядок выдачи разрешений на установку дополнительного оборудования фасадов заинтересованным лицам⁵.

Для установки кондиционера также необходимо получить разрешение собственников общего имущества многоквартирного дома. Действия собственника помещения в многоквартирном доме, выражающиеся в несоблюдении установленного порядка пользования общим имуществом и в размещении на общем имуществе многоквартирного дома личного оборудования без соответствующего на то решения общего собрания собственников помещений в доме, подлежат признанию нарушающими права общей долевой собственности, принадлежащей всем собственникам помещений в многоквартирном доме⁹.

Спорным является вопрос о необходимости получения согласия всех собственников помещений многоквартирного дома или решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, принятого в соответствии с требованиями жилищного законодательства. К примеру, суд удовлетворил требования управляющей организации о демонтаже кондиционера, устранении повреждении общего имущества, в том числе в связи с тем, что материалы дела не содержат сведений о том, что ответчик получил согласие всех собственников помещений данного дома на монтаж кондиционера¹⁰.

При разрешении споров по требованиям о демонтаже внешних блоков систем кондиционирования, судом может быть установлен факт того, что договор

управления многоквартирным домом содержит обязанность управляющей организации не допускать использование общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме без соответствующих решений общих собраний собственников, в том числе обязанность предотвращать установку без согласования с управляющей организацией на фасаде дома и в местах общего пользования наружных технических устройств: внешних блоков кондиционеров¹¹. Размещение собственником внешнего блока кондиционера без получения разрешения управляющей компании рассматривается как нарушение условий пользования общим имуществом, установленных договором управления многоквартирным домом¹². Кроме того, имеются случаи определения управляющей организацией технических условий по установке кондиционера¹³ либо определение в договоре управления многоквартирным домом конкретного места размещения внешних блоков кондиционеров, например только внутри балкона¹².

Установка внешних блоков кондиционеров так или иначе затрагивает общее имущество – несущую ограждающую конструкцию (капитальную фасадную стену) многоквартирного дома, тем самым подпадая под сферу регулятивных решений общего собрания. Общее собрание собственников для преодоления проблем с получением разрешений на установку кондиционеров вправе принять положение о пользовании общим имуществом, в котором может установить соответствующие критерии.

В соответствии со ст. 162 Жилищного кодекса, круг полномочий управляющих организаций определяется условиями договора управления между собственниками помещений и управляющей организацией в многоквартирном доме, по которым управляющие организации контрольными полномочиями в отношении использования общего имущества, а также правом выступать в защиту прав собственников помещений в судах не наделяются.

Постановлением Госстроя РФ от 27.09.2003 № 170 «Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда», напротив, управляющие организации наделяются контрольными полномочиями, хотя, исходя из смысла норм Жилищного кодекса, природа отношений между собственниками помещений в многоквартирном доме и управляющей организацией носит гражданско-правовой договорный характер, а контрольные функции управляющей организации как обязательные условия договора управления не предусматриваются.

Подводя итог, следует отметить, что на сегодняшний день в связи с отсутствием единообразной судебной практики необходимо изменение законодательства, связанное с согласованием установки внешнего блока системы кондиционирования в части использо-

вания общего имущества: необходимость получения согласия собственников всех жилых помещений многоквартирного дома либо разрешение данного вопроса общим собранием или управляющей организацией.

Безусловно, неконтролируемый процесс установки блоков кондиционеров на фасадах многоквартирных домов требует внимания законодателя, и необходимость урегулировать этот вопрос не подвергается сомнению. Однако механизм регулирования должен быть эффективным и как минимум не создавать новых проблем и без того в достаточно сложной области отношений, возникающих по поводу осуществления прав на жилые помещения.

Судебные решения о демонтаже блоков кондиционеров, основанные только на отсутствии формальных разрешений, создают явный дисбаланс между общим и частным интересом, приводя к неоправданному причинению ответчикам значительных убытков и к заведомо несоразмерным последствиям допущенных ответчиками нарушений.

Кроме того, следует отметить, что жилищное право Российской Федерации имеет теоретические недостатки, оперируя только понятиями «переустройство» и «перепланировка» жилых помещений, которые не охватывают установку систем кондиционирования и вентиляции в жилых помещениях многоквартирных домов. На наш взгляд, законодателю следовало бы внести в Жилищный кодекс Российской Федерации такое понятие, как «улучшение жилого помещения», под которым нужно понимать усовершенствование жилого помещения путем установки дополнительного оборудования, создающего повышенные условия проживания, не предусматриваемые проектной документацией, в том числе с использованием общего имущества многоквартирного дома.

Примечания

¹ Обзор судебной практики разрешения дел по спорам, возникающим в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости: (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2017). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220487 (дата обращения: 21.04.2023).

² Решение Мытищенского городского суда Московской области от 02 сентября 2021 г. по делу № 2-5186/2021. URL: https://mitishy--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=390659089&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 21.04.2023).

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 26 апреля 2022 г. по делу № 33-8966/2022. URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=74810176&case_uid=0769e8fd-86fc-4de6-ab96-e27ec924288f&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 21.04.2023).

⁴ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 30 мая 2022 г. по делу № 33-19469/2022. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/ea988550-db55-11ec-b539-5b13a77a54f7> (дата обращения: 24.04.2023).

⁵ Об утверждении Правил содержания, ремонта и реставрации фасадов зданий и сооружений на территории города Челябинска: Решение Челябинской городской думы от 25 октября 2011 г. № 28/11 (ред. 30.03.2020). URL: <https://docs.cntd.ru/document/432947241> (дата обращения: 24.04.2023).

⁶ О Правилах благоустройства территории Санкт-Петербурга и о внесении изменений в некоторые постановления Правительства Санкт-Петербурга: Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 9 ноября 2016 № 961 (ред. 13.04.2023). URL: <https://docs.cntd.ru/document/456024404> (дата обращения: 24.04.2023).

⁷ Об организации переустройства и (или) перепланировки помещений в многоквартирных домах: Постановление Правительства Москвы от 25 октября 2011 г. № 508-ПП (ред. 26.12.2022). URL: <https://docs.cntd.ru/document/537907820> (дата обращения: 24.04.2023).

⁸ Об утверждении Требований к внешнему виду фасадов зданий, строений, сооружений на территории города Тюмени, Порядка выявления, демонтажа дополнительного оборудования, элементов и устройств, не соответствующих Требованиям к внешнему виду фасадов зданий, строений, сооружений на территории города Тюмени: Постановление Администрации города Тюмени от 30 августа 2019 года № 162-пк (ред. 27.12.21). URL: <https://docs.cntd.ru/document/561515614> (дата обращения: 24.04.2023).

⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2023 № 5-КГ22-150-К2. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=756460#cBpUKcT32DDiqDr4> (дата обращения: 24.04.2023).

¹⁰ Решение Невского районного суда г. Санкт-Петербурга от 24 мая 2022 г. по делу № 2-1849/2022. URL: https://nvs--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=627059426&case_uid=f1cc0056-4956-4ff9-b5cb-7b3f72dce452&delo_id=1540005 (дата обращения: 24.04.2023).

¹¹ Решение Одинцовского городского суда Московской области от 12 мая 2022 г. по делу № 2-3187/2022.

URL: https://odintsovo--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=458927689&case_uid=e49b8ae0-17e7-4b3b-b5ed-d22092bf7efa&delo_id=1540005 (дата обращения: 24.04.2023).

¹² Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда от 05 мая 2022 г. по делу № 11-3613/2022. URL: https://oblsud--chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=36781940&case_uid=1601962e-f5e1-404b-a682-d9bce2d32743&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 24.04.2023).

¹³ Решение Сосновского районного суда Челябинской области от 18 марта 2022 по делу № 2-64/2022. URL: https://sosn--chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=419718188&case_uid=e1002b17ecc1-43c8-94f2-ab9989764d94&delo_id=1540005 (дата обращения: 24.04.2023).

¹⁴ Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда Постановление Госстроя РФ от 27.09.2003 № 170 (с изм. от 22.06.2022): (зарегистрировано в Минюсте РФ 15.10.2003 № 5176). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44772 (дата обращения 24.04.2023).

¹⁵ Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и Правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность: Постановление Правительства РФ от 13 августа 2006 г. № 491 (ред. от 27 марта 2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_62293 (дата обращения: 24.04.2023)

Список литературы

Жиров А.А. Остекление балкона, установка кондиционера: согласовывать ли нет? // Жилищное право. 2011. № 4. С. 41–48.

Кудина С.А. Осуществление правомочий собственника общего имущества в многоквартирном доме. Уфа: УЮИ, 2011. 135 с.

Филатова У.Б. Институт права общей долевой собственности собственников помещений в многоквартирном доме в России и странах немецкоязычного правового круга // ГлаголЪ правосудия. 2015. № 2 (10). С. 5–7.

Чистов А.П. Особенности правового регулирования размещения блоков кондиционеров на фасадах жилых зданий // Правовые вопросы недвижимости. 2022. С. 30–33.

References

Chistov A.P. *Osobennosti pravovogo regulirovaniia razmeshcheniia blokov konditsionerov na fasadakh zhi-lykh zdanii* [Features of the legal regulation of the placement of air conditioner units on the facades of residential buildings]. *Pravovye voprosy nedvizhimosti* [Legal issues of real estate], 2022, pp. 30-33 (In Russ.)

Filatova U.B. *Institut prava obshchei dolevoi sobstvennosti sobstvennikov pomeshchenii v mnogokvartirnom dome v Rossii i stranakh nemetskoiazыchnogo pravovogo kruga* [The Institute of the Law of Common Shared Ownership of the Owners of Premises in an Apartment Building in Russia and the Countries of the German-Speaking Legal Circle]. *Glгол pravosu-diiia* [Verb of justice], 2015, No. 2 (10), pp. 5-7 (In Russ.)

Kudina S.A. *Osushchestvlenie pravomochii sobstvennika obshchego imushchestva v mnogokvartirnom dome* [Exercise of the powers of the owner of common property in an apartment building]. Ufa, UIul Publ., 2011, 135 p. (In Russ.)

Zhirov A.A. *Osteklenie balkona, ustanovka konditsionera: soglasovyvat' li net?* [Balcony glazing, air conditioning installation: should it be coordinated or not?]. *Zhilishchnoe pravo* [Housing law], 2011, No. 4, pp. 41-48 (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.04.2023; одобрена после рецензирования 24.05.2023; принята к публикации 25.05.2023.

The article was submitted 24.04.2023; approved after reviewing 24.05.2023; accepted for publication 25.05.2023.

ЮБИЛЕИ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 233–242. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 233–242. ISSN 1998-0817

Сообщение

УДК 51(091)

EDN

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-233-242>

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ КОРНИЛОВ (к столетию со дня рождения)

Секованов Валерий Сергеевич, доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, sekovanovvs@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8604-8931>

Аннотация. В статье описана творческая жизнь выдающегося писателя Владимира Григорьевича Корнилова. Основу очерка составляют воспоминания автора о Корнилове, его впечатления об этой личности, отмечается вклад В.Г. Корнилова в становление и развитие Костромской писательской организации, а также его внимание и кропотливую работу с начинающими писателями. Особо подчеркиваются смелость, реализм и писательское мастерство Корнилова. В статье упоминается о наградах Владимира Григорьевича Корнилова, его достижениях в области литературы и общественной деятельности, приводятся теплые воспоминания людей, знавших В.Г. Корнилова.

Ключевые слова: Юбилей, литература, писатель, фронтовик, Костромская писательская организация.

Для цитирования: Секованов В.С. Владимир Григорьевич Корнилов (к столетию со дня рождения) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 233–242. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-233-242>

Research Article

VLADIMIR GRIGOR'YEVICH KORNILOV (on the centenary of the birth)

Valeriy S. Sekovanov, Doctor of Pedagogic Sciences, Candidate of Physical-Mathematical Sciences, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, sekovanovvs@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8604-8931>

Abstract. The creative life of the outstanding writer Vladimir Grigor'yevich Kornilov is described in the article. The author's reminiscences of Vladimir Kornilov, the former's impressions of this person form the basis of the feature article; Vladimir Kornilov's contribution to the formation and development of Kostroma writers' organisation is noted as well as his attention and painstaking work with novice writers. Courage, realism and writing skills of Vladimir Kornilov are emphasised in particular. It is mentioned in the article about Vladimir Kornilov's awards, about his achievements in the field of literature and social activities; warm memories of people who knew Vladimir Kornilov, are cited.

Keywords: jubilee, literature, writer, WW2 veteran, Kostroma writers' organisation.

For citation: *Sekovanov V.S.* Vladimir Grigor'yevich Kornilov (on the centenary of the birth). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 233–242 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-233-242>

Я расскажу о Владимире Григорьевиче Корнилове – прекрасном человеке, выдающемся писателе. Постараюсь раскрыть разносторонние качества его личности, обладающей огромной душевной силой. В очерке описаны и совместные общения с природой, рыбалки, и дискуссии на разные темы, где Корнилов раскрывался как мудрый, смелый человек, как романтик, как реалист.

Очерк состоит из двух частей. Содержание первой части основано главным образом на личных воспоминаниях, впечатлениях, знаниях. Не ради хвастовства в очерке кратко рассмотрено содержание некоторых моих рассказов и отмечено несколько моих жизненных эпизодов. Такой стиль повествования наиболее выпукло отражает вклад Корнилова в совершенствование рассказов автора очерка и раскрывает его личные качества при общении со мной. Некоторые суждения, пропущенные через «призму сознания», субъективны. Однако я старался быть правдивым, использовал открытые источники, литературу.

Вторая часть повествования состоит из воспоминаний и отзывов о Корнилове людей разных профессий, знавших его.

Часть I

Отмечу сразу, что при общении с Владимиром Григорьевичем я многому научился. Часто вспоминаю этого замечательного человека, храню о нем светлую память.

Познакомился я с В.Г. Корниловым в конце прошлого века при обсуждении моего рассказа «Не стреляйте медведей». Это был мой второй рассказ. Первый рассказ «Колодец» в 1993 году публиковался в газете «Литературная Кострома».

Несколько слов о написании рассказа «Колодец», который мне дорог и сегодня. Некто Орлов провел свое детство в лесной деревеньке, потом уехал в город. Закончив институт, стал городским жителем. На малой родине привелось ему побывать во время охоты по перу и сбора рыжиков, которые росли в мелком ельнике, заполонившем бывшее деревенское поле. Пересекая это поле, Орлов по воле случая провалился в заброшенный колодец и выбирался из него сутки. Чуть не погиб. Карабкался вверх по прогнившему срубнику, срывался, отдыхал и вновь устремлялся к свету, тускло освещающему нутро колодца. Помогли Орлову свисающие вниз корни деревенской липы, цепляясь за которые он выбрался из колодца. Во время пребывания в западне Орлов много передумал и пережил тяжелые минуты, особенно тогда, когда сознание мучила мысль о том, что бросил деревню, сбежал в город.

Полагаю, что Корнилов, прочитав рассказ «Колодец», заинтересовался моим творением, поскольку обсуждение второго рассказа «Не стреляйте мед-

ведей» затянулось не на один час. Помню, как меня терзали при обсуждении рассказа маститые писатели. Как мог, отбивался от лавины критических, порой каверзных вопросов. Где-то соглашался с замечаниями, но в основном отстаивал свои мысли. Много глубоких, порой неожиданных и каверзных вопросов задавал именно Владимир Григорьевич. Думаю, что, будучи человеком пронизательным, он хотел узнать мои мысли, цели и задачи работы не только при написании рассказа, но и по более широкому кругу вопросов.

После бурных дебатов рассказ от публикации отклонили, направив на доработку. Помню, придя домой, решил, что сдаваться не буду, прилег на диван и, долго ворочаясь с боку на бок, заснул. На следующий день приступил к правкам содержания рассказа. Работал долго, каждый день, и вот наступил тот момент, когда я поставил точку. Поразмыслив, решил показать рукопись Корнилову.

Позвонив Владимиру Григорьевичу, попросил прочитать обновленную рукопись. Корнилов с готовностью согласился. Незамедлительно передав ему рукопись, с замиранием сердца стал ждать.

История обсуждения и доработки моего рассказа кратко описаны В.Г. Корниловым в газете «Северная правда» от 7 июня 1995 г.: «С Валерием Сековановым впервые познакомился я на семинаре начинающих авторов и, пожалуй, был самым непримиримым критиком представленного им рассказа.

Мне казалось, математический ум автора, программиста по компьютерам, доцента педуниверситета, далек от образного мышления – первого необходимого условия для пробы сил в литературе художественной. О том я и сказал огорченному автору, сочувствуя и не видя перспектив в литературной его работе.

Я ошибся, недоучел энергии авторского желания рассказать во что бы то ни стало о том, что случилось однажды в его охотничьей душе в родных ему поназыревских лесах. Через полгода нежданно принес он мне заново переработанный рассказ, где и проглянула обнадеживающе столь желанная образность.

С упорством автор переделывал, доделывал текст, вникал в звучание слов, компоновку фраз, выбрасывал, будто вырывая из сердца, необязательные подробности, и вот, наконец, то душевное состояние прозрения, которого так добивался автор, получило художественное воплощение.

Рассказ состоялся...»

После предисловия В.Г. Корнилова в «Северной правде» рассказ был опубликован. Я сиял от радости, был горд, что довел рассказ до принятия Владимиром Григорьевичем его как художественного произведения.

После обсуждения и переработки рассказа мы с В.Г. Корниловым сблизились. Сближению со-

действовал и тот факт, что Корнилов любил рыбалку и охоту. А, как известно, «рыбак рыбака видит издалека». Однажды после беседы о литературе мы непроизвольно переключились на рыбацкую тему и слово за слово сговорились поехать на Костромской разлив половить со льда рыбку на мормышки.

Как сейчас помню, зима была на исходе. Вместе с нами оказался товарищ Владимира Григорьевича – Иван Григорьевич (фамилию, к сожалению, я не запомнил). Будучи оба фронтовиками, они поддерживали дружеские отношения.

Мы собрались у В.Г. Корнилова рано утром. Провожать вышла Жанна Павловна – жена Владимира Григорьевича, приветливая женщина. Он с особой теплотой и нежностью к ней относился. Жанна Павловна отвечала взаимностью, заботилась о муже всегда.

В газете «Культура» от 23 августа 2002 года, посвященной памяти В.Г. Корнилова, Жанна Павловна проникновенно писала: «Я помогала тебе во всем, подбирала материалы, печатала, и мне не было трудно. Я все делала с радостью, с увлечением, интересовалась всем, что ты, мой хороший, делаешь, и старалась, мой милый, помочь тебе во всем!...» Она всегда провожала Владимира Григорьевича на рыбалку, помогала ему собраться и не забыть что-то из рыбацких принадлежностей.

Владимир Григорьевич, Иван Григорьевич и я стали регулярно рыбачить на Костромском море, начиная с ледостава и до последнего льда.

С нетерпением ждал Корнилов выезд на рыбалку. «Душа просит воли», – не раз говорил перед выездом на Костромское море. Работал писатель не покладая рук, о чем свидетельствовали его немногословные фразы, связанные с написанием рассказа, очерка или романа. Чистый воздух, свежий ветер и рыбалка действовали на него благотворно.

Основные шедевры написаны В.Г. Корниловым в Костромском крае. Особенно дороги ему Сандогора и ее окрестности. Летом и осенью до ледостава я приезжал к чете Корниловых на дачу, расположенную на хуторе Заозерье, что под Сандогорой, где бродил по окрестным лесам, дискуссировал с Корниловым на разные темы, связанные с литературой, политикой, образованием, рыбалкой и охотой.

Помню, когда я приехал к Корниловым в Заозерье, хозяева пригласили в просторный дом, усадили за стол, стали угощать. Предварительно до моего приезда Корнилов поймал карасей. Как отмечалось, он любил рыбачить. Вкус жареных карасей в сметане, приготовленных Жанной Павловной, был отменным. Не скрою, с разрешения хозяев я немного выпивал водочки и закусывал вкусной квашеной капустой с картошкой и жареными карасями. Хорошо!

Обследуя окрестные места Заозерья, я обходил десятки километров. Собирал чернику и грибы. Од-

нажды, переночевав у Корниловых, с утра пошел в лес. Нашел десятка три белых грибов и доставил их на дачу, думая, что будет приятный подарок гостеприимным хозяевам. Увидев грибы, Корнилов похвалил меня за профессионализм в грибном деле, отметив, что в незнакомых лесах непросто найти грибы. Когда предложил наполненную грибами корзинку в подарок, он улыбнулся. Аккуратно вытащил два самых красивых белых грибка, положил на стол, сказал, что принимает с благодарностью эти грибы, а остальное грибное богатство велел отвезти домой. Я начал говорить, что на малой родине, в таежном Поназыревском районе, набрал много грибов, которые сушил, солил и мариновал, а потому нет необходимости грибы, собранные в окрестностях хутора, везти в Кострому. Однако Корнилов был неумолим. Спорить было бесполезно. Я взял корзину, отнес ее в багажник машины.

Когда вернулся, у нас с Корниловым завязалась живая беседа о литературе. Владимир Григорьевич, сидя напротив, говорил, что основой в писательском деле служит мышление художественными образами. Он также отмечал, что в художественном произведении все должно быть четко поставлено, рассчитано, и привел известную реплику А.П. Чехова о том, что если в рассказе сказано, что ружье повешено на стене, то оно должно выстрелить. Говорил Корнилов не потому, что хотел выпятить свое писательское мастерство. Он плавно перешел к моему очередному рассказу, отметив, что там есть целые абзацы, которые не связаны с основным сюжетом. Сделав паузу, Корнилов добавил, что надо постоянно править рукопись и вычеркивать лишнее. «Вычеркивайте больше!», – запомнилась мне фраза Корнилова.

– Жалко порой бывает вычеркивать, – возразил я.

– Привыкайте. Надо шлифовать содержание рассказа.

Я не наблюдал за Корниловым суждений, связанных с религией. Однако к религиозным праздникам он относился уважительно. Как мне кажется, религию считал важной составляющей культуры нации. Приведу пример. Однажды мы рыбачили весной по последнему льду. Я заметил, что Корнилов любит янтарной красотой расцветающей вербы на берегу Костромского разлива. Минут через пять он окликнул меня. Когда я подошел, Корнилов улыбнулся, попросил принести веточку вербы.

Поставив ящик, я устремился к берегу. Подойдя к вербе, сорвал несколько веточек, вернулся на лед. Поставил рядом с Корниловым свой рыболовный ящик, аккуратно положил веточки на его крышку. Владимир Григорьевич слегка подтянулся к ящику, бережно взял веточки в правую руку, поднес к лицу и, закрыв глаза, вдруг, продекламировал:

Уж верба вся пушистая
 Раскинулась кругом;
 Опять весна душистая
 Повеяла крылом.

- Вы же не пишете стихи?
 – Написал это поэт Афанасий Фет...

Помолчал с минуту, Корнилов добавил: «Сегодня Вербное воскресенье. Букетик подарю Жанне Павловне».

Неожиданно у Корнилова случилась поклевка на стоячую удочку. Он подсек, вытащил красавца окуня. Я не стал мешать, отошел в сторону и, пробуриив очередную лунку, продолжил лов.

Как уже отмечалось, зимой и весной мы (я, Владимир Григорьевич и Иван Григорьевич) рыбачили часто. Каждый выходной ездили на Костромское море. Добирались до места ловли на перекладных. Корнилов садился за руль своего «запорожца», на котором мы ехали до села Сущево. В те годы о зимней резине не было и речи. Меня удивляет, как Корнилов справлялся с управлением машиной по заснеженным дорогам. Но это еще не все!

В Сущево Владимиру Григорьевичу предоставлял место в гараже для техники Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «50-лет СССР» Леонид Михайлович Малков. Отношения между В.Г. Корниловым и Л.М. Малковым были теплыми и уважительными.

Добравшись до Сущева, Корнилов заходил в гараж, куда сторож его всегда вежливо пропускал, выгонял на улицу снегоход «Буран». Затем мы с Иваном Григорьевичем вытаскивали сани, крепили их к снегоходу, а Корнилов ставил на место «Бурана» «запорожец». Потом Владимир Григорьевич садился за руль «Бурана», Иван Григорьевич – на место пассажира, а я размещался в санях, и мы трогались к Костромскому разливу. Выехав за околицу Сущева, Корнилов обычно прибавлял газку, и ветер свистел в ушах. Вспоминаю, как весной врассыпную разлетались с дороги прилетевшие с юга грачи, а мы мчались к Костромскому морю в надежде поймать крупную рыбу. Добравшись до места, ставили снегоход на прикол, начинали рыбачить. Особенно любили ловить окуней и устраивали неявное соревнование на вылов рыбы, радовались хорошему клеву и сетовали на его отсутствие.

Ловили недалеко друг от друга. Опустив в лунки мормышки с мотылем, ждали поклевки. Однажды нарвались на клев окуня. Но клев был избирательным и капризным. Перового «матросика» вытащил Корнилов, и вскоре на льду рядом с первым запрыгал и второй полосатый красавец.

У нас с Иваном Григорьевичем поклевки не было. С завистью наблюдали, как у лунки Владимира Григорьевича росла горка окуней. «Обрубать» лунку Кор-

нилова не стали, опасаясь разогнать стайку клевавших у него полосатых матросиков.

Отойдя в сторону, я перебурил с десяток лунок. И вот наконец, почувствовав короткий удар, подсек – вскоре на льду оказался трехсотграммовый окунь. Не теряя времени, вновь опустил мормышку, и опять последовала поклевка. Я так увлекся, что перестал обращать внимание на уловы напарников. Через четверть часа клев оборвался, как обрезало! Осмотревшись, увидел у Ивана Григорьевича приличный улов. Присмотревшись внимательней, обнаружил, что наибольшая горка окуней – у Владимира Григорьевича. Бесклевые пришло также неожиданно, как и начало клева. Посидев еще с полчаса, стали собираться домой.

Огромные площади Костромского моря исколесили мы на снегоходе. Бывали и на Красной Гриве, и у Сухой Елки. Диву даешься, как мог человек без ног управлять не только легковой машиной, но и снегоходом! Но так было – и ни одной аварии не случилось, если не считать мелочи, когда я однажды вылетел из саней. Не припомню случая, чтобы «Буран» когда-то заглох. Всегда привозил снегоход нас к заветному гаражу.

Писательские дела на рыбалке, как правило, не обсуждали, захватывал лов. Одним словом – не до того было. Обычно я приезжал к Корнилову для обсуждения литературных вопросов домой, пытался показать, что и математик может быть писателем. Приводил примеры математиков, которые хорошо писали художественные произведения.

Корнилов молча слушал. Увлекаясь, я говорил, что в доказательстве теоремы сначала появляется идея, затем выстраивается логическая цепочка рассуждений, которая и приводит к цели. Нечто подобное испытывает и прозаик при написании, например, рассказа. Сначала зреет замысел, затем строится сюжет и начинается создание произведения. Причем события должны быть логически взаимосвязаны и логически непротиворечивы, как и в математике. Здесь все должно быть направлено на воплощение замысла рассказа – ничего лишнего, уводящего в сторону от сюжета.

Выслушав, Корнилов говорил, что важнейшим качеством писателя является образное мышление, не отрицая, что определенная связь с математическим мышлением проявляется. Однако он отмечал, что мышление художественными образами сильно отличается от мышления пространственного или количественного и добавлял, что не каждый ученый захочет писать, скажем, рассказы, даже если ему предложить это сделать. Он говорил, что писательство должно быть единственным занятием человека, а расплываться на две профессии, во-первых, это трудно, во-вторых, альтернативная профессия тормозит написание рассказа, повести, или романа, то есть одно мешает другому.

Мы дискуссировали часами. Однако я, плотно занимаясь наукой, писательское дело не бросал и принес для прочтения Корнилову рассказ «Кухта». Он молча взял рукопись, положил на краешек стола, коротко сказал: «Прочту».

Поговорив о литературных делах и очередной рыбалке, я поехал домой, думал, как воспримет мой рассказ маститый писатель. Один за другим полетели дни, наполненные переживаниями о судьбе рассказа. Однако Корнилов молчал, и я стал подумывать, что рассказ забракован мэтром, но спросить не решился...

Мы продолжали рыбачить. Добирались до места рыбалки по отработанной схеме. Только теперь вместо «запорожца» у Корнилова появилась «Ока», которую он получил от государства как инвалид войны. Новенькая машина бойко катила нас к Сущеvu и занимала в гараже место снегохода.

После очередной рыбалки Корнилов вдруг глянул мне в глаза, сказал:

– Прочитал Ваш рассказ.

Наступила пауза. Я тихо спросил:

– Все плохо?

– Нет, почему же? Зайдемте ко мне домой. Я передам правленную рукопись, а потом после Вашей до- работки обсудим.

Мы поднялись в квартиру Корнилова. Владимир Григорьевич попросил Жанну Павловну принести полиэтиленовую папку и протянул ее мне, и мы попрощались.

Дома, не раздеваясь, вытащил из рыбацкого ящичка папку. Раскрыв ее, замер – вся рукопись была испещрена карандашными правками Корнилова.

Быстро перекусив, засел за рукопись и не вылезал из-за стола часа четыре. Всю неделю в свободное от работы время я работал, перекраивая слова и фразы, следуя указаниям Корнилова. В некоторых случаях не соглашался с его замечаниями и продумывал аргументацию своих суждений при встрече с писателем. Встреча состоялась.

Остановлюсь на сюжете рассказа. Отец с сыном поехали зимой охотиться на куницу. Время было трудное, перестроечное, и необходимо было зарабатывать деньги, чтобы хоть как-то прокормить семью. Отец оставил сына домовничать в охотничьей избушке, сам ушел с собакой в лес и, преследуя куницу, заблудился. Ситуация складывалась драматично для охотника. Выручила собака. Она прибежала к избушке и жалобно завывала. Будучи смышленным малым, сын понял, что отец в беде, побежал за собакой, которая привела его к замерзающему отцу. С помощью невероятных усилий вытащил он отца из заснеженного леса.

Кухта – это снег на деревьях, давящий на ветви, подгибающий мелколесье и порой ломающий даже толстые ветви. Корнилов посоветовал мне в худо-

жественной форме образно отразить трудные перестроечные времена, используя кухню как давление на охотника и общество, в котором он жил. Вот строки, которые я написал, следуя советам Корнилова: «Густо осыпала деревья кухня. В лесу тихо. Лишь заворчит в глухом сосняке ворон да по суши- не затарабанит дятел. К земле пригнула кухня елоч- ную молодь. Тряхнешь за вершинку, как пружины разогнутся мохнатые ветки, закачаются. Придавила кухня и вековые ели, поджала огромные мохна- тые лапы. Треснет ветвь, с шумом понесется вниз лавина снега и льда, закружится облако белой пыли. Вскочит испуганный беляк с лежки, пулей понесет- ся прочь, тревожно защебечут птахи. Не только вет- ви ломает кухня. “Трах-тара-рах”, – услышишь по- рою в лесу, присядешь от неожиданности. “Ух ты! Не черт ли возится?” Ближе подойдешь, увидишь упав- шее старое дерево – не выдержало снежного гнета. Стонет обледенелый лес!»

Как не вспомнить те тяжелые дни, когда полки ма- газинов были пусты и задерживали зарплаты! Однако и в трудные времена не нужно опускать руки. Окон- чание рассказа указывает, что беда осталась позади, и отец с сыном полны решимости преодолевать гря- дущие испытания.

Делая критические замечания по содержанию рас- сказа, Корнилов отметил и положительный эпизод, где был описан сон замерзающего в снегах охотника. Ему снилось, как подлетела запряженная в сани бы- страя тройка. В санях красивая дама сидит в куньем меху, приглашает охотника согреться и прокатить- ся. Когда сел охотник в сани, тройка птицей полете- ла по лесу. Потом вдруг остановилась. Приглашает дама погулять охотника по лесу. Охотник доверчи- во вылезает из саней. Пройдя с ним по лесной чаще, дама неожиданно превращается в куницу, стрелой взлетает на ель и прячется в густых ветках. Как опять не вспомнить те дни, когда нас обманывали, обещая хорошую жизнь, а наяву появились продуктовые кар- точки и задержка зарплаты. По мнению Корнилова, этот эпизод выпукло показывает драматизм проис- ходящего и усиливает художественность рассказа.

После длительного обсуждения Владимир Григо- рьевич рекомендовал рассказ к публикации. При об- щении с Корниловым я начинал понимать его тезис «творить человека».

Рассказ «Кухта» был высоко оценен Олегом Ки- рилловичем Гусевым – главным редактором замеча- тельного журнала «Охота и охотничье хозяйство» – и опубликован на его литературных страницах. Приятно отметить, что в журнале «Охота и охот- ничье хозяйство» печатались рассказы Виктора Аста- фьева, Ефима Пермитина, Андрея Скалона, Михаила Пришвина, Гавриила Троепольского, Юрия Нагиби- на и других писателей.

Позднее несколько своих рассказов я объединил в книгу под названием «Кухта» и подарил Корнилову.

Однажды Иван Григорьевич отошел на почти-тельное расстояние в надежде найти рыбное место. Я остался рядом с Корниловым. Неожиданно сзади послышался глухой звук. Оглянувшись, замер – Корнилов лежал на льду. Вскочив с ящика, побежал. Тревожные мысли роились в голове. Подбежав к Корнилову, окликнул его. Он лежал неподвижно. Помню, как застучало в висках. Я громче окликнул Корнилова. Через минуту он пошевелился, приподнял голову. Я протянул руку, помог подняться, усадил на рыболовный ящик. «Поскользнулся», – коротко произнес Корнилов. Я молча кивнул, и рыбалка продолжилась.

На Костромской разлив мы ездили, пока позволял лед. Однажды, помню, уже прилетели утки и гуси, смело рассаживались в полыньях, маячивших вдали от берега. Пронзительно горлана в поднебесье, сновали кулички, славили весну. Чайки, делая замысловатые пируэты, весело кричали. Где-то в стороне барашком блял бекас. Мы сидели недалеко от берега, где еще был лед, радовались приходу весны. Как сейчас помню: субботний денек выдался ясным, было тепло и уютно. Лед уже пожелтел, стал рыхлым, но мы не унывали, таскали из лунок окуней, ершей и сорожек.

– Ездить сюда становится опасным занятием, – огорченно сказал Владимир Григорьевич.

Чтобы взбодрить Корнилова, я предложил:

– Найдем другое место, где еще можно ловить.

Владимир Григорьевич улыбнулся, сказал:

– Такое место мне известно – это речка Покушка. Там лед еще позволяет ловить рыбку.

– А где она находится?

– Поедем по Красносельскому тракту. Я покажу, как ехать.

На следующий день у меня не было неотложных дел. Помню, я громко сказал:

– Не будем терять времени и завтра поедем.

В те годы племянник Дима учился в Костромском техникуме и жил у меня. В воскресенье мы прибыли с Димой к Корнилову и втроем поехали на Покушку. Когда прибыли на речку, помогли спуститься Владимиру Григорьевичу на лед, посадили на санки, устремились к маячившим вдали рыбакам. Помню, в тот раз мы хорошо половили ершей, окуней, сорожек и припозднились. На речке рыбаков уже не было. Глянув на берег, обмерли. Закраек его затопила вода. Мы поняли, что допустили оплошность, стали осторожно выбираться на сушу. Сначала приблизились к берегу, внимательно оглядевшись, заметили несколько досок, по которым выходили рыбаки. Идти по найденным доскам было опасно, но мы не унывали. Нашли еще несколько досок, связали их воедино и выбрались на сушу. Следует отметить, что Кор-

нилов умело руководил переправой. В его действиях угадывалась фронтовая жилка. Корнилов был спокоен, тверд и решителен.

Так продолжались дни, которые были для меня знаменательны общением с большим писателем, я у него учился и чувствовал, что потихоньку продвигаюсь вперед в литературном деле. Еще до знакомства с Корниловым я несколько лет писал книгу о своем деде Александре Павловиче Секованове, основавшем земскую школу в Ветлужском уезде Костромской губернии.

Меня поражала работоспособность Корнилова, увлеченность им писательским делом, и я стал брать с него пример. После общения с писателем стал интенсивней работать, каждый день садился за письменный стол. Закончив повествование о деде, привез рукопись Корнилову. Он положил ее на стол, сказал, что прочитает. И прочитал! Его отзыв был положительным.

Когда минуло десятилетие моих занятий литературой, на одном из писательских семинаров предложили вступить в Союз писателей России. Данное предложение воспринял с радостью. Однако нужны были три рекомендации от писателей для вступления в указанный Союз. Естественно, я обратился к Владимиру Григорьевичу, стал ждать ответа. Я знал, что он требовательный писатель и строгий критик. Стали тянуться дни. Однако где-то через неделю Корнилов пригласил меня домой и вручил рекомендацию следующего содержания: «По основной своей специализации Валерий Сергеевич Секованов программист-компьютерщик, преподаватель, доцент педуниверситета. В этом главная половина его жизни. Вторая половина его жизни связана с лесами, реками, охотничьими угодьями, где он родился, где сформировалась близость и любовь его к природе.

Именно эта вторая половина природы вовлекла его в литературу. В охотничьих рассказах, написанных им, не только пережитое в лесных походах с ружьем за плечами. Почти каждый его рассказ – боль за гибнущую от неразумного вторжения человека природу, гнев против хищников-хапуг, добывающих себе сытое благополучие за счет убийства всего живого, что может быть оплачено деньгами.

Рассказы, собранные в сборнике «Кухта», позволяющие видеть в В.С. Секованове уже сформировавшегося писателя со своим видением жизни, со своим образным миром.

Представляемая им вторая книга – документальная повесть о своем деде – сельском учителе, положившем начало династии педагогов, – вроде бы не претендует на художественное повествование, но есть в ней немало страниц, сцен, где присутствует писательское виденье человека и отношение его к окружающим миром.

Рекомендую и считаю возможным принять Валерия Сергеевича Секованова в члены Союза писателей России» (подпись под документом: 25.VII.2000 г. Корнилов В.Г. Член СП России, стаж 43 года).

Прочтя рекомендацию, я почувствовал, как радость заполняет грудь. Рекомендацию Корнилова бережно храню.

Будучи проницательным человеком, Корнилов не ошибся. Пожалуй, я не стал бы создавать рассказы, ежели бы не очутился с детства в объятиях прекрасной русской природы. Сначала сбор грибов, рыбалка на лесных речках, а позднее охота наполнили душу переживаниями и впечатлениями. Как прекрасен зимний лес, когда огромные ели покрыты шапками снега и от тишины звенит в ушах! Как приятно послушать в не сбросившем еще листву, в багрянец окрашенном осеннем лесу музыку гона или собирать в темных ельниках, смешанных с березняком, царские грибы грузди! Или пробираться весной в пред рассветную пору к глухарину току! Да разве все перечислишь.

Настал день, когда общение с природой переполнило душу, и я взялся за перо.

Общение с Корниловым продолжалось. К моему пятидесятилетнему юбилею Владимир Григорьевич подарил книгу. Он медленно встал из-за стола, подошел к полке с книгами, поразмыслив несколько минут, достал толстую книгу «Русские писатели о языке», вновь сел за стол, коротко написал: «Секованову Валерию Сергеевичу. Для пользы дела», добавив «декабрь 2001, Корнилов». Посидев молча с минуту, Корнилов протянул мне книгу, которую я с благодарностью принял.

Около десяти лет рыбачили мы с Корниловым. Был случай, когда я застудился на рыбалке и приболел. Когда поправился, Владимир Григорьевич и Иван Григорьевич подарили мне ватные штаны, которые согревали несколько лет на зимних рыбалках.

Я всегда проявлял интерес к науке и следил за ее развитием, непроизвольно увлекся новой дисциплиной – фрактальная геометрия, занялся ее изучением и решением научных проблем. Тема оказалась интересной, разрабатывая которую окунулся с головой в научные исследования и компьютерные эксперименты, поставил цель написать диссертацию. Однако предстояла кропотливая работа. Заведование кафедрой, работа над диссертацией занимали кучу времени, и выезжать на рыбалку стал реже. Корнилов, видимо, обижался, но вида не показывал. Я чувствовал его обиду, но сделать ничего не мог. Оппоненты и рецензенты, от которых приходилось отбиваться, одолели меня. Но все-таки я урывками рыбачил с Корниловым.

Отец подарил мне русский джип «Нива». Машина хорошо шла и по снегу, и по грязи. Однако был недо-

статок. Она имела всего две двери, и погрузить весь рыбацкий скарб было проблематично. Однако Владимир Григорьевич нашел выход.

Когда прибыл к Корнилову, он сел в машину, велел ехать к гаражу. Я подчинился. Иван Григорьевич пошел следом за машиной. Когда подъехали к гаражу, Корнилов медленно открыл его, сказал:

- Забирайте багажник.
- Зачем?
- Разгрузим салон машины.
- Багажник дорогой.
- Дарю.

Спорить не имело смысла, я вытащил багажник из гаража.

- Прикручивайте к крыше, – потребовал Корнилов.

Я взял ключи, и вместе с Иваном Григорьевичем мы стали крепить багажник к крыше машины. Когда прикрутили его болтами, закрепили в багажнике два рыбацких ящика и ледобур.

- Молодцы! – похвалил Корнилов.

Багажник нам действительно помог размещать рыбацкие принадлежности – в кабине стало просторней, что благотворно сказывалось на нашем настроении и комфорте. Когда рыбалка со льда закончилась, я сказал Корнилову, что пора возвращать багажник на прежнее место в гараж. Владимир Григорьевич отмахнулся. Я повторил свое предложение.

– Дарю, – вновь сказал Корнилов и перевел разговор на другую тему.

Не могу не рассказать, уважаемый читатель, какую добрую службу сослужил мне подаренный Владимиром Григорьевичем багажник, который так и оставался на крыше «Нивы».

Дело было в зимние каникулы. Мы с племянником Димой поехали в Поназыревский район – на малую Родину. На воле стоял крепкий морозец. Шоссейная федеральная трасса была сухой, и машина быстро докатила до Поназырева. Мы свернули с шоссе и проехали поселок. Потом опять выехали на шоссе, но уже местного значения. Через несколько километров асфальтовая дорога закончилась, и мы покатали по грунтовке. На воле морозец усилился. Дорогу слегка припорошил пушистый снежок. Предчувствуя скорый конец нашего путешествия, я расслабился, представив, что при встрече с родителями на столе будут пельмени и водочка.

Впереди замаячила низина. Допустив оплошность, я непроизвольно нажал на газ. В низине неожиданно машину закрутило. Я пытался выровнять «Ниву», но сделать ничего не смог. После очередного виража машину выбросило на обочину дороги. Я успел только крикнуть: «Димка, держись!» В следующий момент машина вздыбилась на обочине дороги и полетела в глубокий кювет. При падении «Нива» перевернулась через крышу и встала на колеса. Никогда

не забуду, как в момент удара бились стекла, раздавался зловещий скрежет. Все рушилось, а я ничего не мог сделать. Когда наступила пронзительная тишина, мы с племянником кое-как выбрались из машины, преодолев шок, вылезли на дорогу. Низиной оказалась припорошенная снегом большая замерзшая лужа, на которой машину начало крутить... Замечательно, что при перевороте через крышу первый удар пришелся на багажник, который смягчил удар по крыше. В результате крыша прогнулась незначительно, и ни я, ни племянник не получили травмы головы, которая при отсутствии багажника могла быть опасной. Осознав происшедшее, я воскликнул: «Спасибо за подарок, Владимир Григорьевич!»

Прошло много лет, а я этот случай помню, включая каждую мелочь, память словно сфотографировала наполненный драматизмом эпизод.

Часть II

Остановлюсь на биографии выдающегося писателя, наградах, отзывах о его произведениях и воспоминаниях друзей, соратников, учеников и коллег.

Родился В.Г. Корнилов в 1923 г. Участвовал в боях Великой Отечественной войны. Имеет правительственные награды. Был трижды ранен. После тяжелого ранения в 1944 году лишился обеих ног. Но он нашел в себе силы продолжать служить Отечеству. Закончил литературный институт им. М. Горького, стал писателем.

Первые его книги – «Лесной хозяин», очерки «О людях хороших и разных», «Мартовские звезды». В Костроме В.Г. Корнилов пишет трилогию «Семигорье», «Годины», «Идеалист», цикл очерков, повесть «Искра» и др.

Однофамилец Корнилова, сотрудник Костромской универсальной научной библиотеки Павел Корнилов отмечает (Литературный альманах. Кострома, 2021. № 4. С. 198): «Говорю совершенно откровенно, никогда не пытаюсь дать ответ за него. Робею. Во-первых, он не терпел приблизительности. Был строг к словам и формулировкам, а его формулы не были мне близки. Во-вторых, ход его мыслей если и предугадываем, то не воспроизводим в полной мере; потому что он всегда был репликой художника, а значит, крайне индивидуальным и стилистически неподдельным. А в-третьих, фразы в первом лице, пусть произнесенные от его имени, только мешают волшебной работе памяти. В ней он сохраняется, каким был: сильным, упрямым, часто жестким, талантливым, резким и безапелляционным. Но бесконечно притягательным человеком. В приведенном наборе односложных характеристик ключевым словом оказывается “сильный”. Корнилов был СИЛЬНЫМ».

Как отмечает профессор КГУ Юрий Владимирович Лебедев (Литературный альманах. Кострома,

2021. № 4. С. 185), Владимир Григорьевич Корнилов не согласен с теми писателями и литературными теоретиками, которые, ограничив задачи литературного творчества познавательной стороной, считают достаточным, если литература дает верную информацию об увиденном и услышанном в действительной жизни. У настоящей литературы более высокое призвание: она не столько отражает, сколько преобразует жизнь в свете высокого идеала. И главное ее назначение – «творить человека». Ю.В. Лебедев отмечает, что писатель вдруг понял, что переносить действительность как она есть в литературу – занятие бессмысленное: живая жизнь оказывается всякий раз богаче любой, даже тщательно выполненной точной ее копии.

23 августа 2002 года вышла газета «Культура», содержание которой посвящено памяти В.Г. Корнилова. На первой странице отмечается: «Очередной номер «СП-Культура» посвящается недавно скончавшемуся известному в России писателю Владимиру Григорьевичу Корнилову. Фронтвик, лишившийся на войне обеих ног, он, как исполин, встал над обстоятельствами. «Наш Маресьев», – звали его многие костромичи. И они были правы. Его жизнь – это ежедневный подвиг. Он создал областную писательскую организацию, которую возглавлял около тридцати лет. За это время подготовил к вступлению в Союз писателей десятки человек. Работа с творческой молодежью была одной из главных в деятельности писателя».

Приведем несколько воспоминаний друзей, учеников, соратников и коллег В.Г. Корнилова, напечатанных в указанной выше газете.

Татьяна Бурдина: «Каждый читатель ищет своего писателя. И даже самый благодарный, самый “всеядный” из нас предпочитает немногих многим. Впервые я открыла для себя Корнилова в студенчестве: романы «Семигорье» и «Годины» потрясли распахнутостью мечущейся души молодого человека, становление и мужание которого пришлось на предвоенные годы и пору военного лихолетья. ...Книги Корнилова заставляют думать. Не только потому, что они философского направления. Они очень убедительны жизненной правдой, донесенной читателю в результате напряженных раздумий, осмысления собственной судьбы, судьбы поколения, судьбы страны».

Владимир Максимов: «Он [В.Г. Корнилов] был образцом редкого трудолюбия, мужественной стойкости, несмотря на все свои недуги.

Следует отметить, что рядом с ним шла его верная подруга, жена Жанна Павловна. Она помогала Владимиру Григорьевичу, печатая на машинке его произведения, подсказывая своими советами, чутким женским сердцем, поддерживая его в трудную минуту».

Владимир Старателев: «Владимир Григорьевич прекрасно организовал свою жизнь. Эта жизнь была

подчинена литературному труду. Результаты труда перед нами. Они свидетельствуют о виде на жизнь. Они как бы говорят: поступайте, как я, и у вас получится.

Писатель-мессия. Таким, мне кажется, был Корнилов. Он пришел в мир с целью улучшить его, оздоровить, сделать человечнее. “Утверждать человеческое в человеке”, – вот коронная фраза Корнилова. Фраза, по поводу которой можно даже поспорить, но, по крайней мере, она проста и понятна, а нравственный смысл очевиден».

Владимир Григорьевич писал медленно, выверял каждую фразу по нескольку раз, неустанно шлифовал слова будущего рассказа, повести или романа. Евгений Степаненко выпукло выразил в данной газете отношении Корнилова к писательскому делу: «Как-то в разговоре Владимир Григорьевич Корнилов заметил, что если ты сделал дело быстро, но плохо, то люди будут помнить, что ты сделал плохо, но не будут помнить, что сделал быстро. Если же ты делал дело долго, но хорошо, то люди забудут, что делал долго, но будут помнить, что сделал хорошо».

Мысль эта как нельзя емко характеризует отношение к писательскому делу самого Владимира Корнилова. Подумать только: почти восемьдесят лет прожито, а книг написано – на одной руке хватит пальцев, чтобы перечесть. Десятилетия пролегают между ними».

Василий Травкин: «Многими благородными качествами человека с большой буквы наградила природа писателя Корнилова. Что ни грань характера – все выверено, все имеет четкую завершенность... Мы лишились прошедшего огненную закалку фронтового бойца за справедливость жизни, мы потеряли своего защитника. Образовалась еще одна пустота на земле, но зато зажглась новая звезда на небе – звезда Корнилова».

Татьяна Иноземцева: «Владимир Григорьевич никогда не оправдывал свои поступки любимой ныне многими фразой: “Не мы такие, жизнь такая”. Он не опускался до унижения быть ведомым в этой жизни, он был ведущим. Влиять на жизнь, формировать ее имеют моральное право лишь люди с чистой и богатой душой. Корнилов это право имел. Может быть, поэтому нам его теперь так не хватает».

Генрих Гарнов: «Человеческий, нравственный и литературный подвиг Владимира Григорьевича Корнилова невозможно переоценить. Вспомним и повторим мысли мудрых: “Не говори, что их уж нет, а с благодарностью – были”. Будем же и мы благодарны и признательны судьбе, которая одарила нас возможностью знать, встречаться, общаться, читать книги талантливого российского самородка Владимира Корнилова».

Тамара Дедкова: «...Мы с Игорем всегда относились к Владимиру Григорьевичу с огромным ува-

жением и почтением. К его фронтовому прошлому, ко всем его делам и трудам, его жизненному подвигу. Восхищались его жизнеспособностью и тем, что он не признавал никаких скидок для себя, хотел, чтобы жизнь была наполнена всеми радостями: охота, рыбалка, лыжи, деревня. И все это ему удавалось.

С Владимиром Григорьевичем из Костромы уходит целая эпоха. Годы становления писательской организации, литобъединений, литераторских семинаров, “круглых столов” и проч. Этой эпохе уже никогда не повториться. Думаю, многие и многие сохраняют светлую память о нем.

Правда, этот писательский всеобуч не всегда приносил добрые плоды, некоторые переоценивали свой талант и сейчас понапрасну считают себя всамделишными писателями. Ну, да от этого, кажется, не остережешься. Знаю, что Владимир Григорьевич все это остро переживал...»

Семейство Бондаревых: «Дорогая Жанна! Известие о смерти всегда потрясает, и нет тут никаких успокоительных слов: все слова, все утешения кажутся ничтожными, так как изменить ничего нельзя. ... Остается лишь память и то, что человек успел сделать на земле. Володя же сделал много, оставил после себя Слово, предначертанное его биографией и судьбой. Он был человеком героического склада, ему было свойственно долготерпение и преодоление самого себя, что является редким качеством среди рода человеческого. Я думаю, что он часто вспоминал солдатское “держаться!” И я сейчас вспоминаю это слово, думая о тебе, милая Жанна. Надо держаться, держаться, держаться! Ты мудрая и мужественная женщина – и понимаешь это. Крепко обнимаем и целуем тебя, семейство Бондаревых. Твои Юрий и Валя».

Отметим основные награды и звания В.Г. Корнилова: Государственная премия РСФСР имени М. Горького (1985) – за романы «Семигорье» и «Годиный» (Премия передана на нужды библиотеки села Б. Сандогора Костромского района Костромской области, ныне носящей его имя), три ордена Отечественной войны I степени, орден Дружбы народов, орден «Знак Почёта», более 16 медалей и почетных грамот.

В 1998 году ему было присвоено звание «Почётный гражданин Костромы». В.Г. Корнилов обладал областной премией «Признание», являлся членом Совета старейшин – Высшего творческого совета Союза писателей России.

В.Г. Корнилов создал и более 27 лет возглавлял Костромскую организацию Союза писателей России, всячески поддерживая и воспитывая целое поколение костромских прозаиков и поэтов. Автор 24 отдельных литературных публикаций и переизданий, а также более ста публикаций в СМИ. В.Г. Корнилову посвящено более 75 прижизненных и более полутора десятков посмертных публикаций в СМИ.

В соответствии с действующим законодательством Костромской области имя В.Г. Корнилова присвоено: Сандогорской сельской библиотеке имени В.Г. Корнилова – филиалу № 19 муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система Костромского района», расположенной по адресу: Костромская область, Костромской район, с. Б. Сандогора, ул. Центральная, д. 4; библиотеке № 5 имени В.Г. Корнилова муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система города Костромы», расположенной по адресу: г. Кострома, микрорайон Якиманиха, д. 18.

В 2009 году в интернет-голосовании «Имя земли Костромской», проводимом Комитетом по делам молодёжи Костромской области в преддверии 65-летия создания Костромской области, имя писателя В.Г. Корнилова одержало убедительную побе-

ду, опередив ближайшего соискателя (Ивана Сусанина) на 35 голосов.

Произведения В.Г. Корнилова рекомендованы к изучению в учебных заведениях Костромской области.

Заканчивая повествование, отмечу, что такие выдающиеся личности, как В.Г. Корнилов, являются образцом бескорыстного служения своему Отечеству. В конце жизни Корнилов сказал: «Я сделал все, что мог. Пускай сделают то же другие».

Я глубоко убежден, что равнение нашей молодежи на такую личность, как Владимир Григорьевич Корнилов, приведет к процветанию России, ее мощи и величю!

Статья поступила в редакцию 04.03.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 04.03.2023; accepted for publication 02.05.2023.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях. Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

© Vladimir A. Smirnov, 2019.

Affiliation(s), Moscow, Russia

Name of the article

Information about financing (links to grants, etc.) is indicated after the title of the article in italics

Abstract: 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

Information about the author:

E-mail:

Article received: August 08, 2019.

Published:

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. XX–XX (In Russ.). DOI:

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
статьи Текст статьи... [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотоснимков и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 2, № 4, pp. 457–506. (In Russ)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы и законодательные материалы также оформляются в виде примечаний.

Архивные материалы:

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Законодательные материалы:

Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 нояб. 1992 г: (в ред. от 21 июля 2005 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов (**н.п.**) В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божиллов И., Тотоманова А., Билярски И. Бориллов синодик. София: Паблшинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит, 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn* and Plautus' *Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет). Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 с. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 332 с
Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “*Gorestnaja profanacija*” (*Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe*) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoričeskij sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Непомнящий В.С. *Pushkin v svete očevidnosti* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Слостенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Ermkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskiy mifo Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo»*. *Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). *Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!*
3. Кавычки в тексте – елочки « », если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “ ”.
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. *Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.*
5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).
Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).
6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)
7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.
8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2023 – Т. 29 – № 2

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственной университет»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Реестровая запись: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 08.09.2023.
Дата выхода в свет 05.10.2023.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 31,0.
Уч.-изд. 32,2 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 157.

Подписной индекс: **18902**

Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22.**
Адрес электронной почты: **vestnik@ksu.edu.ru**
Сайт журнала: **<https://vestnik.ksu.edu.ru>**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна